

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПРОЗА

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД • 1972

Редакционная коллегия

А. М. АСТАХОВА, В. Г. БАЗАНОВ, В. Е. ГУСЕВ,
А. Д. СОЙМОНОВ, С. Н. АЗБЕЛЕВ (ответственный редактор)
Отв. секретарь Е. И. КОСТЮЧЕНКО

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск ежегодника «Русский фольклор» посвящен прозаическим жанрам. В нем обсуждаются общие проблемы классификации, исследуются предания, легенды, сказания, устные рассказы, разнообразные как в тематическом отношении, так и в хронологическом (начиная от древнейших эпох и вплоть до современности). Авторы этих статей основываются главным образом на новых записях и на привлечении малоизвестных текстов. Статьи о сказках посвящены их структуре, их взаимодействию с литературой, воздействию на них среды бытования. Исследуются также пословицы и устные заговоры. Значительное внимание уделено сведениям об экспедиционной работе в Советском Союзе и об изучении прозаического фольклора за рубежом.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПРОЗА. РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР, т. XIII

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР

Редактор издательства А. Л. Лобанова
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры К. И. Видре, Э. В. Коваленко и В. А. Пузиков

Сдано в набор 24/V 1972 г. Подписано к печати 9/X 1972 г. Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 19^{3/4} = 27,65 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 29.15. Изд. № 4665. Тип. зак. № 1109. М-51045. Тираж 3000. Бумага № 1. Цена 1 р. 98 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука».
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, 9-я линия, д. 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к прозаическому фольклору значительно возрос и в советской, и в мировой науке. Если сказки, в особенности волшебные, изучались давно и результативно, то жанры, которые за неимением более удачного термина мы называем несказочной прозой, оставались, вплоть до недавнего времени, как бы на периферии исследовательских интересов фольклористов. За последние годы у нас и за рубежом появился ряд серьезных работ и в этой области. Исследования народной прозы занимают все более заметное место в наших фольклористических сборниках, а доклады по этой тематике — на наших конференциях. С 1959 г. существует Международное общество исследователей народных рассказов, деятельность которого посвящена почти исключительно изучению фольклора прозаического. В 1969 г. оно провело свой пятый конгресс, в работе которого приняла участие значительная делегация фольклористов Советского Союза. Эффективный международный обмен исследовательскими идеями возникает прежде всего на основе глубокого изучения «собственного» материала в каждой стране. Исследование прозаических жанров русского фольклора в целом уже достигло той степени интенсивности и того размаха, когда выпуск специального академического сборника представляет насущную необходимость. Этим и было обусловлено соответствующее решение редколлегии ежегодника «Русский фольклор». Профиль данного выпуска определялся его названием — без намерения ограничить состав сборника какой-либо более узкой темой. В нем представлены более или менее равномерно все направления научных интересов в данной области, и книга в целом отражает современное состояние этого раздела фольклористических исследований в нашей стране.

Одна из важных проблем, вызывающая больше всего дискуссий и у нас, и за рубежом, — проблема систематизации. Если для сказок давно существует несовершенная, но привычная система А. Аарне — С. Томпсона, приспособленная специально к русскому материалу Н. П. Андреевым, то для других жанров подобной международной системы нет. Есть свои опыты, более или менее удачные, в ряде стран, есть самая общая схема для общеевропейской каталогизации, выработанная на международном совещании в Будапеште в 1963 г. Применительно к русскому материалу детальной систематизации несказочной прозы пока не создано.

Продолжается и будет еще продолжаться обсуждение принципов классификации на уровне жанров и внутрижанровых групп. Этому прежде всего и посвящены статьи, открывающие настоящий сборник. Пока только жанр преданий трактуется почти всеми более или менее сходно, хотя остаются порой значительные расхождения и в исходных принципах деления, и в отнесении к этому жанру конкретных текстов. Существует три разных определения жанра легенды (все они отразились в разных статьях сборника); одни исследователи считают былички совершенно

самостоятельным жанром, другие — нет; одни считают рассказы, основанные на личных воспоминаниях (мемораты), материалом полуфольклорным, другие — одним из фольклорных жанров; третьи выделяют на стыке этого материала и преданий жанр сказов и т. д. Только на первый взгляд может показаться, будто обсуждение, в котором за сравнительно длительное время все еще не достигнуто единство мнений, малорезультативно. Материал слишком обширен и в целом слишком слабо еще изучен. Не так просто найти наиболее точно отвечающие специфике всего этого материала единообразные исходные признаки для классификации. Предпринимаемые в этом направлении поиски дают полезный результат, когда они опираются не только на общие соображения, но и на проработку большого числа реальных текстов.

При всей важности в настоящее время проблем классификации сама по себе классификация — лишь необходимый инструмент изучения фольклора, существующего реально в виде конкретных произведений. Исследования отдельных сюжетов, выполняемые на уровне современных требований, опираются на все доступные варианты. Разумеется, это не только максимально приближенные к устным оригиналам современные записи, но и записи-пересказы, простые регистрации произведения и средневековые его фиксации и обработки, дошедшие в рукописной традиции. История фольклорного сюжета выясняется на основе сравнительно-исторического изучения всех этих текстов с учетом их хронологических и географических координат, когда они поддаются установлению. Требованиями этого рода давно руководствовались авторы монографических исследований сказочных сюжетов. В применении ко многим произведениям не сказочной прозы, в особенности к преданиям, сказаниям и легендам исторической тематики, необходимо еще и выяснение исторической основы.

Конечно, предпосылки и конкретные пути возникновения и эволюции произведения бывают достаточно сложны, историческая основа его, строго говоря, вообще не может быть сведена к одному событию. Но в тех случаях, когда удастся разыскать независимые от изучаемого произведения исторические свидетельства, сопоставительный анализ помогает выяснить основные контуры исходного исторического факта. Это существенный материал для восстановления истории отталкивавшихся от него устных текстов (интересный в тем большей степени, чем более этот факт оказывается удален от времени и места их фиксации). Исследования подобного рода, проведенные на значительном количестве сюжетов, позволят выявить некоторые общие закономерности, т. е. дадут ключ к выяснению истории других сюжетов, о фактической основе которых нет данных, кроме тех, которые заключены в изучаемом произведении.

При большом числе разновременных записей или при большом их географическом рассеянии одно только выявление и сравнительное изучение текстов вырастает в самостоятельную и порой весьма сложную задачу. Если оно позволило обоснованно расклассифицировать варианты на уровне сюжета, выяснив генетические соотношения установленных его разновидностей, то это — результат, создающий текстологическую базу всей дальнейшей работы. Несколько статей настоящего сборника представляют в своей основе текстологические исследования произведений, история каждого из которых насчитывает несколько столетий.

Иного рода задачи встают при изучении текстов, время записи которых отдалено от исходных исторических фактов всего одним-двумя десятилетиями и когда об этих же фактах есть современные им и достаточно подробные документальные свидетельства. Перед исследователем в деталях раскрывается стадия зарождения устного произведения, на-

чальный процесс фольклоризации рассказов очевидцев и участников событий. В нашем сборнике он прослежен на материале Великой Отечественной войны. Во многом сходные результаты дает произведенное в следующей статье сопоставление новейших записей рассказов разных очевидцев об одних и тех же событиях более чем полувековой давности. Здесь еще более определенно прослеживается взаимодействие таких рассказов с традиционным фольклором.

Устные рассказы рассматриваются в этих статьях и с точки зрения их композиционной структуры. Структуральный анализ фольклорных произведений (на разных уровнях) получил широкое распространение в самое последнее время, хотя начало ему было положено более сорока лет назад книгой В. Я. Проппа «Морфология сказки». Вышедшая в СССР вторым изданием в 1969 г., эта книга остается отправным пунктом дальнейшего изучения структуры волшебной сказки, в частности — помещенной в нашем сборнике работы, автор которой предлагает свою структурную модель сюжетов волшебных сказок. К данной проблематике непосредственно примыкает и разработка вопроса о творческой природе контаминаций сказочных сюжетов.

Достаточно известно, что конкретные условия бытования постоянно накладывают свой отпечаток и на волшебную сказку, и на сатирическую. Но проследить этот процесс в его живых проявлениях на значительном отрезке времени или на значительном по разнообразию материале удавалось не часто. Между тем проблема имеет ряд аспектов, среди которых существенное место занимает взаимодействие фольклора и литературы. Если изучение сказки стоит в центре статьи, посвященной взаимодействию этой сказки с рукописной повестью, то правомерен и иной поворот аналогичной темы, когда в центре исследования оказывается процесс творчества писателя, опиравшегося на материал народной легенды. Привлечение фольклора историками — в частности использование ими преданий, легенд, пословиц — проблема, наиболее тесно связанная с изучением его историзма, предпринятым с позиций фольклористических. И сами пословицы, изучаемые здесь в их историческом развитии, и устные разговоры, взаимодействовавшие, как теперь выясняется, не только с древними эпическими жанрами, но и с лирической песней, — это тот смежный материал, который смыкает проблематику сборника с изучением жанров собственно поэтических.

Движение научной мысли тормозится, когда отсутствуют новые частные разыскания, вводящие неизвестные данные в науку или проверяющие на новых фактах полученные ранее выводы. Регулярная публикация посвященных этому сообщений и заметок, регулярное информирование о новых записях и полевых наблюдениях, о результатах исследовательской и публикаторской работы в Советском Союзе и за рубежом необходимы для эффективности любого участка фольклористики. Особенно — участка, сравнительно молодого и быстро растущего, каким является специальное изучение народной прозы во всем ее разнообразии.

За время издания этого тома наша наука понесла весьма тяжелые утраты. Среди ушедших крупнейшие специалисты в области русского фольклора В. Я. Пропп и А. М. Астахова. Отдавая должное светлой памяти учителей и старших товарищей, необходимо стремиться на деле следовать примеру их стойкости и бескорыстия в служении отечественной и мировой науке. Необходимо поддерживать завещанный их трудами высокий уровень фольклористических исследований, изданий текстов и собирательской работы.

С. Азбелев

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АНИКИН

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В ЖАНРАХ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ

(К ОБЩЕЙ ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

На памяти у всех фольклористов время, когда понятия «сказка» и «устная проза» отождествлялись. Сказкой считали любое прозаическое произведение — предстояло лишь выделить внутри таких «сказок» разные виды: в число их включались и предания, и сказы, и былички, и легенды, и бывальщины. Новейшая научная мысль отвергла расширительное понимание сказки и стремится уяснить различия между жанрами устной прозы.¹ Этому стремлению исследователи нашли поддержку в высказываниях некоторых прежних ученых, которые еще в первые десятилетия нашего века и даже в XIX столетии задумывались над различием жанров устной прозы.² Нельзя сказать, что теперь это различие уже нашло точное определение, но необходимость его установления осознается всеми. Всякий вопрос, касающийся устной прозы, по необходимости, хотя бы в рабочих целях, должен решаться с учетом различия ее жанров. Тем более это необходимо сделать при рассмотрении нашей темы — об объеме и характере собственно эстетического содержания и художественных форм в произведениях, стоящих на грани искусства и других видов духовной деятельности народа. Целью небольшой по объему статьи не может быть детальное освещение вопроса. Для статьи будет достаточным, если она наметит пути изучения самой проблемы и покажет, в каком направлении изучать жанры несказочной прозы, оставаясь в пределах исследования фольклора как искусства. Другие для этих жанров безусловно более важные аспекты изучения — дело этнографов, историков религии, психологов, историков социальной мысли народа.

¹ В. Я. Пропп. Принципы классификации фольклорных жанров. — СЭ, 1964, № 4, стр. 147—155; К. В. Чистов. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964; С. Н. Азбелев. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров). — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, стр. 5—25; В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. Л., 1967, стр. 114—123, и др.

² См., например: Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908, стр. XXX. — Здесь дано четкое отличие народных «рассказов из области чудесного» от легенд и «настоящих сказок» (стр. XXXIV). Братья В. и Ю. Соколовы во вступительной статье («Сказочники и их сказки») к своему сборнику выделили «быличку» в особое образование, но, считая сказкой «всякий устный рассказ, сообщаемый слушателям в целях занимательности» (Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. LVI), причисляли и ее к таким «сказкам» (стр. LVII, LVIII—LX). О разнообразии состава народной прозы писал А. Н. Пыпин (см.: А. Н. Пыпин. О русских народных сказках. — Отечественные записки, 1856, т. CV, кн. 4 и 5); см. также: А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. III. Изд. 4-е. СПб., 1911, стр. 163, и пр.

Состояние изученности проблемы делает неизбежным некоторое отклонение от темы в сторону уяснения общей специфики жанров. В условиях царящего разноречия в этих вопросах освещение побочных тем вынужденное.

1

Общепринятого определения жанра преданий еще нет. Тем не менее указано несколько признаков, по которым практически узнается этот жанр. Во-первых, предания говорят о достоверных памятных событиях истории, о деяниях реально живших людей, о происхождении названий реально существующих или существовавших городов, сел, урочищ. Во-вторых, для предания характерна известная ретроспективность, обращенность в прошлое. Ретроспективность как жанровое свойство преданий очень важна: она предопределяет в них особый угол зрения на прошлое с позиций более поздних времен. В-третьих, предание дает объяснение или пояснение причин каких-либо событий, какого-нибудь реального факта — собственно этим и обуславливается существование преданий. Большинство ученых считает, что предание — это широко известный в народе устный эпический рассказ с установкой на правдоподобное объяснение реальных фактов прошлой истории, быта, названий отдельных местностей. Предание устремлено к объяснению реальных фактов, — и хотя оно нередко обращается к вымыслу и обретает при передаче из уст в уста форму, не чуждую поэтических подробностей, а иногда и общую вымышленную интерпретацию жизненного материала, но и вымысел, и поэтические подробности всегда здесь служат объяснению реальных фактов, передаются и воспринимаются как правдоподобие. Народ пребывал в твердой уверенности, что все, о чем говорят предания, было в действительности. Для него они не сказочный вымысел и не поэтическая условность. Другое дело, что объективно предание бывало поэтической выдумкой. Работа фантазии и поэтическая интерпретация фактов в преданиях — форма бессознательно-художественного отражения реальности. Так как предание сориентировано на воспроизведение достоверной реальности, то поэтические элементы в нем лишь часть повествования, которая органически соединяется с объяснением реальных фактов. Впрочем, это свойство не есть исключительная принадлежность преданий: оно присуще и всем другим жанрам несказочной прозы, но в каждом отдельном случае проявляется по-особому.

В преданиях разного типа элементы бессознательно-художественного творчества обнаруживают себя сообразно специфике типа. Среди преданий выделяются две большие тематические группы: *исторические* (в собственном смысле) — предания о памятных событиях и деятелях прошлого — и *топонимические* — предания об основании разных городов, о происхождении их названий, названий урочищ, гор, рек, озер. Конечно, в известном смысле все предания историчны. Все же оправдано выделение собственно исторических преданий: они говорят о событиях в общественной жизни, о деяниях исторических лиц.³

³ Попытку выделить среди исторических преданий более дробные группы сделала В. К. Соколова; см.: В. К. Соколова. О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия). — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, стр. 248—273. — В частности, автор указывает на существование «легендарных преданий». Предания этого типа другой исследователь К. В. Чистов считает «легендами»; см.: К. В. Чистов. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд (методологические вопросы). — Там же, стр. 318—335. —

Существуют и другие классификации. В свое время А. И. Никифоров разделил предания на три группы: мифические — рассказы о богах, небе, душе, нечистой силе, святых и пр.; натуралистические — о происхождении растений, животных, рыб, о чудесных животных: одноглазых, псоголовых, о фантастических животных и пр.; исторические. Исторические в свою очередь оказались разбиты на следующие подгруппы: географические предания — те, которые точнее именовать топонимическими, так как они объясняют происхождение географических названий; предания о вещественных памятниках: о кладах, монастырях, могильниках и пр.; предания об обычаях и обрядах народа; предания о подлинно исторических событиях — о войнах и нашествиях, об исторических лицах; предания о генеалогии народностей, и, наконец, предания о полезных ископаемых.⁴ Эта классификация полезна не принципами деления, а самим охватом материала. Понятие жанра предания было истолковано А. И. Никифоровым необычайно широко. В так называемые «мифические» предания он включил рассказы о боге и святых, т. е. легенды, а также рассказы о нечистой силе — былички. Что касается «натуралистических» преданий, то самое их выделение не несет в себе ошибки. Правда, в русском фольклоре их уцелело немного, и поэтому вряд ли оправдано отнесение их к отдельной группе. Кроме того, эти предания у нас по большей части соединились с жанром легенды. Такие устные рассказы, как правило, завершаются этиологическими концовками. К натуралистическим преданиям Никифоров без основания причислил и легенды об одноглазых и псоголовых людях. Так что собственно предания составляют только одну рубрику «исторических» преданий.⁵

Возможность вымышленной бессознательно-художественной интерпретации реальности в исторических преданиях открывалась при смещении фактов и событий в процессе устной передачи. Это явление не случайность — оно систематично. Опыт недавнего собирания преданий у казаков-некрасовцев, потомков тех, кем руководил Некрасов, сподвижник и продолжатель дела Кондратия Булавина, вождя антифеодалного движения на Дону, показал, что предания охватывают все исторические этапы жизни и борьбы непокорных казаков: от восстания на Дону в 1707—1708 гг. до возвращения на Родину из долгой эмиграции в XX в.⁶

Можно предполагать, что не было ни одного сколько-нибудь известного деятеля Руси, памятного события, которые бы не оставили следа в преданиях. Именно к этому фольклору в большей степени, чем к какому-либо другому, относятся крылатые слова, сказанные академиком Б. Д. Грековым об «истории, рассказанной самим народом».⁷ Все предания изобилуют анахронизмами. Каждое предание стремится к обобщенным историческим оценкам и к такой подаче фактов, какая запечатлена симпатиями или антипатиями рассказчиков. В одном из преданий о Некрасове

Оговорка К. В. Чистова на стр. 318 «легенды современны событиям, а предания — это рассказы о прошлом» не устраняет различного понимания материала. Вообще жанровую классификацию следует строить на всей совокупности признаков содержания и формы прозы — тогда откроется возможность избежать противоречивой оценки материала.

⁴ А. И. Никифоров. Предания. — Литературная энциклопедия, т. 9. М., 1939, стр. 238—239.

⁵ Информацию о новейших работах, посвященных международной классификации преданий и легенд, см. в статье: С. Н. Азбелев. Проблемы международной систематизации преданий и легенд. — Специфика фольклорных жанров. (РФ, вып. X). М.—Л., 1966, стр. 176—195.

⁶ Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961, стр. 20 и сл.

⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1939, стр. 5.

рассказано, как карательный отряд царя Петра расправился с казаками и как восставшие убили князя Долгорукого. Потомки казаков-некрасовцев, поведав об этом эпизоде мятежного выступления против царя, приписали убийство Долгорукого Некрасову. Между тем известно, что Долгорукого убил Булавин. Комментируя этот факт, собиратель Ф. В. Тумилевич пишет: «<...> вымысел обусловлен многими причинами. И в первую очередь той, что К. Булавин не был последовательным выразителем желаний крепостного крестьянства, голутвенного (бедного) казачества и рабочих людей, т. е. тех участников, которые были движущей силой восстания. Игнат же Некрасов опирался как раз на эти силы народа...».⁸

Бывали смещения фактов, обобщенные оценки и противоположного свойства, если предание попадало в среду людей, чье мировоззрение несло на себе печать сословно-классовой вражды к деятелям народного движения. Д. Н. Садовников записал в Поволжье предание, «объяснившее», почему Разин потерпел поражение от царских войск: «Симбирск Стенька потому не взял, что против бога пошел. По стенам крестный ход шел, а он стоит да смеется: „Ишь чем, — говорит, — испугать хотят!“ Взял и выстрелил в святой крест. Как выстрелил, так весь своей кровью облился, а заговоренный был да не от этого. Испугался и побежал».⁹ Ежегодно в церквях по всей России имя предводителя восставших крестьян и казаков предавалось анафеме, и ряд преданий отразил представление о Разине как о еретике и отступнике от христианской веры. О Разине, разумеется, помнили и по-другому. Этнограф С. М. Пономарев в статье «Что поет про себя Приуралье» писал: «Переселенцы из Уфимской губернии глубоко убеждены, что Степан Разин замурован в Оренбургской городской стене... Поселок Переволоцкий, по преданию местных жителей, получил наименование от того, что сюда переволокся Разин на кошме. Самая Волга усыпана курганами героя песен и легенд. А холмы Заволжья говорят народу о нем же».¹⁰ Народная память хранила добрую славу о предводителе восставших и связала с его деяниями названия ряда мест в Поволжье. Одно из таких преданий гласит: «За Волгой, на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тоё трубку покурит, станет заговоренный, и клады ему дадутся, и все; будет словно сам Стенька. Только такого, смелого человека не выискывается до сей поры».¹¹ Изучение преданий вводит в область исследования мировоззрения, пристрастий, социальных оценок самых разных слоев народа. Это изучение одновременно открывает пути для уяснения социального характера того бессознательно-художественного творчества, которое обнаруживается в преданиях. Исторические предания предлагают вымышленную, нередко поэтически обобщенную интерпретацию событий и фактов либо в том случае, когда нет знания о подлинном ходе событий и деяниях исторических лиц вследствие отдаленности эпохи, о которой рассказывается, либо в том случае, когда обнаруживается предвзятость, пристрастие, субъективное желание людей видеть в прошлом то, что им хочется видеть, а не то, что было действительно. Что касается отсутствия достаточных сведений о прошлом, то оно вполне объяснимо состоянием знаний людей даже в близкие нам времена. Что же касается субъек-

⁸ Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев, № 25 и примечания на стр. 251.

⁹ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 346—347.

¹⁰ С. М. Пономарев. Что поет про себя Приуралье. — Северный вестник, 1887, № 11.

¹¹ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края, № 110ж, стр. 348.

тивной предвзятости в воспроизведении прошлого, то этот момент — порождение особого отношения современников к истории.

По-иному проявляется бессознательно-художественное творчество в топонимических преданиях. Такие предания, как уже замечено, объясняют происхождение названий и даже самого появления гор, урочищ и других приметных мест на земле. «За Волгой, недалеко от границы Симбирской и Самарской губернии, возле слободы Часовни, — говорит одно из преданий, — тянутся небольшие горы и в одном месте перерываются оврачком. В старые годы, сказывают, на этом месте Пряничная гора была. Шел один великан и захотел ее скусить; взял в рот (а у него зуб-то со щербинкой был), откусил, а щербинкой-то борозду и провел; так она и по сие время осталась».¹² Назначение этого предания — объяснить складку местности. Подобных этому преданий бесчисленное множество. Ходят они и до сих пор. За многими из них должна быть признана почтенная древность. Рассказы о деяниях, великанах и в особенности олицетворения рек и озер в виде живых существ бесспорно ведут в отдаленные времена, когда существовала многообразная и живая мифология, объяснявшая причину и начало природных явлений. Традиции мифологии рек перешли в предание о Волге и Кама: «Кама с Волгой спорила: не хотела в нее течь. Сначала хотела ее воду отбить; до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрость; уговорила она с коршуном: „Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другое место“. „Ладно“. Вот Кама и начала рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал, как раз под серединой Волги. Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала».¹³

Топонимические предания в большей степени, нежели собственно исторические, подвержены поэтической интерпретации жизненного материала, и у многих из них можно усмотреть очевидную связь с искусством уже в точном смысле слова. Каждый современный собиратель фольклора знает, что они и во мнении тех, кто их передает, не более чем остроумные побасенки, откровенные «сказки». Поэтический вымысел уже вступил здесь в свои права всюду и заменил собой все, что некогда было проявлением обычного незнания свойств естественного хода природных явлений, источника топонимического феномена.

Остается сказать, что для обоих типов предания характерна подвижность бессознательно-художественного оформления в стиле. Здесь нет какого-либо канона. Из предания в предание могут повторяться лишь некоторые устойчивые сюжетные мотивы: чудеса преобразования вроде обращения людей в камни, сокрытие и уход под землю, передача имени человека той или иной местности, роковой исход событий и прочие необратимые действия. Повторяемость этих мотивов удерживает предания в состоянии устойчивости при весьма сильном разнообразии местных и временных вариантов.

Сюжетная организация предания тяготеет к эмбриональным формам, которые таят в себе возможность повествовательного развития, но предания редко пользуются этой возможностью. По этой причине их сюжетное ядро обладает особой интенсивностью идейно-эмоционального воздействия. Поражающая краткость будит воображение. Таково, например, предание о плененном Пугачеве. Он, и заключенный в клетку, был стра-

¹² Там же, № 122, стр. 383.

¹³ Там же, № 123, стр. 383.

шен помещикам: до смерти напугал криком злую Салтычиху, а по вариантам — какого-то помещика, исправника. Помещица Салтычиха — лицо историческое. Это — Д. Н. Салтыкова, которую правительством засадили в монастырскую тюрьму ввиду огласки ее дела об убийстве многих крепостных. Салтыкова умерла в заточении, а предание сделало вершителем справедливой мести самого Пугачева.¹⁴

При свободе варьирования, часто обнаруживающего свободу художественного вымысла, устойчивость предания основывается и на прикреплённости к памятным событиям, на объяснении постоянных явлений природы, названий местности. Удаленность от событий, о которых говорят предания, нередко заставляет менять угол зрения на их реальную основу. Еще в дореволюционной науке, да и в наше время, были попытки проследить появление у преданий более широких масштабов в обобщениях, в вымысле, когда они отходят от эпохи, их породившей.¹⁵ Изменение шло так далеко, что фактом порой становилось «перерождение» жанра — переход предания в другие жанры устной прозы. Эти переходы всегда сопровождались утратой исторической достоверности во всех частях рассказа и сочетались с потерей того объяснительного начала, которое постоянно присутствует в каждом настоящем предании.

Предания излагаются в стилистической форме строгого эпического повествования о достоверном. Оно утверждает или отрицает что-либо без колебаний. Достоверность сообщения не подвержена сомнениям, так как поддерживается твердостью традиционной передачи самого предания, каким бы маловероятным оно ни было само по себе. Для такого восприятия предания достаточно факта самого его существования и распространения в народе. Этому свойству сопутствует «безличность» предания в стиле: в повествовании оно предпочитает форму третьего лица и чуждается чисто личных форм рассказывания. Нельзя не усмотреть в этом следствие того, что события и лица, о которых говорит предание, всегда значительно удалены от рассказчика: он не может выступать как свидетель или очевидец их.

2

Элементы художественного творчества в жанре сказа тоже строго ограничены и по-своему предопределены свойствами жанра. Сказ многими свойствами сближается с преданиями. На этом основании их нередко отождествляют, но это разные жанры. Правда, как и предания, сказ говорит о достоверном, реальном, и его назначение поведать об этом. Отличие от предания выражается, однако, по крайней мере, в двух важнейших свойствах сказа. Область его интересов выходит далеко за пределы объяснения или пояснения реального факта, чем-либо обратившего на себя внимание народа. Сказ — вообще устный рассказ о чем-либо примечательном в общественном или личном быту. И, кроме того, это такой рассказ, истина которого либо удостоверяется личным опытом рассказчика, либо свидетельством кого-либо из современников. При таком определении отличие сказа от предания становится вполне ясным, но возникает опасность растворить сказ в любом устном рассказе-воспоминании, чего, кстати сказать, не избежали современные исследователи и публикаторы этого жанра. Следовательно, определение

¹⁴ См.: ЖС, 1890, вып. II, стр. 140; то же в сб.: Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935, стр. 199; РС, 1876, кн. 4 (сообщено Д. Н. Садовниковым).

¹⁵ См., например: Е. В. Барсов. Петр Великий в народных преданиях Северного края. — Беседа, 1872, кн. 5.

сказа еще нуждается в уточнении. Сказ необходимо отделить от простого личного бытового рассказа или рассказа-воспоминания на общественные темы. Рассказы, в которых переданы личные воспоминания людей, получили в международной фольклористике наименование «меморатов». Личное воспоминание, перешедшее в традицию, т. е. интересное другим рассказчикам, подвергнутое правке и изменениям с их стороны, и становится сказом. Сказ основан на воспоминании живущих людей. От простого рассказа его отличает известность более или менее широкому кругу людей определенной местности, края. Нетрудно допустить, что сказ нередко переходит в предание при условии, если события, о которых говорится, сильно удалены от живущих поколений.

От предания сказ отличается и своей формой: о чем бы ни говорил сказ, он всегда несет на себе приметы сословно-классовой и местной принадлежности сказителя. Это выражается в стиле сказа как повествования о лично пережитом или как повествования, которое опирается на жизненный опыт современников рассказчика. «В селе Новиковке, по лесам, — говорит один из таких сказов, — разбойники сильно прежде шалили. У мужиков, промышлявших разбоем, не одно мертвое тело — случалось — на гумне, в соломе лежало. Бывало в кабаке перекоряться начнут и припомнят друг дружке: „У тебя, вора, на гумне-то что?“. „Что?“. „Поди завальня три валяются!“ (а завальнями мертвые тела они звали, потому что в солому заваливали). Вот одного такого разбойника поймали...» и пр.¹⁶ В этом сказе отчетливо выражена местная прикреплённость, живая манера повествования.

Сказ — память о недавнем прошлом, реальный рассказ, но с элементами домысла, нередко и фантазии. И здесь для сказа открывается простор художественного творчества. Рассказчик, безусловно, охвачен желанием сделать речь интересной, и это желание выражается в стремлении подняться над фактами, дополнить их в изложении чем-то таким, что ставит повествование за пределы строгого следования достоверным фактам. Разумеется, это не та художественность, которая лежит в основе вымышленного чисто поэтического произведения, но, бесспорно, здесь обнаруживается тенденция к художественной интерпретации, к смещению фактов, к их особому изложению. Кстати сказать, это объяснит, откуда берется детализация рассказа, которая при всех обстоятельствах не могла быть проявлением достоверной осведомленности рассказчика. Вот и в сказе о перебранке в кабаке дело представлено так, как если бы рассказчик был сам свидетелем ее, хотя в действительности этого не было.

Темы сказов, как и формы поэтического изложения, практически необозримы: они разнообразны как сама жизнь народа, его история, местные обычаи, быт, ремесла. Существовали сказы рабочие — горняков, бурлацкие, охотничьи, рыбацкие, солдатские, сказы пчеловодов, дворовых, ткачей, пахарей, сторожей — людей всех профессий и дел. И у каждого из видов этих сказов — своя профессиональная и сословная поэтическая характеристика. При изучении сказов известной местности или какой-либо профессии особенно заметной становится повторяемость их сюжетно-фабульных основ, характеристика тематических деталей, устойчивость словесно-стилистических приемов рассказывания. В этом выражается народное коллективно-творческое начало создания сказов. Изучению художественных форм сказа мешает отсутствие точных записей.¹⁷

¹⁶ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края, № 112, стр. 361.

¹⁷ Удачный опыт всестороннего изучения сказа как особого жанра устной прозы предпринят в статье: Н. Михайлова. Сказ о братьях Венгеровых. — В кн.: Фольклор как искусство слова, вып. 1. М., 1966, стр. 140—159.

3

Если предания и сказы вышли из области положительного знания народа о своем далеком и недавнем прошлом, то былички и по-своему близкие к ним легенды относятся к далекой от положительных знаний области суеверий, представлений и понятий человека о вмешательстве в людскую жизнь всемогущей воли сверхъестественных существ. Мир быличек — мир леших, полевиков, полудниц, водяных, русалок, домовых, овиинников, баенников, гуменников, хлевников, клетников, оживших мертвецов и прочих «обитателей» крестьянского двора, погоста, усадьбы, лесных, речных и полевых угодий. Предполагают, что большинство из этих демонологических представлений сложилось в эпоху раннего феодализма, так как крестьянская, избяная основа их устанавливается без труда, но какая-то часть демонологических представлений могла быть и более древней. В представлениях о лешем, водяном, злыднях и полуднице угадывается естественная природная основа. Леший несомненно олицетворяет дремучую лесную глушь, водяной — опасные речные и озерные глубины, полудница — дневной жар, губительный для неосторожного человека.¹⁸ Возможно, что какая-то часть этих представлений ведет начало от древнейшей мифологии наших далеких предков. Народный религиозный характер отличает быличку от других жанров устной прозы. Только немногие из персонажей быличек — лешие, водяные, кикиморы порой, притом, надо полагать, по исключительным причинам, оказались перемещенными в сказку. Здесь они действуют вместо настоящих героев. Так, например, в одном из нетрадиционных вариантов сказки «Морозко» вместо всесильного Морозки леший одаривает падчерицу сундуками с разным добром (Аф. 1, № 197).¹⁹

Религиозная функция быличек несомненна. Справедливо замечено, что их «общая задача» — «доказать, утвердить, подкрепить то или иное верование».²⁰ Быличкой желали подтвердить существование самой сверхъестественной силы в природе, людском быту. Действием таинственных сил объясняли разные явления в быту, совершение таких бытовых событий, настоящая причина которых была неизвестна или малоизвестна. При этом объективно, как и в других жанрах сказочной прозы, обнаруживалась бессознательно-художественная форма вымысла. Именно этой бессознательно-художественной формой вымысла более всего и интересна быличка в фольклоре как искусство.

Художественное творчество в быличке обнаруживает себя в пределах, допустимых ее жанровой функцией, и сообразно формально-содержательному типу, к которому быличка относится. Былички заметно делятся на две группы. Одним из них близка форма сказа, другим — форма преда-

¹⁸ См. подробнее об этом в кн.: А. С. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века. М., 1957, стр. 79—121.

¹⁹ По поводу общности быличек и сказок Э. В. Померанцева верно заметила: «Для русской устной прозы, так же как, по наблюдениям П. Г. Богатырева, для словацкой, общность персонажей былички и сказки — явление редкое, для некоторых других народов — обычное» (Э. В. Померанцева. Жанровые особенности русских быличек. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, стр. 291). По-видимому, все дело в конкретных исторических путях формирования сказки в пределах национальной культуры: мифологические понятия и представления в разное время по-разному влияли на сложение жанров устной прозы.

²⁰ Э. В. Померанцева. Жанровые особенности русских быличек, стр. 287. — Это утверждение находит поддержку в соответствующих высказываниях зарубежных ученых — Лаури Хонко, Отто Блэра (см. указанную статью, стр. 274).

ния. В первом случае быличка несет информацию о том, что произошло с рассказчиком или кем-либо из его современников, со всеми вытекающими отсюда последствиями для формы рассказа. Во втором — быличка связывает события, о которых говорит, со временем, относительно удаленным от момента сказывания былички, — и это обстоятельство тоже выражается в характере тех художественных элементов содержания и формы, какие можно встретить в быличках.

М. М. Пришвин записал у крестьянки на Севере быличку: «Ягоды на Яньострове брали. Девушки от меня и ушли. Вдруг зашумело в орге (в овраге или в топком месте, поросшем лесом, — В. А.), да как будто сватья Маланья рычит (кричит, — В. А.): „Вставай, пошли!“. Вздрыгнула я, никого нету, а рыцать не смею. Давай еще ягоды брать. Вдруг опять: „Да пошли!“. Вижу он, будто женщина, буряк (туес, берестяной кузовок, — В. А.) в руке. Ой, до того напугал меня Шишко (леший, — В. А.), как ажно дрожь на сердце, кровь сменилась в лице».²¹ Здесь рассказ-быличка о встрече с лешим идет от имени самого лица, ручающегося за правду происшедшего. Такие былички напоминают сказ. Распространенность подобных быличек выдает их принадлежность массовой традиции. Несомненно, еще до памятного случая крестьянка, которой привиделся леший, была подготовлена подобными рассказами и приняла в испуге шум, показавшийся ей человеческим голосом, и другие явления собственного воображения за достоверный факт встречи с хозяином лесной глуши. Вся форма вымысла типична для народных суеверий. Каждая из таких быличек-сказов воспроизводила мир сверхъестественных существ в меру пылкости воображения рассказчика, пережившего сильное чувство испуга. Одновременно при таком достаточно свободном воспроизведении воображаемого мира проявлялась и устойчивость традиционного верования. На основе его создавалось постоянство композиционно-сюжетных и стилистических средств былички. Вследствие этого нельзя говорить о ее «бесформенности».²² Своих сверхъестественных «персонажей» былички наделяют свойствами, устойчиво повторяющимися из рассказа в рассказ. Мертвецы встают из гробов, кидаются на живых, пропадают при пении петуха. Леший хохочет, хлопает в ладоши, заставляет человека блуждать по лесу. Устойчивы и указания на то, где и когда является людям вся эта нечистая, неведомая и крестная сила. Самый стиль таких повествований как рассказов о необычайном происшествии, случае стремится обрести некоторые твердые формы. Из-за произвольного проявления художественных начал быличка свободна от стилевого канона общерусского свойства. В таких быличках ярко выражены особенности местной речи, быта, природа края и занятия населения.²³

Много сложнее формы бессознательно-художественного творчества в быличках, сблизившихся по форме с преданиями. Из-за отдаленности событий, о которых они говорят, былички этого типа приняли на себя в особенности густой слой наивной религиозной фантастики. Вот наиболее простые образцы таких усложненных быличек — тоже про лешего: «Раз охотник шел лесом, и его собаки к норе, а в нору-то эту Леший девицу заташил. Вот он подошел к норе и кричит (охотник-то): „Кто там?“. „Человек“. „Какой человек?“. „Такой же, как ты“. „Вылазай сюда!“.

²¹ Н. Е. Ончуков. Северные сказки, № 179.

²² Э. В. Померанцева. Жанровые особенности русских быличек, стр. 276. — Ср. иное, правильное утверждение на стр. 287.

²³ См. ценные фактические наблюдения над быличками в упомянутой статье Э. В. Померанцевой, стр. 287 и сл.

„Нельзя, — говорит, — мне: я вся ободраная. Кинь одежду — я вылезу“. Охотник кинул в нору свою одежду, девка и вышла из норы. (Лешего в то время в норе не было)». ²⁴ «Нашински мужики не одна в лесу лешего видали, как в ночное ездили. Он месячные ночи больно любит: сидит, старик старый, на пеньке, лапти поковыривает да на месяц поглядывают. Как месяц за тучку забежит, темно ему, знашь — он поднимет голову-то, да глухо таково: „Свети, светило“, говорит». ²⁵

Осложнение повествовательной основы может быть столь сильным, что быличка из короткого рассказа о каком-либо случае, встрече с сверхъестественной силой превращается в полное сюжетное повествование: таковы многие рассказы об оживших мертвецах, о летающих ко вдовам огненных змеях — умерших мужьях, об оборотничестве колдунов. Правда, высказано мнение, что такого рода сюжетные повествования уже не должны быть причислены к быличкам: «<...> простой эпизод разрастается в сложный сюжет — меморат становится фабулатом, рассказ выходит за жанровые границы былички». ²⁶ Это соображение не кажется верным, так как ограничивает быличку одним ее видом, к которому приложимы слова того же исследователя — «бесхитростные свидетельские показания». ²⁷ Сюжетная быличка не в меньшей степени, чем быличка простейшая, неразвернуто повествующая о каком-либо случае и встрече, выполняет жанровую функцию — утверждать и поддерживать верование, и нет оснований выводить ее за границы жанра.

Элементы художественного творчества в быличках вследствие строгого следования жанра своему назначению никогда не бывают главными. Это обстоятельство хорошо уяснено в научной литературе. Эстетические формы отражения жизни в быличке не таят в себе ничего, кроме непроросших «зерен искусства слова», ²⁸ и свидетельствуют лишь о «стихийном участии художественного элемента в отражении действительности при ярко выраженной независимости этого отражения от задач художественности». ²⁹ Большее значение эстетической функции ставит быличку за пределы жанра. В этих случаях наблюдается действительный переход ее в другие жанровые образования — всего чаще в сказку. Бессознательно-художественное творчество в быличках достигает необычайной выразительности и пластичности в вымысле, в формах рассказа и безотносительно к религиозно-бытовой целевой установке жанра составляет высокую историческую и общественную ценность, свидетельствуя о трагической коллизии, которая привела к соединению безусловно ценных художественных начал с религиозными понятиями и представлениями, тягчайшим злом в жизни народа.

4

В особые формы отложилось художественное творчество в легендах — тоже рассказах с религиозным вымыслом, но иным, нежели тот, который присущ быличкам. Мировоззренческая фантастика легенд шла не от собственно-народнической, языческой религии, а от христианства.

²⁴ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края, № 686.

²⁵ Там же, № 68г.

²⁶ Э. В. Померанцева. Жанровые особенности русских быличек, стр. 289.

²⁷ Там же, стр. 290.

²⁸ Там же.

²⁹ Л. И. Емельянов. Проблемы художественности устного рассказа. — РФ, вып. V. М.—Л., 1960, стр. 254.

О целесообразности такого понимания термина «легенда» говорят некоторые из современных ученых.³⁰ Писали об этом и ученые дореволюционного времени.³¹ Легенда должна быть самым ясным образом отделена от предания и других жанров устной прозы.

Принятие христианства Русью повлекло за собой проникновение в народ новых понятий. Место прежде существовавшего чисто языческого осмысления жизни заступило своеобразное двоеверие — смешение языческих и христианских понятий. Таким смешением, по-видимому, оказались в особенности сильно затронуты некоторые из преданий, которые объясняли появление свойств у пород птиц, животных, у видов растений, так называемые «натуралистические» предания. В русском фольклоре они почти не удержали своей первоначальной формы. С распространением христианских понятий в этих преданиях сменился характер объяснений: прежнее, естественное, хотя и осложненное мифологией, объяснение вытеснили христианско-религиозные толкования, да и самая цель объяснений стала иной: вместо объяснений реального явления возникли христианско-религиозное морализирование, учительская наставительность. Такого рода предания стали легендами. Главное свойство этого жанра — утверждать морально-этические нормы христианства или идеи, возникшие под влиянием воодушевленного отношения к вере, хотя и понимаемой на мирской, житейски обыденный, порой даже совсем не на церковный манер. Так, одна из легенд говорит, что, когда архангел Гавриил возвестил пресвятой деве, что у нее родится божественный младенец, она будто бы сказала, что готова поверить предсказанию, если оживет рыба, одну сторону которой уже съели. Рыба ожила: это однобокая камбала.³² Другая легенда рассказывает, что, когда родился Христос и начались гонения царя Ирода, богородица спрятала младенца в ясли с сеном, лошадь же всю ночь ела корм и открывала убежище Христа. С тех пор лошадь, мол, и ест постоянно и в наказание ей конина не идет в пищу.³³ Существовали и другие подобные легенды, распространенные в той части народа, которая была понаслышке знакома с некоторыми эпизодами Евангелия. От этого легенды, однако, не сделались выражением ортодоксальной церковной идеологии. Они всегда лежат чуть в стороне от нее, в той сфере, которая у правоверных церковников была в подозрении и получила в средние века наименование «апокрифа».

При тесном сближении с народными помыслами и стремлениями жанр легенды становился выразителем идей, которые при всем их религиозном облике несли на своем знамени оппозиционную к властям часть народа. Библейская сюжетика и стиль становились одеждой острой социальной мысли. В связи с этим будет уместным припомнить замечание В. И. Ленина о выступлениях «политического протеста под религиозной оболочкой». Это явление имело место в крестьянской среде и свойственно, по словам В. И. Ленина, «всем народам, на известной стадии их развития,

³⁰ В. Я. Пропп. Легенда. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 378.

³¹ См., например, предисловие А. Н. Афанасьева к собранию народных легенд (А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. Казань, 1914, стр. 3); А. Н. Веселовский. Опыты по истории развития христианской легенды. — ЖМНП, 1875, № 4, 5; 1876, № 2—4, 6; 1877, № 2, 5 и другие работы ученого; С. В. Савченко. Русская народная сказка. (История собрания и изучения). Киев, 1914, стр. 11 и др.; М. Н. Сперанский. Русская народная словесность. М., 1917, стр. 432—436, и др.

³² А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, стр. 6.
— Там же.

а не одной России». ³⁴ Кстати сказать, может быть, именно этой причиной объясняется широкая международная распространенность сходных легенд. Такова, например, легенда о хождении некоего царя по аду. Видит царь муки грешников: двое из колодца в колодезь воду переливают, другие двое из печи в печь жар выгребают голыми руками. И еще встретились царю мученики: двое голых подпирают стену. «Ах, царь-государь! Помолись о нас, грешных, богу: скоро ль будет нам прощение?» — просят грешники. Пришел царь к богу и спросил его о грешниках — бог ответил, что им не будет прощения. «Что из колодца в колодезь воду переливают — то вином торговали да народ обмеривали», подливали воду в вино. «Что из печи жар выгребают — то ростовщики, сребролюбцы; что стоят голые, стену собой подпирают — то клеветники, ябедники». ³⁵ Легенда ходила в самых разных вариантах, и каждый из них грозил несправедливо живущим жестокой карой: муки не избежать ни одному из сильных мира сего. Социальная острота вымысла не подлежит сомнению. Своей темой легенда напоминает всемирно знаменитое творение Данте.

Фантастику библейских сказаний народная мысль обратила против господ. Персонажи легенд, святые, богородица, сам Христос постоянно во время своего страннического хождения по русской земле творят справедливый суд и расправу. Христос отблагодарил бедного мужика за щедрость, с которой тот поделился с ним зерном: когда стали молоть остаток зерна — «мука все сыпится, да сыпится! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намолосось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпится, да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!» («Чудо на мельнице»). ³⁶ Христос и два апостола творят чудеса во славу бедного и страждущего, на погибель богачей, корыстных, жадных людей. Не щадят легенды и тех святых, которые не жалуют бедняков, терпящих бедствие в земной юдоли. В одной из легенд мужик трижды кнутом отстегал Ивана «Милостивого» за то, что святой не захотел рано поутру идти молотить. ³⁷ Бог наказал Касьяна за то, что не помог мужику вытащить воз — не пожелал святой угодник марасть райского платья, и отблагодарил Николая за то, что тот не погнушался грязной работой и помог мужику. С той поры, мол, сделалось так: Касьяну только раз в високосный год служат молебны (29 февраля), а Николаю — дважды в году (9 мая и 6 декабря). ³⁸

Книжная легендарная сюжетика и притчевый характер библейских сказаний перерабатывались в фольклоре по-своему, но народ удержал высокую степень социальных обобщений, присущую церковной «мифологии». Художественная мысль народа сквозит всюду в измененных библейских образах и стиле. Подпав под власть народного творчества, легенда по существу обрела все формы социального художественного вымысла, далекого от культовых целей. Форма бессознательно-художественного творчества здесь стала преобладающей силой и столкнула книжную легенду с устоев, на которых ее силилась утвердить официальная церковь. Взять к примеру близкую житиям легенду «Пиво и хлеб». ³⁹ Некий старец является к бедняку в канун праздника и творит чудо за чудом: простую колодезную воду превратил в пиво; озимые засеял при трескучем мо-

³⁴ В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. — Полн. собр. соч., т. 4. М., 1959, стр. 228.

³⁵ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, стр. 62—64.

³⁶ Там же, стр. 32—33.

³⁷ Там же, стр. 31—32.

³⁸ Там же, № 11, стр. 86.

³⁹ Там же, № 7.

розе — и весной «пошли зеленые всходы». Все эти чудеса небеса творят ради благополучия бедняка, у которого не было на пиво солоду, не было зерна, чтобы еще по осени засеять поле. Богач пытался повторить чудо и потерпел полную неудачу. «Должно быть, я — великий грешник!» — решил про себя богач. Морализирование, выдающее связь легенды с церковным учением о грехе, оказывается в конце концов почти внешней приметой повествования. Рассказчик непосредственно заинтересован в передаче привычной для народного искусства сюжетной коллизии, столкнувшейся доброго, готового поделиться со всеми бедняка и злого жадного богача. Победу мирского начала в легенде выдают чисто художественные подробности изложения. Вот как рассказывается о том, как бедняк зовет соседей отведать чудом сотворенного пива: «Эй, православные! Пожалуйте ко мне пить пиво похмельное; вот пиво — так пиво!». Или вот еще рассказ о неумном усердии богача, вздумавшего повторить чудо: «Вот приходит он домой и приказывает своим работникам таскать из амбара самой что ни есть лучший солод и сыпать в колодезь. Как взялись работники таскать из анбара, и вперли в колодезь кулей десять солоду». Просторечный стиль рассказа выдает мирские интересы, вкусы рассказчиков таких легенд. На нецерковный художественный характер народных легенд указывали уже первые исследователи жанра.⁴⁰

Легенда как жанр, возникший на стыке искусства и нехудожественных форм творчества, охотно сближается и с настоящим искусством — бытовыми сказками. А. Н. Афанасьев писал об усвоении ими «атрибутов чисто сказочного эпоса».⁴¹ Не случайно также некоторые из легенд пошли на прямой разрыв с культовыми целями жанра, дав сатирическое истолкование библейских тем (сотворение мира, «грех» Адама и Евы, потоп и пр.). Эти и другие свойства дали В. И. Чичерову основание именовать легенды «сказками-легендами».⁴² Частый отказ от отвлеченно-абстрактной фантастики библейских книг говорит о земной социально-бытовой основе народных легенд. Передавая религиозные понятия и отразив веру в бога, легенды, однако, не выражают мистической экзальтированности. К легендам относятся слова, сказанные А. М. Горьким: «Народ — язычник. Даже 1500 лет после того, как христианство утвердилось в качестве государственной религии, в представлении крестьянства боги остались богами древности: Христос, мадонна, святые ходят по земле, вмешиваются в трудовую жизнь людей...».⁴³

Итак, в пределах устной прозы можно выделить жанры, по своему существу относящиеся к разным видам духовной деятельности народа: сказки всех разновидностей, безусловно, принадлежат к области искусства; предания и сказы — к области, где в полную силу проявила себя социологическая и природоведческая мысль народа, — это область положительных знаний о мире природы и общества; быличку и легенду следует отнести к области религиозного сознания, осложненной бытовыми, природоведческими и историко-социологическими понятиями и представлениями народа. Эти три формы общественного сознания — художественная, естественно-социологическая и религиозная — порознь обнаруживают свое преобладание в каждом из жанров устной прозы и тем самым предопределяют

⁴⁰ См.: А. Н. Пыпин. Русские народные легенды. (По поводу издания г. Афанасьевым в Москве, 1860). — Современник, 1860, т. LXXX (перепечатано в книге А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды», стр. 204 и др.).

⁴¹ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, стр. 4.

⁴² В. И. Чичеров. Русское народное творчество. М., 1959, стр. 295—298.

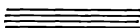
⁴³ М. Горький. Публицистические статьи. М., 1931, стр. 282.

ляют их отнесенность к тому или иному виду духовной деятельности народа. Осознание этой отнесенности по необходимости лежит в основе выяснения характера и объема художественного творчества в прозе, нехудожественной по своей гносеологической и социальной природе.

Изучение вопроса может быть осуществлено в двух аспектах. Оно может быть либо историко-генетическим, либо основываться на состоянии устной прозы в позднее историческое время. При историко-генетическом анализе подлежит изучению распадение начального единства всех форм общественного сознания, нерасчлененно существовавших в общем лоне древнейших представлений и понятий людей о мире и о самих себе. Распадение единства сопровождалось разделением форм общественного сознания и отделением одного его вида от другого. С разделением и дифференциацией формы общественного сознания далеко отошли друг от друга, обрели свою специфику в разных сферах социального и жизненно-бытового выражения. С этим связано формирование отдельных жанров устной прозы. Изучение прошлого позволило бы понять, как исторически внутри них складывались отношения между художественными и нехудожественными элементами в содержании и формах. При состоянии современных знаний о начальных стадиях в развитии и древнейшего фольклора такое изучение практически доступно лишь в виде общей ретроспективной проблемной постановки вопроса.

Другое дело — выяснение поздней исторической природы жанров. Оно сулит ощутимые положительные результаты уже сейчас — при конкретном обследовании доступного нам достоверного фактического материала, но и такое изучение обязано принять во внимание существо жанров устной прозы: своей сутью — целевыми жизненными установками жанр предопределяет возможность появления внутри себя элементов художественного творчества и вместе с тем устанавливает границы, в которых оно могло проявить себя. При этом устанавливается и характер того художественного творчества и те особые качества, которые оно обретает вследствие связи с существом жанра. На некоторые наиболее важные качества и формы этого творчества мы старались указать в настоящей статье. Изучение бессознательно-художественного творчества в сказочных жанрах показывает, что на почве выявляемого соотношения художественных и нехудожественных начал внутри жанра становилось возможным и влияние жанров друг на друга. В результате, как показано, возникала стойкая спайка художественных свойств одних жанров с нехудожественными качествами других. Типы этих взаимных влияний, образование промежуточных форм тоже проясняют отношения художественного творчества к творчеству с иной гносеологической и социальной природой в жанрах сказочной прозы.

И. М. КОЛЕСНИЦКАЯ

РУССКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ 1860—1870-х ГОДОВ

1860—1870-е годы, переломный период в истории России, вызвали в широких научных и литературных кругах русского общества живой интерес к современному состоянию народа, его роли в истории и дальнейшим перспективам развития. Именно к этому периоду относилось появление крупнейших исторических исследований: «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, «Исторических монографий» Н. И. Костомарова и многих других. В трудах ряда историков этого времени прочно закрепляется метод исследования исторического процесса не как цепи внешних событий, но как закономерно развивающейся истории самих народных масс (работы Н. И. Костомарова, Д. Л. Мордовцева и др.).

В связи с этим особенно остро встал и вопрос об источниках для построения истории народа. Наряду с письменными документальными сведениями историки нового направления настойчиво утверждали необходимость обращения к устному народному творчеству как важнейшему непосредственному свидетельству о жизни и мировоззрении народа. В исторических сочинениях они использовали песни, легенды, предания. Естественным следствием интереса к фольклору как важному источнику, историческому и этнографическому, было появление в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. монографий об этих жанрах народной поэзии. Народные предания и легенды, почерпнутые из архивных документов или непосредственно из устной народной традиции, стали частым явлением не только на страницах исторических монографий, но и в сочинениях этнографических и очерковых беллетристических.

Внимание к этим материалам в центральной прессе, научной и художественной литературе вызывало интерес к народным преданиям и у местных деятелей-краеведов. В «Губернских ведомостях» и других местных газетах появляется ряд публикаций произведений народной сказочной прозы, отражающих разные стороны народного мирозерцания той эпохи: суеверные представления (в форме бывальщины), религиозные (в христианских легендах об основании монастырей, о церквях, иконах и т. д.), исторические представления в широком и узком смысле слова — в преданиях и легендах. Эти последние и составляют предмет рассмотрения в данной статье.

Обращаясь к изучению собранных из разных, главным образом местных, источников преданий и легенд, относящихся к событиям и деятелям общей истории народа или к местным историческим явлениям, мы будем условно называть их, как называло большинство авторов публикаций, «историческими преданиями». Этим термином обозначаются как простые

хроникальные свидетельства о событиях (воспоминания очевидцев или других лиц), так и произведения с вымышленным сюжетом, составляющие в рассматриваемом материале подавляющее большинство, а также рассказы, обрастающие фантастическими подробностями, что, по справедливому, с моей точки зрения, мнению С. Н. Азбелева, позволяет говорить о превращении предания в легенду.¹

Следует оговорить, что почти все тексты, библиография которых приводится в конце статьи, независимо от источника, из которого они почерпнуты, представляют пересказ предания. Они сохраняют довольно точно основную сюжетную канву, ясно показывают, как преломляется в художественном сознании народа то или иное историческое событие, сохраняют образ героя, созданного народной фантазией. Что касается стилистического оформления, то его можно уловить далеко не во всех публикациях (авторов публикаций предание интересовало как отражение народного восприятия исторического события или лица, внешней форме повествования при записи внимания уделялось мало). Однако в некоторых группах преданий возможно указать на основные приемы изображения героя, отметить влияние на рассказ других фольклорных жанров.

В связи с тем, что значительная часть изучаемого материала не укладывается (в отличие от сказки) в устойчивые повторяющиеся сюжетные схемы, единственным возможным принципом первичной классификации представляется принцип предметно-тематический. Такая классификация и анализ количественного соотношения рассказов, входящих в отдельные группы, позволяет ясно представить репертуар исторических преданий в народной традиции середины прошлого века, установить степень популярности отдельных групп преданий и их локализацию.

Попутно будет отмечено своеобразие формы повествования, а там, где материал позволяет, развитие в нем легендарного элемента и своеобразие стилистического оформления.

1

Наиболее древней среди опубликованных в 1860—1870-е годы групп преданий следует считать рассказы о столкновениях жителей с древними силачами, богатырями неизвестного происхождения, и о борьбе последних между собою. Силачи, богатыри, великаны рассматриваются часто рассказчиками как представители различных населявших данную местность в далеком прошлом племен и народов. Таковы поморские предания о братьях Калге, Жогже и Кончаке, сильных злых колдунах, которые сами не ездили на ловлю рыбы, но собирали дань с промысловников. С ними расправляется неизвестный старичок (от прикосновения его батожка Калга и Жогжа погибают). Аналогично этому и другое поморское предание о богатыре Анике, от которого спасает поморов неизвестный парень, нанявшийся у кормщика в наживочники. Он оказывается богатырем и навсегда освобождает рыбаков от дани.

Идея торжества справедливости, наказания зла лежит в основе почти всех циклов преданий, сближая их в этом отношении со сказкой.

Таковы предания, приведенные Верещагиным (4).² Они, по-видимому,

¹ С. Н. Азбелев. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров). — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, стр. 5—26.

² В скобках даются ссылки на номера библиографии, которая приложена в конце статьи. Разделы библиографии соответствуют разделам статьи, нумерация в каждом разделе особая. В заключительном разделе статьи даются ссылки на номер соответствующего раздела библиографии и на порядковый номер публикации.

прочно входили в местную фольклорную традицию. Почти в той же форме они были рассказаны С. В. Максимова его попутчиками на шхуне (1). Отзвук предания о смерти Аники-воина (при других обстоятельствах — встреча со смертью) слышен и в записи П. Н. Рыбникова от Дмитриевой в Кижях (8). Топонимическое поволжское предание «Бунтовый десяток и Камайкин дол» (5) повествует о бывшем якобы столкновении черемис с русским по имени Шабарша из-за земли и о битве богатырей Камайки и Салтыха близ озера на долу, который стал называться «Камайкин дол».

В некоторых сюжетах повествование о борьбе богатырей сочетается с любовной коллизией. Таково вятское предание об Онохе и его двенадцати братьях-богатырях (3). По преданию, они пришли в Вятскую землю «из-под заката», построили городище, в нем дворец (землю для постройки носили колпаками). Сначала жили мирно, занимались охотой, вели торговлю зверями, стали богачами. Однажды богатыри стали кидать гириями во дворец Никулина-богатыря, жившего в лесу. Никулин объявил им войну. Воевали так год, после заключения мира Оноха на пиру просит в жены дочь Никулина. Тот обещает при условии достать «с заката» самоцветных камней. Оноха остается заложником, братья к сроку не возвращаются, по дороге окаменевают, их покрывает озеро. Оноха похищает дочь Никулина, но отец гонится за похитителем, перескакивает через городище, сжигает Оноху и закапывает его кости. Дочь Никулина потерялась в городище. По ночам жители слышат ее вой.

С мотивом сватовства сочетается рассказ о богатырях и в рязанских преданиях. В одном из них повествуется об атамане городецких разбойников Оксае, имевшем богатырскую силу и красивую внешность. Он намеревался опустошить город Пронск. Пленившись красотой Всемилы, богатырь отправился в город в образе слепого гусяра и склонил ее к побегу. Но лед на реке Прони тронулся, и Оксай со своей жертвой, спасаясь от погони ее отца, упал в воду, где образовался водоворот — «могила Оксая» (7). Богатырская сила здесь приписывается атаману разбойников, ставшему героем многих более поздних, по сравнению с богатырскими, преданий и легенд, которые рассматриваются особо.

С основанием г. Скопина связывается предание о Косого, человеке с железной волей, с «сердцем окаменелым в грабежах и убийствах». Косог вел дружбу с атаманом Булатом и хотел взять в жены его дочь, но Булат показал Косого нож. Тогда Косог увез Прощёну, отец настиг их. Прощёна бросилась в бездну оврага. Косог убил противника и сам упал за смертью от ран. На месте гибели Прощёны забил фонтан (6).

Как видно из приведенных материалов, предания о древних силачах и их борьбе локализованы главным образом в северных районах: в Поморье, в Вятской губернии, в Рязанской губернии и частично в Среднем Поволжье.

На севере же записаны были предания о столкновениях местных племен (о нападении древних новгородцев на чудь и лопь), которые защищались, сбрасывая с горы камни (2). Аналогичные предания о столкновении новгородцев с чуждью записаны были позже на севере в Архангельской губернии С. В. Максимовым, слышавшим их на Онеге, Пинеге, Мезени (1, т. II). Вся рассмотренная группа преданий носит топонимический характер.

2

Предания о древних богатырях и борьбе племен были предшественниками собственно исторических преданий, в которых отразились, как и в исторических песнях, главным образом явления истории XVII—XIX вв.

Исключительно с северными районами связаны в нашем материале предания «о панах», отразившие события, связанные с польско-литовской и шведской интервенцией. Бесчинства панов, разоряющих деревни, позорящих женщин и т. д., заканчиваются в преданиях их гибелью: запертых в чулане, их расстреливает крестьянин, жену которого они хотели обесчестить (5, № 40), похищенная панами девушка бежит от них на лодке, пока паны бражничают на острове, а мучимые голодом злодеи сами бросаются с утеса в озеро; остров на Онежском озере с тех пор называется «Девичьим» (2).

В некоторых сюжетах ясно проступает влияние христианской легенды: намеревающиеся разорить деревню паны застигнуты грозой, ослеплены и саблями рубят друг друга (5, № 40). В некоторых рассказах кару над насильниками совершает свяtitель Николай (5, № 40).

Во многих преданиях о панах развивается «сусанинская» тема. Жадные до золота враги хотят найти клад или богатых крестьян. Кто-нибудь из местных жителей наводит их на ложный след, приводящий к гибели. В с. Мегры Лодейнопольского у. крестьянин во времена «Смуты» встретил около тысячи вооруженных людей и обозы. Он решился пожертвовать жизнью ради спасения соседей. Обещая указать врагам богатых жителей, он водил их с места на место. Ночью привел к равнине, где враги исчезли. На месте их гибели образовался ручей, называемый «Панским» (3).

В повенецком предании рассказывается о том, как паны грабили народ, убивали и жгли дома жителей; проводник у порога на р. Сегеже сам выпрыгнул на камень, панов столкнул «на струю», где они и погибли (7). Аналогичный способ расправы со шведами применяет крестьянин-силач из деревни Порос-озеро. Неузнанный, он является к панах, пришедшим его разыскивать, отправляет врагов на лодке, сам следует по берегу, обещая поймать и показать им силача. Дойдя до крутой скалы, где глубина воды достигает трех сажен, он опрокидывает лодку со шведами. Скала называется «Шведским камнем» (5, № 41; 6).

Только в одном предании, записанном С. В. Максимовым, панок Нюхча раскаивается в злодеяниях, принимает христианскую веру, становится простым крестьянином (1).

Как и в ранее рассмотренной группе преданий о силачах, в преданиях «о панах» все сюжеты выражают идею справедливого возмездия врагам, посягающим на народное благосостояние. В роли мстителя оказывается простой человек (крестьянин), иногда легендарный старичок-заступник. Как и первая группа преданий, предания о панах в середине прошлого века распространены были в северных губерниях (Архангельской и Олонецкой) и носили топонимический характер.

Единственный сюжет о «шведах», записанный в Черниговской губернии, относится скорее к группе преданий о кладах. Бежавшие шведы, по преданию, зарыли в четырех верстах от Батурина на перекрестке трех дорог под дубами клад: «богацько значит понабирали вони дорогого всякой худоби — и грошей і всього», на дубе вырубили крест, с тех пор он зовется „хрещатый“» (4).

Самое широкое распространение (по сравнению со всеми остальными историческими преданиями), судя по опубликованным в 1860—1870-е годы материалам, получила группа преданий о защитниках крестьян-тружеников, становящихся предводителями народных движений (Степан

Разин, Емельян Пугачев), или об удальцах, известных только в пределах какого-то небольшого района (Кудеяр, Гришка, Сирота и др.). В этих преданиях в сущности развивалась та же тема — установление справедливости, наказание обидчиков крестьян. В предыдущих двух группах такими обидчиками являлись внешние враги или легендарные силы-великаны, здесь — представители высших сословий — помещики, царские чиновники, тема приобретала социальный характер. Количественное соотношение разных видов преданий об удальцах внутри всего этого рода показывает степень популярности отдельных видов.

Наиболее популярными и наиболее изученными являются предания о Разине и Пугачеве, собранные и опубликованные в настоящее время в специальных сборниках. Пересматривать все эти сюжеты вновь мы не будем, сошлемся лишь на выводы исследователя, проверив и дополнив их публикациями, извлеченными из периодической печати. В данном случае цель заключается в том, чтобы, рассмотрев эти публикации в одном ряду с другими, — уже известными, аналогичными материалами, определить степень их распространения в народной традиции в изучаемый период, локализацию, обратив внимание на форму повествования.

Предания или «сказания» о Разине и Пугачеве исследовались в работах А. Н. Лозановой.³ Ею был составлен специальный сборник песен и преданий об этих двух популярных героях русской народной поэзии.⁴ Следует обратить внимание, что источником для этого сборника послужили преимущественно записи, почерпнутые из публикаций середины XIX в. (1850—1870-е годы). Из двадцати трех текстов рассказов и преданий о Разине половину составляют записи 60—70-х годов, два номера — 36 и 37 — заимствованы из монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (6). К № 36 указана параллель из записей Д. Н. Садовникова и П. И. Якушкина (записи 60—70-х годов); №№ 39, 42 и 57 — из Д. Н. Садовникова (18); № 43 — «Путевые письма из Астраханской губернии» П. И. Якушкина (19); №№ 44 и 45 — из сочинения И. И. Железнова «Уральцы» (20). Предания, связанные с темой кладов — №№ 54, 55, 56, — из статьи Н. Я. Аристова (13).

Перечисленные тексты, хотя и подвергались в источниках некоторой обработке (например, в «Путевых письмах» П. И. Якушкина и у И. И. Железнова, или были пересказаны Н. И. Костомаровым), являются наиболее полными из всех, опубликованных в сборнике, сюжетно оформленными повествованиями, содержащими ярко выраженный фантастический элемент.

Текстов русских волжских преданий о Пугачеве в сборнике А. Н. Лозановой семь — №№ 14—21. Из них пять — №№ 16—18 и 20—21 — записаны в 1860—1870 годы П. И. Якушкиным, Н. Я. Аристовым, Д. Н. Садовниковым (13, 18, 19), Николаевым (3). Рассказы уральских казаков о Пугачеве — №№ 33—45 — все перепечатаны А. Н. Лозановой из книги Железнова по его записи 1858 г. Они были подготовлены к изданию в 1859 г., но по цензурным условиям увидели свет лишь в 1888 г. (20).

Таким образом, ясно, что основной фонд записей фольклорных рассказов (воспоминаний, преданий, сюжетных легенд) о Разине и Пугачеве был создан усилиями собирателей 60—70-х годов XIX в., обратившихся к этому материалу под влиянием эпохи и того оживленного интереса

³ А. Н. Лозанова. Народные легенды и предания о Степане Разине. — Художественный фольклор, IV—V. М., 1929, стр. 53—63 (тематический обзор сюжетов).

⁴ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Ред. и примеч. А. Н. Лозановой. М.—Л., «Academia», 1935.

к истории народа, о котором говорилось выше. Извлеченные из местной периодики предания о Разине и Пугачеве, перечисленные в прилагаемой ниже библиографии, дополняют материалы, приведенные А. Н. Лозановой, и в общем подтверждают ее вывод о жанровой специфике разинских и пугачевских преданий. Предания и рассказы о Разине проникнуты фантастическим элементом. Чаще всего Разин изображается великим чародеем,⁵ в то время как рассказы о Пугачеве — Петре III даны в реалистическом плане, складываются не в сказку или легенду, а в рассказ о близком, почти семейно дорогом человеке. В этом специфика фольклора о пугачевщине, в этом отличие его от фольклора о разинщине, при общности идеологических устремлений того и другого.

Среди приведенных в нашей библиографии преданий (раздел III) наиболее распространенной оказалась группа преданий о Пугачеве (в сборнике А. Н. Лозановой их процент невелик). Причем все эти материалы (за исключением № 58) записаны в Поволжье. Возможно, это было связано с тем, что историографы, настойчиво обращаясь в 1860-е годы к пугачевской теме, привлекали к ней внимание местных собирателей. Так, редактируя в конце 50-х годов «Саратовские губернские ведомости», Д. Л. Мордовцев, работавший над монографией о Пугачеве, писал: «Все предания, рассказы и современные рукописи о Пугачеве редакция будет принимать с особенной признательностью. Особенно драгоценны для нас записки очевидцев» (2). Но, кроме того, тема эта, созвучная эпохе, перекликалась со многими явлениями крестьянской жизни предреформенного периода и первых лет после реформы, поэтому она вызывала интерес и у собирателей, и у рассказчиков, сообщавших предания, причем трактовалась по-разному. Прежде всего следует указать на отдельные свидетельства, присланные в редакции газет, о распространении на Волге (главным образом в Саратовской губ.) рассказов о Пугачеве. Некий А. Л. сообщал в газету «Волга» о распространении преданий о татарском иге, киргиз-кайсаках и Пугачеве. «Украинцы, переселившиеся сюда около времени Петра I, — писал он, — принесли сказания об удалых запорожцах, своем казачестве, и новому поколению передают в песнях, сказках и рассказах подвиги Палая, Богдана Хмельницкого <...> Рассказы о подвигах героев Украины передаются наряду с рассказами стариков о лесах и берегах рек, горах и полях, Пугачеве, разбойниках» (8).

Приводятся и рассказы очевидцев, переданные через людей следующих поколений в форме воспоминаний о милости и справедливости Пугачева. Остановившись на Соколовой горе, Пугач отправился в острог и распустил колодников, «был зол на бояр по жалобам от ихних крестьян». Вольница Пугачева увела у отца рассказчика табун, Пугачев велит дать ему деньги из своей казны (4). Аналогичный рассказ сообщила пирожница Вахрамеевна, которой Пугачев велел отдать деньги за отнятый его людьми кошель (3). Сведения о приходе Пугачева в Курмыш из-за Суры и торжественной встрече его горожанами сообщались в «Симбирских ведомостях» (10). Несколько преданий приведены в статье Н. Я. Аристовой (9). Пугачев крестит ребенка, расправляется с помещицей и дочкой барина, последнюю выдала сenna девушка за то, что «люта была». Крестьяне бранят жестокого барина и хвалят дякона, который «ест и пьет с ними, да еще заступается». Пугачев дарит ему камышковую лошадь и топор. Пугачев велит мужику бить горшки и приговаривать: «Дай бог тебе, Емелюшка Пугач, кашивать головки всей боярской и приказной твари».

⁵ Там же, стр. LIII.

В записи Д. Н. Садовникова сообщается о разговоре пойманного Пугачева с помещиком, от которого последнему сделалось дурно (16). В ряде преданий сообщается о поимке Пугачева и расправе с ним (17). Некоторые рассказы носят следы влияния церковной легенды: подъехав к одному из пермских заводов, Пугачев увидел старцев на лошадях, из ворот выступило войско (хотя солдат на заводе не было), перед которым Пугачев отступил (11). За совершенные злодеяния Пугачев попадает во власть нечистой силы (5). По-видимому, рассказы создавались в разных социальных кругах.

Из обзора следует, что опубликованные предания о Пугачеве сохранились главным образом в местах, где он наиболее активно действовал (Саратовская, Симбирская губернии, по материалам И. И. Железнова — Урал), лишь единичные записи дошли из Пермской и Воронежской губерний. Почти все рассказы — простые воспоминания, свидетельства очевидцев и их потомков об отдельных случаях; развитого сюжета в них нет. Исключение составляют пермское и воронежское предания, где появляется сюжет и фантастический элемент. Видимо, на Волге и на Урале память о Пугачеве и его действиях была еще настолько свежа, что процесс превращения воспоминания в легенду не происходил.

Слабо выражен в рассказах и топонимический элемент (только в том же пермском предании указано, что гора, на которой Пугач со своими сообщниками «думу думал», называется «Думной»). Характерно, что и Д. Л. Мордовцев в своей монографии о Пугачеве ссылался главным образом на «воспоминания» и слухи, бродившие в народе перед появлением Пугачева (14).

Иное с преданиями о Разине. Хотя в нашем материале публикаций их меньше, нежели рассказов о Пугачеве, популярность их в XIX в. (судя по записям П. И. Якушкина, Д. Н. Садовникова и др., приведенных А. Н. Лозановой) была велика. Локализация их также достаточно определенная, большинство записей сделаны в районе Нижней Волги, где, как известно по новейшим исследованиям (работы Л. С. Шептаева),⁶ они сохранились и до нашего времени.

Среди записей есть несколько рассказов о том, как Степан Разин стал атаманом (18, стр. 328—332), но большинство носит легендарный характер и отличается ярко выраженным сюжетом. Таково записанное П. И. Якушкиным предание о встрече Разина с астраханским воеводой и шубе, которую отдал ему Разин (19, стр. 408—409), топонимическое предание о Настиной горе, где якобы погребена любимая жена Стеньки (15), о Султанке и купеческой дочке, о неуязвимости Разина, который не пошатнулся от выстрела атамана Уракова и сам вынул из груди пулю (1), сюда же относятся рассказы в записях П. И. Якушкина и Д. Н. Садовникова об освобождении из неволи, приведенные в сборнике А. Н. Лозановой (18, стр. 341; 19, стр. 407), а также несколько вариантов рассказов о мучке, которую принимает Разин за грехи: обычно старушка или девушка в лесу видят избушку, а в ней мужика, грудь которого сосет змея или клюет орел-птица (7; 20, стр. 57—61). В рассказе бабушки Тимофеевны (12) Разин также воспринимается как грешник, ассоциируясь с другими образами разбойников, которых народ считал виновниками многих бед, происходивших на больших дорогах не только с богатыми, обидчиками крестьян, но и с самими крестьянами.

⁶ См.: Л. С. Шептаев. Ранние предания и легенды о Разине. — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, стр. 78—99, и другие его работы.

Чем же объясняется различие типов рассказов о Разине и Пугачеве? Некоторые исследователи преданий о Разине считают легендарность рассказов о нем порождением XVII в. Ссылаясь на исторические документы времен Разина, Л. С. Шептаев доказывает, что представления о еретичестве, способности к превращениям, о заклатиях и т. п. были характерны для широких масс народа, отразились в следственных документах, относящихся к разинскому движению, и в устных рассказах о нем, возникавших по следам событий. Однако эти представления сохранялись в сознании большей части крестьян еще и в XVIII, и в XIX в.; сохранялась вера в колдовство, в заговоры, в порчу и т. п., но с именем Пугачева они не связывались. Сообщивший П. И. Якушкину рассказы о Разине и Пугачеве казак замечал, что Разин с Ермаком и Пугачевым — не одна статья. Пугачев с Ермаком были великие воители, а Стенька Разин и воитель был великий, а еретик — так, пожалуй, и больше, чем воитель.

По-видимому, было невозможно присоединение фантастического элемента (легко входившего в повествования, относящиеся к отдаленной эпохе, — о панах, о Разине) к рассказам о лицах, хорошо известных народу как реально существовавшие деятели, которых знали отцы и деды, с уважением рассказывавшие о них, а в некоторых случаях даже отмечавшие родство с ними (рассказ о женитьбе Пугачева на уральской казачке Устинье Петровне). Далее мы увидим, что фантастического элемента почти лишены предания и о других исторических деятелях XVIII в. (об А. В. Суворове, о князе Голицыне, многие предания о Петре I и др.). О них, как и о Пугачеве, сохранились воспоминания потомков очевидцев, создавались вымышленные сюжетные рассказы, их имена даже переносились в сказку (бытовую), но легендарный фантастический элемент этим рассказам свойствен не был.

4

Другое дело — предания о многочисленных удальцах-разбойниках, частью безымянных, в существование которых верили, как верили в леших, домовых, призраков и т. п., старались убедить в достоверности рассказываемого слушателей, но вместе с тем допускали в эти рассказы легендарный, фантастический элемент.

В очерках П. И. Якушкина «Путевые письма из Орловской губернии» неоднократно упоминаются народные рассказы о разных разбойниках XVIII и первой половины XIX в. — о Сироте, Дуброве, Тришке Сибиряке, пользовавшихся сочувствием народа, о попе Ерёме, о злом разбойнике Кудеяре, о Гришке Отрепьеве, о Болотникове, которого тоже считали колдуном (20). Рассказы о некоторых из них (атаман Беркут, Ханин и др.) приводит Д. Л. Мордовцев в своей книге о самозванцах (11). О разбойниках Кореневе, Гёркуше вспоминает С. В. Максимов в книге «Сибирь и каторга» (15). Предания о Быкове приводит Д. Н. Садовников (19). Н. Я. Аристов в упомянутой выше статье 1864 г. сообщает о некоем Фомке, который напускал на солдат пчел, бедных жалел, подкидывал им деньги, разбогатевших наказывал за скардность.

Здесь же передаются сюжетные предания о разбойнике Суворове, жившем в царствование Екатерины II на границе Симбирской и Пензенской губерний, который проучил помещика и его гостей, вздумавших во время именин хозяина изловить разбойника. С помощью магической силы Суворов заставил их маршировать по двору, а затем, поздравив барина с ангелом, потребовал, чтобы его напоили. Далее сообщается о его неуязвимости — в остроге скидывал «железы», нырял в ковш с водой (7).

В. Майнов опубликовал предание о справедливом разбойнике Сидорке (17), гулявшем от Рязани до Тулы. В других публикациях встречается ряд остроумных, прекрасно сложенных сюжетных рассказов: об Уланке, проучившем на Вологодском тракте заседателя (16), о неуязвимости и добродушии его, о поволжской разбойнице Авдотье, об атамане Рузавине, которого предал один из местных крестьян (18, стр. 52), об атамане из с. Соплевки и предавшей его возлюбленной (7) и др.

Наряду с преданиями о справедливых разбойниках, ловких, находчивых, а иногда и обладающих магической силой мстителях, в народной традиции середины XIX в. бытовал ряд преданий о наказании разбойников-злодеев, несправедливо обидевших людей простого звания. И в этих рассказах присутствие легендарного элемента почти обязательно. Василий Сибиряк обладает способностью «заговариваться» во время наказания на «кобыле». Но когда старуха, у которой он напрасно убил сына, велит палачу бить по его тени, на теле его появляются рубцы и кровь (7). Когда разбойники из шайки Разина хотят отнять у мужика мед, они не могут сойти с места. Дочери угольщика Маше помогает спастись от разбойника р. Десна, меняющая русло (3), — вариант этого предания приведен П. И. Якушкиным, здесь разбойник носит имя Кудеяра (20, стр. 292).

Личность героя в преданиях о разбойниках неодинакова. Выступая защитником крестьян, он, как и в преданиях о Разине, становится центральным, активно действующим лицом, творящим справедливый суд и расправу, обладает находчивостью, умом, ловкостью, а иногда и сверхъестественной силой. Как обидчик крестьян он сам становится объектом справедливой кары сверхъестественных сил. В тесной связи с преданиями о разбойниках, носившими легендарный характер, находились и предания о кладах.⁷ Здесь мы называем только те сюжеты о кладах, которые связаны с именами лиц, в существовании которых рассказчики не сомневались. Поэтому условно такие рассказы могут быть отнесены к преданиям «историческим». Они выражали мечты обездоленных и нищих крестьян о неожиданном счастье, случайном обогащении (13). А. Н. Лозанова заимствует из работы Н. Я. Аристова три сюжета, связанных с именем Степана Разина (13, стр. 715—723), один сюжет заимствован ею из сборника Д. Н. Садовникова. В периодических изданиях 1860—1870-х годов встречается довольно много преданий о кладах, соотносимых с историческими лицами, пять из них также связаны с именем Разина, удалые подвиги которого до того врезались в память жителей Поволжья, что они видят его след чуть ли не в каждой горе, скале, кургане и пещере на волжском побережье.

Кроме удачества, народ наделял Разина способностями чародся, а когда нечистая сила оставила его, он задумал схоронить казну на р. Писковатке, где зарыл целое судно с серебром, золотом и драгоценными камнями, приставив стражем одного из подвластных ему духов. Сверху Разин воткнул яблоневую палку, которая проросла и стала давать плоды без семян. Землекопы, прокладываявшие на этом месте почтовый тракт, столкнулись здесь с мохнатым страшилищем (14). Ф. Д. Нефедов сообщил рассказ лоцмана о кладе «на 40 человеческих голов», зарытом Разиным в глубине пещеры за озером, через которое надо переплывать на заколдованной лодке (18, стр. 57). Киргизы уверяли, что из Богдинской пещеры (в Астраханском крае), куда, по преданию, Разин складывал награбленные сокровища, выходил старик в золотой шапке и с золотой палкой (6).

⁷ В 1860-х годах эти предания стали предметом специального исследования Н. Я. Аристова.

В ряде преданий о кладах имя точно не сохраняется: «Кто бат Разиным, кто бат Пугачевым, а иные бают тут и своих было много» (разбойников) (2). Рассказчику важно не имя, а то, что основателем клада был местный разбойник, обладавший несметными сокровищами, и что достать клад можно, применив магическую силу.

С безымянными местными разбойниками связывались клады и в Воронежской губернии (9) — время основания клада, когда на Дону Петр завел верфь и в Воронеже чеканили монету, в Казанской губернии (8), в Болховских преданиях Орловской губернии (12) и др. В некоторых местностях клады связывались с именем разбойника Кудеяра (10), с панами и др. (1, 4, 5, 6). Все предания о кладах и разбойниках содержат ярко выраженный фантастический элемент: чудесное, сверхъестественное проявляется в момент явления клада кому-либо из крестьян, а также становится условием добывания клада.

В отличие от ранее рассмотренных групп преданий (о панах, имевшие северную локализацию, предания о Разине и Пугачеве, записанные главным образом на Нижней Волге и на Урале) район распространения преданий о разбойниках — защитниках народа и о кладах, скрытых ими в пещерах и курганах, значительно шире. Кроме тех же (северных и приволжских) губерний, они распространены были в середине прошлого века в центральных и южных губерниях (в Среднем Поволжье, Орловской, Воронежской, Черниговской) — преимущественно в районах земледельческих, где положение крепостных крестьян было наиболее тяжелым. В связи с этим здесь особенно развивались мечты о справедливом возмездии и счастливом обогащении, облекавшиеся в форму легендарных рассказов. Однако есть единичные записи и из северных (Новгородской и Олонецкой) губерний.

Значительная часть преданий о кладах и разбойниках носит топонимический характер. Повествование в них не всегда отличается отчетливо сложившимся сюжетом, в ряде случаев просто сообщаются воспоминания, не имеющие сюжетного стержня. Но фантастический элемент — чудесные явления, предвещающие или сопутствующие появлению кладов или действиям разбойников — в подавляющем большинстве рассказов обязателен.

5

В монографии К. В. Чистова выделены три вида социально-утопических легенд — о золотом веке, о возвращающемся избавителе и о далеких землях (исследование посвящено двум последним видам). Все они с полным основанием рассматриваются как выражение идеалов народа, его мечты об избавлении от ига крепостничества, установлении социальной справедливости и жизни в довольстве и счастье. Автор монографии выделил материал главным образом из письменных документов XVII—XIX вв. Изучение привело его к выводу, что если подобные легенды в совокупности бытовали продолжительное время, то историческая жизнь отдельных легенд оказывается довольно ограниченной.⁸ Легенды, возникшие в XVII и даже XVIII вв., в XIX в. уже не бытовали. Этим, видимо, и следует объяснить ограниченность подобного рода рассказов в репертуаре середины XIX в.

Среди привлеченных в статье материалов имеется всего четыре подобных рассказа. Один из них — «Старинное предание» из Архангель-

⁸ К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, стр. 25.

ской губернии — сохранил отзвук древнего мифического культа оленя, видимо восходившего к тотемизму. По содержанию своему он может быть отнесен к преданиям «о золотом веке». Автор публикации в глухом селенье Озерцы Холмогорского уезда записал рассказ о былом благополучии местного населения: «Прежде каждый год родился хлеб, а ныне в три года раз, и то недошлый». «Бывало, в лесу птица говором говорила, белка на каждом шагу попадалась <...>». Былое благоденствие рассказчик связывает с ежегодным появлением в день праздника Егория оленя, который добровольно отдавал себя в жертву поселянам, делившим его мясо и не трогавшим своей скотины. Когда же, по маловерию, не дождавшись оленя, крестьяне убили свою скотину, они были наказаны исчезновением оленя, а с ним вместе и благополучия (2).

В другом предании («С Узенья и Иргиза») рассказывается о предприимчивых ходоках-колонидах, отправляемых крестьянами на поиски новых земель. Посещенные ими места представляются чем-то вроде «страны, орошаемой молочными и медовыми реками», куда люди убегали тайно. Но надежды переселенцев оказались обманутыми, и в связи с этим возникал идеал былого благополучия. Оказывается, что на покинутых местах (под Балашовом) и лесу было вдосталь, и «сомы ловились страшные — пудов по пяти», в степях было множество диких коз (1).

Остальные предания, напротив, рассказывают о вольной и зажиточной жизни поселенцев в таежной сибирской глуши. Оба приведены С. В. Максимовым. Первое из них — предание семейских о поселении их за Байкалом на р. Иро. Чиновник привез их на место в тайге. На вопрос: что им есть? — последовал издательский ответ: «А вот станете лес рубить, полетят щепки — щепы эти и ешьте». Рассказ носит вполне реалистический характер. Земля оказалась благодатной: «ожили, повеселели». Приехавший чиновник руками развел: «А вы де еще не подошли?» (3, стр. 323). Во втором предании заблудившийся в тайге около Колымского устья путник по звону колокола попадает в скрытое поселение вольных охотников, которые щедро одаривают его шкурами зверей и, завязав глаза, выводят на дорогу, причем берут слово — не открывать их местопребывания (3, стр. 327—328). С. В. Максимов сообщает о широком распространении таких рассказов.

Все эти предания носят местный характер, связаны с местами переселений — в степные районы Заволжья, сибирскую тайгу. Сюжетного стержня рассказы не имеют. Три последних предания лишены фантастического, сверхъестественного элемента. Художественный вымысел в них является выражением мечты народа о зажиточной жизни (как в волшебной сказке). Рассуждения об изобилии включаются в текст бытового рассказа. Только в холмогорской легенде возникает фантастический образ оленя. Малое распространение этих преданий в публикациях 1860—1870-х годов объясняется, вероятно, тем, что бытовали они преимущественно в тех районах, где записи почти не производились. Книга С. В. Максимова была первым этнографическим исследованием быта сибирских переселенцев.

Группа преданий о государственных деятелях XVI—XVIII вв. в публикациях 1860—1870-х годов представлена рядом записей, среди них прежде всего предания об Иване Грозном (небольшое количество сюжетов) и более многочисленная группа преданий о Петре I. Как и ранее рассмотренные группы, они локализованы, связаны с местами, где развернулась

деятельность исторического лица. Предания о Грозном связаны с Нижегородским краем. Здесь через леса пролегал путь Грозного с войском к Казани. Одним из первых собрал и опубликовал их П. И. Мельников (1, 16), некоторые тексты остались в рукописях писателя (18). Это преимущественно предания о курганах, насыпанных Грозным в память о том или ином знаменательном событии, о помощи ему местных жителей; большинство рассказов носит топонимический характер, они лишены ярко выраженного сюжета и фантастических черт.

Новгородские и псковские предания (сохранившиеся в основном в записях П. И. Якушкина) отличаются отрицательной трактовкой образа Грозного, подчеркивают его жестокость по отношению к новгородцам и псковичам. Это — предания (новгородское и псковское) о колоколе, «уши» которого были по приказанию царя отрублены за то, что от звона этого колокола конь под Иваном «на колена пал» (5). Испуганные псковичи молят бога об укрощении царя сердца, встречают его хлебом-солью, но Микола Христоуродливый скачет к царю верхом на палочке, крича: «Ивашка, Ивашка, ешь хлеб-соль, а не человеческую кровь», ставит перед царем сырое мясо, говоря, что он хуже собаки, потому что ест живое человеческое мясо (5, стр. 159).

Фантастическим элементом характеризуются два предания о Грозном. Новгородское повествует о том, как распалившийся гневом царь приказал народ «рыть в Волхов», связав по два «спина со спиной», но мертвые становились стеной, с тех пор Волхов не замерзает. Псковское предание, носящее явный налет христианской монастырской легенды, — о печорском архимандрите Корнилии: Грозный отрубил ему голову, но обезглавленный старец продолжал преследовать царя (5, стр. 120—122, 159—161).

В отличие от псковских и новгородских преданий, в приволжских Грозный изображен сочувственно, ему приписывается демократическое происхождение, подчеркивается его связь с народом. Жестокость царя оправдывается тем, что он борется с боярами (13).

Третья группа преданий связана с местами русско-ливонской войны. В центре рассказов здесь не образ самого Грозного, а событие — защита русской земли от врагов. В одном из них говорится, что по просьбе русских, живших на территории, подвергавшейся нападению соседей, Иван прислал войска и построил крепость Иван-город (12, № 14). Второе предание, записанное от жителей г. Нарвы, о рыцаре Индрике, носит следы литературной обработки в романтическом стиле и повествует о сыне рыцаря, перешедшем на сторону русских (12, № 15—16).

Таким образом, как и в исторических песнях, образ Грозного в преданиях получил двойственную оценку: в псковских и новгородских преданиях подчеркивалась его жестокость, в тех землях, где войско Грозного вело борьбу с иноземными врагами Руси, царь изображался защитником русской земли, укрепляющим ее границы на благо народа. Большинство преданий представляет собой короткие сюжетные повествования бытового характера, фантастический элемент проявляется только в двух текстах.

Значительную часть опубликованных материалов составляют предания о Петре I. Их распространение также связано с местами, где Петр бывал, где сохранились следы его неутомимой деятельности. Наибольшее количество преданий записано в северных губерниях (10, 14), есть публикации из Воронежской губернии (где при Петре создавались верфи), из Нарвы, единичные публикации из Поволжья.

Преобладающее большинство среди этих записей принадлежит сюжетным и несюжетным рассказам бытового характера, в которых Петр изо-

бражается сочувственно. Положительно оцениваются действия Петра, направленные на благоустройство России. Он бродил десять дней по лесам и болотам, ища места для соединения Ковжи с Вытегрой (10, стр. 302—303), во время строительства Мариинского канала. Сочувствие вызывали простота и демократизм Петра в общении с крестьянами — он пирует с ними в поле на соломе, крестит ребенка у мужика, поит всех гостей анисовой, дарит куме чару (14, стр. 34). В преданиях подчеркивается здравый смысл Петра, ценящего в человеке ум, находчивость, доброту. Петр прощает жадного священника, давшего ему остроумный ответ, и делает его членом духовной коллегии (11, № 37), призывает в столицу олонецкого воеводу, честно признавшегося, что в канцелярии у него нет челобитных, так как он мирит ссорящихся (4), за гостеприимство одаривает кафтаном (2, стр. 101), солдата отправляет в свой полк полковником (15).

Те же темы развиваются и в сказочных сюжетах, прикрепленных к имени Петра.

Народ ценил справедливость Петра, собственноручно расправлявшегося с солдатом, который пытался грабить завоеванный город, рассказывал о поддержке, оказываемой Петру местными жителями: переодетого Петра, осматривавшего перед наступлением вражеский город, спасает от шведского командира немец Гетте; он же утром тайно вывозит Петра в телеге под досками, за что Петр, после взятия города, делает Гетте бургомистром и становится крестным его сына (12, № 22). В бессарабском предании сообщается о совместной с румынами борьбе Петра против турок (6).

В Воронеже, по словам собирателя, предания и воспоминания о пребывании Петра I связаны преимущественно с названиями некоторых деревень в окрестностях губернского города и с некоторыми материальными памятниками (8). К имени Петра прикрепляли в Воронеже широко распространенные сюжеты народных преданий («Конь-колодезь»). Ряд топонимических преданий о Петре встречается и на севере: название деревни «Важносалма», производящееся от пира на соломе в поле; с Петром I связывается название свирского порога «Лисья голова» и др. (14, стр. 34).

Образ Петра в преданиях не идеализирован. Как и образ Грозного, он получает двойную оценку. В некоторых преданиях отмечается его суровость, крутой нрав: он облагает крестьян налогом, строит кабак, в котором народ, копающий каналы, разоряется (10, стр. 309).

Ряд преданий о Петре окрашен в тона христианской легенды: Петр нарушает какой-либо религиозный запрет и в результате этого терпит наказание, трогает жезлом мощи, откуда на него сыплются искры, буря на озере заставляет его признать, что «повенецкий Петр» (святой) сильнее его (2, стр. 103; 10, стр. 297—299), и т. д. Большинство этих преданий связано, видимо, с монастырской традицией (Соловецкой и др.) и представлениями о Петре-антихристе, распространенными в раскольной среде.

Е. В. Барсов приводит несколько рассказов о Петре, где сам Петр наделяется чудодейственной силой: умиряет Ладогу плетью (10, стр. 297), встретившись на «Ладожском море» со «свейскими» судами, трубит в золотой рожок, собирает ветры в густую тучу, губящую «свейские» лодки (11, № 36). Но таких преданий в публикациях значительно меньше, чем бытовых рассказов.

Вообще, если сравнить предания об исторических деятелях XVIII в. с преданиями о событиях и деятелях более раннего периода, до XVII в.

включительно, можно заметить постепенное стирание фантастического элемента. Выше это было отмечено при сравнении преданий о Пугачеве с преданиями о Разине. Среди исследуемых материалов есть единичные записи преданий о других деятелях конца XVII—XVIII вв. Таковы записанные С. В. Максимовым на Севере предания о сожжении протопопа Аввакума (3, стр. 19), о князе Голицыне, высланном в 1689 г. сначала в Каргополь, затем в Пустозерск и, наконец, на Пинегу (3, стр. 60—62). В том и другом рассказе сообщаются обычные бытовые сведения.

Вполне бытового характер носит и приведенное В. А. Слепцовым предание об А. В. Суворове, записанное в дер. Хреново, принадлежавшей зятю Суворова Н. А. Зубову. В рассказе сообщается о том, как царь пожаловал Суворову новую фамилию «Нералисси́нам», о приезде Суворова в Ундол из Питера. Он стал строить дом, разводить сад, взял дедушку рассказчика из «крестьян» «во двор»; мать его «девчонкой» во время сна Суворова отгоняла мух. Суворов любил, чтобы его величали не «вашим сиятельством», а по имени и отчеству (17). Как и во многих рассказах о Пугачеве, здесь передается воспоминание одного из ближайших родственников рассказчика о действительно бывших событиях.

Только о двух деятелях, выделявшихся, по мнению народа, своими познаниями и способностями, казавшимися рассказчикам сверхъестественными, создались рассказы полулегендарного характера: рассказ о министре Петра I Брюсе, который «все без счета мог сосчитать», знал все травы тайные, камни чудные, составы разные из них делал, «воду даже живую произвел», причем эту «живую воду» сам рассказчик отделяет от сказочной. На вопрос слушателей — «Это ту живую воду, которую знает Змей Горыныч?» — рассказчик недовольно отвечает: «Какой вам тут Змей Горыныч? Про его в баснях бабы рассказывают, а это был Брюс, министр, арихметчик» (9). По-видимому, рассказы о развитии научных открытий в эпоху Петра и позднее доходили до народа, приобретая в его среде характер полудостоверных повествований о чудесных способностях реально живших, но особых, выдающихся людей.

Вторым таким рассказом было записанное П. С. Ефименко в Матигорах (в 6 км от Холмогор) предание о М. В. Ломоносове (7). Никаких реальных сведений о своем земляке крестьяне собирателю дать не могли, они знали только, что из крестьян он сделался большим барином, некоторые прибавляли, что подобно колдунам он «разводил тучи». Однажды над Петербургом нависла грозная туча, Екатерина II приказала Ломоносову отвести эту тучу. Ломоносов было отказывался: «что это де не по силам его», наконец послушался. Как только стал отводить тучу, разразилась гроза и убила его. Хотя Ломоносов здесь и сравнивается с колдуном, отличие его от последних очевидно; колдуну все по силам, здесь же человек, которого постигла неудача. В обоих этих рассказах об ученых людях легендарный элемент своеобразен и довольно ограничен.

7

Вполне реалистическую окраску носят два, видимо поздних по происхождению, волжских предания, объясняющие установление местных обычаев и праздников, в действительности восходивших, вероятно, как и упомянутый в холмогорском предании о старых временах обычай съедать на празднике оленя, к доисторическим временам.

Оба волжских предания приводятся Ф. Д. Нефедовым. Он сообщает об обычае «погребения Ярилы», который истолковывается местными жителями (костромичами) вполне реалистически. Был-де один горожанин, звали его Ярилом, был он веселого нрава, устраивал гульбища, жил лет до полутора. Когда умер, «гульбищ его народ не забыл», каждый год стал справлять по Яриле «поминки веселые» (1, стр. 44—45).

В Нижнем, в с. Кунавине, якобы с середины прошлого века был учрежден козий праздник. Учреждение его объясняется распространенным преданием о том, как коза случайно забрела на колокольню и звоном ночью разбудила кунавинцев, предотвратив начинавшийся пожар. В честь этого события ежегодно во второе воскресенье великого поста кунавинцы и нижегородцы пируют и выводят на базарную площадь козу с украшенными лентами рогами (1, стр. 56).

8

Таковы разнообразные по содержанию предания, опубликованные в 1860—1870-х годах. Откликаясь на различные явления общерусской или местной истории народа, они выражали его оценку событий и лиц, его мечты о наказании зла (злых великанов, панов-обидчиков крестьян), об установлении справедливости, о получении чудесным образом богатства (кладов), о вольной и достаточной жизни на новых землях.

Обзор тематических групп исторических преданий позволяет усомниться в правомерности при классификации несказочной прозы выделять, как это предлагают многие исследователи, в самостоятельные, параллельно существующие группы предания исторические (об исторических событиях и исторических лицах) и топонимические.

В большинстве рассмотренных преданий обнаруживается тесная связь их с той местностью, в которой они рассказываются, на почве которой они возникли. Во многих преданиях повествование завершается указанием на местное название (реки, озера, острова, скалы, праздника и т. д.), сохраняющее память о происшедшем событии, т. е. историческое предание является одновременно и топонимическим или этиологическим (почему Волхов не замерзает, почему на дне оврага около Скопина образовался колодезь, как возник Ивангород и многие другие).

Рассмотренные тексты позволяют также сделать наблюдения над формой преданий.

Весь материал (около восьмидесяти номеров библиографин, причем под каждым номером иногда публикуется от двух до пяти рассказов) может быть разделен по форме повествования на две группы. 1. Предания сюжетные, в основе которых лежит более или менее острая коллизия, приводящая к кульминации: нападение «панов» — проводник ведет их к месту гибели и губит их; Степан Разин и Астраханский воевода, требующий шубу; бой из-за девушки, которую Булат не хочет отдать Косогу; предание об Онохе. 2. Предания с менее выраженной коллизией: Разин отказывается заговорить комаров; Петр I встречает разбойников, которые хотят его ограбить, узнав его, каются и жалуются на чиновников, Петр прощает их; переселенцы, брошенные чиновником на р. Иро на произвол судьбы, соединенными усилиями отстраиваются и живут в достатке. Количественный перевес оказывается на стороне сюжетных преданий.

К сюжетным преданиям относятся все рассказы о богатырях-великанах, расправе с ними и ссорах их между собой (раздел I), о панах (раздел II), многие предания о Разине, о разбойнике Кудеяре, Уланке,

об Иване IV и большинство преданий о Петре I, которые нередко приобретают характер короткого анекдота. Всего в исследуемом материале их насчитывается более ста. Рассказов, сюжетно слабо оформленных или неоформленных, около сорока, большинство из них относится к группе преданий о Пугачеве (это было отмечено А. Н. Лозановой и подтверждается другими, неучтенными ею записями), о разбойниках начала XIX в. (Быкове, Чайкине, Фомке), об исторических деятелях XVIII в. (М. В. Ломоносове, А. В. Суворове), некоторая часть преданий о Петре I, о кладах, где часто только сообщается, как и когда зарыто сокровище, каковы условия его добывания; сюда же относится рассказ старика о вольготной жизни на прежних местах.

Второй возможный принцип разграничения материала — в зависимости от присутствия в рассказах фантастического элемента.

Примером повествования с ярко выраженным элементом сверхъестественного являются известные предания о чародействе Разина, о местонахождении кладов — озеро в пещере, до которого можно добраться на волшебной лодке, у кургана, где зарыты котлы с золотом, выходит старик в золотой шапке и т. д. В сюжетных преданиях фантастический элемент выражается по-разному. В преданиях о богатырях — в гиперболических образах самих героев и борьбе с ними обычного парня, обладающего непомерной силой; в преданиях о панах торжествовать победу над врагами помогает чудесный старичок (иногда он — Николай чудотворец) или просто неведомая сила, заставляющая врагов побивать друг друга, р. Десна спасает девицу от разбойника. Разин терпит мучения за грехи, Петр I делает чудеса или терпит наказание за несоблюдение церковных уставов.

Из сказанного ясно, что фантастический элемент в изучаемых преданиях тройкого рода. 1. Связанный с языческими представлениями: заговаривание пуля, другие магические действия Разина или иных разбойников (палка прорастает деревом). 2. В ряде случаев он заменяется чудодейственной силой более позднего христианского происхождения, помощью святого, иконами; появляется представление о наказании за грехи (грешник вынужден терпеть вечную муку). 3. И наконец, в рассказах о богатырях-великанах отразились древние представления о непомерной физической силе богатыря, определившие также и поэтику образа.

Распределение фантастического элемента в разных группах преданий неодинаково.

Богатырский элемент отчетливо связан только с первой, видимо самой древней, группой северных (беломорские и вятские записи) преданий о великанах, он встречается в приволжских и рязанских преданиях о борьбе древних богатырей, принимающей большую часть, как и в эпических песнях, форму единоборства (некоторые публикации, например об Онохе, сопровождаются текстами соответствующих песен или упоминанием о них).

В преданиях-легендах о панах и разбойниках, кладах, о Разине, частично о Петре (т. е. главным образом о событиях XVI—начала XVIII в.) преобладающую роль играет фантастический элемент, связанный с чародейством, проявлением магической силы, которой обладает герой. Иногда к этому примешивается действие сверхъестественных сил христианского происхождения (Никола, икона), иногда эти две силы сталкиваются: обладатель колдовской силы карается после смерти «нечистой силой». Это отражало сложность мировоззрения крестьянства XVII—начала XIX вв., перекрещивание суеверных представлений разных исторических эпох — «двоеверие».

Наконец, предания о деятелях XVIII—XIX вв., записанные через сто и менее лет после события, большую частью фантастического элемента лишены. Это воспоминания очевидцев или их потомков о бытовых событиях, связанных с историческим лицом (Е. И. Пугачев, А. В. Суворов), или вымышленные сюжетные повествования, построенные также на реальных бытовых эпизодах (немец прячет Петра в шведском городе, Екатерина II допрашивает Устинью).

Это указывает на одновременность сложения репертуара опубликованных в 1860—1870-х годах преданий и на различие художественных систем, в которых отражались те или иные исторические события и лица, действительно существовавшие или порожденные фантазией народа и только воспринимаемые им как действительно бывшие (великаны-богатыри). О событиях недавнего прошлого в исследуемом материале легенд почти нет.

Различие характера повествования влияло и на его стилистическое оформление. Несмотря на то, что многие предания переданы в пересказах и стиль живого повествования в целом утрачен, из отдельных пересказов возможно извлечь нестершиеся признаки устного текста, дающие основание для суждений о его стиле.

Первым характерным признаком всех без исключения преданий и легенд, как сюжетных, так и несюжетных, является точное обозначение места, а иногда и времени действия, чем с самого начала подчеркивается достоверность повествуемого. Заканчивается предание часто топонимическим указанием: скала, с которой проводник опрокинул лодку шведов, называется «шведским камнем», в Камышинском уезде есть гора, называемая местным населением «Насиною», говорится о постройках петровского времени в Воронеже, об основании крепостей. Сюжетные повествования коротки, основаны на нескольких эпизодах, из которых один становится центральным (бой между противниками, встреча Петра I с разбойниками), иногда он повторяется трижды.

Основной прием характеристики героя — действие, иногда — диалог, речь героя часто лаконичная, но меткая, иногда полная иронии, напоминающая диалоги в бытовых сказках: «Кто это, такой-сякой, смел мост мне испортить?» — «Мост нисколько не испорчен, а только три тесинки вынуты, да и вынул-то их я»; «Что, — говорит, — бродяга, видно не тяга?» — «То-то вот и есть! Да, не сулись зря!». В несюжетных рассказах о недавних временах (о Пугачеве) нередки попытки охарактеризовать внешность героя: «он росту среднего, приземистый, с рыжей окладистой бородою, в парчевом халате на столе сидит» (III, 20, стр. 127).

Такие характеристики встречаются главным образом в более позднем слое несюжетных рассказов. Что касается более древнего слоя преданий о силачах, в них оформление сюжета иное. Наряду с бытовой сценой и диалогом парня с кормщицом («пошел да и поклонился кормщику и его спутникам, поклонился де и говорит: „возьмите, братцы, меня с собою, я, говорит, хоть наживочником у вас буду“»), встреча с Аникой описывается в эпическом стиле: «Ну тут и схватились борцы, начали они бороться, да только не по-нашему <...> пошли вертеться, сцепившись ногами и руками» (I, 4). Двенадцать богатырей и брат их Оноха «побарывались в схватку», у них идет трехнедельное пирование. В речи богатырей встречаются эпические формулы: «Чем вас, храбрые молодцы, благодарствовать?» — «Дай нам, — говорит Оноха, — княжескую свою дочь» (I, 3). Одновременно об Онохе бытовала эпическая песня.

Таким образом, публикации 1860—1870-х годов дают богатый материал, представляющий совершенно различные, не только в тематическом,

но и в жанрово-стилистическом отношении группы рассказов: наиболее древние — локализованные в северных русских губерниях и частично на Волге — легендарные рассказы о борьбе богатырей, великанов; предания, сохранившие эпический элемент повествования, разработанный в стиле бытовых рассказов, — о событиях и героях XVII—XVIII вв.; о них же сохранилось не меньшее количество сюжетных рассказов-легенд, где чудесное проявляется в способности к колдовству, в обладании магической силой. Предания об исторических лицах и событиях XVIII—XIX вв. легендарного элемента большею частью лишены. Они носят характер бытовых сюжетных рассказов и воспоминаний очевидцев или их прямых потомков.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Предания о богатырях и борьбе племен

1. Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1859, т. I, стр. 180—181, 173—175; т. II, стр. 325.
2. Заринский Г. Ратов-наволоок. — Архангельские губернские ведомости, 1860, № 45 (ч. неофц.).
3. О селе Спасо-Подчурашинском городище. — Вятские губернские ведомости, 1861, № 1 (ч. неоф.).
4. Вережагин. Беломорские предания. — Архангельские губернские ведомости, 1862, № 38, 39 (ч. неоф.).
5. Магнитский В. Бунтовый десяток и Камайкин дол. (Из народных преданий). — Казанские губернские ведомости, 1865, № 50 (ч. неоф.).
6. Прощёний колодезь. (Скопинское предание). — Рязанские губернские ведомости, 1866, № 21 (ч. неоф.).
7. Могила Окся. (Скопинское предание). Публикация Алексеева. — Рязанские губернские ведомости, 1866, № 46 (ч. неоф.).
8. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1. СПб., 1910, стр. 458—459.

II. О панах

1. Максимов С. В. Год на Севере, т. 1. СПб., 1859, стр. 602—606.
2. Ломачевский Д. Этнография Петрозаводского уезда. — Семейный круг, 1859, № 9, стр. 211.
3. Петров К. Народные предания в Олонецкой губернии. — Олонецкие губернские ведомости, 1860, №№ 2, 27 (ч. неоф.).
4. Исаенко М. И. Крещатый дуб. Предание. — Черниговские губернские ведомости, 1860, № 38 (ч. неоф.).
5. Народные предания в Повенецком уезде. — Олонецкие губернские ведомости, 1863, №№ 40, 41 (ч. неоф.).
6. Минорский П. Литовская могила в Шаменском приходе. — Олонецкие губернские ведомости, 1866, № 37 (ч. неоф.).
7. Андреев Ф. Предания и поверья в Массальско-Паданском приходе Повенецкого уезда (перевод с карельского). — Олонецкие губернские ведомости, 1870, № 55 (ч. неоф.).

III. О Степане Разине и Емельяне Пугачеве

1. Саратовские губернские ведомости, 1859, № 11 (ч. неоф.).
2. М[ордовцев] Д. Предания о временах Пугачева. — Саратовские губернские ведомости, 1860, № 5 (ч. неоф.).
3. Николаев. Предания о временах Пугачева. — Саратовские губернские ведомости, 1860, № 5 (ч. неоф.).
4. Предания о временах Пугачева. — Саратовские губернские ведомости, 1860, № 14 (ч. неоф.).
5. Попов. Народное предание о мучениях Пугачева. — Воронежский листок, 1862, № 27.
6. Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. М., 1863, стр. 376—379.

7. Предания о Стеньке Разине. — Волга, 1862, № 88, стр. 349; № 89, стр. 353; № 91, стр. 361—363.
8. А. Л. Несколько местных преданий (Саратовского края). — Волга, 1863, № 93.
9. Аристов Н. Предания о разбойниках. — Северное сияние, 1864, № 6, стр. 359—364.
10. Предание о Пугачеве в г. Курмыше. — Симбирские губернские ведомости, 1865, № 4 (ч. неоф.).
11. Вологодский П. Предание о Пугачеве. (Из рассказов старожилов Полевского завода). — Пермские губернские ведомости, 1866, № 92 (ч. неоф.).
12. Троицкий П. Предание о Стеньке Разине и его товарище Никите по рассказу бабушки Тимофеевны. — Астраханский справоч. листок, 1866, № 154.
13. Аристов Н. Я. Предания о кладах. — ЗРГО по ОЭ, т. 1, СПб., 1867.
14. Мордовцев Д. Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев. — Отечественные записки, 1868, № 8, стр. 419—485.
15. Настина гора. — Саратовские губернские ведомости, 1870, № 186 (ч. неоф.).
16. Пугачев в Симбирске. Сообщ. Д. Садовников. — РС, 1876, т. 15, стр. 875.
17. Расправа с Пугачевым. Сообщ. Д. Садовников. — РС, 1876, т. 17, стр. 172.
18. Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 328—332, 341.
19. Якушкин П. И. Сочинения. СПб., 1884, стр. 407—409.
20. Железнов И. И. Уральцы. — Очерки быта уральских казаков, т. III. СПб., 1910, стр. 57—61, 140—210.

IV. О разбойниках и кладах, ими схороненных

1. Народные предания в Олонецкой губернии. Бочка с золотом (с. Межи). — Олонецкие губернские ведомости, 1860, № 27 (ч. неоф.).
2. Андреев. Чихонастовский курган. — Саратовские губернские ведомости, 1860, № 8, стр. 64 (ч. неоф.).
3. Карянин Д. Брянские предания. — Оберточный листок, М., 1860, №№ 26, 27, 31 и 32.
4. Белавин П. Клад. (Рассказ крестьянки). — Новгородские губернские ведомости, 1861, №№ 12—14 (ч. неоф.).
5. Клады. — Олонецкие губернские ведомости, 1863, № 45 (ч. неоф.).
6. Богданская пещера. — Волга, 1863, № 98.
7. Аристов Н. Я. Предания о разбойниках. — Северное сияние, 1864, № 6, стр. 361.
8. Разбойничий городок и клады в нем близ дер. Карабаш (предание). — Казанские губернские ведомости, 1866, № 46 (ч. неоф.).
9. Аристов Н. Я. Любопытные предания о кладах зап. в слободе Александровке. — Воронежские губернские ведомости, 1866, №№ 50 и 51 (ч. неоф.).
10. Петров С. А. Предание о кладах и Кудяре-разбойнике. — Современный листок, 1866, № 4—5, л. 8.
11. Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1867.
12. Отрыжки из Болховских преданий. — Орловские губернские ведомости, 1868, № 23 (ч. неоф.).
13. Аристов Н. Я. Предания о кладах. — ЗРГО по ОЭ, т. 1. СПб., 1867, стр. 707—740.
14. Лукьянов Е. Заколдованный клад. — Саратовские губернские ведомости, 1870, № 197 (ч. неоф.).
15. Максимов С. В. Сибирь и каторга, т. 1. СПб., 1871.
16. Народные рассказы Ярославской губернии. — Русские ведомости, 1871, № 132.
17. Майнов В. Предание о Сидоркином кургане. — РС, 1872, т. 5, стр. 962—965.
18. Нефедов Ф. Д. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам (от Рыбинска до Пучежа). — ТЭООЛЕАЭ, кн. IV. М., 1877, стр. 52, 57.
19. Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 348—359.
20. Якушкин П. И. Сочинения. СПб., 1884, стр. 298, 291—292.

V. О былом благополучии и вновь заселяемых землях

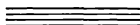
1. С Узенья и Иргиза. — Волга, 1863, № 20.
2. Шелонин. Старинное предание. — Архангельские губернские ведомости, 1865, № 12 (ч. неоф.).
3. Максимов С. В. Сибирь и каторга, т. 1. СПб., 1871, стр. 323, 327—328.

VI. Об Иване Грозном, о Петре I и других исторических деятелях XVIII в.

1. Мельников-Печерский П. И. — Нижегородские губернские ведомости, 1847, № 34 (ч. неоф.).
2. Из описаний Олонецкой губернии Г. Дашкова. — Памятные книжки Олонецкой губернии, 1858, стр. 101, 103.
3. Максимов С. В. Год на Севере, т. II. СПб., 1859, стр. 19, 60—62.
4. Олонецкий воевода. (Анекдот из времен Петра Великого). Сообщил С.-л-в. — Олонецкие губернские ведомости, 1859, № 18 (ч. неоф.).
5. Якушкин П. Путевые письма из Новгородской, Псковской губерний. СПб., 1860, стр. 98, 120—122, 159—161.
6. К. Х. Нравы и обычаи молдаван. — Бессарабские областные ведомости, 1861, № 7.
7. Ефименко П. С. Несколько имущественных актов крестьян Ломоносовых. — Архангельские губернские ведомости, 1868, № 4 (ч. неоф.).
8. М. В. Несколько преданий из окрестностей Воронежа. — Воронежские губернские ведомости, 1869, №№ 2, 3, 4, 50 (ч. неоф.).
9. Народное предание о Брюсе. — РС, 1871, № 4, стр. 168—169.
10. Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края. — Беседа, кн. V, 1872, стр. 295—310.
11. Минорский П. Материалы для истории и этнографии в Олонецком крае. Народные предания и рассказы о Петре Великом. — Олонецкие губернские ведомости, 1872, №№ 36, 37 (ч. неоф.).
12. Руговицев. Предания жителей г. Нарвы. (Материалы для местной истории). — Гдовско-Ямбургский листок, 1872, №№ 14, 15—16, 22.
13. Народные рассказы про старину. Иван IV Грозный. Сообщ. Д. Садовников. — РС, 1876, № 15, стр. 470.
14. Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края. — ТЭООЛЕАЭ, кн. IV. М., 1877, стр. 33—46.
15. Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, № 1146.
16. Мельников П. И. Очерки мордвы. — Полн. собр. соч., т. XII. СПб.—М., 1898, стр. 8—16.
17. Слепцов В. А. Владимирка и Клязьма. — Соч. в двух томах, т. 1. М., 1957, стр. 339.
18. Мельников П. И. Путь Иоанна Грозного. (Рукопись, вторая ред.). — ИРЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 7, л. 115.

VII. О происхождении местных обычаев

1. Нефедов Ф. Д. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам (от Рыбинска до Пучежа). — ТЭООЛЕАЭ, кн. IV. М., 1877, стр. 44—45, 56.

Ю. И. СМЕРНОВ

ПРЕДАНИЕ О РАХТЕ РАГНОЗЕРСКОМ (АА *967) ПО НОВЫМ ДАННЫМ

Предания о Рахте Рагнозерском неоднократно были предметом изучения. Итоги предыдущих исследований, последние по времени обобщения, подведены К. В. Чистовым, осуществившим и публикацию большой серии неизвестных ранее русских, карельских и саамских текстов.¹ Побудительным мотивом настоящей работы послужил весьма существенный материал новых записей, произведенных экспедициями МГУ, экспедицией Петрозаводского университета и во время личной поездки автором этих строк.² Новые данные об ареале распространения сюжета, о его версиях, их генезисе и эволюции заставили в свою очередь произвести дополнительный поиск материала у русских и у их соседей по некоторым печатным источникам. Публикация полученных результатов исследования необходима как этап, позволяющий, между прочим, привлечь внимание специалистов к тем его аспектам, которые в дальнейшем потребуют коллективных разысканий.

1

Прежде всего определим версии записей (около тридцати из них пока не опубликованы и привлекаются к изучению впервые). По различиям в географическом приурочении, имени и других атрибутах героя, в истолковании рассказчиками некоторых мотивов варианты, записанные от русских, можно подразделить на 5 версий (образцы текстов в Приложении II).

I. «Карельская» версия. Впервые она стала известна благодаря записи А. А. Шахматова в д. Илемская Сельга Петрозаводского уезда,³ однако исследователи не обратили должного внимания на этот текст — возможно, по причине его единичности и независимости от рагнозерского предания. Впрочем, эта независимость стала совершенно очевидной лишь после опубликования К. В. Чистовым вариантов, записанных от

¹ К. В. Чистов: 1) Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера. — Славянская филология, т. III. М., 1958 (далее сокращенно: К. В. Чистов, 1958), стр. 358—388; 2) Материалы к изучению былины и предания о Рахкое из Рагнозера. — Труды Карельского филиала АН СССР, вып. XX. Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1959 (далее сокращенно: К. В. Чистов, 1959), стр. 122—166.

² Перечень записей см. в прилож. I. В статье ссылки на записи даются согласно порядковым номерам версий и вариантов.

³ Н. Е. Оичуков. Северные сказки. СПб., 1909, № 122.

карел Олонецкого р-на.⁴ Текст А. А. Шахматова и наши тексты из Заонежья (1, №№ I, 1а) не имеют географического приурочения, форма подачи их — сказочная. Оба эти признака свойственны и карельским вариантам. На восточном побережье Онежского озера (I, 2—4) рассказчики упорно отвергают связь их «сказки» с Рахтой Рагнозерским, хотя они и слышали об этом силаче (ср. II, 16—18). В одном случае, по мнению Д. М. Канавиной, местом события была некая избушка на ручье, в 2 км от ее родной деревни Петрушевская Сельга. Другие рассказчики «сказку» не приурочивают. У ее героя нет имени, он не осознается родоначальником. Для этих текстов характерен мотив брошенного в реку мусора. Когда мы в связи с этим мотивом прямо высказали А. Е. Канавину мысль о возможности связи «сказки» с Рахтой, тот сказал: «Там реки-то нет? Нет. Ну вот, с озера грязи не понесло бы!». И в самом деле, в рагнозерских текстах этого мотива нет.

Бытование на восточном побережье Онежского озера, в непосредственной близости — около 50 км по прямой — от Рагнозера, «карельских» вариантов предания, имеющих иное географическое приурочение, заставляет по-иному присмотреться и к рагнозерским текстам.

II. *Рагнозерская версия.* К ней, вслед за предшественниками, мы относим довольно пеструю группу текстов, объединяемых созвучным именем героя (Рахта, Ракка, Рага, Рахкуль и т. д.). В этой версии сюжет «Рахта и разбойники» нередко контаминируется с сюжетом «Рахта-борец» (близким к исторической песне «Кострюк»), который рассказывается и отдельно. Имя местного героя впервые стало известно по записям А. Ф. Гильфердинга, отметившего бытование сюжета «Рахта-борец» в виде былины.⁵ Вслед за этим К. М. Петров записал прозаический рассказ, где впервые появляется в контаминации сюжет «Рахта и разбойники».⁶ Последующие записи были сделаны уже в советское время. Экспедицией братьев Соколовых записано два текста в виде былины⁷ и два — как «прозаические пересказы» былин,⁸ причем лишь один из последних (№ 202) заключает в себе не связанный контаминацией сюжет «Рахта и разбойники». Еще две контаминации обоих сюжетов в былинной обработке были записаны петрозаводскими фольклористами.⁹ Записи же преданий, сделанные петрозаводцами в 30-е годы, увидели свет только

⁴ К. В. Чистов, 1959, №№ 23—27; указания на предшествующие три публикации карельских текстов, данных в пересказах (К. В. Чистов, 1959, стр. 371).

⁵ В д. Марнаволоок от П. Л. Калинина, уроженца д. Горка Пудожгорского погоста (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. I. М.—Л., 1950, № 11). В д. Середка Кижского у. собиратель узнал, что Т. Г. Рябинин «слышал, но очень давно от одного старика былину про рагнозерского старика Федора Рахкою, который ходил бороться в Москву» (там же, т. II, М.—Л., 1950, стр. 3).

⁶ От ямщика А. Иванова, уроженца Рындозера, находящегося в 20 км западнее Рагнозера. См.: К. М. Петров. Рахта Рагнозерский и Миккула Селянинович. — Олонецкий сборник, вып. 1, отд. II. Петрозаводск, 1875—1876 (далее сокращенно: К. М. Петров), стр. 25—28; то же: Олонецкие губернские ведомости, 1875, № 81.

⁷ Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова, подготовка текстов В. Чичерова. М., 1948 (далее сокращенно: Ю. М. Соколов—В. И. Чичеров), № 32, от Г. А. Якушова родом из д. Мелентьевская Авдеевского с/с, и № 197, от А. Т. Зуевой, Рагнозеро.

⁸ Там же, № 194, от Т. А. Прокина, и № 202, от Д. И. Лукина. — Оба рассказчика — рагнозеры.

⁹ Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статьи и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941 (далее сокращенно: Г. Н. Парилова—А. Д. Соймонов), № 41, от Н. А. Ремизова в Авдеевском с/с, и № 42, от Н. В. Кигачева на Тубозере.

в 1959 г.¹⁰ Экспедиции МГУ в 50—60-е годы подтвердили широкое распространение рагнозерской версии (II, 1—19а).

Суммируя работу собирателей, можно сказать, что о рагнозерском герое рассказывали или даже пели почти во всех основных пунктах Пудожского р-на Карелии: в северной части — Пудожгора, пос. Н. Тамбица, Келкозеро, Водлозеро; на побережье — Римская, Песчаное, Марнаволоок, Лук-остров; на р. Водле в нижнем течении — д. Семеново и даже в южной части Пудогги, в Каршевском с/с,¹¹ не говоря уже о ближайших к Рагнозеру местах — Рындозере, Тубозере и Купецком озере (Авдеевский с/с). Примечательно, что либо в самих текстах, либо в дополнительных замечаниях рассказчиков рагнозерской версии — во всех пудожских вариантах присутствуют указания на Рагнозеро как место приурочения событий. Очень часто рассказчики родом с Рагнозера или соседних мест либо встречались с рагнозерами и поэтому знают предание, либо, что гораздо реже, просто говорят о Рагнозере как о месте события. Относительное обилие вариантов именно рагнозерской версии, по-видимому, объясняется отчасти приемами работы прежних собирателей и издателей текстов. В отличие от них участники экспедиций МГУ проводили опрос населения, ориентируясь не на имя героя (его, если знали, говорили сами рассказчики), а на сюжет, благодаря чему и удалось выявить бытование нерагнозерских версий.

Сюжет «Рахта-борец», издавна привлекавший внимание ученых, в пределах данной темы интересует нас тем, что он известен только в рагнозерской версии. Лишь одна запись местом приурочения называется Вытегорский уезд.¹² В этом плохо рассказанном тексте «очень сильный мужик» идет на лыжах по вызову к царю — не бороться, а просто показать свою силу; перебросив «богатырскую лошадь» через собор (ср. «Кострюк»); он возвращается к себе домой без всякой награды. Если сопоставить эту запись с ее ссылкой на Вытегорский уезд и фиксацию сюжета «Рахта-борец» на южной Пудогге, то первый текст, по-видимому, может быть объяснен как заглушенный отзвук распространившейся славы о Рахте.

Сюжет же «Рахта и разбойники» в его рагнозерской версии дифференцируется по трактовке мотива утраты и восстановления силы героем. В одних текстах (часть их — в прозаической форме, другие — в былинной) Рахта утрачивает силу от близости с женой и восстанавливает ее, как только искупается в воде (озере), обольет себя водой или даже «тремя брызгами воды».¹³ В других текстах — это уже только прозаическое предание — Рахта, подобно герою «карельской» версии, утрачивает силу после бани: «когда он в байну сходит, на парное тело бессильный бывает».¹⁴ Ответ, как герой восстанавливает свою силу, подразумевается в приведенном же высказывании.

¹⁰ К. В. Чистов, 1959, №№ 1—15.

¹¹ Там же, № 15, только сюжет «Рахта-борец».

¹² Архив ПИЯЛИ, колл. 95, № 329, зап. от М. Ф. Филиппова в Коткозерском с/с Олонецкого р-на. Этим и другими указаниями на материалы данного архива мы глубоко обязаны Ю. А. Новикову (Вильнюс), с которым вместе начинали запись преданий о Рахте, будучи участниками экспедиций МГУ.

¹³ К. М. Петров, Ю. М. Соколов — В. И. Чичеров, №№ 194, 197, 202; Г. Н. Парилова — А. Д. Соимонов, № 41; К. В. Чистов, 1959, №№ 1, 2, 7, 8, 9, 9а, 10; наши записи. №№ 2 (=К. В. Чистов, 1959, № 17), 7 (=К. В. Чистов, 1959, № 22), 10, 13, 19, 19а — всего 18 случаев.

¹⁴ К. В. Чистов, 1959, №№ 4, 11, 12; наши записи, №№ 3 (=К. В. Чистов, 1959, № 18), 4 (=К. В. Чистов, 1959, № 19), 5 (=К. В. Чистов, 1959, № 20), 14, 14а, 15 — всего 9 случаев. В остальных 17 случаях, когда разрабатывается преимущественно сюжет «Рахта-борец» или переданы бессюжетные воспоминания о слышанном, этот мотив вообще не фигурирует.

К. В. Чистов, конечно, прав, когда говорит, что мотив утраты силы от близости с женщиной и восстановления силы с помощью воды выглядит весьма архаичным.¹⁵ Вместе с тем нельзя пренебречь таким важным обстоятельством, что во всех карельских и русских текстах «карельской» версии присутствует только мотив утраты силы после бани, а в саамских текстах таких или подобных мотивов нет вообще. На упущении этого обстоятельства в известной степени и построена гипотеза К. В. Чистова о прямой генетической зависимости рагнозерской версии от карельских и саамских сказок с аналогичным сюжетом.

Просмотр текстов не позволяет обнаружить какие-либо следы перехода от более древнего мотива к новому, генетическая связь между ними не улавливается. Возможность эволюционного перехода нового мотива в мотив более древний, очевидно, следует исключить. Тем самым исключается и возможность генетической зависимости рагнозерской и «карельской» версий в трактовке К. В. Чистова. Отмеченные выше 9 случаев (примеч. 14) свидетельствуют о воздействии на рагнозерскую версию «карельских» вариантов (подобных текстам I, 2 и I, 4) путем вытеснения более древнего мотива новым, смягченным и, если угодно, более реалистичным, однако и они не помогают объяснить возникновение самой рагнозерской версии.

Мотивы утраты силы и мотив брошенного в реку мусора, присутствующий в «карельских» вариантах, точное приурочение места в отношении Рахты и неопределенность приурочения в отношении безымянного «карельского» героя, подчеркивание необычной силы Рахты и отсутствие этого у «карельского» героя, большая сказочность, «карельской» и эпичность рагнозерской версии позволяют по меньшей мере утверждать, что «карельская» и рагнозерская версии длительное время бытовали независимо друг от друга. Жители различных районов Карелии просто не испытывали нужды в фольклорном заимствовании, поскольку они уже располагали аналогичным сюжетом. И знаменательно, что после расправы с разбойниками Рахта остается жить на Рагнозере, он перемещается лишь в пределах рагнозерских угодий, именно он считается основателем деревни, тогда как в нерагнозерских версиях отмечается, что герой после расправы покидает свой «хутор» и либо возвращается в родную деревню, либо уходит неизвестно куда.

Из вариантов рагнозерской версии наиболее загадочными выглядят тексты, записанные в деревнях на среднем течении р. Онеги (13, 19, 19а). В них героя зовут Рак, присутствует именно рагнозерский мотив утраты и восстановления силы. Наряду с этим экспозиция (уход в лес из деревни, рубка леса, хлебопашество) и концовка (возвращение в родную деревню) совпадают с нерагнозерскими версиями. Было бы нетрудно объяснить появление этих «сказок» на р. Онеге за счет фольклорного переноса с центральной Пудогы, если бы бытование нерагнозерских версий и свидетельства о финно-угорском субстрате в бассейне р. Онеги не служили препятствием в этом отношении.¹⁶

III. *Восточнопудожская версия.* С ее бытованием только среди жителей Корбозера, Салмозера и Тамбичозера столкнулись собиратели МГУ

¹⁵ К. В. Чистов, 1958, стр. 366.

¹⁶ См., например: П. С. Ефименко. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869, стр. 94—95; И. Калинин. Чудь и паны. — ЖС, 1913, вып. I—II, стр. 140—141. Авторы говорят, что в Онежском у. Арханг. губ., включая его южную часть, жили карелы, тогда как в преданиях (записи XIX и XX вв.) предшествующее население называют только чудью. Примечательно, что нынешнее с. Городок, расположенное ниже по реке от наших мест записи, ранее называлось городок Рагонима (П. С. Ефименко. Заволоцкая чудь, стр. 20).

в 1959 г. (III, 1—5). Рассказчики ведут себя в точности так же, как и рагнозеры. Они указывают на «печищо», оставшееся от д. Пеньково, считают Пеньку первым поселенцем на р. Колоде, отвергают мысль о том, что предание выдуманно. «Если бы не было, дак сами не придумали бы этого места», — сказала Е. В. Амаликова. Отличительные признаки восточнопудожской версии минимальны. Разбойники сами приходят к дому Пеньки. Только в одном варианте их появление мотивировано тем, что они плыли по р. Колоде на плоту и увидели дом (ср. по контрасту мотив брошенного мусора). Они сразу же вяжут Пеньку.¹⁷ Хотя рассказчики называют его богатырем, отмечают его незаурядную силу, тем не менее они позволяют Пеньке проявить ее лишь в нужный сюжетный момент. Раньше этого момента Пенька совершенно пассивен. Подчеркивается уход Пеньки — либо в Кубово, у впадения Колоды в р. Водлу, либо неизвестно куда. Отсутствие мотивировок — характерная черта восточнопудожских преданий о Пеньке. Примечательно и то, что сразу по приходе разбойники принимаются топить баню. Этот упорно повторяющийся мотив, видимо, нужно считать отзвуком забытого мотива утраты силы после бани, о чем напоминают также варианты кумбасозерской версии.

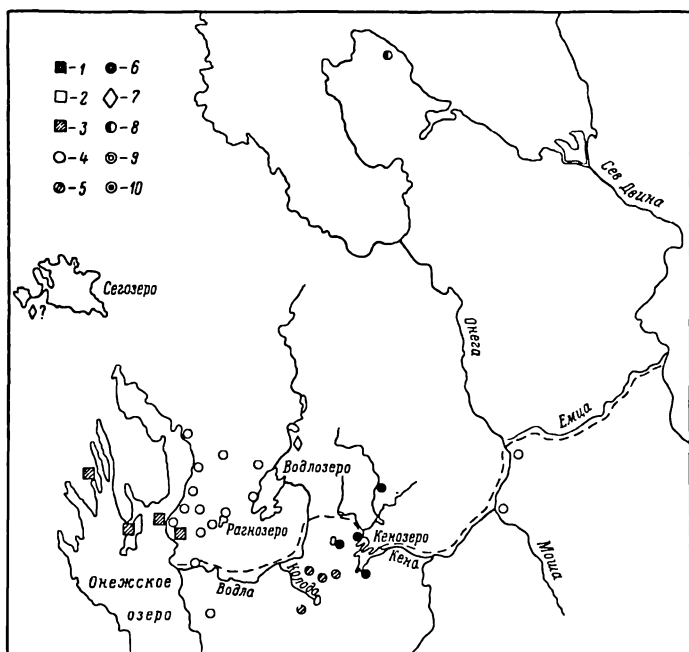
IV. *Кумбасозерская версия* представлена заметно различающимися сказками и «былью» (IV, 1—3). Их объединяет прежде всего то, что сказки рассказаны уроженцами Кумбасозера, слышавшими их там и ушедшими оттуда в разное время, а «быль» рассказана жителем Кен-озера со ссылкой на то, что событие случилось на Кумбасозере во время коллективизации. Между тем в сказках нет точного приурочения, они рассказаны профессиональными сказочниками, стремившимися подать их именно как сказки. Очень важно, что в варианте Ф. М. Спицина фигурирует «карельский» мотив брошенного в воду мусора. Текст Ф. М. Спицина, кстати, плохо записанный, сближается со сказкой А. М. Мелеховой мотивом тесной рубахи, надевая которую, герой на время становится беспомощным; у А. М. Мелеховой же герой запутывается в рубахе после бани. По этим текстам нетрудно проследить изменение мотива утраты силы после бани. В целом кумбасозерские варианты перекликаются прежде всего с «карельскими» текстами.

V. *Западноповенецкая версия* известна лишь по одному тексту.¹⁸ В нем совершенно сняты конфликты героя с женой, дочерью и атаманом. Паны врываются в дом богатого крестьянина Курика, они «хотели опозорить жену», но, связав Курика и напившись допьяна, уходят в чулан проспаться. Сын освободил Курика от пут, и тот перестрелял всех 40 панов через окно. Последняя ситуация выглядит даже менее вероятной, чем если бы Курик, подобно Рахте, обрушил потолок на разбойников. Но она — след предшествующей традиции.

¹⁷ Ср. саамский вариант: К. В. Чистов, 1959, № 28. — В двух других саамских вариантах (там же, №№ 29, 31) чудь, чтобы поймать отсутствующего хозяина, ставит силки в дверях дома. Поэтому мотив связывания героя у саамов можно считать заменителем мотива силка. Было бы очень соблазнительным предположить, что и в восточнопудожских текстах отразилась такого же рода замена. Помимо опубликованных К. В. Чистовым саамских текстов, см. еще сходные «были» и «былины»: В. И. Немирович-Данченко. Страна холода. СПб.—М., 1877, стр. 204—205; А. Яценко. Несколько слов о русской Лапландии. — ЭО, 1892, кн. XII, № 1, стр. 29—30; Г. М. Керст. Образцы саамской речи. М.—Л., 1961, № 14.

¹⁸ Запись — неизвестно чья и от кого, русского или карела — сделана в д. Большая Сельга Мяндусельской вол. Повенецкого у. Опубликованный пересказ: Чудские памятники и предания о панах. — Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год, ч. III. Петрозаводск, 1867, стр. 120—121; перепечатано: П. Митропольский. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губ. — Олонецкий сборник, вып. 3. Петрозаводск, 1894, стр. 251—252.

Насколько нам известно, никто из фольклористов не искал преданий этого рода западнее и северо-западнее Повенца. Западноповенецкий текст — самая ранняя по времени запись и вместе с тем самая поздняя по характеру разработки. Ее ценность состоит в том, что она зафиксирована на территории, разделяющей карел-людигов и саамов. Отсутствие текстов из этого района служило К. В. Чистову одним из основных аргументов для построения его гипотезы. Теперь же, зная о широком рас-

Карта 1. Распространение русских сюжетов типа «Рахта Рагнозерский» (АА *967).

Условные обозначения: 1 — саамские версии; 2 — карельские версии; 3 — «карельская» версия у русских; 4 — рагнозерская версия; 5 — восточнопудожская версия; 6 — кумбасозерская версия; 7 — западноповенецкая версия; 8 — предание о Кончаке; 9 — вырияские предания; 10 — пермяцкие предания. Пунктиром обозначен древний путь новгородцев на Северную Двину.

пространении предания вообще и учитывая эту фиксацию, мы не можем настаивать — вслед за К. В. Чистовым — на том, что северные карелы не знали данного сюжета.

К западноповенецкой версии примыкает рассказ, который автор этих строк слышал дважды, в 1966 и 1967 гг., в д. Калакунда¹⁹ от старика А. Ф. Данилина. Несвязность и бессюжетность не позволяют привести его полностью. Поэтому ограничимся собственным пересказом. По словам исполнителя, основателем Калакунды и их рода Данилиных считается некто Данила. Сначала²⁰ он поселился против ручья, впадающего в р. Илексу ниже лузских порогов, завел скот, пахал землю. О его зажиточности узнали разбойники, жившие на Янгозере и Паезере.²¹ Они

¹⁹ В 20 км к северу от Водлозера, на р. Илексе.

²⁰ По подсчетам, где-то в первой половине XVIII в.

²¹ К западу от Калакунды, около 30 км по прямой.

явились, угнали скот, но сами почему-то не ушли, а развели огонь во дворе. К этому времени подошел откуда-то сын Данилы и убил из ружья атамана. Остальные разбойники разбежались. После этого Данила переселился ниже по течению Илексы, затем переехал на Водлозеро и, наконец, поселился на том месте, где теперь стоит Калакунда. Несмотря на расспросы, от старика не удалось узнать, какую роль в этой истории играли жена, дочь и атаман, что сделали с Данилой разбойники в отсутствие сына. Старик уверял, что он об этом не слышал. Поэтому его рассказ можно считать последней эволюционной ступенькой патристического предания о первонасельнике.

2

Широкое бытование среди саамов, карел и особенно русских сюжета о первонасельнике, представленного различными версиями, побуждает сделать выводы, отличные от построения К. В. Чистова. Можно согласиться с ним только в том, что перед нами «своеобразное фольклорное отражение этногенетических процессов», происходивших на этой территории. Однако не следует торопиться выводить предание от древней веси. Нет никаких фольклорных фактов, которые свидетельствовали бы в пользу именно такого предположения. Нет и исторических данных о том, что весь некогда занимала территорию, где локализуется сюжет о первонасельнике. К. В. Чистов опирается на слабо аргументированную гипотезу Д. В. Бубриха, отождествившего весь с загадочной чудью, предания о которой до сих пор встречаются в районе между Онежским озером и р. Онегой. Но данная гипотеза — далеко не единственная (как можно было бы заключить из работы К. В. Чистова). Это лишь одна из существующих семнадцати точек зрения относительно этнической принадлежности чуды.²² На наш взгляд, нет никакой необходимости исходить из того, что в районе Обонежья и восточнее обитала лишь какая-то одна этническая группа финно-угорского происхождения. Вся сумма известных фактов из летописей, житий и других источников неопровержимо говорит о наличии нескольких этнических групп в эпоху новгородской колонизации. Различные версии сюжета о первонасельнике подтверждают существование этнической чересполосицы в прошлом. Вместе с тем это позволяет предположить, что сюжет о первонасельнике (в том или ином жанровом оформлении) является частью общего фольклорного наследия финно-угорских народов. Чтобы убедиться в этом, необходимо предпринять поиск сюжета за пределами выявленного ареала.

У русских на Летнем берегу Белого моря отмечено бытование схожего предания о Кончаке, чья этническая принадлежность не указывается. Он жил тем, что обирал рыбаков, возвращавшихся с промысла. «Он был великан <...> и не подвергался действию никакого оружия». Как-то туда пристала ладья, шедшая в Поморье. Кончак увидел на ней у некоего попа молодую жену и отнял ее. «Ладья все еще стояла <...>, потому что поп <...> прискивал средства, как бы освободить» жену. «Но пленница сама не теряла времени <...> Она хитро и искусно начала выведывать у него (Кончака, — Ю. С.), есть ли какая-нибудь сила, которая могла бы вредить ему <...> — Когда я сух, — говорил он ей, — то меня не одолеет никакая сила. Но когда я выйду из байны и пока еще не обсохну, тогда уходит меня и малый ребенок». Женщина передала об этом попу. «Через один или два дня <...> великан Кончак, выходя из бани, был

²² Критической оценке проблемы чуды мы совместно с лингвисткой Р. А. Агеевой посвятили специальную работу, принятую журналом «Советская этнография».

окружен вооруженною толпою, и, жестоко раненный, обратился в бегство. Он бежал по морскому берегу верст восемь или девять, но, истощенный от потери крови, упал на землю и умер».²³

Таким образом, в пределах иной, контрастной фабулы²⁴ мы снова встречаем «карельский» мотив утраты силы после бани.²⁵ Наряду с этим кажется странным, что Кончак раза два назван колдуном, а его колдовские качества не раскрываются. Эта странность привела к поиску материала далее на восток.

Здесь прежде всего бросилось в глаза удачно показанное М. Н. Ожеговой сходство с преданиями о Рахте преданий народа коми о Перебогатыре.²⁶ В них интересны, пожалуй, не столько коллизии, близкие сюжету «Рахта-борец», что было замечено еще К. В. Чистовым,²⁷ сколько следующие немотивированные детали: Перу нельзя беспокоить по возвращении из леса, потому что голодный он бывает сердитым; Пера приносит на себе материала на 12 саней или несет дубовые полозья даже из Москвы; Пера прячет лыжи под дом, легко приподнимая его за угол, и т. д. Довольно большой набор деталей, совпадающих с преданием «Рахта и разбойники», трудно объяснить одним типологическим сходством, поскольку у коми имеются и другие сюжетные схождения с нашим материалом. Как известно, сюжет типа «Рахта и разбойники» за Перой не закрепился,²⁸ но подобные сюжеты у коми есть. Немногочисленные тексты их, к сожалению, публиковались в заметной обработке издателей, что, естественно, не может не вызывать нареканий.²⁹ Поскольку подлинные полевые записи пока неизвестны, мы принуждены обратиться к упомянутым текстам, выбирая из них только элементы, перекликающиеся с русским материалом.

В обработанном предании о паме (колдуне) Шипиче говорится: «Погружением в воду он вновь приобретал силу, потерянную в объятиях любовницы».³⁰ В другом варианте сказано: «Совсем обессиленный вернулся Шипича домой от вдовы, дома налил в чашку воды, хотел принести очистительную жертву богам, но не успел».³¹ «Великий колдун, которому подчинялись леса и воды», Тунныр-Як имел любовницу, «и вот враги стали действовать через нее. Она выведала у Тунныр-Яка тайну

²³ В. Верещагин. Беломорские предания. — Этнографический сборник, т. VI, смесь. СПб., 1864, стр. 22—23. — Там же в 1938 г. фрагменты этого предания записала Н. И. Рождественская, см. ее сб.: Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941; стр. 166—167.

²⁴ Масштабы статьи не позволяют нам заняться ею.

²⁵ Этот мотив встречается еще в русской сказке (АА 315 А), место записи которой не указано (Аф. II, № 207, стр. 115). Зная локализацию мотива, можно с большой вероятностью считать, что и эта сказка была записана где-то на севере или же принесена оттуда.

²⁶ М. Н. Ожегова. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Сыктывкар, 1961 (далее сокращенно: М. Н. Ожегова), стр. 7—28; тексты о Пере: Д. И. Гусев. Коми-пермяцкие народные предания о Перебогатыре. Кудымкар, 1956; Фольклор народа коми, т. I. Архангельск, 1938, стр. 51—61. (Вступит. статья А. А. Попова).

²⁷ К. В. Чистов, 1958, стр. 377, прим. 48.

²⁸ О спорном единичном контрастном случае — Пера соблазнил жену лешего — см.: М. Н. Ожегова, стр. 25. Результат сравнения этой ситуации с преданием о Кончаке не позволяет считать ее фальсификатом.

²⁹ См.: Ф. В. Плесовский. О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам. — Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 130.

³⁰ В. П. Налимов. Зырянская легенда о паме Шипиче. — ЭО, 1903, кн. VIII, № 2, стр. 123.

³¹ Фольклор народа коми, т. I, стр. 49.

его могущества³² и передала ее врагам. Те напали на него и стали рубить, но и тогда колдун не умирал, пока сам не посоветовал разрубить себя „накрест и наотмашь“». ³³ Зырянский охотник Иркап жил на Удоре, у Синдорского озера, и был очень удачлив в охоте. Другие охотники из зависти решили его погубить. «Наконец им удалось узнать, что Иркап потеряет свою силу, как только напьется воды, в которой мокли его собственные онучи. Враги Иркапа подстроили так, что его жена влюбилась в другого охотника и, по наущению последнего, сделала все для того, чтобы Иркап потерял свою чудесную силу. Он попал в прорубь <...>, лед под ним проломился, и Иркап утонул». ³⁴ «Йир-Кап — охотник, который сделал себе волшебные лыжи из чудесно струящего кровь дерева. Эти лыжи сами мчались, лишь только герой ставил в них свои ноги». ³⁵ Вероятно, лыжи Рахты и Перы тоже некогда обладали этими свойствами, и, как память об этом, сохранился мотив удивительно быстрого бега героев на лыжах.

В целом предания коми наиболее созвучны русским вариантам рагнозерской версии, а мотив гибели героя-колдуна сближает их еще и с преданием о Кончаке. Некоторые отличия — колдовские и охотничьи атрибуты героев, мотив волшебных лыж и др. — свидетельствуют об их стадияльно более раннем состоянии. В частности, присутствие богатырских атрибутов у Перы, Кончака, Пеньки и Рахты можно объяснить как результат эволюционного сдвига по сравнению с колдовскими атрибутами.

Наши поиски сходных фольклорных произведений у других финно-угорских народов пока не увенчались успехом. Публикуя эту статью, мы рассчитываем на поддержку в таком поиске со стороны других исследователей.

Бытование сходных произведений среди не упоминавшихся здесь финно-угорских народов весьма вероятно. В пользу этого говорит тот факт, что у башкир бытовали «богатырские сказки», первая часть которых очень близка к «карельской» и кумбасозерской версиям нашего предания. ³⁶ По нашей просьбе сказковед М. Х. Мингажетдинов (Уфа) предпринял тщательное разыскание других башкирских вариантов, ³⁷ но их, кроме одного архивного, не оказалось. Малочисленность вариантов в данном случае явно свидетельствует о реликтовом состоянии текстов. К нашему преданию наиболее близка первая из башкирских сказок. Богатырь Кырк-атар, ³⁸ «весьма искусный охотник», уходит из родной деревни и поселяется с женой у истока «одной реки», потому что «люди начали ненавидеть» его. ³⁹ Он запрещает жене бросать в реку птичьи перья. ⁴⁰ Жена нарушает за-

³² Она так и осталась тайной для читателя.

³³ Фольклор народа коми, т. I, стр. 304.

³⁴ Там же, стр. 303—304. — Ср. несколько иное изложение: А. Н. Грен, Зырянская (коми) литература. — Пермский краеведческий сборник, вып. III. Пермь, 1927, стр. 85.

³⁵ К. Ф. Жаков, Этнологический очерк зырян. — ЖС, 1901, вып. 1, стр. 13. — См. здесь же (стр. 11—13) о том, что во главе каждой охотничьей артели у зырян стоял колдун, с искусством которого связывали успех промысла.

³⁶ Башкирские народные сказки. Запись и перевод А. Г. Бессонова. Редакция, введение и примечания Н. К. Дмитриева. Уфа, 1941, №№ 1 и 45. Место записи неизвестно.

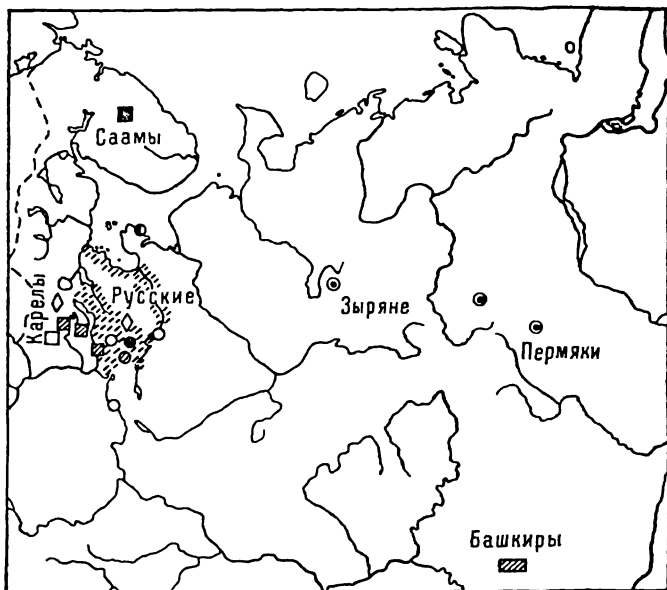
³⁷ Пользуемся случаем, чтобы выразить М. Х. Мингажетдинову самую горячую благодарность за это, а также за сообщение некоторых дополнительных сведений, включенных в эту нашу работу.

³⁸ В переводе его имя означает «стреляющий сорок раз».

³⁹ Причина ненависти не раскрыта. Ср. охотника Иркапа.

⁴⁰ В других вариантах шерсть косули или платок. Запрет бросать в реку перья, волосы, камни, платок или запрет стирать (полоскать) белье в реке довольно часто

прет, и к дому в отсутствие богатыря приходит царь с 40 визирями. Он сразу предлагает женщине пойти за него замуж, на что та отвечает: «Он очень сильный богатырь, как ты его убьешь?» — «Мы убьем его хитростью». По совету царя жена под видом игры пытается связать Кырк-атара струной, свитой из конского волоса, обычным ремнем и, наконец, ремнем из человеческой кожи. Между тем в кумбасозерском варианте (IV, 2) жена под видом игры связывает мужу руки своей косой (он ее рвет), а затем косой, оплетенной шелковой нитью. В сказке А. М. Мелеховой (АА 315 А) мать связывает Олеше Поповичу руки проволокой —

Карта 2. Основные районы бытования сюжета «Рахта Рагнозерский» (АА *967).

Условные обозначения те же, что и на карте 1. Штриховкой выделен район активного поиска сюжета «Рахта Рагнозерский».

этот момент можно считать реминисценцией мотива из предания, известного и А. М. Мелеховой (IV, 1): тематическая близость фабул и вызвала их смешение у 80-летней сказочницы. Кырк-атар, подобно кумбасозерскому герою, не смог разорвать последний ремень. Его тут же убивают, и царь уходит с его женой за занавеску. «Кырк-атар лежал, лежал и ожил». Он сразу зовет своих маленьких сыновей: «<...>Попросите у матери мою саблю,⁴¹ скажите: „Мы поиграем ею в лошадки“». На просьбу детей мать ответила: «Умершего отца своего не называйте отцом, вот этого царя зовите отцом!». А царь сказал: «Ну, у невинных детей нет греха, дай им саблю». Получив саблю, дети помогли отцу освободиться, он вышел на двор и порубил 40 визирей, а наутро, после диалога с царем о том, кто какой видел сон, убил и царя. Башкирские параллели, оче-

встречается в башкирских сказках (АА 300 А, 514, 405 и др.). В Карелии же аналогичные запреты встречаются, насколько известно, лишь в составе различных преданий; указания на них см., в частности: К. В. Чистов, 1958, стр. 375.

⁴¹ Охотнику с таким именем надлежало бы пользоваться луком и стрелами.

видно, не являются случайностью, в особенности если вспомнить, что в этногенезе башкир участвовали финно-угры.⁴²

В качестве итога нашего обзора расположим русские версии предания о первонаселении в том порядке, в каком они соотносятся с соответствующим фольклорным материалом других народов.

1. С саамскими «быльями», «былинами» и сказками соотносится — и то гипотетично — восточнопудожская версия; другие версии служат лишь типологическим фоном.

2. С карельскими сказками соотносятся все русские версии, из них частично — рагнозерская (9 случаев) и предание о Кончаке, предположительно — западноповенецкая версия.

3. С преданиями коми-зырян и коми-пермяков соотносятся рагнозерская версия и предание о Кончаке; остальные версии выглядят только типологическими параллелями.

4. С башкирскими сказками соотносятся «карельская», восточнопудожская и особенно кумбасозерская версии.

Этот результат снова подтверждает мысль об этнической чересположности в эпоху новгородской колонизации района бытования нынешних русских версий. Характерно, что эпицентры записей преданий от русских — Петрушевская Сельга, Рагнозеро, Восточная Пудоба, Кумбасозеро — расположены по сторонам древнейшего, существовавшего до конца XV в. пути новгородцев в Заволочье: р. Водла, Кенский волочек, Кенозеро, р. Кена. Записи же на р. Онеге сделаны непосредственно перед былым новгородским волоком с р. Онеги на р. Емцу, впадающую в Сев. Двину. Поневоле напрашивается предположение, что местное население сначала было оттеснено в сторону от этого пути, а позднее, во время массовой крестьянской «колонизации», ассимилировалось и растворилось среди русских. Здесь мы не ставим задачу определения этнической принадлежности живших в данном районе финно-угров. Для этого нужны иного рода исследования. В частности, в связи с преданием о первонаселении необходим сбор дополнительного материала и поиск его в районах к востоку от р. Онеги, нужна реконструкция эволюционной истории предания у разных народов.

3

Одним ли заимствованием — благодаря ассимиляции местного населения — нужно объяснить широкое бытование предания о первонаселении у русских? Видимо — нет, и дело тут не только в том, что условия освоения Севера благоприятствовали усвоению этого предания. В статье, посвященной бытованию сербской баллады на русском Севере, мы предположили, что книжный перевод баллады «Йован и Мара» был воспринят на берегах Белого моря как эквивалент забывавшейся там баллады «Василий и Софья», благодаря чему получил распространение в виде «стиха».⁴³ Если, исходя из этого примера, принять за одно из вероятных правил заимствования, что им пытались компенсировать или восстановить свой забываемый фольклорный эквивалент, то можно допустить существование некогда у русских своего произведения, сюжетно очень близкого преданию о Рахте. Исследователи уже неоднократно указывали

⁴² Новейшая сводка мнений в кн.: Научная сессия по этногенезу башкир. Под ред. А. П. Смирнова, Р. Г. Кузеева и др. Уфа, 1969.

⁴³ См.: Ю. И. Смирнов. Сербская баллада на русском Севере. — Советское славяноведение, 1965, № 6.

на некоторое сходство этого предания с былинной «Иван Годинович». Следовательно, есть основания искать подобный сюжет среди произведений, стоящих в одном генетическом ряду с этой былинной. На русской и вообще восточнославянской почве таких произведений не обнаружено. Но они бытовали до недавнего времени у южных славян.⁴⁴ Нам известно немногим более 10 песенных вариантов, связываемых, за исключением одного случая, с именем Груи — юнака, воеводы или разбойника, атрибуты которого стандартны для героя южнославянского эпоса. По сюжету песня стоит в одном генетическом ряду с довольно многочисленными южнославянскими эпическими произведениями, соотносящимися с русскими былинами «Иван Годинович», «Михайло Потык», «Царь Соломан» и с западноукраинской балладой «Иван и Марьяна». Варианты песни локализируются в основном в Западной Болгарии и Македонии.

Без сна и отдыха Груя стережет горный перевал (дорогу в ущелье) или «сидит» загадочным сторожем на Старой (Качан-, Юруш-) планине.⁴⁵

А что летит — живым пролетит,
А кто идет — под саблю кладет.

(Качановский, № 192)

Его одолевает сон,⁴⁶ и он просит жену, которая была при нем с маленьким сыном,⁴⁷ чтобы она постерегла, пока он поспит. Жена соглашается, при этом иногда просит у Груи оружие. Едва Груя заснул, как появился воин, «люто арнаутче» (албанец), более видный, чем Груя.⁴⁸ Груица сама предлагает себя арнауту, она же просит его доставить тяжелые колодки на ноги, цепи на шею и шелковые шнуры на руки мужа; арнаут приносит это, и Груица сама связывает мужа.⁴⁹ После этого Грую будят. Проснувшись, он ломает колодки, рвет цепи, но не может разорвать шнуры: они «в мясо врезались». Арнаут садится с Груицей в коляску, впереди гонят Грую и сына. В радомирском варианте сын не может идти, мать отказывается посадить его на коня, и тогда отец берет его на плечи. На привале,

⁴⁴ Указания на варианты и исследование песни: Преглед на българските народни песни. Втора половина. Под ред. на Ст. Романски. — Известия на Семинара по славянска филология при университета, кн. VI. София, 1929, стр. 188—189; М. Арнаудов. Очерки по българския фолклор. София, 1934 (далее сокращенно: М. Арнаудов), стр. 312—330; А. Димитрова, М. Янакиев. Предания за исторически лица в българските народни умотворения. — Известия на Семинара по славянска филология при университета, кн. VIII—IX за 1941—1943 год. София, 1948, стр. 477; Р. Меденица. Бановић Страхиња у кругу варијаната и теме о невери жене у народној епизи. Београд, 1965, стр. 162—169. — При изложении содержания мы пользуемся главным образом вариантами, опубликованными в следующих изданиях: Сборник за народни умотворения, т. II. София, 1890, стр. 114—116 (Прилеп, Македония); В. Качановский. Памятники болгарского народного творчества, вып. 1. СПб., 1882, № 192 (Радомирский у., Зап. Болгария); М. Арнаудов, стр. 316—317 (Тетово, Македония).

⁴⁵ Иногда отмечается, что действие происходит на границе, но не говорится, на чьей границе и кто поручил ее стеречь Груе. Возможно, в зачине отразились и воспоминания о том, что турки использовали болгар для охраны перевалов и дорог.

⁴⁶ Обычный фольклорный прием, когда героя нужно на время устранить из повествования, чтобы затем подчеркнуть неожиданность последующей ситуации для него.

⁴⁷ В одном варианте пребывание жены с сыном мотивировано: Груя вызывает их к себе, чтобы скрыть одиночество.

⁴⁸ В других вариантах, как правило, появляется множество турок: иногда Груица сама их зовет. В случаях появления турок, когда (что обычно) не выделен хотя бы один из них, нет любовной связи между ними и Груицей.

⁴⁹ В радомирском варианте турки на ее предложение связать юнака говорят: «Мы не смеем; если хочешь быть турчанкой, сама вяжи». В других вариантах турки сами доставляют колодки, цепи и шнуры (либо только шнуры).

когда арнаут уединился с Груицей, Груя просит сына украсть у матери нож и перерезать шнуры. Сыну трудно резать, он плачет от жалости. «Режь по мясу», — велит отец. Освободившись, Груя сразу же губит арнаута. Жена благодарит мужа за то, что он избавил ее от лютого врага, который преследовал ее еще до замужества. Но Груя не обманывается и расправляется с женой. В некоторых вариантах отмечено, что Груя возвращается домой, но куда — не говорится.

Стертость и эпическая шаблонность южнославянских песен затрудняют решение вопроса о их генезисе. Примечательно, что они — благодаря мотиву связывания героя — соотносятся с кумбасозерской версией севернорусского предания и с башкирскими сказками. Это, в свою очередь, может вызвать самые разные догадки. Мы воздерживаемся от них для того, чтобы сосредоточиться на поисках новых материалов.

Как видим, общая картина оказывается гораздо более сложной, чем она представлялась прежним исследователям. Разнообразный и разноязычный материал требует выявления и изучения еще более широкой совокупности данных, относящихся к истории сюжетного типа АА*967. По завершении этой работы можно будет предложить ответ и на те вопросы, которые пока здесь были только поставлены.

Приложение I

ПЕРЕЧЕНЬ НОВЫХ ЗАПИСЕЙ ПРЕДАНИЙ О РАХТЕ (1956—1967)⁵⁰

I. «Карельская» версия (только первый сюжет). 1) 1956 г., А. Я. Завьялова, д. Гарницы, Кижский с/с ныне Медвежьегорского р-на КАССР; 1а) 1960 г., повторная запись от А. Я. Завьяловой; 2) 1961 г., А. М. Лошкова, уроженка д. Петрушевская Сельга, Микитина Мельница, Авдеевский с/с Пудожского р-на КАССР. — Архив ПИЯЛИ, колл. 21, № 240; 3) 1961 г., А. Е. Канавин. Лук-остров, Авдеевский с/с. — Архив ПИЯЛИ, колл. 21, № 255; 3а) 1963 г., повторная запись от А. Е. Канавина, сделана нами; 4) 1963 г., Д. М. Канавина, Лук-остров, уроженка д. Петрушевская Сельга, запись сделана нами.

II. Рагнозерская версия.⁵¹ 1) 1957 г., П. Я. Леонтьев, д. Гумарнаволох на Водлозере, Пудожский р-н — только второй сюжет; 2) 1957 г., П. Е. Леонтьева, д. Гумарнаволох — первый сюжет; 3) 1957 г., М. Я. Алексеева, д. Рагнозеро — первый сюжет; 4) 1957 г., Е. И. Алексеева, там же — оба сюжета; 5) 1957 г., М. И. Зуев, там же — оба сюжета; 6) 1957 г., А. Е. Филимонова, там же — оба сюжета; 7) 1957 г., М. О. Дмитриев, уроженец Рагнозера, д. Нефедовская на Рындозере — оба сюжета; 8) 1960 г., П. Т. Голованов, д. Песчаное Пудожского р-на — почти бессюжетное воспоминание о рагнозерском богатыре, зачем-то ходившем на лыжах в Питер; 9) 1960 г., И. Л. Горбачева, пос. Н. Тамбица Пудожского р-на — второй сюжет; 10) 1960 г., И. Л. Горбачева, там же — первый сюжет; 11) 1960 г., А. П. Якушев, д. Туба Пудожского р-на — почти бессюжетное воспоминание об обоих сюжетах; 12) 1960 г., Н. И. Анухин, д. Келозеро Пудожского р-на — оба сюжета; 13) 1962 г., Н. Д. Ермолина, д. Сандрово (Усть-Моша), Феодовский с/с Плесецкого р-на Архангельской обл. — первый сюжет; 14) 1961 г., О. И. Фофанова, д. Климово

⁵⁰ В перечне отмечены год, место записи, сюжеты и фамилии рассказчика. Во всех неоговоренных случаях записи сделаны в рамках экспедиции МГУ. Для краткости первым сюжетом назван «Рахта и разбойники», вторым — «Рахта-борец».

⁵¹ Первые 7 записей этой версии опубликованы К. В. Чистовым (1959, № 16—22).

(Алексеевская), Авдеевский с/с Пудожского р-на — первый сюжет с упоминанием о том, что герой ходил бороться в Москву. Сообщено Г. Г. Григорьевой (Москва), записавшей текст во время экспедиции Петрозаводского университета; 14а) 1963 г., повторная запись от О. И. Фофановой, сделанная нами; 15) 1963 г., К. Е. Ремизова, д. Климово — первый сюжет, записано нами; 16) 1963 г., Д. М. Канавина, Лук-остров — бессюжетное воспоминание о силе Рахты, записано нами; 17) 1963 г., Н. Е. Сидорова (Канавина), Лук-остров — бессюжетное воспоминание о силе Рахты, записано нами; 18) 1963 г., А. Е. Канавин, Лук-остров — второй сюжет, записано нами; 19) 1964 г., М. Е. Молчанов, д. Шиловская, Наволоцкий с/с Плесецкого р-на Архангельской обл.; 19а) 1964 г., повторная запись от М. Е. Молчанова; оба раза — первый сюжет.

III. *Восточнопудожская версия* (первый сюжет). 1) 1959 г., П. Ф. Белонин, д. Чуркина Гора, Корбозерский с/с Пудожского р-на; 2) 1959 г., Ф. А. Власова, д. Татарская Гора, там же; 3) 1959 г., Е. Л. Романова, лесной поселок «96-й квартал», Колодозерский с/с Пудожского р-на; 4) 1959 г., М. О. Аникина, д. Салма, Корбозерский с/с; 5) 1959 г., Е. В. Амаликова, там же.

IV. *Кумбасозерская версия* (первый сюжет). 1) 1959 г., А. М. Мелехова, уроженка Кумбасозера, пос. Дворишное Кузьминского с/с, тогда Приозерного р-на Архангельской обл.; 2) 1959 г., В. Калитин, пос. Усть-Поча на Кенозере, того же р-на; 3) 1961 г., Ф. М. Спицин, уроженец Кумбасозера, д. Спицино на Кенозере.

V. *Западноповенечкая версия* (первый сюжет). 1) 1966—1967 гг., А. Ф. Данилин, д. Калакунда Пудожского р-на; ныне проживает в д. Канзанаволок на Водлозере.

Приложение II

ТЕКСТЫ

«Карельская» версия (I, 4). Было-жило мужик да баба, муж да жена. Оны построили домик на хуторе о реку. Жена была красива, а муж был сильный. У них народилось двое детей, сынок да дочка; дочка была постарше, а сынок помладше, оны уж подросли, дити-то. А мужчина пахал, видь раньше пахали на поле-то. (К ним и пришло в дом 40 человек разбойников). Он-то ей и говорил: «Ты, говорит, живешь, а в реку смитья⁵² не рой, не тряси на редьку смитьёв, а то весной лед понесет, бывать кто ни увидит». Ну, вишь разбойники или и высмотрели, что, наверно, есь где ни по реке жёло. Вёсна пришла, ены и пришли, а мужчины-то дома нет. А одному разбойнику женщина и приглянулась, да и понравилась. Он и говорит: «Зачем ты живешь в лесу одна, брось своего мужа, а пойдем со мной». Она говорит: «Нет, у меня муж сильный, мне никак от него не уйти» — «А когда, говорит, он без силы живет?» — «А когда, говорит, сходит в байну, дак после байны». Он и говорит: «Ну стопи байну, да своди мужа в байну, а нас скрой куды». Она говорит: «Один останьтесь, я скрою в фатеру, а остальные 39 подьте в ригацю». А сама уж тут готовят, байну топят, чтобы мужа без силы сделать. Муж как с пашни приехал, она говорит: «Муженек, баенка готова, поди в баенку сходи!». А он говорит: «Что же, да я вчерась был!». Она говорит: «Да ты, говорит, в пыли пашешь, да поди помойси!». Он и ушел в байну. А она уж тут все приготовила про их. Он с байны приходит, а этот и вы-

⁵² Смитья — мусор.

ходит, выкатыват, спрятанный у ей. Да уж как ен был без силы... прежде избы черны были, вы-то уж не застали, и у печьки стоял столон да два воронця... этот разбойник этого мужчину схватил, ногу да руку на воронца привязал, а другую ногу да руку на другой воронца привязал, припутал веревками. А самы стали с женой да детьми угощаться, а ему, миляге, покушать не дали. Он тут и остался, сидит. Они покушали да спать легли этот молодой муж с женой, и дити-то легли. А он как силы набрался и стал будит дочерь: «Аннушка, подай мне-ка ножика!». А она говорит: «У нас есь молодый папка, а тебя нам не наб!». ⁵³ А он потом и просит: «Ванюшка, подай папы ножика!». Мальчишка скокнул да и ножик подал. «Ванюшка, руби мне веревку на правой руки!». А мальчик рубил, рубил да и перерубил веревки-то. Ну веревки перерубил, дак у его свободно рука-то стала. А как он вышел оттуда, опустилсся, дак мальчик и говорит: «Папа, у нас, говорит, у мамки в рйгаци без одного 40 разбойников закрыты». А он сходил да подпал плечём, да совсем ригу-ту сронил, да и убилися. А сам возвратился, на старо место сел да немножко и припутался; где сидел, там и сел. А жена скокнула — толико народу, наб сготовить, а он сидит да смотрит. Как она приготовила все, и этот и пришел, который с ей спал-то, ну и говорит хозяину-то: «Что, говорит, хозяин, сегодни во снито видел?». Он говорит: «Хороший мне сон показался — будто мне в пасть ⁵⁴ попало без одного 40 мошников, ⁵⁵ а сороковой мошник по крайцику ходит...». Да с воронца скокнул, да мужчину и жену головами как шшолнул, да и убил тут. И дочерь убил, и всих в реку вырыл, а сам с сыном выехал в большу деревню. А больше на хутор не пошел жить, разбм нажилсся. Правда ай нет, а кто его знат. (Зап. нами от Дарьи Михайловны Канавиной 68 лет, неграмотной, на Лук-острове в июле 1963 г. Она переняла сказку от матери А. Л. Кузькиной, умершей в 1916 г.).

Рагнозерская версия с реки Онеги (II, 19). Жили молодые люди, только поженилися. Они жили в деревне, а потом им что-то не понравилось и они выбрали у речки место за 20 км от этой деревни, выстроили дом и там поселились. Рак стал расчищать поля, сенокосы, все время работал. Они прожили там годов 15. У них родились мальчик и девочка. Этот Рак чистил поля, сенокосом занимался. Когда родились дети, он стал еще больше работать, чтобы им оставить больше и чтобы было все ближе к дому — пашня, сенокос, не надо далеко ходить-ездить. А рядом жил разбойник в лесах. У него было 11 здоровых ребят, которые грабили, а он сам познакомился с евоной женой. Первый день зашел — попросил напиться, поразговорился с ней немного. Он ее выпросил, где ее муж. Она рассказала, что он с утра до вечера работает, все расчищает поля да сенокосы. И он в нее влюбился. А Рак был очень сильный, крепкий, так что вся шайка в 11 человек его боялась. Но один раз Рак проговорился жене, что бывает иногда совсем бессильным, его даже малый ребенок может убить. Разбойник и говорит: «Ты узнай от него, когда он бывает бессильным, и мы с тобой это дело сделаем. (Они решили убить его). Тогда мои ребята будут грабить людей, а мы будем жить очень хорошо». В одно прекрасное время Рак домой с работы приходит — жена ему стакан водки налила. Жена ему говорит: «Мы с тобой прожили 15 лет, а тебе никакой радости, праздника. Все ты работаешь. Хоть выпей стаканчик винца!». Он выпил. Они повалились спать. Она к нему так ласково: «Когда бы-

⁵³ Наб — надо, надобно.

⁵⁴ Пасть — капкан.

⁵⁵ Мошник — глухарь или тетерев, в данном случае глухарь.

ваешь бессильным?» — «А тебе что моя сила?». Так ей и не сказал. Снова в воскресенье она его спрашивает: «Чего ты меня стесняешься, свой жены?». И во второй день он ей не сказал. На третий раз она его спросила: «Ну скажи все-таки мне, когда же ты бываешь бессильным?». Он и сказал: «Когда с тобой совершу акт, тогда и становлюсь бессильным. А потом в речке выкупаюсь и снова получаю силу». И они снова спать повалились, до утра спали. Утром он ушел работать, атаман в это время и пришел к ней и спрашивает: «Ну как, узнала, когда он бывает бессильным?» — «Да, узнала, только очень трудно его в это время поймать». — «А ты меня спрячь». — «А вот что догадалась: ты повалился под кровать за занавеску (у кровати была долгая занавеска) и тебя не будет видно». «Он под кровать и повалился, а разбойники спрятались в бане. Баня стояла на крутом таком угоре. Разбойник под кровать с занавеской спрятался и молчит. Жена снова угостила Рака. Он стаканчик выпил, повалился спать с ней. Разбойник выскакивает из-под кровати: «Ах, сукин сын, попался!». А сам с мечом. «Да что делать, попался!». Разбойник сказал жене Рака: «Принеси веревки!». Жена принесла веревки. (Она не знала, для чего). Он Рака к столбу привязал напротив ихней кровати и говорит: «Вот, Рак, сторожи нас, а я буду с твоей женой спать». Было лето, жарко, разбойник с женой Рака и уснул. А ночь светлая. Дети всю ночь бегают, играют. Он попросил девочки: «Дочка, подай ножик!» — «Я скажу молодому папе, вот тебе и ножичек!». Он мальчика стал просить: «Ваня, подай ножичек!». А тот и говорит: «Где, папа?» — «Под потолком, под матицей» — «А как, папа, достать?» — «Возьми ухват». Он взял ухват и ножик сронил, стал пилить веревку. Пил, пил и перерезал. Рак стал пошевеливаться, веревка ослабла, он развязался совсем и пошел к речке купаться, мимо бани, а там разговор. Он к бане подошел, захватил ее за угол снизу — они под гору и посыпались все, их задавило. Утром жена веселая. На старого мужа косо поглядывает. Стала печку топить, блины пекчи для молодого мужа. Атаман проснулся: «Спал, Рак?» — «Почти что нет!» — «А вот я видел сон, что ко мне привели человека какого-то мои товарищи, я взял меч и срубил ему голову» — «И я видел сон: я ходил ставил пасти, мне в них попало 11 чухарей,⁵⁶ и 12-й летает; думаю, что тоже от моих рук не уйдет!» — «Ах, как так! Ты 11 человек моих погубил, что ли?». Выскочил, хотел его зарубить, а Рак схватил его в охапку, наперед головой стукнул — из него грязь одна осталась. А жене на одну ногу наступил, другую захватил — разорвал и бросил в речку. И дочку также разорвал, бросил в речку. Остался с сыном жить. Сказка вся, больше врать нельзя! (Зап. О. Орловым от М. Е. Молчанова 71 года, грамотного, в д. Шиловское на р. Онеге в июле 1964 г. Повторная запись более растянута и имеет сказочные зачин и концовку. Рассказчик перенял сказку до войны, на лесозаготовках на Булатове озере, что за Онегой против д. Маркомусы. Точно не знает, от кого слышал. Твердо уверен, что Рак был русским, но почему у него было такое странное имя, не знает. Ни с каким географическим местом он сказку не связывает).

Востоchnoпудожская версия о Пеньке (III, 5). На Колоде-реке поселился один житель — Пенька, да избушка была, да пашня была, да скот был. Вот ходили какие-то до того разбойники. Пришли разбойники, вытопили байну. А его взяли глаза завязали, не били, ничего, а глаза

⁵⁶ Чухарь-глухарь, а также русское прозвище для представителей финно-угорских народов. Ненцы рассказывают, что до них жили некие глухаринные или тетеревиные люди. Не имея возможности развернуть здесь аргументацию, скажем лишь, что подобные факты позволяют предполагать, что у чуди был тотемом глухарь.

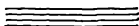
завязали да на печь посадили. Придут да напьются, да смеются. А жону его атаман подбагрил, их 12 человек было. Пьют там, в другой половине. Вытопили байну, пошли в байну эти молодцы. А у их был паренек да дочка. Потом эти пошли, а Пенька на печи лежит. Ен доцёри и говорит: «Поддай мне ножик, в ножни лежит. У меня руки завязаны, ноги завязаны, глаза завязаны — некак ускакать». (А доцёри-то сказал, тая была побольше). А доць и говорит: «Не подам, меня папа будет ругать, у нас папа есть новый». А сын подал. А ен: «Пилю вот по этому месту, по рукам». А он попилил, руки опростал и глаза открыл, развязал. Скоцил с печи да прибежал к байны, да матицу сфатил — ен был здоровой — да сдернул, их там всех задавил, 11 штук. Потолок пал да их там затушило. И прибежал да на печь свалился и лежит. А ен попил цыяку, вышел на избу: «Что, Пенька, тебе во снях сегодня показалося?». А ен говорит: «Ну что покажется во снях? А вот будто построил, говорит, слопёц,⁵⁷ а мне 11 мушников в слопец попало, а 12-го, говорит, фуралом⁵⁸ убило». Как выскоцил с цепи, да скамейку сфатил, да в голову щелнул, да и того убил, 12-го. А сам вышел да девочку да мать — вытянул боцьку — да в боцьку клал. А с сыном вышел в Кубово, в деревню. Говорят, там сына доростил. (Зап. Ю. Новиковым от Е. В. Амаликовой 80 лет, неграмотной, на Салмозере в июле 1959 г. «Про нашего богатыря» старушка слышала от своего дяди, которому в свою очередь рассказывал дедушка. По расчетам получается, что дедушка рассказывал примерно 85—90 лет назад. Дядя утверждал, что больше ни от кого о Пеньке не слышал, хотя всю жизнь прожил в Усть-Колоде (Кубовской), в 20 км от места, к которому приурочивают поселение Пеньки).

Кумбасозерская версия (IV, 1). Про богатыря. Ен выехал с деревни в лес, дом тут срубил. Вот и пошел лес рубить. Рубит лес, идет 12 разбойников, 13-й атаман. Вот ен со стороны толщи дерева тукне, а с другой прибавит, то и полетело. И ены спрашивают: «Куда бы это нам зайти?». Вот и отправил их к жоны: «Подьте, говорит, вот один дом, там женщина с дочерью вас пустит». Пришли к его жоны. Этот атаман с его жоной сговорились убить его, богатыря. Разбойников посылают: «Подьте, говорят, убейте его!» — «Как мы, говоря, убьем? Мы какой сунемся, нас всех прибьет!». А потом выдумала жона: «А давай, говорит, он прйде голодный, ись хоче, я байну вытоплю, белье дам белое (даё веревку разбойникам). Станьте за байну! В байну сходит да рубаху на себя стане накидывать, что ничего не буде видать, да его в ту пору сгребчи и имайте!». Вытопила ена байну, сготовила. Ен пришел, просит ись. Ена его умоляет: «Ой, летушко, сходи в баенку, а потом наисись!». Ну ен пошел в байну: посылат, дак че сделаешь. Сходил, помылси, стал одеваться. Токо рубашку накинуд на себя, а разбойники подскочили да его и связали, связали, принесли, в избу кинули. «Че, говоря, нонь бить или до утра оставить?». Жона говорит: «Нонь бейте, не оставляйте!». А атаман говорит: «Оставьте до утра». Вот его поставили к печке. Разбойников спать в байну послали, атаман с его женой в горенку ушел, а сына с дочкой в избу повалили. Ну, вот он стоял, стоял — дочь профатиласи. «Доченька, где-то мой ножичек есть? Притяни да петельку розрежь». — А ну те к черту, у нас новый папынька есь! Оять стоял, стоял — сын профатилсы. Ен опеть и говорит: «Сынушко, доброхот, притяни ножика и розрежь мне петельку!» — А, папенька, говорит, ножик твой я знаю». Ну вот сын потянул этот ножик, сдымал эту петелку,

⁵⁷ Слопёц — охотничья ловушка на птиц.

⁵⁸ Фурал — «у слоцця есть таки ворота шатающие» (пояснение рассказчицы).

сдымал да перепилил. Отец стал свободный. «Ну, ложись, сын, спать». Сын лег спать. Ен пошел, распутался, пошел и горницу заложил. Сходил в байну, двери подпер. Сам хлеба нашел да сел наелсы. Вот и пошел в байну, начал потолок сдергивать. Ены там завопили: «Гришка, Ешка, Лешка, что у нас холодно стало?». А какой сунется, тот и готов, он того и подсуне. Всех прибил, пришел, горницу отложил, сам опять стал на то же место, запутался кое-как, омотался веревкой. Ну, жона встала, пришла, начала блины пекчи. Со сковородником прискакивает, готова в зубы тыкать: «Сейчас мы тебя смерти придаем!». Ен стоит, молчит до время. Вот сейчас атаман приходит из горницы: «Ну что, богатырь, спрашиват, что ночесь во все видел?» — «Ну говорит, какой сон — стоя стою да смерти жду, дак какой мне сон? А одинова, говорит, вздремнул. Век свой как ходил в лисе, вот в лес пошел да пострелил, говорит, 12 пискунов, а 13-го мошника». ⁵⁹ А жона атаману: «Поди, летушко, сedy, блинков да поешь». А ен сел блинков есь да первый блин омакнул, а ен подскочил да кулаком по голове — ен и рот отвалил, тут и умер. А жону — на ногу наступил, а другую зафатил да раздернул. А дочь под ж... пнул — и кишки выпали. А сын сел, блинков наелся. Поехали в деревню, стали жить-поживать, лихо проживать, добро наживать, нын живут и нас переживут. (Зап. нами от А. М. Мелеховой 80 лет, неграмотной, в пос. Дворишное в июле 1959 г. На вопрос, от кого слышала сказку, ответила: «Да буде от кресного своего, от старичка, сто-то годов жил». Сказочнице посвящена специальная статья Т. С. Макашиной в сб. «Современный русский фольклор» (М., 1967), где говорится и о ее учителе — крестном).

⁵⁹ По объяснению рассказчицы: кóппалу (глухарку) или тетерку с выводком.

Н. И. САВУШКИНА

ЛЕГЕНДА О ГРАДЕ КИТЕЖЕ В СТАРЫХ И НОВЫХ ЗАПИСЯХ

Давным-давно народная молва разнесла по всем уголкам России весть о чудесном озере Светлояре, что неподалеку от города Семенова в бывшей Нижегородской губернии. По слухам и толкам на дне этого озера сокрыт град Китеж, не давшийся на поругание батыеву войску и исчезнувший на глазах врага. Церкви и соборы града Большого Китежа — Успенский, Благовещенский и Воздвиженский — скрыты под прибрежными холмами, откуда временами доносится звон колоколов, богослужение, а иногда выходят «старички» — монахи. Праведные люди сами могут не только услышать звон, узреть «видение», но даже и попасть в Китеж, приобщиться к «истинной вере». Вода же озера чудодейственна и целебна. На протяжении всего XIX и начала XX в. на озеро Светлояр под «Владимирскую», т. е. 22 июня по старому стилю, церковный престольный праздник в с. Владимирское (1,5 км от озера), совпадающий с языческим днем Ивана Купалы (он же Иван Цветник, Иван Поститель), стекались сначала преимущественно старообрядцы, взыскующие «истинной веры», а затем и просто верующие — для исцеления и приобщения к «чудесам». На берегах озера устраивались моления и религиозные диспуты о вере, затем крестные ходы и ярмарка. Популярности Светлояра и оформлению легенды о Китеже в ее общеизвестной версии, их особой значительности в глазах людей способствовал «Китежский летописец» — старообрядческое рукописное произведение, очень ценное и пропагандируемое ревнителями «старой веры». Его обычно читали вслух собравшимся «на горах» паломникам.

С середины XIX в. Китежская легенда неоднократно привлекала внимание ученых, философов, литераторов. Специальную работу можно было бы посвятить истории ее изучения (скорее — истории интереса к ней), использования ее в литературе, публицистике. Заметим только, что особая популярность легенды в образованных кругах падает на конец XIX — начало XX в. Она связана с появлением романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1875 г.),¹ очерка В. Г. Короленко «На Светлояре» (из цикла «В пустынных местах» — 1890 г.), М. М. Пришвина «У стен града Невидимого» (1908 г.)² и, особенно, оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» (написана в 1904, поставлена в 1907 г.). Однако, несмотря на такой при-

---

¹ П. И. Мельников-Печерский. В лесах. — Собр. соч. в шести томах. т. III. М., 1963.

² М. Пришвин. У стен града невидимого. М., 1909 (далее сокращенно: М. М. Пришвин).

стальный интерес, в дореволюционное время легенда о Китеже как фольклорное произведение не записывалась, она лишь пересказывалась, порой в самой общей форме, многочисленными посетителями Светлояра — писателями, священниками, журналистами. Причем источниками пересказа чаще всего были поздние списки «Китежского летописца» или случайные и разрозненные устные свидетельства. Опубликованное в «Москвитянине» в 1843 г. сообщение семеновского жителя Меледина и найденная им рукопись «Летописца» были использованы П. А. Бессоновым в «Приложениях» к IV выпуску «Песен» П. В. Киреевского и О. Ф. Миллером в связи с упоминанием «Кидиша» в одной из былин об Илье Муромце.³ В работах Н. Ф. Сумцова,⁴ В. Н. Перетца,⁵ П. Лаврова⁶ отдельные мотивы Китежской легенды рассматриваются среди международных мотивов о провалившихся городах.

Прежде чем рассматривать состав легенды, сложный и переплетенный комплекс ее мотивов, следует определить, как расценивали ее смысл и значение обращавшиеся к ней, пересказывавшие ее литераторы. Необходимо учитывать, что Китежская легенда была как бы взята на вооружение представителями разных направлений в русской культуре, истории и философии, которые не только весьма тенденциозно толковали ее смысл, но порой и подтасовывали отдельные «свидетельские показания», устные рассказы. В 60-е годы легенда о Китеже постоянно фигурирует в работах по расколу, в особенности в духовной прессе, ведущей с ним борьбу. Признавалось, что легенда эта прочно владела умами народа, служила своеобразным идеологическим оружием в руках раскольников. О распространенности легенд, подобных Китежской, пишет такой знаток раскола, как П. И. Мельников-Печерский: «Увеличению и разнообразию раскольниковских толков о „сacroвенных епископах древнего благочестия“ немало помогала и народная фантазия. Пошли по народу толки о невидимых городах и монастырях, колокольный звон которых бывает будто бы слышен в тихие летние ночи. Пошли толки о Млѣвских монастырях, о невидимом граде Большом Китеже, о старцах гор Архангельских, или Кирилловых, и Жигулевских и т. п.»⁷

В литературе 60-х годов XIX в. сложилось твердое убеждение, что «Китежский летописец» — сочинение позднее, писанное старообрядцами: «По своему происхождению Летописец, как можно видеть из помещенных в нем раскольниковских мыслей об Антихристе и отпадении Московского государства, относится к концу XVII или началу XVIII в. По всему видно, что и составлением его занимались старообрядцы, во множестве заселявшие и заселяющие Макарьевский и Семеновский уезды».⁸ Эти мысли повторяются и в сочинениях начала века — С. Дурыйлина,⁹

³ Меледин. Китеж на Светлояром озере. — Москвитянин, 1843, ч. VI, № 12 (далее сокращенно: Меледин); Песни, собранные Киреевским, вып. 4. М., 1862; О. Миллер. Сборники по народной русской словесности за 1866 год. Статья вторая. — ЖМНП, ч. СXXXIII. СПб., 1867, стр. 671—672.

⁴ Н. Ф. Сумцов. О провалившихся городах. — Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 8. Харьков, 1896.

⁵ В. Н. Перетц. Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах. — Изборник Киевский в честь Т. Д. Флоринского. Киев, 1904, стр. 75—82.

⁶ П. Лавров. О поклонении озерам и текучей воде и о легендах о затонувших городах. — В кн.: Статьи по истории религии. Пгр., 1918, стр. 159—165.

⁷ П. И. Мельников-Печерский. Исторические очерки поповщины. — Собр. соч., т. 7. М., 1909, стр. 26.

⁸ Нижегородские епархиальные ведомости, 1867, № 10, стр. 292.

⁹ С. Дурыйлин. Церковь невидимого града. Сказание о граде Китеже. М., 1914 (далее сокращенно: С. Дурыйлин), стр. 15—16.

Н. Ашукина¹⁰ и др. Почти в каждой статье содержатся сведения о популярности «Летописца», его переписывании, частом чтении на горах: «Летописец этот весьма распространен по Поволжью. Мы имели случай видеть 5 экземпляров его».¹¹ «Живет в Шадрине <...> Максим Иваныч Авдеев, есть у него эта книга старинная. Приходит он с ней на озеро и читает; все и слушают. Он тебе, коли захочешь, и перепишет ее, возьмет за это полтинник <...> а может поболее <...>».¹² Неудивительно, что многие изложения легенды, приведенные в статьях, даются непосредственно по «Летописцу», особенно в первой, исторической части, которая в устном бытовании выглядит более схематично. Влияние «Летописца» на устную традицию определялось значительностью в народных глазах самого жанра летописи. Это, очевидно, прекрасно понимали ее составители. «Вовсе не случайно сказание о Китеже запечатлено в форме „Летописца“». Летопись в народном представлении всегда есть свидетельство о подлинном, бесспорном, самом достоверном, навеки засвидетельствованном бытии».¹³ Толкуя содержание и смысл «Китежского летописца», с которым неизменно связывается историческая объяснительная часть Китежской легенды, дореволюционные авторы не могли быть объективными. Автор статьи из «Нижегородских епархиальных ведомостей» за 1867 г. настойчиво проводит мысль об устной народной основе содержащихся там сведений, имея в виду «легковерность» и «невежественность» народа и фактически отрицая за ним право на сознательное осмысление своего прошлого и выражение, пусть в утопической форме, социальных устремлений. Отрицая подлинность, фактичность «Летописца», он отрицает и сознательное отношение к нему народа. «Очевидно, до какой степени рассказанные здесь события отличаются сказочным характером. Хронология и история перепутаны; сочинитель во что бы то ни стало хочет возвести древние народные легенды на степень исторических событий. Тем не менее простой народ принял эти легенды за истину, он поверил им, тем более, что составитель их, очевидно, хорошо знавший настроение простого народа, угрожает клятвою за неверие переданному повествованию».¹⁴

В работах С. Дурылина, Н. Ашукина и других Китежская легенда трактуется исключительно как выражение религиозных исканий народа: «Народная душа жаждала и жаждет бытия в церкви и мыслит свое бытие как пребывание в церкви видимой и непрестанное общение с церковью невидимой в молитве и вере».¹⁵ Характерно, что эти народные поиски «истинной церкви» С. Дурылин видит и в легендах о далеких землях — об Опоньском царстве, Беловодье. Одними религиозными устремлениями народа наполняет Китежскую легенду Д. С. Мережковский (который, впрочем, и всему революционному движению России придает религиозный смысл: все оно — «взыскание града»)¹⁶ «Но народ чтит и помнит Кидеш или Китеж не как город древних былин, славный подвигами русских богатырей, — писал Н. Ашукин, — а как святой „невидимый град“, оберегаемый старцами от грешных, недостойных взоров».¹⁷

¹⁰ Н. Ашукин. Град Китеж-Невидимый. — Путь, М., 1913 (далее сокращенно: Н. Ашукин), № 11, стр. 16.

¹¹ Нижегородские епархиальные ведомости, 1867, № 10, стр. 292.

¹² Н. Ашукин, стр. 19.

¹³ С. Дурылин, стр. 17.

¹⁴ Нижегородские епархиальные ведомости, 1867, № 10, стр. 296; см. также: Православный собеседник, 1866, т. 3, стр. 267; Нижегородские епархиальные ведомости, 1868, № 11, стр. 421.

¹⁵ С. Дурылин, стр. 8—9.

¹⁶ Д. С. Мережковский. Вечные спутники. — Полн. собр. соч., т. XIII. СПб.—М., 1911, стр. 42—43.

¹⁷ Н. Ашукин, стр. 15—16.

Итак, в дореволюционной литературе легенда о граде Китеже осмысливается исключительно в плане религиозных исканий народа, устные и письменные источники ее не различаются, исторические и социальные мотивы в ней не привлекают внимания. Ниже мы увидим, как такой подход отразился на пересказах легенды.

Наиболее значительным вкладом в изучение легенды является книга историка древнерусской литературы В. Л. Комаровича «Китежская легенда». Сосредоточивая внимание на изучении «Китежского летописца», автор привлекает и записанные им в 1925—1926 гг. на Светлояре устные тексты. Исследователь социально-утопических легенд К. В. Чистов специально не анализировал Китежскую легенду. Он определяет ее в связи с легендой о Беловодье как религиозно-утопическую, содержащую, разумеется, и некоторые социальные элементы. Ее неизбежная эволюция — в результате изживания социально-утопических и религиозных иллюзий — «окаменение» и «выветривание социальных элементов»: «практичный и трезвый, в целом мало склонный к мистицизму крестьянский ум должен был искать более реальных вариантов осуществления социальных (а вместе с тем и религиозных) чаяний и более реальных целей и маршрутов своего „бегства“». ¹⁸ К. В. Чистов прав, имея в виду основную функцию и основную идею легенды, но она представляется более сложным мировоззренческим и художественным комплексом. Ее исторические и некоторые бытовые мотивы до сих пор «будоражат фантазию», что определяет ее «живучесть» как легенды местной, хотя и в трансформированном, сильно измененном виде.

В. Л. Комарович, затем В. Н. Басилов убедительно исследовали состав письменного варианта легенды, В. Л. Комарович, вслед за П. И. Мельниковым-Печерским, возводит почитание невидимого града к пережиткам древней языческой купальской и радуницкой обрядности, на которые наложился поздний христианский мотив «провалища». ¹⁹ Эту точку зрения убедительной критике подверг В. Н. Басилов, доказавший в своей статье поздний старообрядческий характер светлоярского культа, обычно рассматривавшегося вне связи с религиозной атмосферой старообрядческого Заvolжья. ²⁰ Авторы различают устные и письменные версии легенды. В. Л. Комарович указывает, что некоторые из них во многом совпадают.

Однако и В. Л. Комарович, и В. Н. Басилов, оперируя терминами «устная легенда», «устная версия легенды», недостаточно учитывали особенности этого фольклорного жанра. В. Л. Комарович выдвигает три обособленные устные версии легенды: город провалился под копытами «девки-Турки» и «стало над ним озеро», под Светлоярскими холмами скрыт безымянный монастырь, город Китеж исчез перед лицом Батые. На самом деле в устном бытовании легенда выглядит иначе. В ней отсутствует древнейший, по мнению В. Л. Комаровича, «купальский» мотив девки-Турки, представленный в единичном свидетельстве — записи самого В. Л. Комаровича 1925 г. (это подтверждает и В. Н. Басилов материалами 1959 г.). Обычно «сокрытие» Китежа объясняется как исчезновение под горами и на дне озера. В. Н. Басилов, правильно рассматривая поздний этап жизни легенды в связи с распространением культа града и конкретизацией в на-

¹⁸ К. В. Чистов. 1) Легенда о Беловодье. — Труды Карельского филиала АН СССР, вып. 35. Петрозаводск, 1962, стр. 131; 2) Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, стр. 320—321.

¹⁹ В. Л. Комарович. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.—Л., 1936 (далее сокращенно: В. Л. Комарович), стр. 14.

²⁰ В. Н. Басилов. О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр. — Вопросы истории религии и атеизма, вып. XII. М., 1964 (далее сокращенно: В. Н. Басилов), стр. 150—170.

родном представлении книжного выражения «покрыл господь тот град дланью своею», предполагает существование более древней, ранней легенды о Китеже, не связанной с озером. В нашем распоряжении нет текстов, записей, свидетельств, позволяющих отнести их к «достарообрядческому» этапу существования легенды.

Очевидно, «Китежский летописец» подавил все предшествующие представления. Авторитет его исторической части был бесспорен в глазах народа, а идея могла найти сочувствие в народных массах. Можно только предположить, что источники народных представлений об озере и исчезнувшем городе, оформившиеся под влиянием «летописца» в легенду о Китеже, были неоднородны, многосоставны. Это был не один конкретный исторический факт и даже не сумма фактов, не просто бродячий сюжет, прикрепленный к озеру, и не просто пересказ «Летописца». Это был целый комплекс фактов и сведений, причудливо сплетенных в сознании и творчестве народа. Во-первых, это не дошедшие до нас местные исторические предания о вражеских нашествиях на Заволжские земли, междоусобной борьбе и прочих событиях, результатом которых было разорение, исчезновение с лица заволжской земли городов и селений. Во-вторых, древние христианские легенды о сокровенных обителях, об исчезнувших (затонувших, провалившихся) за грехи городах и селениях, причем «провалище» было переосмыслено как «сокровение от нашествия врагов». Легенды эти возникали у разных народов как осмысление стихийных явлений природы — землетрясений, карстовых провалов и образований озер, вулканических извержений и т. д. В-третьих, это, очевидно, древний дохристианский культ воды, свойственный не только славянам, но и неславянским племенам, населявшим окрестности озера. Он находил опору в загадочных для народа (и сейчас еще не исследованных наукой) свойствах воды Светлояра. Эти предположения об исторических корнях легенды можно уточнить только путем продолжения комплексных исследований — археологических, геологических, фольклорных на более широкой территории.

Считая, вслед за В. Л. Комаровичем, Китежскую легенду местной, мы не ставили целью дать подробный сопоставительный анализ входящих в нее «бродячих мотивов», например мотива «провалища».²¹ Бытуя в местном народном репертуаре произведений несказочной прозы, легенда отдельными своими мотивами взаимодействует и со сказкой, и с преданием, и с местными поверьями — например, о кладях. Данное обстоятельство отметил В. Смирнов.²² Однако и это — специальный вопрос. Нас интересует приуроченность легенды к Светлояру, ее содержание и состав на русской почве по материалам с середины XIX в. и до наших дней. Естественно, что за это время легенда претерпела значительные изменения, некоторую часть которых можно отнести не только на счет изживания религиозно-утопических представлений в русском крестьянстве, но и более конкретно — на счет эволюции содержания светлоярского культа, хорошо показанной В. Н. Басиловым.²³

В позднейшем бытовании (примерно с начала XX в.) легенда связана с многочисленными суеверными рассказами о самом Светлояре и окрест-

²¹ См., например: Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. II. Warszawa, 1963, NoNo 7070—7071, и другие указатели; Б. Кербелите. Литовские предания об исчезнувших городах. — СЭ, 1963, № 5.

²² В. Смирнов. Потонувшие колокола. — Третий этнографический сборник. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXIX) Кострома, 1923.

²³ В. Н. Басилов, стр. 164—165.

ных «святых местах»; объединяет их светлоярский культ. Многие «бродячие мотивы» и местные поверья оказались как бы вовлечены в этот культ в период его затухания и трансформации. Представление о составе легенды и окружающих ее рассказов об озере и окрестностях, о взаимосвязи мотивов в живом бытовании дают предлагаемые ниже схемы. Их смысл не в восстановлении некоего пратекста, но в выявлении всех компонентов легенды, в цельном виде не существующей и не исполняемой, как справедливо считают советские исследователи.²⁴ Предлагая схему легенд о «возвращающихся царях-избавителях», К. В. Чистов указывает, что «варьирование легенд происходило в значительной мере за счет варьирования или выключения отдельных мотивов».²⁵

СОСТАВ УСТНОЙ ЛЕГЕНДЫ О КИТЕЖЕ

А — Постройка Китежа

- A₁ — князь Юрий строит Б. Китеж на берегах Светлояра;
- A₂ — Б. Китеж стоит на берегу Светлояра;
- A₃ — Китеж стоял на месте, где сейчас озеро Светлояр.

В — Китеж в опасности

- B₁ — Батый преследует князя Юрия, он скрывается в городе;
- B₂ — Батый преследует князя Юрия, убивает его у стен Китежа;
- B₃ — Батый преследует князя Юрия, убивает его у Кибелецкого ключа.

С — Чудесное спасение Китежа

- C₁ — Китеж исчезает (делается невидимым) перед лицом врага;
- C₂ — Китеж проваливается и образуется озеро;
- C₃ — Китеж скрывается под землей (холмами);
- C₄ — Китеж скрывается под холмами и на дне озера.

Д — Китеж существует, его местонахождение

- D₁ — Китеж стоит на берегу Светлояра невидим;
- D₂ — Китеж находится на дне Светлояра;
- D₃ — Китеж находится под землей (холмами);
- D₄ — Китеж находится на дне озера и под холмами.

Е — Существование Китежа подтверждается вестями из него («видениями»)

- E₁ — в воде видно отражение церковных крестов;
- E₂ — на озере виден свет;
- E₃ — слышен звон колоколов;
- E₄ — слышны звуки молитв, церковной службы;
- E₅ — показываются старички, монахи;
- E₆ — показываются молящиеся люди;
- E₇ — в дыру (с ковш) под озером видны кресты и весь город.

Ф — Общение с жителями Китежа

- F₁ — разговор со старичками на берегу озера;
- F₂ — продажа хлеба старичкам из Китежа.

Г — Возможность побывать в Китеже или уйти туда навсегда

- G₁ — открывается вход в Китеж и тут же исчезает (так как человек нарушил запрет, подумал о земном);
- G₂ — ночлег в Китеже паломника в избушке старичка или старушки;

²⁴ См.: К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды, стр. 10; В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. Л., 1967, стр. 123.

²⁵ К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды, стр. 30.

- С₃ — пребывание заблудившегося человека в Китеже с возвращением (пастуха, пастушонка, старика);
 С₄ — мужики едут продавать хлеб в Китеж и возвращаются;
 С₅ — уход в Китеж навсегда и безвестно;
 С₆ — уход в Китеж с вестями о пребывании там.

Очевидно, что ядро легенды — местонахождение Китежа (D) определяет взаимосвязь других элементов, так как представление о том, где находится град Китеж, является объединяющим для остальных свидетельств. Поскольку относительно устных версий местонахождения Китежа есть разногласия и точка зрения В. Л. Комаровича должна быть пересмотрена, посмотрим, каково соотношение их по дореволюционным материалам.

В самых ранних из опубликованных рассказов — свидетельствах Меледина фигурирует сокрытие под землей. «Молва, несмотря на свои видоизменения, твердит единогласно, что под этой горкой скрыто сокровище, какое едва ли где было и будет когда-нибудь <...> утверждают, что в недрах земли под этим бугром есть город и что в нем доньше живут святые люди».²⁶ Меледин пишет далее, что знатоки из окрестных жителей указывают приходящим части города — городские стены, ворота и крепость, соборы. Сходные свидетельства приводятся и в «Нижегородских епархиальных ведомостях» за 1867 г.²⁷ Позже и М. М. Пришвин, и Н. Ашукин, и С. Дурылин, беседуя с паломниками и местными жителями на берегу озера («белым стариком», «старушкой» и т. д.), неизменно писали о том, что город мыслится ими скрытым под холмами.²⁸ Это особенно ценные для нас указания, так как они идут из уст народа. Неоднократно наблюдались и описаны в литературе конца XIX — начала XX в. случаи, когда верующие опускали в землю за корягу, в мох, скромные дары «святым угодникам» — китежанам — копейчку, яйцо, холст.²⁹ И даже, казалось бы, скептически настроенный хозяин постоянного двора поддается общему гипнозу: «Истинная правда, — уверяет меня хозяин последней станции перед селом Владимирским, — истинная правда, город тут есть, не зря же валит народ. Хорошенько покопаться, так на всех богатств бы хватило».³⁰

Отметим, что почти всегда под холмами указываются соборы или церкви как части города. Не менее распространенной была и версия, развивающая мотив «провалища»: город провалился в землю и на месте его стало озеро. Впервые мы встречаем ее у Я. Кучина,³¹ а затем и у многих других авторов, правда — в схематическом изложении, а не в передаче разговоров с крестьянами: «По старообрядческой легенде этот город поконится с незапамятных времен на дне озера и продолжает жить там своей жизнью».³²

²⁶ Меледин, стр. 508—509.

²⁷ Нижегородские епархиальные ведомости, 1867, № 10, стр. 297—298.

²⁸ М. М. Пришвин, стр. 125, 131, 132; Н. Ашукин, стр. 25.

²⁹ М. М. Пришвин, стр. 132; С. Дурылин, стр. 64.

³⁰ М. М. Пришвин, стр. 88.

³¹ Я. Кучин. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов, 1865 (далее сокращенно: Я. Кучин), стр. 78—79.

³² Н. Оглоблин. На озере Светлояре. — Русское богатство, 1905, № 6, стр. 131; см. также: П. Усов. Среди скитниц. — Исторический вестник, 1887, т. 27, ч. III, стр. 588; М. Поспелов. Озеро Светлояр. — Руководство для сельских пастырей, Киев, 1871, т. II, № 35 (далее сокращенно: М. Поспелов), стр. 631, Пермский. На Светлояре. — Костромские епархиальные ведомости, 1905, № 17, стр. 507—508; Нижегородская земская газета, 1912, № 27, стр. 768.

Считать данную версию более поздней, как это делает В. Н. Басилов,³³ мы пока воздержимся, тем более что и здесь фигурирует в основном город, как и в первом случае. Что касается «сокрытия под дланью», т. е. версии о том, что город просто стал невидимым по мановению руки господней, то в народной передаче такая версия почти не встречается. В основном «сокрытие под дланью» фигурирует в очерках писателей и публицистов, которые, отталкиваясь от «Летописца», пересказывают его или дают тенденциозное толкование легенде в соответствии со своими убеждениями о мистических чертах народного характера. Яснее всего об этом сказано у С. Дурылина: «По третьему варианту, может быть, самому значительному, град Китеж не ушел в землю и не скрылся под водой, он стоит на тех же холмах, где стоял <...> И лишь мы, по грехам нашим, не видим этого».³⁴ А вот что писала Э. Гиппиус: «Но многие думают, что „град Китеж“, как Атлантида, скрылся под волнами Святого озера. Поверье раскольников не таково. Город, с его церквями и соборами, скрылся только от глаз людских, когда подошли к стенам его полчища татар. Церкви превратились в холмы. И не город, а лишь отражение города, стоящего на берегу, видят „достойные“ в тихих водах Светлояра».³⁵

В сочетании с какими эпизодами (мотивами) выступает ядро легенды, представление о местонахождении Китежа (D)? Наиболее полные пересказы сюжета дают основание видеть некоторые особенно устойчивые комплексы мотивов. По большей части этот пересказ соответствует исторической части «Китежского летописца» в его «каноническом» или народном толковании: $D_3 + A_1 + C_3$ (Меледин); $A_1 + B_1 + C_4 + D_4$ (Я. Кучин); $A_1 + B_1 + C_1 + D_1 + E_1 + E_2 + E_3 + E_4$ (П. И. Мельников-Печерский); $B_1 + C_1 + D_1$ («Православный собеседник»); $A_2 + C_2 + E_3$ (Пермезский); $A_2 + C_2 + E$ (П. Усов); $A_2 + D_2 + E$ (Оглоблин); $A_3 + B_1 + C_1$ (Земская газета). Нельзя не видеть по источникам, что соединение это имеет несколько искусственный характер. Если в очерки вкраплены непосредственные разговоры, передача народных рассказов как прямого свидетельства (на уровне фольклорного текста), то они обычно представляют собою сочетание двух мотивов или даже один какой-нибудь мотив (E_5 , E_6 , F_{1-2} , G_{1-6} , который бытует в виде былички, опираясь на основной эпизод — D.

Из рассказов, подтверждающих существование Китежа, наибольшее распространение имели рассказы о «вестях» или «видениях». Они обычно передавались в традиционном комплексе $D + E_1 + E_2 + E_3 (+E_4)$, связанном с культом, и в некоторых случаях выглядели как возможность приобщения к городу для праведников: «Те, которые посещают это озеро с верою и страхом Божиим, будто бы слышат подземный звон, видят горящие под водою свечи, кресты церквей, отражающихся в озере, и т. д.».³⁶ Иногда эти рассказы преподносятся в виде поверья (близкого слухам и толкам): «Есть поверье, что каждый верующий может в ночь на Владимирскую (22 июня) увидеть в воде озера очертания города и его церквей и услышать звон колоколов китежских».³⁷ Это характерное позднее свидетельство. Здесь услышать и увидеть чудеса может всякий, а не только «праведник» или «ревнитель древнего благочестия» Ограничения

³³ В. Н. Басилов, стр. 160.

³⁴ С. Дурылин, стр. 22. См. также: П. И. Мельников-Печерский. В лесах, стр. 299; Православный собеседник, 1866, т. 3, стр. 269; Я. Кучин, стр. 76; М. М. Пришвин, стр. 122—123.

³⁵ Э. Гиппиус. Светлое озеро. — Новый путь, СПб., 1904, № 1, стр. 151—152.

³⁶ М. Поспелов, стр. 631.

³⁷ Нижегородская земская газета, 1912, № 27, стр. 768.

по вере нет, есть ограничение по сроку (в ночь на Владимирскую). Оно заставляет предполагать, что поверье это не только прикрепилося к местному престольному празднику и культу, но и переплелось с купальским поверьем о цветущем одну ночь папоротнике, с помощью которого «открываются» клады. Надо сказать, что в этих рассказах местонахождение города выступает как D₄ (на дне озера и под холмами). Рассказы «о вестях» в форме меморатов в литературе почти не встречаются — лишь у А. С. Гациского, М. М. Пришвина и В. Г. Короленко приведены непосредственные случаи и их «действующие лица» (старик с белой бородой, Татьяна Горняя). У Гациского же находим и интересное замечание: «В старину этих случаев больше бывало и звон со святых колоколен китежских чаще слышен был».³⁸

Такой же двойственный характер (т. е. или непосредственно связанный с «Китежским летописцем», или отступающий от него) имеют и рассказы о случаях общения с китежанами, уходе в Китеж и пребывании там (F₁₋₂, G₁₋₆). Один из них (G₅) имеют форму «слухов и толков» и тесно связаны с второй частью «Летописца», где объясняется, кто может попасть в Китеж и как можно туда попасть (ср. «Путешественник» в легендах о далеких землях). Меледин пишет: «Наконец, уверяют, что и ныне многие приходят туда невидимым, сокрытым от нас входом».³⁹ Далее он приводит пересказ «Летописца» в форме слуха. В такой же форме повествуется о возможности неудачи попытки попасть в Китеж (G₁): «Зря не берут. Умолишь угодников божиих, вот и позовут, и расворются воротца, а пожалеешь кого, опять станет пустым и диким местом».⁴⁰ Эта ситуация, идущая от религиозного запрета, содержащегося в «Летописце», дала толчок народной фантазии. Большинство рассказов повествует о людях, лишь временно попавших или неудачно пытавшихся попасть в Китеж. Обычно ситуации этих рассказов проникнуты драматизмом. Выполнение строгих правил «поступления» в Китеж оказывается не под силу земным людям, нарушение запрета влечет за собой неудачу: старушка вспомнила о внучке и тут же исчезли «воротца» и «как был лес, так и есть. Дикое место, пустое».⁴¹ Один из трех братьев вошел «во врата» и во мгновение ока скрылся, а остальные двое не попали — не угодны, значит, были святым отцам.⁴² Еще у П. И. Мельникова-Печерского⁴³ встречаем рассказ о том, как неудачно пытался попасть в Китеж Перфил Григорьевич: не попросил во-время благословения у медведя, который был «вратарем» города, представившегося «чарусой» (болотом, топью). «Оборванным и исцарапанным» предстает персонаж другого рассказа — мужичок, который не мог снова попасть в Китеж, выйдя в лес за грибами и заслушавшись мирских песен женщин.⁴⁴ Нельзя не видеть близости подобных рассказов к быличкам о пребывании человека у чертей, лешего, о встречах с нечистой силой.

Очень популярен в дореволюционной литературе и эпизод продажи хлеба в Китеж (G₄). Он также зафиксирован в форме «слухов и толков»: «В воскресенье, сказывают, на базар люди выходят из Китежа, хлеб покупают и всегда у черемис, у русских никогда не покупают, чтоб

³⁸ А. С. Гациский. У невидимого града Китежа. — Древняя и новая Россия, 1877, № 11 (далее сокращенно: А. С. Гациский), стр. 270.

³⁹ Меледин, стр. 510.

⁴⁰ М. М. Пришвин, стр. 129.

⁴¹ Там же, стр. 130.

⁴² А. С. Гациский, стр. 269—270.

⁴³ П. И. Мельников-Печерский. В лесах, стр. 304.

⁴⁴ А. С. Гациский, стр. 270.

их не обознали»,⁴⁵ или: «Один черемисин сказывал, что сам хлеб возил в Китеж».⁴⁶ Два другие рассказа, приведенные А. С. Гациским и Н. Ашукиным, передают этот эпизод уже в виде развернутого повествования — фабулата. Несколько вариантов имеет рассказ о пастухе, случайно попавшем в Китеж и вынесшем оттуда украдкой кусок хлеба, который превратился в гнилушку (С₃).⁴⁷

Вышеприведенные примеры наглядно свидетельствуют, что посетители Светлояра в дореволюционные годы почти не записывали народных рассказов о Китеже, составляющих вкупе легенду, довольствуясь пересказом слухов и толков, толкованием «Летописца». Они, как правило, не различали устные и письменные версии. Однако состав легенды достаточно отчетливо виден из этих материалов, так же как сочетания эпизодов или отдельные их бытование. Как правило, вместе с основным представлением сочетаются «исторические рассказы», а случаи «видений», ухода в Китеж бытуют отдельно, подобно быличкам.

Религиозный культ «невидимого града» прочно связал в народном представлении Китежскую легенду с многочисленными рассказами о чудесных особенностях и свойствах озера, а затем и его окрестностей. Предлагаемая схема дает представление о тематике и мотивах этих рассказов.

СОСТАВ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О НЕОБЫКНОВЕННЫХ СВОЙСТВАХ СВЕТЛОЯРА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

А — Необыкновенные свойства и особенности строения озера

- А₁ — необыкновенная глубина;
- А₂ — вода не колеблется, находится на одном уровне;
- А₃ — на дне озера бьют ключи;
- А₄ — озеро сообщается подводными каналами с Волгой, морем;
- А₅ — в озере живут необыкновенные рыбы, чудовища;
- А₆ — озеро «не допускает» водолазов.

В — Необыкновенные свойства воды Светлояра

- В₁ — вода исцеляет от болезней глаз, ног;
- В₂ — вода исцеляет от душевных болезней, приносит успокоение;
- В₃ — вода не тухнет, не портится, не зарастает;
- В₄ — водой кропят поля от нечисти, саранчи.

С — Необыкновенные свойства трав в озере и вокруг него

- С₁ — травы, растущие в озере и вокруг него, помогают от болезней.

Д — Светлояр — место паломничества

- Д₁ — обход Светлояра приносит исцеление от физических недугов;
- Д₂ — обход Светлояра приносит исцеление от душевных недугов;
- Д₃ — обход Светлояра приносит избавление от неприятностей;
- Д₄ — обход Светлояра по обету.

Е — Святые места вокруг Светлояра и их целебные свойства

- Е₁ — Кибелецкий ключик и целебные свойства его воды;
- Е₂ — «святые» могилки и целебные свойства земли из них;
- Е₃ — «святые» сосны и целебные свойства их коры, земли из-под них.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Меледин, стр. 509—510; П. И. Мельников-Печерский. В лесах, стр. 304—305; М. Пospelов, стр. 631; Нижегородские епархиальные ведомости, 1867, № 10, стр. 297.

Дореволюционные описания озера не сопровождалось сколько-нибудь развернутым толкованием его свойств и особенностей по представлениям народа. Обычно отмечалась глубина озера, постоянный уровень воды, в единичном свидетельстве упоминается о подземных каналах. Необыкновенные свойства воды представлены несколько более полно, но лишь один рассказ, зафиксированный А. С. Гациским,⁴⁸ повествует о случае исцеления девицы, у которой «припадки были», и один — об окроплении водой полей при появлении червей и саранчи.⁴⁹ Целебные травы также не привлекали особого внимания. Одной из причин этого, на наш взгляд, является сильная конкуренция православных, не старообрядческих «святынь», в частности открытого в Нижегородской губернии в 1903 г. Саровского «святого» источника (в честь преп. Серафима Саровского). «Нижегородские епархиальные ведомости» с 1904 г. регулярно сообщали о случаях чудесного исцеления водой из источника⁵⁰ (исцеление от слепоты, ревматизма, т. е. тех же заболеваний, от которых исцелялись на Светлояре). Уже в заметке Меледина (1843 г.) фигурируют «чудеса окрестных мест», однако никаких разъяснений и описаний не приводится. В дальнейших описаниях Светлояра и рассказах о нем в XIX—начале XX в. об этом также почти ничего не говорится.⁵¹ Это неоспоримо свидетельствует, что почитание окрестных «святынь» или «святых мест» стало культивироваться значительно позже, в период затухания культа. Вообще же на территории Заволжья были известны «святые места», связанные со скитами (могилы наиболее знаменитых скитников и скитниц, например могила Софрония; с нее брали песок и умывались водою из колодца, будто бы им вырытого).⁵² О «крестовых соснах» в Городце рассказывается в статье Д. П. Днепровского.⁵³ Подтверждением малого распространения в конце XIX—начале XX в. и относительно позднего культивирования «святых мест» служат и многочисленные описания паломничества на Светлояр, в которых упоминаются только обход озера со свечками, чтение «Летописца», прения о вере, а позже — ярмарка, крестные ходы, в особенности описание престольного праздника Владимирской божьей матери.

Как уже указывалось, в советское время фольклорные записи на Светлояре производились В. Л. Комаровичем в 1925—1926 гг., участниками антирелигиозной экспедиции 1931 г. под руководством Ю. А. Самарина, а в 1959 г. — В. Н. Басиловым и Н. Н. Велецкой (группа комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР). Их материалы по возможности нами учтены.⁵⁴ В 1968 г. группой фольклористов МГУ было собрано около 350 свидетельств и рассказов, связанных с Китежем и Светлояром. Тексты эти прежде всего позволяют судить о современном составе и состоянии Китежской легенды, характеризуют последний этап ее существования. Небезынтересно сравнить их с дореволюционными. Проследим,

⁴⁸ А. С. Гациский, стр. 271.

⁴⁹ Нижегородская земская газета, 1912, № 27, стр. 768.

⁵⁰ См.: Нижегородские епархиальные ведомости, 1904, №№ 6, 8, 17, 18, 21 и др.

⁵¹ В «Нижегородских губернских ведомостях» за 1867 год (№ 10, стр. 301—302) упоминается стоявшая на берегу Светлояра при часовне береза, с которой брали кору, а из-под нее — землю.

⁵² Нижегородские епархиальные ведомости, 1866, № 11, стр. 445.

⁵³ Д. Н. Днепровский. Древний вал и крестовые сосны в с. Городце. — Действия Нижегородской губернии ученой архивной комиссии, т. XVII, вып. IV, 1914.

⁵⁴ Материалы В. Л. Комаровича, не включенные в книгу, нам неизвестны; материалы экспедиции 1931 г. и записи Ю. А. Самарина 1930 г. находятся в ГЛМ, фонд Нижегородской экспедиции, инв. № 262, №№ 1—19; материалы группы ИЭ используются по указанной статье В. Н. Басилова.

как осмысливается сейчас местонахождение Китежа (только в двух случаях вместо города говорится о монастыре, соборе, в нескольких случаях вместо Китежа фигурирует безымянный город, город-Киев, даже город-Кит). Обычно речь идет о городе и соборе или соборах, о городе и монастыре. В подавляющем большинстве свидетельств город мыслится на дне озера и под холмами (D_4). В этом смысле материал более однороден, чем дореволюционный. Местоположение подробно объясняется: «Над городом озеро, над храмом — горы» (М. М. Коновалов, 78 л., грам., Б. Ключи). «И вот где была площадь города этого — тут образовалось озеро, а вот где были церкви — образовались горы, одна полевей, а другая поправей» (Я. Н. Филатов, 77 л., грам., Владимирское). «Тут город сокрылся и горы и озеро стало, а церкви в горы ушли. От стариков слыхала, рассказывали, как сказку» (А. Г. Шалова, 72 г., неграм., Б. Ключи). Только в одном случае исчезновение города связано с «сокрытием» — по «Летописцу» (D_1): «Он не на дно озера ушел, а скрылся, ушел. И оказалось озеро, образовались горы».⁵⁵ В объяснении исторической легенды рассказчики обычно ссылаются не только на «Летописец», но и на В. Г. Короленко: «Про Батые я читала книжку в Воскресенском у старичка» (А. Н. Потанина, 68 л., грам., Владимирское); «Я читал летопись <...>» (В. Я. Сибиряков, 84 г., грам., Осиновка); «Летопись правильная, ее читали, хранили. Город был по разговору и по писанию, а не по нашему знанию, чего нам зря болтать» (М. И. Шилагова, 72 г., неграм., Владимирское); «Про монастырь я читала, и про Китеж-город. — Летопись? — Да нет, я думаю Короленко» (Г. П. Богданова, 69 л., грам., Осиновка); «Про Китеж все знают <...> Все и знают, что писал Короленко» (Е. И. Путюнина, 63 г., грам., пос. Светлояр).

Наиболее развернутые рассказы, как и прежде, представляют собою сочетания эпизодов $A+B+C+D+E$. Вот один из типичных рассказов: «Город тут был, Старый Китеж, и три монастыря. Батый шел на эти места. А Малый Китеж был коло Городца. Он дошел, Батый, а он не допустил, скрылся. Кажется, был Юрий, его преследовали, за ним гнались. Это при татарском нашествии. Он не допустил до себя, не дался на поругание. Там на берегу большие три горы. На каждой был собор, монастырь. Они не допустили, провалились. Благочестивые люди слышат звон, каждой горе название есть — Успенье, Владимирская. Над городом — озеро, над храмом — горы. Я все это по летописи знаю, это все правда» (М. М. Коновалов, 78 л., грам., Б. Ключи).

В упомянутом нами сочетании эпизодов по всем вариантам наблюдается большее единообразие, нежели в дореволюционных материалах (см. стр. 65). Так, из пятидесяти с лишним рассказов наиболее часто встречается: $A_2+B_3+C_4+D_4$. Очень часто упоминается батыева тропа, по которой татары вышли к Китежу. Убийство князя Юрия обычно происходит у Кибелецкого ключа (на это указывает и В. Л. Комарович). Вместо князя Юрия (Георгия) иногда называется Александр Невский, Святой Егорий Победоносец, настоятель Всеволодыч, Князь Всеволод, князь Владимир Всеволодович. Кибелецкий ключик фигурирует не только как место убийства князя Юрия, иногда с этим убийством связывается его происхождение: «Там есть к Сопрякову речушка Кибелек. И тут вот он убил Всеволодыча, царь Батый. Тут конь и раз ступил копытом и образовался колодчик» (В. Я. Сибиряков, 84 г., грам., Осиновка). «Я от матери слыхивала. На дороге — те видели ступки проваленные. Будто князь какой тут был, воевал, что он уезжал. Батый за ним гонился.

⁵⁵ Материалы экспедиции 1968 г. — Далее они будут цитироваться без отсылок.

Чтобы не сдать Батыю, уезжал быстро так. Земля провалилась» (Т. П. Богданова, 63 г., грам., Осиновка). Мы видим здесь мотив Кибелецкого ключа, как «святого» места (Е₁ 2-й схемы), осложненный историческим толкованием.

Часть рассказов содержит близкое к тексту изложение «исторической» части «Летописца». В виде самостоятельных рассказов продолжают широко бытовать рассказы о «видениях», о звонах, подтверждающих существование Китежа (Е₁₋₆). Обычно здесь уже нет ограничений, какие присутствовали в дореволюционных рассказах (приобщаются только «праведники», только — под «Владимирскую»). Нет и соединений разного рода видений или «вестей». Обычно эти случаи относятся в прошлое, хотя бы и недалекое: «Во время войны несколько женщин „слышали“ в березнике у озера молитвенное пение. Когда они подошли, пение прекратилось, у озера никого не было».⁵⁶ В этих рассказах, как правило, фигурируют «очевидцы» или люди, близко их знавшие («старушка», «дядя Василий», «два парня» и т. д.). Характерной особенностью этих рассказов является осмысление их как поверья. «Звон слышат перед нехорошим делом» (А. Н. Попова, 64 г., грам., Владимирское). «Однажды два парня ночевали на берегу. Говорят, слышали сильный звон <...> и через год война, их обоих убили. Кто звон услышит, тот должен помереть» (А. Н. Попова, 64 г., грам., Владимирское). Наибольшая распространенность рассказов о «звонах» (Е₃) связана с обычаем, установившимся в период расцвета культа (XIX—XX вв.) — «припаданьем» и «слушаньем». Считалось, что звон скорее услышат «безгрешные» дети, поэтому их приобщили к этому. «Я помню сама маленькая была, ходили по ягоду, тут в горах идем — упадем на горку и слушаем» (Т. М. Турляева, грам., Владимирское). Естественно, что отношение к этим рассказам в массе населения сейчас скептическое: «Сперва-то ходили все звон слушали, а теперь народ уж вон какой хитрый стал» (М. С. Шалина, 76 л., неграм., Владимирское).

Таким же, как «звоны», «молитвы», распространенным отдельным эпизодом повествования является чудесное «свечение» на озере (Е₂), сияние крестов (Е₁): «В Вознесенье ходили старушки и пожилые вокруг озера. А по озеру свечи с огнем ягают и ягают. Пылом не пылают, а ягают» (М. К. Угарова, 88 л., неграм., Б. Ключи). Часто повторяется в рассказах эпизод «видения» церковной службы, храмов (Е₄): «Раз ездили мы ночью за ягодами. Ехали на пяти лошадях, и никто не видел, а только я один видел. Раскрылся храм, а там собор стоит. И отец мой тоже не видел, он тогда в молодых годах был» (А. А. Большаков, 77 л., грам., Владимирское). Более сложные случаи «видений», в которых появляются (пока безмолвные) «действующие лица» из «сокровенного города» (Е₅, Е₆): «В озере долго не замерзает залив напротив оврага. Верующие утверждают, что это дорога, по которой монахи ходят или ездят к озеру. В рассказах говорится о процессиях молящихся монахов, будто бы шествующих по озеру или из горы в гору».⁵⁷ Часто видятся группы молящихся людей. Однотипны рассказы об «обозах»: «Ехали обозы и делался мост на озере, и старики стояли, будто бы вроде дежурные. Как обозы пройдут, так опять все скроется. Это старики сказывали» (А. Г. Шамова, 72 г., неграм., Б. Ключи). Эти рассказы все отнесены в далекое прошлое. «Старые люди видели, как обозы въезжали в горы, а мы уж нет» (Т. В. Богданова, 63 г., грам., Осиновка). Вообще с усложнением видений (т. е. появлением китежан) они по времени действия отодвигаются все

⁵⁶ В. Н. Басилов, стр. 165.

⁵⁷ Там же, стр. 151.

далее в прошлое, а их участниками становятся не рассказчики, знакомые или родственники, а «старые люди», захожие паломники, извозчики: «Ехали этто мимо озера извозчики — заночевали там. И вот вышел из лесу старичок старенький и попросил хлеба. Дали ему, а как дали, старичок и пропал».⁵⁸

Естественно, что все рассказы о «видениях», связанные с культом града Китежа, весьма усиленно распространялись среди верующих. В большинстве случаев рассказы эти опираются на элементы самого культа и могут быть объяснены реальными фактами, — «чудесными» лишь в глазах экзальтированных, соответственным образом настроенных людей. Так, «видения» огоньков, свечек на озере связаны с обычаем пускать на воду остатки свечек, с которыми молились или ходили вокруг озера, «видение» службы, молящихся и храмов — с реальными молениями на берегах, а «видение» вышедших «старичков» — «китежан» — со скрытниками, старообрядцами, жившими некогда в норах-землянках вокруг Светлояра. Некоторые из рассказов подтверждают старый обычай «одаривания» «китежан» (вспомним, как пришвинская старушка совала под корягу копечку), который превратился в бытовую традицию — обеспечения хозяйственных удач. Однако вместо старичков здесь фигурируют скрытники, которые молились за оставлявших им дары: «Вот здесь под деревом норка есть <...> Сюда приносили скрытникам подарочки <...> Они, батюшки, все об нас думают, даром, что под земелькой живут <...> каждый обзором глядит, когда скотина по лесу ходит, чтоб ни зверь ее не подрал, ни какой вурдулах или нечисть не поели».⁵⁹ Среди наших записей есть яркие подтверждения спекуляции на вере в «чудеса» и «видения» ловких людей. Один рассказ повествует о том, что «один человек был, вроде как из аферистов <...> он прорывал норы в горе и там делал отверстие и зажигал там свечи <...> Приходят там издадека уреньские или свердловские. Видят там огонь горит в горе и молятся» (Я. Н. Филатов, 77 л., грам., Владимирское). Он же рассказал о том, как предприимчивый мужик взялся переправить в «Китеж» дары богатой женщины (сапоги, воз мануфактуры, лошадь, серебро). Хитрец продал лошадь богачу Шароху из соседней деревни, сбыв все остальное и остался в барышах.

До сих пор волнуют воображение фантастические рассказы о пребывании в Китеже (С), хотя бы временном. Нами записан обстоятельный рассказ о том, как богомолки заночевали в избе у незнакомой старушки, где им подали самовар, постелили чистые простыни — «До того крепко уснули, — пробудились — лежим на горочке» (М. С. Шамина, 76 л., неграм., Владимирское). Подобный же сюжет приводит Басилов.⁶⁰ Очень драматичны рассказы о случайном появлении в Китеже пастушонка, конюха, одного смелого мужика, которые были выпровождены наутро китежанами. Показательно, что в наших рассказах фигурирует не монастырь и монахи, а город с высокими домами, кипящий жизнью: «Видят — дом высокий, окошко открылось — Мальчик, поди, ты ведь есть хочешь!» (В. П. Быков, 73 г., грам., д. Никитино). «Приходит, храм стоит, дома, лес возят, мешки лежат, торгуют. — Вот и пришли в град Китеж!» (А. Н. Попова, 64 г., грам., Владимирское). «Занавеска как бы откинута, а там город, а там амбары, овес ссыпают. Они говорят: „Не ссыпай все, нам говорят, надо оставить на дорогу“ — „Не надо, я вам оставил“» (В. П. Быков, 73 г., грам., Никитино). Характерно, что только в четырех

⁵⁸ ГЛМ, ф. Нижегородской экспедиции 1931 г., инв № 262, п. 2, № 13.

⁵⁹ Там же, № 3.

⁶⁰ В. Н. Басилов, стр. 165.

случаях рассказывается о том, как люди уходили в Китеж навсегда (один из них, известный, — о мальчике, отмечен и В. Н. Басиловым). Естественно, что лишь немногие старики относятся к этим рассказам с глубокой верой, а причину исчезновения чудес видят в утрате веры. Большинство же людей всех возрастов относятся к подобным рассказам скептически, либо воспринимают их как вымысел, игру фантазии; столкновение человека с потусторонним миром осознается как драматический конфликт, в котором «земное» перевешивает «святое». Особенно ощущается это в рассказах о нарушении запрета (человек у врат Китежа вспоминает родных, близких и «видение» исчезает). Это отношение — один из ярких показателей разрушения легенды как суммы представлений о событиях, которые в сознании народа когда-то не являлись вымыслом, а преподносились как истинные факты.

Наряду с осознанием исторического содержания легенды как повествования о прошлом, о достопримечательности места, а также — отнесением «видений» и чудес в прошлое, происходит и новое осмысление чудесных свойств самого Светлояра и его окрестностей. «Культ „сокровенного града“ ушел в прошлое, но культ „светлого озера“ еще сохраняется. Внешняя сторона культа в основе своей остается прежней... Содержание же культа, его основная идея совершенно изменились. Если еще в начале XX в. почитался невидимый город (церковь, монастырь), то сейчас почитается само озеро. Паломничество устраивается только с целью получить у озера исцеление или исполнение какого-нибудь желания: ...озерной воде и различным травам, сорванным на „святом месте“, приписываются целебные свойства», — пишет В. Н. Басилов.⁶¹

Рассмотрим, как в современных устных рассказах о Светлояре раскрываются его особенности. Рассказы эти двойственны (как и дореволюционные), но записи их гораздо многочисленнее. С одной стороны, в них речь идет о целебных свойствах воды и трав (B_1 , B_2 , C_1): «Если бы целебности в воде не было, на озеро не ходили бы».⁶² Правда, время «чудесного» исцеления в рассказах обычно не указывается, герои их безымянны: старушка из Фундрикова, контуженый солдат, мужик из города, жена художника из Горького. Значительно реже упоминаются местные жители: женщина из Лобачей, старуха Татьяна из Владимирского. С другой стороны, само выздоровление или исполнение желаний достигается только обходом озера (D_{1-4}): «Так, верующие рассказывают, что якобы выздоровела девочка, упавшая с воза, когда отец ее дал богу обещание: „Или я или она до самой смерти сюда ходить будем“». Уверяют, что прозрел слепой мальчик, потому что мать его обходила вокруг озера, и т. д.⁶³ Среди нескольких рассказов о хождении по обету нами записан «случай», когда на Светлояр приезжал на легковой машине и трижды ходил вокруг Светлояра безымянный секретарь райкома из Вятки, у которого трижды (с интервалом в несколько лет) отнимались ноги. Мать, дав обет, увещевала его: «Сынок, вот обещанье дали, а на Светлое озеро не сходили. Сынок, сходи!». В этом рассказе одинаково вероятно предположить и реальность случая, и его вымышленность для подкрепления культа. Упор в рассказе сделан на необходимость выполнения обета, а не на результаты. Отсюда и мотив «трех предупреждений».

⁶¹ Там же, стр. 164—165.

⁶² Там же, стр. 165; см. также ГЛМ, ф. Нижегородской экспедиции 1931 г., инв. № 262, п. 2, №№ 9, 11, многочисленные записи 1968 г.

⁶³ В. Н. Басилов, стр. 164—165.

Новый цикл рассказов, находящийся в связи с исследованием озера в последние десятилетия, посвящен описанию свойств воды в ее бытовом применении и попытке объяснения этих свойств (В₃): «засолят его огурцы — никакой плесени, вода не мутится и не цветет, как колодезная», ею заливают зеркала и радиаторы машин. Большинство объясняет эти качества наличием серебра; чистоту воды объясняют запретом купаться в прошлом, сейчас озеро зарастает, так как купаются и даже моют машины. Мы уже говорили, что и народные поверья о целебных травах оказались «притянутыми» к культу озера, как и поверье о целебной воде. Людями, разбирающимися в этих травах, собирающими их по берегам озера, до сих пор считают староверов. «Святые» места вокруг озера — несомненно более поздний результат религиозной фантазии, призванной укрепить пошатнувшийся культ озера. Показательно, что в дореволюционной литературе мы находим очень мало упоминаний о них.

Главным среди «святых» мест — после самого озера — является Кибелецкий ключик и могилки, находящиеся неподалеку. Собственно говоря, вокруг «святого ключика» (Е₁) сформировалась своя маленькая легенда по аналогии с Китежской: он признается святым и целебным, рассказываются случаи исцеления и поверья: «Кому покажется вода — умрет, не покажется — оздоровеет». Разработан ритуал набирания воды, связанный с запретами: «На ключик идешь уж не разговариваешь, не оглядываешься, до солнышка» (А. И. Репина, 57 л., грам., Синовка). «Дорогой обязательно богородице молитву творить надо» (В. П. Быков, 73 г., грам., Никитино). Рассказывают и о случаях нарушения запрета при набирании воды, когда теряются ее свойства: «Сам ходил по воду. Отец наказал: — Поди по воду, только ни с кем не разговаривай и не обращайся. Мне годов десять было. Пошел, товарищ идет: — Куда, говорит, пошел? Товарищу как не сказать. — На ключик по воду» (М. Ф. Путюнин, 70 л., грам., пос. Светлояр). Значение ключика подкрепляется ссылкой на «историческую» часть Китежской легенды: его происхождение связывается с преследованием Батыем Юрия или убийством его (см. также и старые записи). Еще более поздние попытки обосновать и возвеличить культ «святых могил» (Е₂) уже не увенчались успехом. Правда, многие неместные верующие убеждены, что там похоронены если не князь Юрий со своими сподвижниками, то по крайней мере «вроде святы какие-то» или «три монашки». С этих «могил» берут землю «от болезней» и «для присушки». Однако местное население относится к «могилам» скептически, часты случаи их прямого «разоблачения»: «Говорят, могилки святы. Какие там могилки! Грядки были, муравьиные яйца собирали» (В. П. Быков, 73 г., грам., Никитино). Три сосны, растущие из одного корня, — также явно позднее «святое место», на которое был перенесен ритуал почитания «крестовых сосен» или «крестного древа», местным жителям неизвестный и в их рассказах не отразившийся. Являясь ныне как бы исторической достопримечательностью, а по своему происхождению и свойствам загадкой для науки, озеро Светлояр окружено рассказами (А₁₋₆), которые в прошлом или почти не существовали или не привлекали внимания. С остатками культа и запретов в них сплетены предположения и суждения самого фантастического свойства вроде того, что «озеро с морем соединено и морские чудовища туда заплывают», или «рыба — по корытине — большущая — своими глазами видела <...> А вечером как коровьи головы вылезают» (Е. И. Путюнина, 63 г., грам., пос. Светлояр). В рассказах о водолазных работах часто выступает мотив «озеро не допускает» (так же, как град Китеж «не допускал»).

На основе сравнительного изучения старых данных и новых записей Китежской легенды представляется возможным сделать некоторые выводы о ее составе и эволюции.

1. Китежская местная легенда в Заволжье и на Светлояре бытовала на протяжении XIX—начала XX в. как бы в переплетении с бытованием рукописного старообрядческого памятника — «Китежского летописца», проповедовавшего идею ухода в «сокровенную обитель» от Антихриста. Влияние «Летописца» особенно сильно сказалось на исторической части легенды; очевидно, он вобрал и подавил местные устные исторические предания. Это дало основание многим толкователям легенды выделять в ней исключительно религиозные мотивы, не делать различия между устными ее версиями и письменной. Между тем варианты устной легенды в отличие от «Летописца» содержат представление о городе, скрытом на дне озера или под холмами (а в позднейших записях преимущественно — и на дне, и под холмами).

2. Легендарный город Китеж опозитизирован в устной легенде не только как прибежище «людей древнего благочестия» или праведников в век воцарения на Руси Антихриста, но и как обетованная земля, где царят довольство и справедливость, люди добры и приветливы, гостеприимно приглашают на ночлег, платят за хлеб хорошие деньги и т. д. В дореволюционных записях речь идет иногда о «сокровенном монастыре». Это свидетельствует, на наш взгляд, о связи Китежской легенды с так же распространенными в Заволжье легендами о «сокровенных обителях» — млевских монастырях, жигулевских горах и т. д. В позднейшем бытовании монастырь крайне редко фигурирует вместо города (наши материалы опровергают точку зрения В. Н. Басилова),⁶⁴ хотя приметы монастырской жизни и проступают в рассказах. Это связано с тем, что жизнь в городе мыслится как «праведная». Наблюдается конкретизация в пояснении, где скрыты город и монастырь. Очевидно, это связано с забвением представлений о «сокровенных обителях». Поэтому взгляд К. В. Чистова на эволюцию легенды не совсем точен: «Известно, что места эти, по крайней мере с 20-х годов XIX в., привлекали массу паломников, религиозный элемент в составе легенды ширился и рос, и это свидетельствовало о вырождении ее социально-утопического содержания. Китеж из города, когда-то спасенного от врага и еще существующего, с течением времени превратился в сокровенный монастырь, достигнуть который дано только безгрешным».⁶⁵ Думается, что это лишь один из ранних этапов эволюции легенды, предшествующий ее современному состоянию (от исторического предания о Китеже и легенд о «сокровенных обителях» — к «Летописцу», в письменных источниках которого, как показал В. Л. Комарович, изначально фигурировал монастырь, а затем был внесен, судя по интерполяциям, позднейший мотив «сокровенного града»).

3. Следует принять во внимание качество текстов легенды, которые были обусловлены особенностями ее бытования. По справедливому замечанию К. В. Чистова, «обязательной последовательности и цельности рассказа, вне зависимости от обстоятельств исполнения, характерной для сказки или былины, социально-утопические легенды, так же, как и все другие разновидности фольклорной прозы несказочного характера,

⁶⁴ В. Н. Басилов, стр. 152: «В рассказах нет упоминаний о городе. Обычно, по устной традиции у Светлого озера скрылся в землю монастырь (церковь, скит)».

⁶⁵ К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды, стр. 321.

⁶⁶ В. Л. Комарович, гл. II, стр. 33—36.

не знали».⁶⁷ Поэтому неслучайно среди материалов отсутствуют «цельные» тексты (их и не было), зато намечаются группы текстов с определенным сцеплением эпизодов (мотивов), в которых, исходя из основного представления (D), повествуется либо о прошлом Китежа (A+B+C), либо приводятся новые свидетельства о его непрекращающемся существовании (E₁₋₆, F₁₋₂, G₁₋₆). Эти рассказы пережили свою эволюцию, отражающую разрушение легенды.

4. В связи с разрушением культа, исчезновением религиозных и социально-утопических иллюзий во фрагментах легенды все явственнее начинают звучать историко-патриотические идеи. Если раньше они служили до какой-то степени обоснованием культа, то теперь служат обоснованием исторической достопримечательности места. Комплекс A+B+C тяготеет к историческому преданию, повествующему о событиях татарского нашествия. Батый и татары выступают как постоянные враги. Князь Юрий называется Владимиром, Всеволодом и т. п. Перед нами поэтизация «гражданского» героя, а не святого или настоятеля монастыря.

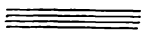
5. До самого последнего времени в легенде наличествуют мотивы религиозных «видений» и «чудес» (E, F, G)). Они, как правило, бытуют в виде отдельных повествований типа былички («дочерние рассказы» — по К. В. Чистову), часто сюжетного характера (мемораты и фабулаты). Их персонажи, действующие лица — люди, приобщившиеся к чудесам, слышавшие звоны, видевшие храм в раскрывшейся горе, разговаривавшие со старичками или даже «побывавшие» в Китеже. В дореволюционных записях мы имели относительно немного таких текстов, в них преобладали чудеса более «простые» и менее «местные», связанные с международным мотивом «провалившегося города» (E). Они дошли до нас преимущественно в форме «слухов и толков». Новые записи многочисленны: в них большинство событий отнесено в прошлое, а истинность их по большей части подвергается сомнению или отрицается, что противопоставлено «живой» легенде, содержание которой во всех элементах должно ощущаться как реальная действительность времени рассказывания (настоящего времени). Это первый показатель разрушения легенды. Однако несмотря на явную связь «вестей», «видений» и «чудес» с культом, они пережили его, так как изменили свою функцию. Они обладают определенной силой эмоционального и художественного воздействия, поскольку в основе многих из них (G₁₋₆) лежит драматический конфликт — неизбежность нарушения религиозного запрета, диктуемого «Летописцем» для попадания в Китеж, — невозможность отречения от всего земного. Чем сложнее «чудо», тем меньше случаев и свидетелей его, тем абстрактнее, обобщеннее сами его участники (некие мужики, паломники, старушки).

6. Местный характер Китежской легенды, прочное прикрепление ее к Светлояру и пропаганда культа, а позже — борьба с ним и исследование озера привели к тому, что легенда постепенно и все более прочно обрастает рассказами о необыкновенных свойствах Светлояра и его окрестностей. В дореволюционной литературе эти материалы довольно скудны. Позже, с потерей легендой актуальности и религиозного смысла все более активизировались рассказы о необыкновенных свойствах светлоярской воды и трав (B, C, случаи исцеления), о «святых местах» в окрестности (E). Представление о «святой» «целебной» воде постепенно вытесняется представлением о воде, необыкновенной по свойствам. Яснее всего остатки культа, связанного с верой, обнаруживаются в рас-

⁶⁷ К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды, стр. 338.

сказах об обходе озера по обету, который приносит людям исцеление (D). Последний по времени создания цикл рассказов составляют те, в которых высказываются фантастические предположения об особенностях Светлояра и о том, что находится на его дне (безотносительно к Китежу). Живая мысль народа и его творчество направлены ныне на загадочное происхождение озера, на его чудесные природные свойства.

Мы постарались обрисовать состав легенды и его изменения на протяжении более чем 100 лет. Насущными вопросами являются теперь сравнительно-историческое ее изучение и анализ художественной специфики, что мы оставляем на будущее.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

СКАЗАНИЕ О ПОМОЩИ НОВГОРОДЦЕВ ДМИТРИЮ ДОНСКОМУ

Цикл фольклорных произведений, возникших под воздействием Куликовской битвы, был, без сомнения, гораздо более обширен и разнообразен, чем позволяют предполагать остатки его, зарегистрированные через пять столетий собирателями XIX в. Это побуждает с особым вниманием отнестись к тому фольклорному материалу, который сохранили рукописи XV—XVIII вв. Явление во многом загадочное и по существу почти неизученное представляет собой Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Это произведение известно только в средневековых записях. Однако их количество, хронологический диапазон и степень подробности достаточно велики, чтобы проследить основные контуры истории текстов в устной традиции, выяснить отношение этого сказания к фактам реальной истории, определить причины его возникновения, последующей эволюции и, наконец, исчезновения из живого репертуара.

Сведения об участии новгородцев в войне 1380 г. сохранены многими десятками рукописных текстов XV—XVIII вв. Конечно, для фольклористического изучения представляют интерес в основном рукописи, отражившие бытование произведения в устном репертуаре, а не последующую судьбу записи устного текста в письменной традиции. Однако в данном конкретном случае (как и в ряде аналогичных) это общее правило требует некоторых исключений. Письменная традиция произведений о Куликовской битве, как свидетельствует материал самих рукописей, постоянно испытывала воздействие устных произведений того же цикла. В особенности это касается, конечно, тех письменных текстов, которые сами восходили к записи или обработке текста устного. Будучи записано, фольклорное произведение продолжало жить не только в устном репертуаре, но и в рукописях, редакторы и переписчики которых нередко вносили в письменный текст поправки и дополнения на основании известных им устных вариантов. Это обстоятельство значительно усложняет изучение материала, так как далеко не всегда можно обоснованно отделить такие изменения от плодов литературного творчества редакторов и даже от бессознательных ошибок писцов (некоторые из таких ошибок тоже могли появляться под воздействием известного писцу фольклорного репертуара).

Дело осложняется еще и тем, что в полном виде интересующее нас сказание, может быть, было записано только дважды (по крайней мере дошедшие до нас рукописи отражают всего два более или менее развернутых текста). Но зато оно постоянно использовалось на протяжении длительного времени в ряде устных и письменных произведений о войне 1380 г., в частности разными редакторами Повести о Мамаевом побоище и даже летописцами. В одних случаях перед нами запись (полная или ча-

стичная), сохраняющая даже стиль и ритм устного героического сказания, в других — по-видимому, сокращенный пересказ центральной его части, есть и несомненные литературные обработки. Наконец, есть тексты, которые, не отражая непосредственного содержания сказания, включают основанные на нем домыслы средневекового книжника.

Для удобства исследования идеально было бы сначала выделить из массы рукописного материала такие тексты, которые содержат непосредственные записи материала устного, изучить прежде всего эти тексты, а затем попытаться проследить дальнейшее воздействие устной традиции на литературную судьбу записанного. Однако практически такое разграничение провести нельзя; пратексты и архетипы письменных произведений, их редакций и изводов до нас, за редкими исключениями, не дошли. Приходится поэтому оперировать в большинстве случаев не отдельными письменными текстами, а их группами, (включающими иногда по нескольку десятков списков), каждая из которых в совокупности передает, с большей или меньшей степенью точности, текст недошедшей записи (либо — пересказа, обработки) какого-нибудь одного устного варианта — записи, включенной в состав письменного пратекста, от которого пошли все тексты данной группы. В таких случаях приходится из массы различий восстанавливать для особо важных частей текста чтения архетипа.¹

1

В наиболее подробном изложении Сказание о помощи новгородцев отразила так называемая «распространенная» редакция Повести о Мамаевом побоище. Обозначим условно соответствующую часть ее текста как вариант 1. В составе этой редакции читается особый заголовок: «Скажу вам иную повесть о мужах новгородцах Великого Новгорода».² Акад. М. Н. Тихомиров справедливо полагал, что последующий текст «представляет собой переделку какого-то старинного новгородского сказания».³ Перед нами, действительно, переделка, точнее — литературная обработка устного героического сказания. Рассмотрим содержание этой «повести о мужах новгородцах».⁴ Она состоит из пяти эпизодов, которым предшествует вступление, говорящее в прошедшем времени о могуществе и самостоятельности Новгородской республики.

1. В первом эпизоде рассказывается, каким образом в Новгороде узнали о происходящих событиях. Когда в Москву пришла весть, что Мамай «идет пленить землю их Московскую с великою силою» и что великий князь литовский и рязанский князь вступили в союз с Мамаем, то московский великий князь Дмитрий Иванович «в печали бысть, и вся земля Московская смятеся». Но затем, преодолев скорбь, Дмитрий Иванович повелел своему войску собираться в поход, дабы «пострадати» за право-

¹ О содержании терминов см. в статье: С. Н. Азбелев. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу. — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.—Л., 1966.

² Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржиги, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (далее сокращенно: Повести), стр. 130.

³ М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года. — Вопросы истории, 1955, № 8, стр. 18.

⁴ См.: Повести, стр. 130—134; издания по другим рукописям: Русский исторический сборник, т. III, кн. 1. М., 1838, стр. 69—74; Записки имп. Академии наук, т. V. СПб., 1864, Прилож. № 2, стр. 39—42; С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (далее сокращенно: С. К. Шамбинаго), тексты, стр. 96—101.

славную веру. Обо всем этом слышали новгородские купцы, находившиеся в то время в Москве «с товаром, торгу ради». Купцы (трое из них названы по именам) поспешили в Новгород и известили о случившемся его посадников.⁵

2. Посадники приходят к архиепископу Евфимию и пересказывают ему услышанные вести. Архиепископ молится за победу над Мамаем, затем спрашивает посадников о цели их прихода. Те отвечают, что пришли испросить благословения «пострадати» вместе с москвичами «христову ради имени». Евфимий повелевает собрать вече, дабы узнать мнение народа.

3. Народ стекается на зов вечего колокола, посадники водворяют тишину. Архиепископ призывает новгородцев выступить на стороне московского великого князя против войск Мамаю, который хочет «веру христову осквернити и святых церкви разорити и род христианский искоренити». Все выражают готовность отдать жизнь «веры ради христовы» и помочь Москве: «А немочно, господине, нам оставити великого князя Дмитрея Ивановича московскаго единого. Аще ли, господине, князь великий спасен будет, то и ми спасени будем». Новгородцы просят лишь один день на сборы. Затем участники вече тут же избирают шесть «воевод крепких и мудрых зело» (перечислены их имена), «и с ними отрядиша избранного войску 40 000» (из общего числа 80 000).

4. На другой день войско собирается по звону колокола, как было условлено, «на дворище у Святого Николы». Ратников окропляют святой водой, архиепископ обращается к ним с напутственными словами. Все воины «яко едиными усты» заявляют о своей готовности умереть за правое дело. Архиепископ благословляет войско, затем напутствует воевод поспешать. «И оны же вседши на коня и наполнишася духа ратного, и начаша, яко златопарни орли по воздуху, парящы, ищущи восточныя светлости, так и сие скоро идущы. И глаголаша: „Дай же нам, господи, вьскоре видите любезного великого князя!“».

5. В пути новгородские воеводы узнают, что великий князь уже выступил из Москвы в Коломну. Новгородцы направляются туда, выслав вперед вестников. Дмитрий Иванович, услышав от новгородских гонцов, «яко идут 6 воевод, а с ними 40 000 избранного воинства новгородскаго», не удержал слез радости и возблагодарил бога — «яко от нечаянных даеши помощь!». Великий князь «посла многих витезей» навстречу новгородцам. Войско их, прибыв к Коломне, остановилось в поле. Дмитрий Иванович призвал к себе новгородских воевод и «больших витезей», принял их «любезно», затем устроил «пир честен и радостен», на который «и многих от воинства их повеле звати».

Этим в сущности оканчивается самостоятельный текст «о мужях новгородцах». Но и далее «распространенная» редакция Повести о Мамаевом побоище содержит несколько упоминаний о них. На следующий день великий князь повелел устроить смотр всем войскам. При этом новгородские полки «особ стояще чинно, велми уряжены по достоянию, яко немочно зрети на полки великого князя».⁶ Дмитрий Иванович, «приихав к полкомъ новгородцкым и, видев их, подивися им, яко чудно зрети учрежение их нарочито зело к боеви».⁷ Устанавливая порядок расположения войск и командование ими — перед переправой через Оку, для дальнейшего похода, — великий князь отводит новгородцам одно из почетных

⁵ Новгородская республика управлялась в тот период коллегией из шести посадников, верховным же главой ее в вопросах внешней политики считался архиепископ.

⁶ С. К. Шамбинаго, тексты, стр. 101.

⁷ Повести, стр. 135.

мест: «Праву же руку уряди себе брата своего, а левую руку уряди новгородцких посадников».⁸ Далее говорится, как вступивший в союз с Мамаем рязанский князь Олег был уstraшен известием, что к Дмитрию Ивановичу пришли «на помощь новгородцы со мною силою своим воинством, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело».⁹ Следующее упоминание — при описании начала Куликовской битвы: «А водит передовыи полци Дмитрий Всевож да Владимир, брат его, правую же руку водит Микула Василиевич с Коломны и новгородское посадники».¹⁰ Последний раз о новгородцах речь идет при подсчете павших на Куликовом поле бояр: «И говорит Михайло Александрович, боярин московский: «Нет, государь, у нас 40 бояринов московских, да 12 князей белозерских, да 30 посадников наугородских, да 20 бояринов коломенских<...>» (далее перечислены аналогичным образом потери еще от двенадцати областей и княжеств).¹¹

Рассмотрим сначала те пять эпизодов, которые составляют сплошной рассказ о новгородцах.

Язык и стиль текста обработаны местами весьма интенсивно в соответствии с литературными нормами древнерусской воинской повести (некоторые примеры мы привели).¹² Но все же за этой оболочкой достаточно ясно угадываются контуры устного протографа. Так, например, трижды почти в одних и тех же выражениях (а отчасти — и с дословными совпадениями) повествуется о замыслах Мамая и его союзников и о решимости Дмитрия Ивановича: в 1-м эпизоде сам рассказчик излагает это как сведения, полученные купцами; во 2-м эпизоде это же второй раз рассказывают посадники со слов купцов архиепископу; в 3-м эпизоде архиепископ в третий раз пересказывает это со слов посадников новгородцам, собравшимся на вече. Прием обычный для фольклора, но необычный для литературы. Вполне в духе именно фольклорной традиции пир, устроенный князем для прибывших к нему новгородских «вitezей». Заметим, что даже в этой же редакции Повести о Мамаевом побоище Дмитрий Иванович более ни разу не устраивает в походе пиров, хотя к нему на помощь прибывают и другие крупные военные отряды — не менее важные для него и возглавляемые князьями.

Именно для устного предания характерно обилие прямой речи, которая составляет более половины нашего текста, если не считать его вступления. Само же это вступление заслуживает того, чтобы привести его полностью. «Тогда же бысть Великий Новгород самовластен, не бысть над ними государя, егда сиа победа бысть Донскаа. Ноугородци тогда владящи самы собою. Воиньства же их бысть тогда у них избраного 80 000. И с многими странами во смиреннии живущи храбрости ради своеа. Яко же многажды зело приходящи немцы и литва на украины их, и хотяще пленити землю их, и оны же вышод побиваху их и со срамом прогоняху их. Сами же ноугородцы в велице славы живуще и много богатства купящы. Самы же пасомы быша Софеею премудрую божию и Варлаамом чудотворцем, бывшим игуменом у святого Спаса на Хутыне, и архиепископ Великого Новагорода епискупствова Еуфимий. Послушайте мене, братиа».¹³ Вступления подобного рода довольно обычны для истори-

⁸ Там же.

⁹ С. К. Шамбинаго, тексты, стр. 102.

¹⁰ Повести, стр. 147.

¹¹ Там же, стр. 153—154.

¹² Ср.: А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — ЧОИДР, 1902, кн. 4 (203), отд. III.

¹³ Повести, стр. 130—131.

ческого предания и устного героического сказания¹⁴ (с героическим сказанием приведенный только что текст сближают и довольно ясно ощущаемые остатки его ритмической структуры). Вместе с тем ничего аналогичного по содержанию нет ни в других частях самой Повести о Мамаевом побоище, ни в других воинских повестях литературного происхождения.

Фольклорный протограф «повести о мужах новгородцах» выдает и ее весьма характерная фактическая ошибка. Архиепископом Новгорода был в то время не Евфимий, который играет такую важную роль и многократно упоминается в этом тексте по имени, а Алексей (1360—1388 гг.). Имя Евфимий носили только два новгородских архиепископа, занимавшие эту кафедру значительно позже (1424—1428 и 1428—1458 гг.). Одним из самых популярных политических деятелей в истории Новгородской республики был Евфимий II, много потрудившийся для возвеличения Новгорода и апологии новгородской старины. Он занимал эту выборную должность бессменно в течение тридцати лет вплоть до своей смерти (вскоре после нее по заказу новгородских почитателей Евфимия Пахомием Лагофетом было написано его житие). Неудивительно, что в устной традиции как раз с Евфимием стали постепенно связывать и ту версию Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому, в которой выдающаяся роль отводилась новгородскому архиепископу. После падения независимости Новгородской республики имя Евфимия в наибольшей степени ассоциировалось с представлениями о могуществе Новгорода в период его равноправного сосуществования с Москвой. Если бы «повесть о мужах новгородцах» была сочинением литературным, то автором ее мог быть лишь образованный церковный книжник Новгорода (так как ее новгородское происхождение и церковная окраска — вне всяких сомнений). Но в этом случае столь вопиющая ошибка сочинителя в области истории новгородской церкви была бы невозможна. Вместе с тем такому книжнику вполне могла принадлежать чисто внешняя литературная обработка бытовавшего в Новгороде устного героического сказания, привычное доверие к которому исключало мысль о необходимости его критической проверки.

Перечень шести воевод, которые возглавили новгородское войско, в рукописях имеет различия. Приведем этот перечень полностью в том его чтении, которое в целом, очевидно, наиболее близко к первоначальному: «Избраще шесть воевод крепких и храбрых зело: первого — Ивана Васильевича, второго — посадника, сына его, Аньдрея Волосатого, третьяго — Фому Михайлова Красного, четвертаго — Дмитрия Даниловича Заберского, пятого — Михаила Панальовича, шестаго — Георгия Захарьича Хромого».¹⁵ В большинстве списков посадником назван не Андрей Иванович, а Иван Васильевич. Несомненно, однако, что первоначаль-

¹⁴ Из наиболее близких аналогий можно сослаться хотя бы на текст № 318 в сборнике «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (т. 3, М., 1957) или на «Рассказ о встрече Петра I со шведским королем на Ладожском озере» в публикации Е. В. Барсова (см.: Е. Барсов. Петр Великий в народных преданиях Северного края. — Беседа, 1872, кн. 5). Мы не разделяем скептического отношения ко второму из этих текстов, выраженного в статье А. Ф. Некрыловой на стр. 109 настоящего сборника.

¹⁵ ГПБ, Q.XVII.22, лл. 175 об.—176. — Сходно в рукописях: ГПБ, собр. Титова, № 1121, л. 464 (478) об.; ГБЛ, ф. 29, № 1516, л. 325 и ф. 299, № 211, л. 147 об.; ГИМ, Музейское собр., № 1388, л. 80 (105) и собр. Щукина, № 610, л. 185 об. — Не исключено, что прозвище четвертого воеводы правильнее читать «Заверяжский» (от названия реки Веряжи под Новгородом); так читается, например, в рукописях ГПБ: Q.IV.151, л. 399 об.; Q.IV.374, лл. 264 об.—265; Q.XVII.223, л. 308—308 об. и др. Отчество пятого воеводы в большинстве списков явно испорчено — «пан Львович», сходно же с цитированной рукописью в списках ГПБ, Q.IV.354, лл. 73 об.—74 («Паналвич») и др.

чальное чтение принадлежит в данном случае меньшинству. Легко понять позднейшего переписчика, который «исправил» текст, сочтя, что посадником должен был быть главный воевода, а не сын его. Переделка же текста в обратном направлении была бы невозможна. Отложим пока объяснение того странного на первый взгляд факта, что посадник фигурирует здесь на втором месте, а не на первом, равно как и проверку достоверности самих имен. Обращает на себя внимание то, что количество воевод вполне соответствует именно новгородской практике того времени. Начиная с середины XIV в. войска Новгородской республики возглавляются в походах, как правило, пятью или шестью воеводами.¹⁶ Это соответствовало числу «концов» — самоуправлявшихся районов тогдашнего Новгорода.¹⁷

Если разобранные эпизоды сплошного повествования «о мужах новгородцах» дают все основания усматривать существование фольклорного сюжета, положенного в их основу, то пока трудно утверждать то же о всех последующих упоминаниях новгородского войска. Два из них представляют собой более подробное изложение того, что говорится в соответствующих местах «основной» редакции Повести, но без упоминания о новгородцах — таковы фрагменты о смотре полков и об испуге Олега рязанского.¹⁸ Двум другим упоминаниям соответствуют иные сведения «основной» редакции. При описании переправы вместо упоминания новгородских воевод в ней говорится: «а левую руку себе сътвори князя Глеба Брянского»; однако известный по летописям князь Глеб Брянский погиб за 40 лет до Куликовской битвы. При описании начала боя в «основной» редакции говорится: «правую руку плък ведеть Микула Васильевич с коломничи, а левую же руку плък ведеть Тимофей Волуевич с костромичи». Однако данные эти не имеют общего с тем, что сообщает о командовании полками в бою летопись.¹⁹ Таким образом, вопрос о том, являются ли упомянутые фрагменты о новгородцах плодом литературного творчества редактора,²⁰ или они восходят к устному сказанию о новгородцах (как-то соотносясь с историческими фактами) — требует еще выяснения.

Обратим теперь внимание на последнее упоминание новгородцев — при перечислении количества убитых воевод. В сходных вариациях этот перечень содержат и другие редакции Повести о Мамаевом побоище (в числе их ряд разновидностей «основной» редакции), а также часть списков Задонщины. Фольклорное происхождение всего этого эпизода было выяснено А. И. Никифоровым.²¹ По-видимому, и в списки Задонщины, и

¹⁶ См.: А. И. Никитский. Военный быт в Великом Новгороде. XI—XVI ст (Исторический очерк). — РС, 1870, т. 1, стр. 18; М. Г. Рабинович. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, XXX. М.—Л., 1949, стр. 56—57.

¹⁷ Как раз в середине XIV в. в Новгороде восторжествовала практика кончанского представительства, в результате чего даже посадничество стало коллективным: вместо одного посадника Новгородской республикой стали управлять одновременно шесть посадников — два от Славенского конца и по одному от четырех других концов (см.: В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 185—210).

¹⁸ Ср.: Повести, стр. 56 и 57.

¹⁹ См.: Повести, стр. 56 и 68. — О Глебе Брянском и летописных сведениях о расположении полков в бою см. подробно: Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 492—493 и 501—502.

²⁰ Ср. соображения Л. А. Дмитриева: Повести, стр. 413—414.

²¹ См.: А. И. Никифоров. «Слово о полку Игореве» — былина XII века. Л., 1940. (Машинопись). — ИРЛИ, Р. V, колл. 120, п. 1 (далее сокращенно: А. И. Никифоров), стр. 121—124. — Здесь приведены параллели из произведений,

в Повесть о Мамаевом побоище счет убитых попал из общего источника — устного сказания.²²

Трудно сомневаться в том, что это было именно Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Во-первых, новгородские бояре упомянуты здесь сразу же после белозерских князей — ранее, чем бояре всех других княжеств, за исключением московского. Во-вторых, говорится, что подсчет павших производит «боярин московский» — это объясняет, почему московские бояре названы им ранее белозерских князей и одновременно указывает на немосковское происхождение всего текста: московское сказание вряд ли стало бы специально оговаривать то обстоятельство, что московский князь Дмитрий Донской поручил сосчитать убитых именно московскому боярину.

В разных вариантах эпизода число павших новгородских бояр указано обычно либо 13, либо 30. При этом названы они в разных рукописях то «боярами посадниками»,²³ то просто боярами,²⁴ то просто посадниками.²⁵ Очевидно, что в XIV в. в новгородском отряде не могло быть столько посадников. Перед нами фольклорный домысел, легко объясняемый. Уже к середине XV в., когда число одновременных посадников в Новгороде достигло нескольких десятков и практически совпадало с числом боярских фамилий, здесь наметилось бытовое сближение терминов «боярин» и «посадник».²⁶ Что же касается москвичей и жителей других областей Руси, то термины «боярин» и «посадник» могли смешиваться ими применительно к Новгороду уже в XIV в., когда было известно, что там управляют несколько посадников сразу и что почти каждый знатный боярин какую-то часть своей жизни занимает должность посадника.

засвидетельствованных в устном репертуаре. Ранее С. К. Шамбинаго писал (не аргументируя) о «близости» этого отрывка «к народнопоэтическому творчеству» (С. К. Шамбинаго, стр. 130).

²² Ср.: С. К. Шамбинаго, стр. 214—215; А. Марков. [Рец. на кн.:] С. Шамбинаго Повести о Мамаевом побоище. — ЖМНП, Новая серия, ч. XIV, 1908, № 4, стр. 441; R. Jakobson and D. S. Worth. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Hague, 1963, p. 16; Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 424—427; Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Там же, стр. 457—461; А. А. Зимин. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина». — Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, стр. 56—57. — В этом споре обе стороны исходят из тезиса о литературном происхождении рассматриваемого отрывка. Обоснованный же А. И. Никифоровым тезис о его устном происхождении естественно подсказывает третье решение.

²³ См., например: ГПБ, F.IV.228, л. 19 об.; Q.XV.27, л. 337; Q.XVII.6, л. 96—96 об.

²⁴ См., например: ГПБ, Q.XV.31, л. 192 об.

²⁵ См., например: ГПБ, собр. Погодина, № 1555, л. 99 об.; Q.IV.342, л. 36 об.; Q.XV.70, л. 53 об.; Q.XVII.79, л. 425.

²⁶ См.: В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 326—327. После же утраты Новгородом независимости и исчезновения должности посадника слово это сами новгородцы стали смешивать даже со словом «пособник», имевшим несколько иное значение, чем теперь: помощник, защитник, единомышленник (см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1895, столб. 1251). Так, Новгородская IV летопись, составленная в середине XV в., в известии о восстании 1421 г. против посадника Андрея Ивановича упоминает, что было убито 20 человек «Андреевых пособников» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 431). А Новгородская II летопись, рукопись которой относится к концу XVI—началу XVII в., передавая это же известие в почти тождественном тексте, сообщает об убийстве 20 «Андреевых посадников» (ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, стр. 166).

Мы остановились на этом эпизоде подробно в связи с тем, что нам еще не раз придется к нему обращаться в дальнейшем. Поскольку его содержит в таком же виде «основная» редакция Повести о Мамаевом побоище — и в тех ее разновидностях, которые других упоминаний о новгородцах не имеют, — следует полагать, что из нее этот эпизод мог попасть в «распространенную» редакцию и что он не обязательно содержался в рассмотренной только что версии устного Сказания о новгородцах.

Возвращаясь к самой этой версии, можем пока сделать следующий вывод: она подробно говорила о том, как новгородцы отправились на помощь великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, и о том, что они догнали его главные силы у переправы через Оку (говорилось ли в этой версии о их дальнейших действиях, судить пока трудно). Назовем ее пространной версией Сказания.

2

Иная разновидность Сказания отразилась в генетически независимой от только что рассмотренных письменных текстов группе списков «основной» редакции той же Повести о Мамаевом побоище. Назовем эту разновидность *вариантом 2*. Здесь текстовые фрагменты, касающиеся новгородцев, сравнительно невелики, и мы приведем их полностью. Первым четверым эпизодам рассмотренной выше «повести о мужах новгородцах» соответствий нет. Пятому эпизоду соответствует следующее: «Того же дни приехали из Великого Новагорода посадники Яков Иванов сын Зензин да Тимофей Костянтинович Микулин к великому князю Дмитрею Ивановичу на помощь, а с ними прииде наугороцкие силы 30 000 князей и бояр и всяких людей. Рад же бысть великий князь Дмитрий Иванович и биша челом посадником и целоваша их с великою радостью: „Воистинну есте дети Аврамля, яко в велицей беде мне есть пособницы!“».²⁷ Этот текст находится не перед описанием переправы русского войска через Оку, как в предыдущем случае, а непосредственно за описанием пересчета русских войск, произведенного, согласно этим рукописям, после переправы через Оку.

Второе упоминание новгородцев — при описании объезда Куликова поля великим князем после победы: «И поеха по побоищу и наехав убита крепкаго своего воеводу Данила Белоусова, да Костянтина Конановича, да новгородцких посадников Тимофея Костянтиновича Микулина, да Якова Зензина, да около них вкупе лежат побиты семьсот новгороцких выборных дворян. Над ними же нача князь великий плакаться: „Любимыи мои братия, приехали вы есте своею волею ко мне, а не по моему велению, видя мене в беде великой, и главы свои поклали“».²⁸ Вскоре за этим следует общее перечисление потерь: «И рече, стоя, московской бошой боярин, князь Михаило Александрович Воронцов: „Убито, государь, 40 бояринов московских, да 12 князей московских же, да два посадников наугороцких. Да убито, государь, князей и бояр и выборных дворян и воевод твоей государевы руской вотчины и Великого Новагорода, и всех войска православных христиан <...> полтретя ста тысяч, а осталось живых от побоища 50 000“».²⁹

Приведенные фрагменты несут на себе гораздо меньше следов стилистической обработки в духе литературного канона, чем вариант 1. Но

²⁷ Русские повести XV—XVI веков. Составитель М. О. Скрипиль. Л., 1958, стр. 28.

²⁸ Там же, стр. 36—37.

²⁹ Там же, стр. 37.

возводить их целиком к устному Сказанию о новгородцах оснований не больше, чем в предыдущем случае. Последний отрывок подвергся, очевидно, редакционному изменению для согласования с использованной разновидностью Сказания о новгородцах. Трудно было бы утверждать, что Сказание содержало соответствующую часть второго отрывка. Она представляет собой вставку в довольно обширный эпизод, рассказывающий об объезде поля боя великим князем и оплакивании им павших, — вставку, которая могла быть домыслом самого книжника. Ничего аналогичного этому нет в варианте 1, хотя в содержащей его «распространенной» редакции Повести о Мамаевом побоище сам эпизод с объездом и оплакиванием описан сходно. Все три отрывка обнаруживают смутные представления о реалиях социальной структуры Новгорода в XIV в. Не ранее XVI в. могли появиться такие анахронизмы, как упоминания «новгородских выборных дворян». Трудно сказать, принадлежат ли они этому книжнику или были уже в использованной им версии устного сказания.

Рассмотрим ее несомненные отличия от предыдущей версии. Существенных разноречий четыре: 1) иное количество новгородских воевод; 2) другие имена их; 3) несколько иная общая численность новгородского войска; 4) новгородцы присоединяются к войскам великого князя не перед переправой через Оку, а после нее. Начнем с предпоследнего. Цифра 30 000, по-видимому, тоже гиперболична, но можно думать, что она появилась в устной традиции раньше, чем 40 000.³⁰ Последнее разноречие связано, надо полагать, с какими-то данными составителя о том, что новгородцы еще не успели присоединиться к москвичам при общем сборе войск у Коломны до переправы через Оку. Видимо, эта версия Сказания в текстуально не дошедшей до нас части позволяла сделать такой вывод (дальнейший материал поможет нам это разъяснить).

Наиболее важны первые разноречия. Два посадника во главе отряда — как видно, довольно позднее привнесение, отразившее, во-первых, забвение военной практики XIV в., а, во-вторых, — позднейшее понимание термина «посадник». Имена этих «посадников», неизвестные по другим источникам, восходят скорее всего к какому-то семейному (или вообще — географически локальному) преданию о павших в 1380 г. новгородцах. Маловероятно, чтобы внесение именно этих двух имен произошло в устной традиции с изъятием шести других имен пространной редакции. По-видимому, для дополнения была использована какая-то безымянная разновидность Сказания о новгородцах, из которой и были почерпнуты общие сведения (о численности новгородского отряда, о встрече его великим князем и др.). Из семейного же предания могли быть взяты имена двух лиц и указание на семьсот человек, погибших вместе с ними. Переделка же в данном изводе Повести общего числа павших новгородских «посадников» принадлежит, без сомнения, составителю: дополняя текст Повести данными новгородского сказания, он, очевидно, рассудил, что убитых новгородских посадников не могло быть больше, чем отправившихся в поход.

³⁰ Вообще численность новгородского отряда в разных письменных вариантах варьируется следующим образом: 7000, 13 000, 30 000, 40 000, 70 000. Исходной следует признать, очевидно, цифру 7 тысяч, а производной от нее — вследствие слуховой ошибки в устном репертуаре — 70 тысяч. Цифра 13 тысяч появилась, вероятно, под влиянием сведений о гибели 13 новгородских бояр. Цифра 30 тысяч, очевидно, также результат слуховой ошибки (тринадцать — тридцать), а 40 тысяч (М) — по-видимому, результат ошибочного прочтения в письменном тексте близкой по начертанию цифры 30 000 (Л). Из письменных текстов цифра 40 тысяч могла попасть и в устный репертуар.

По-видимому, та же версия Сказания о новгородцах отразилась в одной из поздних летописей Новгорода, введенной в научный оборот сравнительно недавно. Это Новгородская Забелинская летопись, составленная в 1680—1681 г.³¹ В нее входит особый вид «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище. В литературе уже высказывалось предположение, что некоторые его дополнения «имеют в своей основе какие-то устные предания, которые в свою очередь были созданы на материале реальных исторических фактов».³² К числу именно таких дополнений следует отнести следующий отрывок (назовем его *вариант 3*): «Того же дни приехаша после числа за Оку реку к великому князю посадники новгородские Великого Новаграда, а с ними силы пришло 30 000, и биша челом великому князю Дмитрию Ивановичю».³³ Здесь нет имен, но численность новгородского отряда та же, что в варианте 2. С последним этот текст связывает и то, что он вставлен после аналогичного (но не тождественного по содержанию) эпизода пересчета собравшихся войск после переправы через Оку. Наконец, как и в варианте 2, мы имеем здесь только один эпизод прибытия — в отличие от пространной редакции. Можно полагать, что вариант 3 восходит как раз к той редакции Сказания, результаты дополнения которой отражает вариант 2. Отнесение вариантом 2 прихода новгородцев ко времени после переправы через Оку естественнее всего связывать с прямым указанием на это варианта 3, отраженного в Новгородской Забелинской летописи.³⁴

Назовем представленную этими двумя вариантами версию Сказания о новгородцах краткой версией, а две ее редакции — безымянной (вариант 3) и семейной (вариант 2).

3

Обратимся к последней версии Сказания о новгородцах — последней по порядку их рассмотрения, но отнюдь не по хронологии. Здесь мы имеем дело уже не с литературной обработкой устного текста и даже не с его пересказом, а именно с записью, которая, очевидно, представляет собой дословную или почти дословную передачу устного оригинала. Эта запись дошла в единственной рукописи из собрания Уварова, содержащей особый вид «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище — текст пока еще не изданный, в котором сильнее чем в других отразилось влияние фольклорных произведений и имеется несколько случаев дословной передачи их. Одно из таких включений и является записью Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. Этот фрагмент был опубликован дважды — оба раза неточно — С. К. Шамбинаго,³⁵ затем несколько раз перепечатывался с этих публикаций. Приводим точный текст

³¹ См.: Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. — Исторические записки, т. 14. М., 1945, стр. 121 и 127; С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 73—74.

³² Повести, стр. 469.

³³ Там же, стр. 181.

³⁴ К области литературного домысла книжника следует, очевидно, отнести в этом виде Повести добавление в фразе о рассылке гонцов. В других рукописях данной редакции Повести сказано: «А сам князь великий по всей Русской земли скорые гонци разослав с своими грамотами по всем градам: да все готови будете на мою службу, на брань з безбожными половци агаряны» (С. К. Шамбинаго, тексты стр. 45). В Новгородской Забелинской летописи читается «по всем городам своим и в Великий Новгород». (Повести, стр. 174).

³⁵ См.: С. К. Шамбинаго, стр. 301; История русской литературы. Т. II. Литература 1220—1580-х годов, ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 218.

отрывка (назовем его *вариант 4*) по рукописи. «В то же время в Великом Новгороде стоят мужи новгородцы у святыя Софеи на площади, бьют вече великое, говорят мужи таково слово: „Уже нам не поспеть на пособ к великому князю Дмитрею, кажут он Оку реку перевозится. А токо нам к нему не ехать, а ему будет не пособь, ино нам будет Новымгородом не отсидится“. И борзо мужики новгородцы наряжались, отпускали з города 13 посадников больших новгородских, с ними же силы немного, только 13 тысяч, а все люди нарядные, пансыри, доспехи давали з города. И рекоша: „Поидите, братия, с одново на безбожнова“. И пришла сила новгородская к великому князю Дмитрею, оному же Оку реку перевезшуся. И рад бысть князь Дмитрей Иванович, и рече им: „Исполать вам, мужи новгородцы, что мя есте не отдали“. И почтив их вельми».³⁶

Уже первый исследователь этого текста С. К. Шамбинаго уверенно и с полным основанием заявлял, что данный отрывок относится «к народной поэзии».³⁷ Этот вывод его был полностью поддержан в последовавших работах.³⁸ Что касается жанровой принадлежности текста, то в этом вопросе не было такой определенности. Ясно выраженная ритмическая структура показала С. К. Шамбинаго «песенным складом».³⁹ Правда, он высказался на этот счет очень осторожно: «Напрашивается предположение — не был ли этот рассказ вначале, действительно, песней».⁴⁰ Заканчивая рассмотрение, автор заключал: «За отсутствием доказательств я не могу утвердительно ставить такое предположение».⁴¹ Позднее А. Н. Никифоров высказывал убеждение, что приведенный нами отрывок является текстом былины,⁴² а Б. Н. Путилов писал, что это историческая песня.⁴³ На наш взгляд, отнесению данного текста к былинам препятствует прежде всего несвойственная им историческая конкретность. Степень фактичности здесь такова, что упомянутым авторам не удалось отыскать убедительные параллели не только в былинах, но даже в старших исторических песнях. Перед нами устное героическое сказание в форме ритмизированного повествования.⁴⁴

Хотя этот текст дошел до нас (так же как и предыдущие) в рукописи XVII в., не приходится сомневаться, что он отражает более ранний этап эволюции Сказания, чем варианты 1, 2 и 3. Здесь нет даже намека на сговора об утрате Новгородом самостоятельности, как в варианте 1, нет и несвойственных периоду этой самостоятельности исторических реалий, как в варианте 2. Единственный анахронизм — «13 посадников», заставляющий полагать, что запись устного оригинала произошла скорее всего позже середины XV в. (но, может быть, еще до падения новгородской независимости в конце 70-х гг.). В дальнейшем мы будем именовать эту версию Сказания первоначальной версией.

По содержанию ее текст имеет, как видим, соответствия не только последнему эпизоду пространной версии Сказания, но и двум предшест-

³⁶ ГИМ ОР, собр. Уварова № 802, лл. 184—185 об.

³⁷ С. К. Шамбинаго, стр. 302.

³⁸ См., например: В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература X—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 132—133.

³⁹ С. К. Шамбинаго, стр. 300.

⁴⁰ Там же, стр. 301.

⁴¹ Там же, стр. 302.

⁴² См.: А. И. Никифоров, стр. 251—253.

⁴³ См.: Б. Н. Путилов. Куликовская битва в фольклоре. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 120—123.

⁴⁴ Подробнее о таких сказаниях см.: С. Н. Азбелев. Устные героические сказания о Куликовской битве. — В сб.: Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971.

вовавшим. Первоначальная версия содержит три эпизода: обсуждение на вече, отправление в поход и прибытие.

В дальнейшем тексте этой Уваровской рукописи новгородцы упомянуты в отрывке, повествующем о действиях великого князя литовского: «И прииде ж Волгирд ко Одуеву, и слышав, яко князь великий Дмитрей Иванович совокупися со многою силою — словены и болгары, и с новгородцы, иде же кождо, услышав, яко Олег резанский убоился, и пребыл ту и оттеле неподвижен».⁴⁵ Текст испорчен при переписке. В других рукописях читается следующее: «И прииде к граду Одуеву, и слышав, яко князь великий съвокупи многое множество вѣинства — всю русь и словены, и пошол к Дону противу царя Мамаа, и слышав, яко Олег убоася, и пребысть ту оттеле неподвижим».⁴⁶ Если упоминание в Уваровском тексте болгар — явная ошибка, возникшая, очевидно, под влиянием сходных перечислений в других известных книжнику письменных текстах, то добавление новгородцев связано, несомненно, с использованным в этой рукописи Сказанием. В «распространенной» редакции Повести о Мамаевом побоище, как мы помним, было сходное добавление в сходном контексте: там известие о прибытии новгородцев обескураживает не литовского князя, а второго союзника Мамаа — князя рязанского. Так как оба добавления текстологически независимы, есть все основания считать, что в самом Сказании после эпизода прибытия новгородцев к Дмитрию Ивановичу говорилось что-то об устрашающем действии этого факта на кого-то из союзников татар. Что первоначально это был именно литовский князь, а не рязанский, свидетельствует основной текст данной редакции Повести, не подвергшийся еще дополнению: иносказательно о новгородцах речь идет уже в нем: словенами в древних летописях называли именно новгородцев. Если составитель «основной» редакции повести счел нужным употребить этот архаизм, по-видимому, он имел на то причины.

Для разрешения возникающих загадок необходимо прежде обратиться к установлению исторической основы рассматриваемых текстов.

4

Попытаемся выяснить по возможности более конкретно соотношение Сказания с фактами реальной действительности. В общеисторических трудах давно и прочно утвердилось мнение, что Новгород не принял никакого участия в освободительной войне 1380 г. Тексты, о которых говорилось выше, были наполовину известны авторам этих трудов, но содержание таких текстов признавалось недостоверным и даже квалифицировалось как баснословие. Мнение это обосновывали ссылками на то, что летописи молчат об участии в Куликовской битве новгородского войска.⁴⁷ Правда, иначе думал крупнейший исследователь летописей акад. А. А. Шахматов. Он заявлял, что «самый скептический ум не решится признать вымышленными некоторые факты» войны 1380 г., несмотря на молчание о них сохранившихся летописных текстов. В числе данных о таких именно фактах А. А. Шахматов тут же прямо называл и упоми-

⁴⁵ ГИМ ОР, собр. Уварова, № 808, лл. 187 об.—188. — Кроме того, имеющийся в конце счет убитых воевод содержит обычное для этой повести упоминание «тринадцати бояринов посадников новгородцких» (л. 213).

⁴⁶ Повести, стр. 58.

⁴⁷ См., например: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, примеч. 65; С. Соловьев. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1845, стр. 121, 191; Д. Иловайский. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880, стр. 58.

нение «о прибытии новгородцев в числе 7 000 человек».⁴⁸ Впрочем, это никак не повлияло на последующие работы по русской истории, где традиционное мнение продолжало повторяться.⁴⁹ Источниковедческий анализ совокупности свидетельств о помощи новгородцев Дмитрию Донскому никем так и не был произведен. Новейшая статья, специально посвященная рассмотрению исторической основы Повести о Мамаевом побоище и привлекающая много новых данных, обходит этот вопрос молчанием.⁵⁰

Самостоятельная Новгородская республика прекратила свое существование в 70-х годах XV в., когда ее территория была включена в состав Московского великого княжества. До того отношения между ними по большей части были натянутыми, а нередко и враждебными, доходившей порой до открытых военных столкновений. Но был период продолжительностью около двадцати лет, когда отношения эти были настолько дружественными, что превратились в военный союз, оформленный даже особым договором. Этот период падает как раз на правление Дмитрия Донского. Оборонительный союзный договор между ним и Новгородской республикой, заключенный в первой половине 70-х годов XIV в. (т. е. за 5—8 лет до Куликовской битвы), предусматривал взаимные обязательства против потенциальных общих противников, точно названных в тексте. Татары, непосредственно никогда не угрожавшие Новгороду, в договоре не упомянуты. Но зато на первом месте названы литовские князья, не раз воевавшие до того и против Новгорода, и против Москвы. Договор обязывал новгородцев в случае войны Литвы против Московского великого князя Дмитрия Ивановича оказать ему помощь своими войсками.⁵¹

⁴⁸ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. — Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910, стр. 175 (А. А. Шахматов предполагал, что сведения эти были в недошедшей московской летописи). С. К. Шамбинаго не высказывался на этот счет специально, но из текста его книги можно заключить, что он признавал прибытие новгородского отряда скорее фактом, чем вымыслом (С. К. Шамбинаго, стр. 320). Позднее А. И. Никифоров считал это вымыслом (А. И. Никифоров, стр. 186—189).

⁴⁹ См., например: А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пгр., 1918, стр. 321; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., т. II. М., 1953, стр. 223; М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года, стр. 18. — Единственное известное мне пока исключение составляет высказанное двадцать лет назад беглое замечание акад. Б. Д. Грекова: «По недавно открытым материалам можно считать, что и какая-то часть новгородского войска участвовала в Куликовской битве (<...>)». К сожалению, автор не сообщал, что это за материалы, где и кем они открыты (см.: Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 241).

⁵⁰ См.: Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966. — Трудно определить точку зрения Л. А. Дмитриева, поскольку в одной работе он упоминает известия об участии новгородцев в Куликовской битве как достоверные (см.: Русские повести XV—XVI веков, стр. 363), а в другой — как недостоверные (см.: Л. Д. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений, стр. 426, примеч. 54).

⁵¹ «Аж будет обида со князьями литовскими, <...> Новугороду всести на конь со мною, со князем великим и с моим братом со князем Владимиром с одного»; см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949 (далее сокращенно: ГВНП), стр. 31, № 16. — Здесь этот договор датирован 1371—1372 гг. — согласно мнению С. М. Соловьева, В. С. Борзаковского и А. Е. Преснякова. Позднее Л. В. Черепнин предложил датировать его 1375 г., А. А. Зимин — 1372—1373 г., а В. Л. Янин — временем не ранее весны 1374 г. (см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 355—356; А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — Проблемы источниковедения, т. V, М., 1956, стр. 317—318; В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 205—209). Для нас эти расхождения принципиального значения не имеют, поскольку все предлагавшиеся датировки имеют в виду заключение договора ранее 1380 г.

Все русские летописи, где содержится сколько-нибудь подробное описание войны 1380 г., сообщают, что литовский великий князь Ягайло вступил в союзные отношения с Мамаем и что литовское войско отправилось на соединение с татарским, как только Мамай вступил в пределы русских земель. О том, что литовские войска участвовали в этой войне на стороне татар, сообщают и независимые от русских летописей немецкие хроники того времени (ниже их сведения будут приведены). Следовательно, Новгород должен был оказать военную помощь Москве даже независимо от соображений общерусского патриотизма, а просто вследствие своих договорных обязательств. Тем более, что уже весной 1380 г., т. е. всего за несколько месяцев до начала военных действий, взаимные обязательства были, очевидно, подтверждены прибывшим в Москву новгородским посольством, беспрецедентным по авторитетности его участников. Новгородская летопись сообщает, что во время этих переговоров великий князь торжественно подтвердил свои прежние обязательства по отношению к Новгороду. Вряд ли можно сомневаться, что аналогичные заверения были даны и со стороны Новгородской республики. От ее имени переговоры вел глава этой республики — архиепископ Алексей, а также два посадника и три боярина от городских концов (таким образом, очевидно, каждый из пяти концов Новгорода прислал своего отдельного полномочного представителя).⁵²

Согласно летописям, великий князь узнал о выступлении Ягайла на помощь татарам довольно поздно — уже в августе 1380 г., т. е., очевидно, не более как за месяц до сражения на Куликовом поле, — когда войска Мамаея были уже у русских границ.⁵³ Еще через несколько дней эта весть могла достичь Новгорода. Собрать ополчение в разгар полевых работ, вооружить его и совершить пеший переход на расстояние около тысячи километров было невозможно за короткий срок, оставшийся до ожидаемого соединения армий Мамаея и Ягайла. Очевидно, этот вопрос и обсуждался на новгородском вече.

Конечно, на Руси уже давно ждали известий подобного рода. Вероятно, Дмитрий Иванович получил какие-то сведения о переговорах Ягайла с Мамаем задолго до того, как литовское войско могло отправиться на соединение с татарами. Возможно, что именно сведения этого рода как раз и обсуждались в Москве на переговорах с новгородцами и что их помощь уже тогда была обещана и размеры ее оговорены. Если

⁵² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.—Л., 1950 (далее сокращенно: Н1Л), стр. 376. — Краткое известие об этом посольстве в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пгр., 1915, стр. 311; т. V. СПб., 1851, стр. 238.

⁵³ «Бысть же месяца августа придоша орды таковыя весты ко христороубивому великому князю Дмитрию Ивановичю, оже воздвижутся на христианы измаилтяне. Огу же отпадшую сана своего <...>, послав к великому князю Дмитрию Ивановичю весть лестную, что „Мамай идет со всем царством <...>, и князь литовский идетъ на тебя же со всею силою своею“» (ГПБ, F.IV.238, л. 250). То же самое известие в ряде других летописей (см. например, ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 312, т. VI, СПб., 1853, стр. 91). Краткая редакция летописной повести, которую некоторые исследователи считают первоначальной, относит, по-видимому, получение великим князем сведений о союзе Ягайла с Мамаем на еще более позднее время: «И переехав Оку, прииде ему паки другая весть, поведаша ему Мамаея за Доном събравшася, в поле стояща и ждуща к собе Ягайла на помочь, рати Литовския» (первое упоминание здесь об участии Литвы) — Симеоновская летопись (ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 129). Аналогично в Рогожском летописце (ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пгр., 1922, столб. 139). Вывод о первоначальности именно этого летописного рассказа см. в работе: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 355—364.

это так, то Дмитрий Иванович вправе был ожидать, что Новгород готовится к войне заблаговременно. А правители Новгорода, в свою очередь, возможно, ожидали подтверждения слухов о союзе Ягайла с Мамаем.

Как бы то ни было, но в ситуации, отраженной летописями, была реально осуществима только весьма ограниченная помощь, которую мог оказать московскому князю Новгород. Это отправка сравнительно небольшого конного войска из числа тех сил, которые содержались Новгородом постоянно на случай непредвиденной военной опасности. Очевидно, что правители Новгородской республики, ожидая войну с Литвой, границы которой находились вблизи Новгорода, и имея к тому же постоянную угрозу со стороны Тевтонского ордена, не желали оставить сам Новгород без надежной защиты. Значительная часть его наличных военных сил была сохранена в пределах Новгородской земли. Вероятно, это и отразилось в Сказании.

За именами новгородских воевод в пространной версии Сказания могут быть узнаны реально существовавшие политические деятели Новгорода. Во всяком случае, имена двух первых воевод идентифицируются довольно просто. Первый воевода Иван Васильевич — это, очевидно, новгородский боярин Иван Васильевич Машков, который трижды упоминается в новгородских летописях под 1366—1399 гг. Два первых упоминания представляют особый интерес: в 1366 г. он и его отец были неожиданно и без всякой вины схвачены в Москве по приказу великого князя Дмитрия Ивановича — в качестве заложников в связи с походом новгородских ушкунников; только в следующем году эти лица были отпущены в Новгород.⁵⁴ Назначение именно боярина И. В. Машкова первым воеводой отряда, посылаемого в помощь тому же Дмитрию Ивановичу, имело, вероятно, политический подтекст: Новгород как бы подчеркивал этим, что выполняет взятые обязательства невзирая на прежние обиды со стороны Москвы. Такое напоминание могло расцениваться как своего рода противовес ощущению неполноценности оказываемой военной помощи в количественном отношении.

Второй воевода, названный Андреем, сыном предыдущего, посадником — это, по-видимому, Андрей Иванович, который действительно был посадником, но не в 1380 г., а позднее — в первой четверти XV в. Новгородские летописи упоминают его четыре раза.⁵⁵ Ему же, как посаднику, адресована берестяная грамота, датируемая 10—20-ми годами XV в.⁵⁶ Становится понятным, почему Сказание, перечисляя воевод, посадника упоминало на втором месте, а не на первом. В 1380 г. Андрей Иванович был еще молод и его назначили вторым воеводой при отце. Но впоследствии он был одним из самых известных посадников Новгорода (отец же его вообще не стал посадником). В Новгороде, видимо, хорошо знали, о ком конкретно идет речь в Сказании, и естественно, что боярина, изб-

⁵⁴ Н1А, стр. 369; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 292—294. — Третье упоминание — о постройке И. В. Машковым каменной церкви Алексея у Богородицы в Торгу — под 1399 г. (см.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 383).

⁵⁵ В 1401 г. он был взят в плен москвичами, но вскоре отбит; в 1411 г. он воевода новгородского войска, ходившего на шведов; в 1415 г., будучи уже посадником, он вводит в дом св. Софии новоизбранного архиепископа Симеона; в 1421 г. против этого посадника восстают Неревский и Славенский концы (см.: Н1А, стр. 396, 402, 405; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 390, 411, 414, 431; т. XXX. М., 1965, стр. 166, 179).

⁵⁶ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 142, № 310.

ранного затем посадником, стали соответственно этому и называть.⁵⁷ Не имеем пока достаточных данных для идентификации остальных воевод.⁵⁸ Впрочем, она не столь важна. Важно, что их общее число точно соответствует военной практике, обычной именно в то время для Новгорода (и только для него).

Составленная в Москве Повесть о Куликовской битве, вошедшая в русские летописные своды XV—XVI вв., основное внимание уделяет, естественно, самому Дмитрию Донскому и его подручным князьям. Эта повесть крайне суммарно говорит о сборе войск из русских земель под знаменами великого князя московского: «И собрав вой своих 100 тысящ и сто, опроче князей русьских и воевод местных <...>. Бяше всеи силы и всех ратей числом с полтораста тысящ или с двести тысящ».⁵⁹ Здесь не упомянуто ни одного княжества и ни одной области, хотя из текста явствует, что в помощь Москве другие области Руси прислали крупные по тому времени силы — от сорока до девяноста тысяч воинов. Неудивительно, что эта летописная повесть, написанная уже в период враждебных отношений между Москвой и Новгородом, об участии его в войне ничего не сообщает. Для нас представляют интерес ее известия о литовском войске. Здесь говорится, что «князь Ягайло литовский прииде со всею силою литовскою, Мамаю пособляти и поганым татарам на помощь, а христианам на пакость. Но от тех бог избавил: не поспеша на срок за малым, за едином днище или менши». Узнав об исходе Куликовской битвы, «Ягайло со всею силою литовскою побеже назад со многую скоростию, никим же гоним; не видеша бо тогда князя великого, ни рати его, ни оружия его, токмо имени его бояхуся и трепетаху».⁶⁰

Оба отрывка несомненно тенденциозны и написаны, очевидно, с целью умолчать о том, что не желательно было упоминать. Прокомментируем сначала первый отрывок. Ягайло не мог прибыть «со всею силою литовскою», так как в Литве происходила в то время острая борьба за власть между Ягайлом и другими членами княжеского рода.⁶¹ В помощь Мамаю могло быть направлено лишь сравнительно небольшое литовское войско. Присоединение его к огромной армии татар представляло бы меньшую опасность для Руси, чем неожиданный удар литовцев в тыл или во фланг. Литовская граница проходила тогда примерно в семидесяти километрах на запад от Куликова поля, поэтому угроза такого удара должна была быть очевидной для русских с самого начала. Поскольку Новгород, со-

⁵⁷ Посадник Андрей Иванович упомянут также в данной грамоте Палеостровскому монастырю (ГВНП, стр. 147, № 90), датированной по этой причине 1415—1421 гг. В. Л. Янин на основании упомянутых здесь же других имен убедительно относит этот документ к 30-м годам XV в. — времени «второго» Андрея Ивановича, бывшего степенным посадником, согласно выводам В. Л. Янина, в 1434—1435 гг. (В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 279—281). Не исключено, однако, что это тот же Андрей Иванович. Повторное упоминание этого имени в перечне посадников содержит только «дополнения к списку Б», где помещены имена степенных посадников в очередности их избрания на степень (там же, стр. 280). Между тем в «списке А» и в основной части «списка Б» Андрей Иванович фигурирует, очевидно, как посадник от Плотинского конца (стр. 244). Ничто, по-видимому, не препятствует полагать, что он оставался таковым до его избрания на степень в 1434 г.

⁵⁸ С воеводой Юрием Захарьевичем может быть сопоставлен Юрий Захарын, упомянутый в документе начала XV в. как один из послухов при покупке Корельского наволока за 2000 белок (ГВНП, стр. 185, № 128).

⁵⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 91; ср.: т. VIII, СПб., 1859, стр. 35 и др. — В позднейших летописях встречаются и более крупные цифры — до 400 000, которые вряд ли могут быть признаны правдоподобными.

⁶⁰ ПСРЛ, т. VI, стр. 96.

⁶¹ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, стр. 278—280.

гласно договору, обязывался оказать военную помощь именно против Литвы, естественнее всего было использовать как раз новгородское войско в качестве заслона от ожидавшегося удара со стороны Ягайла.

Становится понятной отмеченная выше «странность» всех трех версий Сказания о новгородцах: разработанность мотивов отправки новгородского войска и скомканность мотива соединения с московским (по пространной версии новгородцы так и не влились в него, а «особ стояше» и далее двигались самостоятельно). Очень возможно, что новгородский отряд действительно не должен был вливаться в главные силы русской армии.

Поскольку до подхода русских к Куликову полю отряды Ягайла не соединились с войском Мамая, предстояло обезопасить себя на случай их внезапного флангового удара в день самого боя. Поэтому вполне правдоподобным оказывается упомянутое выше, при рассмотрении пространной версии, указание о расположении новгородцев на правом фланге в день Куликовской битвы. Однако сражаться им, очевидно, пришлось не против литовского войска. Оно, по-видимому, предпочло дожидаться исхода боя. Очевидно, что как раз на это и намекает отмеченный выше мотив замешательства литовского князя, когда тот узнал о прибытии новгородцев на помощь Москве. Иная трактовка этого же обстоятельства скрывается за невразумительной ссылкой московского летописца на божью помощь, благодаря которой произошел удивительный факт — Ягайло «не успел» к Куликовской битве всего на один дневной переход или даже меньше.

Столь же невразумителен и второй летописный отрывок. Когда литовцам стал известен результат сражения на Куликовском поле, у них не могло быть причин «бежать со мноюю скоростью». Скорее напротив. Куликовская победа досталась дорогой ценой. Согласно летописям, из двухсоттысячного русского войска в живых осталось сорок или пятьдесят тысяч. В то время не литовцам следовало опасаться нападения со стороны остатков русской армии, а возвращавшимся с поля боя русским — нападения литовских сил, не участвовавших в битве. Летописная повесть сообщает коротко лишь о возвращении войск Дмитрия Донского в Москву. Новгородцы же должны были, очевидно, двигаться в Новгород не через Москву, которая находилась в стороне от направления их пути, а вдоль литовской границы, проходившей в то время недалеко от Тулы, через Калугу, вблизи Ржева и севернее Торопца. Сведений о возвращении новгородского отряда в русских источниках нет. Немалую ценность представляют в данном случае показания немецких хроник, почему-то почти не привлекаемые историками войны 1380 г. Эти данные помогают объяснить странное лишь на первый взгляд молчание почти всех новгородских летописей об участии в этой войне новгородцев.

Для современных событиям хроники — Детмара и Иоганна фон Позильге сравнительно подробно сообщают под 1380 г. о «великой битве» между русскими и татарами: «Там сражалось народу с обеих сторон чetyреста тысяч. Русские выиграли битву. Когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами и <литовцы> отняли у русских их добычу и убили их много на поле» (цитировано по Детмару).⁶² Сходно сообщает о Кули-

⁶² Detmar-Chronik von 1101—1395 mit der Fortsetzung von 1395—1400. — Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert, Bd. 19, Leipzig, 1884, S. 568. — В сходном тексте это известие есть и в более ранней хронике Детмара, доведенной только до 1386 г. (Ibid., S. 180). Позднее оно было повторено почти дословно так называемой хроникой Руфуса (Ibid., Bd. 26, Leipzig, 1899, S. 257).

ковской битве и писавший сто лет спустя немецкий историк Альберт Кранц, ошибочно отнесший, однако, событие к 1381 г. Здесь же он указывает, что в этом году в Любеке собрался съезд представителей всех городов Ганзы.⁶³ На последнее обстоятельство обратил внимание Н. М. Карамзин, заметивший, что «оно может изъяснить, каким образом сведения в Германии о Донской битве: купцы ганзейские, в 1381 году имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новгорода, с ними союзного».⁶⁴ Действительно, Детмар писал свою хронику как раз в Любеке, а Позильге — в Ризенбурге,⁶⁵ расположенном вблизи Данцига и Эльбинга, представители которых были на ганзейском съезде в Любеке в июне 1381 г. Это был особенно крупный съезд, и как раз на нем обсуждался целый ряд вопросов, непосредственно относившихся к Новгороду.⁶⁶

Несомненно, что и хроника Позильге, и хроника Детмара, и «Вандалия» Кранца в данном известии имеют один общий немецкий источник. Это доказывается их общей и весьма характерной географической ошибкой: они сообщают, что победа русских над татарами в 1380 г. произошла «у Синей Воды» («bi Blowasser», «bie dem Bloen Wassir»), причем даже латинский текст Кранца дает название по-немецки («Flawasser»). Место Куликовской битвы ошибочно отождествлено с местом сражения, происшедшего на Украине между литовцами и татарами в 1363 г.⁶⁷ Характер ошибки подтверждает догадку Н. М. Карамзина. По всей видимости, перед нами неверно понятое и отсюда — неверно переведенное русское словосочетание «у Синего Дона».⁶⁸ Именно немецкий купец, которому русские рассказали о великой битве с татарами у Синего Дона, мог перевести это потом своим соотечественникам как «bie dem Bloen Wassir» — возможно под влиянием слышанного им раньше рассказа о другом бое с татарами у Синей воды. Следовательно, «информатор», от которого эти сведения попали к хронистам, пользовался именно русским устным рассказом. Значит, сам рассказ этот скорее всего исходил (непосредственно или опосредованно) именно от новгородских участников войны, так как Ганза имела свои конторы на Руси только в двух пунктах — Новгороде и соседнем с ним Пскове.

Очевидно, что новгородский устный рассказ, к которому восходят сведения немецких хронистов, сообщал не о судьбе главных сил Дмитрия Донского. Московские летописи, весьма раздраженно отзывающиеся о союзниках Мамай, не умолчали бы о нападении литовцев на войско, воз-

⁶³ A. Krantz. *Vandaliae. Hanoviae*, 1619, p. 207.

⁶⁴ Н. М. Карамзин. История государства российского, т. V, примеч. 81.

⁶⁵ Подробно см.: O. Lorenz. *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter von der Mitte des Dreizehnten bis zum Ende Vierzehnten Jahrhunderts*. Berlin, 1870, S. 183—186. — Текст хроники с упомянутым известием о Куликовской битве — в кн.: *Scriptores rerum Prussicarum*, t. 3, Leipzig, 1866, p. 114—115. — Там же краткое известие об этой битве Торунского анналиста, не содержащее интересующих нас деталей, кроме указания места боя — «Blowasser» (p. 114).

⁶⁶ См.: *Die Recesse und andere Acten der Hansetage von 1256—1430*. Leipzig, Bd. II, 1872, S. 278—288; Bd. III, 1875, S. 329—330. — С 1381 по 1386 г. (до которого доведена впервые включившая это известие хроника Детмара) состоялось еще много ганзейских съездов, причем свыше десяти — в Любеке. Но они были менее связаны с Новгородом.

⁶⁷ «В 1363 г. войска Ольгерда разбили татарских князьков на Синей воде» (Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. II. М., 1953, стр. 521). Синяя вода — приток Южного Буга.

⁶⁸ А. И. Никифоров, анализируя выражение «Слова о полку Игореве» «позрим синего Дону» в сопоставлении с записями фольклора, пришел к выводу, что словосочетание «синий Дон» устно-фольклорного происхождения — подобно сочетаниям «синее море», «синяя мгла» (А. И. Никифоров, стр. 364).

вращавшиеся в Москву. Эти летописи сообщают о враждебных действиях Олега Рязанского в отношении тех, «кто поехал с Доновского побоища домовь, к Москве, сквозе его отчину Рязанскую землю», хотя это были не боевые столкновения военных отрядов, а всего лишь случаи задержания отдельных лиц, затем отпущенных после отнятия добычи («велел имати и грабити, и нагих пущати»).⁶⁹

Остается признать единственно приемлемым самое естественное объяснение. Немецкие хроники сообщали о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся со своей частью военной добычи в Новгород вдоль литовского рубежа. Весьма возможно, что справедливо и дополнительное указание Кранца, который пишет, что в этом нападении участвовали также татары: часть бежавших с Куликова поля татар могла присоединиться к литовским отрядам. О том, что такое нападение действительно произошло, позволяет судить и совершенно независимый от новгородской устной традиции источник. Сохранилась запись Епифания Премудрого (бывшего в то время монахом Троице-Сергиева монастыря) на богослужебной рукописи, датированная 20 сентября 1380 г. (т. е. через 12 дней после Куликовской битвы): «весть приде, яко литва грядут с агаряны» (т. е. с татарами, — С. А.).⁷⁰ Эта весть, заставлявшая, по-видимому, войско Дмитрия Донского на подходе к Коломне, вероятно, и побудила его приостановить здесь с 21 сентября на четыре дня свое обратное движение к Москве.⁷¹ Однако столкновение с новгородцами, надо думать, достаточно исчерпало военный потенциал литовского войска, а отнятая добыча побуждала вернуться, не подвергая себя риску сражения с более крупными русскими силами. Остатки же новгородского отряда, очевидно, и принесли в Новгород вести, которые попали отсюда к немецким хронистам через участников ганзейского съезда 1381 г.

Легко понять, почему старшие летописи Новгорода не поместили специальных записей о роли новгородцев в войне 1380 г. Эта война окончилась победоносно для всех участвовавших в ней на стороне Москвы русских войск — за исключением новгородского. Так как оно было сравнительно небольшим, эпизод сочли недостаточным существенным для закрепления в летописи.⁷² Тем более, что в 1382 г. произошел разгром Москвы Тохтамышем, а затем ухудшились ее отношения с Новгородом, что привело к войне между ними уже в 1386 г.

В 1381 г. в Новгороде возводят два каменных храма: Дмитрия Солунского на Славкове улице и Рождества Христова на Поле. Старшие летописи Новгорода сообщают об этом очень скупо. Однако уже из одного факта постройки церкви в честь «ангела» Дмитрия Донского на другой год после Куликовской битвы очевидна тесная связь одного события с другим. Сохранилась краткая летопись самого храма Дмитрия Солунского. В ней говорится, что он возведен «по обещанию великаго князя Димитрия Донского», данному этим князем во время Куликовской

⁶⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 97; ср.: ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 41; т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 205 и др.

⁷⁰ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV ввек). Изд. 2-е. СПб., 1882, табл. 241.

⁷¹ Об остановке в Коломне см., например: ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 67.

⁷² Новгородские летописи того времени не раз умалчивали и о других военных мероприятиях новгородцев. Сведения о происходивших в тот же период походах новгородских ушкуйников известны по преимуществу из неновгородских источников, хотя эти походы сопровождалась даже взятием важных городов и возглавлялись иногда видными новгородскими боярами, один из которых впоследствии был даже посадником. См. исследование о походах ушкуйников XIV—XV вв. в кн.: В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, стр. 36—51.

битвы.⁷³ Новгородская Погодинская летопись указывает, что церковь заложена «по завету о победе на Мамая»,⁷⁴ что это — церковь, «обещанная, чтобы бог пособил победити Мамая безбожного князю Димитрию».⁷⁵ Что касается храма Рождества, то его синодик прямо называл Дмитрия Донского создателем этой церкви в 1381 г.⁷⁶ Постройка церкви «по обещанию», по «завету», даваемому в критических обстоятельствах, — довольно обычное явление в средневековой Руси. Но, естественно, что Дмитрий Донской не был бы причастен к постройке этих церквей, если бы Новгород, в нарушение договора с ним, не принял участия в войне. Если «обещание» самого великого князя расценивать как позднейший домysel летописца церкви Дмитрия Солунского, то в таком случае построить в Новгороде «обещанную» церковь в связи с войной 1380 г. могли только участвовавшие в этой войне новгородцы.

Шестьдесят лет назад был опубликован едва ли не древнейший русский синодик, принадлежавший новгородской церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Основная часть синодика переписана в середине XVI в. В этой части содержится поминовение «на Дону избиенных братии нашеи при велицем князи Дмитреи Ивановичи». Несомненно, что речь идет именно о павших в 1380 г. новгородцах, так как все остальные поминания этого раздела синодика явно относятся только к жителям Новгорода и новгородской земли, погибшим в разных военных столкновениях более чем за двести лет: с 1240 по 1456 г.⁷⁷ Существенно, что последним по хронологии является поминовение новгородцев, погибших в 1456 г. под Русой от войск Василия Темного, когда потерпевший поражение новгородский отряд составлял всего 5000 воинов,⁷⁸ но нет поминания павших в 1471 г. в Шелонской битве от войск Ивана III — когда было разгром-

⁷³ С. Н. Азбелев. Новгородские местные летописцы. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 367—368. — Здесь опубликован полный текст.

⁷⁴ ГИМ ОР, собр. Черткова, № 331, л. 135 (первоначальная редакция летописи).

⁷⁵ ГБЛ, собр. ОИДР, № 129, л. 45 об. (краткая редакция летописи). — Подробнее см. в статье: С. Н. Азбелев. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1971.

⁷⁶ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, стр. 558—559. — Кроме Дмитрия Донского синодик называл здесь 13 других имен, среди которых на первом месте стояло имя Андрей (это могли быть оставшиеся в живых новгородцы, вернувшиеся с войны 1380 г.). Макарий сообщал, что синодик был переписан с древнего в XVIII в.

⁷⁷ Приводим полностью соответствующий отрывок: «Покои господи избиенных на Неве от немец при велицем князе Александре Ярославичи и княжих воевод, и новгородцких воевод, и всех избиенных братии нашеи; и на ледом избиенных от немец братии нашеи; и на Ракоборе избиенных от немец братии нашеи; и у Венца избиенных от немец при князе Андреи; и у Выбора избиенных от немец братии нашеи при князе Юрьи; и в Орехове скончавшихся братии нашеи; и под Корельским городом избиенных от немец братии нашеи; и на Нарове избиенных при князе Александре Ярославиче; и на Мурманех, и на Печере, и в Перме, и на Югре избиенных братии нашеи; и под Псковом избиенных братии нашеи; и в полону скончавшихся братии нашеи, и в поганьском языке; и на Дону избиенных братии нашеи при велицем князе Дмитреи Ивановичи; и под Торжом избиенных братии нашеи от князя Михаила, и згоревших от огня в Торжку; и в Новомгороде избиенных братии нашеи; и на Русе избиенных бояр новгородцких и иных братию нашу от князя Василья Васильевича» (см.: И. А. Шляпкии. Синодик 1552—1560 г. новгородской Борисоглебской церкви. — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. V. Новгород, 1911, стр. 6—7 (отдельной пагинации)). — Контекст убеждает в неосновательности предположения М. Н. Тихомирова и Л. А. Дмитриева о том, что слова «на Дону избиенных <...> Дмитреи Ивановичи» «могли быть взяты из общего поминовения убитых в битве 1380 г.» (Повести, стр. 287).

⁷⁸ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II. стр. 424—425.

лено сорокатысячное новгородское ополчение, потерявшее только убитыми 12 000 человек.⁷⁹ Это свидетельствует, что оригинал интересующей нас части синодика был написан, во всяком случае, до 1471 г. Следовательно, эта часть синодика завершена в то время, когда после войны 1380 г. прошло от 76 до 90 лет, т. е. во всяком случае при сыновьях участников этой войны.

Таким образом, упоминание синодика о новгородцах, убитых на Дону при великом князе Дмитрии Ивановиче, заслуживает полного доверия.⁸⁰ Это прямое свидетельство надежного источника окончательно убеждает в том, что непосредственное участие новгородцев в войне 1380 г. — исторический факт.

Из совокупности показаний других источников следует, что участие это было ограниченным. Новгород принял решение о вступлении в войну, по-видимому, позже, чем того ожидал великий князь Дмитрий Иванович, а эта задержка явилась причиной малочисленности новгородского отряда. Естественно, что в Москве такое запоздание могли истолковать — обоснованно или нет, мы не знаем — как маневр, позволивший уклониться от участия в войне большими силами.

5

Теперь можно охарактеризовать в целом данные о составе Сказания о новгородцах. Пафос его состоял в подтверждении самого факта участия Новгородской республики в освободительной войне 1380 г. Сказание повествовало, что решение об этом было принято в Новгороде на вече, что новгородское войско отправилось в поход и что оно прибыло к месту назначения. Вероятно, говорилось и о том, что это устрашающе действовало на литовского союзника Мамай. Далее, вероятно, сообщалось об участии новгородского войска в Куликовской битве и размерах потерь.

Удается выяснить непосредственные причины и обстоятельства появления этого произведения, его связь с общерусским устным репертуаром того времени. Вернемся к первоначальной версии Сказания о новгородцах. Исследователи не раз отмечали чрезвычайную близость текста, который мы обозначили как вариант 4, и одного из фрагментов так называемой Задонщины. Последний содержится в ее эпизоде, описывающем сбор войск и находящемся в четырех рукописях. Три из них дают сходный текст, в четвертой пассаж о новгородцах имеет весьма существенное отличие. Приводим этот фрагмент в контексте по обоим его разновидностям. В рукописи из собрания Ундольского (далее сокращенно — У) читается: «На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Руской, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезе. Звонят в колоколы вечные в Великом Новгороде, стоят мужи новгородцкие у Софеи премудрые, а ркут тако: „Уже нам, брате, не поспеть на посопь к великому князю Дмитрею Ивановичю“. И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася. То ти были не орли слетешася, выехали посадники из Великого Новгорода 7 000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андреевичю, к славному граду Москве. Съехались вси князи

⁷⁹ См.: там же, кн. III. М., 1960, стр. 19.

⁸⁰ Нет нужды непременно понимать это географическое указание буквально. Столкновение с литовцами могло произойти не на берегу Дона, а недалеко от места проходившей на Дону Куликовской битвы. Приблизительно указывает синодик и на место битвы «на Русе», хотя места эти были гораздо лучше известны новгородцу.

русские, а ркут таково слово: „У Дуная стоят татаровя поганые, и Момаи царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым брести хотят, а предати живот свои нашей славе“.⁸¹ Аналогичный текст в рукописях Музейского собрания (в дальнейшем — М) и Синодального (в дальнейшем — С).⁸² Легко заметить, что пассаж о новгородцах полностью согласуется в существе с первоначальной версией нашего Сказания и даже близок к ней текстуально. Но численность новгородского войска здесь не 13 тысяч, а 7 тысяч.

Приводим вторую разновидность этого фрагмента в Задонщине — по рукописи Кирилло-Белозерского собрания (в дальнейшем — К-Б). «Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всей земли Русьской. Чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, светяться калантыри злачены. Звонят колоколи вечнии в Великом в Новгороде, стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи таково жалобу: „Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети“. Тогда аки орли слетошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи рускыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, а ркучи так: „Господине князь великий, уже погании татарове на поля на наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимають, стоят межю Дономь и Днепромь на рице на Чече. И мы, господине, поидемь за быструю реку Дон, укупимь землямь диво, старымь повесть, а младымь память“».⁸³ Как видим, здесь ничего не говорится о выезде новгородского войска: речь идет только о «жалобе» новгородцев по поводу того, что они не успевают прибыть на помощь великому князю московскому.

Сопоставим внимательно эти тексты. Первое впечатление — что во втором отрывке пропущена фраза о выступлении новгородцев в поход — оказывается ошибочным. Очевидно, что как раз отрывок, где нет фразы о выезде новгородцев, передает первоначальный текст, а вторичный текст — в другом отрывке, где эта фраза является вставкой. В тексте К-Б пассаж о съезде князей начинается трехчленной формулой отрицательного параллелизма: «аки орли слетошася» — «не орли слетошася» — «съехалися все князи рускыя». В тексте же У, в результате неловкого включения фразы о выезде новгородцев, оказались две стилистические неувязки. Во-первых, сравнение съезда князей со слетом орлов неудачно перенесено на выезд новгородцев: «аки орли слетешася» — «не орли слетешася» — «выехали посадники». Во-вторых, в результате такого переноса первых двух частей этой формулы ее третья часть, где речь идет о съезде князей, оказалась не связана стилистически с предшествующим текстом.⁸⁴ Эта вторая стилистическая неловкость еще более заметна в рукописи М, где читается следующее: «И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешася, и выехали посадники из Великого Новгорода 70 000 к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю на пособе к славному граду Москве. То те съехалися вси князи руския

⁸¹ Тексты Задонщины. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966, стр. 536. — Расстановка знаков препинания в этом издании, на наш взгляд, не везде удачна. При цитировании внесены соответствующие поправки.

⁸² Они отличаются по существу только цифрой численности новгородского отряда — 70 000.

⁸³ Тексты Задонщины, стр. 548—549.

⁸⁴ Это наблюдение принадлежит А. А. Зимину (А. А. Зимин. Две редакции Задонщины. — Труды Московского гос. историко-архивного института. Т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР, вып. 2. М., 1966, стр. 27).

к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу, а рькучи им <...>» (и т. д.).⁸⁵

Не станем вдаваться здесь в рассмотрение общего взаимоотношения рукописей Задонщины. Заметим только, что разделяем в принципе точку зрения Е. В. Барсова и согласных с ним исследователей относительно того, что рукопись К-Б отразила более раннюю редакцию Задонщины.⁸⁶ В работах И. И. Срезневского, П. Н. Полевого, И. П. Хрущева, А. Н. Пыпина, В. Ф. Ржиги, В. П. Адриановой-Перетц и других иссле-

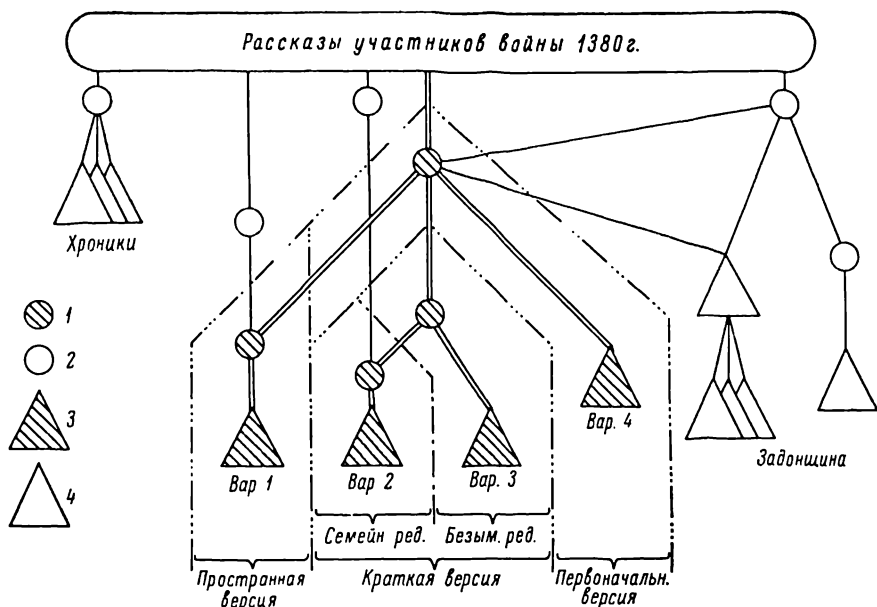

Схема генетических взаимоотношений текстов Сказания.

Условные обозначения: 1 — устные тексты Сказания о новгородцах; 2 — другие устные тексты; 3 — записи и обработки Сказания о новгородцах; 4 — другие письменные тексты.

дователей было высказано и обосновано мнение, что Задонщина возникла первоначально как произведение устной поэзии.⁸⁷ Фундаментально этот тезис был доказан в исследовании А. И. Никифорова.⁸⁸ Нам представляется, что основу всех дошедших рукописей Задонщины составило устное героическое сказание Софония. Одну из разновидностей этого Сказания о Задонщине отразила рукопись К-Б, восходящая к записи устного текста на слух или по памяти.

⁸⁵ Тексты Задонщины, стр. 541—542. — В рукописи С фраза о князьях оказалась пропущена, что не улучшило стилистический облик текста, но исказило смысл: «Як тые слова измовили, а уже как орли слетишася, выехали посадники все из Великого Новгорода 70 000 кованых рати к великому Дмитрию Ивановичу, ко брату его князю Володимеру Андреевичу на пособ ко славному граду Москве: „У Дону великого стоят татарове поганыи <...>“» и т. д. (Тексты Задонщины, стр. 551). В результате пропуска фразы о съезде князей оказалось, что вести о продвижении татар приносят новгородцы, в устах которых, учитывая географическое положение Новгорода, это, конечно, выглядит неожиданно.

⁸⁶ Ср.: Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. 1. М., 1887, стр. 437—438.

⁸⁷ Подробнее об этом см.: С. Н. Азбелев. Куликовская битва в славянском фольклоре. — РФ, т. XI. М.—Л., 1968, стр. 79—81.

⁸⁸ А. И. Никифоров, стр. 79—261.

Сопоставим эти данные о происхождении Сказания о Задонщине с выводами относительно исторической основы Сказания о новгородцах. Созданное вскоре после Куликовской битвы для прославления ее живых героев и оплакивания погибших, Сказание о Задонщине отражало в первую очередь настроения московского великого князя, его «подручных» князей и бояр. Это ясно видно из содержания. Новгородские бояре не входили в состав вассалов Дмитрия Донского, которые прибыли, очевидно, к нему по первому зову со всеми своими военными силами. И Софоний счел, как видно, уместным напомнить в своей «похвале» о том, что новгородцы слишком поздно стали «звонить в колоколы вечные». Ясно, что фраза о новгородцах в тексте К-Б имеет в виду именно это. Если бы Софоний думал, что Новгород вообще «не успел» принять участие в войне, то такие сведения вряд ли получили бы освещение в героическом сказании, а если бы и были упомянуты, то совсем в иных выражениях и в ином контексте.⁸⁹

Надо думать, что когда устное Сказание о Задонщине оказалось занесено в Новгород, пассаж о новгородцах был воспринят здесь совсем иначе, чем в Москве. Новгородцев такое упоминание должно было серьезно задеть. Появилось естественное стремление «продолжить» фразу Софония о новгородцах, описав то, что происходило после упомянутого им веча. Подобного рода «продолжения» и «ответы» были засвидетельствованы еще совсем недавно в устной традиции.⁹⁰ Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому как раз и явилось таким продолжением соответствующей части Сказания о Задонщине и одновременно ответом на ту реакцию, которую оно вызывало, без сомнения, в Новгороде.

Сказание о новгородцах в свою очередь, вероятно, стало широко известно. Его использовал составитель позднейшей редакции Задонщины. В этой редакции было использовано не только Сказание о Задонщине Софония, но, очевидно, и несколько других аналогичного рода сказаний, появившихся после Куликовской битвы. Среди них было и Сказание о новгородцах. Если в дошедшем до нас виде оно преувеличило численность новгородского отряда (скорее всего — под влиянием сведений о тринадцати погибших в этой войне новгородских боярах) до тринадцати тысяч, то Задонщина сохранила, вероятно, более раннюю и более близ-

⁸⁹ Вместе с тем очевидно, что фраза о новгородцах не является позднейшим привнесением в текст К-Б, добавленным после записи устного оригинала. Присутствие этого пассажа в самом устном сказании подтверждает так называемый «печатный вариант» «основной» редакции Повести о Мамаевом побоище. Пратекст этой разновидности ее особенно обильно использовал вставки из Сказания о Задонщине, но вставки эти взяты не по рукописи, сходной с К-Б, а либо из устного источника, либо по другой записи, весьма отличной от К-Б. Одна из таких вставок в сходном контексте передает ту же фразу о новгородцах: «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьют, тихо с поволокою ратные трубы трубят, многогласно и часто коне ржут. Звенит слава по всей Руской земли. Велико вече бьют в Великом Новеграде, стоят мужи Новъгородцы у святыя Софеи премудрости божия, а ркучи между собою таковое слово: „Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Дмитрию. Уже бо яко орли слеталися со всей Руской земли, съехали дивный удалцы храбрых своих пытати“» (см.: Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского. — Русский исторический сборник, т. III, кн. 1. М., 1838, стр. 26—27).

⁹⁰ См., например: Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи. М.—Л., 1952, стр. 39.—В подобных случаях часто выражают уверенность, что перед нами совсем новое явление в фольклоре. Однако дело, по-видимому, просто в том, что такие явления возникают лишь в определенных ситуациях, которые случались и ранее, но прежде наукой не фиксировались.

кую к истине цифру — семь тысяч.⁹¹ Мы не знаем пока, существовало ли вообще это дополнение в устной Задонщине. Разобранные выше текстовые фрагменты свидетельствуют, что вставка была внесена непосредственно в письменный пратекст рукописей У, М и С. Эта редакция Задонщины включила из того же сказания о новгородцах и перечень числа убитых бояр, который использован также в Повести о Мамаевом побоище и который рассматривался выше.

Так как мы не располагаем ни одной отдельной записью всего Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому, восстановление полного первоначального состава этого произведения требует дальнейших разысканий. В какой степени оно освещало ход самой Куликовской битвы, сохранились ли в дошедших рукописях другие части этого сказания, кроме тех, в которых прямо говорится о новгородцах, — на эти и подобные вопросы ответ может быть получен после дальнейшего изучения состава других устных сказаний, отразившихся в рукописной традиции.

Однако уже теперь есть все основания утверждать, что Сказание о новгородцах появилось на основе реальных фактов. Последующая эволюция его происходила, как можно судить по имеющимся материалам, в двух направлениях: в сторону сокращения и в сторону распространения. Как в первом, так и во втором случае происходили контаминации с другими устными произведениями о событиях 1380 г. В результате сокращения Сказание, может быть, свелось, наконец, к одному только эпизоду — прибытию новгородского отряда, численность которого, однако, сильно увеличилась по сравнению с первоначальной версией. Контаминация с локальным историческим преданием дала семейную редакцию сказания. Краткая версия его, очевидно, еще существовала в живом репертуаре вплоть до конца XVII в., когда была использована составителем Новгородской Забелинской летописи.

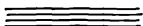
Пространная версия возникла на основе обычной в историческом фольклоре тенденции подробно объяснить сообщаемые факты. Приходится думать, что эта версия развилась в культурной среде опытных носителей устной традиции Новгорода. Источником распространения был не только художественный домysel, которому почти целиком обязаны, очевидно, два первых эпизода, а в значительной степени — и содержание трех остальных. Не были выдуманы имена новгородских воевод, хотя нельзя, конечно, утверждать, что все эти имена в одинаковой степени историчны. Историческое предание, из которого они только и могли быть взяты, само, вероятно, прошло некоторую эволюцию ко времени его контаминации с героическим сказанием. К подобного же рода преданию восходят, вероятно, и имена купцов, принесших якобы первыми в Новгород весть об угрозе Москве. Несомненно, что после событий 1380 г. в Новгороде, как и повсеместно на Руси, циркулировало очень много связанных с ними устных рассказов, часть которых выкристаллизовалась затем в предания. Эти предания, конечно, далеко не всегда и далеко не во всем были достоверны. Очень возможно, что та версия Сказания о новгородцах, которая дошла в виде литературно обработанного варианта 1, бережно сохранялась и даже культивировалась после утраты Новгородом независимости в промосковски настроенной части потомков политических деятелей Новгородской республики. Именно они могли быть более всего заинтересованы в той идеализированной трактовке

⁹¹ Упоминание о выезде семитысячного новгородского войска попало и в большинство списков Вологодско-Пермской летописи (см.: ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, стр. 130).

событий, какая присутствовала, вероятно, в устном оригинале варианта 1.

После включения Новгорода в состав единого Русского государства он в течение еще ста лет занимал в этом государстве положение во многих отношениях исключительное, благодаря чему продолжало культивироваться идейное и политическое наследие периода независимости. Только разгром Иваном Грозным, а несколько позднее — разорение в период шведской оккупации начала XVII в. уравнивали Новгород с другими крупными городами России. Но в области культуры традиции прошлого продолжали еще жить вплоть до XVIII в. С конца XVII столетия получает широкое распространение Синописис — первая печатная книга по русской истории, за сто с лишним лет изданная десять раз. В состав Синописиса вошла одна из редакций Повести о Мамаевом побоище, где все упоминания об участии в войне новгородцев были исключены. Из Синописиса данная редакция Повести перешла в массовые и многочисленные издания народных картинок. Таковы те внешние причины, которые привели к постепенному исчезновению Сказания о помощи новгородцев Дмитрию Донскому из устного репертуара.

Итак, это сказание, основанное на историческом факте, было порождено стремлением отстоять престиж Великого Новгорода перед Москвой в период его независимости. После утраты этой независимости Сказание поддерживалось воспоминаниями о ней и существованием локальных преданий о новгородцах — участниках событий 1380 г. Позднее оно разделило, очевидно, судьбу почти всех устных произведений об этих событиях — было вытеснено массовой печатной продукцией, предлагавшей адаптированное изложение Повести о Мамаевом побоище.

А. Ф. НЕКРЫЛОВА

*ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ,
ОТРАЗИВШИЕ ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Народная проза о Петре I довольно богата и разнообразна. Исторические предания о нем не так давно рассматривались В. К. Соколовой под углом зрения их внутрижанровой классификации.¹ Настоящая работа представляет собой попытку проследить судьбу в устном репертуаре повествований одной тематической группы: различных рассказов, связанных так или иначе с войнами Петра I.²

Если учесть, что в правление Петра I Россия почти все время была вынуждена вести войны, то покажется странным сравнительно небольшое количество устных рассказов собственно военной тематики. Объясняется такой факт, по-видимому, тем, что материал этот записывался мало и большинство записей относится уже к XIX в. (в этом отношении «повезло» рассказам о «подмененном царе» и о «Петре-антихристе», которые сохранились в большом количестве в делах Преображенского приказа, боровшегося с этими слухами). Неудивительно, что спустя сто и более лет рассказчиков не интересовали уже подробности военных действий, происходивших на рубеже XVII и XVIII вв. Такое описание событий петровского времени, которое явилось бы самоцелью, почти отсутствует в фольклоре, обычно исторические факты даются сквозь образ героя, создавая как бы фон для его характеристики. Поэтому и в военных рассказах нет прямого описания походов, баталий, войска и т. п. Везде выражается либо отношение к ведению войны, либо объясняются наиболее яркие моменты: сдача Азова, поражение под Нарвой, победа в Полтавской битве, измена Мазепы и т. д.

Часть преданий, по-видимому, сохранила воспоминания очевидцев в почти неизменном виде. Прежде всего это относится к повествованиям о прокладке так называемой «государевой дороги». В 1700 г. началась война со Швецией. Лето 1702 г. Петр провел в Архангельске, так как получил известие, что шведы намерены захватить этот город; опасение не подтвердилось, и тогда Петр I решил неожиданно подойти к шведам с тыла через болота, топи и непроходимые леса Карелии. Четырехтысяч-

---

¹ В. К. Соколова. 1) О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия). — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968; 2) Русские исторические предания. М., 1970, стр. 64—96.

² В вопросе о жанровом составе этих рассказов мы следуем общей классификации, которая была предложена С. Н. Азбелевым; см.: С. Н. Азбелев. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров). — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.

ное войско с двумя яхтами за 10 дней преодолело расстояние в 178 верст, соединилось с отрядом Шереметева и взяло «зело крепкий орех» — Нотебург.³ Почти по восемнадцати верст в сутки было пройдено по болотам и диким лесам. Такая дорога надолго должна была запомниться не только участникам похода, но и крестьянам, которых сгоняли из ближайших деревень для рубки просек, устройства деревянных настилов и плотов. Среди местного населения бытовали рассказы о том, как во время этого перехода Петр встречался с крестьянами, угощал их своей анисовкой и крестил их детей,⁴ о том, что подарил хозяину дома, где останавливался, кафтан,⁵ как подавал пример своим мужеством и работоспособностью и наказывал лентяев,⁶ и т. д. Примером может служить рассказ, записанный В. Майновым в Олонецкой губернии: «Тут под Пулозером выдавалось речка, да такая ли бурливая, да такая ли бедовая, что не выгорает дело — никак невозможно по середке свайку вбить. Кто ни сунется с лодкой — бог весть куда унесет его и с лодкой-то! Долго приглядывался осударь, а там сел в лодку да прямо на середку-то и держит, бояре было за ним в его лодку суются, так: „не надо мне вас, и без вас бог даст спорандаю“. Только он на середку-то выплыл да и принялся было первую свайку налаживать — гляди — к нему народу с сотню уже набралось, кто в лодке, а кто и вплавь, барахтаются, чуть-чуть против воды держатся».⁷

По форме выражения это еще как бы рассказ очевидца. Удивительно, что более чем за полтора столетия (дорога прокладывалась в 1702 г., а запись Майнова относится к 80-м годам XIX в.) повествование сохранило такие подробности, как будто рассказчик сам присутствовал при этом эпизоде. Вероятно, немалую роль сыграло бережное отношение к памяти Петра I, которого на Севере долго продолжали считать «своим» царем, понимавшим народ, не гнушавшимся выполнять черную работу и справлявшимся с любым делом. Хорошей сохранности текстов способствовало и то, что эти рассказы не вышли за пределы деревень, расположенных вдоль «государевой дороги». Описание самого перехода содержится только в одном предании, приведенном Е. В. Барсовым: «<...> он и путь эту проложил. До него (Петра I, — А. Н.) следовины туда не было. От Соловков тронулся он с войском на гальетах к Нюхчи-пристани, а тут прямо на Повенец, верст двести без маленького; днем и ночью двигались по зыбям, трясовинам, по болотам, по горам, по водам, по мхам дыбучим и лесам дремучим, лес рубили, когда клали, плоты делали <...>. На другой день вперед двинулись по озерам и рекам — поезд на плотах (по болотам и трясовинам — кладями); от Масельги до Повенца — сухие места. Путь втымежь широкая была, а нуньку заросла лесом и клади сгнили <...>».⁸ Однако и это описание лишь обрамляет рассказ о том, как во время одной из остановок при прокладке дороги местные крестьяне пригласили Петра на приходский праздник.

Очевидно, этому же походу обязан своим происхождением и ряд топонимических преданий, которые связывают названия отдельных островов,

³ С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1872, стр. 68.

⁴ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 г., стр. 335; В. Майнов. Осударева дорога. — Олонецкий сборник, вып. 2, 1886 (далее сокращенно: В. Майнов), стр. 31.

⁵ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 г., стр. 101.

⁶ В. Майнов, стр. 29—30.

⁷ Там же, стр. 29.

⁸ Е. Барсов. Петр Великий в народных преданиях Северного края. — Олонецкий сборник, вып. 3, 1894 (далее сокращенно: Е. В. Барсов), стр. 190.

порогов, мелей и т. п. с именем Петра I.⁹ В некоторых местах Карелии в конце прошлого столетия еще существовали предания о нашествии шведов и о сопротивлении, которое оказывали им крестьяне. Так, в Повенецком уезде рассказывалось об одной крестьянке, которая «много раз обижала шведов, била их и даже убивала».¹⁰ Сюда может быть отнесено и топонимическое предание о том, что в деревне Поросозеро «был мужик сильный, бойкий и ловкий: он не однажды бил и убивал шведов. Раз 12 человек шведов пришли в деревню <...> и спрашивают этого мужика. Он не терял духа, является сам и говорит им: „Я знаю и укажу его вам: вы поезжайте на лодке, а я пойду по берегу пешком. Когда схвачу его, тогда позову вас, вы приезжайте“. Сказав им сие, тотчас же отправился по берегу к известной ему крутой скале, у которой глубина воды до 3 сажень. Дойдя до сей скалы, боец сей закричал шведам: здесь он, подъезжайте сюда. Шведы в гребной маленькой лодочке тотчас кинулись к берегу в намерении выйти. Боец взял лодку за нос, как будто помогая им пристать к берегу, в одну минуту повернул всю лодку и всех шведов опрокинул во глубину воды <...> От сей-то молодецкой стычки и донныне скала сия называется Шведским камнем».¹¹ Можно предположить, что в основе предания лежит действительный факт, имя героя которого забылось. Но не исключено, что само название скалы послужило поводом к возникновению поясняющего рассказа, содержание которого на самом деле не связано с настоящей причиной появления этого названия. В тех же местах была записана и легенда, содержание которой сводится к чуду: «Не однажды подходили шведы и к Янгозеру на лодках, но молитвами святого Ильи подымался туман и они возвращались обратно».¹²

Большое впечатление на современников произвели два эпизода Северной войны: Нарвская и Полтавская битвы. Всего девять лет отделяли тяжелое поражение от блестящей победы. Естественно, что со временем хронологический разрыв как бы сокращался, забывались даже места битв, но оставшаяся память о первой неудаче и последующей победе побуждала объяснить этот поворот событий. Так возникло предание о том, что Петр I ослушался патриарха и потому проиграл битву под Нарвой, а когда получил благословение отца церкви, победил шведов. Е. В. Барсов правильно отметил, что предание это не столько повествует о войне, сколько «знакомит нас с народным воззрением на отношение Петра Великого к патриарху и на значение церковного благословения в военном деле».¹³ Предание записано от знаменитого северного сказителя И. А. Касьянова, к тому же записано дословно, благодаря чему полностью сохранены и внешние проявления его стихийной художественности: «<...> тогда он победил шведа и разбил Карлу; Карло не знал, куды деться, и убежал в Англию. И пишет туда Петр I: „Выслать оттуда Карлу!“. Как стали его оттуда посылать, вынуждать к езде, он трех человек своими руками убил. Дело дошло до Петра I. Услыхал он это, усмехнулся и руками сплеснул о стегна: „Ах, Карло, Карло, — говорит, — где ни ходит, а везде воюет“. Карло был широкой, росту среднего, плечистый, настоящий был воин, да на воина напал: Петр ему не уступал».¹⁴ В рассказе не чувствуется никакой ненависти к врагу, вся война сводится к поединку двух прави-

⁹ См.: Олонецкие губернские ведомости за 1860 г. № 51, 1872 г. № 37; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 г., стр. 103.

¹⁰ АВГО, Р. 25, оп. 1, № 4, стр. 19.

¹¹ Там же, стр. 19—21.

¹² Там же, стр. 21.

¹³ Е. В. Барсов, стр. 197.

¹⁴ Там же, стр. 196.

телей, и побежденный Карл не вызывает ни жалости, ни страха, ни ненависти, он выступает достойным противником Петра I, а сам царь предстает этаким юмористом, который не питает никакого зла к поверженному врагу и даже уважает в нем силу и задиристость.

Прямым отражением Северной войны можно считать и предание о решении Петра перелить колокола на пушки. Необычность самого исходного факта послужила, очевидно, причиной популярности этого предания, которое было известно не только на Севере,¹⁵ но и в Смоленской губернии.¹⁶ Его приводит также Н. Полевой в своей «Истории».¹⁷ Тексты, записанные в начале XIX века (Н. Полевой и в конце его Е. В. Барсов), почти идентичны и различаются лишь одним: кто подал царю такой совет — пьяница-литейщик (Н. Полевой), мужик (В. Н. Добровольский) или патриарх (Е. В. Барсов). В Белоруссии этот мотив связан с взятием Риги в 1703 г.: когда медник, посоветовавший царю использовать колокола для изготовления пушек, спрашивает, зачем понадобилось столько орудий, тот отвечает ему: «Пойду Ригу завоюю».¹⁸

Однако не всегда деятельность Петра встречала поддержку в широких народных массах, очень часто реформы вызывали недоумение, протест и даже прямые выступления против царя и его начинаний. Не случайно именно с Петром связаны предания о подмененном царе и об антихристе, распространившиеся в начале XVIII в. по всей России.¹⁹ Если предания, рисующие положительный образ Петра I, имели свое историческое обоснование, отправлялись от реальных фактов и событий, то и предания второго типа, содержащие отрицательную оценку или осуждение царя, тоже не основывались на вымысле: их породила та же эпоха, та же реальная действительность. Вполне закономерно появление, например, преданий, в которых осуждается неудачный Прутский поход. Неблагоприятное стечение обстоятельств (двухсоттысячная армия турок против сорока тысяч русских, измена некоторых союзников, неудачная попытка поднять восстание славян на Балканах) привело к тому, что Петру пришлось немедленно заключить с Турцией мир, по которому Россия должна была отдать Азов, разрушить Таганрог и другие города. Если учесть положение, в котором находилась русская армия на р. Прут, то эти условия были довольно легкими.²⁰ Но солдатам и мужикам, захватившим ценою огромных усилий Азов в 1696 г. и построившим Таганрог, нелегко было понять, почему теперь, 15 лет спустя, все это надо уничтожить и отдать туркам. Стали говорить о Петре как о государе, специально причиняющем народу зло: «<...> ходил он войною на Азов, и где что ни возьмет, пушки и города, отдает назад, а людям чинит разорения, оттого де стало все государство пусто».²¹ Такое объяснение казалось правдоподобным, тем более что оно подогревалось слухами о приходе антихриста и о том, что настоящий царь Петр пропал, погиб за морем.

¹⁵ Там же, стр. 196—197.

¹⁶ Смоленский этнографический сборник. Сост. В. Н. Добровольский, ч. I. СПб., 1891, стр. 383—384.

¹⁷ Н. Полевой. История Петра Великого, т. II. СПб., 1843, стр. 37—38.

¹⁸ Смоленский этнографический сборник, стр. 384.

¹⁹ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III—VI. Г. Есипов. Раскольниковы дела XVIII столетия (извлечение из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии). СПб., т. I, 1861; т. II, 1863 (далее сокращенно: Г. Есипов); В. О. Ключевский. Курс русской истории. — Соч. в 8 томах, т. 4. М., 1958; К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.

²⁰ В. Мавродин. Петр I. Л., 1945, стр. 85.

²¹ Г. Есипов, т. I, стр. 8.

Даже победы русской армии в Северной войне истолковывались противниками Петра как доказательство его связи с нечистой силой: «... Да он же де государь неприятельские города берет боем, а иные лестью, и то де по писанию сбывается; и Царь де град он, государь, возьмет, ... и на нем де сей век кончается».²²

Те же события нашли отражение и в легендах. Интересный материал для сопоставления дают две записи рассказов, объяснявших поражение под Нарвой. В одной из них — упоминавшемся выше олонецком предании действуют реальные лица и говорится о реальных фактах, истолкованных, правда, с точки зрения религиозной (победа над шведами объясняется тем, что по всем правилам отслужили литургию). В другом тексте — легенде, записанной на Орловщине, — появляется уже сверхъестественное существо — колдунья, от которой идут все наудачи русских, причем побеждают ее тоже необычным способом. Приведем параллельные отрывки.

Предание

Однажды Петр I поехал воевать со шведом и патриарху велел служить на-скоре, а тот развел обедню надолго. Горячен был Петр I, не мог вытерпеть, что растянул патриарх службу долгую, не выждал конца и уехал в поход на шведа. И тот поход его был ему несчастливой; под Нарвой попался он в обток и сам едва спасся. Приехал он домой с горячностью и хотел патриарху из своих царских рук голову срубить. Патриарх в усмирении его встретил его во всем облачении и с крестом в руках. Петр I к кресту приложился, закручинился и говорит патриарху: «Ах, старец, — говорит, — сгубил ты меня». Тогда старец ему в ответ: «Царь, пошто ты не дождался окончания литургии и молебна... За тым отслужим молебен, и я дам тебе мир и благословение, и господь пособит тебе покорить шведов». Так и было сделано. Как патриарх отпустил его с благословением, тогда он победил шведа и разбил Карлу...²³

Легенда

Давным-давно, при царе Петре Алексеевиче, была война со шведами. У шведского короля жена была колдунья. Бывало, зачнут русские стрелять в шведов, и пули наши летят обратно и вреда не делают. Дочь короля попала в плен к нам, русским; полюбился ей один наш генерал, и рассказала она ему, что колдунью, ее мать, может убить русский солдат, а найти его легко: спит рот разиня и глазами глядит. Генерал наш сказал об этом царю. Царь приказал разыскать солдата <...>

Солдат взял ружье, зарядил его пуговицей медной, прицелился в колдунью и убил наповал, да и сам тотчас умер. На его могиле и по сию пору часовня стоит.²⁴

Фантастическая легенда намного легче могла распространиться в Орловской губернии, где Петр не оставил по себе никаких конкретных воспоминаний. Другое дело — Олонецкий край. Северные районы особенно привлекали внимание Петра на протяжении всей его жизни; завоеванный выход к морю, создание новой столицы, основание Петрозаводска, начало разработки карельских рудных богатств, заложение новых заводов — далеко не полный перечень того нового, что внес Петр в дело освоения севера России. Неудивительно, что именно здесь особенно популярны были предания о Петре, сохранявшие его образ, близкий к реальному. Легенды, связанные с Петром I, существовали на Севере в гораздо меньшем количестве.

²² Там же, т. II, стр. 59, 64, 96.

²³ Е. В. Барсов, стр. 196—197.

²⁴ А. И. Иванов. Верования крестьян Орловской губернии. — ЭО, кн. XLVII, М., 1901, № 4, стр. 97—98.

Очень благодатной почвой для народной фантазии оказались события, связанные с изменой Мазепы. Рассказы эти распространены в основном на Украине и с реальной историей их связывает только память о вражде Петра с Мазепой, объяснить которую пытаются, например, числом съеденных гетманом огромных галушек: «То цар Петро да загадав, значить, Мазепі зйесті сієм галушак па сієм пудов кажная. От вуон йев, йев — шесть зйев, а съёмаю й падавиўся. Дак цар и сказав іго проклинать. А Мазепа здаррови такі був чалавіек, через тож яму царі загадал галушки тийе йесті».²⁵ Записанный от солдата, этот текст не содержит даже упоминания о войне со шведами. Перед нами уже не предание, а исторический анекдот. Но и в преданиях все объяснялось личной враждой Петра I и Карла XII, Петра и Мазепы, Мазепы и Палия и т. д. Как пример можно привести рассказ, сообщенный И. А. Худяковым: «Мазепа боялся Палия, чтобы он его не победил, и заложил его в каменном столбу <...> Засадивши Палия в столб, начал Мазепа воевать с царем (имеется в виду Петр I, — А. Н.). А в то время Московской земли был только один рукав. Вот Мазепа совсем одолевает царя. А царь услышал, что в таком-то местечке заложен Палий, и тотчас послал разорить тот столб до чиста. Как выпустили Палия, то он весь дрожит, так ослаб. Поэтому царь должен был просить у Мазепы на 12 дней перемирия, пока Палий не оправился. А как только поправился — <...> Палиевы казаки давай рубить им (войску Мазепы, — А. Н.) головы. Спыхватился Мазепа, что беда, и ударил в барабаны: „Эй, братцы, уходите: еще старый пес жив!“».²⁶

Стоит остановиться еще на одном из самых сложных и интересных северных рассказов, в котором речь идет о битве Петра I со шведами на Ладожском озере. Начинается этот текст описанием Северного края, богатства которого привлекли внимание русского царя и «свейского». Далее говорится о том, что раздел земель и послужил причиной разыгравшейся битвы, в результате которой Петр победил шведов. Повествование интересно своим стилем: «Едет-катит Петра-царь на поиски, по морю Ладожскому, на лодке с боярами да с вельможами, а и сам сидит в корме, золотым рулем поворачивает, а стречу ему как раз и есть супостат, в лодках писанных, с шелковой покрывшкой алою. Не ясен сокол налетел на лебедь белую, не лебедь смутил воду синюю: но летят, воду рябят лодки свейские на цареву лодку крепкую, с шумом, свистом порываючись: в мелкий черень искрошить хотят цареву лодку дубовую. Не стерпел тут русский царь, понасупились, очи ясные порассветились, и румянец стал во всю щеку; а и крикнул он бар-вельможам своим: „Побавим, что ль спеси у свейского царя? Силой ли сгубить их, аль пустить с белым валом пучинистым? <...>“».²⁷ В. Г. Базанов считает, что это народная легенда, отобразившая «в былинно-сказочных» образах встречу Петра со «свейским царем» на Ладожском озере и победу, одержанную над шведами в 1703 г.²⁸

Несомненно, рассказ, созданный под впечатлением войн со шведами, не является непосредственной иллюстрацией исторического события, а содержит также мотив греха за убийство человека, даже некрещеного, мо-

²⁵ ЭО, кн. II, М., 1902, стр. 111—112.

²⁶ И. Худяков. Народные исторические сказки. — ЖМНП, ч. СХХI, 1864, № 3, отдел IV, стр. 68—69.

²⁷ Е. В. Барсов, стр. 195—196.

²⁸ В. Базанов. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947, стр. 140—141.

тив власти Петра над стихиями (шведы гибнут, но очень необычно — не в результате сражения, а «от ветра-сивера да валов рассыпчатых», которые напустил на них Петр I) и мотив несправедливого царя (Петру предсказывается гибель от «утопших» в Ладожском озере). Мы не можем согласиться с характеристикой, которую дал в публикуемой им записи Е. В. Барсов: «Рассказ этот в художественном отношении так превосходен, что мы ничего не знаем подобного в русской повествовательной литературе. По местам мы можем приравнять его только к „Слову о полку Игореве“». ²⁹ По нашему мнению, это раскольничья легенда, пересказанная сусально-русским языком.

Отголоском военных событий петровского времени, притом очень слабым отголоском, можно считать многочисленные сказки об отношении Петра к солдатам. Извечная мечта о справедливости, о лучшей жизни и наивная вера в доброго, хорошего царя, с одной стороны, и действительный, наглядный демократизм Петра I, с другой, привели к замене в некоторых сказках безымянного царя конкретным Петром Великим, хотя на сюжет самой сказки и на характер действующих лиц это не повлияло. А. Н. Веселовский писал: «Обыкновенно же бессознательное творчество народа отличается верным тактом, побуждавшим его приурочивать к своему герою лишь те издавна знакомые сказки и анекдоты, которые действительно отвечали народному пониманию исторического лица. В этом именно, и лишь в этом смысле и сказки могут служить исторической характеристике». ³⁰ Как раз «верный текст», правильно уловленный дух времени и явились причиной того, что во многих сказках, где действует Петр I, главным героем оказывается солдат и что подобные сказки были широко распространены именно в солдатской среде. Запоминалось отношение Петра к солдатам, то, что он делил с ними все трудности войны и уважал в человеке прежде всего его ум, честность и работоспособность. Многие сподвижники Петра достигли своих высоких должностей благодаря участию в Шведской войне. Специальными указами 1712, 1714 и 1719 гг. «был установлен порядок, по которому родовитость не принималась во внимание при назначении на должность и прохождении службы». ³¹ В какой-то степени это нашло свой отклик в сказках, где солдат за помощь, оказанную Петру, или за свой ум, хитрость, смекалку, храбрость назначается полковником или награждается. ³² В силу своей жанровой специфики сказка отразила только некоторые черты Петра, сохраненные народной памятью, — простоту, справедливость, непринужденность в обращении с людьми, трудолюбие и личное мужество.

Наше рассмотрение народных рассказов, отразивших военные события петровского времени, позволяет сделать следующие выводы. Военная тематика, запечатленная первоначально в рассказах очевидцев, позднее отложилась в преданиях, легендах и в какой-то мере в сказках. Однако общей характерной чертой имеющихся записей является отсутствие непосредственного изображения военных действий, битв, положения солдат и т. п. На первый план выступает образ Петра I или объяснение событий с точки зрения различных слоев широких народных масс. Преда-

²⁹ Е. В. Барсов, стр. 195.

³⁰ А. Н. Веселовский. Сказки об Иване Грозном. — Собр. соч., т. 16. М.—Л., 1938, стр. 149.

³¹ В. Мавродин. Петр I, стр. 101.

³² См., например: Смоленский этнографический сборник, стр. 381—383; Сказки и предания Самарского края. Собрал и записал Д. Н. Садовников. СПб., 1884, № 1146; Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937, стр. 282—285 и др.

ния, близкие по структуре к рассказам очевидцев, очень немногочисленны и сохранились только в тех местах, где Петр проводил сравнительно долгое время и где это явилось почти единственным крупным событием на протяжении многих лет. Вообще же исторические предания разных видов, в том числе топонимические, распространены достаточно широко и отразили как положительную, так и отрицательную оценку Петра I и его деятельности. Легенды представлены меньшим числом сюжетов, места их распространения ограничены. Сказки о Петре I и солдатах содержат только намеки на отдельные исторические события, привнесенные в существовавшие уже ранее сказочные сюжеты.

М. П. ЧЕРЕДНИКОВА

ОБ ИСТОЧНИКАХ ЛЕГЕНДЫ Н. С. ЛЕСКОВА
«СКОМОРОХ ПАМФАЛОН»

20 мая 1886 г. Н. С. Лесков писал С. Н. Шубинскому: «Повесть из Прологов кончил и ею доволен. Источника фавулы не указываю. Повесть вышла вроде Толстого (Льва), но более вроде Флобера „Искушение св. Антония“. Называется она так: „Боголюбезный скоморох“. Стародавняя повесть. Перечитал и изучил для нее немало и воспроизвел картину столкновения благородного сердца с фетишизмом и ханжеством. — Душа моя и вкус этим утешены. Цензурно вполне. Откуда взято — не узнают, пока сами не скажем».¹ В ответ на замечание «цензурно вполне» осторожный редактор «Исторического вестника» написал: «Не верю». Чтобы рассеять сомнения С. Н. Шубинского, в письме от 22 мая 1886 г. Н. С. Лесков снова вернулся к этой теме: «<...> В повести о скоморохе нет ничего религиозного, до того, что даже не упоминается ни про церковь, ни про попа, ни про дьякона, ни про звонаря. Словом, нет ничего, относящегося к церкви, а только сюжет заимствован».² Эти оговорки не случайны. Духовная цензура настороженно встречала переделки церковно-учительной литературы. Более всего цензоров беспокоило то, что книжное церковное чтение при литературной обработке такими писателями, как Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков, теряет даже «самый малейший отпечаток церковности»,³ а идея церковного произведения не только меняется, но часто становится прямо противоположной учению церкви. При подготовке легенды о скоморохе к печати Н. С. Лесков не мог не принять это во внимание. Позднее, спрашивая А. Л. Суворина, какое впечатление произвел на него «Скоморох», писатель признавался: «Я по трусости его сильно испортил».⁴ Несмотря на все предосторожности, повесть не сразу была принята цензурой. На отдельном оттиске «Боголюбезного скомороха», который хранится в архиве С. Н. Шубинского, рукой редактора написано: «Запрещенная статья».⁵ К сожалению, нам неизвестны подробности этого запрещения. Можно предполагать, что цензуре не понравилось то, что в легенде, сюжет которой заимствован из религиозного сборника, «нет ничего религиозного». Однако в мартовском номере «Исторического вестника» за 1887 г. повесть под названием «Скоморох Памфалон»

¹ Архив С. Н. Шубинского. ГПБ, ф. 874, оп. 1, № 34, л. 124.

² Н. С. Лесков. Письмо С. Н. Шубинскому от 22 мая 1886 г. — Собр. соч. в 11 томах, т. 11. М., 1958, стр. 316.

³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, вып. II. СПб., 1896, стр. 217 (послесловие А. И. Пономарева).

⁴ Н. С. Лесков. Письмо А. С. Суворину от 11 марта 1887 г. — Собр. соч., т. 11, стр. 388.

⁵ Архив С. Н. Шубинского. ГПБ, ф. 874, оп. 2, № 207.

все-таки была напечатана. Н. С. Лесков очень дорожил этой повестью и позднее в письмах не раз возвращался к ней. Он писал А. Л. Суворину, который нелестно отзывался о «Скоморохе»: «Пересмотрел своего Панталона (sic!) и сравнил с соответствующими ему сценами из древнего мира. Все так писано — не нынешним живым языком. Не говорю о достоинстве языка, но собственно о строе речи. Так же он подстаринен в „Видении св. Антония“, и в „Агриппине“ и в Вашей „Медее“. Просто Вам это не нравится, а другой язык (вроде «Кавказского пленника» Толстого) был бы неуместен».⁶ Спустя три года в письме к С. Н. Шубинскому Н. С. Лесков снова пишет о языке и стиле этой легенды.⁷ Однако ни в одном из писем он не говорит об источниках «Скомороха Памфалона». Фраза из цитированного выше письма С. Н. Шубинскому: «Откуда взято — не узнают, пока сами не скажем», — остается нерасшифрованной.

Принято было считать, что в основу лесковских легендарных сказаний положены книжные источники.⁸ С одной стороны, это назидательные повести Прологов, а с другой — символическая драма Г. Флобера «Искушение святого Антония» и исследования ученых-ориенталистов. Конечно, очень важно указание самого Н. С. Лескова, что повесть вышла «вроде Флобера „Искушение св. Антония“». Недаром писатель говорит о Г. Флобере, объясняя особенности «строения речи» и «подстариненного языка» своих легенд. Н. С. Лескову очень близок интерес Флобера к историческим деталям и бытовым подробностям, живописно воспроизводящим обстановку времен первых веков христианства. Но при всей этой близости одна и та же христианская тема искушения и спасения грешника решается в легенде Н. С. Лескова совсем иначе, чем в философской драме Г. Флобера. Лесковское толкование этой темы и определяет «источники фабулы», которых писатель так и не указал. Говоря об источниках, которых «не узнают», Н. С. Лесков вряд ли имел в виду Пролог. Об этом источнике легендарных сказаний он не раз писал в своих статьях.⁹ Кроме того, на определенную повесть Пролога прямо указывали имена героев лесковской легенды в ее первоначальном варианте. В рукописи, отправленной в редакцию «Исторического вестника», скоморох назывался Корнилием, а столпник Феодулом.¹⁰ По этим именам сведущему человеку легко было отыскать соответствующий рассказ Пролога из жития «преподобного отца нашего Феодула епарха» (Пролог, 3 декабря). Таким образом, этот источник образованному читателю не нужно было указывать. Правда, при правке повести после цензурного запрета Н. С. Лесков изменил имена своих героев. Должно быть, духовную цензуру не устраивал прямой намек на авторитетный религиозный сборник. В окончательном варианте Корнилий стал называться Памфалоном, а Феодул Ермием. Таким образом, прямой источник «Скомороха Памфалона» не вызывает сомнений. И прежде чем говорить о том, как складывался замысел ле-

⁶ Н. С. Лесков. Письмо А. С. Суворину от 14 марта 1887 г. — Собр. соч., т. 11, стр. 342.

⁷ Н. С. Лесков. Письмо С. Н. Шубинскому от 2 июня 1890 г. — Собр. соч., т. 11, стр. 460.

⁸ Л. Гроссман. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 224—233; В. Гебель. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории писателя. М., 1945, стр. 58—79; Б. М. Другов. Н. С. Лесков. Очерк творчества. М., 1957, стр. 97—102.

⁹ См., например: Н. С. Лесков. Жития как литературный источник. — Новое время, 1882, № 2323, 17 августа.

¹⁰ Н. С. Лесков. Боголюбезный скоморох. (Отдельный оттиск). — Архив С. Н. Шубинского. ГПБ, ф. 874, оп. II, № 207.

сковской легенды, нужно обратиться к тому рассказу из Пролога, сюжет которого был заимствован.

Важно определить, какими мотивами руководствовался писатель, знавший Пролог «от доски до доски», при отборе нужного сюжета. В славяно-русском Прологе есть несколько повестей о скоморохах. Одна из них (Пролог, 15 мая) рассказывает о «некоем скомрахе» по имени Гаян, который «на всех игрищах» хулил богородицу. Несмотря на увещевания божьей матери, он «паче множае поношаше её». В наказание богородица «пречистым своим перстом начертá обе руке его и обе нозе». И тотчас руки и ноги нечестивого скомороха были отсечены, а труп его остался лежать в назидание всем христианам. Это одна из многих легенд, написанных в духе прочных церковных традиций. Духовенство, преследовавшее скоморохов, тщательно отбирало для русского перевода те византийские источники, которые оправдывали гонения и преследования. В легендах этого типа скоморохи представлены как богохульники, творящие «бесовские действия». Главное внимание автора направлено на мысль о неминуемом возмездии, которое ожидает «богомерзких игроков». В повести «о скомрахе Гаяне» очень последовательно выражен укоренившийся взгляд на скоморошество, свойственный церковной нравоучительной литературе на протяжении многих веков. Такая легенда, проникнутая «ладанным духом» церковной догматики, не могла привлечь внимание Н. С. Лескова.

В основном составе Пролога есть еще одна повесть о скоморохе (22 февраля). Это известная легенда «О скомрасе, спасшемся с двумя женами». Скоморох Вавила, согласно легенде, вел распутный образ жизни, имея двух жен. Но однажды он услышал в церкви евангельский призыв к покаянию и решил постричься в монахи, раздав свое имение нищим. Жены скомороха последовали за ним, «в черныя ризы одеявшеся твердо». Вавила стал праведным столпником и, «богови угодив, в вечную преставися жизнь». Таким образом, здесь речь идет о скоморохе, который, как и лесковский Памфалон, стал боголюбезен. Однако спасение Вавилы связано с сознательным бегством от мира, тогда как герой легенды Н. С. Лескова спасается, живя в миру и не подозревая о своем праведничестве. Н. С. Лесков так передает содержание своей легенды: «Живет скоморох, хочет исправиться, но не может, так как все увлекается состраданием к несчастным, а в конце ему говорят, что ему уже и исправляться не в чем».¹¹ Это сюжет еще одной легенды о скоморохе из Пролога (3 декабря). Она повествует о богатом епархе, который жил в царствование императора Феодосия I Великого. Благочестивый Феодул, «видя хищники и лихоимцы насильствующие и не терпя того видети», отказался от власти и раздал нищим «богатство свое многосущное». Бывший богач уходит в пустыню и становится столпником. Через тридцать лет подвижничества он задается вопросом: «кацы суть богу угождающие?» — но не может на это ничего ответить. И тогда слышится ему голос, говорящий, что есть такой человек, который угодил богу. Это Корнилий «иже от мим», живущий в Дамаске. Феодул впервые за тридцать лет сходит со столпа, находит названного скомороха и просит рассказать, как он достиг святости. Корнилий отвечает, что он грешен и сказать ему нечего, кроме того, что, осознав тяжесть своей греховной жизни, он «обещался чистому житию». Но обещание это было нарушено, так как все свои сбережения, позволявшие ему оставить греховное ре-

¹¹ Н. С. Лесков. Письмо к С. Н. Шубинскому от 20 мая 1886 г. — Архив С. Н. Шубинского. ГПБ, ф. 874, оп. 1, № 34, л. 125.

месло, Корнилий отдал одной несчастной женщине, попавшей в беду. Выслушав этот рассказ, Феодул убеждается, что есть еще на свете люди, самоотверженностью своей «богу угождающие». И старец спокойно возвращается на свой столп, благодаря бога за то, что ему открылась истина. Легенда о Корнилие отличается от других легенд о скоморохах тем, что допускает возможность спасения скомороха, живущего в миру и не оставляющего своего ремесла. Тем не менее это легенда с обычным в житиях телеологическим сюжетом. Все события, описанные в ней, оправдывают смысл подвижнической жизни пустытника. Легенда должна служить подтверждением того, что молитвы святых подвижников «впусте не бывают». Жизнь боголюбезного Корнилия и есть прямое доказательство этой мысли.

Как же использует Н. С. Лесков традиционный житийный сюжет? В первых главах повести события разворачиваются в полном соответствии с легендой Пролога. Н. С. Лесков как будто задается целью пересказать житийный рассказ, осложняя его «обстановочными» картинками «пустынничества в первые века христианства».¹² Живописное воспроизведение эпохи начинается с описания быта и нравов Византийского царства, когда люди «притворялись богобоязненными, а сами жили совсем не по-христиански».¹³ Даются психологические мотивировки, объясняющие уход вельможи Ермия в пустыню. Жизнь столпника описывается подробно, со всеми бытовыми деталями, включая тывку для питья и плетеную корзину для еды, которую Ермий опускает со столпа на длинной бечеве, чтобы ее наполнили окрестные жители, взявшие на себя заботу о пустычнике. Казалось бы, нет никакого намека на расхождение с заимствованным сюжетом. Но уже в четвертой главе, где речь идет о размышлениях Ермия об истинной добродетели, появляется такое замечание: «Впечатления, вынесенные столпником из лицемерной столицы, были так неблагоприятны, что он отчаялся за весь мир и не замечал того, что через это отчаяние он унижал и план и цель творения и себя одного почитал совершеннейшим»¹⁴ (подчеркнуто мной, — М. Ч.). Эта оценка была бы невозможна в житийном тексте, где никогда не ставились под сомнение святость героя и правильность его моралистических сентенций. Фраза о самомнении Ермия, «который себя одного почитал совершеннейшим», предваряет определенное решение темы подвижничества, о котором мы будем говорить ниже.

Прежде всего важно выяснить, в чем проявляются расхождения сюжета лесковской легенды с сюжетом из Пролога и какое значение имеют эти расхождения в общем замысле произведения. В связи с этим интересно сравнить мотив «голоса свыше», повелевающего Ермию идти в Дамаск к Памфалону, с соответствующим мотивом в житии Феодула. В житии столпник сразу узнает, кого он должен искать. Корнилий назван «мимом», т. е. скоморохом. У Лескова Ермий трижды слышит «неведомый голос», но так и не узнает, кто такой Памфалон и чем он занимается. Как мы увидим в дальнейшем, этот пропуск не случаен. Ермий идет в Дамаск, думая, что «Памфалон, которого „все знают“, без сомнения есть какой-либо прославленный поэт, или воин, или всем известный вельможа».¹⁵

¹² Н. С. Лесков. Письмо А. Н. Пешковой-Толиверовой от 17 декабря 1887 г. — Собр. соч., т. 11, стр. 361.

¹³ Н. С. Лесков. Скоморох Памфалон. — Собр. соч., т. 8, стр. 174.

¹⁴ Там же; стр. 179.

¹⁵ Там же, стр. 181.

Согласно житийной легенде, Феодул сразу без труда нашел Корнилия. Ермий же, попав в Дамаск глубокой ночью, пытается найти приют до утра. Старик стучит в дверь ближайшего дома, но его прогоняют со словами: «Не мало вас шляется <...>. Уходи скорее прочь».

Ермий повторяет свою просьбу: «Я прошу во имя Христа». Ему отвечают: «Оставь, пожалуйста, оставь это имя. Много вас тут ходит, всё Христа вспоминаете, а вместо того лжете и этим именем всякое зло прикрываете». В другом доме Ермию говорят: «Если ты из пустыни, то там бы тебе и оставаться. Напрасно ты сюда и пришел».¹⁶ Этот мотив «странник ищет приюта» очень важен для лесковской легенды. Смысл и значение его становятся понятны при сравнении с аналогичными мотивами народных легенд.

При работе над религиозными легендами и сказаниями Н. С. Лесков изучает соответствующий материал народного поэтического творчества. Отношение народа к религии, к церковной обрядности, этические идеалы, воплощенные в русских легендах, в это время особенно интересуют писателя. В его личной библиотеке есть сборник «Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым», и Н. С. Лескову очень дорога эта книга, о чем свидетельствует надпись на обложке, сделанная его рукой: «Добрые люди! не крадьте у меня эту книжку. — Уже три такие книжки украдены. О чем смиренно просит Никол. Лесков».¹⁷ Первое издание афанасьевского сборника (1860 г.) разошлось очень быстро и почти сразу стало библиографической редкостью. Однако церковные круги встретили его враждебно. Второе издание сборника не было допущено духовной цензурой. В связи с этим становится понятной осторожность Н. С. Лескова, который упорно не хотел называть второй источник своей легенды. Это указание могло бы немедленно навлечь гнев цензоров из святейшего Синода, без разрешения которых не выходило в печать почти ни одно лесковское произведение.

Мотив «странник ищет приюта» используется в целом ряде народных легенд (А А 750—779), в которых под видом странника или нищего приходит в гости сам бог или наиболее почитаемые народом святые. Прием маски в таких легендах позволяет своеобразно развить тему истинной добродетели. Эта тема решается в народных легендах, как правило, в социальном аспекте. Богач прогоняет нищих странников. «Много вас тут шляется!»¹⁸ — говорит хозяин дома. — «И на улице б ночевали!».¹⁹ Родственники богатого готовят пышную встречу богу и усердно молятся, надеясь снискать его расположение. А в это время бедный мужик радушно принимает странников и отдает им последний кусок хлеба. В соответствии с происходящим бог наказывает богатых и награждает бедного.

У Н. С. Лескова люди, отказавшие Ермию в приюте, так же, как богатые хозяева в народной легенде, «по заходе солнечном на молитву стали. Прохожий предупреждает Ермия: „Боже тебя сохрани, если ты

¹⁶ Там же, стр. 184.

¹⁷ Книга хранится в музее И. С. Тургенева в Орле. См.: Песни, собранные писателями. Материалы из архива П. В. Киреевского. — Литературное наследство, т. 79. М., 1968, стр. 384—385. — Впервые вопрос о связи лесковской легенды с фольклорными источниками затронут в статьях В. Ю. Троицкого «О художественном своеобразии легенд Н. С. Лескова, написанных по материалам Пролога» (УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, № 213, М., 1964) и Н. Г. Михайловой «Творчество Лескова в связи с некоторыми образами народного эпоса» (Вестник МГУ, сер. X, Филология, 1966, № 3).

¹⁸ Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества Издад А. М. Смирнов, вып. I. Пгр., 1917, № 262, стр. 705.

¹⁹ Аф. III, № 347, стр. 103.

своим стуком помешаешь их стоянию на молитве, тогда слуги их за то свалят тебя на землю и нанесут тебе раны».²⁰ Таким образом, евангельская тема лицемерной молитвы («И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми», — Матф. VI, 5), решается Н. С. Лесковым в соответствии с традициями устной народной легенды. Это предопределяет и решение главной темы всего произведения в целом — темы истинного, «богу угодного» праведничества.

Как мы уже говорили, Ермий, впервые услышав имя Памфалона, так и не узнаёт, кто он такой. Н. С. Лесков сознательно до определенного момента оставляет в неведении своего героя. И только после неудачных поисков приюта Ермий слышит наконец имя человека, ради которого он оставил свой столп и ушел из пустыни в «гнездилище греха и пороков».²¹ Случайный прохожий объясняет старцу, что Памфалон всем известен в Дамаске, «потому что он приятный человек и всюду с собою веселье ведет. Без него нет ни пира, ни потехи, и всем он любезен».²² «<...> Никто не может без смеха глядеть, как он шутит свои веселые шутки, как он мигает глазами, двигает ушами, перебирает ногами, и свистит и языком щелкает и вертит завитой головой».²³ По этому подробному описанию читателю уже становится ясно, о ком идет речь. Однако герой легенды, словно не веря ушам своим, с трудом подытоживает услышанное: «<...> Лицедейство, телодвижение, скоки... Да кто же он такой, наконец?!» Услышав слово «скоморох», «Ермий даже свой пустынный посох из рук уронил и проговорил:

— Сгинь, сгинь, дьявол, полно тебе надо мной издеваться!».²⁴

Н. С. Лесков во время работы над корректурой легенды производил тщательную правку и сокращал многие длинноты, которыми отличалась первоначальная редакция. Однако в восьмую главу он внес поправки и дополнения, усиливающие впечатление изумления и страха Ермия, узнающего, к кому он послан. Так во время правки слова: «Дьявол, дьявол надо мной издевается!» (в окончательной редакции «Сгинь, сгинь, дьявол!») были внесены дополнительно.²⁵ Следовательно, Н. С. Лесков придавал важное значение этому моменту. С ним связан мотив искушения — один из основных в сюжетном построении легенды. Без мотива искушения не обходился почти ни один церковно-нравоучительный рассказ о пустынноиках. Часто встречается этот мотив и в народных легендах о старцах-подвижниках. Согласно представлениям церковной литературы, как мы уже говорили, скоморохи — «богохульники», «игрецы», «гудцы» — посланцы и слуги дьявола. Бес посылает их для искушения святых.²⁶ Особенно опасны бесы «в скомрашних одеждах» для пустынноиков, которые в отличие от монастырской братии совсем одиноки. Чем хитрее и изобретательнее «сатанинские слуги», тем выше святость подвижников, сумевших устоять перед любым ухищрением дьявола. Мотив искушения в церковной литературной традиции служит для утверждения святости героя религиозного рассказа. В лесковской легенде у этого мотива совсем дру-

²⁰ Н. С. Лесков. Скоморох Памфалон, стр. 185.

²¹ Там же, стр. 181.

²² Там же, стр. 186.

²³ Там же, стр. 187.

²⁴ Там же.

²⁵ Архив Н. С. Лескова. ИРЛИ, ф. 220, оп. 1, № 1, л. 11.

²⁶ См. об этом: А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха, VI—X. СПб., 1883, стр. 206; А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889, стр. 69; А. А. Морозов. М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950, стр. 121.

гая функция. Впервые он возникает несколько раньше того момента, когда Ермий узнает о страшном ремесле Памфалона. Во время трудного пути «по безлюдной, знойной пустыне» старец думает: «Не было ли все, что он слышал о своем путешествии, одною мечтою или даже искушением? Какого праведника можно искать в этом шумном городе? Откуда тут может быть праведность? Не лучше ли будет бежать отсюда назад, влезть опять в свою каменную щелку, да и стоять, не трогаясь с места». ²⁷ Если искушением кажется мысль о возможности существования праведности в «шумном городе», то что же такое повеление идти к скомороху, как не дьявольское наваждение? Встреча с Памфалоном, вид его жилища, в котором все напоминает о греховных занятиях хозяина, еще больше убеждают Ермия, что он поддался страшному искушению. В собственной святости старец ни на минуту не сомневается. Убедившись в доброте и искренности скомороха, Ермий думает: «Он даже совсем еще далек от того, чтобы понимать, в чем погряз, но его ум и его естество, может быть, добры... Потому я, верно, для того к нему и послан, чтобы вывести его одаренную душу на иную путину». ²⁸

Спасение грешников, не ведающих что творят, — одна из излюбленных тем церковной литературы. Жития, наряду с другими подвигами святых отцов, нередко описывают и этот — спасение заблудших мирян, сохранивших добрую душу. Говоря о путешествии Ермия, Н. С. Лесков замечает: «<...> в древности бывали и не такие странности, и бывало, что послы благочестия посылались именно в места самые злочестивые». ²⁹ Понятно в связи с этим вдохновенное восклицание Ермия: «Брось <...> гадкое ремесло, Памфалон!». ³⁰ Пустынник видит свою миссию в том, чтобы открыть скомороху глаза на греховность его жизни и тем самым спасти его. Но Памфалон на все уговоры пустынника отвечает, что он не может спастись, ибо уже давал обет богу и нарушил его (точно так же, как Корнилий в легенде из Пролога). «Знай, старичок, — говорит Памфалон, — знай, что я имел возможность бросить скоморошество и не бросил. <...> И мог, и не мог, потому что я небрежлив — я не могу о своей душе думать, когда есть кто-нибудь, кому надо помочь. Старец приподнялся на ложе и, вперив глаза в скомороха, воскликнул:

— Что ты сказал? Ты ни во что считаешь погубить свою душу на бесконечные веки веков, лишь бы сделать что-нибудь в сей быстрой жизни для другого? Да ты имеешь ли понятие о ярящемся пламени ада и о глубине вечной ночи?» ³¹

Феодул в легенде из Пролога «утешен» самоотверженностью Корнилия. Ермий Н. С. Лескова, ослепленный своим самонимением, почитая себя «совершеннейшим», считает Памфалона несчастным. А после того, как старец видит женщин, зовущих скомороха на пир к гетере, мысль об искушении снова приходит ему в голову: «Для чего же было ему, после тридцати лет стояния, слезать со скалы, идти многие дни с страшной истомой, чтобы прийти и увидеть в Дамаске <...> ту же темную скверну греха, от которой он бежал из Византии? Нет, верно не ангел божий его сюда послал, а искусительный демон! Нечего больше и думать об этом, надо сейчас же встать и бежать». ³² Сразу вслед за этим Н. С. Лесков вводит

²⁷ Н. С. Лесков. Скоморох Памфалон, стр. 183.

²⁸ Там же, стр. 196.

²⁹ Там же, стр. 181.

³⁰ Там же, стр. 196.

³¹ Там же, стр. 197.

³² Там же, стр. 200.

в сюжет своей легенды мотив сна — тоже один из традиционных мотивов житийной литературы. Сон — это предсказание, прорицание. Во сне являються святые или слышится «глас божий», согласно повелению которого герой должен действовать. Сон в «Скоморохе Памфалоне» напоминает видения, проходящие перед героем в «Искушении святого Антония» Г. Флобера.

«Тяжело было старцу подняться — ноги его устали, путь далек, пустыня жарка и исполнена страхов, но он не пощадил своего тела <...> он встает, он бредет во тьме по стогнам Дамаска, пробегает их: песни, пьяный звон чаш из домов, и страстные вздохи нимф, и самый Силен — всё напротив его, как волна прибоя; но ногам его дана небывалая сила и бодрость. Он бежит, бежит, видит свою скалу, хватается за ее кремнистые ребра, хочет взлезть в свою рашелину, но чья-то страшно могучая рука срывает его за ноги вниз и ставит на землю, а незримый голос грозно говорит ему:

— Не отступай от Памфалона, проси его рассказать тебе, как он совершил дело своего спасения».³³

У Г. Флобера картины, возникающие перед глазами Антония, манят святого, мучая и искушая. В лесковской легенде отшельник устремляется к скале, к столпу, на котором можно спокойно ожидать царствия небесного, сохраняя свою святость. Но, как оказывается, мечта о легко достигаемой святости и есть настоящее искушение, от которого Ермия спасает «вышший глас». С этого момента непогрешимость Ермия ставится под сомнение. Да и сам старец, очнувшись от тяжкого сна, несколько иначе воспринимает происходящее: «Что же, — подумал Ермий, — может быть, я не обманут, может быть, не было надо мной искушения, а это именно тот самый Памфалон, который совершеннее меня и у которого мне надо чему-то научиться».³⁴ Героем повествования теперь становится скоморох. Вся вторая половина легенды посвящена рассказу Памфалона о том, как он нарушил обет, данный богу, но тем самым спас несчастную Магну. Н. С. Лесков сохраняет общую схему рассказа скомороха Корнилия из житийной легенды, развивая и дополняя ее в связи с общим замыслом своего произведения. Так он уделяет особое внимание тем мыслям, которым предается Памфалон, впервые заработавший много денег: «И я предался разнородным мечтаниям, стал любоваться собою, как я буду жить достойной жизнью: <...> не буду свистать, а стану петь псалмы; буду днем работать в своем винограднике, а вечером сяду у своего ручья под своей пальмой и стану размышлять о своей душе да выглядывать путника. А покажется путник, я поднимусь и пойду ему навстречу, приглашу его к себе, приму его в дом, успокою, угощу и потом поведу с ним в тишине под звездным небом беседу о боге».³⁵ В этих мыслях Памфалона выразился тот идеал христианской добродетели, который проповедовала церковная литература. Но оказывается, что, следуя этому идеалу, упиваясь мечтами о своем спасении, скоморох впервые в жизни забывает о страданиях близких людей. Он собирался отправить на родину калеку-воина, но боязнь потерять деньги, обеспечивающие возможность новой жизни, мешают ему сделать доброе дело.

Мечты скомороха «о лучшей жизни» перекликаются с мечтами о вечности, ожиданию которой посвятил себя отшельник Ермий. Так, уже в связи с Памфалоном, снова возникает мотив искушения, который здесь

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 201.

³⁵ Там же, стр. 204—205.

имеет совсем иной смысл, чем в житийной литературе. Это искушение, уводящее человека от мира, в котором мучаются слабые и несчастные люди. Только крик о помощи возвращает Памфалона к реальной жизни, напоминает о том, что людям нужны его дела, а не размышления о душе и боге.

Эгоистическому желанию спастись, забыв о скорбях и страданиях мира, противопоставляется главная идея произведения — праведничество активное, предполагающее постоянную готовность прийти на помощь ближнему. Эта идея совпадает с народным пониманием подвижничества как действительного служения людям. Народный взгляд на пустынночество, на ритуальную набожность старцев нашел отражение во многих легендах, посвященных этой теме. С точки зрения крестьянина, жизнь которого зависела от плодов его собственного труда, молитвы пустынников представляются праздным занятием. Человек, который не трудится, даром ест хлеб, не будучи ни больным, ни слишком старым, по народным представлениям, порочен. Поэтому пустытники в народных легендах резко отличаются от своих житийных прототипов. Старцы легко поддаются всем соблазнам дьявола: пьют вино, прелюбодействуют и даже убивают людей. В достаточной мере нагрешив, они, словно спохватившись, осеняют себя крестным знамением и спасаются. Однако такой конец не меняет общей оценки действий «святых» старцев.³⁶ Иногда грехи пустытников так тяжки, что им при жизни уготованы муки ада.³⁷ Таким образом, мотив искушения используется в народных легендах для того, чтобы развенчать мнимую святость старцев.

Отношение к пустынникам выражается также в том, что святой или бог, приходя к ним, называют их не иначе, как «лесовой лежебочина», — «в лесу-то лежит»³⁸ или «кормный боров».³⁹ Старец, почитая себя праведным, обижается и пытается возражать: «Я пустытник, я богу молюсь»,⁴⁰ или «А как я лежебочина, как я богу молюсь да тружусь, труды полагаю, потею».⁴¹ Святой отвечает ему: «Нет, ты в труд не попадешь: напешься, наешься, да спать ляжешь».⁴² В таких легендах праздность пустытников противопоставляется истинному подвигу и подвижничеству (АА 845, 845*). Одна из них — «Вавило-скоморох», — несомненно, возникла под влиянием легенды Пролога «О скомрасе, спасшемся с двумя женами». Однако Вавило народной легенды спасается, оставаясь в миру и продолжая заниматься скоморошеством. Пустытник, которого святой отправляет к скомороху, почти так же, как Ермий, спрашивает: «Каким он трудом трудится, дедушка?». «Не знаю, — говорит, — только что слышно про него колокол далеко звонит».⁴³ Таким образом, Вавилу, как и Памфалона, «все знают». В отличие от легенды из Пролога в народной легенде Вавило живет не с женами, а с двумя сестрами, которых кормит своим трудом. Первый разговор пустытника с Вавилой напоминает о соответствующем моменте из лесковской легенды. Пустытник объяс-

³⁶ Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884 (далее сокращенно: Д. Н. Садовников), № 97, стр. 288—289; Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908 (далее сокращенно: Н. Е. Ончуков), № 194; А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. Казань, 1914, № 20.

³⁷ Д. Н. Садовников, № 10, стр. 301—302.

³⁸ Н. Е. Ончуков, № 195, стр. 460.

³⁹ Д. Н. Садовников, № 98, стр. 289.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Н. Е. Ончуков, № 195, стр. 460.

⁴² Д. Н. Садовников, № 98, стр. 289.

⁴³ Там же.

няет: «Пришел ко мне старичок, рассказал, как ты трудишься, сюда послаал». «Эх, говорит Вавило-скоморох, — какой мой труд? Я только скачу да пляшу».⁴⁴ Памфалон в ответ на уговоры Ермия рассказать, как он угождает богу, отвечает: «<...> Я скачу, верчусь, руками плещу, глазами мигаю, выкручиваю ногами и трясу головой... О каком богоугождении я могу думать в такой жизни?».⁴⁵

В народной легенде Вавило угождает богу тем, что, будучи скоморохом, становится тайным подвижником: спит на гвоздях, носит сапоги с гвоздями. Старец не может перенести «труд скомороха» и посрамленный уходит. Для нас в этой легенде очень важен мотив посрамления пустытника. Вторая легенда того же типа называется «Старец и крестьянин».⁴⁶ Святой посылает пустытника к «благочестивому крестьянину», который в поле пашет землю. Он и есть тот человек, который богу любезен: «Крестьянин видно больше у господина знает, чем старец».⁴⁷

Если сравнить первую легенду со второй, то оказывается, что подвижничество скомороха в народном сознании приравнивается к тяжелому крестьянскому труду, ибо труд этот и есть самое богоугодное из всех дел на земле. Пустытники в народных легендах не выдерживают сравнения с главными героями, они посрамлены, и идея пустынничества скомпрометирована. То же самое происходит и в легенде Н. С. Лескова. Мнимое праведничество Ермия оказывается несостоятельным, так как оно никому не приносит добра. Когда «бедная Магна у всех искала защиты, ей отвечали: над нами над всеми закон. Закон наш охраняет многоимущих. Они всех сильнее в государстве. Если бы был теперь на своем месте наш прежний правитель Ермий, то он, как человек справедливый и милосердный, может быть вступился бы и не допустил бы этого, но он очудачел: оставил свет, чтобы думать только об одной своей душе. Жестокий старик! Пусть небо простит ему его отшельничье самолюбие».⁴⁸ Таким образом, так же, как и в народной легенде, старец Ермий безоговорочно осужден. Его эгоизм едва ли чем отличается от жестокости тех лицемеров, которые выгоняют на улицу странника, произноса тем временем благочестивые молитвы. Лицемерию и ханжеству, скрывающимся под показной набожностью, противопоставлено истинное праведничество — самоотверженность Памфалона, Магистриана и гетеры Азеллы, которые без малейших колебаний жертвуют всем ради спасения человека.

В первоначальной редакции лесковская повесть кончалась так же, как легенда Пролога о Феодуле и Корнилии. «Они расстались. Старец пошел опять через пустыни и дебри к своему столпу, а Корнилий (Памфалон, — М. Ч.) остался в Дамаске скоморохом <...> Старец Феодул опять стал на столпе так скоро и легко, как будто он и не ходил через степи знойной пустыни <...>».⁴⁹ Однако Н. С. Лесков чувствовал, что такой конец, логичный и естественный в житийной легенде, противоречит идее его собственного произведения. Положив в основу своей легенды житийный сюжет, писатель изменил его, соответствующим образом используя мотивы народных легенд. В результате появился новый телеологический сюжет, общая направленность которого оказалась прямо про-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Н. С. Лесков. Скоморох Памфалон, стр. 192. — Эта аналогия отмечена в указанной статье Н. Г. Михайловой.

⁴⁶ Н. Е. Ончуков, № 196, стр. 460.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Н. С. Лесков. Скоморох Памфалон, стр. 220.

⁴⁹ Н. С. Лесков. Боголюбный скоморох. (Корректурa). — Архив Н. С. Лескова. ИРЛИ, ф. 220, оп. 1, № 1, л. 23.

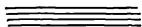
тивоположной идее легенды из Пролога. Логика этого нового сюжета требовала нового конца, соответствовавшего концепции произведения в целом. Поэтому, получив корректуру легенды, Н. С. Лесков заново пишет заключительную часть. Теперь она выглядит совсем иначе: «Они поклонились друг другу и разошлись. Ермий пришел в свою пустыню и удивился, увидав в той расщелине, где он стоял, гнездо воронов. Жители деревни говорили ему, что они отпугивали этих птиц, но они не оставляют скалы.

— Это так и должно быть, — ответил им Ермий. — Не мешайте им вить свои гнезда. Птицы должны жить в скале, а человек должен служить человеку. У вас много забот; я хочу помогать вам. Хил я, но стану делать по силам. Доверьте мне ваших коз, я буду их выгонять и пасти, а когда возвращусь с стадом, выдайте мне тогда хлеба и сыра.

Жители согласились, и Ермий начал гонять козье стадо и учить на свободе детей поселян». ⁵⁰

Так пример скомороха помогает отшельнику найти истинный путь к спасению и приводит к убеждению: «Человек должен служить человеку». Для того чтобы показать, насколько эта мысль близка народному сознанию, нам хочется обратиться еще к одной легенде (белорусской) — «Вопытный монах раит семейному чилавеку кинуть монастырь и жить у сваей сямье». Герой этой легенды, молодой человек, видит монашеские сны. Он решает оставить жену и детей и уходит в монастырь. Но после пострижения ему снятся сны, в которых кто-то говорит ему: «Здравствуй, ваперь кормный!». Опечаленный монах идет к старшему и «вопытному» брату и слышит такой совет: «Вярнись ты у сваю сямью: у сямье ты болий трудился — аттаго там и снились табе сны манашескии. Як падумаишь, яким родым накармить жану, детык, да пумахаишь ка-сою и тыпаром, да цепом, скарей спастисься и пухудеишь, чимся ў маныстыре — ў манастыре стольки ни наживаицься, біўши зямны паклоны». ⁵¹

Н. С. Лесков, конечно, мог и не знать этой легенды, но народное понимание смысла жизни и назначения человека, выраженное в ней, было ему хорошо известно. Оно и определило концепцию лесковской легенды о скоморохе-праведнике.

⁵⁰ Н. С. Лесков. Скоморох Памфалон, стр. 230.

⁵¹ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. 1, СПб., 1891, № 24, стр. 334—335.

А. В. ГОНЧАРОВА

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Литература, посвященная устным рассказам, довольно обширна не только у нас, но и в других странах.¹ В трудах об устных рассказах как явлении советской фольклорной прозы заметна тенденция рассматривать их в уже сложившемся виде. Однако целесообразными были бы и наблюдения над процессами становления устного рассказа, обращение к их генезису. В предлагаемой работе делается попытка затронуть вопрос об отношении устных рассказов к реальной действительности, нашедшей свое отражение в исторических документах, и характеристика устных рассказов как «произведений» речевой деятельности.² В последние годы советские фольклористы выдвигают задачу всестороннего локального изучения фольклорных произведений,³ а чешские и словацкие ученые уже довольно успешно «исследуют процесс развивающейся народной культуры».⁴ Интересны результаты локального изучения в «рамках длительного стационарного исследования»⁵ «не только в конкретной среде, но и во вполне определенных ситуациях».⁶

Наши материалы собраны на значительной территории Калининской области — в районах Торжокском, Оленинском, Калининском, Удомельском, причем особенно богатыми оказались источники в Ржевском районе. Сюда выезжали три студенческих экспедиции, руководимые мною (1948, 1949, 1965 гг.). Здесь же я в течение нескольких лет вела индивидуальную собирательскую работу. Преимущественное внимание уделено рассказам лиц, перенесших жестокий оккупационный режим.

¹ Публикации и исследования, вышедшие в нашей стране, уже систематизированы в обзорах. См.: А. Д. Соймонов. Собрание и изучение русского фольклора Великой Отечественной войны. — В кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.—Л., 1964; С. Н. Азбелев. Современные устные рассказы. — Проблемы современного народного творчества. (РФ, т. IX). М.—Л., 1964.

² В основу статьи положен доклад, прочитанный в апреле 1968 г. Пользуясь возможностью, выражаю признательность за помощь Р. Р. Гельгардту.

³ Б. Н. Путилов. Об историческом изучении русского фольклора. — РФ, т. V. М.—Л., 1960, стр. 56—80; А. Д. Соймонов. Новые процессы в фольклоре восточных славян. — Народная поэзия славян. (РФ, т. VIII). М.—Л., 1963, стр. 241—272.

⁴ A. Melicherčík. Tradičné a netradičné v ľudovej kultúre. — Slovensky národopis, r. XIV, č. 4. Bratislava, 1966, s. 566.

⁵ M. Lesčák. Príspevok k metodike terénneho výskumu súčasného stavu folkloru. — Slovensky národopis, r. XIV, č. 4, 1966, s. 579.

⁶ D. Klímová. Příspěvek k studiu vyprávěčských okruhu. — Česky lid, Praha, 1965, č. I, s. 14.

1

Устные рассказы дифференцируют по жанрово-стилистическим признакам. Различают хроникальные (О. Сироватка) и мемуарные (Л. В. Домановский) рассказы. По классификации К. В. Сидова, они составляют первые две категории несказочной прозы и называются «меморатами» (Memorate) и хроникальными сообщениями (Chroniknotizen).⁷ Такие рассказы не дают художественного обобщения действительности, поскольку они «закрепляются за действительностью отдельных фактов жизни и информируют о них».⁸ Наши записи подтверждают этот тезис. Но в индивидуальном и частном прослеживаются черты «общие», в которых дают о себе знать некоторые типические стороны жизненных ситуаций.

Так, сражения на Ржевском плацдарме, продолжавшиеся в течение полутора лет, породили большое количество устных рассказов, основанных на действительных событиях и, по-видимому, обладающих фактической достоверностью. В них повествуется о расправах над советскими людьми, вспоминаются жертвы фашистских насилий. Например, рассказывается о колхознице, оказавшей помощь в побеге советским пленным бойцам. «Немцы били ее чем попало, подвели к своему дому, подложили жердинку между двух берез и петлю на шею накинули. А народ весь из избой выгнали, смотреть заставили <...>. Как увидела я Анну с веревкой на шее, сердце кровью облилось <...>. Одно она успела крикнуть: „Сберегите моих детей!“ Да разве ж мы не люди <...>. Детей я растила: своих двое и ее четверо» (из рассказа О. М. Румянцевой. 1890 г. рожд. Хорошево, Ржевского р-на, запис. в 1967 г.). Отец, потерявший двух сыновей на фронте, рассказывает о том, как его самого фашисты хотели использовать в качестве проводника: «Нет, не дождетесь, кровопийцы, добра от меня. Не выйдет! Не служил русский мужик своим врагам! Сына-подростка на моих глазах убили, а с ними так и не пошел!» (из рассказа И. О. Лебедева, 1886, г. рожд.; Афанасово, Ржевского р-на, запис. в 1948 г.). Или повествуется о гибели односельчанина: «<...> Тот колхозник перед смертью на виселице закричал: „Прощай, свобода дорога! Прощай, родная сторона! Мы победим, а вы, гады, захлебнетесь нашей кровью“» (из рассказа К. С. Погодиной, 1906 г. рожд., Рыково, Ржевского р-на, запис. в 1948 г.).

Стремясь к воспроизведению подлинных событий, рассказчики все же отдают себя во власть традиции исполнительства. Использование интонации, мимики, пластики нередко доводит до артистизма. Например, рассказ О. М. Румянцевой одушевлен необычайной силой чувства. Драматизм обстановки передан не только живой, образной речью, включающей фразеологизмы («били чем попало», «сердце кровью облилось», «разве мы не люди»), но и с помощью интонаций, отражающих силу духа бесстрашной колхозницы («сберегите моих детей!»), жестов, изображающих, как женщину били, и т. п. Эмоциональность рассказа И. О. Лебедева определяется остротой столкновения с врагами, которая потребовала обобщения («Не служил русский мужик своим врагам»), своеобразного подбора слов, построения фраз и интонационного рисунка речи. В отрывке из рассказа К. С. Погодиной заключена передача речи колхозника, обреченного на смерть. Высшая степень эмоционального переживания потребо-

⁷ См.: С. Н. Азбелев. Проблемы международной систематизации преданий и легенд. — Специфика фольклорных жанров. (РФ, т. X). М.—Л., 1966, стр. 183.

⁸ Р. Р. Гельгардт. Об изучении рабочего фольклора. — Народная поэзия славян. (РФ, т. VIII), стр. 224.

вала включения в его речь ритмизованных стихотворных элементов («Прощай, свобода дорогая! Прощай, родная сторона!»).

У исследователя нет веских оснований для того, чтобы сомневаться в жизненной правдивости этих рассказов и им подобных. Ученые склонны видеть в них «желанный источник для историка»⁹ и считают их «человеческими документами»,¹⁰ свидетельствами о жизни людей или *rozprávani zo života*.¹¹ Впрочем, это не мешает отнесению устных рассказов к «компетенции фольклористики»,¹² потому что исследователь не может с достаточной степенью уверенности квалифицировать их как вполне надежные «исторические» источники.¹³ Однако стремление ставить устные рассказы в один ряд с историческим источником сохраняется. Чтобы понять природу устных рассказов как исторического источника, полезно сопоставить их с документальной литературой, освещающей аналогичный жизненный материал.¹⁴ Привлеченные нами документы Великой Отечественной войны ставят своей целью констатировать факты с необходимой точностью, достигаемой детализацией описания, с привлечением вещественных доказательств и проч. Документальная литература представлена прежде всего актами, фиксирующими реальные следы или доказательства фашистских злодеяний. Так, в Ржевском районе Калининской области такие документы были составлены в первые два месяца после освобождения города: в марте и апреле 1943 г.

Поскольку составители актов руководствуются стремлением установить фашистские зверства с помощью системы неопровержимых доказательств, строго соответствующих фактическим данным, то для них очевидная трудность заключается в том, чтобы оставаться в рамках требований данного речевого жанра, беспристрастно дать регистрацию преступной деятельности врага. Например: «В соседнем доме обнаружена замученная немецкими солдатами семья Садова: отец и мать расстреляны, дочь Рая 12 лет заколота штыком, сын Валентин убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина 18 лет изнасилована и задушена, дочь Катя 5 месяцев застрелена в висок».¹⁵ В акте может отмечаться речевое поведение персонажей в виде цитирования их речи: «<...> Мой муж крикнул: „Люби партию“ <...>». «Медоусов снял шляпу, бросил на землю и крикнул: „Советский Союз непобедим!“. Немцы на каждого набрасывались по несколько человек и стреляли в голову из револьверов».¹⁶ Но протокольная точность

⁹ J. Jech. *Odboj a revoluce v lidských dokumentech z Heveklovska*. Český lid, 1965, č. 3, s. 145.

¹⁰ J. Jech: 1) *A lidských dokumentech z Heveklovska*. Praha, 1957; 2) *Vyprávění ze života a literární povídka*. — Český lid, 1955, č. 6; 3) *Odboj a revoluce v lidských dokumentech z Heveklovska*.

¹¹ См.: A. Melicherčík. *Boj proti fašizmu za slovenského národného povstania v ústnom podaní slovenského ľudu*. — Slovensky národopis, r. IX, č. 3, Bratislava, 1961, s. 373; O. Sirovátka. *K výzkumu folkloru na Rosicko-Oslavansku*. — Český lid, 1955, č. 6, s. 260.

¹² J. Jech. *Odboj a revoluce*, s. 145.

¹³ Мы не говорим здесь о тех исторических источниках, которые создаются в специальных целях и допускают трансформированное изображение действительности, каковы, например, летописи. В этом случае сама трансформация становится важным свидетельством по истории идеологии и общественной мысли. См. об этом: Д. С. Лихачев. *Внутренний мир художественного произведения*. — ВЛ, 1968, № 8, стр. 75.

¹⁴ Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, акты фашистских зверств, составленные работниками партийного и советского актива совместно с представителями от населения, и другие записи.

¹⁵ Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гг. Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области, в гор. Ржеве Калининской области. Госполитиздат, 1943, стр. 4.

¹⁶ Ржевский краеведческий музей, № 21/221.

записи требует предельной нейтрализации речевых средств. Лишь изредка в актах прорываются сквозь строгую индифферентность изложения краткие замечания, отражающие субъективный отклик составителей актов (гнев, горечь страданий и т. п.). Упоминается, например, о том, что при аресте «даже не дали проститься с семьей», фашисты иногда называются «извергами», «людоедами», их расправы «кровавыми».

Данные речевые элементы указывают на некоторые отступления от традиции жанра деловой письменной речи, на проникновение в акт оценочных суждений, эмоциональных эпитетов. Это отступление от специфики жанра диктуется самой действительностью, которая дает жизненный материал, обладающий настолько большой эмоциональной силой, что составитель акта не может сохранить беспристрастное отношение к излагаемому. В результате происходит трансформация жизненного материала даже в этих письменных текстах. Но размеры этой трансформации, конечно, менее значительны, чем в устном рассказе.

Для иллюстрации сопоставим два текста — исторический документ и устный рассказ, возникшие на основе одного жизненного факта. В документальной литературе не раз упоминается деревня Брёхово Ржевского района, превращенная фашистами в место массового истребления советских граждан. Среди других материалов о зверствах фашистов в Брёхове есть следующее сообщение — акт: «Отбирая ни в чем не повинных детей, они сгоняли их в холодный амбар. Родители детей были угнаны в Германию, частично погибли от голода и побоев, дети должны были промышлять себе пищу, кто как мог, а поскольку здесь были дети от 3 до 14 лет, то многие из них погибли. Оставшиеся дети в количестве 29 человек обнаружены после занятия села Красной Армией, скорее походили на скелеты, живые мощи, чем на детей».¹⁷ Вот текст устного рассказа: «В Брёхове собрали всех ребятишек-сирот и заперли в амбар. Приставили охранника, подходить не давали. Ребятёшки были по два по три годика, по двенадцать лет. Все тридцать было. И-и-и как теляты... Страшно вспомнить. Зимой было. Немцев-то стали гнать наши. Они ребятишек оставили. Заперли на замок и оставили. Сынок мой пришел к разу. Немцев гнал с армией, отпустили домой — побывать. Пришел 7 марта. Принес буханочку хлеба. Слышит в амбаре пищат... „Мать, кто же там?“ — „Батюшки! Сынок, там дети!“. Миленька моя! Ведь как было: когда уходили немцы, нам был день назначен, казнить нас. Которые поделнее — угнаны в Германию. А нас казнить. А в тот день, когда казнить нас, пришли наши. Миленька моя! Как было: свой кровный валяется. По нему ходили, растапывали. Ходили, ползали, не знали: сейчас иду, а сейчас и ковырнусь. Не ужались, потому что каждый дожидался. Пошел мой сынок к амбару. А там мальчик валяется у двери. Когда он вошел туда, бросился к нему, которые ползком — кто как, стали ноги целовать: „Дяденька, откуда ты взялся?“. Облепили его, ижно он насилу оттуда вышел. Разделил буханочку на тридцать человек. Так поверишь, один мальчик с братом разделил кусочек: „А это, — говорит, — уберем, вдруг помирать придется...“ Тут привезли им хлеба, сахарцу. Приставили няньку. Надо их вымыть. Пошли женщины в кусты, где бой шел, набрали тряпок, принесли, нашили, вот и вымыли деточек. Дён пять их обихаживали, потом отправили в город» (Е. А. Калинина, 1889 г. рожд., бывшая жительница д. Брёхово, в настоящее время проживает в г. Ржеве, запис. в 1966 г.).

В акте сообщаются краткие сведения о детях, оставшихся без присмотра, устанавливаются причины безнадзорности и поэтому говорится

¹⁷ Калининский облпартархив, ф. 148, оп. 3, ед. хр. 79, л. 81.

о судьбе родителей («были угнаны в Германию, частично погибли от голода и побоев»). Сухо, в официальном тоне сообщается о судьбе детей: «<...> поскольку здесь были дети от 3 до 14 лет, то многие из них погибли». Из другого акта известно, что «большинство из них погибло».¹⁸ Официальная регистрация фактических данных и здесь сопровождается введением элементов оценочных и образительно-выразительных: «ни в чем не повинные дети», «сгоняли их в холодный амбар», «походили на скелеты, живые мощи, чем на детей». Но их роль такова, что дает повод говорить лишь о частичном нарушении специфики жанра.

Передача этого факта в устном рассказе вылилась в повествование, сведенное в основном к эпизоду спасения детей от гибели. Здесь сама жизнь создала «сюжет» рассказа и его повествовательные мотивы. В этой связи уместно припомнить, что П. П. Бажов источником художественного сгущения, гиперболизации признавал лишь объективно существующую действительность. Жизнь рабочих царской России была так тяжела, по наблюдениям писателя, что никакая выдумка не могла соревноваться с действительностью, и поэтому от художника требовалось лишь верное воспроизведение объективной правды жизни. Жизненный материал выступает первоосновой повествования и подсказывает его формы. Он может лечь в основу содержания целой книги и короткого устного рассказа.

Однако в том и другом случае вступают в силу жанровые традиции. В бреховском повествовании развитие темы, в отличие от официальной протокольности акта, подчинено именно логике рассказа как произведения, не чуждого влияния поэтической традиции. Так, в нем не устанавливаются причины безнадзорности детей, как в акте. О них сказано просто «ребятёшки-сироты», но сказано именно так, как уместно говорить в устной речи, в духе фольклорной традиции. По-видимому, и личность самого повествователя оказывает влияние на устный рассказ. О бреховских детях рассказывает женщина-мать, человек душевный и простой. Она не стремится украсить рассказ вымыслом, речевыми ухищрениями. Речь ее даже недостаточно слаженна, встречаются прерывистые, незаконченные фразы, однообразные обращения и т. д. Но в этом и содержатся зародыши художественного творчества, ведь рассказчица воплощает в наиболее доступной и необходимой в данных условиях форме устного монолога личный жизненный опыт, обогащенный опытом народа. Лирическая непосредственность рассказа помогает слушателю пережить те драматические события, о которых идет речь. Его эмоциональная напряженность потребовала включения в речь рассказчицы слов с ласкательными и уменьшительными суффиксами: «буханочка», «сынок», «годик», «дяденька», «хлебца», «сахарцу». Экспрессия рассказа усиливается и от включения прямой речи персонажей: «Дяденька, откуда ты взялся?», «А это, — говорит, — уберем, вдруг помирать придется...». В словарном строе повествования уместны и просторечия: «ребятёшки», «к разу», «подельнее», «не ужасались», «ижно», «ден», «обихаживали», что соответствует живой устной повествовательной практике. В повествовательном монологе есть определенная композиция, которая передает жизненные положения в их действительной последовательности, прерываемые лирическим отступлением, содержащим обращение к слушателю: «Миленька моя! Ведь как было <...>».

Из этого видно, что устный рассказ, созданный на основе конкретного жизненного факта, никак не может являться его точным отражением; он обязательно содержит элементы преобразования жизненного мате-

¹⁸ Там же, л. 1.

риала. Лишь темпорально наибольшая близость рассказчика к происшедшему позволяет точнее всего воспроизвести жизненный факт. К. Симонов заметил, что для получения достоверных сведений о ходе сражения нужно разговаривать с бойцом лишь в первые минуты после окончания боя.¹⁹ Все последующие опросы будут сопровождаться неизбежными отступлениями от истинного положения дел. Даже в документальных описаниях, донесениях и реляциях Л. Н. Толстой видел «наивную, необходимую, военную ложь».²⁰ Что же касается свободного или художественного изложения событий, действительно происходивших, то, по убеждению Л. Н. Толстого, оно основывается на том, что автор вообще «выводит свое представление о совершившемся событии».²¹ Один из героев Ф. М. Достоевского сравнивает два типа людей: «Первый — весь восторг. „Да ты дай только соврать — посмотри, как хорошо выйдет“. Второй — весь хандра и проза: „Не дам соврать, где, когда, в котором году?“ — одним словом, человек без сердца. Друг мой, дай всегда немного соврать человеку — это невинно. Даже много дай соврать».²² От героя Ф. М. Достоевского, принимающего на себя роль рассказчика, не ускользает представление — сознательное или интуитивное — о том, что он, повествуя, что-то изображает. Происходит это потому, что акт рассказывания как таковой предполагает активизацию мыслительной деятельности слушателя, вызванную необходимостью его (слушателя) заинтересовать, заставить сопереживать с повествователем, делить с ним скорбь и отчаяние, радости и восторги.

Пристальнее всмотреться в природу устного рассказа военного времени помогает нам привлечение такого важного письменного источника, каким являются дневники. Мы располагаем дневниковыми записями, сделанными в Ржеве очевидцами и жертвами фашистского произвола: Нины Семеновой, жены фронтовика, умершей от голода и побоев за двадцать один день до освобождения Ржева, М. В. Торопченова, ревизора-инструктора связи Калининской железной дороги, умершего от голода 25 ноября 1942 г., Веры Виноградовой — школьницы, угнанной в фашистское рабство.

Дневники и устные рассказы вырастают на одной жизненной основе. Объект устных рассказов — тот же, что и дневников, и это их сближает. Однако между ними существуют вполне очевидные различия, определяемые неодинаковыми способами воплощения одного и того же жизненного материала. Дневник хронологически последовательно передает события и факты, представленные в значительном историческом развороте.²³ В записях М. В. Торопченова содержится строгая фактическая достоверность и регистрируется ход военных действий. Например: «17 августа 1942 г. Понедельник <...> Сильная стрельба в направлении Тимофеева — Городской лес. Со склада № 40 бьют немецкие пушки, а по ним стреляют наши из Лазарева». «18 августа 42 г. Вторник <...> 17 час. Почти все время сильный бой на Осташковском направлении. Сильно действуют германские самолеты и пушки». Развернутая событийность дневника осложняется отношением автора к происходящему. Через весь дневник М. В. Торопче-

¹⁹ Это наблюдение подтверждено и уточнено совсем недавно: «Я много раз в своей жизни замечал, что в таких случаях люди обычно говорят негромко и достоверно». — К. Симонов. Письма. — Правда, 1969, 6/V, № 126 (18539), стр. 3.

²⁰ Л. Н. Толстой. О литературе. — Статьи, письма, дневники. М., 1955, стр. 120.

²¹ Там же, стр. 118.

²² Ф. М. Достоевский. Подросток. — Собр. соч., т. VIII. М., 1957, стр. 228—229.

²³ Ср. с дневниками писателей. Например: Б. Полевой. В наступлении (Из дневников военного корреспондента). — Москва, 1966, №№ 5 и 6.

нова проходит мысль об освобождении города, о приходе советских войск, которые иначе не называются, как «наши»: «<...> наши в 4-х км от д. Доброй» (стр. 7), «наши перешли в наступление» (стр. 10), «<...> наши в дер. Галахово» (8 км от Ржева, стр. 10), «5 час. 45 мин. Начали летать наши самолеты <...>» и т. п.²⁴ М. В. Торопченов чутко прислушивается к окружающему и неоднократно отмечает боевые действия партизан и своих товарищей — таких же невольников, как он сам. В дневнике содержатся свидетельства о том, что несмотря на жестокую расправу, чинимую оккупантами (М. В. Торопченов рассказывает о расстреле 10 коммунистов — стр. 10, сожжении деревни — стр. 14), советские патриоты не прекращали упорного сопротивления врагу. Большой интерес вызывают заметки о разложении фашистской армии, выражающемся в мародерстве и осознании самими гитлеровцами своего кризисного положения. «Один немец сказал П. Ив.,²⁵ что если война продолжится на 4-й год, он удавится», — записал М. В. 1 ноября 1942 г. (стр. 19). «Потери немцев под Ржевом большие», — не раз свидетельствует М. В. Торопченов. Аналогичную эпическую событийность содержит дневник Нины Семеновской,²⁶ в котором рассказывается о вторжении фашистской армии в город, о виселицах, о расстрелах, о зверском избиении советских граждан, в том числе отца Семеновской — 66-летнего агронома, матери, ее самой. Автор дневника выражает свое отношение к происходящему, а в иных случаях пытается описать мир своих душевных переживаний. «Светит солнце, а в душе черная, гнетущая тоска. Я живу теперь одной надеждой, что скоро придут наши. Тогда они узнают, что сотни русских людей в русском Ржеве не хотели покориться немцам и предпочли смерть позорному рабству. Я горжусь тем, что я русская». В дневнике через личное «я» пишущего раскрываются народные думы и надежды. Автор дневника подчеркивает свою принадлежность к «сотням русских людей в русском Ржеве» и личную преданность Родине сливает в едином патриотическом чувстве со всем народом.

В отличие от дневника устный рассказ, по верному наблюдению Л. В. Домановского,²⁷ чаще всего строится на каком-либо одном эпизоде, забываемом случае из истории селения, из жизни знакомых рассказчика или из его собственных переживаний. Большая часть устных военных рассказов, как справедливо утверждает А. Мелихерчик, устремлена не к событийной широте и не к документальности отдельных фактов, но к изображению человека, связанного с военными событиями.²⁸ Подобно автору дневника, рассказчик также «смотрит на события глазами своего народа», как верно подметил Л. В. Домановский.²⁹ Конечно, в устном рассказе отражен в значительной степени личный опыт повествователя. Однако в этой субъективности легко усмотреть черты всеобщности, потому что в рассказах отображаются действительно существовавшие трудности борьбы с фашизмом и наиболее характерные проявления этой борьбы. Дневник пишется для себя, дневниковый текст безотносителен к воспринимаемому объекту. В этом смысле он остается более личным, субъективным,

²⁴ Ссылки на дневник М. В. Торопченова даны в соответствии с пагинацией копии, снятой ржевским историком-краеведом А. В. Милославским.

²⁵ Вероятно, Павле Ивановне, знакомой М. В. Торопченова.

²⁶ Дневник Нины Семеновской был передан ее матерью А. В. Волосковой бойцам Советской Армии вскоре после освобождения Ржева. Напечатан в газете «Труд» (1943, 10/X).

²⁷ Л. В. Домановский. Устные рассказы. — В кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.—Л., 1964, стр. 199.

²⁸ М. Melicherčík. Boj proti fašizmu, s. 363.

²⁹ Л. В. Домановский. Устные рассказы, стр. 198.

чем устный рассказ. Последний предполагает живое устное общение с воспринимающим объектом, чем диктуется отбор материала и ориентация на принятые этические и эстетические нормы. В этом случае в противоположность дневнику устный рассказ испытывает потребность в привлечении художественного опыта, откристаллизовавшегося в устной повествовательной традиции.

Создавая дневник, пишущий непременно отдает себя во власть законов письменной речи, от соблюдения которых зависят и композиция, и развитие повествования, и речевые средства. Это отчетливо сказывается хотя бы в эпизоде гибели отца, приведенном в дневнике Н. Семеновой. «Живем в грязных, темных подвалах. Отец не хотел уходить из дома, и офицер бил и топтал его. Когда немец ушел, папа, который лежал, как мертвый, вдруг сказал мне совсем тихо и спокойно: „Мы не в состоянии мстить сейчас. Мы слишком слабы. Но я прошу тебя, Нина, как отец, как русский, не иди к ним, не работай на них, даже если от голода вы все умрете“. Умер отец, харкавший кровью в «результате многочисленных побоев», его «похоронили прямо на огороде, иначе при немцах не хоронят». Характерны усложненные конструкции фраз («<...> в результате многочисленных побоев <...>», «мы не в состоянии мстить сейчас») и другие элементы литературной речи. В иную форму повествования выливается устный рассказ. Так, Е. М. Лебедева (1907 г. рожд., дер. Василево, Торжокского р-на, запис. в 1967 г.) тоже повествует о гибели отца, но совсем не так, как в дневнике. Приведем отрывок из ее рассказа: «Вот угнали из дома (нас), прожили там два дня. Надо идти: ведь и хлеб, и, главное, старик-то там. Собрались трое и пошли. Дошли до ручья. Опять нас не пускают. „Нельзя, — говорят. — Запретная зона. Через два дня приходите. Капут, матки, капут, не ходите“. Ну капут, так значит надо сидеть — раз капут. Вернулись. Ну, а через два дня я не пошла: у меня дедку-то застрелили немцы... Приходит ко мне не наш деревенский, а тот, масловский. „Лиза!“ — говорит. Я говорю: „Что?“ — „Вот на тебе деньги, вот на тебе сапоги, шуба папки твоего“. Я говорю: „Зачем?“ А он говорит: „Ну что же зачем? Ты не плачь, его застрелили“. Ну я упала здесь. Часа три лежала без сознания...».

Этот рассказ соткан из различных узоров разговорной речи, от зачина «Вот угнали <...>» и быстрой смены ситуаций до живого, динамичного диалога и непосредственных, ярких интонаций. Но важнее всего то, что рассказ имеет, так сказать, предназначение. Доверенное лишь дневнику повествование образует замкнутый круг: горькая жалоба Н. Семеновой остается не услышанной, а устный рассказ имеет адресата, находит слушателя, который вовлекается в повествование и должен отвечать сопереживанием.

Устным рассказам свойственны формы речи, близкие к разговорной практике. Общий строй речи, пословично-поговорочный комплекс, интонации — все в устном рассказе, в отличие от дневника, соотносено с традициями языка фольклора. Стилистический строй дневника характеризуется публицистической взволнованностью, а также чертами деловой канцелярской и газетной речи. В дневнике Нины Семеновой за сообщением конкретного факта, как правило, следует горячее изъяснение чувства автора. Гнев и возмущение, вызванные тяжкими муками, не могли быть высказаны вслух и поверялись дневнику: «10 февраля. У нас настоящий голод. Два дня во рту ничего не было. Для Маринки я выпросила у соседки немножко пшеницы с мусором и сварила кашу на воде. Ела, конечно, она одна. Боже, какие мы переживаем муки! Гитлеровцы! Меня охватывает омерзение, когда я их вижу даже через окно. Разве я могу

пойти к ним, поклониться им, работать на них? Нет, и тысячу раз нет. Лучше смерть!». В дневнике М. В. Торопченова преобладает газетный стиль, точное обозначение места и времени боев, лаконичные военные формулировки: «24 августа 1942 г. <...> с 4 часов утра слышна стрельба. Налеты самолетов. Снаряды летят часто. Многие ложатся близко. 9 час. 30 мин. Сильная бомбежка наших рубежей немецкой авиацией (у д. Тимофеево, Галахово). После этого стрельба затихла. 14 час. Канонада все продолжается почти непрерывно <...>». Строгая хроника событий заставляет автора дневника сухо, по-деловому сообщить даже о своем голодании: «25/8—43 г. <...> У меня сегодня с ночи опухли ноги, тянет сидеть и лежать».

Если мы расширим круг источников и обратимся к газетному хроникальному материалу, то специфика и назначение устного рассказа обнаружится еще более отчетливо. Отражая ход боев за Ржев, фронтовые и армейские газеты помещали информации, корреспонденции, заметки, в которых события и факты, положенные в основу рассказов, приобретали совсем иное, газетное освещение. Поскольку сообщения эти требовали оперативности от автора и были рассчитаны на широкую солдатскую аудиторию, в них сложились свои приемы информации, свой стиль. В них видна строгая фактичность изложения, устойчивые речевые обороты, порожденные необходимым для газеты лаконизмом. Газетная информация, достигшая лапидарности и остроты, могла приближаться к историческому документу — акту. «В селе Роговое немцы загнали в погреб 11 учеников, подожгли избу и дымом задушили ребят».³⁰ «Фашисты согнали в хутор Варганово 52 человека мирных жителей из соседних деревень Холопово и Иванники, отобрали у них обувь и одежду и заперли в грязный сарай. Это были дети от 1 года до 12 лет, 15 женщин и трое стариков...».³¹ Данные информации напоминают нам известный акт о бреховских детях, запертых немцами в холодном амбаре и обреченных на гибель. Их авторы, подобно составителям актов, на основе официальных данных придерживаются строгой фактичности.

В официальных информациях неуместен устный рассказ. Зато он широко использовался в корреспонденциях из района боев и освобожденных селений. Устойчивые газетные формулы были настолько широко употребительны, что проникали в устный рассказ, и это придавало известные черты литературной условности. Например: «В бараках было размещено по 150—180 человек. Люди лежали буквально один на другом <...>».³² «Отец плакал от радости и горя. Вот что он мне рассказал: „День и ночь мы жили под угрозой расстрела. Голод и палки были средством, принуждающим нас к непосильной работе“».³³ «Меня немцы вытащили на улицу и бросили в горящий дом и закрыли дверь. Но я, к счастью, не сгорел. Залез под печку. Когда обрушился потолок, я, задыхаясь от дыма, сквозь огонь выскочил на улицу. Вся одежда сгорела, я получил сильные ожоги. Через короткое время красноармейцы заняли село».³⁴ Разговорная речь в приведенных образцах перемежается с книжными элементами. Книжное влияние заметно в лексике: «было размещено», «буквально», «угроза расстрела», но более всего оно сказывается в конструкциях фраз, для которых

³⁰ Вперед на врага. Ежедневная газета Калининского фронта, 1943, 5/1, № 5 (424).

³¹ Красноармейская правда. Красноармейская газета Западного фронта, 1942, 23/VII, № 202 (6423).

³² Вперед на врага, 1942, 15/IX, № 250 (388).

³³ Вперед на врага, 1943, 6/I, № 6 (425).

³⁴ Красноармейская правда, 1942, 6/VIII, № 216 (6437).

характерно употребление вводных слов (к счастью), деепричастных оборотов (задыхаясь от дыма), причастий и причастных оборотов (горящий дом, средство, принуждающее к непосильной работе) и т. п. Все это составляет предположение, что данные рассказы попадают в газету в обработанном виде.

Однако судьба устного рассказа этим не исчерпывается. Испытывая потребность придать наибольшую остроту корреспонденции, газетчик включает показания очевидцев. В корреспонденциях данного типа устный рассказ еще не утратил своих примет и может быть довольно легко обнаружен. Полное слияние элементов устного рассказа с авторским замыслом, растворение устного рассказа в авторском повествовании произойдет в составе литературного произведения — рассказа, повести и т. п. В условиях военного времени устный рассказ не только широко использовался газетной периодикой, но проникал и в художественную литературу. Пути этого проникновения сложны и заслуживают специального рассмотрения.

Устные рассказы близки к исторической литературе, но представляют собой совершенно иную категорию речевой деятельности. Генетически они восходят к подлинной действительности, но вместе с тем приобретают такие черты, которые заставляют исследователя вывести их за пределы литературы исторической. Храня память о дорогих людях или повествуя о себе, рассказчики, может быть, делом своей чести считали соблюдение фактической достоверности. Но вместе с тем они довольно смело отступали от факта и допускали элементы вымысла, в более или менее обобщающих образах рассказывая о прошедшем. Действительный факт, изложенный в устном рассказе, не остается нейтральным к законам художественного творчества и в той или иной мере им повинуются.

В процессе бытования, пусть ограниченного, рассказ приобретает черты художественности — сгущение, гиперболизацию и т. п. В устном рассказе возникает попытка освободиться от бытовизма и фактографичности. Хотя в большинстве случаев их полной утраты так и не происходит, все же рассказ нередко выливается в акт сознательного творчества, в нем допускаются выдумка, известная доля легендарности. Например, рассказывается о встрече девушки-комсомолки с гитлеровцами в то время, когда она везет прятать колхозный хлеб. «Едет, а самой боязно... Да вот их нелегкая и несет, едут на мотоциклетах. Раскидали хворост... „Брот? Клеба?“ „Хлеб“, — говорит. „Капут! Партизан!“. Поворачивают лошадь, она — не давать. „Не ваш, — говорит, — хлеб везу, а свой, советский!“. Так и сказала „советский!“. Как услышали — хватъ, один выхватил револьвер, наставил в глаза ей и — выстрелил» (из расск. О. М. Румянцевой, 1890 г. рожд., Хорошево, Ржевского р-на, запись. в 1948 г.). Из рассказа далее узнаем, что выстрелом в упор девушка не была убита. Молва приписала ей связь с партизанами. Оказалось впоследствии, что и хлеб везла она в партизанский отряд. В другом рассказе слились воедино два жизненных факта: зверское убийство пленного советского бойца и налет советских бомбардировщиков на фашистский объект. Рассказчику показалось, что пролитая врагом кровь товарища, умирающего с песней «Интернационал» на устах, «к небу брызнула. И еще показалось тогда, будто огнем запылали в небе капли крови и указали фашистский объект нашим летчикам. Не поверите, а ведь это сущая правда. Так оно и было: откуда ни возьмись. налетели наши „яки“ и давай крошить это зверье <...>» (из расск. П. С. Семенова, 1916 г. рожд., Хорошево, Ржевского р-на, запись. в 1949 г.). Видимо, всей натурой советского человека повествователь страстно протестовал против неволи и не мог примириться с мыслью

о безнаказанности фашистских убийц. Он — солдат, не очень искусный рассказчик, но человек, очевидно, знающий литературу, и в частности горьковского Сокола, чьи капли крови вспыхивают искрами во мраке жизни. В его рассказе, подкупающем искренностью, литературная реминисценция уместна и ничуть не кажется неестественной.

Как видно, в рассказах с жизненно достоверной основой обозначился отрыв излагаемого от действительного факта, сопровождаемый наполнением устного рассказа элементами вымысла в духе фольклорной традиции. Еще более заметные признаки фольклорности содержит рассказ о кровавых цветах, записанный летом 1948 г. на территории бывшей деревни Соломино Ржевского района. «Вглядишься хорошенько: вон промеж Тяплова и Соломина на поле вся земля была поливана кровью человеческой. Не рассказать, какие там бои шли. Днем свету белого не видать, а ночью небо пламенем занимается. Лишь стала остывать матушка-сыра земля от горячей людской крови-то от фашистской, звериной — смрад поднялся и злование всякое, а летом — глядим — бурьяном все заросло: и окопы, и блиндажи, и канавы, и так — целые ложбины. А промеж него, бурьяну-то, где наши соколы за правое дело пали, там кровь их честная в землю впиталась, по капельке, по жилочке в зерна собралась, и цветы из зерен этих кровавые выросли. Поднялись они высоко-высоко, словно манят к себе и цветут пышные, головистые целое лето, до поздней осени.

Взглянешь на них — сердце заходится, ноги подкашиваются и слезы рекой хлынут. Кто ж посеял вас, кем поливаны, родимые? А они ровно в ответ тебе — наклонятся: приласкай, дескать, пригрей на сердечушке, добрым словом помяни...» (Е. Ф. Королева, 1885 г. рожд.).

Рассказ возник на конкретной жизненной основе. В 1948 г. в западных и юго-западных сельсоветах Ржевского района налаживалась, как и всюду, нормальная жизнь, но трудности были велики. Во время своего хозяйничанья фашисты опустошили и сожгли почти все деревни. Кругом царила тишина запустения. Здесь происходили многодневные ожесточенные бои. На месте плодородных полей и лугов образовалось кладбище, а затем разрослась буйная зелень.

Но в соломинском рассказе картина боя приобретает широкое обобщение, поскольку мест, подобных соломинско-тяпловскому массиву, на Ржевщине немало. В их названиях, сохранившихся до сих пор, остались запечатленными события войны: «Мертвая долина», «Лес смерти», «Мертвая зона» и т. п. Благодаря этому образ кровавых цветов, выросших на месте ожесточенных боев, становится обобщающим, самобытным и глубоким: в нем воплощена горечь народных страданий, идея бессмертия подвига во славу Родины и верность знамени революции.³⁵ Образ кровавых цветов проникнут лиризмом. Мягкость и задушевность ему придают ритмическая речь, эпитеты, стоящие после определяемых слов, ласкательные и уменьшительные суффиксальные формы, синонимы. Наличие антитезы (бурьян — пышные цветы) усиливает вместе с другими художественно-образовательными приемами драматизм содержания. Как видно, в процессе создания этого образа важную роль играла традиция. Но само его появление имеет, надо полагать, и психологические корни. В рассказе выразилась потребность описать переживания людей, потрясенных неслыханной жестокостью и зверствами врагов. Рассказчица не просто хочет поделиться с собеседником всем пережитым, но рассказать впечатляюще и

³⁵ Этот образ был известен в рассказах жителей не одного лишь Ржевского р-на. На Украине слышал такие рассказы бывший редактор фронтовой газеты «За нашу победу» В. А. Земной, о чем сообщил мне в 1965 г.

глубоко, т. е. испытывает потребность самовыражения, в основе которой лежит глубокая психологическая мотивировка. Так происходит трансформация собственного, взятого из своей жизни, «а не отвлеченно-сказочного материала в почти что сказочные формы».³⁶

Повторные записи в районе Тяплова — Соломина, произведенные в 1965 г., показали, что образ кровавых цветов сохранился в памяти народа, о чем свидетельствуют рассказы, варьирующие образно-тематическое содержание рассказа о кровавых цветах. В рассказе Е. М. Никольской, жительницы дер. Кокошкино, расположенной в четырех километрах от Соломина, рисуется мрачная картина запустения. «Деревня наша вся была разбита и сожжена. Не осталось ни одной постройки. И были мы угнаны в Смоленскую область в мае месяце. И вот приехала я в родные места, как немцев прогнали (это в сорок третьем году!). Кругом пустырь. Одна дощечка на столбике показывает „Кокошкино“. Ходить нигде было нельзя. Не пахали, не сеяли. На телегах убитых вырос бурьян и красные цветы. Это как в песне:

Над костями павших поросло бурьяном,
И развевает ветер вихрем-ураганом.

Промеж бурьяну цвели красные цветы, большие стеблы — выше человеческого роста.

Когда стали косить, эти цветы обходили: знали, что они на телах убитых растут <...>. Можно заметить, что образ алых цветов сохраняет символический смысл и воплощает представление о жертвах, понесенных народом, об антигуманистической сущности войны и о верности идеалам революции. Вместе с тем в данном рассказе встречаемся с тенденцией к тому, чтобы объяснить фантастический элемент, найти материалистическое понимание образа кровавых цветов. Цветы в этом рассказе не кровавые, а красные, алые — кипрей, или довольно популярный Иван-чай.

2

Сходные явления в устном рассказе эпохи минувшей войны наблюдают чешские и словацкие ученые. Например, Яромир Йех подробно исследует устные рассказы, записанные в районе Навеклова, где во время гитлеровской оккупации на месте тридцати чешских деревень был создан обширный учебный полигон танковых соединений войск СС. В рассказах говорится о том, как местные жители должны были покинуть родные деревни и жить на чужбине, где они тосковали по своему дому, который после освобождения нашли в развалинах. Рассказывается о неимоверных страданиях пленных в концлагерях «запрещенной зоны», о хозяйничанье эсэсовцев на чешской земле, о восстаниях заключенных и последующих кровавых расправах.³⁷

Перед нами рассказы о действительных событиях, «человеческие документы», принадлежащие к хроникальной или мемуарной разновидности. Я. Йеха интересуется определение их места в системе идеологических явлений, и в частности отношение к фольклорной традиции. С этой целью исследователь сравнивает устные рассказы, содержащие первоначальные известия о предстоящем выселении и представляющие различные версии одного и того же эпизода.³⁸ Эти хроникальные рассказы хотя и связаны

³⁶ А. Твардовский. Собр. соч. в четырех томах, т. IV. М., 1960, стр. 419.

³⁷ J. Jech. 1) Vyprávění ze života; 2) Odboj a revoluce.

³⁸ J. Jech. Vyprávění ze života, s. 254.

с историческим фактом, но так же, как и русские тексты, допускают очевидное отступление от действительности. На их основе трудно, а иногда и невозможно восстановить истинное положение дел. Но, несмотря на различные версии, Я. Йех находит в них и черты сходства: ошеломляющая неожиданность известия, представляющего нелепым и диким, страх перед гестаповцами, этими «шелудивыми псами», неблагоприятные предзнаменования, предчувствия и т. п. Даже в простом сообщении народ тянется к поэтическому образу, к сравнению или метафоре. Например, известие о выселении подействовало «как молния» (в другом месте — «как гром» или «как лавина»). Сопоставляя обширный материал, собранный от 160 человек в 120 деревнях, Я. Йех усматривает общее в способе словесного выражения того опыта, который приобретен сообща и который откристаллизовался в определенных мыслях, чувствованиях и вкусах. «Существеннее то <...>, как народ определенного края или же народ всех областей об одних и тех же вещах и об одних и тех же ситуациях высказывался — как правило, одинаковым, общепринятым способом».³⁹

Очевидно, рассказчик из массы событий и впечатлений, пережитых в действительности, отбирает такие, которые рассчитаны на ответное сопереживание слушателя, т. е. рассказывает о случаях, ему, слушателю, вполне доступных и вызывающих определенные ассоциации и переживания, а также о людях, способных вызвать живой отклик в его душе. В конечном счете рассказчик обращается к ситуациям и жизненным положениям, позволяющим соотнести его личный опыт с коллективным. Именно такие ситуации и можно выразить традиционным, «общепринятым способом», они-то и становятся повторяющимися, устойчивыми. Правильно замечает словацкий рассказовед А. Мелихерчик: «Впечатления о пережитом не уходят в прошлое. Они оживают при различных обстоятельствах в форме устного рассказа (rosprievani) <...>. Но в процессе дальнейшего творческого развития <...> выбираются моменты более или менее устойчивые».⁴⁰ Отбор «устойчивых моментов» можно показать на примере рассказов, отражающих жизненную ситуацию «мать—дети». Сопоставление текстов показывает, что она выделилась в составе не только русских, но и иноязычных устных рассказов, существующих у народов, боровшихся с фашизмом, например у чешского и словацкого.

Приведем отдельные ее элементы. Женщина становится матерью на дорогах войны — таков исходный момент. «Рассказывали у нас в казарме, что когда бежали из Калинина 13 октября, — ведь что творилось! Фашисты бомбят, назад посмотришь — город пылает, наша „Пролетарка“ горит, и тут на дороге народ мечется, люди-то идут, идут двигай, а одна, вишь, женщина рождает... Кричит не своим голосом, а возле нее наш в армейской форме офицер какой-то, ребеночка-то и принял» (из рассказа В. И. Моториной, 1908 г. рожд., «Пролетарка», г. Калинин, запис. в 1967 г.). Поступок советского воина, имеющий глубокий гуманистический смысл, оттеняется зверствами врагов в рассказах о матерях, на глазах которых фашисты мечут в колодезь плачущих детей. «У меня своих восемь человек было да две старухи. Потащила их прочь от дома, от деревни подальше. Как шли — страсть! Своими глазами видела колодезь, доверху детьми уложено» (из рассказа Е. С. Чепеловой. 1906 г. рожд., дер. Грива, Оленинского р-на, запис. в 1967 г.). По другим рассказам, мать теряет детей, погибших от голода: «Младшенький-то грудной был. Не вынес, помер... И еще троих схоронила...» (из рас-

³⁹ Там же, s. 255.

⁴⁰ A. Melicherčík. Boj proti fašizmu, s. 360.

сказа П. А. Антипова, 1902 г. рожд., Сазоново, Оленинского р-на, запис. в 1968 г.). Мать лишается детей, подорвавшихся на mine. «Вот они пошли. Правда, один мальчик взял гранату-то. Взял гранату-то, а мой сын старший-то говорит: „Ты, Ванька, брось гранату, а то вот смотри — взорвется и нас взорвет“. А сам говорит: „Пойдемте скорее, ребята“. Он-то отскочил, а младший оглянулся — вот так! Оглянулся, ему сразу челюсть вырвало, руку оторвало и в живот. И девочку тоже, всё в живот девочку...» (из рассказа Е. М. Лебедевой, 1907 г. рожд., Василево, Торжокского р-на, запис. в 1967 г.). Повествуется о гибели матери и оставшихся в живых детях. Немцы убивают мать-партизанку и оставляют ребеночка. «И на ребеночка не поглядели. Отняли, а ее расстреляли» (из рассказа М. И. Манюшиной, 1904 г. рожд., Тимохны, Великолукского р-на, запис. в 1967 г.).

Тема «мать—дети» расширяется за счет показа взаимоотношений между матерью и взрослыми детьми. Русские записи изобилуют рассказами, где мать получает похоронную на сына либо на двоих сыновей и всю трепетную любовь и надежду возлагает на младшего, прося его остаться, но и этот уходит на фронт и погибает. В словацких записях встречаем похожую ситуацию: мать, провожая сына, уговаривает его остаться. Но здесь включаются расширяющие содержание элементы. Например, материнской просьбе противостоит непреклонный дух сына-борца: «Когда мы стояли у машины, мать отговаривала меня: „Не ходи. Убьют тебя...“. Но когда я получил винтовку, уже никто не мог отговорить». ⁴¹ К упомянутым рассказам близки и такие, где говорится о матери или жене, заменившей погибшего сына или мужа, иногда и того и другого. «Мужа ее расстреляли как партизана, дети пропали (ушли с советскими разведчиками, о чем мать не знала, — А. Г.), и пошла она добровольцем на фронт» (из рассказа Е. М. Никольской, 1890 г. рожд., Кокошкино, Ржевского р-на, запис. в 1965 г.). Ситуация «мать—дети», пришедшая из жизни в рассказ, принадлежит к числу устойчивых в репертуаре рассказчиков. Трансформация рассказа с течением времени может обнаружиться в виде модуляций, происходящих с другими элементами рассказа путем выпадений, вставок, сокращений, но только не с данными элементами, играющими конструктивную роль.

Известно, что образ матери широко представлен в традиционной фольклорной прозе. В современных устных рассказах нет прямого заимствования из сказок, легенд, преданий, но сблизить их можно, как это делает А. Мелихерчик, сопоставляющий устные рассказы о партизанах с рассказами о «збойниках». «Устные рассказы не были продолжением, но сходство очевидно... Особенно близки они в жанровой манере подачи фабулы». ⁴² Вполне определенно влияние традиции сказывается в обобщающей широте и типичности материнского образа. Устные рассказы создавались на основе рядовых, повседневных явлений войны, но в них в духе народной традиции происходит трансформация жизненного материала: отсекаются детали, придается забвению все второстепенное, частное и, наоборот, выявляется все крупное, наиболее значительное в жизни. ⁴³

Уместно также упомянуть о рассказах, посвященных исключительно фактам: о расстрелянных советских и чешских патриотах и их почти

⁴¹ Там же, s. 369, ср. s. 380—381.

⁴² Там же, s. 369.

⁴³ Здесь нет необходимости говорить о том, что фольклористы имеют дело не со всеми воспоминаниями всех лиц, встреченных собирателем без разбора, а лишь с теми, кто слывет как известный рассказчик.

фантастическом спасении, о побегах обреченных на смерть узников, о разведчиках, добывающих «языка» в невероятных условиях, и т. п. Но явления действительности, яркие по своей исключительности и имеющие неповторимое своеобразие, всегда служили материалом для художественного творчества. И все же никогда еще действительность не давала в таком массовом количестве подобный материал, как это было в годы минувшей войны, никогда еще не становилось столь беспрепятственно исключительное типическим.

Отбор фактов и их строгая фильтрация в процессе рассказывания не только приводят к созданию «устойчивых моментов», т. е. устойчивых образов и ситуаций, но отражаются также на характере сюжетно-композиционных и стилевых особенностей, образующих повторяющиеся элементы, известные сходжения. Близость предметно-тематического и разного содержания рассказов русского и некоторых иноязычных народов иногда влечет за собою потребность в использовании одинаковых или сходных мотивов повествования. Сошлемся на примеры. Как доказали исследователи, для многих русских, украинских и белорусских рассказов, помимо прочих мотивов, «устойчивым стал мотив переодевания героя».⁴⁴ «Используя разную одежду, меняя внешний облик и „профессию“, он успешно проводит разведку, дурачит немцев и остается неуязвимым».⁴⁵ Ученые относят этот сюжет к числу «бродячих», или «кочующих», в составе советских устных рассказов военного времени.⁴⁶ Если мы обратимся к словарным источникам, то обнаружим тот же мотив переодевания, особенно отчетливо представленный (так же как и в русском репертуаре) в рассказах о партизанах, например в записанном от Юлиуса Халупки из Слечан Мартой Побежаловой.⁴⁷ Поскольку рассказчик повествует о своей личной помощи партизанам, то в рассказе почти не остается места для вымысла. Зато в рассказах, оторвавшихся от авторисполнителя, легендарный элемент значительно усилен. От Штефана Чилека из Старых Гор Я. Михалек записал рассказ о смелых и решительных действиях русского партизана по имени Борис. В центре внимания рассказчика — эпизод нападения на немецкую охрану, выставленную на железнодорожном мосту: «Борис переоделся в женское платье и стал тянуть за собой санки, а на них сидел шестнадцатилетний партизан-словак. Патруль потребовал пропуск, и тут Борис выстрелил в него. Он упал...».⁴⁸ Эта операция живо напоминает нам рассказы о Ковпаке, К. Заслонове, Филиппе Стрельце, в которых народный вымысел заслонил реальные факты, происходившие в суровые партизанские будни. Допустимо предположить, что действия партизана Бориса здесь расцвечены народной фантазией. Перед нами образ любимого народного героя («Его любили не только партизаны, но и жители окрестных деревень»), который по традиции вбирает лучшие черты и качества многих бойцов, оставшихся неизвестными. Близок Борису дерзостью и решительностью своих действий другой советский партизан по имени Иван. Рассказчик Ян Заяц из Требихова как бы в доказательство своих слов «Чего с партизанами ни случается!» включает в рассказ тот же мотив переодевания. Он содержит, по-видимому, вымышленную историю и повествует о том,

⁴⁴ Л. В. Домановский. Устные рассказы, стр. 217.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Н. Д. Комовская. Народный рассказ Великой Отечественной войны. — Современный русский фольклор. М., 1966, стр. 156; Л. В. Домановский. Устные рассказы, стр. 219.

⁴⁷ A. Melicherčík. Boj proti fašizmu, s. 389.

⁴⁸ Там же, s. 391.

что Иван «провел через городок партизан, переодетых в немецкую форму. Они шли и пели немецкие марши».⁴⁹

Устойчивые повествовательные мотивы естественно связаны и с другими элементами устного рассказа, например с их композиционной структурой. В устных рассказах, как и в традиционных сказках, существенную роль играет мотив встречи. Так, зерно упомянутого рассказа О. М. Румянцевой — встреча становской комбайнерки Нины Бойковой с гитлеровцами. В рассказе П. С. Семенова (Хорошево, Ржевского р-на, зап. в 1948 г.) товарищ рассказчика по фашистскому плену встречается с охранником.

На мотиве встречи бойцов Сопротивления с гитлеровцами построены многие чешские, словацкие и сербские рассказы.⁵⁰ Среди сербских материалов есть немало рассказов, имеющих тот же конструктивный мотив встречи, развернутый, однако, своеобразно, в духе национальной традиции. Например: «По случаю первого наступления партизан на Лебаны в Яблонце седьмого ноября 1941 г. пароль был „седьмой“, отзыв „ноябрь“. После, как город был взят и четнический гарнизон выбит из опорного пункта, партизаны разместились в городе, ожидая утра; один из четников попытался выбраться из города. Возле школы, в которой разместилось много партизан, часовой услышал чьи-то шаги и крикнул: „Седьмой!“ Все стихло, и часовой подумал, что никого и не было. На рассвете между тем партизанский патруль наткнулся на испуганного человека, который сидел на холодной земле. „Ты что сидишь тут?“ — спросили его партизаны. „Шел здесь и вдруг окрик: «Сядь!», а не сказали, чтобы я встал“, — ответил четник».⁵¹ Таков же и анекдотический рассказ «На Колац»: «В 1943 году группа партизан 18 славонской бригады взяла в плен несколько усташей. В то время штаб бригады находился на Колацу, в районе Папука. Борцы повели захваченных в плен усташей в штаб своей бригады. На пути им встретился крестьянин и полюбопытствовал: „Куда ведете этих гадов?“ „На Колац“, — ответил один из партизан. „Другого они не заслужили, кроме кола“, — сказал крестьянин».⁵² Югославские анекдотические рассказы передают реальные случаи, в которых проявились смекалка, находчивость и юмор, присущие народу даже в трудные и опасные моменты. В их поэтике содержатся те же элементы, которые встречаются в русских и чешских рассказах: диалог, сопровождающий встречу, конструктивно сложившаяся монологическая речь повествователя, с весьма заметным влиянием разговорного, образного языка, иногда включающего омонимы,⁵³ причем в ней содержится отчетливое словесное обозначение врага, одинаковое у всех названных народов, — фашисты и их приспешники неизменно именуются гадами, псами.

Чешскими исследователями замечено композиционное сходство устных рассказов военного времени с традиционными «суеверными» рассказами.⁵⁴ Известно, что в силу неотъемлемой закономерности народного творчества новый жанр создается во многом из старых, порой древнейших элементов — характерологических, фабульных, языковых. Однако складываю-

⁴⁹ Там же, s. 365.

⁵⁰ См., например, там же, s. 380.

⁵¹ Anegdote iz oslobođilačkog frata. Isbor i redakcijy R. Bašić i S. Orahovac. Sarajevo, 1957, s. 10.

⁵² Partisani v anegdotama. Isbor i redakcijá S. Orahovac. Sarajevo, 1964, s. 10.

⁵³ В приведенных рассказах большую роль приобретает игра слов: «седьмой — седми» и «сядь — седи»; по-сербохорватски «на колац» значит «на кол», — казнь, введенная в свое время турками. В то же время «Колац» — название местности.

⁵⁴ См., например: J. J e s h. Odboj a revoluce, s. 147.

щееся целое, вобравшее в себя черты традиционной модели, конечно, отличается от всех предшествующих повествовательных форм. Сказочные, фантастические формы освоения действительности не годились в этих условиях, жизнь требовала сохранения в устной традиции памяти о знакомых и малознакомых людях — о тех, которые боролись, и в особенности о тех, кто погиб в борьбе.

Итак, рассмотренным рассказам свойственна особая, отличная от письменной повествовательная форма.

Хроникальные устные рассказы выходят за пределы исторической литературы и, по верному наблюдению О. Сироватки, находятся «на периферии фольклора». Они обращают нас к истокам словесного искусства и дают редкий пример той специфической области словесного творчества, которая «находится где-то на границе литературы и повседневного языкового общения»,⁵⁵ «на непосредственном стыке, смыкании искусства и жизни».⁵⁶ Фольклорные элементы содержатся в них лишь в эмбриональном состоянии. В рассказах, относимых к фабульной разновидности, черты фольклорности, как показывает сопоставление русских рассказов с иноязычными источниками, проявляются с большой отчетливостью в устойчивых ситуациях, в сходных мотивах повествования, в сюжетно-композиционных и стилевых особенностях. Устанавливая взаимоотношение традиционного и нетрадиционного в народной культуре, А. Мелихерчик видит распад «устойчивости (stabilita) структуры традиционной народной культуры».⁵⁷ Но традиция не исчезает, по убеждению исследователя, а играет роль «выравнивания». «Традиции выравнивали и налаживали отдельные развивающиеся элементы общей структуры народной культуры»,⁵⁸ так называемый распад «обозначает, может быть, признаки возникновения нового качества».⁵⁹ Еще определеннее по этому поводу высказывается Я. Йех: «В настоящее время можно сказать, что произошла какая-то смена фольклорного репертуара, но ни в коем случае не абсолютная его замена».⁶⁰ По мнению Я. Йеха, нельзя отрывать от фольклорной традиции ни рассказов, ни самих рассказчиков: «<...> таланты рассказчиков не возникают из ничего, а рождаются на основе самых разнообразных традиционных жанров. И еще вот что: сама манера подачи материала в „нетрадиционных преданиях“, какими являются воспоминания, относящиеся ко времени оккупации и к „запрещенной зоне“, — все это предполагает существование и наличие эпической традиции».⁶¹ Традиционное содействует развитию элементов нового, и это позволяет в формах современного устного рассказа обнаружить определенные элементы фольклорности.

⁵⁵ В. В. Кожин. Роман — эпос нового времени. — Теория литературы. Роды и жанры литературы. М., 1964, стр. 100.

⁵⁶ Там же, стр. 108.

⁵⁷ А. Melicherčík. Tradičné a netradičné, s. 368.

⁵⁸ Там же, s. 367.

⁵⁹ Там же, s. 368.

⁶⁰ J. Jech. Odboj a revoluce, s. 146.

⁶¹ Там же.

Л. Г. БАРАГ

ОБ УСТНЫХ РАССКАЗАХ, ЗАПИСАННЫХ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Генезис, структура, бытование, проблемы классификации и идейно-эстетической ценности рассказов, формирующихся и распространяющихся в народной среде повседневно в ходе непринужденных разговоров, привлекли внимание многих советских и зарубежных фольклористов. Некоторые итоги их наблюдениям и дискуссиям подведены в статьях, опубликованных в ежегоднике «Русский фольклор», в берлинском журнале «Fabula» и других изданиях.¹ Повседневные невыдуманные рассказы, форма которых неустойчива, еще недооцениваются как материал для анализа истоков и развития процесса фольклорного творчества. В этом живом процессе рассказы, лишенные или почти лишенные художественности, связаны с рассказами, в которых она достаточно заметна. Невнимание к начальным стадиям фольклорного процесса ограничивает возможности исследования его специфики. Не только те из устных рассказов, эстетическое значение которых безусловно, представляют интерес отбором и выразительностью изображения характерных фактов, жизненных деталей и элементами творческой фантазии, сочетанием в повествовании традиционного и импровизационного начал.

1

Возникнув на фактической основе под влиянием воспоминаний и местных слухов-толков, стимулирующих воображение рассказчиков, устный рассказ иногда только с течением времени, передаваясь из уст в уста, получает композиционную устойчивость, становится фольклорным произведением. Включаясь в тот или иной разговорный контекст, рассказ варьируется в зависимости от этого контекста. В качестве примера приведу популярный в среде рабочих Белорецкого металлургического комбината устный сюжет. «Это было в Чикаго в 1894 году на международ-

---

¹ См.: Н. Baumgarten. Struktur des alltäglichen Erzählens. — Fabula, 1958, H. 3, S. 239—254; O. Sirovatka. Der gegenwärtige Stand der Tschechischen Volks-erzählung. — Internationaler Kongress der Volkserzählforscher in Kiel und Kopenhagen. Berlin, 1961, S. 470—471; С. Н. Азбелев. Современные устные рассказы. — Проблемы современного народного творчества. (РФ, т. IX). М.—Л., 1964, стр. 132—177; И. З. Ярневский. К определению устного рассказа как жанра. — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР, вып. 18. Улан-Удэ, 1965, стр. 171—186; M. Bošković-Stulli. Narodna predaja-Volkssage-kamen spotcania u podjeli vrsta usmene proze. — Sveučilište u Zagrebu. Radovi zavoda za slavensku filologiju, sv. X. Zagreb, 1968, s. 27—40; M. Proodel. Über die nichtklassischen Volkserzählung, ihre Genesis und Verbreitung. — Fabula, 1969, H. 1—3, S. 142—154.

ной промышленной выставке, где демонстрировалось прокатанное на Тирлянском заводе железо. Оно привлекло внимание посетителей. Но вот к представителю Белорецких заводов подошел американский инженер и говорит: „Ничего особенного в этом железе не вижу“. Белорецчанин, улыбаясь, взял небольшой железный лист, свернул из него „козью ножку“, насыпал табак и закурил. Вокруг собралась толпа. Американскому инженеру захотелось самому покурить „железную трубку“. Подал белорецчанин тонкий лист другойковки. Долго вертел его во все стороны американец под смех толпы, но даже согнуть не смог. Это вызвало сенсацию. Куча нашего железа была раскуплена любителями сувениров.² Свернуть из железного листа «козью ножку» и закурить ее нельзя. Но данный домысел коренится в действительном факте замечательной гибкости тирлянского листового железа. М. А. Герасимов рассказал «Про железную козью ножку» по поводу исполнения хором рабочей песни «Славен, славен Белорецкий наш завод»,³ где поется о том, что белорецкое железо «за морями ценится». Другой вариант того же рассказа записан в Белорецке участниками фольклорной экспедиции БГУ в ходе разговора о белорецких и тирлянских «железных диковинках» — уникальных изделиях в экспозиции Белорецкого краеведческого музея.

Традиционные фантастические фольклорные мотивы и образы, имеющие очень широкое распространение, сливаются с былью-воспоминанием и претерпевают своеобразную трансформацию в сторону реалистичности.

В этом отношении показателен рассказ приискового рабочего-пенсионера Ф. М. Гусева (1879 г. рожд.), записанный нами в 1966 г. «Расскажу я про случай, свидетелем которого был. Хотите — верьте, хотите — нет. В 1901 году работал я на Ленских приисках, жили мы, артель старателей, в тайге. У нас в землянке стол был устроен на четырех чурках. Находили ребята иногда самородки склопа величиной, мы их еще плюшечками называли. За тем, чтобы не утаивали золото, начальство строго следило. На воле же скупщик платил 7 рублей 20 копеек за золотник, так что выносили плюшечки, кто как мог. Один проглотит, другой за щеку схоронит. Третий под ноготь подсунет. Посоветовались мы, куда припрятать золото, и решили в чурке скважину сделать. Просверлили отверстие и штырем заколотили его. Стали в эту чурку плюшечки спускать. Расчет тогда был недельный. В субботу все уезжали за расчетом, а одного оставляли „домашить“. И вот придумал старатель проверить, сколько в чурке золота накопилось. Сорвал столешницу, видит — дыра в землю ушла, а золота нет. Приехали с расчетом. Испуганный старатель рассказывает: „Ну, ребята, золото пропало!“ — „Ты открывал?“ — „Открывал. Насквозь чурка продырявлена и в земле дыра“. Старик один с нами был. Вот он и говорит: „Не расстраивайтесь. Это, может, счастье наше. Давайте вьюрок ниток и плюшечку золота“. Взял он плюшечку, обмотал ниткой и опустил в отверстие. Вьюрок кружится, мы следим все. Вот он остановился. Старик говорит: „Слава богу, недалеко ушло! Стойте, не шевелитесь. Копать-то недолго придется. Тащите сюда лопатку, кайло. Следите за ниткой, а то потревожите врага, который золото украл, дальше унесет!“. Стали копать по нитке. Метра три-четыре прошли и наткнулись на золото. Оно в сусеке у мыши хранилось: золотники, как

² Записано в г. Белорецке от М. А. Герасимова, 1919 г. рожд., студенткой Башкирского государственного университета (БГУ) М. Прокопьевой в 1968 г. Эта и все другие цитируемые записи хранятся на кафедре русской литературы БГУ.

³ Русское народное творчество в Башкирии. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957, стр. 251. — Песня публиковалась неоднократно.

просинки отборные, очищенные все, — прямо блестят! Взяли мы 2 фунта 24 золотника».⁴

Мотив «Мышь (змея) ворует золото» известен по традиционным рассказам приисковых рабочих, связанным с фантастическими представлениями о существовании тайных связей между золотом и мышами, а также змеями. Ф. М. Гусевым рассказ ведется на грани фантастического и реального, как и в других записанных от него устных произведениях, но в основном получает реалистическую трактовку. Такие бытовые «достоверные» подробности, как указания на то, что «на воле скупщик платил 7 рублей 20 копеек за золотник» и что «в сусеке у мыши <...> взяли 2 фунта 24 золотника», своеобразно оттеняют необычность сюжета. Рассказ Ф. М. Гусева неотделим от традиционного горняцкого фольклора и вместе с тем это рассказ-воспоминание, связанный с личностью рассказчика, его биографией.

С. Н. Азбелев в статье «Современные устные рассказы» выдвинул в качестве критерия фольклорности «самостоятельное бытование текста, уже „оторвавшегося“ от очевидцев описываемых в этом тексте событий».⁵ Превращение устного рассказа-воспоминания в традиционное предание или легенду безусловно характерно для процесса фольклоризации. Нередко же устный мемуарный рассказ, не отделившийся от личности современного нам автора-рассказчика, представляет не меньший интерес для изучения устного народного творчества, чем рассказ, уже фольклоризировавшийся в течение времени настолько, что стал преданием.

Не чужды фольклорному творчеству, например, записанные в Белорецком районе БАССР устные рассказы-воспоминания о заводчике Фондербисе. «Хозяин Инзерского и Лапыштинского заводов Фондербис постоянно в Петрограде жил, а в Инзер приезжал ненадолго, не каждый год. Слухи ходили, что получил он в наследство двадцать восемь пудов золота. Но был очень скуп. Кассирша на вокзале в Уфе недодала сдачи пять копеек, когда он билет на поезд брал, так через год напомнил ей об этом. Я был в Инзере, когда он туда зимой, перед Февральской революцией, приехал — толстый, розовый, в суконной поддевке, в подшитых черных валенках выше колен. Зашел в сопровождении управляющего на склад и стал рассматривать гири. „Виталий Иннокентьевич, что это такое?“ — „Это гири.“ — „Для чего?“ — „Для взвешивания применяются“. Фондербис нагнулся и приподнял одну гирю. „Ох, черт! Какая тяжелая.“ — „Два пуда.“ — „Вот оно что!“ Такой придурковатый был: на его заводах чугун выплавляли и гири отливали, а он не знал, зачем».⁶ Ни один из местных рассказов о скаредном и неумном Фондербисе не имеет устных вариантов, но в каждом из таких взаимосвязанных рассказов заводчик характеризуется комическими эпизодами, бытовыми сценками, типичными деталями (например, подшитые валенки миллионера), основанными и на слухах, и на виденном, слышанном лично рассказчиком. Повествовательная канва как бы вытекает из логики образа, сложившегося в рабочей народной среде коллективно. Гюви, управляющий дореволюционным Авзяно-Петровским чугунолитейным заводом, запомнился местным жителям своими разгульными походе-

⁴ Записано в пос. Целинном Абзелиловского района БАССР Л. Барагом и студентками БГУ В. Митрошиной и Р. Орадовской в июле 1966 г.

⁵ Проблемы современного народного творчества. (РФ, т. IX). М.—Л., 1964, стр. 163.

⁶ Записано нами в 1965 г. в пос. Карталинская западь Белорецкого района от Бескораваяева Михаила Николаевича, 1884 г. рожд., бывшего рабочего Инзерского и Лапыштинского заводов.

ниями, которые в освещении отдельных рассказчиков-очевидцев получают художественную выразительность как типичные «картинки прошлого». Подобные рассказы не относятся к традиционному фольклору, но они так же свойственны устному художественному творчеству, как литературному творчеству близки литературные рассказы-воспоминания, и в них проявляется одаренность народных рассказчиков так же, как и в преданиях, легендах, сказках, которые входят в репертуар этих рассказчиков.

Предание о первом башкирском рабочем-металлурге Ибрагиме Ильясове, который работал в кричном цехе Белорецкого завода в 30-е годы прошлого века, в отличие от рассказов-воспоминаний о Фондербисе и Гюви, имеет устные варианты, что характерно для фольклорных произведений. Из ряда этих вариантов, которые имеют только информационную функцию и не обладают определенной сюжетной формой, выделяется устная новелла, записанная в г. Белорецке от рабочего-пенсионера Кильмухамета Тафтахатдинова, 1891 г. рожд., краеведом Р. А. Алферовым. «В Тамьяно-Катайском кантоне (Белорецкий район) лет сто тридцать тому назад жил башкир Ибрагим. Занимался он бортничеством. Жалили его пчелы, но он терпеливо переносил боль и весь в укусах ходил. Сам мед ел и в обмен на железо носил на Белорецкий завод... Белорецкий завод тогда называли Идельбаш. Сюда менять мед приходил Ибрагим. Был на заводе управитель Яков. Он уговаривал Ибрагима поступить на завод: „Будешь хорошим железодельцем“. Согласился Ибрагим и стал работать в кричном цехе. Там стояла страшная жара. Летали огненные пчелы и больно жалили тело Ибрагима. Долго терпел он эту огненную боль. Но когда Яков дал ему заработок — горсть медных монет, Ибрагим бросил монеты под ноги управителю и отправился в свой аул. Яков спрашивает: „Чего ж ты, Ибрагим, уходишь?“. Ибрагим ему отвечает: „У вас пчел много, а меду нет!“. Было это в 1836 году».

В других, записанных в Белорецком районе на русском и башкирском языках вариантах нет подробностей того, как Ибрагим стал рабочим, и не упоминается о том, что он, прежде чем испытать горечь «огненной работы», занимался бортничеством и «весь в укусах ходил». Между тем в приведенном устном тексте сюжет строится на образной ассоциации и контрасте между привольной жизнью пчеловода и невыносимо тяжелым трудом на крепостном заводе в горячем цеху: «Жалили его пчелы <...> сам мед ел и в обмен на железо носил». — «Летали огненные пчелы и больно жалили тело <...>, а меду нет». Несовместимость привычки к вольной жизни с муками из-за горсти медных монет, испытанными Ибрагимом, подчеркивается поэтически ярко: даже терпеливо переносившему боль от пчелиных укусов бортнику оказалась неможноту «огненная боль». Заключительные слова Ибрагима получают функцию развязки конфликта, в которой сконцентрирован идейно-художественный смысл рассказа. Творческая индивидуальность народного рассказчика проявляется здесь с такой же определенностью, как и в мемуарных рассказах о Фондербисе и Гюви. Хотя рассказ об Ибрагиме Ильясове коренится в традиционном предании-слухе о давнем времени, он в жанровом отношении ближе к этим фабульным рассказам-воспоминаниям, чем к преданиям-слухам. Тем не менее «обезличенное» смутное предание-слух о первом башкирском рабочем-металлурге было бы неправомерно противопоставлять как народное творчество устной новелле «Пчел много, а меда нет», поскольку она несет на себе определенный творческий отпечаток личности рассказчика.

Некоторые импровизированные устные рассказы возникают на основе воспоминаний очевидцев как законченные художественные новеллы.

2

Устные рассказы о местных событиях, памятных пожилым рассказчикам, варьируются и в той или иной мере фольклоризируются под влиянием толков, вызванных общественным интересом к этим событиям. Характерны в данном отношении записанные в 1966 и 1968 гг. в г. Симе Челябинской области участниками фольклорных экспедиций Башкирского государственного университета от ряда старожилов-очевидцев рассказы о вооруженном столкновении 26 сентября 1906 г. на Симском металлургическом заводе между рабочими и полицейскими, когда те пытались арестовать большевика-подпольщика Михаила Гузакова. Каждый рассказ имеет вступительную часть: о том, как Гузаков пришел из леса, где скрывался от полиции, в заводской поселок, присутствовал тайно на похоронах отца и укрылся на заводе от преследования. Некоторые рассказчики повествуют и о предшествующих обстоятельствах. В основной части действие разворачивается как цепь воспоминаний. Отдельные рассказчики, по-своему отбирая и сочетая, оттеняя и домысливая факты, преломляют их через личное видение памятного события. Приведем два рассказа об одних и тех же событиях (записи 1968 г.).

1. «Полицейские пришли на завод и стали кричать, чтобы Михаил Гузаков сдался. Но близко подойти к толпе, где тот находился, боялись. Дали первый залп в воздух. А толпа стала на них надвигаться. Дали второй залп прямо по рабочим. В Гузакова не попали, а смертельно ранили рабочего Егора Лаптева, стоявшего с ним рядом. Заволновался народ. Почувствовав беду, полицейские кинулись к воротам и натолкнулись на Дмитрия Курчатова, который шел на работу. Застрелили сгоряча его полицейские — и бежать. Загудел заводской гудок. Рабочие избрали делегацию и послали ее к земскому начальнику Менкержевскому жаловаться, что полиция убила двух невинных рабочих. Менкержевский ответил: „Так вам и надо“. А сам ускакал за двадцать верст в Кропачево. Решили возмущенные рабочие сами наказать полицейских, хотя Гузаков уговаривал не спешить с этим, подождать боевую дружину из Миньяра, туда дали знать. Рабочих же так озлобила смерть товарищей, что не терпелось им перебить всех „фараонов“. Окружили дом, где находились полицейские стражники. Гузаков крикнул им, чтобы сдали оружие. Тогда из дома выскочил испуганный урядник Чижек-Чечек с женой и детьми. Жена урядника упала на колени перед Гузаковым, а он сказал: „Рабочие не попы, чтобы им кланяться“. Чижека разоружили. Подожгли дом. Полицейские выбили окна, дали залп, и рабочие отступили. Воспользовавшись этим, несколько стражников пустились наутек по Ильмовой горе — в Миньяр. Пожар потушили. В доме нашли подстреленного полицейского и тут же прикончили его. Чижек, раненный кем-то из рабочих, мимо меня пробежал. Скрыться ему не удалось: женщины его добились до смерти. Потом пожаловал в Сим карательный драгунский отряд. А Гузаков исчез в лесу». (Записано от А. М. Харчевникова студентом А. Нестеровым).

2. «После похорон отца укрылся Михаил Гузаков на заводе в литейном цеху. Оттуда ушел в механический (через внутренний проход), потом в кузню и в поддомную. Стражники туда за ним. Стали стрелять. Гузаков из маузера отстреливался. Вышел управляющий Умов и потребовал от стражников покинуть завод. Рабочий Егор Лаптев схватил чугунный заступ и замахнулся на стражника. Другой полицейский выстрелил в Егора и убил его. И еще слесаря Курчатова, который с инструментами торопился на смену, убили тогда полицейские в проходной. Загудел про-

тяжный гудок (его дал Алексей Чевардин, друг Гузакова), и стал собираться на площади народ. Стражники же отправились в свой дом на Конку. Рабочие за ними. Окружили этот дом, подожгли его зады (сарай). Выбежал оттуда Чижек-Чечек, урядник, и к Гузакову. Вытянулся перед ним, руки по швам: „Я... виноват...“. „Вы не тянитесь передо мной, я рабочий, — ответил Михаил, — и на черта вы мне нужны?!“. Сорвал у него кокарду, погоны, шашку: „Кому шашку, ребята?“. Отдал ее рабочему Даниле Насонову. Мы тогда бесенятами были, — вертелись около Гузакова. Он посмотрел на нас: „А ну, ребятки, тикайте отсюда, сейчас стрелять будут“. Рабочие притащили пожарную машину и затушили сарай. Чижека отпустили, но в Лаптевом переулке его кто-то подстрелил из дробовика, а когда он перелезил через забор, подбегала к уряднику Ефросинья Булыкина и давай топтать его ногами. Потом принесли сено, керосин — целую банку — из завода, облили углы дома и подожгли. Поджигали мой брат Михаил и Егор Салов и еще один рабочий — татарин-новокрещенник. Стражники вышибли рамы, выскочили на улицу и давай стрелять в толпу. Ранили Алексея Чевардина в ногу ядовитой пулей. Рабочие тоже стреляли, но только не из винтовок, а из дробовиков. Одного стражника подстрелили, остальные ушли в Миньяр. Когда пожар потушили, Насонов первый вошел в избу. На шестке стояла сковородка с блинами. Он говорит товарищам: „Я вам что-то к блинам достану“. Полез в подпол. Там сидел подстреленный стражник. Насонов его вытащил вместо самогона. Стражника убили. Стали расходиться. А ночью приехали жандармы, многих забрали». (Записано от рабочего А. М. Булыкина, 1892 г. рожд.).

Несмотря на общую фактическую основу, эти два текста различны по содержанию отдельных «домысленных» рассказчиками эпизодов. В рассказе Булыкина больше, чем в рассказе Харчевникова, подробностей стычки полицейских с рабочими на заводе, расправы возмущенных рабочих с полицейскими, больше конкретных данных об участии в событиях отдельных лиц. Вместе с тем в рассказе Булыкина живее, ярче проявляется творческая фантазия, возбуждаемая его воспоминаниями. В таких устных рассказах элементы документальности неотделимы от элементов художественной образности. Личные воспоминания рассказчиков, знавших Гузакова, придают их повествованию ту естественность, которая способствует контакту слушателей с очевидцем события и их переходу на точку зрения очевидца. Вместе с тем автобиографические отступления как бы усиливают впечатление жизненной достоверности некоторых эпизодов и деталей.

Сообщаемые рассказчиками сведения о времени, когда они были подростками, отражают не столько личные, сколько традиционные представления о героическом характере Михаила Гузакова и связаны с широко бытовавшими и поныне еще распространенными среди симских рабочих различными слухами. Немало у рассказчиков противоречий, например в воспроизведении подробностей ареста Михаила Гузакова в Уфе 5 декабря 1907 г. Преданный провокатором, он был неожиданно схвачен жандармами на Центральной улице, когда шел на явку. Но некоторые симские старики «вспоминают», например, о том, что «Гузакова выдала женщина, — ей за это заплатили, и она сообщила в охранку, когда он придет к ней на свидание» (В. Т. Озимин, 1898 г. рожд.). Мотив предательства женщины, выдающей неуловимого героя, является традиционным для фольклора многих народов. В устных рассказах об аресте Гузакова этот мотив, объясняя неудачу опытного боевика-подпольщика, восполняет вместе с тем недостаточную осведомленность рассказчиков о фактических

обстоятельствах. Некоторые рассказчики своим творческим воображением воссоздают эпизод казни Михаила Гузакова, свидетелей которой нет.

С воспоминаниями о симских событиях и об участии в них Михаила Гузакова связаны толки о необычайной его отваге и неуловимости, которые под влиянием роста популярности этого героя, передаваясь из уст в уста, получили легендарную окраску и относительно устойчивую повествовательную форму, например: «По тридцать стражников выезжали за Гузаковым в леса. Однажды он соломенную шляпу обронил. Стражники нашли ее и отправили ее в Уфу губернатору. Таким знаменитым Михаил стал» (А. М. Харчевников, запись студентки З. Самигулиной, 1966 г.); «Однажды в летнее время, находясь в бегах, Гузаков переоделся нищим и пошел на квартиру полицейского надзирателя просить милостыню. Подал двугривенный тот. Когда вышел на улицу, говорит первой встречной старушке: „Иди, скажи надзирателю, что у него сейчас Гузаков был“. Старушка выполнила поручение, и полиция бросилась со всех ног искать „нищего“, но не нашла» (записано от него же студентом А. Нестеровым в 1968 г.); «Как-то Михаил Гузаков навестил в Аше свою сестру Полю Еремину. Об этом пронюхала охранка и явилась к ней с обыском. Переодетый Михаил успел выйти, но близ Полиного дома был остановлен полицейскими. Назвавшись Родионом Кошечевым, он в качестве понятого принял участие в обыске, а потом вместе с полицейскими пошел на вокзал распивать пиво» (В. М. Булыкин, запись студента А. Нестерова, 1968 г.). Под воздействием толков, имеющих тенденцию к сцеплению с личными воспоминаниями, разные эпизоды рассказа о симском восстании рабочих осложнились типическими фольклорными мотивами переодевания ловкого, дерзновенного героя и одурачивания его преследователей. «Поговаривали, — вспоминает А. М. Харчевников, — что Гузакова никогда не поймают: у его коня Серка подковы-то резиновые, он мимо проскачет, и стражники не услышат» (запись студента А. Нестерова, 1968 г.). Эти толки тоже оказали влияние на рассказы о восстании симских рабочих, и, в частности на рассказ самого А. М. Харчевникова, записанный в 1966 г.: «Михаил только из окна видел, как отца хоронят, но его узнали. А у Гузаковых конь был, Серко. Вскочил Михаил на Серка и поскакал в полном вооружении. Стражники виду не подали, что узнали его, и проехали мимо. Немедленно сообщили в полицию. Полицейский отряд погнался за ним. А он укрылся на заводе». В 1968 г. А. М. Харчевников рассказал об этом иначе — реалистичнее: «Когда отца похоронили, брат Михаила Петр хотел довести Михаила на тарантасе до леса; у завода их заметили полицейские, и Михаил скрылся на заводе» (запись А. Нестерова).

Итак, устные рассказы о симском восстании 1906 г. получили значительную популярность среди местного населения благодаря тому, что на протяжении нескольких десятилетий их часто рассказывают многочисленные очевидцы. Рассказы очевидцев, связанные с фольклоризованными рассказами-слухами, заслуживают внимания собирателей и исследователей фольклора наряду с традиционными видами народного творчества.

3

Современные устные народные рассказы, осложняясь в процессе своего бытования новыми мотивами, взаимодействуют со сказками, анекдотами, преданиями и легендами и частично трансформируются впоследствии в эти различные традиционные жанры.

Бывает, что сказочный международный сюжет трактуется как действительный случай из современной местной жизни, например сюжет «Испытание друзей» (АА 893) в записанном нами в Белорецком районе рассказе о колхозном кузнеце Митрофане, его болтливой жене Акулине, куме, позвонившей на почте по телефону в милицию.⁷ Сказочный сюжет развивается иногда в форме предания об известном историческом лице. Например, Пугачев, переодетый мужиком, прячет от солдат оружие в сено на возу и направляет их по ложному следу, а когда те настигают его в избе, притворно стонет на постели, положив на живот подушку, накрывшись шалью, и его принимают за роженицу.⁸ Аналогичный эпизод встречается в русских сказках, например в сказке «Царь Соломон» (АА*905).⁹ Рассказ о Пугачеве, ушедшем от погони, хотя и не является историческим, связан с народными представлениями о его находчивости. Вместе с тем для слушателей занимательность сюжета повышается оттого, что в него входит образ прославленного героя.

Сказочный сюжет может получить в местных преданиях связь с самыми различными историческими лицами и может быть использован для объяснения разных обстоятельств прошлого. Так, например, устные варианты всемирно известного сюжета «Хитрость Додоны» (АА 2000*) получили в Башкирии жизненную связь с расхищением народных земель и тяжбами башкир с купцами-заводчиками; выпросив участок земли с бычьей шкурой, купец разрезает шкуру на ремни и обводит ими большое пространство.¹⁰ Тот же сюжет иначе осмысливается в башкирских преданиях о происхождении некоторых деревень и о земельных правах местных жителей, например о старике Карамыше, основателе деревни Карамышево, и царе Иване Грозном. «На вопрос царя, зачем пожаловал башкир, Карамыш ответил: — Нужна земля башкиру. — Сколько? — С бычьей шкурой. Царь согласился... На землях, доставшихся ему по царскому указу, Карамыш построил семь деревень».¹¹

Элементы были и сказки могут сочетаться и сливаться в устном произведении очень своеобразно. Характерны в этом отношении рассказы о местных разбойниках, отражающие наряду с житейскими случаями сюжеты и отдельные мотивы сказок типа «Ловкий вор» (АА 1525 А). В поселке Загаза и окрестных деревнях Белорецкого района БАССР рассказывают на русском и башкирском языках о реальных и сказочных похождениях разбойника Исрака из деревни Бакый, который жил в период Пугачевского восстания, а в Бурзянском районе рассказывают о реальных и о тех же самых сказочных похождениях местного разбойника-конокрада Айсуака из деревни Атиково, который жил в конце XIX — начале XX в. Согласно рассказам, Айсуак украл у барина-заводчика коня и ковер — совсем как герой сказки «Ловкий вор».¹² Внучка Айсуака — Якшибика Булатовна Алтынчурина, хорошая рассказчица народных сказок и преданий, живет сейчас в деревне Кутаново Бурзянского района и очень любит рассказывать, особенно детям, о похождениях своего деда.

⁷ Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии. Записаны на русском языке в 1960—1966 гг. Составитель Л. Г. Бараг. Уфа, 1969, стр. 86—87 (№ 14).

⁸ Н. Кралина. Сто сказок удмуртского народа. Ижевск, 1961, стр. 46—47.

⁹ Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии, стр. 64 (№ 8).

¹⁰ См.: Л. Г. Бараг. Народные устные рассказы о горнозаводской Башкирии эпохи Пугачевского восстания. — В кн.: Народ и революция в литературе и устном творчестве. Уфа, 1967, стр. 244—245.

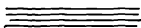
¹¹ Записано Б. Ахметшиным в дер. Карамышево Альшеевского района БАССР от колхозника Валеева Хариса Валеевича, 1903 г. рожд., в 1968 г.

¹² См.: Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии, стр. 153 (№ 125).

Наряду с рассказами-воспоминаниями об Айсуаке, который ловко крал коней на Кананикольском заводе, участниками нашей фольклорной экспедиции в 1964 г. были записаны от Алтынчуриной рассказы, представляющие своеобразный сплав элементов были и сказки и передающие восхищение находчивостью, ловкостью, которые проявлял Айсуак в действительности. Некоторые рассказчики, например та же Я. Б. Алтынчурина, верят в реальность сказочных походов этого ловкого героя. Сказочные мотивы рассказов о нем выражают вместе с тем тенденцию к обобщенной художественной трактовке образа путем идеализации.

В народной среде с различной степенью четкости разграничиваются сказки и другие жанры устной прозы. Если в фольклоре некоторых народов СССР грани между преданием-легендой и сказкой весьма неустойчивы,¹³ этого нельзя сказать относительно русского фольклора. Типы взаимосвязей фольклорных повествовательных жанров складываются и развиваются исторически на конкретной национальной почве. Необходимо сравнительное их изучение. Но творчески продуктивный процесс взаимодействия устных рассказов со сказками и другими видами народной прозы, как показывают судьбы отдельных сюжетов, нередко выходит за границы определенной национальной среды и охватывает несколько эпох.

¹³ См., например: М. Г. Воскобойников. Эвенкийские народные предания-улыгурил. — УЗ Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 269. Л., 1965.

Е. А. ТУДОРОВСКАЯ

О СТРУКТУРЕ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Предлагая свою схему структуры и классификации волшебной сказки, В. Я. Пропп указывал, что «волшебные сказки обладают совершенно особым строением, которое чувствуется сразу».¹ Оспаривая существовавшие принципы сюжетной классификации сказок и считая, что объективное отделение сюжетов пока невозможно,² исследователь предложил «изучать сказку по функциям действующих лиц».³ В. Я. Пропп подробно показал, что «постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц независимо от того, кем и как они выполняются»,⁴ и что число этих функций невелико. Он насчитывает 31 функцию; распределяются они по «кругам действия» персонажей: вредителя, дарителя, помощника, царевны и ее отца, отправителя, героя, ложного героя.⁵ Конкретные персонажи рассматриваются лишь по этим их функциям.

Идея о том, что сказку следует рассматривать не по персонажам, а по функциям персонажей, внесла много нового в понимание сказки. Но при этом представляется естественным устанавливать связь функций именно с сюжетом. Сперва В. Я. Пропп назвал волшебные сказки «сказками, подчиненными семиперсонажной схеме» (добавляя: «этот термин очень точный, но очень неудобный»⁶). Но при этом автор неизбежно рассматривал именно сказочный сюжет, вернее композиционную схему сюжета как связь действий персонажей. Впоследствии в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» он и определял волшебные сказки как произведения, отражающие определенную композиционную схему, которая начинается с нанесения вреда или недостачи, развивается через отправление героя на поиски, встречу с дарителем и нахождение предмета поисков, в дальнейшем содержит поединок с противником, возвращение и погоню.⁷

На первый взгляд убедительное и полное, это определение все же представляется формальным и вызывает ряд сомнений. Прежде всего нанесение вреда или недостачи в сказке может быть не одно. Можно ли считать их равноценными, как это представляется по схеме В. Я. Проппа?

---

¹ В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969 (далее сокращенно: Морфология), стр. 12. (1-е изд.: Л., 1928).

² Морфология, стр. 15.

³ Там же, стр. 23 и далее.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 72—73.

⁶ Там же, стр. 90.

⁷ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 7.

В сказке «Звериное молоко» (Аф. II, № 202) мы видим: 1. Брат и сестра спасаются от чудовищного медведя, который хочет их пожрать. 2. Сестра-изменница хочет погубить брата, но он спасается и избавляется от ее любовника-злодея. 3. Чудесный помощник высватывает брату богатырь-девку. 4. Сестра хочет отомстить брату за гибель любовника; ее укрощают и казнят. Формально, по схеме В. Я. Проппа, перед нами трехходовая сказка с прерванным вторым ходом или даже четырехходовая; на самом деле здесь сюжет о Царе-Медведе — вводный, о сестре-изменнице — основной, о невесте-богатырше — вставной. Без второго (основного) сюжета сказка рассыплется, утратит свой тип; без первого и третьего сохранится (они могут быть заменены другими или исключены, что мы и видим в других вариантах этой сказки). Ясно, что все эти ходы нельзя рассматривать как равноправные. Нельзя формально подходить к рассмотрению структуры сказки. В отличие хотя бы от морфологии растений или животных, в литературоведении морфология, «учение о строении» не есть учение о формальном строении. Как и для любого произведения искусства, рассмотрение сказки должно быть идейно-художественным, т. е. в нем следует принимать во внимание не только формальную структуру сказки, но и ее идейно-художественный строй (какие моменты представляются ведущими в этом смысле).

Возникает еще одно сомнение. В. Я. Пропп говорит о морфологическом единстве всех волшебных сказок. Исследователь считает, что все волшебные сказки «могут быть выведены из сказок о похищении змеем царевны, из того вида, который мы склонны считать основным».⁸ «Сказки могли бы быть расположены так, что картина постепенного перехода одного сюжета в другой получилась бы довольно ясно».⁹ Но вряд ли можно считать сюжет о похищении царевны змеем исторически исходным. Позднее сам В. Я. Пропп относил возникновение этого рода сюжетов (правда, в эпосе) к эпохе разложения первобытно-общинного строя. «Эпос <...> возникающий при разложении этого строя, имеет своим содержанием борьбу за семью».¹⁰ И далее: «Уничтожение чудовища <...> изображается как условие добычи жены».¹¹ Даже если отрицать возможность возникновения волшебных сказок в доклассовую эпоху, то все же для нас представляется несомненным, что есть ряд волшебных сказок, генетически связанных с доклассовым народным творчеством, а стало быть, имеющих более «древнюю» структуру, чем сказки о похищении царевны змеем. Вообще можно назвать по крайней мере два вида сюжетов, которые никак нельзя сводить один к другому без натяжки, — это сказки о похищении царевны и сказки о «пострадавшем герое» (по терминологии В. Я. Проппа).¹² Например, может быть, умозрительно можно эпизод встречи падчерицы с Морозко вывести из сюжета о похищении царевны, но отсюда не следует, что так было исторически. В. Я. Пропп утверждает, что «при привлечении большого материала можно показать, что мачеха есть змеиха, перенесенная к началу сказки, принявшая некоторые черты яги и некоторые бытовые черты».¹³ Это утверждение представляется натяжкой. Мачеха была вполне реальной «злой силой» старинной крестьянской жизни, и вражда ее к падчерице

⁸ Морфология, стр. 103.

⁹ Там же, стр. 104.

¹⁰ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 40.

¹¹ Там же, стр. 41.

¹² Морфология, стр. 38.

¹³ Там же, стр. 63.

могла стать ведущим конфликтом волшебной сказки независимо от образа змеихи, мстящей герою за смерть змея.¹⁴

Формальное изучение структуры сказки привело и к формальной, очень общей классификации. Сказки располагались по типам в зависимости от того, как формально развивалось в них действие: через борьбу и победу, через трудную задачу и ее решение и пр. В результате должно получиться объединение в одном типе крайне далеких сюжетов, сходных лишь внешне, а не по существу.

В наше время вопросы структуры сказки могли бы решать последователи структурализма. Среди ученых этого направления усилился интерес к идеям «Морфологии сказки» В. Я. Проппа. Впрочем, это течение далеко не однородно. Наиболее последовательные его сторонники у нас, в Советском Союзе, утверждают свое стремление изучать художественное произведение, не разрывая содержание и его выражение. Эту возможность они видят в «принципе оппозиции»: структура произведения представляется в виде «совокупности оппозиций», противопоставлений, вне которых нельзя рассматривать ни содержание, ни его выражение.¹⁵ Легко видеть, что композиционная схема сказки, по В. Я. Проппу, представляет собою именно такую «совокупность оппозиций» (недостача, отправка, поединок и пр.). Но надо заметить, что «совокупность оппозиций» должна рассматриваться не как механическая смена противопоставлений, но как некая единая тема в ее развитии. Другими словами, сказка, как и всякое художественное произведение, должна быть рассмотрена в диалектике ее темы. Ввиду неясности понятия «совокупность оппозиций» предпочту употребить, во всяком случае для сюжетных произведений, другие, более привычные определения и понятия, — конфликт, его развитие и разрешение. Это относится и к волшебной сказке.

Мною была предложена классификация сказок с точки зрения их ведущего сюжетного конфликта¹⁶ — того столкновения персонажей, которое влечет за собой развитие сюжета именно данного типа сказки и не может быть исключено или заменено другим без разрушения самой сказки. Ведущий конфликт (тот вид вредительства, беды, недостачи, который является ведущим в сюжете данной сказки) позволяет вскрыть и структуру сказочного сюжета в соотношении его главных (ведущих) моментов с побочными, дополнительными и пр. При этом вполне уместно и удобно сохранить терминологию В. Я. Проппа при обозначении функций персонажей и сюжетной схемы сказки; надо лишь применять ее с точки зрения внутренней структуры содержания.

ВВОДНЫЕ МОТИВЫ И ЭПИЗОДЫ

Прежде чем характеризовать ведущий конфликт сказки, укажем, что в сказке перед этим ведущим конфликтом почти обязательно имеется немалое количество предварительного материала — всякого рода мотивы, эпизоды и даже целые сюжеты, имеющие определенное назначение: дать экспозицию сказочных ситуаций, показать предварительное приобретение помощника героем, наконец — раскрыть условия, при которых возникает ведущий конфликт. Этот материал должен быть рассмотрен особо. Если в нем и имеются моменты вредительства или беды, то они почти никогда

¹⁴ См.: Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958, стр. 181—182.

¹⁵ См.: Ю. Лотман. Литературоведение должно быть наукой. — ВЛ, 1967, № 1, стр. 96—97.

¹⁶ Е. А. Тудоровская. О классификации волшебных сказок. — СЭ, 1965, № 2, стр. 57.

не сходны с основными видами сказочной беды и общей классификации не подлежат. В «Указателе сказочных сюжетов» Аарне—Андреева такие вводные эпизоды и сюжеты почти не упоминаются, хотя в сказках они могут занимать много места. Описание сказочных сюжетов в «Указателе» начинается большей частью с момента ведущего конфликта (а, скажем, получение помощника лишь упоминается). В. Я. Пропп в «Морфологии сказки» рассматривает подготовительную часть сказки, но всякого рода предварительные эпизоды и сюжеты он тоже опускает. И действительно, какое отношение к сюжетам волшебной сказки имеют злоключения солдата в полку? или ловля медного мужика (лешего) по приказу царя? или превращение Иванушки в козленочка? или война птиц и зверей в сказках о запродаже героя водяному? (в «Указателе» этот мотив отнесен к сказкам о животных), или даже обстоятельства чудесного рождения героя от медведя или рыбы? А ведь это могут быть целые истории, хотя и предварительные. В. Я. Пропп иногда обходит молчанием эти моменты, а там, где он о них упоминает, они лишь усложняют его морфологию (см., например, мотив «ловля лешего» в разборе «первой функции дарителя»¹⁷).

Мир вводного материала — особый мир, и говорить о нем надо особо. Обозначим вводный материал буквой «А» и попытаемся классифицировать этот материал.

По указанию В. Я. Проппа, «сказка обычно начинается с некоторой исходной ситуации»¹⁸. Иногда это А-1 — здесь называются члены семьи героя (родители или вообще старшие; братья — родные или братья по чудесному рождению; сестры). Характеризуется сам герой (А-2 — чудеснорожденный богатырь; бездомный солдат, казак, батрак; дурак; добродетельная девушка-падчерица; герой — слабый, ребенок, иногда — животное). Возможны и другие герои, например «бесстрашный» герой, который «смолоду ничего не боялся» (Аф. III, № 348, стр. 104).

Затем начинаются собственно вводные эпизоды — условия, при которых возникает конфликт. Так, в эпизодах типа А-3 герой лишается помощи и защиты семьи, что открывает свободную дорогу для антагониста. Это может быть: отлучка родителей и вообще старших; может быть смерть одного или обоих родителей как усиленная отлучка (на это указал В. Я. Пропп); родители могут отпустить детей в лес, на озеро и т. п.; наконец, это может быть бегство из дому (как предварительная беда), изгнание, отправка (еще до ведущего конфликта). Такая вынужденная разлука с родными нередко сопровождается А-4 — зарок (например, выдать замуж сестер), наказом остающимся детям (три ночи караулить на могиле умершего отца), обещанием (наградить того из детей, кто соберет больше ягод). Особо надо выделить в этих случаях А-5 — запреты. Это очень важный момент, предшествующий беде; он не обязательно вводный, но может встретиться в любом месте сказки, перед любой бедой. Иногда вслед за запретом следует выманивание героя со стороны будущего антагониста или выдача героя антагонисту каким-нибудь враждебным существом, но уж обязательно запрет влечет за собой нарушение запрета героем, что немедленно приводит к наступлению беды, вредительства, так как антагонист только того и ждал.¹⁹

К предварительным моментам сказки следует отнести такие мотивы, как А-6 — предупреждение о кознях антагониста (редкий мотив), затем

¹⁷ Морфология, стр. 41.

¹⁸ Там же, стр. 29.

¹⁹ О запретах см. подробнее: Морфология, стр. 30—31.

А-7 — предварительный брак героя или героини (которому должен позавидовать антагонист), наконец, А-8 — герой поступает на службу к царю, что создает обстановку, в которой и проявляется ведущий конфликт. Служба героя у волшебных существ или даже у злой силы — змея, нечистого — всегда бывает связана с целым повествованием, и об этом мы будем говорить позже.

Очень существенный вводный момент — это А-9, появление антагониста (иногда антагонистом становится один из ранее упомянутых персонажей) и мотивировка его вражды к герою (зависть, ревность, злоба и т. п.; для стихийных антагонистов человека — желание завладеть или пожрать). Вслед за этим следует А-10 — предварительная беда, обман со стороны антагониста,²⁰ наведенный сон, запродажа и пр. (что и влечет за собой основной конфликт — изгнание, исчезновение, похищение, завладение).

До сих пор материал вводных эпизодов примерно соответствовал тому материалу, который В. Я. Пропп рассматривал как «подготовительную часть сказки»,²¹ хотя в качестве примеров исследователь нередко приводил и срединные эпизоды. К этому надо добавить еще два вида предварительных конфликтов (не с антагонистом): А-11 — вредительство зверя (например, Жар-птица клюет в саду царские яблоки) и попытка его поймать (тогда ведущий конфликт — это недовольство Жар-птицы как диковинки и ее поиски), а также А-12 — конфликт героя-силача с окружающей средой, которой не нужна и даже вредна его чудесная сила (это непосредственно влечет за собой ведущий конфликт — уход героя на поиски подвигов).

Вся эта классификация указывает на предварительный характер материала, на его связь с ведущим конфликтом (подготовку конфликта и предварительные условия его возникновения).

Вводные или предварительные мотивы сказки могут быть изложены сказочником вкратце. Но иногда они разрастаются в целую историю; и вообще среди предварительных эпизодов нередко встречаются законченные сюжеты, иной раз очень пространные, так что на них нельзя не обратить внимания. Но в «Морфологии» В. Я. Проппа, как и в «Указателе» Аарне—Андреева, они большей частью не находят себе места. Выделим их в особую группу А-13 и рассмотрим подробнее.

Такие сюжеты, как правило, нельзя изучать наравне с основными сюжетами волшебной сказки. Иногда в них разрабатываются не волшебные мотивы, а скорее взятые из поверий, из древних бытальщин (обозначим их А-13а). Это могут быть рассказы о чудесном рождении — например, девушка Репка попадает к медведю, родит от него сына Медведко, бежит с сыном от страшного отца и возвращается к людям (Аф. I, № 141) и т. п. К таким поверьям можно отнести историю о превращении мальчика в козленка, о помощи покойных родителей (куколка Василисы Прекрасной), о дежурстве сыновей на могиле покойного отца. Другая группа таких вводных историй — А-13б — почти бытового, не чудесного характера: братья заводят героя в лес, чтобы завладеть его долей наследства; солдат бежит из полка от преследований фельдфебеля; герой хочет жениться на сестре друга. Встречается вводный сюжет о бедняке, который чудесным образом разбогател (А-13с), — для классической сказки (в записях до 1861 г.) это всегда лишь предварительная история (например, начало сказки «Чудесная курица» и т. п.).

²⁰ См.: Морфология, стр. 32—33.

²¹ Там же, стр. 34.

Существуют волшебные мотивы, разработанные в целую историю, которые присущи только начальной, предварительной части сказки, — продажа героя водяному; наведенный сон; герой выдает сестер за чудесных зятьев; дочь просит отца купить ей цветочек или перышко и таким путем получает чудесного супруга; герой служит у волшебных существ — животных-оборотней, змея, нечистого — и выслуживает награду. Иногда в этой же группе чудесных историй (А-13d) можно встретить некоторое количество предварительных волшебных эпизодов, созданных с своеобразным использованием мотивов и сюжетов из других волшебных сказок («Царь-Медведь» — соединение мотивов запродажи детей волшебной злой силе и бегства героя от ведьмы на бычке (Аф. II, № 201); распространена в этой роли история женитьбы героя на девушке-птице, у которой он спрятал крылышки или сорочку). Из обычных волшебных сказок возник вводный эпизод «Батрак избавляет царевну от змея и женится на ней» (Аф. II, № 194 — «Рога»).

В группе А-13е: вместо обычного сказочного начала (например, мачеха хочет погубить падчерицу, та спасается, бежит из дому, селится в лесу у богатырей и пр.) вводится начало из новеллистической сказки, история о том, как сластолюбивый дядя оговорил неподатливую племянницу; отец ее велит сыну казнить сестру; брат отпускает ее, она уходит в лес. Далее вредительство переходит в руки мачехи (Аф. II, № 211).

В качестве вводного эпизода возможно даже легендарное начало сказки (А-13). Так, в сказке «Скорый гонец» (Аф. II, № 259) отец и его три сына строят мост на благо людям; за это их награждают святые старцы (в частности, герой получает от них свойство чудесных превращений). По некоторым данным можно предположить, что это легендарное начало заменило имевшийся ранее мотив — герой служит у чудесных животных и выслуживает награду.

Особый интерес представляют собою вводные сюжеты явно книжного происхождения (А-13g), которые могли дойти до сказочников из старинных переводных повестей или чужого фольклора, — такие как «ловля медного мужика», «война птиц и зверей», включая историю о раненом орле (эта история приводит к запродаже героя злой силе); «купленная жена», вышивающая чудесный ковер; сказка эта могла проникнуть из сборников «1001 ночи», которые переводились и публиковались в России в XVIII в. Вообще многие начальные эпизоды волшебных русских сказок нуждаются в специальном исследовании: откуда взялся в русской сказке эпизод с избавлением царевны-змеи из огня? откуда пришел мотив «волшебного кольца», благодаря которому разбогател герой-бедняк? откуда взялся мотив «наведенного сна»?

Вводные сюжеты русской волшебной сказки наименее традиционны, больше всего зависят от фантазии и произвола сказочников. Они очень разнообразны. Здесь, видимо, участвует и личное творчество сказителей, и комбинирование (с переработкой) известных сюжетов и мотивов, и использование книжного материала. Но никогда это не самостоятельная сказка, не ход.

Нередко такие вводные сюжеты — наиболее художественно отработанные части сказок. Они бывают настолько яркие и оригинальны, что, например, А. Н. Афанасьев иной раз дает заглавие сказки не по сюжету, не по имени героя, а по какой-нибудь черте вводного эпизода, хотя она мало общего имеет с главным сюжетом или служит лишь мотивировкой ведущего конфликта. Таковы сказки «Царь-Медведь», «Царевна-змея», «Чудесная курица», — эти заглавия даны по персонажам, которые не участвуют в основном сюжете сказки (иногда лишь подготавливают

его). В сказке «Царевна-лягушка» (Аф. II, № 269) сюжет об исчезнувшей чудесной жене, о поисках и расколдовании начинается с момента, когда герой уже сжег лягушечью шкурку жены и она обернулась белой лебедью и улетела. Выше упоминалось, что Н. П. Андреев в своем «Указателе», даже классифицируя сказки по «чудесным» признакам, большей частью начинает описание сказок сразу с ведущего конфликта, опуская вводную часть. Но в некоторых, наиболее ярких случаях он излагает и вводную часть, — например, для сказок «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Перышко Финиста-ясна сокола», «По щучьему веленью» и т. п. Для сказки «Царевна-лягушка» он принимает весь вводный эпизод как особый мотив или сюжет (АА 402). В группу «Бычок-спаситель» (АА *3141) у него входит вводный сюжет из «Царя-Медведя» (на самом деле представляющий собою контаминацию двух арханческих сюжетов).

Нет смысла подробно классифицировать или анализировать содержание вводных сюжетов. Они большей частью очень индивидуальны. Гораздо важнее указать их роль в вводной части сказки. Обычно они развивают какой-нибудь вводный мотив, из тех, которые уже рассмотрены нами. Так, история о девушке-Репке — это развернутый рассказ о чудесном рождении (по предложенной нами классификации — А-2); «Война птиц и зверей», включая историю о раненом орле, приводит к запродаже героя волшебной силе (А-10); история скитаний Аленушки и ее братца-козленочка заканчивается браком Аленушки с героем (А-7). Добыча волшебного кольца помогает герою жениться на царевне (тоже А-7), которая сразу же превращается в антагониста (А-9). Бегство героя и его сестры от Царя-Медведя приводит к тому, что дети лишаются своей семьи и остаются одни в лесу (А-3).

Но чаще всего такие вводные истории повествуют о том, как герой получил волшебного помощника. Так, в результате эпизода с ловлей медного мужика последний становится помощником освободившего его царевича. Герой выдает сестер замуж за чудесных зятьев и тем обеспечивает себе их помощь, и т. п. Особо строго надо различать функции чудесного супруга. Он может быть «помощником» или «царевной» (по терминологии В. Я. Проппа). «Мудрая жена» — чудесный помощник, а «царевна-лягушка» — исчезнувшая царевна, которую надо найти и расколдовать.

Приобретение чудесного помощника — не обязательно вводный мотив. Оно может произойти на протяжении всей сказки, в любой подходящий момент. В. Я. Пропп считает этот мотив срединным.²² Но очень часто получение помощника происходит именно в предварительной части сказки, причем в виде развернутой истории; тут мы его и введем в классификацию, тем более что это мотив вспомогательный, не относящийся к линии «ведущего конфликта» (потому он так «свободно» и передвигается по сказке). Обозначим его в виде эпизода «В». Тогда В-1 — герой встречается с советчиком или дарителем (это может быть встречный старичок, Баба-Яга и пр.). В-2 — очень частое, а в богатырских сказках обязательное, получение богатырского коня (герой получает коня в дар, выслуживает, находит, завладевает им и т. п.). В-3 — герою обеспечивается помощник: В-3а — чудесная жена; В-3б — чудесные родичи (зятя, побратимы); В-3с — другие чудесные персонажи (медный мужик, куколка, чудесный бычок, щука и пр.); В-3d — животные помощники (не чудесные); В-3е — верный слуга (или. благодарный мертвец);

²² Там же, стр. 38.

В-3f — службой у волшебной злой силы (змея, нечистого) герой обеспечивает себе ее помощь. Затем следует В-4 — тем или иным путем герой получает в свое распоряжение чудесное средство или снадобье, и В-5 — герой получает чудесный предмет.²³

Разбирая вводную часть сказки, можно определить все ее мотивы и разбить их по указанным типам А и В. Если же мы имеем в числе вводных эпизодов развернутые истории, которые трудно, да и незачем анализировать детально, то следует указать не только тип такой истории (А-13а и т. п.), но и назначение, роль ее в вводной части сказки; например, укажем А-13а=А-2, и тогда сразу ясно, что перед нами рассказ о чудесном рождении героя-богатыря; А-13d=А-7 — вводная история с элементами волшебной сказки, которая приводит к предварительному браку героя. Или же А-13b+А-13d=В-5+В-3f, т. е. перед нами предварительная история бытового характера (например, описание службы и бегства солдата из полка) и служба героя у злой силы (например, змея), благодаря чему герой получает чудесный предмет (например, рубашку) и обеспечивает себе помощь злой силы. Возможна А-13g+В-3с, т. е. история книжного происхождения, в результате которой герой получает чудесного помощника (например, вводный сюжет сказки о медном мужике).

Таким образом будет исчерпан весь вводный материал сказки. После него начинаются уже собственно ведущие эпизоды сказки. К ним и следует перейти в дальнейшем исследовании.

ВЕДУЩИЙ КОНФЛИКТ, ЕГО РАЗВИТИЕ И РЕШАЮЩИЙ ПОДВИГ ГЕРОЯ

Несмотря на первостепенное значение эпизода с ведущим конфликтом (обозначим этот эпизод буквой «С»), скажем о нем лишь вкратце, потому что о ведущем конфликте, лежащем в основе нашей классификации сказки, нами уже говорилось подробно в статье о классификации.²⁴ Напомним лишь, что там мы определили четыре группы сказок с точки зрения их ведущего конфликта.

1. Архаические сказки — о столкновении дружного рода с волшебными (стихийными) силами (хозяином воды, леса, пурги и т. п.). Стихийные силы пытаются завладеть героем; герой спасается собственными усилиями или с помощью рода (семьи), а также с помощью волшебных помощников.

2. Героические сказки — о борьбе богатыря с чудовищем или вообще о богатырских подвигах (поиски подвигов, переходящие в столкновение с чудовищем; поиски диковинок; поиски невесты, требующие богатырских сил); по В. Я. Проппу, все это — борьба за семью, за царевну.

3. Сказки с семейным конфликтом; конфликт происходит внутри семьи (с ведьмой — членом семьи или с ведьмой, обманом проникающей в семью; с мачехой; угроза кровосмешения; предательство кровных родственников героя — сестра или мать хотят погубить героя по наущению злодея; чисто внутрисемейный конфликт — сестры убивают брата или сестру из зависти, невестка оговаривает сестру мужа).

4. Сказки с классовым конфликтом — антагонист выступает именно как классовый противник народного героя (царь, пользуясь своей властью, хочет отнять жену у стрелка; царевна хочет избавиться от связанного ей мужа — простого мужика, и пр.).

²³ Подробнее см.: Морфология, стр. 40—48, функции XII—XIV.

²⁴ См.: Е. А. Тудоровская. О классификации волшебных сказок, стр. 57.

Очень разнообразны формы дальнейшего развития ведущего конфликта (эпизод «Д»). Но по существу они сводятся к тем или иным формам изгнания, отправки на поиски, отсылки с целью избавиться от героя, а также погони, заманивания. Чаще всего они приводят к переправе в иное царство (когда антагонист или объект поисков — обитатель иного царства). В случае поисков подвигов герой наталкивается на новый конфликт, но непреднамеренно: в новом конфликте у него нет непосредственной заинтересованности; это лишь точка приложения его богатырских и моральных качеств. Даже прекрасная невеста в этом случае — не цель, а награда, от которой герой иногда отказывается, а иногда она заменяется какой-нибудь другой наградой. В других случаях развитие конфликта — это перипетии разрешения трудной задачи. Наконец, это может быть угроза убийства, убийство героя, околдование, заточение в темницу, оговор, — с дальнейшим оживлением, расколдованием и пр., при содействии чудесных помощников.

Все это нарастание действия имеет одно направление — привести героя к решающему подвигу, разрешению ведущего конфликта, часто — с использованием чудесной помощи. Каков же характер этого эпизода (обозначим его «F»)? Это может быть:

F-1 — герой вступает в непосредственную борьбу с антагонистом и одерживает победу.

F-2 — герой вступает в состязание с антагонистом и побеждает.

F-3 — герой подвергается испытанию и выдерживает его.

F-4 — герой добывает диковинки и другие необходимые предметы.

F-5 — происходит укрощение антагониста или преодоление его козней.

F-6 — магическое бегство как подвиг (с применением чудесной помощи или магических знаний героя).

F-7 — действия одних помощников (если герой убит или лишен возможности действовать).

F-8 — любовь героини способствует оживлению или расколдованию чудесного супруга.

F-9 — возможны и другие подвиги, с выполнением указаний помощника или с использованием чудесной помощи.

ВСТАВНЫЕ ЭПИЗОДЫ СКАЗКИ

Но сказочное действие развивается не всегда так прямолинейно. Иногда в него входят некие дополнительные моменты и эпизоды. Это прежде всего волшебные или героические эпизоды, имеющие место до решающего подвига (вставной эпизод «Е»). Может показаться, что мы уже говорили об эпизодах подобного рода: в них герой получал в свое распоряжение чудесных помощников. Но здесь я имею в виду те эпизоды, которые не несут этой функции.

Иногда это чисто механические вставки — подвиги героя, который должен же получить невесту-царевну, хотя в сказке речь идет совсем не о том. Так, в сказке «Звериное молоко» мы уже видели, как посреди перипетий борьбы с антагонистом-любовником сестры герой сталкивается с обстоятельствами борьбы за царевну (поборы змея, задачи царевны), что и разрешает успешно. В основном сюжете этот момент никакой роли не играет. Но это наивное решение. Чаще такие вставные эпизоды существенно участвуют в развитии основного действия. Таковы все ситуации героической борьбы, которые переживает герой в поисках подвигов (состязание солдата с нечистой силой; та же борьба богатыря со змеем, требующим царевну). Таково сложное строение сказки «Безногий и сле-

пой богатыри» (Аф. II, № 198), где слуга-богатырь, и так почти герой основного сюжета, становится героем вставного эпизода со слепым богатырем и бабой-ягой (причем он возвращает себе ноги, а слепому товарищу — зрение), после чего он уже окончательно укрощает царевну-богатыршу и устраивает благополучие своего хозяина (это соотношение персонажей, при котором более слабый хозяин является героем сказки, а слуга-богатырь — его помощником, яснее в сказке о благодарном мертвеце; мертвец не может быть героем). Такова вся серия сюжетов с мачехой, отправляющей героиню к волшебной злой силе, в надежде погубить ненавистную падчерицу, — «Морозко», «Баба-Яга», «Василиса Прекрасная», а также такие сказки, как «Князь Данила-Говорила» или «Скорый гонец». В некоторых из них, — например, в «Морозко», — видно, что их сложный сюжет — результат исторического развития исходного архаического сюжета о столкновении человека с волшебными силами; сюжеты эти обросли более поздними конфликтами, отражающими семейную вражду.²⁵ В этих сюжетах ведущий, семейный конфликт приводит к решающему подвигу именно во вставном эпизоде. Так, испытание падчерицы Морозкой и ее подвиг (победа в испытании или в столкновении с Бабой-Ягой) есть одновременно и ее решающий подвиг в конфликте с мачехой — разрушение козней мачехи. В сказке «Князь Данила-Говорила» (Аф. I, № 114) весь вставной эпизод с пребыванием героини у Яги есть в сущности добывание невесты для брата и путь к исчерпанию конфликта с братом. Ясно, что и богатырские подвиги героя, ищущего подвигов, помимо их положительного смысла, есть одновременно и утоление ведущего конфликта — страсти к подвигам, предназначенности к подвигам.

Эти вставные эпизоды могут быть очень значительными, так что иной раз можно усомниться, в чем же состоит ведущий конфликт сказки. В сказке «Царь-девица» (Аф. II, №№ 232—233) столкновение героя с мачехой (эпизод «наведенного сна») имеет вид чисто обрамляющего эпизода; главное же содержание сказки — поиски исчезнувшей невесты. Сказку можно отнести к типу героических, а конфликт с мачехой считать чисто вводным эпизодом (эпизод «А»), который лишь расширяется до обрамляющего, если к концу сказки рассказчик вспоминает о нем и заключает сказку посрамлением мачехи. Так же и в сказке «Незнайко» (Аф. II, № 295) героический сюжет об униженном богатыре мы считаем основным, а весь — очень яркий — эпизод с попыткой мачехи погубить пасынка (посредством отравленной рубашки и пр., причем спастись ему помогает конь) считаем вводным, тем более что эпизод этот очень индивидуален и не похож на известные сюжеты волшебных сказок, что именно и характерно для вводных сюжетов. В конце сказки, когда герой стал наследником королевского престола, лишь упоминается, что он «родного отца к себе взял, а мачеху казни предали».

Но уже в сказке «Чудесная курица» (Аф. II, № 197) попытка мачехи погубить детей, завладевших чудесным даром, терпит поражение именно в героическом использовании чудесного дара и кончается наказанием мачехи. Здесь мы уже видим переход к ведущему семейному конфликту, и сказку мы можем отнести к сюжетам о «семейном предательстве». Впрочем, это может показаться спорным. Это интересный вопрос, связанный с вопросом об историческом развитии сказочных сюжетов. Каждый такой случай нуждается в индивидуальном исследовании,

²⁵ См.: Е. А. Тудоровская. Некоторые черты доклассового мировоззрения в русской народной волшебной сказке. — РФ, вып. V. М.—Л., 1960, стр. 109—113.

причем путеводной нитью должно служить мировоззрение сказки: надо принимать во внимание отголоски более ранних сюжетов и пр. Такое исследование может многое дать для понимания процессов сюжетосложения волшебной сказки, ее исторических судеб.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Но этим не исчерпывается наше описание структуры волшебной сказки. Есть еще один обширный класс побочных эпизодов, — это группа эпизодов, происходящих после решающего подвига, — дополнительных событий сказки, осложняющих победное возвращение героя, оттягивающих развязку (эпизод «С»)²⁶. Этот момент возникает вовсе не формально, не произвольно, с целью оттянуть развязку, удлинить повествование: здесь силы зла окончательно исчерпывают себя в сопротивлении добру; и побежденные, они продолжают сопротивляться. Злые сестры пытаются повторить подвиг героини-падчерицы; змеихи хотят отомстить герою за гибель змея; братья хотят завладеть добычей и славой героя и сбрасывают его в пропасть (типичный дополнительный эпизод); при этом после добавочных подвигов герой возвращается домой и, неузнанный, добивается восстановления справедливости — решает дополнительные задачи своей украденной невесты (задачи, рассчитанные ею именно на него), посрамляет братьев. К дополнительным эпизодам сказки обычно относятся козни ложного героя, его разоблачение и посрамление. Для этих эпизодов характерна их необязательность: при сокращении сказки или при перераспределении социальных акцентов в ней рассказчик легко выбрасывает именно дополнительные эпизоды или заменяет их другими. Так, вместо узнавания героя на пиру возможно другое окончание сюжета: царь хочет сам жениться на отнятой у героя невесте; далее следует известный эпизод с купанием в горячем молоке (эпизод, известный по сказке «Конек-горбунок»). Или же верный слуга героя, уже после развязки, окаменеет, но благодарный герой, ценой тяжчайшей жертвы, возвращает ему жизнь. К числу таких дополнительных эпизодов относится история о том, как герой забывает свою волшебную жену, с которой он спасался от Морского царя (в сказках типа «Морской царь и Василиса Премудрая», — эпизод тоже не обязательный и, вероятно, поздний (он мог появиться в сказке о запродаже героя Водяному с перенесением акцента на мотив верной любви). Повторяю, эти эпизоды не формально-придуманные; они порождены не только всем ходом сюжета, но и характером отношений персонажей между собою.

РАЗВЯЗКА

И наконец, последним эпизодом сказки является развязка (эпизод «Н»), в огромном большинстве случаев благополучная. Это — свадьба, награда, воцарение героя, узнавание и примирение, окончательное спасение от врага и возвращение домой, освобождение или расколдование героя, восстановление справедливости, наказание антагониста (или, наоборот, прощение, примирение с ним — в зависимости от мировоззрения сказочника), бескорыстный отказ героя от награды, спасение верного слуги, вообще — окончательное разъяснение судьбы героя, результаты его победы.²⁷

²⁶ См.: Морфология, стр. 53—59, функции XXI—XXIX.

²⁷ См.: там же, стр. 58—60.

Итак, развитие сюжета волшебной сказки идет по следующему пути, складывается из следующих эпизодов:

А — вводные мотивы и эпизоды, рисующие условия, при которых возникает ведущий конфликт.

В — герою обеспечивается помощь, большей частью чудесная (эпизод может свободно передвигаться по сказке).

С — ведущий конфликт (определяющий собою лицо сюжета).

Д — развитие, разработка ведущего конфликта.

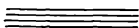
Е — вставной эпизод (обычно волшебный или героический), происходящий перед решающим подвигом; большей частью имеет самостоятельный сюжет, но также служит развитию и разрешению ведущего конфликта. Может быть заменен другими подобными эпизодами (встреча с Морозко может быть заменена встречей с кобылячьей головой и т. п.).

Г — решающий подвиг героя и его победа, — разрешение ведущего конфликта.

С — дополнительные эпизоды, происходящие после решающего подвига; имеют самостоятельный сюжет, вытекающий из условий ведущего. Легко выпадают из действия.

Н — развязка действия, рисующая окончательные судьбы персонажей сказки.

Такое детальное изучение структуры сказки позволяет точнее провести внутреннее сравнение сказочных сюжетов в их историческом и национальном разнообразии, осуществить историческое изучение одинаковых сюжетов, их развития и перерождения.

Н. М. ВЕДЕРНИКОВА

КОНТАМИНАЦИЯ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Контаминацией в фольклористике принято называть соединение сюжетов. Сюжет является совокупностью мотивов, дающих последовательно развивающееся действие, которое при определенных мотивировках (женидьба, получение чудесного предмета, ликвидация вредителя) образует самостоятельную сказку. В каждом сюжете выделяются центральные и побочные мотивы. Центральный мотив передает наиболее драматический, напряженный момент в сказке, присущий только данному сюжету. Побочные мотивы поясняют события, представленные в центральном мотиве. В отличие от него они являются свободными, т. е. встречаются в других сюжетах и могут подменяться дублетными. В контаминированной сказке выделяются основной и зависимый сюжет (сюжеты), что способствует единству действия. Зависимый сюжет присоединяется обычно своей наиболее характерной, драматической частью (центральный и некоторые свободные мотивы). По новому центральному мотиву и следует определять присоединяющийся сюжет, поскольку он заключает в себе действие, специфичное для этого сюжета. Таким образом, наличие в сказке двух или нескольких центральных мотивов есть признак контаминации.

Некоторые исследователи склонны рассматривать контаминацию как явление большей частью механическое, сопровождающее часто распад жанра.¹ Однако более пристальное изучение контаминации обнаруживает иные причины и цели, говорящие о ее исконном творческом характере. При выяснении причин контаминации следует учитывать особенности бытования и исполнения сказок как особого поэтического жанра фольклора.

Сказка — это художественное произведение, которое исполняется одним лицом перед аудиторией. В силу этого сказочник является своего рода актером, который должен показать мастерство рассказчика, уметь всецело овладеть вниманием слушателей. Состав аудитории, как правило, постоянный, местный сказочный репертуар все же ограничен и известен почти каждому в деревне. Отсюда интерес к исполнительству, внимание к тем изменениям, которые вносятся в сказку. Подобные обстоятельства порождают импровизацию. Введение новых элементов, мотивов, оригинальная трактовка традиционных образов всякий раз оживляют повествование, заинтересовывают слушателей. Одним из средств оживления традицион-

---

¹ См., например: А. Н. Веселовский. Статьи о сказке. — Собр. соч., т. XVI. М.—Л., 1938, стр. 106—110; С. Шамбинаго. Песни-памфлеты XVI в. М., 1913. Вступление; А. В. Позднеев. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. — В кн.: Старинная русская повесть. М., 1941, стр. 153—173.

ного повествования, возможности продемонстрировать мастерство исполнителя является и контаминация. Сказочник объединяет в одной сказке известные сюжеты, создавая как бы новое произведение на основе традиционного знакомого материала. Слушатели легко узнают излюбленных героев, отдельные эпизоды, но в целом действие разворачивается неожиданно, вызывая заинтересованность аудитории. Контаминация — это сложный художественный прием, владеть которым могут лишь сказочники-мастера с большим репертуаром. Сборники, посвященные творчеству отдельных сказочников (например, А. Новопольцеву, М. М. Коргуеву, Ф. П. Господареву и др.), подтверждают это.

Следует отметить, что контаминирование особенно наблюдается в тех районах, где живы фольклорные традиции, где сохранился интерес к исполнителю. Это районы русского Севера, Урала, Сибири. Комплекс внешних обстоятельств — удаленность от промышленных центров, работа артелями, особый характер промыслов и др. — породил интерес к эпическому роду поэзии. Неторопливое исполнение былин, длинных волшебных сказок (одна сказка могла рассказываться весь вечер) помогало заполнить вынужденный досуг, отвечало настроению и художественным вкусам слушателей. И, конечно, средством продления произведения была и контаминация. Таким образом, контаминация вызывается слиянием интересов исполнителя (показать свое мастерство) и аудитории.

Говоря о назначении контаминации, необходимо иметь в виду также общие процессы, происходящие в пореформенной сказке с середины XIX в. по наши дни. Советские и зарубежные исследователи отмечают, с одной стороны, творческую разработку сюжетов в исполнении наиболее даровитых рассказчиков, с другой стороны, — снижение преемственности исполнения, что ведет к забвению традиционных сюжетов. Исходя из этих двух тенденций, можно говорить о контаминации творческой как художественном приеме, разрабатывающем традиционные сюжеты и поддерживающем само существование сказки, и о контаминации механической как средстве восполнения забытых звеньев рассказа.

При механической контаминации соединение сюжетов носит случайный характер, переход от одного сюжета к другому почти или даже совсем не мотивируется, меняются герои. Часто сказочник не может привести сюжеты к единому завершению и механически прерывает сказку формулой концовки. Это признак распада традиционной сказки, что не позволяет ей выйти из репертуара одного рассказчика. Ввиду малохудожественности в сборники такие сказки входят редко, но записи, хранящиеся в архивах, дают немало подобных примеров. Творческая контаминация всегда выполняет в сказке идейную и художественную функции. В такой сказке ощущается стремление рассказчика по-своему осмыслить события, обосновать сложное действие.

Примером может послужить сказка, записанная В. И. Чернышевым в д. Стригово Пушкинского района.² Основной сюжет в сказке — «Два брата» (АА 303), зависимый сюжет — редкий, сказочными указателями не зафиксирован. Исконный начальный мотив сюжета «Два брата» — рождение чудесным образом двух братьев от выпитой царницей воды. Братья равны друг другу по силе и благородству, в трудную минуту приходят на помощь. Это отвечает идее сказки — прославлению родственных уз и товарищества. Сказочник Ф. П. Волков, прибегая к контаминации, выдвигает иную идею и своеобразно раскрывает ее. С этой целью он несколько

² В. И. Чернышев. Сказки и легенды Пушкинских мест. М.—Л., 1950, № 45.

изменяет и основной сюжет. Героями его сказки являются не родные братья, а сыновья царицы и служанки, родившиеся от съеденной рыбы. Традиционно эти персонажи всегда противопоставляются. И это-то противопоставление и легло в основу сказки Волкова. В конце основного сюжета, когда Иван — служанкин сын оживляет Ивана-царевича, рассказчик подчеркивает конфликт между братьями. Желая испытать брата, Иван-служанкин наговаривает на себя, будто с женой его «ночь почивал». Иван-царевич «взошел в какую-то горячку: „Вот, братец мой Иван-служанкин. За это дело достань [в] босова волка столицу с-под божницы. Много тудашло и ехало, но оттудова не видать“». После длительных приключений Иван-служанкин выполняет поручение и возвращается к брату, который в раскаянье предлагает ему полцарства. Можно заметить, что сказочник больше следует традиции в понимании типов персонажей и их взаимоотношений, нежели идее, вытекающей из самого содержания. Стремление подчеркнуть вину Ивана-царевича, противопоставить братьев и определило контаминацию. Иван-служанкин как бы незаслуженно претерпевает новые лишения, но остается верным брату. Глубокая внутренняя мотивированность действия, подчиненного идее, умелое использование традиционных мотивов и сюжетов позволяет признать данную контаминацию творческой.

Сказки, представляющие творческую контаминацию, могут стать традиционными, т. е. войти в местный и общерусский сказочный репертуар как отдельное произведение. Традиционность контаминации обуславливается несколькими факторами: 1) контаминация сюжетов должна основываться на традиционном сказочном материале; 2) соединение сюжетов должно основываться на законах творчества, присущих сказке как поэтическому жанру;³ 3) контаминация должна отвечать эстетическим вкусам коллектива; 4) необходимость традиционной преемственности в данной местности.

Традиционности контаминации способствует наличие в сказочном арсенале своего рода незавершенных сюжетов. Это: «Спасенная царевна» (АА 300 А), «Бой на калиновом мосту» (АА 300 В), «Кашей Бессмертный» (АА 302), «Царь-девица» (АА 400 В) и некоторые другие. Для организации самостоятельных сказок этим образованиям недостает какого-то сюжетного звена: завязки, логической завершенности или мотивированности. Однако «сюжетные образования» содержат развитое действие, имеют центральные (конфликтные) мотивы. Поэтому в сказках они часто выступают на уровне зависимого сюжета, т. е. можно говорить о контаминации. «Сюжетные образования» особенно часто становятся средством разработки сюжетов. Так, «Спасенная царевна» образует традиционные соединения с сюжетами: «Царь-девица» (АА 400 В), «Окаменелое царство» (410 1), «Звериное молоко» (315 А), «Притворная болезнь» (315 В), «Молодильные яблоки» (551), «Чудесная птица» (567), «Еруслан Лазаревич» (610 11). «Бой на калиновом мосту» контаминируется с сюжетами: «Чудесные искусники» (АА 513 А), «Елена Премудрая» (329), «Три царства» (301 А); «Кашей Бессмертный» — с сюжетами: «Царевна-лягушка» (АА 402), «Три царства» (301 А), «Окаменелое царство» (410 1), «Царь-девица» (400 В) и др.

Критериями традиционности контаминации являются: повторяемость функции присоединяющегося сюжета, повторяемость логических и художественных мотивировок и общей сюжетной схемы в большинстве вариан-

³ См. сборники «Фольклор как искусство слова» (изд. МГУ, 1966, 1969).

тов сказок. Но не всякая творческая контаминация может стать традиционной. Многие соединения, являясь совершенно оригинальными, не имеют вариантов. Часто это объясняется чрезмерной усложненностью действия, использованием сказочником малоизвестных сюжетов (например, рассмотренная сказка Ф. П. Волкова), что оказывается трудным для запоминания и воспроизведения. Вторая причина, когда подчас талантливые контаминации волшебных сказок не входят в местную традицию, может крыться в больших симпатиях слушателей к короткой, более динамичной сказке. Так, А. И. Никифоров отмечает, что «в заонежском репертуаре новеллистическая и бытовая сказка составляет более чем половину репертуара, а в пинежской около одной трети всех известных типов».⁴ В книге И. В. Карнаухова «Сказки и предания Северного края» в таблице, показывающей сказочный репертуар Заонежья, Пинеги, Мезени и Печоры, также отмечено преимущество сюжетов волшебных сказок в районах Пинеги и Мезени по сравнению с Заонежьем.⁵ Действительно, в заонежских сказках контаминации редки вообще, но это не исключает отдельные случаи творческого контаминирования. В настоящее время отсутствие новых традиционных контаминаций объясняется упадком преемственности в исполнении сказок. На смену фольклорным жанрам пришли книга, радио, телевидение, которые несут новую обильную информацию, знакомят население с художественной литературой.

При рассмотрении творческих контаминаций и сопоставлении принципов контаминирования можно выделить различные типы соединения сюжетов. Различие этих типов объясняется не только несхожестью сюжетов, разнообразием действующих лиц, но и различными творческими задачами, которые ставит перед собой рассказчик. Один из наиболее характерных типов контаминации, прослеживаемый не только в сказках (о животных, бытовых, волшебных), но и в других жанрах фольклора, — тематический. При такой контаминации соединение сюжетов должно подчеркнуть, усилить основную тему, представленную в главном сюжете. И поэтому подбираются сюжеты сходного содержания, с однотипными героями.

Контаминация сказок о животных и бытовых представляет этот тип соединения в наиболее чистом виде. Традиционные сказки, заключающие в себе подборку сюжетов о хитрой лисе и глупом волке: «Лиса-повитуха», «Лиса крадет рыбу из саней», «Волк у проруби», «Битый небитого везет» (АА 15+1+2+4) или среди бытовых сказок контаминации о дураке и шуте: «Дурак делает покупки», «Дурак домовничает», «Мертвое тело» (АА 1681+1685+1685 I). В этих сказках соединяемые сюжеты сходны по своей тематике, действие в них развивается таким образом, чтобы наиболее полно выявить и обосновать характеры персонажей. Этот же тип контаминации часто используется и в волшебных сказках. Но в них он протупает менее явственно, так как характеры, темы волшебных сказок значительно сложнее, чем в сказках бытовых и о животных.

Тематический тип соединения имеет свои разновидности в зависимости от идейной направленности и содержания сказок (например, соединения сюжетов сказок о невинно гонимых и волшебнo-героических). Остановимся лишь на одном примере, который покажет определенные закономерности контаминирования на основе тематического сходства. Рассмотрим контаминацию сюжетов «Три царства» (АА 301 А) и «Бой на калино-

⁴ А. И. Никифоров. Сьогочасна пінезька казка. Киев, 1929, стр. 10.

⁵ И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. М.—Л., 1934.

вом мосту» (АА 300 В).⁶ Эти сюжеты образуют волшеббно-героические сказки. Основу конфликта в них составляет борьба с чудовищем.

«Три царства» — это самостоятельный сюжет, имеющий варианты. Вот его краткое содержание: Змей (Вихорь, Жар-птица) уносит царицу или царских дочерей. На поиски матери отправляются сыновья. Братья прибывают к подземному царству. Младший — Иван-царевич — спускается в медное, серебряное и золотое царства, где находит похищенных змеем царевен и мать. Воспользовавшись советом матери — переставить бочки с сильной и слабой водой (как вариант — ударить чудесным оружием один раз). Иван-царевич побеждает многоголового змея и освобождает пленниц. Братья бросают его, но чудесная птица выносит царевича на землю. В некоторых вариантах мотиву «герой в подземном царстве» предшествует мотив встречи-борьбы с мужичком-с-ноготок. Но он больше свойствен сюжету 301 В, где носит характер предварительного столкновения героя с основным противником.

«Бой на калиновом мосту» в сказках выступает как самостоятельный сюжет и как сюжетное образование. Сказки, представляющие только этот сюжет, немногочисленны.⁷ В большинстве текстов «Бой на калиновом мосту» является лишь частью других сюжетов. Это происходит в результате утраты сюжетом мотивировки центрального действия: Иван Быкович вступает в бой со змеем, чтобы вернуть людям солнце, луну и звезды, которые тот проглотил. Поэтому потребовалось привлечение дополнительных действия, где сюжетные мотивировки сохранены. Развернутое конфликтное действие в «Бое на калиновом мосту», ярко выраженные типы персонажей позволили ему выступать в контаминации на правах сюжета. Центральный мотив в «Бое на калиновом мосту» остроконфликтный — сражение со змеями. Герой сказок — богатырь, что подчеркивается «детскими» играми, выбором оружия. Из дома он выходит со спутниками — родными братьями или братьями названными (сыновьями царицы и служанки или Усыней, Горыней). Герой со спутниками останавливаются на отдых у калинового моста. Иван Быкович посылает братьев сторожить мост, но они засыпают. Иван Быкович побеждает трех- и шестиглавых змеев. На третью ночь он наказывает братьям не спать и в критический момент прийти на помощь. Бой с девятиглавым змеем оказывается столь трудным, что герой просит передышки и бросает сапоги, пытаясь разбудить братьев. На помощь Ивану Быковичу приходит его конь. В дальнейшем герой спасает братьев от мести жен и матери побежденных змеев.

Отметим то общее, что позволяет контаминировать эти сюжеты. Это прежде всего героический характер обеих сказок. Далее, в сюжете «Три царства», как и в «Бое на калиновом мосту», выделяются три персонажа, один из которых является подлинным героем. Старшие братья (спутники) противопоставляются младшему — герою. Однотипно их поведение в различных ситуациях: братья засыпают во время боя Ивана Быковича с девятиглавым змеем (АА 300 В), братья бросают Ивана-царевича в подземном царстве (АА 301 А). Однотипность персонажей и их взаимоотношений привели к слиянию образов, что способствует экономии художественных средств, прямому раскрытию действия, приданию ему единства.

⁶ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собр. Н. А. Иваницким в Вологодской губ. Вологда, 1960, № 623; В. И. Чернышев. Сказки и легенды Пушкинских мест, № 2; А. И. Никифоров. Победитель змея. (Из севернорусских сказок). — В кн.: Советский фольклор, 1936, вып. 4—5, № 15; Архив МГУ, 1959, т. 16, № 75; т. 39, № 14.

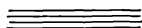
⁷ См.: Аф. I, № 136; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, вып. 1. Пгр., 1917, №№ 249, 304.

Слияние образов в соединяемых сюжетах — это один из важнейших эстетических принципов контаминирования.

Сюжетное образование «Бой на калиновом мосту» не имеет глубоких мотивировок действия (многоголовые змеи — это лишь препятствие на пути героя). Сюжет же «Три царства», обладая достаточными мотивировками, имеет незначительное число мотивов, могущих обосновать характеристику героя, его поведение в бою со змеями в подземном царстве. Это и определило подчиненную, подготовительную роль сюжетного образования «Бой на калиновом мосту» по отношению к сюжету «Три царства». В ряде вариантов это подчеркивается тем, что в начале сказки братьям дается задание отыскать похищенную мать или сестру. Бои со змеями на калиновом мосту не имеют к этому заданию отношения, но выявляют главное действующее лицо — героя, его силу, возможность осуществления им основного подвига — спасение женщин от змея в подземном царстве. Таким образом, рассматриваемая контаминация не только усиливает героическую тему в сказке, но и способствует более глубокому и доказательному раскрытию характеристики героя. Происходит как бы слияние двух художественных задач.

Контаминация на основании тематического сходства получает ряд особенностей в зависимости от содержания соединяемых сюжетов. Поэтому художественные функции контаминации следует определять всякий раз на основании конкретного анализа сказок. Так, в контаминации сюжетов «Три царства» и «Кашей Бессмертный» наблюдается слияние образов противников героя: многоголового змея — хозяина подземного царства и Кашея.⁸ Однотипность функций (Змей и Кашей — летающие чудовища, похищающие женщин), их кажущаяся непобедимость позволяют объединить эти персонажи в один образ. Змей наделяется бессмертием Кашея, победить его можно, лишь завладев яйцом, в котором находится его смерть. Это, несомненно, усиливает образ противника героя, а следовательно, мужество и бесстрашие Ивана-царевича, взявшегося уничтожить такого врага. Вместе с тем слияние в одном образе Змея и Кашея позволяет избежать дополнительного аналогичного конфликта (похищение женщины), что излишне осложнило бы и утяжелило сказку.

Таким образом, уже на основании изложенного, можно говорить о контаминации как художественном приеме, способствующем оживлению традиционного повествования. Контаминация выполняет в сказке различные функции, которые определяются творческими устремлениями рассказчика и слушателей.

⁸ Аф. I, № 156; Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909, № 107; Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, № 79; Архив МГУ, т. 5, № 125; 1965, т. 36, № 115.

В. В. МИТРОФАНОВА

НАРОДНАЯ СКАЗКА О ЕРШЕ И РУКОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

Бытование в устной традиции пересказов литературных произведений — общеизвестный факт. Собираателям не раз приходилось сталкиваться с рассказыванием отдельными исполнителями повестей и рассказов, а иногда даже романов, когда-то прочитанных или услышанных. Обычно такие пересказы не записывают и даже редко прослушивают или фиксируют их бытование. Подобное отношение к ним вполне понятно, но не совсем правильно. Было бы небезразлично знать, какие произведения наиболее часто пересказываются, на какие детали обращается внимание рассказчика, что опускается, что изменяется, существует ли в этом плане какая-нибудь закономерность или нет, задерживаются ли литературные сюжеты в фольклоре, случайно ли они туда заносятся. Вопрос о переходе в народный репертуар и бытовании литературного произведения в устной традиции имеет определенное значение не только для решения проблемы «литература и фольклор», но и для истории фольклора, его жанров, развития и пополнения.

Изучение судеб литературного произведения в устном бытовании затрудняется отсутствием материала, отсутствием записей. Исключение составляют произведения древнерусской литературы, на бытование которых в устной традиции собиратели обращали внимание и не только фиксировали их, но и включали в сборники. Поэтому представляется возможность изучить судьбы некоторых древнерусских повестей в фольклоре, в частности «Повести» о Ерше Ершовиче.

Исследователи древнерусской литературы считают, что «Повесть» о Ерше была создана в XVI или самом начале XVII в. В первой половине XVII в. полная редакция ее подверглась сокращению (вторая редакция), а во второй половине XVII в. была переработана в стиле судопроизводства того времени (третья редакция). Затем появляются рифмованная повесть-прибаутка и сказка, чрезвычайно близкие устной традиции по стилю.¹ «Повесть» во всех редакциях изображает земельную тяжбу между крестьянином и «сынчишкой боярским» из-за Ростовского озера. Тяжба эта имеет черты, позволяющие связывать ее с борьбой за землю в конце XVI в., когда крестьяне уходили с разоренных хозяйств, а помещики сажали на землю своих холопов. Есть в ней и черты обстановки, сложившейся после «смуты», когда нередко насильственно захватывались даже дворцовые земли. «Повесть» направлена против при-

---

¹ Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче». — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 324; Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, стр. 219—223.

страстного и несправедливого феодального суда, насилия власть имущих и богатых над бедняками. При общей схеме повествования расстановка действующих лиц, их характеристика, детали судопроизводства в разных редакциях различны.

В списках первой и третьей редакций «Повесть» начинается с челобитной «сироты» крестьянина Леща на «сынчишку боярского» Ерша, незаконно завладевшего Ростовским озером.² Порядок судоговорения в первой и третьей редакциях отличается, но факты и действующие лица общие. В челобитной Леща рассказано, как пришел Ерш в Ростовское озеро и просился переночевать. Его пустили, он остался в озере жить, расплодился. Не стало от Ерша проходу ни большим ни малым рыбам. Пристав Окунь приводит в суд Ерша, а также свидетелей. Социальное лицо тяжущихся, судей и свидетелей определено довольно четко: крестьяне Лещ и Головлъ, сын боярский Ерш, боярин воевода Осетр. В понятых и свидетелях фигурируют разные рыбы, но во всех редакциях Мень отказывается идти понятым, ссылаясь на неумение говорить, немощь, а иногда откупаясь.

На вопрос суда к Ершу, по какому праву он владеет Ростовским озером и что может сказать на челобитную Леща, он (по первой редакции, в третьей все это очень сокращено) характеризует себя. Принадлежит он к роду «детешек боярских, мелких бояр», а Лещ и Головлъ были у его отца в холопах и «по батюшкове душе» отпущены на волю. А как стал в озере голод и «хлебная скудость», то они «сами сволоклися на Волгу-реку». А он, Ерш, «человек доброй», знают его на Москве князья и бояре. Ни истец, ни ответчик не имеют документов на владение озером. Ерш заявляет, что его документы сгорели, когда горело Ростовское озеро.

В списках третьей редакции Ерш говорит, что грамоты его спрятаны в Переяславском озере и про то знает Сельдь. Но приведенная в суд Сельдь заявляет, что впервые видит Ерша и про его «пути и грамоты» ничего не знает. Тогда Ерш говорит, что грамоты сгорели, когда горело озеро. О возможности пожара Сельдь отвечает уклончиво. В списках первой редакции этот эпизод заслонен выяснением вопроса о том действительно ли Ерш «доброй человек», как он говорит, и кто его знает на Москве. После рассказов Осетра и Сома о проделках Ерша последнего обвинили и из озера выжили.

Решение суда справедливо, но только на первый взгляд. Суд защитил крестьянина Леща, но на самом деле отстаивал престиж богачей. Это особенно отчетливо видно в более полных списках первой редакции. В них свидетельство Сельди нужно не Ершу, как в третьей редакции, а Лещу. Он называет своими свидетелями Сига, Ладогу и Сельдь. Ерш отводит их как соплеменников Леща, но судьи их все-таки вызывают. Свидетели подтверждают, что озеро «истари Лещово да Головлево», а Ерш «лихой человек», «обманщик» и «ябедник». Как и в других списках, Ерш говорит, что грамоты его сгорели. Земельная тяжба как бы прекращается, но суд начинает интересоваться другим вопросом: кто же такой Ерш, он ведь назвался «сыном боярским» и утверждал, что его знают на Москве люди богатые. Судьи спрашивают у свидетелей, правда ли, что Ерша на Москве знают князья и бояре. Те подтверждают, что Ерш плут и обманщик, а знают его на Москве «бразники и голыши». И весь род Ершов — плуты и обманщики. Это может подтвердить Осетр. Боярин Осетр рассказывает,

² При рассмотрении содержания «Повести» использованы тексты, опубликованные в следующих изданиях: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 147—162; Русская демократическая сатира XVII века, стр. 7—19.

как Ерш обманом не пустил его «жировать» в Ростовское озеро и Осетр с голоду поморил жену и детей. Сом сообщает суду, как Ерш завел его брата в невод, а сам убежал. Дело принимает иной оборот. Оказывается Ерш самозванец в среде богатых и знатных. Его на Москве покупают «голыши и бражники» «на полденьги». Он умен и хитер, среди богатеев он «маломочный». Отстаивая свою независимость, не одну обиду нанес неповоротливым, глупым, кичащимся своим богатством толстосумам. И больше за это самозванство, за пренебрежение к богачам и власть имущим, за обиды им, а не Лещу-крестьянину, суд обвиняет Ерша, «выдает его головой» Лещу. Но осуществить приговор не удастся. Ерш предлагает Лещу проглотить его с хвоста, что невозможно, так как «костоват добре». «Повесть» кончается или просто сообщением о приговоре, или бегством Ерша.

Ум и изворотливость Ерша, дерзость по отношению к богачам, пренебрежение к знатым, насмешка над ними привлекали к нему симпатии читателей. В некоторых списках забывается, что он «сынчишка боярский», обидевший крестьянина Леща. В списках второй редакции Ерш уже крестьянин, а Лещ «сынчишка боярский». Все детали повествования остаются прежними, но приговор суда, велевшего «казнить Ерша торговою казнью», «против солнца повесить в жаркий день», более заострен социально.

Четвертая редакция — сказка — ведет повествование к народнопоэтической манере. Начинается она не с челобитной, как все предшествующие редакции, а с прибытия Ерша в Ростовское озеро: «Ехал Ершишко на осиновых дровнишках».³ Ерш просится ночевать, рыбы совещаются. Ерша пустили ночевать, хотя более осмотрительные и предупреждали, что не выжить его будет. Он остался в озере жить и стал теснить рыб. Опять собрались рыбы на совет и решили писать грамоту в суд. Судья велит привести Ерша. Елец-стрелец трижды отправляется искать Ерша и спрашивает о нем у рыб. Наконец, приводит его в суд. «Идет Ерш блиско, кланяется ниско»,⁴ держится он независимо. Осетр, трясая головой от возмущения, сообщает о челобитной, требует ответа за обиды рыбам и за то, что брата в невод завел. Ерш рассказывает, как попал в невод похвалявшийся своей дальнорукостью Осетр. Дальше идет спрос о документах на право жить в Ростовском озере. Ерш говорит, что документы сгорели, когда горело Ростовское озеро, перечисляет свидетелей этого события. Судьи велели Ершу идти на старое «пепелище, где было дворище».⁵ Рыбы затужили. Дальше идет самостоятельный рассказ о том, как ловили и приготавливали Ерша. Рассказ этот построен на созвучии слов, собственных имен: «пришел Перша, заложил вершу, пришел Скокѣдан, Ерша бог дал».⁶ Рассказ этот существует в списках и как самостоятельная ритмическая повесть.

Всего в рукописных сборниках зарегистрировано 22 списка «Повестей о Ерше».⁷

В фольклорных сборниках нередко публикуются варианты сказок про Ерша. В сборнике А. Н. Афанасьева помещено три записи сказки про Ерша,⁸ одна перепечатка рукописной «Повести»⁹ и перепечатка лубочного

³ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., стр. 157.

⁴ Там же, стр. 158.

⁵ Там же, стр. 160.

⁶ Там же.

⁷ По данным статьи: Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче», стр. 310.

⁸ Аф. I, №№ 77—79, стр. 111—120.

⁹ Аф. I, № 80, стр. 120—123.

издания.¹⁰ В сборнике не указано, где были записаны три названных выше текста. Последующие публикации отмечают место записи. В Вологодской области записана была сказка, опубликованная А. М. Смирновым,¹¹ и два текста, помещенные в «Живой старине»¹² (перепечатаны в сводном сборнике Вологодского фольклора).¹³ Четыре варианта записаны в Архангельской области,¹⁴ один в Пермской,¹⁵ один в Псковской,¹⁶ один в Рязанской¹⁷ и один в Ярославской области.¹⁸ Таким образом, нам известно четырнадцать опубликованных записей сказки про Ерша. Кроме того, в архиве Института русской литературы хранятся еще три записи. Одна от М. С. Крюковой¹⁹ и две из Ленинградской области от М. В. Семенчука (Старорусский р-н) и М. К. Смирнова (Лужский р-н).²⁰ Несомненно, что в архивных хранилищах найдется еще не один список записи этой сказки.

Все известные устные варианты сказки про Ерша имеют общие черты как в содержании, так и в стиле повествования. Во всех ощущается ритмический строй и зависимость в содержании от рукописных «Повестей» о Ерше. Все сказки присоединяют в конце повествования ритмическую прибаутку о поимке Ерша, которая в рукописных сборниках чаще существует как самостоятельный рассказ. Каждая сказка таким образом делится как бы на две части. Только вариант, записанный в Пермской губернии, ограничивается ритмическим рассказом о поимке Ерша.²¹

Начинаются сказки не с челобитной и не с приезда Ерша, как в рукописях, а с некоей экспозиции. В двух вариантах ей предшествует еще зачин-прибаутка: «В некотором царстве, в некотором государстве, король на каралевстве, на ровном мести как на бараны».²² «Слушайте, послушайте, стольники-полковники, про рыбное судьище, про ершово побоище».²³ Наличие или отсутствие зачина, видимо, зависит от индивидуальной манеры

¹⁰ Аф. III, № 556, стр. 314—315.

¹¹ Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Издаа А. М. Смирнов. Вып. I—II (ЗРГО по ОЭ, т. XLIX). Пгр., 1917 (далее сокращенно: А. М. Смирнов), № 29, стр. 165—166.

¹² ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244; 1899, вып. 4, стр. 523.

¹³ Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края. Сказки, песни, частушки. Под редакцией В. В. Гура. Вологда, 1965, стр. 217—218.

¹⁴ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая г.). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908 (далее сокращенно: Н. Е. Ончуков), № 1, стр. 2—3; О. Э. Озаровская. Птиречье. Л., 1931 (далее сокращенно: О. Э. Озаровская), № 25, стр. 213; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Запись текстов, вступительная статья и комментарий Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941 (далее сокращенно: Н. И. Рождественская), № 30, стр. 110; Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1966, стр. 104—106.

¹⁵ А. М. Смирнов, № 291, стр. 749—750.

¹⁶ Там же, № 107, стр. 352—353.

¹⁷ Там же, № 223, стр. 618.

¹⁸ Ярославский фольклор. Дооктябрьский. Составили Б. Н. Быстров и Н. Е. Новиков. Под ред. В. Ю. Крупянской и В. М. Сидельникова. Ярославль, 1938, стр. 47—49, № 5с. — Две предыдущие сказки о Ерше (5а; 5б) перепечатаны из сборника сказок А. Н. Афанасьева. Указываемые иногда в библиографиях два текста из сборника «Русские сказки в Карелии» (подготовка текста, статья и комментарий М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947) являются публикацией «Повести» из рукописных сборников.

¹⁹ ИРЛИ, Р. V, колл. 147, п. 2, № 13.

²⁰ Там же, колл. 105, п. 9, № 3 и п. 11, № 36.

²¹ А. М. Смирнов, № 291, стр. 749. — Из дальнейшего разбора, кроме названного текста, исключаются также записи в сб. «Ярославский фольклор», № 5с и неопубликованные записи — ИРЛИ, Р. V, колл. 105, п. 9, № 3; колл. 147, п. 2, № 13. О них речь пойдет особо.

²² А. М. Смирнов, № 107, стр. 352.

²³ ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244.

сказочника, настроения, аудитории. Но большинство сказок начинается с описания самого Ерша или сообщения, откуда он появился:

Зародился Ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый хвост.²⁴

Говорится, что было жаркое лето, озеро, где жил Ерш, высохло,²⁵ загорелось.²⁶ Или же сообщается, что Ерш вначале был большой,²⁷ раскормился в синем море²⁸ и не понравилось ему жить на старом месте. Или, наоборот, «прискудилось», «прибеднялось».²⁹ После такого предварительного рассказа о Ерше говорится: «Садился ершишко на липовы дровнишка, поехал ершишко ко озеру ко Ростовскому».³⁰ Можно считать, что начинается центральная часть повествования устной сказки. Этим же сообщением начинается повествование в четвертой редакции рукописной «Повести». Место действия в большинстве списков рукописной «Повести» и в большинстве вариантов устной сказки — Ростовское озеро, но встречаются варианты, где называются другие озера: Орское — в варианте Псковской области,³¹ Ерепово — в Печорской,³² Заречное озеринско и Луга-река — в варианте Лужского района Ленинградской области.³³

Все мотивы экспозиции находят параллели в рукописной «Повести», за исключением зачинов-присказок. Но ни один из этих мотивов устойчиво не повторяется во всех вариантах устной сказки и не присутствует в начале рукописной «Повести» той или иной редакции. Все они встречаются в дальнейшем ходе повествования «Повести». Только фраза «Садился ершишко на липовы дровнишки <...>» — устойчива в устных вариантах и четвертой редакции «Повести». Создается впечатление, что исполнители сказок ничего не выдумывают, а составляют начало рассказа из знакомых мотивов, воспоминаний слышанного или читанного, свободно комбинируя их по законам сказочной эстетики. Так, в начале некоторых устных сказок говорится, что озеро, где жил Ерш, загорелось. Пожар озера — постоянный мотив рукописной «Повести» о Ерше, правда, с началом не связанный. Далее, в рассказе Осетра про Ершovy проделки в рукописной «Повести» есть описание Ерша, каким он якобы был до того, как пришел в Ростовское озеро: «У меня была три сажени толщина, а между щетинами было по три локтя, а глаза у меня были, что пивные чаши».³⁴ В устной сказке это описание ближе к народной традиции, к устойчивым описаниям великанов: «было головище, как пивоваренное котлище, были глазища, как пивные чашки».³⁵ Но сам мотив Ерша-великана связан с рукописной «Повестью».

Дальнейший рассказ о приезде Ерша наиболее един во всех устных вариантах. Приехал Ерш в озеро и просится ночевать: «просилось, коло-

²⁴ Аф. I, № 79, стр. 115.

²⁵ О. Э. Озаровская, № 25, стр. 213; Н. И. Рождественская, № 30, стр. 110.

²⁶ ИРЛИ, Р. V, колл. 105, п. 11, № 36.

²⁷ Народное творчество Северной Двины, стр. 104.

²⁸ А. М. Смирнов, № 223, стр. 618.

²⁹ Аф. I, № 78, стр. 113.

³⁰ Н. И. Рождественская, № 30, стр. 110.

³¹ А. М. Смирнов, № 107, стр. 352.

³² Н. Е. Ончуков, № 1, стр. 2.

³³ ИРЛИ, Р. V, колл. 105, п. 11, № 36.

³⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы, стр. 155.

³⁵ Народное творчество Северной Двины, стр. 104.

тилось единую ночь ночевать»,³⁶ или просится час погулять,³⁷ или пообедать и коня покормить.³⁸ Как не пустить путника, воров, разбойников пускаем, как не пустить,³⁹ решили рыбы. А Ерш «живет от ночи до второй ночи, от двух ночей неделя, а от недели месяц, а от месяца полгода, а от полгода год».⁴⁰ Развелось ершей видимо-невидимо, и стали они обижать другую рыбу, а Леща из его же дома выживать. Все эти мотивы (просьба пустить ночевать, совет рыб, обиды от расплодившихся ершей) присутствуют в рукописной «Повести» четвертой редакции.

В дальнейшем повествование в устных сказках утрачивает единство. В одних вариантах Лещ идет жаловаться или подает жалобу.⁴¹ Отметим, что здесь сказка отходит от четвертой редакции рукописной «Повести» и сближается с первой и третьей редакциями. В других устных вариантах рыбы, старожилы озера, собираются на совет (что соответствует четвертой редакции) и решают, как быть, что с Ершом делать.⁴² В вариантах Ленинградской и Псковской областей совет рыб повторяется трижды, из-за последовательного отказа рыб идти к судье праведному или Ерша явиться на суд.⁴³ В большинстве вариантов к судье идет выбранный или все вместе,⁴⁴ иногда судью выбирают тут же.

Некоторые варианты ограничиваются этим совещанием и обрывают первую часть повествования,⁴⁵ иногда предлагается рыбам по очереди пойти и проглотить Ерша,⁴⁶ или Ерш убегает, не явившись в суд.⁴⁷ Но в наиболее полных сказках рыбы решают призвать Ерша в суд и спросить, по какому праву он владеет озером и почему обижает рыбу.⁴⁸ Повествование идет по-разному: судья посылает за свидетелями, и они подтверждают, что озеро Лещово,⁴⁹ или Ерш заявляет, что грамоты сгорели в пожаре, а свидетели подтверждают, что пожар в озере действительно был.⁵⁰ В вологодском варианте выбранные рыбы идут «смотреть пепелище»,⁵¹ а в варианте с Северной Двины еще и свидетели подтверждают, что был пожар.⁵² В полных вариантах есть также описание, как Ерш завел в невод Осетра или Щуку.⁵³ Все это находит соответствие в рукописной «Повести» и свойственно всем редакциям.

В процессе судебного разбирательства некоторые свидетели откупаются и не являются в суд,⁵⁴ даются характеристики рыбам. Действует

³⁶ О. Э. Озаровская, № 25, стр. 213.

³⁷ Аф. I, № 78, стр. 113.

³⁸ Там же, № 79, стр. 115.

³⁹ О. Э. Озаровская, стр. 213.

⁴⁰ Народное творчество Северной Двины, стр. 104—105.

⁴¹ Н. Е. Ончуков, стр. 2; Народное творчество Северной Двины, стр. 105; ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244.

⁴² Аф. I, № 77, стр. 111; О. Э. Озаровская, стр. 213; Н. И. Рождественская, № 30, стр. 111; А. М. Смирнов, № 29, стр. 165; ИРЛИ, Р. V, колл. 105, п. 11, № 36.

⁴³ А. М. Смирнов, № 107; стр. 352; ИРЛИ, Р. V, колл. 105, п. 11, № 36.

⁴⁴ Аф. I, № 78, стр. 113.

⁴⁵ ИРЛИ, Р. V, колл. 105, п. 11, № 36.

⁴⁶ А. М. Смирнов, № 223, стр. 618.

⁴⁷ Там же, № 29, стр. 166.

⁴⁸ Н. Е. Ончуков, № 1, стр. 2; О. Э. Озаровская, № 25, стр. 213; Н. И. Рождественская, № 30, стр. 110; ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244; Аф. I, № 77, 79, стр. 111, 117; Народное творчество Северной Двины, стр. 105.

⁴⁹ Н. Е. Ончуков, № 1, стр. 2.

⁵⁰ Аф. I, № 77 и 79, стр. 111, 117; О. Э. Озаровская, № 25, стр. 213, Н. И. Рождественская, № 30, стр. 110.

⁵¹ ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244.

⁵² Народное творчество Северной Двины, стр. 105.

⁵³ Н. И. Рождественская, № 30, стр. 112; ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244.

⁵⁴ Н. Е. Ончуков, № 1, стр. 2; ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244.

«пройдоха купец-Лоха»,⁵⁵ «у Гарьюса губки тоненьки, платьице беленько, речь московска, походка господска».⁵⁶ Но социальные характеристики редки. Чаще рыбы называются по их судебной должности: Петр-Осетр-праведный,⁵⁷ судья праведный рыба-Сом;⁵⁸ Карась — подьячий;⁵⁹ Рак — приставной дьяк,⁶⁰ или характеризуются по внешнему виду: Сом с большим усом,⁶¹ Окунь в пожаре перья спалил, а Сорога — глаза, и теперь красные.⁶²

Последняя, завершающая часть устных сказок рассказывает о том, как ловили и готовили Ерша. Она построена на созвучии слов, собственных имен, как и ритмическая повесть, находящаяся в рукописных сборниках. Твердого текста ее нет, так как варианты созвучий разнообразны. У одних сказителей эта часть большая,⁶³ у других сокращается до шести—девяти параллелей.⁶⁴ Наиболее часто, можно сказать всюду, встречаются созвучия:

Пришел Перша,
Поставил вершу,
Пришел Богдан,
И Ерша бог дал <...>
<...> Пришел Савва
Вынял с Ерша полтора пуда сала,
<...> Пришел Елизар,
Блюдо облизал <...>.⁶⁵

Во всех вариантах описание поимки Ерша логически присоединяется к сказке, хотя по действующим лицам и смыслу это самостоятельное повествование. В первой части участники событий — рыбы, хотя их действия вполне человеческие, а во второй — люди. Но действия их связаны с событиями, развертывавшимися в озере. Люди завершают эти события. Они ловят Ерша, который скрылся от суда рыб. В двух вариантах это видно особенно четко. В варианте, записанном в Рязанской области, правда очень кратком, поимка Ерша людьми следует непосредственно за последовательным отказом рыб сделать это. Рыбы отказались поймать Ерша, а Никон «стал по озеру колья тыкать <...>».⁶⁶ Вариант этот краткий, в нем очевидны пропуски и искажения, но эпизод ловли Ерша присоединяется очень умело.

Вариант, записанный в Псковской губернии,⁶⁷ больше и полнее рязанского, но в нем тоже описание ловли Ерша вклинивается в суд рыб, люди, их действия включаются в общую рамку повествования. После обычного вступления: «ехал Ершишко на липовых санишках», — рассказывается о том, как просился он ночевать, остался в озере и стал обижать других рыб. Собрались рыбы судить и рядить: «как быть, как жить, как Ерша сгубить?». Решили послать за советом к Сому. После отказа Шуки, Окуня, Плотицы, Налима, пойти за советом соглашается это сделать Карась. Сом

⁵⁵ А. М. Смирнов, № 29, стр. 165.

⁵⁶ Аф. I, № 79, стр. 116.

⁵⁷ Там же, № 78, стр. 113.

⁵⁸ Там же, № 77, стр. 111.

⁵⁹ ЖС. 1898, вып. 2, стр. 244.

⁶⁰ Н. И. Рождественская, № 30, стр. 111.

⁶¹ Аф. I, № 77, стр. 111.

⁶² Н. И. Рождественская, № 30, стр. 112.

⁶³ Аф. I, № 79, стр. 119—120.

⁶⁴ А. М. Смирнов, № 223, стр. 618.

⁶⁵ Аф. I, № 79, стр. 119—120.

⁶⁶ А. М. Смирнов, № 223, стр. 618.

⁶⁷ Там же, № 107, стр. 352—353.

дает ему совет: «нашел ба першу, да поставил ба вершу». Карась так и сделал: «нашел першу, поставил вершу, на тот случай пришел Абрам, закол забрал, пришел Багдан, Ерша бог дал <...>»⁶⁸ и т. д. В этих двух вариантах можно видеть следующий этап жизни сказки — стремление полностью объединить две части, в свое время самостоятельные. Очевидно также стремление своеобразно интерпретировать знакомые мотивы, а может быть, логически осмыслить и восполнить забытое.

Своеобразные отклонения от общепринятой схемы, хотя весь ход повествования остается общераспространенным, находим и в некоторых других вариантах. Так, вариант, опубликованный в сборнике А. Н. Афанасьева,⁶⁹ имеет оригинальный конец. Ерш в ответ на жалобу рыб сам жалуется Петру-Осетру-праведному на старожилы Ростовского озера и предлагает решить дело «божьим» судом: загнать всю рыбу в невод, «правый в неводе не останется, а все выскочит». Простофиля-судья так и сделал да и сам в невод влез. Из невода выскочил один Ерш, а Петру-Осетру осталось только подтвердить горькую правду: «Вижу, Ерш, что ты прав, ступай в озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидит, разве озеро высохнет, да ворона тебя из грязи вытащит».⁷⁰ Ерш похвастается отомстить и всей оставшейся рыбе, но тут его поймали в вершу. Эта сказка своеобразно разрабатывает мотив вероломства Ерша, заманившего в невод Осетра. Он заманивает в невод не только Осетра, но и всю рыбу Ростовского озера. Описанные отклонения от общей схемы говорят о творческом отношении сказочников к материалу. Забывая какие-то детали, одаренные сказочники развивают знакомые мотивы, создают новые эпизоды сказки.

В устной традиции встречаются сказки о Ерше, значительно отличающиеся от описанных выше вариантов. Такова сказка, записанная в Костромском уезде Ярославской области (по административному делению 1923 г.).⁷¹ Сказка начинается, как и все устные варианты, с описания, что «жил Ершишка в новом городишке <...>», «<...> выдал дочеришку за боярского сынишку. Боярский сынишка-вор и плутишка. Я не вор, не плутишка, а добрый человек <...>». Дальше идет цепь прибауток, среди них сообщение, что кто-то упал в воду. «Я не сам зашел, меня Ерш завел». Заканчивается сказка прибауткой о ловле Ерша, которая такова же по объему, как и первая часть.

Вся первая половина сказки производит впечатление очень сильно забытой и искаженной. Но в ней сохраняются знакомые из рукописной «Повести» и устных вариантов сказок про Ерша мотивы: Ерш выдает замуж дочь (оставшись в озере, Ерш, и по «Повестям», и по сказкам, породнился со всеми рыбами, дочь замуж выдал, сына женил); упоминание боярского сынчишки (в «Повестях» Ерш — сынчишка боярский); утверждение «я — добрый человек» (в «Повестях» Ерш рассказывает, что знает его на Москве, — князя и бояре, и повторяет, что он «добрый человек»); «я не сам зашел, меня Ерш завел», — напоминает рассказ Осетра о Ершовых проделках. Вся сказка создает впечатление нанизывания различных каламбуров, ритмических прибауток, объединенное одной темой — историей Ерша. Возможно, что она — наследие скоморохов. Об участии скоморохов в создании устных вариантов сказок о Ерше, о следах скоморошьяго стиля в рукописной «Повести» четвертой редакции и особенно

⁶⁸ Там же, стр. 353.

⁶⁹ Аф. I, № 78, стр. 113—114.

⁷⁰ Там же, стр. 114.

⁷¹ Опубликована в сб.: Ярославский фольклор, стр. 47—49, № 5с

ритмической повестушки о ловле Ерша писала В. П. Адрианова-Перетц.⁷² Полностью выдержанной в стиле «скоморошьего ясака» она считает сказку, записанную в Вологодской области: «В Белом море жив-быв рыба Кит, рыбий царь и государь; все водяные дела знает и рыбы ссоры разбирает. С общего совета весь рыбий народ задумал сделать на Ерша поход, бить его не били, а донос на Ерша сочинили <...>».⁷³

Некоторую переключку в содержании и стиле с приведенным выше текстом обнаруживает сказка, записанная в Ленинградской области.⁷⁴ В ней также говорится о рыбе-Кит, управляющей в море всеми рыбами. Это — деталь, которой в других вариантах нет. Сказка сильно забыта, но «скомороший ясак», о котором говорила В. П. Адрианова-Перетц, в ней очевиден. Правда, этот «ясак» несколько модернизирован и местами напоминает силлабо-тонический стих: «Семга, Окунь и Карась подавали Сому раз на Ерша прошение. И в китово управление Сом прошение принимал, очки на нос одевал, кашлянул протяжно да и читал, братцы, преимущественно <...>». Ерша идут искать Судак, встречают Налима, который возвращается с «бала»: «Там закусок и вина вся нора была полна, Щука песни пела <...>». Описание «бала» обрывается, исполнитель забыл текст. Дальше рассказано, как Судак нашли Ершишку, который лежал на песке и пел песни.

Возможно, что все три текста — фрагменты какого-то скоморошьего варианта сказки про Ерша, веселой, задорной, состоявшей из цепей эпизодов. В вариантах Ярославской и Ленинградской областей основное содержание забыто, а в сказке Вологодской области, отмеченной В. П. Адриановой-Перетц, оно передано хорошо. Трудно сказать, каким был этот скомороший вариант. Следовал ли он традиционной схеме повествования или был совершенно особым. Сохранившиеся тексты не дают оснований для каких-либо суждений, но наличие общих деталей в них и стиль не могут быть случайностью.⁷⁵

Обзор содержания устных вариантов сказки о Ерше показывает, что все они состоят из двух частей, обнаруживающих тенденцию к более тесному, логическому объединению. Сказки редко дают полное развернутое повествование. Они не всегда удерживают полностью весь сюжет, воспроизводят детали фантазией. Чаще всего забывается конец первой части (судебное разбирательство). Но при любой краткости первой части сказки вторая часть ее, рассказ о ловле Ерша, всегда присутствует. Необходимо также отметить, что в устной традиции есть тенденция к разработке отдельных мотивов.

Содержание устных сказок зависит от рукописной «Повести», главным образом от четвертой редакции. Но нельзя сказать, что устные сказки пересказывают «Повесть» той или иной редакции. В. П. Адрианова-Перетц писала о редакциях рукописной «Повести»: «Все эти редакции при общей основе настолько серьезно разнятся между собой, что не могут быть представлены в виде вариантов к одному какому-либо тексту. Их приходится рассматривать как самостоятельные моменты в жизни одного и того же по

⁷² В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., стр. 136.

⁷³ А. М. Смирнов, № 29, стр. 165.

⁷⁴ ИРЛИ, Р. V, колл. 105, п. 9, № 3.

⁷⁵ Обсуждением стоит вариант, записанный от М. С. Крюковой (ИРЛИ, Р. V, колл. 147, п. 2, № 13). О нем нечего сказать, кроме того, что он очень искажен. Исполнительница не знает ни основных эпизодов, ни хода повествования, помнит только начало и конец сказки. Всю центральную часть сочиняет довольно неловко и многословно.

существо памятника».⁷⁶ Так же можно сказать и об устных сказках. Они связаны с рукописными «Повестями», но не могут быть возведены к какому-то одному списку или даже редакции. Первоисточник каждого из вариантов, видимо, являлся самостоятельным обращением к рукописной «Повести». И таких обращений было несколько и к разным спискам, разных редакций. Одни сказки дают схему повествования, которая ближе к первой и третьей редакциям рукописных «Повестей»: Лещ подает жалобу, судьи вызывают свидетелей, которые утверждают, что озеро Лещово, Ерш бранится и, уходя из озера, заводит в невод Осетра.⁷⁷ Другие — ведут повествование ближе к «Повестям» четвертой редакции: собирается совет рыб, выбирают судью, приводят Ерша и спрашивают о грамотах, Ерш ссылается на пожар, свидетели подтверждают, что пожар был. Рыбы решают Ерша съесть.⁷⁸ В начале сказок и в центральной их части встречаются мотивы, связанные не с той редакцией «Повестей», по которой ведется основная схема повествования, а с какой-либо другой. Кроме того, бытовали какие-то варианты сказки скоморошьего типа, также связанные с рукописной традицией, но более свободно с ней обращавшиеся. В. П. Адрианова-Перетц считает, что третья редакция «Повести» о Ерше переходит в устную традицию через посредство повествований четвертой редакции, зафиксированных в Автономовском списке,⁷⁹ и причисляет устные сказки к четвертой редакции «Повести».⁸⁰ Но путь «Повести» о Ерше в устную традицию оказывается более сложным. Сопоставление устных сказок с текстами различных редакций рукописной «Повести» заставляет предположить, что знакомство рассказчиков с рукописной «Повестью» было неоднократным. Мы не найдем в устных сказках существенных деталей повествования, которые не соответствовали бы тому, что известно из рукописных «Повестей», но комбинация этих деталей разнообразна. Нет двух повторяющихся сказок и даже более или менее близких.⁸¹ Все они представляют вольное и для каждой сказки своеобразное объединение известных из рукописной традиции мотивов. Как уже отмечалось, некоторым единством обладает только центральная часть сказки. Конечно, нельзя думать, что каждый рассказчик читал рукописную «Повесть» о Ерше в той или иной редакции. Многие рассказчики просто не могли этого сделать, так как были неграмотны.⁸² Речь идет об источнике устного рассказа. Читать могли учителя рассказчика, новые мотивы могли включаться в уже бытовавшее в устной традиции повествование. Несомненно одно — сказка о Ерше утвердилась в устной традиции не путем однократного знакомства какого-то исполнителя с рукописной «Повестью» и дальнейшего устного распространения этого пересказа, не благодаря обращению разных сказителей к одному рукописному или печатному источнику, а путем многократных встреч сказителей с рукописными текстами разных редакций. Это не только раскрывает возможные пути перехода литературного произведения в фольклор, но и свидетельствует о популяр-

⁷⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., стр. 129.

⁷⁷ Н. Е. Ончуков, № 1, стр. 2.

⁷⁸ Н. И. Рождественская, № 30, стр. 110; О. Э. Озаровская, № 25, стр. 213.

⁷⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., стр. 135.

⁸⁰ Русская демократическая сатира XVII века, стр. 192.

⁸¹ Только варианты, записанные на Пинеге в Архангельской области и опубликованные в сборниках О. Э. Озаровской (стр. 213, № 25) и Н. И. Рождественской (стр. 110, № 30), очень близки, так как записаны от одной исполнительницы.

⁸² ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244.

ности рукописных «Повестей» о Ерше,⁸³ несмотря на малое число сохранившихся текстов их.

При переходе «Повести» о Ерше в устную традицию видоизменялось не только содержание, схема повествования, но и идейная направленность его. Социальная острота рукописной «Повести» в сказках сглажена. Тяжба идет не между крестьянином и боярским сыном, а просто между смиренными домоседами и нахальным пришельцем. Как указывалось выше, в характеристике некоторых рыб есть социальные черты, но они очень редки. Потеря социальной остроты повествования в устных сказках отмечалась исследователями рукописной «Повести». Указывалось, что в устной традиции повествование становится комической сказкой.⁸⁴ Замечание это вполне справедливо, но следует уточнить, что комизм сказок о Ерше не бездумное, пустое увеселение. Вряд ли следует расценивать ее и в качестве обличения наглеца и сутяги Ерша, как это делает В. П. Аникин: «В многих, но характерных бытовых деталях изображен здесь ерш-ябедник, ерш — верткий человек, наглец и плут. Сказка знает все, что обычно говорят сутяги, как они вызывают у людей расположение, а достигнув малого, применяют все доступные им способы влияния, чтобы стать полными хозяевами положения, взять все себе необходимое, да и от того, что сверх всего нужного, не откажутся».⁸⁵ Характеристика Ерша здесь преувеличена. Ерш в сказках не стремится вызвать расположение и сочувствие, ничего не приобретает, не достигает ни малого, ни большого. Он хочет только восстановить свое право жить в Ростовском озере. И даже не в этом основной смысл и интерес сказки. Ерш действительно нагл и хитер, но противостоящие ему рыбы так глупы и неповоротливы, что не вызывают сочувствия. Как большинство сказок о животных, сказка о Ерше высмеивает глупых, недогадливых, чванливых. Ерш дурачит своих врагов, и его наглость поэтому не вызывает возмущения, а привлекает сочувственное внимание. Так, он заявляет, что завладел Ростовским озером потому, что оно «горело снизу и доверху с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу и доверху».⁸⁶ И хотя Ростовское озеро — родной дом подавших жалобу рыб и самого Сомы — судьи праведного (он же восклицает: «Ни век наше озеро не гарывало»),⁸⁷ — все же вызываются Ершовы свидетели, подтверждающие, что не горело озеро. Ерш заводит в невод Осетра, который хстел его проглотить. Он зовет Осетра в невод качаться. Сам под тетиву убежал, а Осетра мужики вытащили.⁸⁸

Особенно достается от Ерша Щуке, которая в этой сказке играет такую же роль, как Волк в сказках о животных. Глупый, трусливый, простоватый и самонадеянный, он всегда одурачен хитрой Лисой. Так же, как Лиса над Волком, издевается над Щукой Ерш. Убегая от суда, Ерш встретил Щуку, она хочет с ним поговорить: «Ерш! постой, родня, постой, поговорим со мной!». Но Ершу не до Щуки: «Говори, Щука, голы щеки, а у меня и сзади уши есть!». А Щука испугалась, от Ерша побежала,

⁸³ Н. А. Бакланова отмечает, что «обилие пословиц, поговорок, присловий, ведущих свое начало от „Повести о Ерше“, указывает на ее популярность» (Н. И. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче», стр. 324). Судьба этой «Повести» в устной традиции более убедительно свидетельствует о ее популярности.

⁸⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в., стр. 136.

⁸⁵ В. П. Аникин. Русская народная сказка. Пособие для учителей. М., 1959. стр. 86.

⁸⁶ Аф. I, № 77, стр. 111.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Н. И. Рождественская, № 30, стр. 112.

мужику «в поез» попала.⁸⁹ В варианте с Пинежья,⁹⁰ после тщательного обсуждения всем рыбьим миром, что делать с Ершом, Щука предложила его съесть. Но одно дело похвалиться, а как выполнить? «Щука день ходит, другой ходит, третьей ходит. Ерш говорит: — Щука, ты востра, ешь меня, Ерша, с хвоста. — Как я тебя буду с хвоста есть? — Отвори рот, — я хвост-от суну, дак не столь смерть-то мне страшна будет». Щука отворила рот, Ерш оцетинился — шарнул ей в рот, в роти все расколол, побежала кровь.⁹¹ В этом эпизоде Щука очень напоминает Волка, которого дурачат слабые, но умные звери,⁹² особенно в сказках о Козле или Баране, которые предложили вскочить в пасть Волка, разбежавшись с горы.

Возможность к такому осмыслению образа Ерша была заложена в рукописной «Повести». Как говорилось выше, Ерш в ней (особенно в списках первой редакции) хитрый, умный, изворотливый, дерзко издевающийся над богачами, олицетворенными Осетром и Сомом. В устной традиции, таким образом, развиваются те характеристики, которые уже имелись в рукописной «Повести». Но социальная острота снята, и характеристики ведутся в традициях животной сказки.

В фольклоре бытовали две версии сказки о Ерше. Одна — пересказ рукописной «Повести», — подробно рассмотренная выше. Другая — скоморошья переработка — нагромождение нелепостей на тему похождения Ерша. Если о первой мы можем составить довольно хорошее представление на основе имеющихся записей, то о второй ничего определенного сказать нельзя, так как сведения о ней очень скудные. Мы не можем судить о ее схеме, о типичных эпизодах и характере их сцепления. С определенностью можно только сказать, что повествование это было ритмическим. Может быть, новые находки в архивах или новые записи и помогут прояснить этот вопрос, но сейчас о скоморошье переделке «Повести» судить трудно.

Как было выяснено выше, «Повесть» о Ерше перешла в устную традицию благодаря непосредственному общению сказителей с рукописным источником. В науке, однако, существовало мнение, что она прошла путь от рукописной «Повести» к устной сказке через лубок. М. Н. Сперанский писал: «Лубочная литература является своего рода мостом между литературой устной и книжной».⁹³ Высказывались предположения, что и для «Повести» о Ерше лубочный текст был таким мостом: «К XVII веку относятся рукописи русской сатирической повести о Ерше Ершовиче, производящей формы судебного производства XVI в. Из рукописной повести это попадает в лубочную литературу, а потом и в народ, где она является такой же сказкой, как и другие сказки о животных».⁹⁴ Но «Повесть» о Ерше не переделала этого обычного для произведений древнерусской литературы пути. Устная сказка следует чаще всего повествованию четвертой редакции, а с лубочными листами сближаются только некоторые варианты и детали. Единственное влияние лубочного листа на все устные сказки — прочное объединение повествования о нахальном Ершишке — обидчике рыб в Ростовском озере и ритмической прибаутки о ловле и

⁸⁹ ЖС, 1898, вып. 2, стр. 244.

⁹⁰ Н. И. Рождественская, № 30, стр. 110.

⁹¹ Там же, стр. 112.

⁹² Аф. I, № 55—56, стр. 78—81.

⁹³ М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 51.

⁹⁴ С. В. Савченко. Русская народная сказка. (История собирания и изучения). Киев, 1914, стр. 54.

приготовлении Ерша. Хотя это влияние тоже можно поставить под сомнение, так как объединение этих двух рассказов есть и в четвертой редакции.

Лубочная картинка представляет собой большой лист, в центре которого в овале изображены рыбы в озере. Вокруг этого овала нарисованы сценки поимки и приготовления Ерша с соответствующими подписями под ними. Например, изображено, как 1) послали миром Першу, велели заложить вершу; 2) пришел Богдан, Ерша бог дал; 3) пришел Устин, Ерша упустил.⁹⁵ Всего 33 изображения и подписи к ним. В самом низу листа напечатан краткий текст «Повести» о Ерше, который В. П. Адрианова-Перетц причислила ко второй редакции⁹⁶ и который, видимо, является сокращением «Повести» этой редакции.

Существует еще один источник, который мог быть посредником между рукописной традицией и устными сказками, — дешевые книги, продававшиеся на рынках и печатавшиеся в разных типографиях во второй половине XIX в. В них находим сказку «Похождения Ерша Ершовича Щетинина».⁹⁷ Это «сочинение г-на Потапова», кроме названия, не имеет ничего общего с рассмотренными выше рукописными «Повестями» и устными сказками. И никак оно не отразилось в устной традиции.

Такова судьба рукописных «Повестей» о Ерше в устной традиции и пути их перехода в сказительский репертуар. Возможно, что и для других произведений древнерусской литературы взаимодействие рукопись—лубок—устная традиция сомнительно.

⁹⁵ Русские народные картинки, собрал и описал Д. Ровинский, кн. 1. Сказки и забавные листы. СПб., 1881, стр. 404. Воспроизведение картинки: Русский лубок XVII—XIX вв. Сост. В. Бахтин и Д. Молдавский. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1962, № 2.

⁹⁶ Русская демократическая сатира XVII века, стр. 191.

⁹⁷ В. Ф. Потапов. Похождения Ерша Ершовича Щетинина. Русская сказка. М., 1860, 105 стр.; М., 1863, 89 стр.; М., 1870, 36 стр.

СКАЗКИ В ГОРНОЗАВОДСКОЙ СРЕДЕ УРАЛА

Данные о бытовании сказочного эпоса в заводской среде Урала довольно скудны, особенно если иметь в виду дореформенный период. Первые русская сказка на Урале была записана в 1848 г.¹ Запись доставлена П. Слобцовым из с. Лялинского Верхотурского уезда, но от кого именно она произведена, — не известно. Между тем одни жители этого села могли быть связаны системой приписки с заводами, другие — нет. Очень интересные тексты преданий, записанных С. Буевским в селах Златоустовском и Торговлица Красноуфимского уезда, также не паспортизированы.² И лишь зная о принадлежности обоих населенных пунктов к усадьбе Златоустовского завода, можно предположить, что тексты С. Буевского характеризуют репертуар заводской среды (вернее, репертуар приписных крестьян). Это же надо сказать и про записи сказок, осуществленные в Кунгурском уезде в том же 1848 г. С. Буевским (материалы которого хранятся в АГО и отчасти были опубликованы А. М. Смирновым).³ В 50-е годы В. Волегов записывал сказки в Оханском и Соликамском уездах, а А. Зырянов — в Шадринском уезде Пермской губернии.⁴ В промышленном отношении это были наиболее развитые районы Урала. В заводской труд здесь так или иначе вовлекалось почти все крестьянское сословие. Тем не менее у нас нет достаточных оснований полагать, что данные сказки были записаны именно в горнозаводской среде. Из материалов 50-х годов, характеризующих состояние сказочного эпоса на заводах Урала, более или менее документированы записи В. А. Аманацкого.⁵ Во всяком случае нам известно, что данные тексты принадлежат творчеству «рабочих людей» Миасского завода.

В 60-е годы снова «повезло» Соликамскому и Оханскому уездам. Здесь от «рабочих людей» производили записи А. А. и П. А. Вологдины. А. А. Вологдин записывал сказки в Усолье (точные указания на это имеются при шести сказках в сборнике Д. К. Зеленина — №№ 81, 84, 86,

¹ Сказка о Наполеоне. — ЗРГО по ОЭ, т. 1, 1867, стр. 655—659; Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пгр., 1914 (далее сокращенно: Д. К. Зеленин), стр. 430.

² Д. К. Зеленин. Описание рукописей Архива Русского географического общества, вып. 3. Пгр., 1916, стр. 1032—1033.

³ А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, вып. 1—2. Пгр., 1917, стр. 739—745; АГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 61.

⁴ А. А. Дмитриев. Народное творчество в Билимбаевском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. — Екатеринбургская неделя, 1889, № 41; АГО р. 29, оп. 1, ед. хр. 32-а и 68.

⁵ В. Аманацкий. Миасский завод и золотые промыслы в его округе Оренбургской губернии, Троицкого уезда, 1856. — АГО, р. 26, оп. 1, ед. хр. 16 (далее сокращенно: В. А. Аманацкий).

87, 89, 90,) а Усолье — это старинное промышленное село с пристанью на реке Каме (в 6 верстах от г. Дедюхина). По свидетельству летописцев и этнографов, население здесь великорусское, занятое главным образом соляными промыслами (Д. К. Зеленин, стр. 391). П. А. Вологдин записывал сказки «на Иньве», о чем он сообщает в примечании к первой сказке (Д. К. Зеленин, № 74). Существует очень обоснованное предположение, что, будучи «ученым управительским помощником при заводах гр. Строганова», П. А. Вологдин записывал сказки от подчиненных ему рабочих людей (Д. К. Зеленин, стр. 391). В «Пермских губернских ведомостях» за 1863 г. (№№ 45 и 46, стр. 228, 231—232) были опубликованы «Сказки, собранные в Екатеринбургском уезде». Это — всего два текста, которые, к сожалению, не сопровождались никаким предисловием или примечаниями (второй из них подписан «Иван Потапов»), так что судить о среде, породившей эти сказки, не представляется возможным. Среди смешанного сельско-заводского населения у тептярей Учалинской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии записи сказок производил А. Г. Бессонов⁶ (в 80-е же годы Н. Е. Пальчиков записывал песни в селе Николаеве Мензелинского уезда Уфимской губернии).⁷

Наконец, в самом начале нашего столетия появились полностью паспортизированные записи, произведенные в заводских поселках Д. К. Зелениным. Благодаря ему мы имеем хорошее представление о состоянии сказочной традиции в Нижне-Сергинском заводе Красноуфимского уезда, в Теченском, Верхне-Кыштымском, Билимбаевском заводах Екатеринбургского уезда. В советское время записи традиционных сказок от рабочих производились многократно. Часть записанных материалов опубликована в сборниках В. П. Бирюкова, Е. М. Блиновой, И. С. Зайцева, М. Г. Китайника, С. К. Власовой, а также в книгах: «Русские народные сказки Урала», «Русское народное творчество в Башкирии», «Фольклор Висима».⁸ Многие записи находятся в частных коллекциях и в фондах областных музеев, центральных хранилищ.

На основании имеющихся у нас данных можно утверждать, что сказки в заводском быту были очень популярны. Слушание сказок было любимым видом свободного времяпрепровождения. Священник Миасского завода В. Аманацкий в своем отчете Этнографическому отделу РГО писал: «В свободное время наши простолюдины, старики и старушки, много рассказывают сказок с разными присказками, особенно вечернею порою, в сумерки, так что всех сказок и присказок, которые у нас в ходу, решительно не переслушаешь...».⁹ Сказки звучали и во время работы, когда это позволяли условия трудового процесса, например в «запаях» — при углежжении; при сушке и промывке старательских и других промысловых орудий труда; в литейных и формовочных цехах — когда остывали опоки или, наоборот, когда разогревался металл; в гранильных мастерских, где сказывание сказок и всяких историй, по свидетельству П. П. Бажова,¹⁰ стало чуть ли не профессиональной потребностью.

⁶ См.: АГО, р. 26, оп. 1, ед. хр. 25.

⁷ Там же, р. 43, оп. 1, ед. хр. 19.

⁸ Русские народные сказки Урала. Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник и Н. Куштум. Свердловск, 1959 (далее сокращенно: Сказки Урала); Русское народное творчество в Башкирии. Сост. С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957; Фольклор Висима. На родине Мамина-Сибиряка. Ред.-сост. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1968.

⁹ В. А. Аманацкий, л. 72 об.

¹⁰ П. П. Бажов. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955.

Сама популярность сказок в заводской среде объясняется, очевидно, наличием здесь коллективных (артельных) форм труда. Не случайно, что все лучшие сказочники, отмеченные Д. К. Зелениным,¹¹ — это «бывалые» люди, долгое время находившиеся в устойчивом коллективе. Это, во-первых, солдаты и другие «служилые люди», во-вторых, лица, много лет отработавшие с артелью на рудниках, в «заводе», в углежогах, ходившие для исполнения посессионных работ за много сотен верст от родного дома. Длительные переходы с привалами у костра также способствовали распространению и сохранности сказок. «Об обстановке, — пишет Д. К. Зеленин, — при которой местными сказочниками выслушиваются и усваиваются заносные сказки, согласно свидетельствуют сами сказочники. В рудниках, на рыбных ловлях неводом и в лесосеках работают многолюдные артели рабочих, как местных, так и пришлых; зимою им приходится спать в общих зимниках-избушках. Работа зимою кончается рано, с наступлением темноты; долгие зимние вечера и коротаются рабочими за сказками: в большой артели почти всегда найдутся люди, знающие несколько сказок, а прочие слушают и запоминают» (Д. К. Зеленин, стр. XXVII).

Сказочник из села Куяши, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, Антон Демьянович Ломтев научился сказкам, бывая в разных местах Урала в качестве «пимоката» (валяльщика шерстяной обуви); многие сказки выслушаны им от «дальних расейских» (т. е. от лиц из внутренних губерний Европейской России) (Д. К. Зеленин, стр. 1). Евсей Степанович Савруллин, уроженец Билимбаевского завода, больше всего запомнил сказок во время военной службы в Туркестане, а также во время своей работы на Богословском заводе и проживания в селе Метлине (здесь — главным образом от старухи «Панихи») (Д. К. Зеленин, стр. 229). Семнадцатилетний сказочник Иван Купреянов говорил собирателю, что сказки свои он слышал, работая на рудниках Кыштымского завода (Д. К. Зеленин, стр. 335). Ефим Евдокимович Алексеев бывал на каторжных работах (Д. К. Зеленин, стр. 351), где, вероятно, и узнал сказки. Среди сказочников есть и такие, которые сами ни в солдатах, ни в заводской службе никогда не бывали, но зато их деды и отцы обязательно в своей жизни проходили школу солдатского или заводского коллектива, школу артельного быта. Обращает на себя внимание то, что горнозаводские сказочники — преимущественно мужчины. Женщины-сказочницы, конечно, тоже были — Д. К. Зеленин упоминает двух, но замечает, что «женщины-сказочницы реже получают известность» и что их «несравненно менее, нежели сказочников» (Д. К. Зеленин, стр. XXXII).

Есть основания полагать, что в наиболее естественном своем виде сказка жила «на миру», т. е. в рабочем коллективе, где она исполнялась в моменты отдыха. Д. К. Зеленин, обративший внимание на это, нарочно ездил в рабочих поездках, чтобы ознакомиться со сказочниками. Когда же собиратель решил «выудить» наиболее понравившегося ему сказочника Василия Егоровича Черных (24 лет) и через некоторое время заполучил его, то оказалось, что обстановка канцелярии, где производилась запись, крайне стеснила рассказчика и поэтому сказки выходили много хуже, чем в вагоне железной дороги.¹² Роль сказочников в рабочем коллективе была исключительно велика. Старый уральский пролетарий П. П. Ерма-

¹¹ До Д. К. Зеленина никто из собирателей уральских сказок никаких сведений о сказочниках не давал, не сообщались даже их имена.

¹² Собиратель считает, что вагон — тоже не очень подходящее место для сказывания сказок, так как здесь всегда найдутся недоброхоты сказки (Д. К. Зеленин, стр. 292).

ков, начавший свою трудовую деятельность еще в 80-е годы прошлого столетия, вспоминает, какой любовью пользовались среди шахтеров рас-сказчики и сказочники. Он выделяет особенно одного из них, который мог так увлечь своим рассказом, что слушатели из-за него даже на свою рабочую смену опаздывали.¹³

Совершенно очевидно, что сказки, записанные в заводской среде Урала, — это обычные русские традиционные (крестьянские) сказки. За редким исключением, все уральские сказки имеют соответствующие параллели в фольклорном репертуаре других русских областей. То же, что составляет исключение, лишь условно может быть отнесено к сказочному эпосу. Таковы «сказки-романы» — «Иван, солдатский сын» (Д. К. Зеленин, № 11) и «Васенька Вáрегин» (Д. К. Зеленин, № 14). В них мало традиционного, для первой из них, как справедливо предполагает Д. К. Зеленин, «одним из образцов послужил какой-нибудь лубочный или бульварный роман» (Д. К. Зеленин, стр. 524). Под № 15 в сборнике пермских сказок помещена «побывальщинка», построенная на основе местных суеверий и легенд. Под № 17 опубликована сказка «Володька — купеческий сын», являющаяся разработкой предания о местных заводчиках, занимавшихся тайным производством фальшивых монет. Предполагают, что эта сказка «ведет свое начало из тюрьмы, от более или менее интеллигентного каторжника» (Д. К. Зеленин, стр. 530). Не встречается вариантов сказки «Колдун и солдат» (Д. К. Зеленин, № 34). Это естественно, поскольку она возникла как обыкновенный житейский рассказ о недавнем прошлом (о свадьбе с «колдуном»). Встречаются и такие сказки, которые целиком построены на традиционной основе, но сочетают в себе столько разнородных мотивов, дают такую интерпретацию известных образов, что создается впечатление о них как о совершенно оригинальных произведениях, никак не связанных со старой сказочной культурой. Такова, например, сказка А. Д. Ломтева «Рязанов с Милутиным», соединяющая в себе известный сюжетный мотив «Сосватанные дети», образ былинного героя Садко, сказочные персонажи из сказки «Три ухореза» и т. д. с народным поверьем, будто бесы, однажды поступив в распоряжение человека, требуют постоянной работы, без чего они своего хозяина замучат.¹⁴

Приведенные факты свидетельствуют о творческом обращении горнозаводских крестьян с традиционными сказками. Возникает вопрос, в чем конкретно выражается самостоятельность уральских сказочников, каким образом заводская среда отразилась на старой сказке? Прежде всего нужно заметить, что не все своеобразное в сказках «рабочих людей» является результатом влияния именно заводской среды. Нельзя не учитывать воздействия на сказку общих для всех социальных прослоек заводского населения факторов — природы Урала, местного быта, особенностей местной истории. Своеобразие репертуара и идейно-художественного содержания сказок, бытовавших на Уральских заводах, родилось не сразу; оно возникло постепенно и закреплялось по мере обособления рабочего населения Урала от крестьянства.

На характер складывающегося сказочного репертуара прежде всего повлиял чрезвычайно пестрый состав местного населения. Эту особенность отметил еще один из первых собирателей местных сказок В. А. Аманацкий. Он писал, что на Миасский завод «поступают люди из разных мест империи», и все они рассказывают «часто одно и то же, но не на

¹³ П. П. Ермаков. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947, стр. 101.

¹⁴ А. Потехин. На ночлеге. (Из путевых заметок). — Сочинения Алексея Потехина, т. I. СПб., 1873, стр. 182.

одинаковый лад и склад, и на разные манеры, кто как знает и кто как может» (В. А. Аманацкий, лл. 72 об.—73). Взаимодействие различных сказочных традиций имело последствия двоякого рода. С одной стороны, конечно, расширялся круг сказочных сюжетов, образов, обобщались приемы рассказывания, заимствованные рассказчиками друг у друга. С другой стороны, ослаблялась сила традиции, открывался простор для отсебятины», которая — увы! — не всегда была творчески удачна. К 1908 г., когда производил свои записи сказок Д. К. Зеленин, на Урале мало осталось мастеров-сказочников, знавших волшебную сказку в ее исконном виде и относившихся к ней серьезно (Д. К. Зеленин, стр. XXXIII). И все же, думается, взаимодействие различных традиций в одной местности надо оценивать как положительный факт — хотя бы в смысле расширения простора для личной инициативы и выдумки, что сыграло немаловажную роль при создании не только «побасенок» и скабрёзных анекдотов, но и прославленных уральских сказов.

Очень продуктивным было взаимовлияние сказочных традиций различных народов. В особенности это относится к общению русских и башкирских сказочников. Недаром Д. К. Зеленин в своем сборнике отводит целый раздел для сказок, рассказанных башкирами. Автор даже затрудняется определить национальную принадлежность данных произведений, ограничившись лишь очень осторожным замечанием об источнике записи, но не об источнике традиций. «Наше представление о русских сказках Пермской губернии, — писал Д. К. Зеленин, — было бы далеко не полным, если бы мы не упомянули о сказках, рассказываемых башкирами. На Урале обмен сказок между местными башкирами и великорусами вне всякого сомнения. Взаимные сношения представителей этих двух народностей весьма часты и тесны. В частности, в артелях неводчиков (рыбаков) и в рудниках работают те и другие вместе; а так как башкиры-рабочие хорошо знакомы с русским языком, то при общих ночевках в долгие осенние и зимние вечера они одинаково слушают русские сказки и рассказывают свои сказки» (Д. К. Зеленин, стр. 441).

Бывало так, что одну и ту же сказку разные сказочники причисляли к различным национальным традициям. Например, Мардан Мухаметов сказку «Купеческий сын» (Д. К. Зеленин, № 100) называет «башкирской», а Юсуп Каримов рассказал ее как «русскую» (Д. К. Зеленин, стр. 446). Родство сказок разных народов, живущих бок о бок, несомненно, но порой трудно и даже невозможно установить приоритет какой-либо одной традиции. Например, житель Каслинского завода Николай Антонович Стерхов рассказал сказку «Петр Великий и три солдата» (Д. К. Зеленин, стр. 447). Подобная же сказка известна и у башкир Уфимской губернии, только вместо Петра здесь действует «царевна». Мораль сказки — не зарься на чужое, свое не хуже — в русском варианте выражена посредством сравнения одной и той же водки, налитой в золотую, серебряную и медную чарки («Ну што? Водка какая — разная или одинаковая?», — спросил Петр, — «Одинаковая, — говорит, — сивуха!» — «Так, — говорит, — и жена одинаковая; што моя, то и крестьянская!»); а в башкирском — при помощи сравнения яиц, простых и золоченых, вкус которых оказался одинаков (царевна сказала: «Точно так же и женщины: одеты ли они в парчу или нет — все одинаковы»).¹⁵ Мы сопоставили только кульминационные моменты той и другой сказки; они и в остальных частях также сходятся. Родство идейно-художественного со-

¹⁵ К. М — с. Башкиры. — Русская жизнь. СПб., 1892, № 265.

держания сказок разных народов говорит об общности социально-исторических, этических и эстетических воззрений.

Вместе с тем у каждого народа своя психология, сложившаяся исторически, свои обычаи, вкусы, свой неповторимый жизненный опыт. Поэтому при всем сходстве и взаимовлиянии русских и башкирских сказок друг на друга они сохраняли в основном свои национальные признаки. И хотя башкир Ю. Каримов рассказывал сказку о купеческом сыне «в качестве русской сказки», она не может быть названа таковою: в ней ясны отражения восточного (кочевническо-мусульманского) быта: способ передвижения героя на осле, продажа сына в рабство, многоженство и т. д. (Д. К. Зеленин, стр. 581; ср. стр. 456—459). Русские, воспринимая у башкир целые сюжеты, перерабатывали их таким образом, что «и медведь становился русским, и лиса — русской». Однако к башкирским и татарским именам, а также к местным географическим названиям у русских уральцев было особое пристрастие, поэтому в их сказках нередко можно встретить традиционного героя или героиню с экзотическим именем. Особенно это заметно в сказках, менее связанных традиционными условностями и более локализованных. Еще заметнее это в оригинальном творчестве уральцев — в их сказках.

Нельзя не разглядеть в традиционной сказке, бытующей среди заводского населения, следов влияния на нее складывающегося рабочего быта, рабочего миропонимания. Естественно, что в текстах, зафиксированных собирателями в 40-е годы, и в других ранних записях таких следов встречается гораздо меньше, чем в записях XX в. В материалах С. Буевского, П. Слоцова, А. Зырянова, В. Волегова, В. А. Аманацкого можно отметить лишь большую свободу в обращении с традицией, нежели в сказках, записанных от крестьян, никак не связанных с промышленным производством. Отголоски уральского быта здесь не выходят за рамки характерной для сказочного эпоса XIX в. реализации повествования.¹⁶ Ничего специфически «рабочего» в этих сказках еще не встречается.

И все же при более пристальном рассмотрении зырянских текстов можно заметить, что в них отразился не просто крестьянский быт. В сказке «Лутонюшка» (Аф. III, № 406), вероятно, запечатлелся факт приписки крестьян к заводу. Герой сказки встречает на дороге «артель работников» — десять человек, которых «хозяин» отпустил обедать (Аф. III, стр. 204). В шадринском варианте известной сказки «Чудесный ящик» своеобразен начальный эпизод — обучение героя у знахаря-хозяина. Здесь явно сказался горнозаводской опыт обучения крестьянских детей техническому мастерству. Этим объясняется очень конкретный и задушевно-лирический характер описания учебы паренька: «У одного старика и старухи был один сын уж на возрасте; чему учить сына — отец не знает и вздумал его отдать одному мастеру в работники всяки вещи делать. Поехал в город, сделал условие с мастером, чтобы сыну учиться у него три года, а домой побывать в три года только один раз. Отвез сына. Вот парень живет год, другой; скоро научился делать дорогих вещи, превзошел и самого хозяина. Один раз сделал часы в пятьсот рублей, послал их отцу. „Хоть, — говорит, — продаст да поправит бедность!“. Где отцу продавать! Он насмотреться не может на часы, потому что сын их делал» (Аф. II, стр. 37). Можно предполагать, что и эпизод освобождения героем из подземелья людей, заточенных туда его хозяином (в других вариантах не встречающийся), навеян горнозаводскими фактами: возможно, что в нем

¹⁶ Ср.: Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, стр. 96—98.

отразилась каторжная работа уральских рудокопов в глубоких шахтах. Часто подневольные рабочие не только трудились, но и жили в подземелье, прикованные цепями к породе. Наше предположение подкрепляется тем, что в советское время были записаны варианты этой сказки, в которых герой освобождает из шахты рабочих.¹⁷

Обращают на себя внимание в зырянских текстах и некоторые выражения, характерные для горнозаводского быта XIX в.: «Иван-царевич уехал, живет там, правит делом <...>» (Аф. I, стр. 214), что сразу же напоминает нам капиталистическое предпринимательство. Шадринский рассказчик, несомненно, был в курсе событий, связанных с развитием заводов и фабрик на Урале (в Шадринском округе — это прежде всего Каменский завод, определявший своей деятельностью всю экономику и быт этого края). Поэтому вместо традиционного «царства» или «полцарства» герой получает в наследство «дело».

Большой интерес в этом же отношении представляет для нас сказка «Купец и конторщик», опубликованная А. Зыряновым в «Пермском сборнике» за 1860 г. Содержание ее отдаленно напоминает сказки «Скорый гонец», «Иван Быкович» и «Счастливое дитя» (Аф. II, № 259; I, № 137; II, № 257). Сходство — в использовании одного и того же мотива: до рождения героя отец его строит мост, сокращающий дорогу и приносящий благо путникам; в награду получает от «святых людей» исполнение любого желания своего или сына. В общерусской и мировой сказочной традиции эпизоды, связанные с описанием строительства моста, с разъяснением его значения в жизни данного «царства», разработаны очень богато, например: «В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная; скоро ехать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ехать — и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына <...>. Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую — прямоезжую и наместить мосты калиновые <...>» (Аф. II, стр. 310). В других неуральских вариантах сказочная условность повествования («В некотором царстве», «дорога прямоезжая», «мосты калиновые») подчеркивается еще и тем, что мост строит царь, живущий среди болот.

В зырянском варианте строительство моста занимает чуть ли не главное место. Объем сказки — 2,5 страницы, из них одна посвящена этому эпизоду. Сказочник подробно рассказывает о местности, где жил «именитый купец», и в ней сразу же узнается Урал с его «горами» и «падами», «топиями» и «зыбунами». Вместо условных расстояний («Ехать тою дорогой — три года понадобится») здесь обозначаются вполне реальные: «объезжали верст двести лишних: между тем прямо-то до городу было всево на-всё верст петьдесят» (Пермский сборник, кн. 2, М., 1860, стр. 175). Но главное: речь идет не о строительстве только «моста», необходимого для дальнейшего развития сюжета, а о грандиозном переустройстве, промышленном освоении целого края: «Вот и стал именитой купец лес закупать, припасы всяки заготовлять, плотников, рабочих и всяких людей нанимать. Скоро начали дорогу строить, проезды плотить, мосты мостить <...>. Дошло время, што и дорогу устроили, и издить по ей стали. На середке дороги купец поставил по обеим сторонам дороги домá, поделал спуски под плотину; колодцы выкопал в земле для проезжающих ... ну, да настоящую станцию тут сделал» (там же). Перед нами не сказочная, а вполне реальная зарисовка уральской стройки; ос-

¹⁷ Сказки Урала, стр. 219.

бенно примечательно это упоминание «спусков под плотину», с которых начиналось строительство всех местных железоделательных заводов.

А. Н. Афанасьев знал зыряновский текст сказки «Купец и конторщик» (кстати сказать, включение в сказку такого персонажа, как конторщик, тоже говорит в пользу горнозаводского происхождения рассматриваемого варианта), он упоминает его в примечании к сказке № 20 (в первом издании) и № 143 (в последующих). Однако необычайно реалистическое содержание первой части этого варианта сказки, видимо, смутило его, и он включает в свой сборник другой текст, под названием «Счастливое дите», источник которого не указывается (Аф. II, № 257). Сличение этого текста с зыряновским вариантом позволяет утверждать, что оба они восходят к одному источнику; во всяком случае, не вызывает сомнения уральское их происхождение. А. Н. Афанасьев считал необходимым «обработать» свой вариант, «очистив» его от всего необычного, казавшегося ему странным. Следовательно, влияние горнозаводского, рабочего быта было им воспринято как нечто чужеродное и враждебное сказочной традиции.¹⁸

В сказках, записанных А. и П. Вологдиными, И. Потаповым, А. Бессоновым, Н. Пальчиковым, нам не удалось обнаружить ничего, что бы их отличало от сказок горнозаводского Урала 40—50-х годов. Между прочим, самый репертуар сказок в основном один и тот же, что может свидетельствовать лишь об одном: при всей текучести населения на Урале, при большом смешении разнообразных фольклорных традиций и их необыкновенной подвижности, у жителей горнозаводского Урала сложился излюбленный круг сказочных сюжетов и образов. Почти во всех уральских сборниках и собраниях сказок встречаются: «Сивка-бурка», «Лутонюшка» (Аф. III, № 430; А. М. Смирнов, №№ 274, 295; А. Г. Бессонов, № 30 (см. прим. 6); Сказки Урала, стр. 135, 137, 139); «Иван — крестьянский сын», или «Иван — купеческий сын», или «Иван-царевич» (А. М. Смирнов, №№ 279, 283, 287; Аф. I, № 125; Сказки Урала, стр. 184, 189, 194); «Царевна, разрешающая загадки», «Окаменелое царство», «Карлыхан Карлыханович», «Правда и кривда», «Фома и Ерема»... Д. К. Зеленин перечисляет следующие чаще всего встречающиеся в Пермской губернии сказочные сюжеты «Рога» (в его сборнике №№ 3, 23, 99; эпизоды в № 11 и 18; запись Буевского — № 24); «Волшебное кольцо» (Д. К. Зеленин, №№ 46, 87; отчасти № 69); «Царевна-лягушка» (Д. К. Зеленин, №№ 19, 28 и стр. 270); «Ловкий вор» (Д. К. Зеленин, №№ 47, 49, 50, 54) и другие (Д. К. Зеленин, стр. LIII).

Обращает на себя внимание малое количество сказок о барах. Самая популярная фигура в уральских волшебных и бытовых сказках — купец. Он может выступить как положительный и отрицательный персонаж, как представитель активной созидательной силы и как жестокий работодателя, жадный и несправедливый человек. Большое место во всех записях уральских сказок дореволюционного времени занимают легендарно-апокрифические моменты. Даже те сказки, где обычно отсутствует христианское морализующее начало, здесь заканчиваются нравоучениями. Например, уральский рассказчик завершает сказку «Сивка-Бурка» сентенцией: «Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу»

¹⁸ О «выправлении» Афанасьевым сказочных текстов, отступающих от классических традиционных разработок общеизвестных сюжетов, пишут М. К. Азадовский и Н. П. Андреев в комментариях к «Русским народным сказкам» А. Н. Афанасьева (изд. 1938 г.). Особенно подвергались правке тексты именно Зырянова.

(Аф. II, стр. 6). Объясняется это тем, что дошедшие до нас уральские сказки XIX в. были зафиксированы главным образом в трех уездах — Шадринском, Оханском и Соликамском, которые находились под значительным влиянием церковников: Каменский завод располагался на территории Долматовского монастыря; Оханский и Соликамский уезды, кроме того, были местами главного сосредоточения раскольниковских скитов. Там, где церковники и раскольники не оказывали существенного влияния на местный горнозаводской быт (Уфимская губерния), христианско-моралистические тенденции в сказках не встречаются, что подтверждается записями А. Г. Бессонова и Н. Е. Пальчикова.¹⁹

В сказках, записанных Д. К. Зелениным в начале XX в., больше элементов, отражающих местную уральскую действительность, местный заводской быт. Теперь уже среди действующих лиц встречаются рабочие (Д. К. Зеленин, стр. 112, 129, 172, 346, 450). Среди них мы находим слесаря, который приковывает сундук к волшебной карете («Иван — солдатский сын» — Д. К. Зеленин, стр. 112), землекопов («Боба-королевич» — стр. 172), строителей плотины («Купеческий сын и Чудилище на Стеклойной горе» — стр. 345—346), старателей («Золотая гора» — стр. 450) и других.

Упоминаются детали, которые могут быть известны и любопытны только человеку, связанному с заводским или рудничным производством. Примечательно, например, желание царевны, дающей жениху невыполнимое задание, чтобы он за ночь «увалил через море плотину» (не мост, не дворец хрустальный, как в обычной традиции, а именно — плотину!). Вместо традиционной ямы в горнозаводской уральской сказке фигурирует «шахта» (Д. К. Зеленин, стр. 43). Интересно также упоминание в сказках рабочего коллектива как мощной созидательной силы. Всегда, когда герою в горнозаводской сказке требуется выполнить непосильное задание (построить, например, за ночь дворец с крепостью), ему на помощь является «народ». Самый труд рабочего коллектива рисуется правдоподобно, с пренебрежением к традиционной сказочной условности, согласно которой дворец вырастает сам собой. Здесь же «дворец-крепость» сооружается быстро именно благодаря коллективным усилиям; эта быстрота работы объясняется огромным количеством участвующего в ней «народа». «Нам не выстроить в ночь, — совсем, как реальные рабочие, рассуждают сказочные строители, — ишо прибавь народу, тогда мы притащим ее из Уралу..., притащить нам легче будет!» (Д. К. Зеленин, стр. 51). Сквозь подобные сказочные описания проглядывают картины реальной действительности Урала, видевшего многотысячные толпы рабочих-строителей, согнанных сюда для возведения грандиозных железоделательных заводов.

Перечисленные факты безусловно свидетельствуют о влиянии на традиционную сказку горнозаводской среды. Однако и эти сказки, прожившие в заводских условиях не менее ста лет, по-прежнему остаются сугубо крестьянскими. Рабочие здесь бывают названы, но своеобразие их социального облика, психологии и общественного положения не раскрывается. Характер общественно-экономических и семейных отношений, от-

¹⁹ В то же время чрезвычайно интересен факт близости нравоучительной сентенции сказки «Сивка-Бурка», записанной от сказочника Благовещенского завода (Уфимской губернии) П. И. Сюткина экспедицией МГУ (1948/49 гг.: «В то же время они догадались, что не даром ходил Иван на кладбище караулить своего отца» (Русское народное творчество в Башкирии, стр. 31). Вообще сказки, опубликованные в этом сборнике, дают очень много для понимания особенностей уральского сказочного репертуара и для выяснения местных сказочных школ.

раженных в сказках, типичен для крестьянства. Герои пахут землю, работают на барщине (Д. К. Зеленин, стр. 158—159), выплачивают оброки (стр. 312), выкупают сына, осужденного за кражу (стр. 320), торгуют на базаре и ярмарке (стр. 287, 418, 456, а также 32, 320, 335 и др.), сватают, выторговывая в приданое надел земли, часть дома, сельскохозяйственный инвентарь (стр. 92—93, 126, 134—135, 175, 177, 182, 435). Орудия труда, упоминающиеся в сказках, связаны исключительно с земледелием (бало, валок, жигало, клин, колотушка, конопатка, коса, лопата, лук, напарья, пешня, сабан, сохи, сошник), с промыслами (брედень, лески, ловушки, морда, сети), с домашним строительством (пила, плашка, топор, сверло, точило), с кузнечным делом (клещи, молот, мех, наковальня).

Рабочая терминология не получила сколько-нибудь значительного отзвука в записанных Д. К. Зелениным сказках. Главное же, сами жизненные идеалы, выраженные в них, остаются типично крестьянскими. В одной сказке герой по имени Быжырмарган достигает счастья, получив в подарок от царя сундук, исполняющий желание владельца. Чего же просит Быжырмарган? — «Принес Быжырмарган сундук на свою землю и отворил. Как сундук отворил, тут дом построился, и баба ему, и всякое хозяйство — самовар, и все. Дом шипко хороший: у царя нет такого. Богатый стал, отца и мать к себе жить тасшил» (Д. К. Зеленин, стр. 477). Как и прежде, в традиционном духе разрешается конфликт положительного героя сказки с враждебными силами: герой становится либо наместником царя, либо посрамляет барина или купца, одновременно приобретая их богатство (Д. К. Зеленин, №№ 3, 14, 17, 18, 19, 72 и мн. другие). Только в одной сказке — «Иван-несчастный» (вариант «Марко-богатого») — героя назначают на должность управляющего заводом, потому что «грамоту он хорошо знат» (Д. К. Зеленин, стр. 357). Этот штрих, свидетельствующий об уральской локализации сказки, отражает, однако, лишь внешнюю сторону заводского быта; а по существу подобное разрешение конфликта (бедняк-крестьянин становится управляющим) ничем не отличается от традиционных сказочных концовок. Искать в этом факте проявления особой идеологии рабочего человека было бы ошибкой. Замена «царя» «управляющим» произведена формально с целью локализации повествования.

Иной характер имеют сказки о мастерах (Д. К. Зеленин, стр. 230, п. 12, № 65). В первой из них, очень коротко пересказанной собирателем, говорится о мастере-пьянице, который легко припаял крыло ангелу на вершине высокой колокольни. Вторая представляет собой уникальную переработку известного сказочного сюжета о верной жене, заманившей в ловушку служителей культа (священника, дьякона, псаломщика, церковного старосту), которые приставали к ней с ухаживаниями. Мужем «молодки» является мастер восковых фигур. Среди изготовленных им фигур он представляет на всеобщее обозрение и незадачливых «кавалеров».

Значение этих сказок в том, что они изображают своим героем рабочего не только по названию, но и по существу. В центре внимания находится его трудовая деятельность. Важность этого станет понятней, если вспомнить, что в русской традиционной сказке героев, представлявших рабочий класс, не было. Часто, правда, встречалась фигура кузнеца, но она характерна именно для деревни. Сказок, в которых был бы представитель промышленного производства и в которых объектом художественного изображения являлось бы мастерство рабочего человека, не было.

Теперь сказочник, в данном случае рабочий Верхне-Кыштымского завода Я. М. Логинов, обрабатывая старинный сюжет, подчиняет его задаче поэтизации труда умельца. То, что героем выступает «мастер воско-

вых статуй», нельзя считать случайностью. Для Кыштымского горнозаводского округа с его прославленным каслинским литьем фигура «скульптора» была популярной. Само описание «рабочей» (т. е. мастерской) отличается конкретностью, упоминанием целого ряда деталей («агонь», на котором плавится воск или металл, «приступка», где стоят готовые «скульптуры», и т. д.), которые могли быть известны только человеку, хорошо знающему данное производство (Д. К. Зеленин, стр. 360). Такой обработки сюжета нигде не отмечалось. Специально занимавшийся его изучением Ю. М. Соколов не упоминает ничего подобного.²⁰ Поэтому можно утверждать, что сказка Я. М. Логинова — оригинальная уральская версия традиционного сюжета.

Она интересна и своим стилем. Сказка начинается с выражения удивления, которое испытывает «Владыко» перед мастерством рабочего. «Один был мастер восковых статуев работать. Приеждял к нему владыко и удивлялся етому: „Как ты их работаешь?“ — „Я могу всяких сработать“. — Владыке и говорит: „Сработай мне 12 человек: свещенника, дьякона, посаломщика, оставших певчих“. Дал задатку пятьсот целковых» (Д. К. Зеленин, стр. 359). Необычайность такого сказочного зачина сразу бросается в глаза: он реалистичен, конкретен. Все последующее строится на этой преувеличенной характеристике мастерства героя. Сказочник не пользуется традиционным в таких случаях приемом ретардации. Разговор «жены мастера» с ухаживающими за ней священнослужителями лаконичен, лишен сказочной условности («Што ты, — какая госпожа или простонародие?» — «Я такова-то мастеровая жена». — «Нельзя ли с вами познакомиться?» — «Приходите в 12 часов ночи»). В нарушение традиции с каждым «кавалером» жена мастера разговаривает по-разному. Вообще стиль данной сказки значительно проще, естественнее, чем в обычных сказках, хотя и сохраняет плавность, напевность, непринужденный переход от прямой речи к косвенной при общей имитации разговорной речи. Сказка сближается со сказом.

Отход таких сказок от традиции, видимо, был расценен Д. К. Зелениным отрицательно, как проявление упадка сказочного эпоса на заводах Урала. Он не увидел в подобных рассказах художественности и отказался их даже записывать — например, сказку о мастере, который припаял крыло ангелу. Перед нами типично сказовая тема; сейчас мы эти «сказки» особенно ценим, а Д. К. Зеленину они, видимо, казались чужеродным элементом в репертуаре уральских сказочников (Д. К. Зеленин, стр. 230). Не записывались до Октября и такие сказки рабочих, в которых слышались явно бунтарские настроения. Впрочем, рабочие-сказочники едва ли могли рассказать такие сказки кому-либо из известных нам собирателей уральского фольклора. Это были священники, конторские служащие, учителя, столичные ученые. Все они в глазах рабочих были «господами», откровенничать с которыми было опасно. Интересный в этом отношении факт приводит тот же Д. К. Зеленин. Рабочий-мастерской Кыштымского завода А. П. Цыплятников, рассказавший собирателю сказку, позднее заставил отдать ему запись этой сказки и уничтожил ее. Д. К. Зеленин допускал, что это «было вызвано боязнью начальства или „политическими“ соображениями» (Д. К. Зеленин, стр. 361).

Неудивительно, что после Октября были «открыты» на Урале «новые» сказки. Среди них такие замечательные произведения, как «Черт и моло-

²⁰ См.: Ю. М. Соколов. Повесть о Карпе Сутулове. — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. IV, вып. 2. М., 1914, стр. 3—8.

тобоец», «Кузнец и черт»,²¹ «Полозов дворец», «Ильинские косогоры», «Иван — русский богатырь», «Четыре брата», «Двенадцать богатырей»²² и др.²³ Новыми эти сказки могут считаться лишь весьма условно. Их сюжеты, образы, приемы повествования знакомы нам по дореволюционным сборникам крестьянского фольклора. Отличия состоят в более смелой интерпретации традиционных мотивов, более решительном введении в сказку фактов горнозаводской жизни; главное же, в них раскрывается новый — революционный, пролетарский взгляд на вещи. Некоторые из этих новых моментов присутствовали в горнозаводской сказке до Октября (описание тяжести труда мастерового, сатирические выпады против господ и т. д.), другие могли появиться только после победы социалистической революции, когда вся масса народа поняла характер прежних общественных отношений. Несомненно одно: сказки не были созданы вновь, их содержание сложилось еще при капитализме; в советское время они лишь обрели четкую классовую направленность.

Так, в сказке «Климка-вор», которую, по утверждению В. П. Бирюкова, «рассказывали тайком», так как она «была запрещенная»,²⁴ налицо традиционные сюжетные мотивы: пугание чертей (АА 1045), бег впергонки (АА 1072); черти насыпают герою в шапку золото и не могут насыпать, потому что она дырявая (АА 1130); ловкий вор крадет у барина обоз с мукой, вороного коня и жену (АА 1525 * CI, D). Но разработка этих мотивов, во-первых, насыщается горнозаводским колоритом (барин сближается с заводчиком, его приближенные — с управляющими и приказчиками),²⁵ а во-вторых, проникается ясно выраженной идеей классовой борьбы. Расправившись с барином, «залез Климка на ящик и закричал народу: „Братцы, конец нашему кровопийце! Не за конями он уехал, а в реке утонул! Верно вам говорю! Вместе со всеми приспешниками утонул злодей! Конец нашей кабале! Туда бы и всех их!“». Не дали кончить Климке, подхватили на руки и давай качать» (стр. 41). Ясно, что приведенная часть сказки могла сложиться только после революции, под впечатлением от действительных событий.

В сказке «Волшебная плетъ» (стр. 68) также разрабатывается традиционный мотив: герой продает попу плетку, которая будто бы может оживить человека. Но здесь этот мотив получает неожиданное развитие: когда поп, купивший у мужика плетку — «живинку», собирается оживить ею барина в присутствии толпы рабочих, одна женщина «стоит, охает и говорит шепотком другим: „Наверно, поп его оживит. Такие мы несчастные родились! Видно, нам не пережить этого барина. Беда, если оживет: опять будем на него работать день и ночь!“» (стр. 71). В старых крестьянских сказках такого ясного выражения эксплуататорской сущности барского господства мы не встречали. О времени появления этого момента в традиционной сказке трудно судить: он мог войти в нее и до Октября, и после него. Зато упоминание рабочих, подчиненных помещику Рябухину, представляющему распространенный тип уральского барина-заводчика, связано, конечно, еще с дореформенной эпохой, тогда же оно, очевидно, и проникло в сказку. И напротив, концовка сказки навеяна нашей современностью: расправляясь с попом, герой сказки Иван приговаривает: «До-

²¹ Урал в его живом слове. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

²² Сказки Урала, стр. 172, 174, 194, 204, 216.

²³ См. рецензию В. П. Кругляшовой на сб. «Русские народные сказки Урала» в журнале «Урал» (1959, № 6, стр. 153—154).

²⁴ В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936, стр. 258—259.

²⁵ Сказки Урала, стр. 222. Далее страницы указываются в тексте.

вольно тебе людей дурманить!». Агафья, его подруга, выражается еще более современно, так что ее слова: «Давно бы их надо всех туда же, от них только дурман» (стр. 73), — воспринимаются как прямой отзвук анти-религиозного лозунга, распространенного в советском быту 20—30-х годов.

Отчетливее всего рабочее пролетарское сознание выражено в сказке «Четыре брата» (стр. 104—110). Сюжет ее в старых сборниках фольклора не встречается и в системе Аарне—Андреева не указан. Только отдельными своими штрихами (жизнь братьев среди леса, из-за чего они совершенно не знают людей; поиски героями правды) сказка отдаленно напоминает тексты из сборника А. Н. Афанасьева, №№ 116, 425. Сказка сложена Семеном Алексеевичем Ананьиным, жителем Михайловского завода, бывшего Екатеринбургского уезда. Это человек сложной судьбы. Он работал лесорубом, на приисках, батраком и пимокатом, столяром и, как выражается сам Ананьин, крестьянствовал. Он был связан с подпольной социал-демократической организацией Михайловского завода (стр. 224), что, вероятно, повлияло на взгляды сказочника, проявившиеся в сказке «Четыре брата». Здесь как бы синтезированы все характерные изменения, которые появляются в традиционном сказочном эпосе под влиянием уральской горнозаводской среды.

Сказочник рисует могучую природу Урала, тайгу, горы, болота, среди которых живут братья (стр. 104); воспроизводит картины промышленного края (стр. 105). Все это осуществляется средствами и художественными приемами, встречавшимися нам и в сказках, записанных А. Зыряновым, Д. К. Зелениным и другими. Тем более примечательно последующее повествование, в котором уже совершенно по-новому изображается труд крестьян — с деталями, не встречавшимися в традиционной сказке. «Иван идет по своему направлению во время жатвы как раз по полю, а там народ жнет полосу. Он туда направился, к этой артели, где жнут. Не доходя немножечко, он видит: один ходит среди этой артели в соломенной шляпе, в хорошем, как там говорится, пиджачке. Когда он ближе подходит, слышит слова: „Эй, шевелитесь, лентяи, лодыри!“». А когда еще ближе подошел, услышал, как тот сказал: „Фу, как в поле жарко! Надо ехать домой кофей пить!“ — и сел на свою коляску и уехал» (стр. 105—106). Реалистичность этой картины очевидна. Здесь не условный сказочный конфликт, как например в сказке «Мешков брат», а прямое изображение действительной сцены из жизни старой деревни. Рассуждения, которые сказочник вкладывает в уста Ивана, свидетельствуют о знании им социалистической идеологии. Иван не может понять, почему крестьяне считают справедливым, что земля барская, и покорно несут трудовую повинность. «Как это, дескать, земля его? А я скажу, солнышко-то мое, вы будете мне за него платить или на меня работать?» (стр. 106).

В сказке изображается и подневольная жизнь приисковых рабочих. Брат Ивана, Демьян, видел работу в шахте — «в темноте, в мокроте, как люди себя сами уродуют <...>». Сказочник высказывает правильную мысль о губительном влиянии золота на людей, но вместе с тем допускает наивное суждение о ненужности его вообще: «Металл этот непродуктивный, и ни к чему это все» (стр. 107). Рассказчику кажется, что все зло в мире только из-за золота. Несомненно, что и здесь проявилось влияние на Ананьина социал-демократического учения о капитале, но оно было понято им односторонне и недостаточно глубоко. Главная идея сказки — в условиях самодержавия нельзя найти правды. Все братья, искавшие справедливой жизни, встретились «в глухом месте, на каторге»,

рассказали друг другу о своих приключениях и подвели нерадостный итог: «Вот нашли мы, дескать, в русской земле правду!» (стр. 110).

По свидетельству собирателей В. Горяева, А. Шильниковой, Г. Копытовой, записавших сказку в августе 1948 г., она «пользовалась огромным успехом среди лесорубов, углежогов и рабочих металлургического завода, широко бытуя в их среде и варьируясь. С самого же начала она вызвала резкий протест со стороны заводской администрации, зажиточной и религиозно настроенной прослойки Михайловского завода» (стр. 224).

Хотя и составители сборника «Русские народные сказки Урала», и собиратели, записавшие рассказ Ананьина, называют последний сказкой и хотя в нем действительно много сказочного, все же здесь мы имеем дело с произведением, отличающимся особыми жанровыми признаками. Главное, что отличает его от сказки, — это историческая конкретность повествования, реалистичность нарисованных картин, отражающих действительную расстановку классовых сил в феодально-крепостническом обществе и действительный характер конфликта между ними (не так, как в сказке, где царь может «на равных» соперничать с Иванушкой и где герой вопреки реальной жизни добивается победы и становится либо царским наследником, либо обретает несметные богатства). При некоторой общности построения повествования Ананьина со сказками (зачин: «Жили четыре брата в лесу»; условность начального конфликта — братья никогда не видели людей, и т. п.) здесь все же осуществляются необычные для устной поэтической традиции композиционные принципы. Отсутствует характерная для русской волшебной сказки сюжетная схема: зачин — столкновение героя с социальными враждебными силами — изгнание героя — подвиги его в изгнании — обретение чудесных помощников — победа (кульминационный пункт) — возвращение — обретение желаемого. В сказке «Четыре брата» нет нарастания действия, нет главного героя (все четыре брата занимают равное положение в рассказе), нет мотива изгнания, нет чудесных помощников и, главное, она кончается поражением положительных героев.

Все это подтверждает наш вывод, что когда сказка под влиянием окружающей среды претерпевает трансформацию, не ограничивающуюся только процессом локализации, а и приводящую к полной замене крестьянских героев рабочими, патриархальной деревенской идеологии — пролетарской, она, сказка, лишается своих существенных жанровых признаков и теряет право называться этим термином.

Жанровое определение текстов, подобных «Четырем братьям», представляет серьезные трудности. Рецензируя сборник «Русские народные сказки Урала», В. П. Кругляшова упрекала составителей в том, что они поместили в нем и сказки, а это, по ее мнению, «неправомерно, так как стирает жанровую специфику сказок».²⁶ Рецензент права, но надо понять и составителей, которым, конечно, было нелегко провести жанровую границу между сказками и такими близкими к ней текстами, как «Четыре брата», «Полозов дворец», «Зеленая ящерка», «Верный расчет» и др. С точки зрения исторических судеб фольклора публикация таких материалов в одном сборнике оправдана, так как наглядно свидетельствует о трансформации сказки.

Записи традиционных сказок в рабочей среде говорят о серьезных идейных и художественных изменениях в их структуре, вплоть до жанровой метаморфозы. Однако не следует думать, что рабочий коллектив

²⁶ В. П. Кругляшова. Русские народные сказки Урала. — В кн.: Урал. Свердловск, 1959, № 6, стр. 153.

всегда и обязательно локализовал сказку в соответствии с особенностями заводского производства и быта. Влияние рабочей среды на сказку было глубже и сложнее. Может быть, самое интересное, что среди заводских жителей крестьянская сказка — до революции и после нее — часто сохранялась в своей первозданной красоте и чистоте. Рабочие-сказочники относились к крестьянской сказке как к реликвии и, понимая всю условность сказочного повествования, его установку на вымысел, не стремились связать содержание сказки с заводской жизнью. Высокие гражданские и морально-этические идеалы старинной сказки, содержавшиеся в ней антикрепостнические и противогосподские настроения отвечали социальным и эстетическим устремлениям всего рабочего люда. Крестьянскую, волшебную и бытовую сказку рассказывать без переделок было даже удобнее, потому что заводское начальство не могло придаться к ней, хотя обобщающий противогосподский смысл этих сказок был понятен рассказчикам и слушателям. Особенно это касается бытовых, сатирических сказок. Не случайно, видимо, что черты уральской заводской локализации мы находим главным образом в волшебных сказках. В бытовых сказках, записанных от рабочих, действуют батраки, работники, крестьяне, их социальными противниками выступают барин, поп, кулак, купец. Бытовая обстановка, в которой действуют герои, чрезвычайно далека от уральской заводской жизни. Но рабочие воспринимали эти сказки как отзвук своих настроений и чаяний, узнавая в характеристике попа, барина, кулака черты заводчика, управляющего, приказчика или подрядчика.

Разумеется, творческий потенциал рабочих не мог полностью исчерпать себя лишь в пересказывании традиционных сюжетов; он искал разрядки и в создании новых оригинальных прозаических произведений. Но благодаря иным историческим и социальным условиям, определившим формирование рабочего класса, создавались уже не сказки, а произведения с иными жанровыми признаками, отвечающие новому времени.

З. И. ВЛАСОВА

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЭТИКИ УСТНЫХ ЗАГОВОРОВ

Предмет данной статьи — некоторые вопросы поэтики устных заговоров. В существующих классификациях заговоров признак устности их распространения во внимание не принимался. Особо выделила устные заговоры Е. Н. Елеонская, отметившая, что письменные заговоры отличаются большей сложностью, имеют явные следы книжного влияния и обработки.¹ На устный характер передачи заговоров указывал В. Мансикка, характеризуя их бытование в Олонецком крае.² Наибольшее количество данных о существовании устных заговоров содержится в статье А. М. Астаховой «Заговорное искусство на Пинеге». По свидетельству собирательницы, почти все жители прибегают в бытовом обиходе к использованию заговоров, но хранят их обычно в памяти, а обучение заговорному искусству состоит в заучивании наизусть со слов знатока: «Самый момент передачи заговора на Пинеге прост и лишен всякого ритуала. Чаще всего знахарь обучает заговору, т. е. произносит его, а обучающийся тут же заучивает его. Иногда знахарь диктует свои слова. Но и записанный заговор заучивается наизусть и произносится на память».³ Устное хранение заговоров отражается на состоянии их текстов. А. М. Астахова отметила три момента, характерных для устного бытования заговора: 1) тщательное хранение текста, при котором допускаются лишь невольные, неосознанные вариации; 2) свободное отношение к тексту, в результате которого заговор может перестраиваться, включать новые мотивы, разрастаться или частично разрушаться; 3) забывание, при котором утрачиваются отдельные детали, особенно в перечислении, или когда формулы одного заговора переносятся на другой. В результате происходит упрощение заговорных текстов и сведение их к одним и тем же словесным схемам.

Устный заговор, как и письменный, — устойчивая словесная формула, которой приписывается магическое действие. Он характеризуется краткостью текста и, как правило, устным его хранением. В отдельных случаях границы между устным и письменным заговором могут быть зыбки. Встречаются и краткие письменные заговоры, и довольно пространственные устные заговоры. Эти пограничные явления не отменяют основных различий между письменным и устным заговором.⁴ Для последнего характерна

¹ Е. Елеонская. К изучению заговора и колдовства в России, вып. 1. М., 1917, стр. 7—9.

² В. Мансикка. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии. Прага, 1926 (далее сокращенно: В. Мансикка), стр. 185—186.

³ Крестьянское искусство СССР. Т. II. Искусство Севера. Л., 1928, стр. 37.

⁴ Материалом нашей статьи являются записи, сделанные на Севере в конце XIX и первой половине XX в., немногочисленные современные записи из Новгородской

трехчастная композиция: зачин, эпическая часть и закрепка. В устных заговорах композиция менее сложна, а эпическая часть сокращена предельно. При передаче другому лицу устный заговор обычно не записывается, его предлагается запомнить.⁵ Этой особенностью бытования — устным хранением текста — обусловлена простота и краткость его композиции.

Исследователями отмечалось разнообразие композиционных форм заговоров вообще. В целом оно характерно и для устных заговоров, несмотря на сравнительную краткость их текста. Однако основные части композиции здесь не всегда сохраняются. Если в письменно хранимых заговорах, как правило, присутствует молитвенное вступление («Во имя отца и сына и святого духа» или «Господи, благослови» и др.), а затем следует традиционный зачин, например: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверями, из сеней воротами в чистое поле»,⁶ то в устных заговорах (северная традиция) нередко текст начинается непосредственно с эпической части, например: «Ездит Егорий на сивом кони,

области и публикации заговоров Олонецкого края. Для сравнения привлекаются известные сборники Л. Н. Майкова, Н. Н. Виноградова и др. Особенности устных заговоров легче проследить на северном и северо-западном материале, так как наибольшее количество записей устных заговоров, в основном оставшихся неопубликованными, сделано здесь (записи В. Мансикки, Э. А. Озаровской, М. И. Шаблыкина, А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой; записи, сделанные сотрудниками сектора народного творчества ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР в 1967—1969 гг. в Новгородской области, и др.).

⁵ М. И. Кудрявцева, мать которой была известной знахаркой и хотела передать своей дочери искусство владения заговором, сообщила участникам экспедиции несколько устных заговоров и при этом заметила: «Память у меня была плохая. Я пишу, бывало, да большие — дак не запоминала, сбиваюсь. Мама-та и велит: „Запомни вот эти, коротиньки“». Таковы записанные от М. И. Кудрявцевой заговоры при переправе через воду, при черпании воды, при порезах («на кровь») и др. (См.: Материалы экспедиции в Хвойнинский район Новгородской области 1969 г. (ИРЛИ, Р. V, колл. 261, п. 2). В дальнейшем ссылки на материалы разряда V (Рукописный отдел ИРЛИ) начинаются с номера коллекции). В Хвойнинском районе бытуют устные и письменные заговоры «от гада», т. е. от укуса змеи. Таков, например, устный заговор «от гада», записанный нами в д. Терebut:

Гадость ты, гадость,
Сними свою ядость!
Нето те бог не пустит
Ни под гору, ни под кручу,
Ни под белую березу,
Ни под серый камешок.

(Там же; произносится три раза)

Письменный заговор, записанный в том же районе, сохранил все основные части композиции и читается один раз. Для сравнения приведем его полностью: «Во имя отца и сына и святого духа. Встану я, р. б., благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверями, со двора воротами в чистое поле на восточную сторону. На море на Окияне, на камни на Латыри стоит дуб кроповой. Под этим дубом черное руно. На черном руно лежит Змей-скоробей. — Змей-скоробей, унимай своих детей, ярых-перярых, черных и пестрых, водяных, соломенных, лесовых, полевых. Попрошу я Михаила-архандела, он выйдет на Оснонску гору, затрубит в трубу: „Я вас всех погублю!“. В море-Окияне стоит сундук с золотым ключам. Кто может золоты ключи добыть, тот может заговор отговорить». (Записано в д. Жилой Бор). Если первый заговор нам предложено было запомнить, то, сообщая второй, исполнительница заметила: «Запиши!» (колл. 261, п. 2, № 294).

⁶ Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные мотивы и проч. (по старинным рукописям и современным записям), ч. I. СПб., 1907 (ср.: ч. II, СПб., 1907; далее сокращенно: Н. Н. Виноградов, I, II), № 32, 35, 42, 43; см. также: Л. Н. Майков. Великорусские заклинания. — ЗРГО, т. II. СПб., 1869 (далее сокращенно: Л. Н. Майков).

копьем подпирает, цервей убирает»; или: «Стоит Егорий на сивом кони, шатром покрылся, копьем подперся» (колл. 5, п. 12, №№ 33, 48); или: «Летит, летит тридцать три ворона, несут тридцать три камня. Залетели в жарку баенку, сели на каменку; долетели дверьми, улетели трубой» (колл. 5, п. 12, № 42) и др. Некоторое исключение составляет в этом отношении пудожская традиция; в большинстве заговоров Пудожского уезда, записанных В. Мансиккой летом 1914 г., молитвенное вступление отсутствует, но зачин сохраняется и имеет дополнительную деталь: «Стал я, благословясь, пошел, перекрестясь и благословясь, матерью прощен, отцом благословлен на добры дела...».⁷ Однако и из записанных в этом районе 244 текстов 118 не имеют традиционного зачина, и из них лишь в двух случаях сохраняется краткое молитвенное вступление.

Зачин обычно сохраняется в тех устных заговорах, где имеется эпический элемент, т. е. повествуется о чудесных существах, фантастических животных, птицах и рыбах, которые уничтожают зло, болезни и помогают человеку. В заговорах, имеющих форму обращения, зачин, как правило, отсутствует: «Ношенка-полуношенка, шилохвостинка, ты не тешся, не потешайся младенцем! Ношенка-полуношенка, шилохвостинка, тешся-потешайся гуменным мешком, деревянным камешком и булатным острием» (колл. 3, п. 15, № 15) или: «Вода-водица, мать-царица, сними тоску-кручину, снеси в синее море, там песком замой, хрящем зарой» (там же, № 35).

Если зачины нередко опускаются в устных заговорах, то закрепки, напротив, обычно сохраняются. Наличие закрепок в кратких устных заговорах зафиксировано главным образом записями конца XIX в. Они здесь разнообразны по форме: «Будьте, слова, пылки и ярки. Замок в море, ключ в рот» (колл. 5, п. 12, № 94); «Небо — ключ, земля — замок, чур моим словам» (В. Мансикка, № 190). Закрепки, характерные для заговоров в письменной традиции, более обстоятельны и многословны: «Слово мое крепко и твердо аки столб медян, веревя железа. Из ключа в ключ, из замка в замок» (Н. Н. Виноградов, I, № 134) или: «Замкну замки замками, заключу заключи ключами, твердейшими словами» (Л. Н. Майков, № 18). В письменных заговорах, кроме того, закрепки сопровождаются «зааминиванием», обычно троекратным: «И тем моим словам ключ и замок. Всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь» (Н. Н. Виноградов, I, № 31). В устных заговорах «зааминивания», а иногда и закрепки, отсутствуют. Вместо них действие слов закрепляется троекратным повторением текста, на что исполнители обращают особое внимание, передавая текст заговора. Так, насылая на человека болезнь, знахарь должен трижды произнести следующий краткий устный заговор:

Чирей Василей, ширья поширей!
Около сядьте еще по четырей!

(Колл. 261, п. 2, № 90)

Снимая боль в глазу, надо также произнести три раза: «Не ты, перелом, переламываешь меня, а я тебя», и т. п.

Устные эпические заговоры и заговоры-параллелизмы сохраняют в основной части традиционные мотивы и формулы, известные и книжно-письменной разговорной традиции.

Как известно, заговоры обнаруживают родство со многими жанрами фольклора. Соотношение их со сказкой рассматривала Е. Н. Елеонская.⁸

⁷ См.: В. Мансикка, № 1, 26, 93, 126, 127, 128, 142, 148, 151, 159, 163, 168.

⁸ См.: Е. Елеонская. Некоторые замечания по поводу сложения сказок. Заговорная формула в сказке. — ЭО, 1912, № 1—2, стр. 189—199.

На связь заговора с духовными стихами обратил внимание Н. Познанский.⁹ Для сопоставлений подобного рода весьма любопытны два устных заговора, записанных В. Мансиккой. В одном из них говорится: «На златом камню сидит грозный царь Иван Васильевич. И покорюся я, помолюся: „Ай же ты, грозный царь Иван Васильевич, искуй трон, цепи железные“» (В. Мансикка, № 163). В другом просьбы к домовому беречь скот сопровождаются угрозой: «Если не будите загонеть, я напишу грамоту в матушку каменну Москву ко грозному царю Ивану Васильевичу. Грозный царь Иван Васильевич накажет вас тремя кнутами железными» (В. Мансикка, № 227). П. Г. Богатырев предполагал, что эти исторические реминисценции проникли в заговор «может быть, под влиянием исторических песен».¹⁰ Впрочем, память об Иване Грозном сохранялась и в преданиях.

Для знатоков заговоров несомненно характерно широкое владение устнопоэтической культурой. При свободном и творческом отношении к заговорному тексту они обогащают его заимствованиями из произведений иных жанров, элементами фольклорной поэтики, очевидно с целью усилить эмоциональное воздействие заговора. Отсюда наличие не только сказочных, но и песенных образов, близость к пословицам, иногда сходство с загадками. В повествовательной части устных эпических заговоров нередко встречаются элементы песенного сюжета: «В цистом поли, в широком раздольи есь синей камешок; на том камешку сидит белая лебедь. Прилетел ясный сокол и подстрелил эту лебедь, и полетело с этой лебеди бело перье по цистому полю, по широкому роздолью» (В. Мансикка, № 3). Ср. со словами известной хороводной песни:

Ах, по морю, морю синему
Плыла лебедь, лебедь белая моя;
Не тряхнетсЯ, не ворохнетсЯ.
Где ни взялся млад ясен сокол, —
Убил-ушиб лебедь белую мою;
Он кровь пустил по синю морю,
Он перушки по чисту полю,
Он пух пустил по поднебесью.¹¹

Некоторые устные заговоры «на присуху» или «присушки» полностью сохраняют форму лирической песни и ее образы:

Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу темного,
Ниже облака ходящего.
Да не оброни, моя каленая стрела,
Ни на цистые поля, ни на синие моря.
Найди, моя каленая стрела,
Раба божия (имя).
Во дороге ли он идет,
Во беседы ли он сидит,
Хлеба-соли ли он ест,
И во постели ли он спит.
И пострели, моя каленая стрела,
Его сзади и спереду...

(Колл. 3, п. 15, № 8)

⁹ См.: Н. Познанский. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пгр., 1917, стр. 92.

¹⁰ П. Богатырев. В. Мансикка. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии. — Печать и революция. М., 1928, кн. 1, стр. 179—180.

¹¹ Соб., II, № 244; см. также № 245—258.

Эта «присушка» записана А. М. Астаховой на Пинеге в Архангельской области. Ср. с песней, записанной на Мезени (текст приводится без повторов):

Ой, калена стрела муравлена
Да далеко была направлена,
Да далеко по чисту полю,
Да высоко по поднебесью.
Да ты пади, моя каленая стрела,
Да ты не на гору, не на воду,
Да на высок терем окатистой.
Да прострели, моя каленая стрела,
Да все мою богосужену.¹²

В эпической части некоторых как письменных, так и устных заговоров от уроков, прикосов и грыжи встречается фантастический образ щуки: «Есть в море щука. Зубы железны, зубы булатны; она грыжи ела, она загрызала» (колл. 5, п. 12, № 50); или: «Шла щука из озера, волокла щука хвост. У щуки хвост синий, глаза семиглавы, двоеглавы; она шла и прикосы сымала...» (колл. 5, п. 12, № 190). Близок данному образу и следующий, встречающийся в подблюдных песнях:

Щука шла из Новагорода, слава!
Она хвост волокла из Белоозера, слава!
Как на щуке чешуйка серебряная, слава!
Что серебряная, позолоченная, слава!
Как у щуки спина жемчугом оплетена, слава!
Как головка у щуки униженная, слава!
А на место глаз — дорогой алмаз, слава!¹³

Мотив чудесной щуки особо выделяет Н. Познанский, прослеживая историю развития этого образа от обряда, с которым связаны определенные верования, к художественному слову в заговорах.¹⁴ Подблюдные песни им не привлекаются, но вполне возможно, что в обоих случаях мы имеем дело с остатками древних языческих верований.

Иногда о влиянии бытовой песенной лирики на склад речи устных заговоров свидетельствует ритмика заговорных формул. В заговорах на кровь раны зашивает девица. У ней «иголочка золотая, ниточка шелковая» (колл. 27, п. 11, № 21). Ср. с песней, записанной в Пермской области:

Уточка моховая,
Серая луговая,
Где спала-ночевала?
Я спала на соломке,
Хвостиком ко сторонке.

(Колл. 237, п. 2, № 61)

Влияние бытовой песенной лирики на устные заговоры в некоторых случаях, по-видимому, явление сравнительно позднее. Заимствования оказались возможными благодаря ритмичности многих заговорных формул, широкому использованию в них внутренней рифмы и иногда — стихотворной формы. Но возможно в отдельных случаях предположить и обратное влияние. Например, образы и ритмический строй заговора на ружье (чтобы

¹² Песенный фольклор Мезени. Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967, № 154, стр. 206.

¹³ А. А. Коринфский. Народная Русь. М., 1901, стр. 598; см. также: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. М., 1911, № 1059.

¹⁴ Н. Познанский. Заговоры, стр. 164—171.

стрелок не попадал в цель) перекликаются с песней, жанровую разновидность и бытовое назначение которой определить трудно. Ср.:

Ты не стрелец	Матушка
Ты чернец,	Родная!
У тебя не ружье,	Я чернец,
У тебя кочерга.	Я молодец,
У тебя не порох,	Я Святогор,
А сенная труха. ¹⁵	Я богомол. ¹⁶

В тех случаях, когда имеется несколько вариантов одного и того же текста, записанного в пределах одного района или населенного пункта, можно проследить особенности творческого отношения к тексту исполнителя и характер привносимых им образов. На Пинеге А. М. Астаховой записан следующий текст заговора от испуга («на исполох»): «Как ты, мать-сыра земля, лежишь — не встряхнешься, не взворохнешься, так же бы раб божий не встряхнулся, не взворохнулся да не убоюлся никогда» (колл. 3, п. 15, № 21). Этот же заговор у другого знатока расцвечен былинными образами: «Как мать-сыра земля не боится ни стуку, ни грому, ни лошадиного поступу, ни соловьиного посвисту, ни молодецкого покрику, так же бы р. б. не боялся ни стуку, ни грому, ни лошадиного поступу, ни соловьиного посвисту, ни спереди стрелявши, ни сзади нагонявши» (колл. 3, п. 15, № 81).

Сходство в некоторых поэтических приемах между устными заговорами и другими жанрами фольклора может быть также прослежено на материале пословиц и загадок. Устойчивые поэтические формулы, характерные для различных вариантов одной и той же загадки, встречаются и в устных заговорах. Таков, например, заговор от бессонницы:

Зоря-зорница, красная девица
 . . . . .
 Возьми ты ночью полуночицу
 Дай нам сну и покою.

(Колл. 5, п. 12, № 96; см. также:
 колл. 27, п. 11, № 19 и др.)

Ср. в загадках:

Заря-заряница, красная девица,
 По лесу ходила, ключи обронила.
 Месяц видел — не сказал,
 Солнце увидало — подняло.¹⁷

В заговоре от укуса бешеным животным говорится: «На крутой горе растет дуб-стародуб, под тем дубом-стародубом лежит цепь» (Н. Н. Виноградов, I, № 40). Ср. с началом загадки о солнце:

Стоит дуб-стародуб,
 На том дубе-стародубе
 Сидит птица-веретеница,
 Никто ее не поймает,
 Ни царь, ни царица,
 Ни красна девица.

(Д. Н. Садовников, № 1890)

¹⁵ Н. Н. Виноградов, I, № 93, 95.

¹⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. II, ч. 1. М., 1917, № 1387. Песня записана П. В. Киреевским в д. Сосница Новгородской губ.

¹⁷ Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. М., 1959 (далее сокращенно: Д. Н. Садовников), № 2015а; см. также № 2015б, в, г и др.

Поговорка «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится» используется в любовных прислушках и отсушках: «Гора с горой не сходится, и вода с водой не сходится, и так же тот человек не сходился бы и не снисдался» («Взять один раз песочек, где вода с водой не сходится, и в кушанье подмешать» — колл. 5, п. 12, № 11).¹⁸

На традиционное содержание устных заговоров с течением времени по-видимому, оказывают влияние все соседствующие с ними жанры, хорошо известные знатоку заговорных формул и творчески им используемые. Е. Н. Елеонская, отмечая сходные элементы в сказках и заговоре, объясняла это явление так: «Подобные совпадения (которых найдется немало количество), казалось бы, проще всего объяснить воздействием сказки на заговор, особенно в тех случаях, когда материалом для сравнения служат сказки и заговоры, бытующие вместе в определенной среде. Но причины подобных совпадений лежат глубже и должны быть усматриваемы в том поэтическом мышлении, которое под влиянием известного мировоззрения, ассоциируя разнообразные впечатления, создает эпические картины вообще и затем, по мере надобности, размещает их в различных произведениях поэтического творчества».¹⁹ На определенной ступени развития человеческого сознания, когда существовал упомянутый автором тип поэтического мышления, возможно, существовало и мировоззрение, создававшее «эпические картины вообще». Но это не исключает взаимодействия и взаимовлияния жанров, возникших в более поздние эпохи.

В органическом родстве с поэтическим языком фольклора и созданными им средствами художественной изобразительности находится поэтический стиль устных заговоров. Воздействие значительной части заговоров рассчитано на силу слова. Они не всегда сопровождаются действием. Текст поэтому должен обладать максимальными возможностями эмоционального воздействия. Отсюда необычайная насыщенность заговоров изобразительными средствами: обилие эпитетов, олицетворений, синонимических и тавтологических выражений, разработанность метафорического языка и совершенно исключительная по сравнению с другими жанрами фольклора роль сравнительных и параллельных формул. Устные заговоры, характерной чертой которых является краткость текста, значительно лаконичнее и экономнее в использовании поэтических средств, нежели заговоры письменные. Эпитеты в них редки. Сравнения и параллелизмы становятся здесь как бы композиционным приемом, на них строится содержание значительного числа устных заговоров. По сравнению с письменными, в устных заговорах сравнения кратки: «Стой, кормилица, горой, дой рекой» (колл. 5, п. 12, № 68). Чаще всего они подсказаны картинами окружающей природы и быта: «Клоп клопу малина, а я клопу осина» (колл. 5, п. 12, № 110). Иногда образы, используемые для сравнения, указывают на древность происхождения заговора: «Туг лук без тетивы, калена стрела без крыла, оса безо зла» (заговор против ос — колл. 3, п. 15,

¹⁸ Ср. также с частушкой:

Гора с горой не сходится
Вовеки никогда.
Миленочек не женится,
Пока я молода.

(Колл. 78, п. 7, № 11)

¹⁹ Е. Н. Елеонская. Некоторые замечания по поводу сложения сказок, стр. 199.

№ 47). Метафоричность образов, присущая большей части заговоров, распространенных в письменной традиции, сохраняется и в некоторых устных заговорах: «Стану я, р. б., из избы дымом, из ворот ветром в подвосточную сторону» (колл. 5, п. 12, № 11). Нагнетание синонимических понятий в устных заговорах встречается реже. Они сохраняют внутреннюю рифму, что способствует быстроте запоминания и помогает прочнее удерживать текст в памяти: «Цехотá-сухота, отойди от р. б., отступи и отойди, дó веку не вороши. Пойди за темные леса, за зыбущие болота, за резуции осоты, под камень и под колодые, и под зло коренье, под высокорье» (колл. 3, п. 15, № 51).

Если заговоры, распространенные в письменной традиции, при наличии в них внутренней рифмы и частичной ритмизации речи, похожей иногда на сказочную, в большей части текстов все-таки являются прозаическими, то устные заговоры нередко представляют по форме короткий стихок. Ритмика таких стихков различна:

Осы вы осы,
Каленые вы нóсы,
Не жгите меня.

(Колл. 3, п. 15, № 47)

Ходит жаба по горам,
Ходит жаба по лесам,
Ходит жаба по мужним жонám.

(Колл. 5, п. 12, № 161)

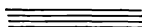
Многие заговоры поэтому превратились в лаконичные приговорки, часто произносимые в бытовом обиходе и не сопровождающиеся действием. Таковы заговоры, останавливающие кровь:

Стань на камень — кровь не канет,
Стань на кирпич — кровь закипит,
Стань на топор — весь заговор.

(Колл. 261, п. 2, № 3)

Или: «Конь карь, человек идет стар, ты, кровь, не жаны!» (там же). Популярность подобных заговоров, превратившихся в приговорки, широкое их распространение в быту приводят к тому, что они утрачивают таинственность заговора. Их произносят по привычке, «на всякий случай». Со временем такие приговорки переходят в область детского фольклора, превращаются в песенки и потешки (ср. известные детские приговорки о дожде, солнце, мышке, чтобы она дала ребеночку зуб стальной, взяв себе костяной, и др. — Н. Н. Виноградов, I, № 131; В. Мансикка, №№ 243—244).²⁰

Процесс постепенного превращения устного заговора в бытовую приговорку свидетельствует об исторической обреченности жанра. Заговор уходит из быта современной деревни. Но художественная и историко-познавательная ценность заговоров сделала их памятниками словесного искусства, сохраняющими свое значение до настоящего времени.

²⁰ См.: О. И. Капица. Детский фольклор. Изучение. Собрание. Обзор материала. Л., 1928, стр. 175—177.

Д. И. РАСКИН

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Историзм пословиц и поговорок исследован пока недостаточно. Исторические реалии в них служат фольклористам для датировки пословиц (хотя этот метод и не универсален).¹ В исторических работах русские пословицы используются главным образом иллюстративно. Цитирование пословиц, вроде: «Вот те, бабушка, и Юрьев день» или «Лучше грозный царь, чем семибоярщина», способствует яркости и доходчивости изложения. Но, опираясь на известные исторические факты, иллюстративный метод ничего не добавляет ни к фактам, ни к их пониманию. Более перспективным представляется анализ эволюции тематических групп пословиц, опирающийся на сравнение разновременных записей. Настоящая работа представляет собой попытку проследить, как в записях пословиц отразилось развитие социального сознания народа, крестьянства в первую очередь.

Для правильного понимания ранних этапов жизни пословиц существенное значение имеют обстоятельства и закономерности возникновения их первых сборников. В. П. Адрианова-Перетц объясняет появление в России таких сборников влиянием «социально-молодого класса», в среде которого происходит «обмирщение литературы»; он внес и новый язык, а пословица как один из элементов этого языка перешла в письменную литературу.² Связывая содержание сборников пословиц (берется сборник б. Петровской галереи) с обычаями и взглядами XVI—XVII вв., в том числе с Домостроем и сатирической прозой, В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что в сборниках пословиц преобладает «устная народная струя».³ Эти закономерности наблюдаются и в других странах. Появление печатных сборников пословиц, «Volksbücher», связано с Реформацией, бюргерской культурой, формированием наций, национальным возрождением в странах Центральной и Южной Европы.⁴ Если в Западной Европе

¹ См.: В. П. Аникин. Об историческом приурочении пословиц, поговорок и загадок. — СЭ, № 4, стр. 46—52.

² В. П. Адрианова-Перетц. К истории русской пословицы. — Сборник статей, посвященных А. С. Орлову. Л., 1934, стр. 65.

³ Там же, стр. 59, 61—64.

⁴ В 1515 г. появляется латинский сборник Эразма, в ходе Крестьянской войны и Реформации появляются сборники Иоганнеса Агрнколы (1529, 1539), Себастиана Франка (1539, 1541), Мартина Лютера (1530, издан уже в 1824 и 1900 гг.), М. Нандера (1590); см.: Fr. Latendorf. Sebastian Franck's erste namenlose Sprichwörter-sammlung. Poesneck, 1876, S. 284—285; A. E. Graf. 6000 deutsche und russische Sprichwörter, Halle, 1956 (далее сокращенно: А. Е. Graf). В Чехии, где собирание пословиц началось очень рано, сборники XV—XVI вв. связаны с движением гуситов, а первое научное издание (1804 г.) принадлежит такому известному просветителю,

первые печатные сборники пословиц появляются в XVI в.,⁵ то в России первые известные рукописные сборники датируются концом XVII в. При этом в силу особенностей истории русской культуры, слабости и малочисленности по сравнению с Западом третьего сословия, их состав гораздо более «крестьянский»; связанных с городом пословиц мало. Несомненно, что преобладающее участие в создании основной массы пословиц принадлежит крестьянам и тем промежуточным элементам, которые не входили в число посадской верхушки и служилых людей.

Если проанализировать окружение собраний пословиц в русских рукописных сборниках, то в более ранних из них (так же как и в других странах)⁶ наблюдается связь со сборниками типа «Пчелы», рядом стоят различные книжные афоризмы, притчи и т. п.; пословицы в предисловии особо выделяются как светские, «мирские».⁷ Но появляются и более «мирские» сборники. Так, в сборнике из Уваровского собрания (ГИМ ОР, № 176/2039) 1754 г. рядом с двумя собраниями пословиц (лл. 20—36, 73 об.—138) — различные сентенции и афоризмы (лл. 36 об.—40) и областной словарь Великого Устюга (лл. 65—73). А в сборнике совсем позднем — конца XVIII в., но опирающемся на старую традицию, есть и произведения демократической, массовой литературы XVIII в. — комедии, стихи. Эту традицию отражает и известный «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769 г.). Иногда пословицы помещены в семинарских сборниках, для которых характерен интерес к латинским параллелям.⁸ Но наряду с традицией «Volksbücher» в XVIII в. возникает научное собирание, для которого характерны большая строгость систематизации, меньшая зависимость от традиции, больший удельный вес личных записей. Начало этой традиции положил И. В. Паус, тетради которого особенно ценны для нас как контрольный материал, так как принадлежат иностранцу и менее других зависят от традиции. Далее идут сборники В. Н. Татищева и А. И. Богданова.⁹

Сборники пословиц различны не только по способу составления, но и по содержанию. Такие, как «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту» или сборник б. Петровской галереи, довольно консервативны по составу пословиц, зато другие, вроде Вологодского сборника или собрания А. И. Богданова, отличаются большой «вольностью», включая, например, большое число антиклерикальных пословиц. Это позволяет нам утверждать, что интересующие нас пословицы остросоциального содержания вряд ли могли совсем выпасть из всего корпуса пословиц в записях XVII—первой пол. XVIII в. Во введении к изданию пословиц в ру-

---

как И. Добровский (J. Dobrovský. Českých přísloví sbírká. Praha, 1956, s. 9—11). В Сербии первый крупный сборник издал Вук Караджич, хотя самое первое издание (его использовал и Караджич) Иована Муштифоровича (1787); см.: В. Караджич. Српске народne poslovice. Београд, 1900, стр. IX.

⁵ I. v. Düringsfeld, O. v. Reinsberg-Düringsfeld. Sprichwörter der Germanischen und romanischen Sprachen, Bd. I. Leipzig, 1872 (далее сокращенно: I. Düringsfeld), S. V.; W. Krauss. Die Welt im spanischen Sprichwort. Leipzig, 1956 (далее сокращенно: W. Krauss).

⁶ W. Krauss, S. 5—6.

⁷ П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. 1. СПб., 1899, стр. 70—71.

⁸ К числу таких сборников относятся, например, семинарский сборник «Восток <...>», сборник 1738—1743 гг. из собрания И. Ушивского. О месте хранения всех сборников см. примеч. 14.

⁹ Сборники б. Петровской галереи, И. В. Пауса, В. Н. Татищева, А. И. Богданова опубликованы в книге «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв.». М.—Л., 1961; «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту» и Вологодский сборник опубликованы в упомянутой выше книге П. К. Симони.

кописных сборниках XVIII—XX вв. Б. Н. Путилов оспаривает мнение, будто сборники XVIII в. мало отличаются друг от друга по составу, утверждая, что большинство известных сборников не повторяют друг друга и не находятся в прямой преемственной связи, хотя их составители и использовали уже существующие сборники.¹⁰ Однако, говоря о степени такого использования и влияния, следует заметить, что при сравнении вариантов и разночтений наблюдается опора на какие-то общие источники, а иногда и прямая генетическая связь. Известно, что так называемые Псковский и Вологодский сборники восходят к общему источнику, хотя Псковский улучшен и исправлен.¹¹ К этой же семье сборников, по нашему мнению, относятся и «Пословицы...» (лл. 20—36) из Уваровского сборника, совпадающие в большинстве чтений с упомянутыми. Но есть и совершенно независимые линии, например тетради И. В. Пауса, Романовский сборник,¹² Барсовский сборник. Постоянство значительной массы пословиц в сборниках, различающихся и по жанру, и по происхождению, и по размерам, независимость этих сборников друг от друга, отсутствие в первых печатных изданиях принципиально новых пословиц, а с другой стороны — наличие большинства старых в больших сборниках XIX в. (В. И. Даль, И. М. Снегирев)¹³ — все это доказывает репрезентативность и полноту отражения рукописными сборниками XVII—XVIII вв. корпуса пословиц, бытовавших в живом репертуаре XVII—XVIII вв. При этом общее число пословиц в этих сборниках вполне поддерживает сравнение с большими собраниями XIX в. Оно не уступает сборнику И. М. Снегирева, а если учесть повторяемость, смещение с поговорками, загадками, приметами, заговорами, скороговорками и т. д. у В. И. Даля, то сопоставимо и с «Пословицами русского народа».¹⁴

¹⁰ См.: Пословицы, поговорки, загадки..., стр. 7.

¹¹ См.: Г. Г. Шаповалова. Псковский рукописный сборник начала XVIII века. — РФ, т. IV. М.—Л., 1959, стр. 305—308.

¹² Древние русские пословицы по сборнику Е. Р. Романова. — Записки Северо-западного отдела РГО, кн. 1—3. Вильна, 1910—1912.

¹³ В «Письмовнике» Н. Г. Курганова новых пословиц, не встречающихся в рукописных сборниках, около 1%, причем это пословицы синонимические по отношению к уже известным. (Н. Г. Курганов. Письмовник. 11-е изд., ч. 1. М., 1837, стр. 145—168). А по подсчетам М. А. Рыбниковой в сборниках, изданных П. К. Симони, содержится примерно на 46% знакомый материал. (М. А. Рыбникова. Русские пословицы и поговорки. М., 1961, стр. 26). Это число для всего корпуса пословиц должно быть увеличено.

¹⁴ У В. И. Даля около 30 тысяч пословиц, но они, как уже отмечалось (Пословицы, поговорки, загадки..., стр. 13), смешаны с непословицами и переходят из раздела в раздел в такой степени, что их точное количество трудно определить, однако оно меньше указанной цифры. У И. М. Снегирева, вместе с его «Новым сборником русских пословиц и притчей» (М., 1857), более 10 тысяч пословиц. Пословицы рукописных сборников в составленной автором картотеке насчитывают несколько более 10 с половиной тысяч, вместе с поговорками и фразеологизмами некоторых сборников. При составлении картотеки использованы указанные выше изданные сборники, включая опубликованный в IV томе РФ Псковский сборник; два сборника пословиц из рукописи 1754 г. (ГИМ ОР, Уваровское собр. № 176/2039), отрывок из собрания пословиц середины XVIII в. — сборник В. М. Ундольского (ГБЛ, ф. 310, № 911), «Собрание просторечивых мирских пословиц» из сборника, принадлежавшего В. Анненкову (1788—1795 гг.) (ГБЛ, ф. 310 (Музейное собрание), № 727 (719)). Используются копии, снятые П. К. Симони. Большая часть их хранится в ГИМ ОПИ — ф. 37, № 167: копия сборника Е. В. Барсова 1790 г. (лл. 1—34), выписки из сборника кн. Барятинского (лл. 35—39), материалы из коллекции И. А. Вахрамеева (лл. 40—41), выписки из материалов А. А. Титова (лл. 42—45), из сборника коллекции В. М. Ундольского № 585 (лл. 47—174). Часть материалов в ИРЛИ (Р. V, колл. 59): материалы И. А. Шляпкина (п. 1, № 1, лл. 1—30, № 2, лл. 1—17, п. 2, № 2, лл. 1—32), сборник И. Ушивского 1738—1743 гг. (п. 3, № 15, лл. 1—28), материалы рукописного собрания Археографической комиссии 1755 г. (п. 3, № 9, лл. 1—26).

Попробуем дать общую характеристику пословицам в записях конца XVII—первой половины XVIII в. Присущие пословицам образность и индикаторность требуют для нашей задачи обращения к тем из них, где есть ясные термины «мужик», «боярин», «смерд», «дворянин» и т. п.¹⁵ Здесь иногда важен не столько прямой смысл пословицы, сколько то, какие социальные категории сталкиваются в ней. Важно также наличие целых групп пословиц, их место в ряду социально-бытовых пословиц.

Для выяснения же того особенного, что заключается в русских пословицах этого времени, целесообразно сравнить их с другими, например с немецкими. В русских пословицах разбираемого периода бросается в глаза редкость и размытость коллизии барин—крестьянин или господа—мужики при колоссальном распространении, почти универсальном применении противопоставления богатство—бедность, богатый—бедный, правда—кривда. «Богатому все возможно», «Богат творит как хочет, а убог как может», «Богатой в пир, а убогой в мир», «Богатой всегда в страхе», «Нищета пуще смерти», «Нужда научит терпеть», «Правдою жить — скудно быть», «Правда кривды не любит», и т. д. Крепостное право как совокупность феодального гнета, которая не могла не отразиться в народных пословицах, формулируется в них крайне неопределенно. «Богатый—бедный» в XVII—первой половине XVIII в. в общем контексте пословиц обозначает, безусловно, не капиталистический или даже раннекапиталистический антагонизм, но, крайне неясно и неосознанно, совокупность господствующих тогда феодальных отношений. Если же и упоминаются в пословицах феодалы, то, во-первых, таких пословиц ничтожно мало (не только в сравнении с немецкими пословицами, но и, как увидим далее, с русскими пословицами в записях XIX в.), а, во-вторых, их осуждение еще не носит решительного и определенного характера, проявляется скорее скептицизм, неприязнь; феодалы не выделяются как полностью отличная от народа и враждебная ему группа. Так, немецкие пословицы, например, говорят: «Wer sich im Herrendienst zu Tode arbeitet, den holt der Teufel»,¹⁶ «Je größer Herr, je wildrer Bär»,¹⁷ «Je größer Herr, je gotloser Gesinde»,¹⁸ «Größen Herren und schönen Frauen soll man wohl dienen, doch wenig trauen»,¹⁹ «Fuersten und herren wilpret im himel»,²⁰ «Es ist

Использованы также: «Книга о всенародных пословицах» 1714 г. (ГПБ, собр. М. П. Попова, № 2005), два сборника из собрания П. Н. Тиханова в ГПБ (№№ 220, 292), последний — Мышкинский сборник. Преимущественное внимание уделено сборникам конца XVII—первой половины XVIII в., сборники конца века привлекаются лишь для установления вариантов и прослеживания истории отдельных пословиц. В дальнейшем пословицы будут даваться без особого указания на сборник, кроме случаев приведения вариантов и датировки отдельной пословицы. Пословицы в записях XVII—XVIII вв. будут приводиться без особой ссылки. Сборники XIX в. будут сокращенно обозначаться в скобках, например: (В. И. Даль) — В. И. Даль. Пословицы русского народа, тт. 1—4. СПб.—М., 1904; (И. М. Снегирев) — И. М. Снегирев. 1) Русские народные пословицы и притчи. М., 1848; 2) Новый сборник русских пословиц и притчей. М., 1857.

¹⁵ Так, например, пословица типа «Белые ручки чужие труды любят» одинаково уместна и справедлива в XVII, XVIII, XIX и XX вв., нас же будет интересовало то, что дает понимание народом социальных отношений в данный конкретный период.

¹⁶ Черт побереги того, кто до смерти убивается на господской работе. — A. E. Graf, S. 19.

¹⁷ Чем больше господин, тем свирепее медведь. — W. Körte. Die Sprichwörter und sprichwörterlichen Redensarten der Deutschen. Leipzig, 1861 (далее сокращенно: W. Körte), № 2771.

¹⁸ Чем больше господин, тем безбожнее челядь. — Там же, № 3439.

¹⁹ Большим господам и красивым женщинам служи, да не верь. — Там же, № 3451.

²⁰ Князя и господа — (редкая) дичь на небесах. — Fr. Latendorf. Sebastian Franck's erste namenlose Sprichwörterammlung. Poesneck, 1876, № 306 (далее сокраще-

ein Fuerst wol also seltzam im himel, als ein kirsch in eins armen mans kuechen»,²¹ «Der Herren Sunde, der Bauern Buße»,²² «Großen Herren kommen am sichersten in der Himmel, wenn sie in der Wiege sterben»,²³ и т. д. Резко отзываются немецкие пословицы о дворянах. Им отказывается в благородстве: «Adelig und Edel sind zweierlei»,²⁴ «Adel sind im Gemüthe, nicht im Geblüte»,²⁵ «Adelig, was ehrlich»,²⁶ «Geloben ist adelig, Halten bäurisch». ²⁷ Последняя пословица зафиксирована и в русских сборниках: «Обещать (слово) то по-дворянски, а держать (слово) то по-крестьянски» (Уваровский, Романовский), «Обещать то дворянски, а слово держать то крестьянски» (Вологодский).²⁸

В. П. Аникин считает, что собственной формы пословиц господствующих классы не создали, их антикрестьянские пословицы — бездарное переложение, так как творческий процесс создания фольклора невыносим вне массовой работы большого множества людей.²⁹ Однако большое число русских и западноевропейских пословиц показывает, что при многочисленности класса феодалов (особенно мелких) и относительно слабом распространении у них письменного творчества их пословицы — пусть небольшая, но неотъемлемая часть всего корпуса пословиц, попадающая при этом в сборники, вследствие ряда причин, скорее и вернее, чем антифеодалные. Эти пословицы в неменьшей степени являются показателем острого социального антагонизма в общественном сознании, и, кроме того, они по времени письменной фиксации часто предшествуют пословицам антифеодалным.³⁰ Если в русских сборниках XVII—XVIII вв. анти-

ние: Seb. Franck, No...=Agr., No... означает, что эта пословица есть и в сборнике И. Агриколы (по таблице Фр. Латендорфа)). См.: K. F. W. Wander. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Bd. 1. Leipzig, 1867 (далее сокращенно: K. Wander), Fürsten, No. 119.

²¹ Князь такая же редкость на небесах, как вишни на столе бедняка. — Seb. Franck, No. 375=Agr., No. 263; W. Körte, No. 2111; K. Simrock. Die deutsche Sprichwörter. Frankfurt am Mein, [1881] (далее сокращенно: K. Simrock), S. 156.

²² Господский грех — крестьянское покаяние. K. Simrock, S. 243.

²³ Большие господа проще всего попадают на небо, если они умирают в колыбели. Там же, S. 246.

²⁴ Благородный и честный — разные вещи. Там же, S. 5.

²⁵ Благородство в добродетели, а не в крови. Там же, S. 5.

²⁶ Благородно то, что честно. Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Не исключено, что многие из пословиц типа «Die Tugend adelt mehr, als das Geblüt» (K. Simrock, S. 5) порождены зарождающимся и растущим буржуазным самосознанием. Но в любом случае сознание сословной структуры общества живет в немецких пословицах начиная с самых ранних сборников. «Ein jeder halte sich nach seinem Stande» (Seb. Franck, No. 274=Agr., No. 259), «Je höher der Stand, je größer die Schand» (W. Körte, No. 7123). В ответ на известную средневековую пословицу: «Gott hat drei Ständ erschaffen: Adel, Bauernvolk und Pfaffen» (K. Simrock, S. 431) немецкая народная пословица отвечает: «Als Adam hackt (grub, reutet) und Eva spann, wer (wo) da (wohl) war ein Edelmann?» (Seb. Franck, No. 276=Agr., No. 264; I. Düringsfeld, Adam, No. 11; K. Wander, Adam, No. 17). Эта пословица зафиксирована в старонемецком, староголландском, английском, датском, шведском, исландском языках (I. Düringsfeld, Adam, No. 11), она была боевым лозунгом многих крестьянских восстаний (Уота Тайлера, например), а в Германии стала строчками народной песни «Ich bin ein freier Bauersknecht» (см.: Deutsches Gedichtbuch. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar. 1967, S. 111—112). Пословица эта не имеет параллелей в русских сборниках.

²⁹ См.: В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1967, стр. 11.

³⁰ В немецких сборниках этого материала довольно много. Приведем некоторые примеры. «Ein Bauer ist ein Lauger», «De Buur is en Buur, is en Schelm von Natur» (Крестьянин — плут; крестьянин — всегда крестьянин, он шельма от природы). Эти пословицы есть на швабском, швейцарском, нижнесаксонском, вестфальском диалектах, датском, французском, итальянском языках (A. E. Graf, B. No. No. 17, 19; I. Dür-

дворянских с ярко выраженной сословной характеристикой пословиц мало, то антикрестьянских пословиц несколько больше (хотя и меньше, чем в немецких сборниках).³¹ Вообще, хотя в XIX в. их число возрастает (параллельно с увеличением антидворянских), для русских пословиц в целом характерен больший демократизм, относительно слабое распространение антикрестьянских тенденций сравнительно с Западной Европой. Так, если русские пословицы говорят: «Бур мужик, да сбойлив», «Мужик хоть серо да збойливо», то немецкая пословица гласит: «Bauern sagen auch wahr».³² Если в русской пословице сказано: «Знает и поп, что мужик добр», то в немецкой: «Laß Bauern auch Leute sein».³³

Есть, разумеется, в записях раннего времени и пословицы антипомещичьи. Но, во-первых, они крайне немногочисленны, а, во-вторых, признание тяжести крестьянской жизни, скептицизм в отношении власти идет здесь намного впереди признания непримиримости противоречий. Таковы пословицы: «Не садись в боярски сани», «У ково жить, у тово и служить», «Хвалитца ябидник, съевши душу крестьянску, а хвалитца на боярску», «Господска прозьба стоит за приказ» и др. Но наиболее горькие и решительные пословицы решают коллизию в категории богатство—бедность: «Богатого слово в Евангелие кладут, а убогого и в азбуку не положат», «Богат дивится, чем голя живится», «Богата хоть дурака всяк почитает», «Богатее себя взаем не давай, так не оголеешь» (ср. с немецким: «Großer Herren ist übel borgen»³⁴), «Богатова не хвалят, а что ему делается», «Рубище не дурак, а золото не мудрец», «Рубля у рубля не достаниш, а копейка копейке сплосх» и т. п. В это время появляются и горькие раздумия вроде: «Воля господину, а неволя холопу», «Волно чорту в своем болоте, а боярину над своим холопьем». Но характерно, что в этой группе пословиц действующее лицо не крестьянин, а именно холоп — наиболее закабаленный и страдающий от гнета элемент, сыгравший особо важную роль в первой в России крестьянской войне И. И. Болотникова. С этой группой пословиц тесно связан ряд пословиц о воле: «На Дону воля», «Воля неволи не хочет», «Государева земля не клином сошлась»; с первой пословицей полемизирует более консервативная: «Дон, Дон, а лучше дом». Далее — пословицы о беглых: «Кабалка лежит, и детинка (Ивашка) бежит», «Беглому одна дорога, а погонщикам много».

ringsfeld, No. 149; K. Wander, Bauer, No. 63). Особенно резко звучит: «Bauer und Stier sind ein Tier» (Крестьянин и бык — один зверь), варианты также в диалектах средненемецкого, нижнесаксонского и др., датском, французском (пиккардийская: «У мужика и вола одна душа на двоих»), итальянском («Три осла и один крестьянин — вместе четыре животных») (A. E. Graf, B, No. 33; I. Düringsfeld, No. 150; K. Wander, Bauer, No. 39). Резкое исключение в ряду западноевропейских пословиц представляют только испанские пословицы, что объясняется особенностями испанского феодализма (см.: W. Krauss, S. 9—13).

³¹ Появляются такие пословицы, как «На рабов не надейся» (А. И. Богданов и др.), «Меха утла не надуть, а смерда не научить» (сборники Е. В. Барсова, В. М. Ундольского). В Барсовском сборнике «смерда» написано вверху над «глупого», в Вологодском «глупого», — мы видим, таким образом, что антикрестьянской эта пословица становится примерно с середины XVIII в., так как Барсовский сборник — 1790 г., Унд. 911 — около последней четверти XVIII в., а Вологодский — конец XVII — начало XVIII в. В сборниках конца XVIII в. такие пословицы уже несколько чаще: «Сколько мужика не вари, а он сыростью пахнет» (Анненковский — конец XVIII — начало XIX в.), «Назови мужика братом, а он и большим быть похочет» (Анненковский). Такие пословицы носят отчетливую печать дворянской психологии «золотого века» Екатерины II.

³² A. E. Graf, B. No. 20; K. Wander, Bauer, No. 39.

³³ A. E. Graf, B. No. 34.

³⁴ K. Simrock, S. 246.

С крестьянами же связаны более спокойные, констатирующие скорее взаимозависимость, нежели антагонизм, пословицы: «Не будет лапотников (а), то не будет и бархатников (а)», «Как лапотника не станет, так и бархатник не встанет». Есть пословицы, говорящие с некоторым уже обобщением о тяжести положения народа: «Царство Москва, а мужикам тоска», но на одну такую пословицу не менее двух-трех десятков о тяжести жизни бедняка вообще.

Чем же объяснить такое отличие русских пословиц этого периода от других, немецких например? Правильное, на наш взгляд, объяснение дает выдающийся немецкий паремиолог А. Э. Граф. Отмечая менее ожесточенный, менее основанный на антагонизме господин—слуга, дворянин—крестьянин характер русских пословиц, он объясняет это тем, что в Германии в период формирования основной массы пословиц этот антагонизм нашел более сильное выражение, чем в России.³⁵ Однако, сравнивая русские и немецкие пословицы, А. Э. Граф рассматривает первые как одно целое, не расчленяя хронологически. Попробуем сравнить взятый нами ранее материал с более поздними пословицами сборников XIX в.

Бросается в глаза гораздо большее количество остросоциальных пословиц: «Барин за бари́на, мужик за мужика (стоит)», «Не мешаются жиды с самарянами, а холопы с дворянами», «Не прикасайтесь жиды к самарянам, а мужики к дворянам», «Не барину тот пир, куда бредет весь мир», «Барскому псу и мосол не мосол», «Барский гнев да барская милость (равно опасны)», «Хвали ро́жь в стогу, а бари́на в гробу» (В. И. Даль). Это уже резкое противопоставление. Проявляются и пословицы типа: «Дворянская кровь и в Петровки зябнет» (В. И. Даль, ср. «Худое порося и в Петровки зябнет»), «Не путем дворянский сын расхвастался» — параллельно: «Похвальба не холопское (крестьянское) дело», «Хоть дворянский нос, да песьего не стоит», «Скромничают бары да собаки», «Барин-татарин, кошку обжарил», «Боярин и в рубище не брат», и, наконец: «Ваше благородие черт зародил, а нас, грешных, бог спосоздал» (В. И. Даль; есть и консервативная полемика с этим рядом пословиц: «Не ровны и бары: иной бога боится, и за него бога молят» — В. И. Даль).

Много презрительных пословиц о дворовых, о барских слугах. Появляются пословицы о разных категориях крестьян: «Вольному (казенному) просторнее», «Казенный крестьянин живет как бог велит, а барский — как барин рассудит» (В. И. Даль). Пословицы показывают и экономический антагонизм: «Крестьянскими мозолями и бары сыты живут», «Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку», «Такое житье, что крестами оброк платим», «По нынешним порядкам мужику топора не оплатить» (В. И. Даль). Если раньше пословицы о подневольной жизни просто выражали недоверие, недовольство: «Неволя, неволя — боярский дом, а лучше итти к попу во двор: стоя бы наелся, а сидя выспался» (более распространенный вариант: «Неволя, неволя боярской двор: ходя наешься, стоя выпиться, видать ли бы попать к попу во двор»), «В боярский двор ворота широки, да з двора уски», — то теперь они, увеличиваясь в числе, отражают уже безысходность и озлобление: «Господской (барской) работы не переработает», «Не столько впереди божьих дней, сколько барских затей», «Всегда новизна, да редко правизна», «Спина-то наша, а воля-то ваша», «Тело государево, душа божья, спина барская» и др. (В. И. Даль). Появляются пословицы, напоминающие и о страшных для дворян временах — «Были были, и бояре волком

³⁵ А. Е. Graf, S. 18—20.

выли», и о карателях — «Растешился боярский сын: се на нож, се на кол, се на виселицу» (В. И. Даль).

Увеличивается, соответственно, и число антикрестьянских пословиц: «Мужик глуп как ворона, а хитер как черт» (И. М. Снегирев, «как свинья» — В. И. Даль), «Мужик глуп, за то его и бьют», «Мужик бородой оброс, оттого и не слышит», «Посади мужика к порогу, а он и под святых лезет», «Отчего мужик дешев? — Оттого что глуп» (В. И. Даль).

Хотя процент таких пословиц в живом бытовании и в XVIII, и в XIX в. очень мал, относительное увеличение антикрестьянских пословиц в самих сборниках служит косвенным доказательством усиления с конца XVIII в. остроты социальной коллизии в пословицах. Антикрестьянские пословицы не исключались цензурой и отражены в сборниках адекватно, таким образом, они служат для косвенной проверки закономерности на свободном от наслоений материале.

Уже в самых ранних сборниках мы находим пословицы о богатых крестьянах, мироедах: «Мужик на мужика осил (оков) надевает, а бог свое содевает», «Мужик богатой как чорт (что бык) рогатой», «Пес мохнат — ему тепло, мужик богат — ему добро» и др. В более поздних пословицах отражается понимание разницы между богатством и силой крестьянина и всесилием помещика в условиях крепостного права: «У богатого мужика все в долгу, у богатого барина всё в долгу». Пословицы о крестьянской общине примерно одинаковы, но в XIX в. их несколько больше (хотя в старых записях уже есть основные: «Мирская молва, что морская волна», «Мир — дело велико: как всем миром вздохнут, так и временщик издохнет», «В мире вся суть», и др.). Существенно, что в XIX в. появляются и пословицы, выражающие скептическое отношение к миру: «Мир на дело сошелся: виноватого опить», «Мир сутки стоял, небо подкоптил и разошелся», «Мужик умен, да мир дурак» и т. п. Пословиц, отрицательно говорящих о мирских властях или вообще их упоминающих, мы почти не встретим в ранних сборниках. Интересны варианты пословицы: «На прикащика (старосту) не челобитчик, а от миру не проч»; «прикащика» — в большем числе сборников конца XVII — начала XVIII в., зато в более поздних преобладает «старосту» — В. М. Ундольского, П. В. Анненкова, Н. Г. Курганова, И. М. Снегирева, В. И. Даля. В поздних сборниках о мирских властях говорят: «Мир окладывают, да волости окрадывают», «Староста по накладке не тужит», «Если староста мошенник, то и земский плут», «Крестьянская сходка — земским водка», «Чье дело? — старосты. А кто судит? — староста» и т. п. Эти наблюдения полностью увязываются с имеющимися данными об истории крестьянского мира. Сила внутримирских противоречий обратно пропорциональна силе и организованности выступлений против вотчинника. Феодалы тормозили расслоение крестьян, а на черносошных землях, введя переделы, прямо нарушили этот процесс. С другой стороны, они все больше делали мирские власти своим орудием, разлагая их, лишая их последних функций защиты мира (челобитье, охрана «старины»). Пословицы, взятые в их историческом развитии, отражают эти процессы.

Есть все основания утверждать, что масса пословиц в старых записях сопоставима с большими собраниями XIX в., что увеличение некоторых групп пословиц вызвано не просто более полным собираньем, и, наоборот, что отсутствие определенных пословиц не вызвано относительной неполнотой ранних сборников. Во-первых, как уже отмечено, действительное число пословиц у В. И. Даля менее объявленного, так что отношение количества пословиц в ранних сборниках к собранию В. И. Даля не так велико, чтобы сделать их несопоставимыми. Во-вторых, отношение числа

остросоциальных пословиц у В. И. Даля к таким пословицам в старых сборниках в несколько раз больше, чем соотношение общего числа пословиц в старых сборниках и у В. И. Даля, что явно не случайно. В-третьих, очень часто новые пословицы у В. И. Даля, по внутренним признакам датирующиеся более ранним временем, — или пословицы-синонимы, или развитие уже известных (например: «Дон, Дон, а лучше дом» и др. — ср.: «Жил на дому, а очутился на Дону»), таким образом, отсутствие этих пословиц в ранних сборниках непринципиально для нашей задачи.

Конечно, классовая цензура (а в рукописной традиции самоцензура) дает в ряде сборников известное искажение, исключает острые пословицы как в XVIII, так и в XIX в. (И. М. Снегирев). Но и в этом случае иные остросоциальные пословицы проникают в текст. Их характер дает представление и о других, упущенных пословицах данной группы, показывает общую тенденцию. Дело не в криминальности для цензуры, а в типе коллизии. Пословица «Волно чорту в своем болоте, а боярину над своим холопьем» криминальнее, чем «Барин за барина, мужик за мужика» (В. И. Даль); пословица «Царство Москва, а мужикам тоска» — опаснее, чем «Барской работы не переработаешь» (В. И. Даль), но первые пословицы выражают более ранний этап крестьянского самосознания. Независимо от количественной полноты отражения пословиц как в XVIII, так и в XIX в. мы можем по тем, что дошли до нас, выявить тенденцию развития пословиц.

Подчеркнем, что сборники народного, демократического происхождения, существовавшие в списках, в конце XVII—XVIII в. не подлежали официальной цензуре, могла быть лишь самоцензура. Сборники типа Вологодского (старшего из семьи сборников), судя по их содержанию и по тому, где они бытовали, связаны с демократическими кругами посада. Вологда, вообще русский Север, известны широким распространением крестьянской, посадской письменности, демократизмом культуры. Среда создания и распространения этих сборников та же, что и для народных картинок, среди которых попадаются весьма острые аллегории. Факты их запрещения официальной цензурой свидетельствуют, очевидно, об отсутствии самоцензуры.

Малосущественна самоцензура и в сборниках, возникших в результате научного собирания. Пословицу могли смягчить, но общий смысл оставался. В 40—50-е годы Тайная канцелярия преследовала пословицу «Заочно и царя бранят». В более архаичном (и менее «криминальном») виде она есть у А. И. Богданова: «За очи и князя бранят». Таким образом, тенденция может быть прослежена и с учетом искажений такого рода.

Многие сборники достаточно смелы (в антирелигиозных, например, пословицах), чтобы включить и остросоциальные пословицы, если те достаточно распространены; с другой стороны, известно, что В. И. Даль был довольно осторожен, а И. М. Снегирев известен крайне консервативными взглядами. Разность же и независимость линий сборников XVII—XVIII вв. показывает, что наиболее распространенные пословицы не ускользали от них, так что отсутствие в таких сборниках следов целых групп пословиц не может быть случайностью. Анализ пословиц собрания В. И. Даля показывает, что те серии пословиц, которые можно исторически приурочить, увеличиваясь в числе, дают и развитие во времени. Например, пословицы о Туле: в конце XVII в. — «Кошира в рогожи обшила, а Тула в лапти обула» (Повести и пословицы всенароднейшие); со временем прибавились — «Туляк — стальная душа», «Блоху на цепь приковали» (В. И. Даль). Иные остросоциальные пословицы у В. И. Даля

представляют разработку более старых, так — «Нужда учит, барщина мучит» — оттапливается от ряда старых пословиц о нужде (не случайно, что в конце XVII—начале XVIII в. не было еще известно пословиц о барщине).

Таким образом, появление новых пословиц в собраниях в целом отражает и появление их в бытовании. Естественно возникает вопрос о скорости фиксирования. Известно, что некоторые сборники начала XVIII в. включают пословицы, порожденные уже петровским временем: «Генерал, да праотец его землю орал», «Геодезист, не бесись, меряй прямо», «Геометрия, как поветрие, — где хочет, там и ломают», и др. Пословицы «За богом молитва, а за царем (государем) служба не пропадает» (восходит к самому Петру I — см.: И. М. Снегирев, стр. 129) и «Кто рано встал, палку взял, тот и капрал» (порождена новой армией) есть в сборниках начиная со второй половины XVIII в. Некоторые пословицы у В. И. Даля явно связаны со второй половиной XVIII—XIX в. («По паспорту со двора, а по деньгам домой пора»). Очевидно, что пословица в зависимости от ее меткости, широты распространения фиксируется в XVIII—начале XIX в. с опозданием иногда совсем небольшим, иногда до 50 лет, лишь самые нераспространенные и необщезначимые пословицы отстают больше. Для XIX в. этот процесс ускоряется.

Наиболее ранний слой пословиц окончательно сложился, очевидно, уже к концу XVI—началу XVII в. Этот слой — основа фонда русских пословиц, зафиксированного существующими сборниками. Пословицы конца XVII—первых двух третей XVIII в., по нашим подсчетам, составляют от 46 до 50—60% (М. А. Рыбникова производила свой подсчет, сравнивая сборники П. К. Симони и В. И. Даля, но для всей массы процент оказывается несколько больше). Последняя треть XVIII—начало XIX в. — также время интенсивного формирования пословиц как по линии творческого варьирования более ранних, так и по линии создания новых групп пословиц, отражающих развитие представлений народа, изменение социально-психологической ситуации.³⁶ Начиная примерно с середины XIX в. этот процесс, по крайней мере для пословиц с социальной терминологией, ослабевает. Новые пословицы создаются в меньшем числе, хотя они и отражают новые явления, но уже не несут такой идеологической нагрузки. Но долгий предшествующий путь крестьянского самосознания отражен в развитии русской пословицы. В. И. Ленин писал, что «<...> века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости» и что «<...> вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника <...>».³⁷ Речь идет о накоплении, развитии представлений.

Определяющие моменты классовой борьбы крестьянства — крестьянские войны. Трактовка их роли и значения содержится в работе А. Л. Шапиро, который главное их значение видит в том, что «они способствовали заострению классового самосознания крестьян, а также формированию революционной мысли и революционного движения». Для крестьянских масс главным итогом было «более ясное и обобщенное представление

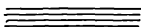
³⁶ В других странах этот процесс, раньше начавшись (иные условия формирования наций, языка), раньше завершился. Даже в Германии основной корпус пословиц почти полностью сформировался к концу XVIII в. или даже ранее (см.: А. Е. Graf, S. 17).

³⁷ В. И. Ленин. Лев Толстой, как зеркало русской революции. Полн. собр. соч., т. XVII, М., 1961, стр. 210—211.

о классовом враге, которое развивалось в сознании крестьянской массы».³⁸ Крестьянские войны в России под руководством Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева показывают возрастание размежевания классовых сил, усиление элементов организованности и сознательности. От участия классово посторонних попутчиков (1606—1607 гг.) до лозунга уничтожения дворянства, от неясных чаяний — до пугачевских манифестов, до появления начал организованности — путь этого процесса, путь самосознания крестьян.³⁹

Этапы развития крестьянской идеологии, классового самосознания запечатлелись в развитии русских пословиц. Они отразили конкретные черты этого движения, его темпы и широту, фиксировали картину пробуждения и поступательного движения общественной мысли крестьянства. Сначала это недовольство существующим состоянием, выраженное в расплывчатых категориях (типа богатство—бедность, правда—кривда), неумело еще обозначающих всю совокупность феодального гнета, — притом, что в наиболее остросоциальных пословицах выступают такие фигуры, как холопы и беглые. Далее — постепенное нарастание ненависти к дворянству, бóльшая конкретизация образа угнетателя, понимание сословного, классового антагонизма, непримиримости интересов. Наконец, презрение к угнетателям, взгляд на них как на нелюдей, понимание их эксплуататорской сущности. Картина этого процесса становится понятной и закономерной с точки зрения развития классовой борьбы в России, ее особенностей, ее конкретно-исторического пути.

В конце XVII—XVIII вв. в русских пословицах эта картина выражена в преобладании в пословицах с социальным содержанием коллизии богатство—бедность, правда—кривда, олицетворяющей совокупность феодального гнета крайне абстрактно, неотчетливо. В самых остросоциальных пословицах выступают холопы — наиболее угнетенный элемент, бывший движущей силой в крестьянской войне 1706—1707 гг. Начиная с конца XVIII в. антифеодальные пословицы, резко увеличиваясь в числе, начинают строиться на ясном противопоставлении барин—мужик. Косвенно подтверждает эту закономерность увеличение числа антикрестьянских пословиц, отражающих реакцию феодалов на обострение социально-сословного антагонизма.

³⁸ А. Л. Шапиро. Об исторической роли крестьянских войн XVII—XVIII вв. в России. — История СССР, 1965, № 5, стр. 79—80, 73.

³⁹ И. И. Смирнов: 1) Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М., 1957, стр. 106; 2) О некоторых вопросах истории борьбы классов в русском государстве начала XVII в. — Вопросы истории, 1958, № 12, стр. 120—121; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1966, стр. 32—33, 172—173, 260, 273.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

ВОЛХ И РЮРИК — ПАТРОНИМЫ ПРЕДАНИЙ И ЛЕГЕНД НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Предания, зафиксированные русскими летописями, давно привлекают внимание исследователей, однако вопрос об историчности многих из этих преданий до сего времени остается открытым. Мы не ставим себе задачей в данной заметке рассмотреть все связанные с ним проблемы. Ограничимся здесь соображениями о происхождении двух, пожалуй, наиболее известных имен.

ВОЛХ

В состав рассказа о «зачатии Словенска» новгородских хронографов XVII в. входит легенда о чародее Волхе. Согласно ей, Волх был «бесоудный чародей, лют в людях; бесовскими ухищрениями и мечтами претворялся в различные образы и в лютого зверя крокодила;¹ и залегал в той реке Волхове водный путь тем, которые ему не поклонялись: одних пожирал, других потоплял. А невежественный народ тогда почитал его за бога и называл его громом или Перуном. И поставил этот чародей ночных ради мечтаний и собрания бесовского городок малый на некотором месте, зовомом Перыня, где и кумир Перуна стоял. И баснославят о нем невежды, говоря: в боги сел. И был этот окаянный чародей удален от бесов в реке Волхове, и мечтаниями бесовскими несено было тело его вверх по той реке и извержено на берег против Волховского его городка, что ныне зовется Перыня. И со многими плачем от невежд тут был он погребен с великою тризною поганскою, и могилу ссыпали над ним высокую по обычаю язычников. И по трех днях после того тризницу прослезилась земля и пожрала мерзкое тело крокодилово и могила просыпалась под ним на дно адское: иже и до ныне яко же поведает знамя тоя стоит не наполняясь».² Оставляя в стороне подробный разбор этой чрезвычайно интересной легенды, своеобразно отразившей, по нашему мнению, вполне конкретные события древней новгородской истории, остановимся на возможной этимологии имени Волх.

---

¹ Скорее всего: «крокодил» — литературная замена эпического змея, от которого, согласно былинке, произошел Волх (см.: Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. СПб., 1887, стр. 35). Это в известной степени подтверждается тем обстоятельством, что в новгородском местном предании, записанном в прошлом веке П. Якушкиным, вместо «крокодил» говорится «зверь-змияка», что, весьма вероятно, гораздо ближе к первоначальному варианту предания (см.: П. Якушкин. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860, стр. 118—119).

² Ф. Гилларов. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 17.

Прежде всего вспомним былин о Волхе, которая неоднократно связывалась исследователями с приведенной выше легендой.³ Форма былинного имени — Волх (а не Волхов) едва ли может служить препятствием к сближению сказаний о Волхе и Волхове. Формы «волх», «волхи» соответствуют в языке былин церковнославянским «влѣхвъ», «влѣсви». Например:

Ай же вы, мои да князи, бояра,
Сильни русьские могучие богатыри
Еще все волхи бы все волшебники.⁴

В сборнике Кириши Данилова (№ 10) Волхов (прилагательное от Волх, по объяснению Ф. И. Буслаева) заменяется названием «Волх-река».⁵ Сближение Волха и Волхова повторено М. Г. Халанским в его исследовании о Марке Краевиче, причем указан и приведенный выше пример из сборника А. Ф. Гильфердинга. Былина о Волхе Всеславьевиче является одной из древнейших в восточнославянском эпосе⁶ и связана с Новгородской землей.⁷ Рождение Волха от отца-змея и его умение оборачиваться различными животными — мотивы характерных для фольклора всех народов мира древнейших повествований о великих героях, могущество которых основывается на родственных связях с силами природы.⁸

Возвращаясь к интересующей нас этимологии имени «Волх», напомним мнение Р. О. Якобсона, который предполагает, что в былинном «Волхе» надлежит видеть искаженное «Волк».⁹ Правда, В. М. Жирмунский сомневается в этом,¹⁰ но поскольку его сомнения аргументацией не подкреплены, не видим оснований согласиться с ним и отказаться от поддержки предположения Р. О. Якобсона, что в былинном Волхе нашли отражение мифологические представления древних славян о «волке». Можно полагать, что и в хронографическом предании, и в былине идет речь о мифологическом «Волке», за которым стоит тотемное представление древних новгородцев.

³ Ф. И. Буслаев писал: «Наши грамотные предки даже в XVII в. верили, что этот Волх (Всеславьевич, — В. Б.) был старший сын мифического Словена» (Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 8; ср. его же: Народная поэзия, стр. 34—35, 268). В. Ф. Миллер писал: «Как новгородский змияк дал краски для змея Горыныча, поражаемого Добрыней, так та же легендарная личность некоторыми чертами своими — оборотничеством, змеиностью, а также именем (Волх) — отразилась на обороте былинного Волха Всеславьяча» (В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. 1. М., 1897, стр. 168).

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. II. М.—Л., 1950, стр. 475.

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, стр. 64.

⁶ Ф. Буслаев. Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 25; В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 70.

⁷ М. Г. Халанский. Южнославянские сказания о Краевиче Марке. Варшава, 1893, стр. 56 и сл.; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. 1, стр. 168; М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 296—299, 305—306, 309.

⁸ См., например: P. Ehrenreich. Die Mythen und Legenden der Südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt. Zeitschrift für Ethnologie, 1905, Bd. 37, Supplement, S. 42.

⁹ R. Jakobson and G. Ružičić. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos. — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t. X. Bruxelles, 1950, p. 355; R. Jakobson and M. Szeftel. The Vseslav Epos. — Russian Epic Studies ed. by R. Jakobson and E. J. Simmons. Philadelphia, 1949, p. 68—69.

¹⁰ В. М. Жирмунский. Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 128.

В связи с этим вспомним широко известное предание о призвании варягов, зафиксированное Начальной летописью. Как известно, до сего времени вопрос, что следует понимать под летописными «варягами», продолжает оставаться открытым несмотря на большое количество самых разнообразных гипотез. Прибавим к ним и наше предположение. По-шведски волк — «varg», волки — «vargar». С именем этого животного, вероятно, связано и название одного из балтийско-славянских племен — «вагров», известное по германским источникам.¹¹ Вполне допустимо то, что летописные варяги этимологически связаны с этим же словом, и тогда, следовательно, можно говорить о том, что в предании о призвании варягов, так же как в былинах и в легенде о Волхе, сохранена память о родовом или племенном тотеме — «волк». Известно также, что одно из племен балтийских славян, а именно — «лютичи», имело своим племенным тотемом «волка». Исходя из поддерживаемого нами предположения, что балтийские славяне принимали непосредственное участие в формировании новгородской группы восточных славян, вполне вероятно и допустимо, что память об этих связях могла запечатлеться в определенных патронимических представлениях.

РЮРИК

В том же летописном предании о призвании варягов наше внимание привлекает и собственное имя варяжского предводителя — князя Рюрика. Оставляя опять-таки в стороне все споры о его происхождении,¹² посмотрим на этот персонаж с точки зрения возможности его расшифровки как определенного патронимического представления. Еще О. Бодянский высказал предположение, что собственное имя «Рюрик» (Рорик, Рерик) могло происходить от слова «Рарог», «Рорык», обозначающего у чехов, поляков и босняков вид сине-голубого сокола.¹³ А. А. Куник попытался опровергнуть эту гипотезу, выдвигая против нее такие возражения: 1) в древнепольских и древнеславянских именах нет живых примеров имени Рюрик; 2) «гагог» — имя не личное, а название города или птицы; 3) сходство имени «Рюрик» с названием города «Reric» и сокола «gagoch» — явление случайное.¹⁴

Однако в действительности можно привести примеры славянских имен, созвучных Рюрику. Так, Псковская летопись упоминает о польском воеводе Ририке под 1536 г. — «Ририка воеводу убиша Лятцакого».¹⁵ Имя «Рюрик», в его основной форме «Рерик» — «Rerich», встречается в числе имен древнечешских родов (die Ritter Standes Familien), заседавших на богемских сеймах.¹⁶ В современном польском языке слово «gagoch» обозначает «сарыча» и имеет переносное значение — «чудо», «диво». Это свидетельствует о том, что в древности данная птица наделялась какими-то чу-

¹¹ О германском происхождении славянского племенного наименования «вагры» см.: M. V a s m e r. Wikingerspuren bei den Westslaven. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 6, 1930, S. 4; F. G u r s c h m a n n. Die deutschen Ortsnamen im nordostdeutschen Kolonialgebiet. Stuttgart, 1910, S. 29; E. S c h w a r z. 1) Die slawischen Landnahmezeit in Ostgermanien. — Mitteilungen dem österreichische Instituts für Geschichtsforschung, Bd. 43, 1929, S. 187; 2) Germanische Stameskunde. Heidelberg, 1956, S. 136.

¹² См.: Г. Ловмянский. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский. — Скандинавский сборник, т. VII. Таллин, 1963, стр. 221—248.

¹³ О. Бодянский. О народной поэзии славянских племен. М., 1837, стр. 141.

¹⁴ A. K u n i k. Die Berufung des Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, Bd. 2. SPb., 1845, S. 122—123.

¹⁵ Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 108.

¹⁶ Des Schenswürdiges Prag v. Redel. Praha, 1710, S. XIV. 103.

десными свойствами и была, очевидно, связана с представлениями древнеславянской мифологии. В современном чешском языке «*ragach*» обозначает «дьявол», «черт», «бес», а производное от него — «*ragášek*» — домовой», что также уводит этимологию этого слова в область древних мифологических представлений.¹⁷ Известно, что птицы играли важную роль в славянской мифологии.¹⁸ Птицы входили в языческий пантеон многих славянских племен.¹⁹ В фольклорных текстах многочисленны случаи, когда герои носят «птичьи» имена. История происхождения славянских фамилий также свидетельствует о том, что названия птиц играли большую роль в имяобразовательном процессе. Укажем и на обстоятельство, отмеченное еще С. А. Гедеоновым: одно из балтийско-славянских племен — ободриты — имело своим тотемом сокола, и племенное название часто связывалось именно с этим символом.²⁰ Известно, что славяне часто сражались под сенью своих тотемов. Так, например, иллирийское племя «крашне», жившее на острове Крке, получило свое название «коршуны» от изображений этих птиц, бывших на их знаменах.

Говоря о Рюрике-Соколе, обратим внимание на так называемый «знак Рюрика».²¹ Уже А. А. Куник видел в этом знаке изображение какой-то птицы.²² С. А. Гедеонов писал: «Изображенная на игровой гривне птица с поднятыми кверху когтями может быть сокол-рерик».²³ Шведский археолог Т. Арне, исследуя подвески со знаком Рюрика, найденные в Швеции, пришел к выводу, что на них изображена «птица с распушенными крыльями».²⁴ Исследуя норманское оружие, немецкий археолог П. Паульсен придает большое значение наконечникам ножен мечей. Эти наконечники, по его мнению, являлись знаками ранга высших воинов, предводителей отрядов.²⁵ Распространенное на наконечниках стилизованное изображение сокола Паульсен считает символом власти и сана высших норманнских воинов, в том числе и княжеского рода Рюриковичей. Изображение «сокола» он связывает с родовым знаком династии Рюриковичей,

¹⁷ Х. Скалова, расшифровывая иноплеменные названия балтийско-славянских топонимов, полагает, что под германо-датским названием города «Рерик», разрушенного датчанами в 808 г., следует видеть славянское название «*parog*» — «сокол» (см.: H. Skalová. *Místopisná mapa území obodritů a lutičů se slovanskou nomenklaturou. — Vznik a počátky slovanů*, t. III. Praha, 1960, s. 312). Судя по всему, «Рерик» был славянским, а не каким-либо иным городом (см.: L. Koczy. *Polska i Skandynawja za pierwszych Piastów*. Poznań, 1934, s. 222—225).

¹⁸ См., например: Д. Щепкин. Об источниках и формах русского баснословия, т. 2. М., 1881, стр. 16.

¹⁹ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 270.

²⁰ С. А. Гедеонов. Варяги и Русь, т. 2. СПб., 1876, стр. 247. Адам Бременский писал: «К востоку от вагров находятся ободриты (Obodriti), называющиеся также Рарогами (Rerigi)» (Adam Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum ex recensione Lappenbergii. In usum scholarum ex monumentis Germaniae historice recusa. Hannoverae, 1876, p. 14). Саксон Грамматик также отмечал: «Abodriti vel Rerigi» (Saxo Grammaticus. *Gesta danorum*, Ed. E. Holder. Strassburg, 1886, ann. 962); см. об этом: W. Fritze. Die Datierung des Geographus Bavarus und die Stammesverfassung der Abodriten. — *Zeitschrift für slawische Philologie*, Bd. XXI, 1952, S. 336; L. Koczy. Sklawenja Adama Bremenskiego. — *Slavia Occidentalis*, t. XII, 1933, s. 217—218.

²¹ Подробный историографический обзор вопроса о сущности «знака Рюрика»: И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882, стр. 165—183.

²² А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава Владимировича с изображением Георгия Победоносца. СПб., 1860, стр. 52—53.

²³ С. А. Гедеонов. Варяги и Русь, т. 2, стр. XXXIV.

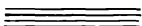
²⁴ T. Arne. *Fornvännen meddelanden fran K. Vitterhets historie och antikvitets Akademien*. Stockholm, 1911, s. 47.

²⁵ P. Paulsen. *Schwertorbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas*. Stuttgart, 1953, s. 145.

известным по древнерусским монетам и украшениям XI—XII вв. Территориальное распространение находок наконечников ножен, монет и украшений со знаком сокола на территории Восточной Европы соответствует территории, на которой существовала власть Рюрика и его преемников.²⁶ К расшифровке «знака Рюриковичей» как изображения сокола недавно присоединился советский исследователь О. М. Рапов, полагающий, что «фигура, изображенная на монетах Рюриковичей, больше всего напоминает летящего сокола».²⁷ Другой советский ученый — С. С. Ширинский также согласен с предположением, что в основу родового знака Рюрика легло изображение тотема-птицы.²⁸ Этнография многих народов знает примеры, когда в основу родовых тамг брались изображения предков рода — тотемов-животных.²⁹ По мере изменения религиозных представлений эти изображения постепенно схематизировались, приобретая условное значение. Однако они еще долгое время продолжали сохранять свой прежний смысл изображений предков-покровителей.³⁰

В заключение заметим, что косвенно на громадное значение «сокола» в восточнославянских народных представлениях указывает «Сокол—корабль», так часто встречающийся в русских былинах. Он фигурирует и в былинах об Илье Муромце и Настасье Микулишне, и в былинах о Садко, но главным образом — в былине о заморском госте Соловье Будимировиче.³¹

Изложенные соображения, как нам представляется, дают возможность несколько по-иному взглянуть на достоверность древнейших из сохранных летописями преданий и легенд. Стоит, может быть, отказаться от традиционной расшифровки смысла их, направив поиски в область древних мифологических представлений, которые запечатлелись в народной памяти, найдя свое отражение в различных жанрах фольклора.

²⁶ Там же, стр. 166—174.

²⁷ О. М. Рапов. Знаки Рюриковичей и символ Сокола. — Советская археология, 1968, № 3, стр. 67.

²⁸ См.: С. С. Ширинский. Ремянные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова. — Славяне и Русь. Сборник статей. М., 1968, стр. 220.

²⁹ См., например: П. С. Ефименко. Юридические знаки. — ЖМНП, 1874, ч. 126, стр. 282; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, стр. 418—432, и др.

³⁰ П. С. Ефименко. Юридические знаки, стр. 284—285.

³¹ Об устойчивости этого понятия свидетельствует и поздняя по сложению песня о Святогоре:

Ах, по морю, морю синему,
Что по синему морю, Каспийскому,
Други плавают гуляет Сокол-корабль,
Уж он плавают-гуляет ровно тридцать лет,
Что на якорях Сокол-корабль не стайвал,
У крутых зеленых берегов не бывал,
Церквей и монастырей не видывал,
Колокольного звону не слыхивал.

А. А. КРУПП

ФОЛЬКЛОРНЫЙ МАТЕРИАЛ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Взгляды наиболее видных представителей русской исторической науки начала XIX в. на использование фольклора в качестве исторического источника до сих пор не рассматривались специально. Между тем они представляют вполне определенный интерес для фольклористики (а не только для истории исторической науки). Начало XIX в. — особый этап в развитии русской историографии, отличающийся пристальным вниманием к вопросам источниковедения. Тогда были подвергнуты пересмотру многие привычные положения. В числе их — возможность опираться на данные фольклора в историческом исследовании. Эта проблема приобретала значительную актуальность, поскольку тезис о фольклорных источниках Начальной летописи становился постепенно общепризнанным. По существу речь шла о достоверности древнейшего периода русской истории. У историков предшествующего времени не возникало особых сомнений относительно правомерности использования фольклорных текстов. Признавая полную баснословность отдельных фольклорных произведений, эти историки тем не менее полагали, что фольклор в целом способен отражать реальную историческую действительность.

Впервые сомнения в возможности привлекать фольклор в качестве исторического источника возникли в начале XIX в. и отразились в работах А.-Л. Шлецера. В дореволюционной исторической литературе позиция, занятая им по отношению к фольклору, излагалась не вполне точно. Так, согласно Н. Лятошинскому, А.-Л. Шлецер якобы «во всех народных преданиях и поэтических вымыслах видел одну ложь и спешил очистить от них поле истории». Такое отношение к фольклору, по мнению Н. Лятошинского, объяснялось специфическими условиями работы А.-Л. Шлецера, которому выпало на долю «первому приложить руку критики к русской истории», а также «прозаическим направлением его характера».¹ «Одной из крупнейших ошибок А.-Л. Шлецера, — пишет Н. Лятошинский, — было совершенное игнорирование народных преданий и мифов, у которых нельзя отрицать большого бытового, а часто и исторического значения».²

В действительности отношение А.-Л. Шлецера к фольклору было гораздо более сложным и противоречивым. Он часто называл фольклор «вздорными баснями» и требовал выкинуть «исландские бредни» и «бе-

---

¹ См.: Н. Лятошинский. А.-Л. Шлецер и его историческая критика. Киев, 1884, стр. 8.

² Там же, стр. 44.

зумные исландские сказки» из всей древней русской истории.³ В сагах, по мнению А.-Л. Шлецера, нельзя найти даже крупинки правды. Пытаться использовать саги — значит «грубо выдумывать и лгать».⁴ С X в. «предание становится болтливее и Нестор унижается до того, что вносит в свой временник *народные сказки*».⁵ «Но кто поверит легендам?» — восклицает А.-Л. Шлецер в другом месте.⁶ Страницы «Нестора» пестрят насмешками А.-Л. Шлецера над фольклором. «Одному шведу, — пишет А.-Л. Шлецер, — вздумалось, будто он в отечестве своем нашел следы *Магога*: бредни свои рассказал он глупым людям, которые повторили их за ним, и после этого вздор этот назван *преданием народным*».⁷ Венцом всех этих рассуждений является картина «неоткрытого Севера», которую рисует А.-Л. Шлецер в своем «Несторе». По мнению А.-Л. Шлецера, восстановить историю дохристианского «Севера» просто невозможно: «населявшие его люди жили подобно диким, без всякого сношения с *иноплемennыми* и не имея средства, ежели бы и делали что-нибудь достопамятное, сохранить в чистоте память оного хотя чрез один ряд человеческого века, то как же предполагать даже возможность, чтобы об них существовала история, хотя такая, которая наполняла бы азбуку в наших исторических системах! *Песни, надгробные камни и предания* здесь не помогают».⁸ На основе приведенных высказываний А.-Л. Шлецера можно сделать вывод об отрицании им всякого исторического значения фольклора. Однако это не вполне так.

Согласно А.-Л. Шлецеру, Начальная летопись является наиболее достоверным источником, но она написана на основе преданий. «Откуда же черпал Нестор свои известия?» — спрашивает А.-Л. Шлецер. Оказывается, «о многом писал он как *современник*, ибо существованию его государства не исполнилось еще при нем и двух столетий».⁹ А.-Л. Шлецер, таким образом, признавал, что Нестор пользовался фольклорными материалами. Одного этого уже достаточно, чтобы сделать вывод о противоречивости взглядов А.-Л. Шлецера. Интерпретация им преданий Начальной летописи позволяет отчетливо увидеть ту доверчивость, которую проявлял он порой к фольклорным памятникам.

Предание об основании Киева перевозчиком показалось А.-Л. Шлецеру весьма вероятным: «На Днепре не было еще моста, а сообщение уже началось между жителями по ту и по сию сторону реки. Некто, по имени *Кий*, держал всегда в готовности лодку для перевоза, чем и питался. На этом месте, может быть, река была уже или безопаснее для перевоза: все сюда стекалось и из хижины перевозчика сделалась деревня, а из деревни

³ А.-Л. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Ч. I. СПб., 1809, стр. XXIX, 55 и др.

⁴ Там же, стр. 53—54.

⁵ А.-Л. Шлецер. Нестор, ч. II. СПб., 1816, стр. 191.

⁶ Там же, стр. 499.

⁷ А.-Л. Шлецер. Нестор, ч. III. СПб., 1819, стр. 205. — Раздражение, которое отчетливо слышится в словах А.-Л. Шлецера, связано с его просветительскими взглядами. «Борьба за прогресс и культуру казалась (для просветителей XVIII в., — А. К.) несовместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами. Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурия и невежества и поэтому вызывали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение» (М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. 1. М., 1958, стр. 81).

⁸ А.-Л. Шлецер. Нестор, ч. I, стр. II. — Перечисляя второстепенные исторические источники, А.-Л. Шлецер писал: «Я не знаю, есть ли настоящие древние народные песни, которые на что бы нибудь годились» (там же, стр. II).

⁹ Там же, стр. II.

город и т. д.».¹⁰ Названия немецких городов Франкфурт (дословно: вольный перевоз) и Оксенфурт (дословно: перевоз быков), по мнению А.-Л. Шлецера, еще больше подтверждают истинность этого предания. По А.-Л. Шлецеру, летописный рассказ о походе Олега на Царьград украшен чудовищным баснословием, «однако все это еще не опровергает главного дела». «Происшествие и увеличение происшествия суть две очень различные вещи».¹¹ Но наиболее отчетливо проявилась противоречивость методики А.-Л. Шлецера при интерпретации им летописного рассказа об Ольгиной мести. «Все четыре мщения Ольги с баснею об юном Святославе объявляю я за настоящую сказку», — провозглашает А.-Л. Шлецер. Но «между тем, однако же, — пишет он, — в сих сказках есть что-то похожее на правду. Только вся эта правда может заключаться в следующем: древляне <...> убили Игоря <...> и вздумали женитьбою князя своего на овдовевшей Ольге избавиться от мщения и государство свое сравнить с Киевским <...>. Ольга как смелая правительница хотела не только покорить опять возмущившихся, но и наказать их строго за умерщвление своего мужа. Войско ее разбило древлян в сражении; после чего она осадила их столицу и, через год взяв оную, разорила и опустошила всю землю до того <...>, что после истребилось даже и названия оныя».¹² По существу А.-Л. Шлецер принял почти все предание, отбросив некоторые вызывавшие сомнение подробности.¹³ В данном случае А.-Л. Шлецер руководствовался положением, которое он сформулировал во втором томе своего «Нестора»: содержание легенд и преданий можно внести в историческое исследование, если они удовлетворяют пяти условиям: не составляют явной и глупой выдумки; не противоречат явно прочей истории; не слишком противоречат летосчислению; имеют «внутреннее подобие»; кроме того, необходима достаточная уверенность, что «сочинитель не выдумал это по пристрастию».¹⁴

¹⁰ Там же, стр. 181.

¹¹ Там же, ч. II, стр. 752—753.

¹² Там же, ч. III, стр. 342—343. — Только в одном А.-Л. Шлецер как будто усомнился: сватовство Мала «было бы вероятно, — пишет он, — если бы только Ольге не было уже под 60 лет» (там же, стр. 343).

¹³ Такая интерпретация является заслугой А.-Л. Шлецера: «Предшествующие писатели (кроме И. П. Елагина, — А. К.) передавали предание о мести Ольгиной над древлянами как факт, несомненный во всех подробностях, позволяя себе только иногда наивные восклицания насчет наивности древлян» (С. М. Соловьев. Н. М. Карамзин и его «История государства Российского». — Собр. соч. СПб., изд. «Общественная польза» [б. г.], табл. 1416).

¹⁴ А.-Л. Шлецер. Нестор, ч. II, стр. 499—500. — Из замечаний А.-Л. Шлецера видно, как он представлял себе процесс образования фольклорных произведений. Выдумка невежественного монаха, сознательного мистификатора или просто болтуна, попадает в народ, передается из уст в уста, а затем от долгого повторения получает устойчивость, становится как бы голосом народа, считается по привычке чем-то священным и незбылемым (иногда основой предания может послужить рассказ очевидца о каком-нибудь событии). В устном бытовании предание постепенно теряет исторические черты (если они вообще в нем были) и становится полностью баснословным. А.-Л. Шлецер не говорит, за какой отрезок времени происходит такое превращение. Он готов поверить семейному преданию, если оно удалено от описываемых событий не более чем на 80—90 лет. Рассматривая предания польских летописей, он указывает, что можно доверять «по крайней мере в именах и главных событиях» только тем сообщениям, которые удалены от момента фиксации не далее чем на 260 лет. Максимальный же срок сохранения историчности для преданий русской Начальной летописи, как мы видели, около 600 лет (см.: А.-Л. Шлецер. Нестор, ч. I, стр. АВ, Н—НИ, ЧА—ЧВ; ч. II, стр. 23, 752—753; ч. III, стр. 205, 259; A.-L. Schlözer. Allgemeine nordische Geschichte. Fortsetzung der allgemeine Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Deutschland und England ausgefertigt, Bd. 31. Halle, 1771, S. 260).

В целом позиция, занятая А.-Л. Шлецером по отношению к фольклору, была крайне противоречива. Призывы А.-Л. Шлецера отказаться от использования фольклорных материалов находились в поразительном контрасте с содержанием его работ. Это позволило историкам различных направлений с равным правом ссылаться на научный авторитет А.-Л. Шлецера.

М. Т. Каченовский и «скептическая школа» почти полностью отрицали научное значение фольклора.¹⁵ Они полагали, что предания не могут служить историческим источником при изучении отдаленных дохристианских эпох, аргументируя это тем, что «народ, полудикий, грубый, погруженный в мрачное идолопоклонство, не озаренный никаким светом знаний, подобно младенцу довольствуется одними вымыслами, предрассудками своей невежественной сферы».¹⁶ Но и в тех случаях, когда фольклорный памятник относится к временам, непосредственно предшествующим христианству, и содержит в себе какой-то исторический элемент, выделить его невозможно.¹⁷ «Происшествия, <...> сбереженные преданием, — писал по этому поводу М. Т. Каченовский, — представляются в столь искаженном виде, что критика после тщетных усилий извлечь из них истину должна наконец отказаться от труда своего и признать их баснословными».¹⁸ С точки зрения «скептиков», история, основанная на преданиях, недостоверна и «не может быть подведена под строгую историческую истину».¹⁹ Это не что иное, как старый тезис А.-Л. Шлецера, выдвинутый еще в 1771 г.²⁰ «Скептики» развили только негативные на-

¹⁵ Основные работы «скептиков» были опубликованы в начале 30-х годов, однако само направление возникло значительно раньше. Предпосылки будущего отрицания чувствуются уже в первой статье М. Т. Каченовского. (см.: М. Т. Каченовский. Параллельные места в русских летописях. — Вестник Европы, 1809, ч. XLVII, № 18, стр. 133—145).

¹⁶ В. Виноградов. О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей древней истории, от основания государства до смерти Игоря, т. е. до 945-го года. — Вестник Европы, 1830, № 15—16, стр. 162; ср.: А.-Л. Шлецер. Нестор, ч. I, стр. НГ.

¹⁷ См. там же, стр. 162.

¹⁸ М. Т. Каченовский. О баснословном времени в российской истории. — УЗ Моск. унив., ч. I, 1833, № 1, стр. 273. — Нужно отметить, что М. Т. Каченовский предполагал возможность использования фольклорных материалов для изучения национального характера. «Кто хочет узнать короче нравы, обычаи и почти все, что составляет национальность или отличительные признаки целого народа, — писал он в рецензии на сборник Вука Караджича, — тот внимательно читай и слушай его песни <...>, которые переходят из уст в уста, передаются от предков к потомкам» (М. Т. Каченовский. О сербских народных песнях. — Вестник Европы, ч. CXII, 1820, № 13, стр. 112).

¹⁹ См., например: С. Скроненко [С. М. Строев]. О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей. СПб., 1835, стр. 37—38. — Несмотря на столь категорические заявления, «скептики» позволяли себе иногда ссылаться на предания. «Летописи, к какому веку не относилось бы начало их, — писал М. Т. Каченовский, — сохранили для нас весьма важное историческое предание <...>, что ильменские переселенцы, и они одни только, удержали при себе название славян <...>» (М. Т. Каченовский. Два рассуждения: о кожаных деньгах и о «Русской Правде». М., 1849, стр. 189).

²⁰ А.-Л. Шлецер писал, что никакой народ не может иметь настоящей истории до тех пор, пока у него не появятся или монументальные, или графические памятники (A.-L. Schlözer. Allgemeine nordische Geschichte, S. 196). Сами «скептики», правда, предпочитали ссылаться на Нибура; однако, как указывал сам М. Т. Каченовский, «Нибур не для того трудился, чтобы только разрушать <...>, он отличался от своих предшественников <...> старанием заменить поэтические или даже аллегорические лжи истинными <...> событиями <...>, извлекая из басен некоторую существенность» ([М. Т. Каченовский.] О Римской истории Нибура. — Вестник Европы, 1830, № 17—18, стр. 91). Впрочем, «скептики» не отрицали возможности того, что в «исто-

правления источниковедческой методологии А.-Л. Шлецера. Зато в трудах Н. М. Карамзина мы находим дальнейшее и плодотворное развитие ее позитивных начал.

По представлению Н. М. Карамзина, любое народное предание, «всегда обманчивое и неверное в подробностях», основано на истинных происшествиях и потому является ценным историческим свидетельством.²¹ Задача историка — отделить все вымышленное и восстановить действительно происшедшее событие. При этом количество истинного в предании зависит от того времени, в течение которого оно обращается в незаписанном виде. Саги, например, были записаны намного позже тех событий, о которых они рассказывают, и Н. М. Карамзин считает, что, хотя в них, несомненно, содержится исторический элемент, выделить его практически невозможно.²² Любопытно проследить отношение Н. М. Карамзина к конкретным летописным преданиям. Предание об основании Киева отвергается им почти полностью.²³ Говоря о походе Олега на Византию (по летописи — 907 г.), Н. М. Карамзин указывает, что в летописном рассказе очень много преувеличенного, но главное обстоятельство, — что «Олег ходил к Царь-граду и возвратился с успехом, кажется достоверным», ибо летописец не мог, «живучи в XI веке, выдумать происшествие X столетия, еще свежего в народной памяти, и с дерзостью уверять современников в истине оного, если бы общее предание не служило ей порукою».²⁴ В летописных рассказах об Ольгиной мести (по летописи — 946 г.), по мнению Н. М. Карамзина, также заключается «истинное происшествие», состоящее в том, что «Ольга умертвила в Киеве послов древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростеня, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрика».²⁵ Предания, относящиеся к более позднему периоду, Н. М. Карамзин излагает как обычные летописные известия, без какой-либо особой критики.²⁶

рические времена» возникают предания, сохраняющие в себе воспоминания о реальных лицах и событиях. В частности, С. М. Строев допускал, что «Нестор скрыл свое имя в конце XI столетия, но, будучи уважаем братиею своего монастыря, жил в их памяти и достиг до отдаленного потомства»; однако вопрос о таких преданиях не мог иметь для «скептиков» большого значения, поскольку предания, по их мнению, вообще не способны сохраняться в памяти в течение продолжительного времени: «Немного более ста лет, как скончался Петр I, — писал по этому поводу С. М. Строев, — но много ли изустных преданий в наше время услышим мы о Великом?» (С. С. Кромненко. [С. М. Строев]. О пользе изучения русской истории в связи со всеобщей. — УЗ Моск. ун-в., ч. II, 1833, № 4, стр. 33, 43).

²¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1818, стр. 34, 160. — От достоверных преданий Н. М. Карамзин отличал «сказки и басни», не имеющие исторической основы и сочиненные впоследствии (см.: там же, Примечания, стр. 35—38). Любопытно высказывание Н. М. Карамзина о былинах: «Песни исторические о благословенных временах Владимира святого, — писал он, — сочинены в веки нашего рабства государственного, когда воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы отечества» (там же, т. V, СПб., 1819, стр. 410).

²² Там же, т. I, Примечания, стр. 44.

²³ По мнению Н. М. Карамзина, лишь «два обстоятельства в сем нестором известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и, второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию» (Н. М. Карамзин имеет в виду Киевцев на Дунае — см.: там же, стр. 34).

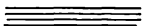
²⁴ Там же, стр. 135 (ср.: [М. М. Щербатов.] Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории к одному его приятелю <...> М., 1789, стр. 20—21).

²⁵ Н. М. Карамзин. История..., т. I, стр. 164.

²⁶ Там же, стр. 221—223, 227—228.

Нужно отметить, что в «Истории» Н. М. Карамзина намечается тенденция к поиску новых путей в использовании фольклора. Н. М. Карамзин пытается привлекать фольклор для характеристики народного отношения к конкретному историческому деятелю или историческому событию. Рассказывая о неудачной для русских битве на реке Пьяне, Н. М. Карамзин сообщает, что народ осуждал оплошность воевод, и в подтверждение ссылается на русскую пословицу «за Пьяною люди пьяны».²⁷ Аналогично используется поговорка о Шемякином суде.²⁸ Вывод Н. М. Карамзина, что добрая слава Ивана Грозного в народной памяти пережила его худую славу, также основан на фольклоре.²⁹ Обращает на себя внимание и то, что, очень подробно пересказывая летописный рассказ об Ольгиной мести, Н. М. Карамзин поясняет, что эта «басня изображает обычаи и дух времени и потому любопытна для ума внимательного».³⁰ В русских пословицах Н. М. Карамзин видел особую систему нравоучений, которую имела Россия «сверх церковного наставления и мудрых изречений Св. писания».³¹ Однако в использовании фольклора Н. М. Карамзин проявлял определенную сдержанность, что объяснялось его стремлением достигнуть максимальной исторической достоверности.³² Как известно, Н. М. Карамзин крайне неодобрительно отзывался о попытке восстанавить на основе устных сказаний древнюю топографию Москвы.³³

Источниковедческие взгляды Н. М. Карамзина, сочетавшие в себе лучшие традиции русской исторической науки XVIII в. с критической методологией А.-Л. Шлецера, легли в основу тех идей, которыми руководствовалась русская историография XIX в. М. Т. Каченовский и ученые его школы были последними русскими историками, которые оспаривали научное значение фольклора. Несмотря на то что в исторической литературе 30—40-х годов XIX в. фольклорный материал в целом использовался еще незначительно, историки безоговорочно относили его к историческим источникам. С середины XIX в. началось широкое использование фольклора в исторической науке.

²⁷ Там же, т. V, стр. 48.

²⁸ Там же, стр. 321.

²⁹ Там же, т. IX, СПб., 1821, стр. 471.

³⁰ Там же, т. I, стр. 160.

³¹ Там же, т. V, стр. 409.

³² Н. М. Карамзин определил фольклор как «источник скудный, однакож не совсем бесполезный» (там же, т. I, стр. XXXIV).

³³ См.: там же, т. II, СПб., 1818, Примечания, стр. 179—180; ср.: Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы. М., 1796, стр. 4, 6—7.

Т. И. ТУМИЛЕВИЧ

ДОНСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ЕРМАКЕ

Нередко приходится слышать мнение, что Дон славится только своими песнями. Это не совсем справедливо. Очевидно, дело в том, что песня «лежит на поверхности» и обнаружить ее легко не только собирателям народного творчества. Собрание донского фольклора на протяжении пятнадцати лет дает нам право утверждать, что устная проза не менее популярна на Дону, особенно жанр преданий, которые казаки называют «историями». Одни из них объясняют происхождение станиц, другие рассказывают окладах, третьи — о прошлом Дона и России, исторических лицах и деятелях. Самыми интересными и ценными в среде казачества считаются «истории» о Ермаке. Согласно записанным нами преданиям, Ермак освобождает от татар донскую землю, заселяет ее вольными людьми, организует Войско Донское, создает казачьи семьи, дает каждой семье фамилию, изобретает порох, покоряет Казань, Астрахань, Сибирь. Наиболее значительными его деяниями считают победы над татарами и организацию на Дону вольной казачьей общины.

Предметом данного сообщения являются главным образом предания о подвигах Ермака в борьбе с татарщиной за национальную независимость и безопасность границ русского государства. Эта тема была особенно актуальна, в частности для времени Ивана Грозного, когда продолжали еще существовать Казанское, Астраханское и Крымское ханства. В 1552 г. был предпринят последний поход на Казань, завершившийся ее взятием, а в 1556 г. пала Астрахань. Известны факты непосредственного участия казаков в освобождении от татар Дона,¹ Казани,² Астрахани,³ Сибири.⁴ Но, как убеждает зафиксированный нами материал, не все исторически засвидетельствованные факты этого рода стали темами преданий. Сама же степень поэтической разработанности таких преданий определяется их важностью для среды, в которой они сохраняются. Общее число записей о борьбе русских с татарами составляет более пятидесяти.

Приведем некоторые образцы преданий, еще не публиковавшихся, в порядке их хронологической последовательности. На первое место может быть помещена «история» об освобождении Ермаком Дона.

«Дед мой говорил: Ермак пришел на Дон со своими шарапальниками. К нему прибегали из России мужики, гулящие люди, разная голытьба.

---

¹ В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903, стр. 10—11.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. М., 1960, стр. 468.

³ В. Д. Сухоруков. Историческое описание земли Войска Донского, стр. 13.

⁴ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

Стали они себя называть не шарапальниками, а казаками. Собрал Ермак всех на круг и спрашивает: „Казаки-молодцы! Как будем звать наше войско?“. Казаки зашумели: „Назовем наше Войско Донским!“. Подумал Ермак, да обратно спрашивает: „Какой завет положим в Войске Донском?“. Казаки шумят: „Всех до себя принимать и никого Москве не выдавать“. С той поры с Дону выдачи не было. Кто бы ни прибил к войску — он вольный казак. Как в пословице говорится: „Живет на Дону, оставя дома жену“. Ермак — первый атаман Войска Донского. Когда ему дали в руки булаву, он сказал: „Атаманы-молодцы, все славное Войско Донское, идем в поход супротив татар, турок“. Пошло войско вниз по Дону. Как выгонит татарву, так городок ставит. Шло, шло войско и до Азова дошло. Узнал Иван Грозный, шлет на Дон посла с грамотой. Собрали круг, посол царский читает: „Жалую вас, казаки, волей вольною, Доном-рекой со всеми запольными реками, лугами, лесами“. Прочитал посол грамоту, а потом Ермаку подарок — шубу с царских плеч. Дед мой любил рассказывать эту историю. А я думаю, царь по своей воле не жаловал казаков. Они сами освободили донскую землю и были ей хозяева, а царь увидел такое дело да и прислал грамоту».⁵

События и ситуации этого рассказа отразили историческую реальность эпохи Ивана Грозного. Действительно, к XVI в. Дон стал местом сосредоточения казачества, укравшегося от притеснений государственной власти в местах, не подвластных Москве. Отвоевывав шаг за шагом земли, занятые татарами, казаки приобретали собственную территорию. Это было хорошо известно всем казачьим поколениям, поэтому не случайно мнение рассказчика, что не царь подарил Дон казакам, они сами его завоевали. Впрочем, такой акцент мог появиться и в условиях нашей действительности. Исторически достоверен в предании и мотив создания Войска Донского, хотя казачество на Дону появилось задолго до деятельности исторического Ермака.⁶ Такое смещение фактов естественно для предания, преследующего цель не столько сообщить их, сколько истолковать по-своему и оценить прошлое.

С именем Ермака связываются все крупные события ранней истории Дона, но одной из самых распространенных является тема борьбы с татарами за донскую землю. Она присутствует в разнообразных сюжетах, их версиях и вариантах, записанных нами начиная со станицы Старочеркасской, кончая верхнедонской станицей Казанской, граничащей с Воронежской областью: «<...> Мы живем на татарской земле. Отнял эту землю у татар Ермак Тимофеевич. Построил нашу станицу, кругом нее хутора: Голубинский, на Нижнем Чиру — Нижнечирский, Есауловский и так до самой Раздорской <...>».⁷ Особенность этого варианта — указание на основание донских станиц и хуторов. Фактически казачьи станицы стали появляться на Дону уже в XV в., а в конце XVI — начале XVII столетия опорным и конечным населенным пунктом была именно Раздорская. Историческими документами не засвидетельствовано, принимал ли Ермак участие в освобождении Дона от татар и занимался ли организацией казачьих поселений, но на среднем и верхнем Дону нет станицы, которая, согласно народному мнению, возникла бы без его участия.

⁵ Записано 2 VII 1948 в станице Еланской Ростовской обл. от казака Ф. Т. Губанова, 1892 г. р.

⁶ А. Абрамцев. Ермак и царство Сибирское. Донское казачество в эпоху Ермака. Новочеркасск, 1904.

⁷ Записано 7 VII 1957 в станице Пятиизбянской Ростовской обл. от Е. Т. Евтюховой, 1887 г. р. (старобрядки).

Согласно историческим данным, появление семей в казачьей среде относится уже к концу первой половины XVII в. В народном представлении казаки обзавелись семьями по решению основателя казачьей общины Ермака Тимофеевича. Интересна следующая запись: «Раньше в наших местах татары жили. Ермак очистил Дон от них и стал расселять свое войско по станицам. Поселил он казаков и в районе нынешней станицы Раздорской. Живут себе вольно, припеваючи. Все было бы хорошо, только жен у них нет. А как будешь жить, когда жены нет? Жены нет и дома нет. Вот раз Ермак спрашивает: „Братцы, как же дальше без жен будете жить?“. Казаки ему: „Нельзя без них, атаман!“. „Да, говорит Ермак, плохо дело! Вот пойдете в поход, приглянется на чужой стороне красавица да и останетесь там. Так пойдет дело, Дон без казаков будет. Вы лучше зараз заводите себе жен, детей, тогда все на Дон возвратитесь. От жен да детей не уйдешь“. Казаки рады, кричат: „Правду, атаман, гутаришь!“. Ермак Тимофеевич дает приказ: „Идите в поход, добывайте себе жен!“. Пошли казаки в походы: кто на Русь, кто на Кавказ, кто на турок, а кто и в Польшу. Кто из похода возвратился с женой, стал строить курень. Собрались в одной станице жены разных наций и пошла меж ними свара. Жены-то не понимают друг дружку. Скажет одна что, а другой кажется слово обидное. А каждый казак стоит за свою сударушку. Тут и начали жены, казаки промеж собой раздор чинить. Дня не было, чтобы не ругались. Видит такое дело Ермак, гутарит: „Отныне ваша станица будет называться Раздорской!“».⁸

Как продолжение темы возникновения семьи живут в народной памяти предания о происхождении фамилий.

«<...> Прогнал Ермак с донских земель татарву, настроил городков, станиц. Живут себе казаки, а жен у них нет. У многих жены в России остались. Кто сумел привезти себе из России жену, а кто и без жены живет. Вот Ермак и говорит им: „А вы, братцы, ходите в походы?“. „Ходим“, — отвечают казаки. — „А по какому праву жен себе не воюете?“. Запало казакам в голову слово атаманово. Как возвращаются с похода, глядишь, тот везет жену турчанку, другой — татарку, третий — черкешенку или гречанку, а то и польку. С того время и пошли у нас фамилии: Турчаниновы, Татариновы, Черкесовы, Грековы, Поляковы <...>».⁹

Независимо от того, присутствует в том или ином предании какое-то зерно исторической правды или нет, оно всегда подчинено стремлению опоэтизировать личность Ермака. В этом отношении заслуживает внимания «история» об изобретении пороха. Самостоятельный мотив изобретения Ермаком огнестрельного оружия подчинен здесь основной теме преданий о нем — подвигам общенационального значения.

«Дедушка Михайлов рассказывал, что он от своего отца слышал, как Ермак порох выдумал. Дедушке было 90 лет, а нам годов по пятнадцать. Вот он и говорил: „Очистил Дон от турок и татар Ермак и задумался, так дальше воевать — дело не пойдет. Пиками, шашками врагов не победишь, а стрелами далеко не стрельнешь“. Думал, думал и выгадал порох. Призвал близких казаков, показал как и что делать, что с чем мешать. Казаки трудятся. Наготовили мешков пятьдесят пороху, нарубили свинца. Потом Ермак призвал других казаков из ковалей, начал из меди пушки лить. Казаки думают: „Чего это Ермаку трубы понадобились?“. Думать ду-

⁸ Записано 3 VII 1957 в станице Пятиизбянской Ростовской обл. от казака К. Д. Саранцева, 1884 г. р. (старообрядца).

⁹ Записано 2 VII 1948 от Ф. Т. Губанова.

мают, а дело исполняют. Изготовили все, и начал Ермак с нашего кургана испытывать выдумку. У нас тут курган „Бык“ есть, он с одной стороны раздвоился в виде бычьих рогов. Расставил на нем Ермак пушки, повернул их на левый берег Дона и стал палить в турок. Они от одного страха разбежались. Дошел слух до Ивана Грозного, царь прислал послов за Ермаком, чтобы подсобил ему Казань взять <...>».¹⁰

Часто прозаические повествования включают в себя мотивы, известные по песням о Ермаке. Любопытно в этом отношении следующее предание.

«Татары подавляли Росею. Иван Грозный пошел с войском на Казань. Семь лет воевал царь, войско тибнет, а города взять не может. Грозный в то время джуде злой был, а тут первый боярин возьми да и скажи ему: „Мы вот, царь, воюем, а Ермак со своей ватагой бояр с купцами грабит“. Иван Грозный дал приказ — поймать разбойника и повесить. Сколько ни посылали на Ермака войска, окромя урону ничего не получили. А Ермак видит, царь Казань не осилит, посылает к нему посла. Приходит посол, говорит: „Царь, Ермак желает, чтобы ты его принял с войском на службу“. Грозный отвечает: „Нехай сам придет, я с ним погутаю“. Приходит до царя Ермак. Грозный спрашивает: „Не убоился?“ — „Нет“, — говорит Ермак. — „Что буди с тобой, разбойник, делать?“ — „Принимай, государь, на службу“. — „А победа будет?“ — „Победа за нами“. Царь пытается: „А чем ты гарантируешь?“ — „Я порох выдумал. Сделаем подкоп, взорвем стены и город возьмем“. — „А не брешешь, разбойник?“ — „Правду говорю, государь!“ — „Покажи, как это будет“, — говорит царь. У Ермака с собой был мешочек с порохом. Пошел он с царем на черный двор, там стояла груба. Ермак заложил мешочек с порохом, замазал грубу глиной, поджег шнур. Порох вспыхнул, да как ахнул, груба взлетела и рассыпалась. — „Так мы и стены Казани развалим“, — сказал Ермак. — „Ладно, действуй“, — говорит ему Грозный. Повел свою ватагу Ермак под Казань. Казаки прорыли подкоп, наклали в мешки зелья, зажгли шнур и свечи. В руках царя свечка догорела, а взрыва нет. Царь и говорит: „Набрехал разбойник. Повесить его“. А в это время раздался взрыв, стена развалилась, войско бросилось в город. Царь казанский с женой убежали из города, а дочь царя ихнего замешкалась. Ермак взял ее в плен и на Дон прислал. От нее род Татариновых идет. Мои предки тоже из татар. Девичья моя фамилия Бестержиева».¹¹

Не только здесь, но и в ряде других повествований на эту тему отразилось убеждение, что подкоп осуществил не инженер-немец, а казаки, которые действительно участвовали в осаде города. То же стремление подчеркнуть значение казачьего войска и его атамана отразили эпизоды преданий о том, как царь не мог справиться с татарами без казаков.

«<...> В те времена царь вел войну с Казанским царством. Привел под Казань и Ермак своих казаков, а там царского войска видимо-не-

¹⁰ Записано 15 IX 1968 в станице Ново-Золотовской Ростовской обл. от П. Ф. Кирьянова, 1893 г. р.

¹¹ Записано 9 V 1958 г. в станице Константиновской Ростовской обл. от М. А. Богаевской, 1896 г. р. А. Ригельман сообщал предание о взятии Казани донскими казаками, в котором нет, однако, речи о Ермаке (см.: А. Ригельман. История о донских казаках. М., 1846, стр. 4—5). П. И. Якушкиным было записано содержащее сходные мотивы предание о Ермаке, но в этом предании о взятии Казани не говорится (см.: П. И. Якушкин. Сочинения. СПб., 1884, стр. 403). Б. С. Лащилин и В. Г. Головачев приводят в обработанном виде «сказ» топонимического характера, упоминающий взятие Казани Иваном Грозным, где казакам отведена роль его помощников (см.: Б. С. Лащилин, В. Г. Головачев. Донские сказы и сказки о Ермаке. Сталинград, 1947, стр. 7).

видимо. Сперва воеводы с боярами потешались: „Теперь нехай Казанский царь караулит свою рухлядь — Ермак со своею шайкою пожаловал“. Долго потешались, а у самих дело ни с места. Царь стал гневаться на воевод. Один умственный воевода докладывает: „Царь-государь, с Дону Ермак свою шайку разбойную привел, прикажи ему штурму учинить“. Царь призвал Ермака: „Возьмешь штурмом Казань — вины твои тебе отдаю, не возьмешь — гнев мой на тебе!“. Сделал Ермак под крепость подкоп, завалил его зельем и взорвал. Когда стена развалилась, пошел на штурм <...>.¹²

Донские «истории» о покорении казаками Астрахани не представляют развернутых повествований, каковы предания о взятии Казани. Это скорее хроникальные сообщения: «<...>потом Ермак ходил на Казань-город, взял его, пошел на Волгу до Астрахани. Город Астрахань тоже взял, царя татарского побил, а дочь его, дородницу, полонил <...>». ¹³ Другой пример: «<...> Взяли Казань <...>. Видит Ермак зло на казаков у бояр, собрал казаков и говорит им: „От терновника не жди винограда, от свиньи — оленя. Нам, братцы, на Дон итить надо“. Пошли. Побыли у себя на Дону — и обратно на Волгу. Дошли до Астрахани, взяли ее штурмом, царь астраханский бежал, дочь его взяли в плен, а татар всех побили <...>». ¹⁴ Может быть, нам просто не удалось зафиксировать интересных самостоятельных сюжетов на эту тему, но скорее всего причина в давнем предпочтении, оказываемом рассказчиками более значительному и более памяtnому событию. Казань в силу своей непосредственной близости к Русской земле представляла большую угрозу, борьба с Казанским ханством была особенно трудной и напряженной, а одержанная победа — особенно важной.

Большой интерес представляют собой и другие тематические циклы, в частности предания о Сибирском походе Ермака, которые в данном сообщении не рассматриваются.

В поэтическом сознании донцов Ермак — человек большого государственного ума, военных способностей, организаторского таланта. Он — самое популярное историческое лицо и самый поэтичный герой устной прозы на Дону. Причины этого, очевидно, не только в том, что, покорив Сибирь, Ермак полностью ликвидировал реальную угрозу для Русской земли со стороны сибирских татар. Более важно, по-видимому, другое обстоятельство: последующие атаманы Войска Донского не смогли оградить казачью волюницу от притязаний со стороны Москвы, поэтому именно Ермак на четыре столетия остался той идеальной личностью, с которой память народа связала свободолюбивые и патриотические устремления.

¹² Записано 14 V 1958 г. в станице Константиновской от С. А. Ларина, 1879 г. р.

¹³ Записано 7 VII 1957 г. от Е. Т. Евтюховой.

¹⁴ Записано 25 VIII 1967 г. на хуторе Мещеряковском Верхне-Донского р-на от К. С. Меркулова, 1903 г. р.

Л. Н. ГРИДНЕВА

НОВЫЕ ЗАПИСИ УРАЛЬСКИХ ПРЕДАНИЙ

Современные записи дореволюционных преданий Урала представляют существенный интерес для изучения их сюжетного состава, эволюции их социальной и эстетической сущности. Такие записи производятся в ряде мест. Настоящее сообщение основано на материалах, собранных студенческим фольклорным кружком Нижнетагильского педагогического института.¹ Записанные тексты достаточно разнообразны.² Есть фантастические предания — о кладах, сокровищах земли и их «хозяевах», о «нечистой силе», о неудачной любви героев и их таинственных превращениях (рассказы о Салиме и Даниле, о Таватуге, о дочерях Отортена, Раупе, Синильге и др.). Среди героических повествований наиболее жизненными оказываются сюжеты о Ермаке и о Пугачеве. В группе социально-бытовых преданий популярны рассказы об истории края, о быте рабочих золотых приисков, о Демидовых (о фальшивых деньгах Демидова, об игре его в карты с Екатериной II, о его самодурстве, о бунтах рабочих). Особую группу представляют повествования легендарного типа, сложенные в среде старообрядцев (о мощах Семена Праведного, о горе «Отец Павел», о чудесах в соборах и т. д.).

Среди собранных нами фольклорных материалов немало крестьянских (несмотря на то что все поселения были горнозаводские и все население края так или иначе участвовало в производстве). Традиционными для крестьянской аудитории являются сюжеты повествований о кладах. Из крестьянской среды вышли и рассказы о «нечистой силе»: об оборотнях, русалках, чертях, колдуньях, ведьмах, домовых, о святочных гаданьях, о чудесах на могиле и др. Предания этой группы представляли собой довольно значительный пласт на Урале.

Особенности социальной психологии (критическое отношение к условиям жизни и труда; ненависть к угнетателям, решительные действия против классовых врагов) неодинаково отразились в разных жанрах рабочего фольклора.³ Необходимо отметить, что даже фантастические повествования в современных записях тяготеют к воспроизведению

---

¹ Материалы эти хранятся в фольклорном архиве Нижнетагильского пединститута.

² Автор использует классификацию преданий, предложенную ранее: Л. Гр ид не ва: 1) Жанровые признаки рабочего сказа. — В кн.: Проблемы мастерства в изучении и преподавании художественной литературы. М., 1967, стр. 30; 2) Жанровые различия рабочих сказов. — Тезисы докладов XI научно-теоретической конференции, ч. I. М., 1968, стр. 38.

³ Наша фольклористика уже располагает рядом интересных исследований комплекса явлений, объединяемых понятием «рабочий фольклор», — см. статьи О. Б. Алексеевой «К вопросу о понятии „рабочий фольклор“», С. Н. Азбелева «О жанровом составе прозаического фольклора русских рабочих», А. И. Лазарева «Сказы рабочих

социальных противоречий и столкновений буржуазного общества. Так, в рассказе о Саламандре персонаж фантастических преданий Салима превращается в золотую ящерницу-саламандру с целью помочь мужу Даниле добыть хорошую руду.⁴ Но традиционный конфликт осложняется здесь классовым содержанием — вводится фигура морально нечистоплотного приказчика по прозвищу Прыщ. Его действия в центре изображения: он заточает Данилу в тюрьму, преследует Салиму, поджигает ее дом.

Поэтичны и обаятельны предания о вечной и неумирающей любви. Погибшие в неравной борьбе с врагами могучий богатырь Таватуй и его невеста красавица Нейва не разлучились после смерти. Таватуй превратился в озеро, «и река она из его течет — Нейва. Сколь уже веков, а они все вместе, и мне смерть придет, а они не расстанутся, не иссохнут их любовь».⁵ Символом благородства и верности становится красавица Синильга, которая в поисках своего возлюбленного Василия ходит по тайге, «у каждого костра останавливается, каждому охотнику в лицо заглядывает. И по сей день ищет красавица Синильга судьбу свою <...> Счастье тем, кто увидит Синильгу, голубую красавицу тайги». Однако герои рассказа не только во власти чувства, они находятся в тисках грубой, властной силы денег. Отец продал Синильгу более обеспеченному, чем Василий, человеку за сто оленей; на стороне сильных мира оказывается и стихия: злой ветер Северян унес девушку в тайгу, а Василия обратил в камень.⁶

В фантастических рассказах о «хозяевах» сокровищ гор и лесов отражались и мечты о лучшей доле, о богатстве. В одной из новых записей — змей, во власти которого находится золото земли, часто под видом старичка приходит к добрым и бескорыстным людям и показывает золотую жилку или клад.⁷ Данила при помощи Саламандры легко вырабатывает норму, охотник, направляемый Синильгой, убивает много соболей. Но нередко в преданиях воздействие демонологического персонажа на человека оказывается губительным. Таинственные существа симпатизируют и помогают бедным людям, но богатых, злых и жадных наказывают. Большинство преданий поэтизируют высокое нравственное начало в человеке.⁸

В героических рассказах⁹ также присутствует известная доля условного изображения действительности (гиперболически-фантастическое заострение отдельных качеств, идеализация героев). Например, в преданиях о Пугачеве он предстает как идеальная личность, сочетающая духовное богатство и внешнюю привлекательность. В этих преданиях нет картин

и литературные сказки о рабочих» в сборнике «Устная поэзия рабочих России» (М.—Л., 1965), М. Г. Китайника «Устное поэтическое творчество рабочих» в книге «Русское народное поэтическое творчество» (М., 1969).

⁴ Записан студенткой В. Палаумовой от бывшей работницы Демидовского завода в г. Невьянске О. П. Ивановой.

⁵ Предание о Таватуге записано студенткой Т. И. Кудрявцевой в поселке Таватуй от А. Г. Шишкова, 91 года.

⁶ Рассказ записан студенткой Л. М. Борейко в поселке Пелюхи от В. М. Семёнова, 76 лет.

⁷ Предание записано студенткой Г. Галамшиной в пос. Червоисточинск от Т. И. Промышленникова, 71 года.

⁸ Более подробно об этом см.: Л. Н. Гриднева. Фантастические сказки рабочих Урала. — УЗ Моск. гос. заочного пед. инст., вып. 20, М., 1968, стр. 25—43.

⁹ Имеются в виду предания о «благородных» разбойниках, о землепроходцах, вождях повстанческих движений; см. об этом: Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступит. статья А. Н. Лозановой. М.—Л., «Academia», 1935; В. П. Кругляшова. Уральские предания о восстании Пугачева. — УЗ Уральского гос. ун-ва, вып. 28, филологический. Свердловск, 1959; К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967; Л. Н. Гриднева. Сюжеты преданий о Ермаке. — Сборник студенческих работ, вып. V. Вологда, 1967.

будничной жизни Пугачева и его окружения — описываются подвиги, по-настоящему только человеку выдающиеся, незаурядному. Сильный, мужественный и опытный военачальник Пугачев, народный заступник и мститель, осуществляет справедливое возмездие.¹⁰

В пяти вариантах записано предание о Ежовой горе. Ранний вариант приурочивает действие к эпохе Екатерины II. Мастер-богатырь Верхнетагильского завода Никита по прозвищу Еж убил приказчика, а потом, скрывшись в лесу, обнаружил богатые залежи меди. Благодаря открытию месторождения меди ему удастся помочь рабочим в получении вольной.¹¹ В более позднем варианте Ежов выступает борцом против царской власти. В предании о горé «Семь братьев» в роли благородных разбойников выступает не один, а целая группа рабочих, борющихся против управляющего Демидовским заводом в городе Невьянске. Они разгромили его дом, проникли в тайники, разобрали деньги и драгоценности. Семь сыновей управляющего от страха и недоумения окаменели.¹²

Интересная группа преданий связана с именами промышленников. В современных фольклорных публикациях они представлены скупо, поэтому новые записи, сопоставленные с рядом косвенных источников, представляют особую ценность. Так, П. Вологдин в очерке о знатных заводчиках Урала рассказывает, что Алексей Турчанинов сначала был устюжским извозчиком Алексеем Федоровым, потом соляным вахтером, затем приказчиком на соляных варницах Михаила Турчанинова в Соликамске. После смерти предпринимателя его дочь Федосья вступила в брак с Федоровым и передала ему все производство, в том числе и Талицкий медный завод, основанный в 1730 г. Впоследствии он не только управлял уральскими заводами, бывшими у него в аренде, но при сдаче арендного имущества в казну (около 1765 г.) с помощью графа Шувалова устроил дело так, что Сысертские заводы и Гумешевский рудник остались за ним навсегда. Известный магнат русской промышленности Савва Собакин (Яковлев) начал с торговли телятиной и своим голосом понравился императрице Елизавете Петровне, когда кричал: «Све-жа-я те-ля-ти-на!». Попав в поставщики припасов для кухни императрицы, он после одного из праздников дал ложные сведения об «израсходованном» в петербургских кабаках вине (во всех столичных складах не набралось бы столько). Это, однако, не помешало ему сделаться впоследствии крупным заводчиком. Вариант обоих этих рассказов сообщил и Н. Колюпанов.¹³ Записанный им же на Невьянском заводе рассказ говорит о том, что биографии уральских заводчиков занимали рабочих, и пусть не всегда говорилось о заслугах промышленников (как это имеет место в ранних преданиях о Демидовых), тем не менее подчеркивалось демократическое их происхождение. Развившиеся впоследствии типические черты характера уральского промышленника воплощаются в конкретных образах преданий о них. Никита Демидов выделяется мастерством, граничащим с ис-

¹⁰ Предание об осаде Катав-Ивановского завода Пугачевым записано студенткой Г. Литневской в г. Нижнем-Тагиле от В. С. Ошаркова, 68 лет; см. также: И. А. Добротворский. Пугачев на Каме. — Исторический вестник, т. XVIII, СПб., 1884, № 12; В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953; Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

¹¹ Записано студенткой Т. И. Кудрявцевой в пос. Левиха от В. И. Остаточникова, 18 лет.

¹² Предание записано студенткой Н. А. Митягиной в г. Свердловске от А. П. Крошхиной, 39 лет.

¹³ Пермские губернские ведомости, 1877, № 86; Н. Колюпанов. Колонизация Пермской губернии и распространение горного промысла. Беседа, 1871, № 12, стр. 201, 217.

кусством, Прокофий Демидов — самодурством,¹⁴ Анатолий Демидов — глупостью¹⁵ и т. д. Конкретизация образов была свойственна социально-бытовым преданиям.

Героем наиболее древних рассказов о промышленниках Демидовых был их родоначальник Демид Антуфьев. Он работал в Туле вместе с сыном Никитой Демидовичем, кузнецом при оружейном заводе, и отличался большим искусством в деле изготовления оружия. Думается, что о нем в свое время складывались рассказы и предания, которые легли в основу жизнеописаний представителей демидовской фамилии. Прямые указания на их существование мы находим в работах Г. Спасского, С. Н. Шубинского и др.¹⁶ В них передан рассказ о мастерстве Никиты Демидовича, сумевшего не только починить сломавшийся у Петра I пистолет зарубежного мастера, но и сделать такой же. К группе подобных сюжетов относится и вариант, записанный экспедицией преподавателей и студентов Уральского университета. В этом предании следствием мастерства Демидова явилось покровительство царя: по велению Петра I был расширен завод, затем подарены земли в Сибири, построены заводы, открыты серебряные рудники на Алтае, медные в Колывани и т. д. В дальнейших рассказах говорится о баснословном росте богатства Демидова. Постепенно образы пионеров горного дела вытесняются образами богатеев, антипатичных рабочим людям.

Уже в XVIII в. бытовали рассказы о самодурстве Демидова.¹⁷ Тема эта отразилась и в рассказах, сохранившихся донныне. Так, известно, что памятник роду Демидовых в городе Нижнем Тагиле призван был увековечить деятельность Демидовых, считавших себя спасителями России: на высоком постаменте возвышалась огромная фигура Николая Никитича Демидова, который протягивал руку склонившейся перед ним коронованной женщине. Рабочие же в своих рассказах истолковали этот монумент совсем иначе: перед Демидовым на коленях стоит служанка, и он наказывает ее.¹⁸ Постоянный мотив преданий — безнаказанность действий представителей богатейшей семьи на Урале. До сих пор рассказывают, что в подвалах Невьянской башни Демидов утопил много крепостных рабочих, которые делали для него деньги.¹⁹ Рабочих никогда не выпускали из башни, чтобы они не разнесли тайну Демидова.²⁰ Рассказывают, что Екатерина II простила одному из Демидовых незаконную чеканку монет — после того, как он подарил ей еще «теплые деньги».²¹ Предания повествуют о баснословном богатстве Демидова: «Де-

¹⁴ С преданиями о самодурстве Демидовых переключается письмо Прокофия Демидова от 1788 г., см.: Отечественные записки, 1874, № 2, стр. 166.

¹⁵ В. П. Бирюков. Урал в его живом слове, стр. 92.

¹⁶ Г. Спасский. Жизнеописание А. Н. Демидова. СПб., 1877, стр. 56; С. Н. Шубинский. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1893, стр. 206; Русские люди. СПб.—М., 1866, стр. 2—3; см. также: Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз—И. А. Эфрон, т. XIX. СПб., 1893, стр. 363.

¹⁷ См., например: В. П. Бирюков: 1) Демидовщина в устном народном творчестве. — Ревдинский рабочий, 1941, 25 апреля; 2) Урал в его живом слове, стр. 88.

¹⁸ Предание записано студентом А. С. Смирновым в селе Горбуново от С. Д. Новожилова, 65 лет. Варианты: В. П. Бирюков. Демидовщина в устном народном творчестве; Е. Янишевский. Поездка на реку Чусовую. — Календарь Пермской губернии на 1887 г. Составили Рума и Прозоровский. Пермь, 1886, стр. 3.

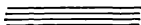
¹⁹ Записано студенткой Г. Г. Кукарцевой в г. Невьянске от С. Н. Кукарцевой. 56 лет.

²⁰ Записано там же. Варианты: В. П. Бирюков. Демидовщина в устном народном творчестве; Е. Янишевский. Поездка на реку Чусовую, стр. 5.

²¹ Записано студенткой Г. Г. Кукарцевой в г. Невьянске от С. Н. Кукарцевой. 56 лет.

нег у него было столько, что не знал, куда их девать. Напивался часто до безумства. И приказывал варить в котелке уху из денег. Сварит, значит, и едет на своих лошадях по улице, ничего не разбирая, всегда кого-нибудь задавит».²² Народ уже не придает особого значения тому, о ком из Демидовых идет речь. Одного имени достаточно, чтобы вызвать определенные представления и настроения.

Дореволюционные предания Урала — чрезвычайно интересное и сложное явление. В них отразился и конкретный процесс зарождения и формирования рабочего класса на Урале, и общие закономерности общественного развития. Первоначально тематика несказочных повествований рабочих людей совпадает с тематикой крестьянских рассказов: это предания о древних обитателях Урала, названных чужью, о кладах, о нечистой силе, о земных богатствах Урала и их «хозяевах», о героических делах Ермака, о Степане Разине. Позднее появляются рассказы о промышленниках, о тяжести труда рабочих, о рабочих-мстителях, о восстании Пугачева. В современных записях преданий как фантастического и героического, так и социально-бытового содержания значительно усилены социальные характеристики. Эта особенность в развитии рабочих преданий повлекла за собой влияние одних групп преданий на другие, а отчасти, может быть, и их нивелировку. В фантастических преданиях, например, появляется классовая расстановка действующих лиц, что раньше лишь слабо ощущалось как намек. Поэтому представляется важным изучение несказочной прозы рабочих Урала под углом зрения ее жанровой определенности.

---

²² Записано студенткой Н. Ю. Пискуновой в г. Нижнем Тагиле от Ю. В. Пискунова, 44 лет.

М. А. ЛОБАНОВ, В. В. МИТРОФАНОВА

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В МОШЕНСКОМ РАЙОНЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Планируя экспедицию в Мошенский район,¹ мы рассчитывали встретить край, столь же богатый старинным фольклором, сколь и места нашей прошлогодней экспедиции, Устрекский и Погорелковский сельсоветы Пестовского района, территориально граничащие с Мошенским районом.² Но наши надежды в какой-то своей части не оправдались. Если Устрекский сельсовет Мошенского района богат фольклором, то в Красной Горе и прилегающих деревнях народное творчество забывается, хора или небольших семейных коллективов нет. Значительно труднее, чем в Устреке, соглашаются петь. Но и в Устреке, по мнению самих исполнителей и слушателей, песенная традиция идет на убыль. Еще в тридцатые годы песни чаще можно было услышать в деревне, пели женщины, собравшись около домов в свободный вечер, пела молодежь свои песни. Ни один праздник не обходился без песен. Теперь поют редко даже в праздник, петь же без повода странно и стыдно. В этом одна из причин того, что записывать песни трудно, исполнители стесняются петь. Песни записывались от женщин в возрасте 50—80 лет. От отдельных исполнительниц и от коллективов.

Среди записанных лирических песен есть старинные, широко распространенные в данном районе: «Смиренная беседушка», «Ты не плачь-ка, душа Саша», «Шла Маша из лесочка», «Недозрелая калинушка», «Снежки белые, пушистые», «Заболит моя головушка» и т. д. Песни эти хорошо знают и любят петь. Не менее любимы и популярны песни городские и романсы, подобные «Уродилася я», «По Мурманской дорожке», «Зачем ты, безумная, губишь», «Раскрасавица Анета» и т. д. Среди записанных, таким образом, оказались песни разных исторических периодов, разных культур (городской и крестьянской), песни, продолжающие жить только в крестьянском быту, и песни, известные через концертную эстраду, обработки и т. д. Но им свойственны некоторые общие черты музыкального языка. В обследованных районах проявилась тенденция проецировать манеру исполнения протяжных песен на песни более позднего времени (например, песня «Кругом, кругом осиротела», записанная в Красной Горе). Причем в народном искусстве, где исполнительская и композиционная сторона связаны гораздо более тесно, чем в профессиональной музыке, именно манера исполнения вызывает впоследствии изменения в напеве.

---

¹ См. информацию об экспедиции на стр. 271 настоящего тома.

² См. отчет об экспедиции 1968 г.: Из истории народной поэзии. (РФ, т. XII). М.—Л., 1970, стр. 266—268.

Для всех песен, указанных выше, характерно превращение из двух четверостиший в начале текста в три, одного четверостишия в середине текста — в два, введение дополнительных распевочных слогов. Так, в тексте наблюдается тенденция сгладить рубеж между строфами. Эта же черта проявляется в музыкальном материале следующим образом: наиболее индивидуализированные для данного напева интонации лежат в его центральной части, начинающейся там, где к партии солистки подключается хор. Музыкальный материал сольного запева и кадансовой части мелодии очень близки друг другу, а подчас идентичны. Развитое многоголосие не встречается в лирических песнях обследованного района. Преобладает двухголосие. Голоса расходятся в терцию. Очень интересны лирические песни в исполнении хора деревни Овинец. Постепенное включение исполнительниц в хор знаменуется появлением выпукло звучащих подголосков, хотя почти и не отличающихся по рисунку мелодии от ведущей партии. Любопытна запись песни «Я вечер дружка милого унимала ночевать». В конце каждого куплета слышно едва заметное, но по мере течения песни все более усиливающееся восклицание. Указанные черты — свидетельства того, что в Мошенском районе еще живы остатки архаического манеры пения. Ныне с этой традицией удалось встретиться только в Овинеце.

О том, какое большое значение имеет наличие определенной творческой обстановки для поддержания традиции многоголосного пения, свидетельствует сравнение записей хора Мошенского дома культуры со всеми прочими ансамблями района. В основе репертуара хора, существующего более трех десятков лет, — традиционные для Мошенского района песни «Ваня в Питере родился», «Шла-то Маша из лесочка», «Шел-то мой миленький дорожкой» и др. Одна из старейших участниц хора, Никитина Ольга Осиповна, рассказывала об условиях и методе работы хора. Певицы разучивают песню по партиям. Поскольку нот ни одна из участниц хора не знает, это разучивание происходит с голоса и во многом определяется тем, насколько развитую вторую партию знают или могут симпривизировать наиболее опытные участницы хора (хор практически существует без художественного руководителя, приглашаемого со стороны). Когда берется новая песня, то хористки должны приходить на репетицию, предварительно выучив текст, чтобы посвятить себя полностью освоению музыкальной части. На первой репетиции из новой песни разучивается не более двух куплетов, а дальше уже при твердом знании своей партии не представляет большого труда распеть и остальную часть текста. Такой метод работы, к сожалению, устраняет стихийно-импровизационное начало, придающее большое обаяние исполнению этих же песен в чисто «фольклорных» условиях, но зато, не говоря уже об обогащении напева, придает большую осмысленность пению, что, конечно, тоже имеет свои достоинства. Работа над двухголосием проводится в хоре, очевидно, при большом внимании к мелодической горизонтали, чем к гармонической вертикали. Показательно, что в песне «Маврина», где каждый голос обладает мелодической законченностью, сочетание их дает движение параллельными квинтами, не свойственное остальным песням района. Надуманность этого приема не смущает исполнительниц. Возможно, что прежде хор делился на три партии, и эти пустые звучания образовались оттого, что отсутствовали исполнительницы третьей партии. Изучение работы хора поселка Мошенское может быть очень полезно при исследовании вопроса: «фольклор в художественной самодеятельности».

Касаясь бытования современных советских песен в обследованном нами районе, укажем на такой факт: одна из наиболее музыкально ода-

ренных исполнительниц не могла верно воспроизвести известнейшие песни именно в те моменты, когда выявлялись яркие признаки гармонического минора, лада, не свойственного песням Мошенского района. Певица не могла интонировать движение по звукам доминантсептаккорда («Тонкая рябина»), вводного септаккорда в той же песне, тетрахорда мелодического минора («Подмосковные вечера»), хода к гармоническому вводному тону («Что было, то было»), заменяя всякий раз гармонический минор натуральным. Эти факты говорят о силе традиции крестьянской лирики в музыкальном сознании пожилых жительниц Мошенского района.

Здесь довольно давно появились гармони, поэтому плясовые песни оказались не нужны, их забыли. Плясали обычно под гармонь, сопровождая пляску пением частушек. Такие быстрые частушки местные жители называют «коротенькие плясовые песни», «вертушки» в отличие от долгих плясовых песен. Долгих плясовых песен мы записали немного, они, редко употребляясь в практике, постепенно забываются. Забыты и игровые песни. Только беседные игровые припевки хорошо помнятся, хотя считаются чем-то несерьезным, недостойным внимания. Игры на беседах обычно начинались под песни «Два-то молодца гуляли» и «Со вьюном я хожу», а потом включались разные припевки, в которых парню припевали девушку. Таких припевок знали много, так как нужно было спеть каждой присутствующей паре. Чаще всего они шуточные, задорные и веселые. Для напевов их характерны малообъемные лады, постепенное нисходящее движение мелодии, полное подчинение музыкального ритма поэтическому. Такие песни по преимуществу сольные или унисонные.

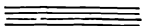
Интересным музыкальным жанром, обнаруженным в Мошенском районе, является ауканье («отгулье», «уканье»). Ауканья эти — небольшие мелодии, исполняемые певицей в высоком фальцетном регистре. Само восклицание «ау» присутствует в конце такой мелодии, где музыкальное интонирование переходит во вскрик. По-видимому, раньше такие ауканья служили паролем, по которому жительницы одной деревни узнавали в лесу своих односельчанок.

Обрядовый фольклор почти полностью забыт, кроме свадебного. Записаны описания празднования масленицы (без песен), святочных гаданий с приговорами и подблюдными песнями, обычая проводов «дударя», святочных ряжений. Наиболее полно воспроизводится, хорошо помнится свадебный обряд. Детали обряда в разных сельсоветах района разные, могут быть особенности и в деревнях. Сделаны описания обряда, записаны свадебные причитания, приговоры дружек и других участников свадебной игры. Величальных свадебных песен здесь знают мало, они и не были распространены. Исполняли «Князь у нас хорошенький», «Свашенька отецка дочь», величали дружку, но величальных гостям не было. Богат песнями был предвечерний период: песни в вечерину невесте, перед отправлением за невестой, когда невеста в сани садилась, когда встречали молодых и т. д. Песен такого приурочения было много. Причем песни Устреки не повторяются в Красной Горе. Даже отдельные деревни имеют свои особые песни. Только «Как при вечере, вечере» и «Ты река ли моя, реченька» записаны в Устрекском сельсовете и в Красной Горе, но по напевам они различны.

Напевы свадебных песен менее, чем лирических, подвержены миграции по району. Если лирические песни могут исполняться совместно женщинами, собравшимися из разных деревень, то свадебный репертуар могут исполнять лишь уроженки одной деревни. Варианты напевов свадебных песен разных деревень района имеют меньше точек соприкосновения, чем варианты лирических песен. Свадебные песни настолько привязаны

к определенной местности, что возможно выделить в исследованном районе два стилиевых типа их и установить границы распространения каждого, конечно весьма приблизительно. Манера интонирования свадебных песен в Устрекском сельсовете более спокойна, плавна, напевы этих песен сравнительно просты, их распев тесно связан с просодией. Песни же Красногорского сельсовета отличает бóльшая эмоциональная напряженность, здесь ощутимее связь с плачевой интонацией.³ Наряду с распевом просодийным здесь присутствует и распев орнаментальный, придающий им взволнованность. Лады большинства свадебных песен, записанных в Мошенском районе, можно расположить на шестизвучной диатонической шкале с минорным тетраордом в центре. Лад одних песен — это минорный тетраорд с вводным тоном внизу, коррелирующим тонику и третью ступень. Другой лад — минорный пентаорд, где пятый звук не образует возможности для ходов по звукам трезвучия в мелодии. Многие песни основаны на четырехзвучных ладах, являющихся сокращенными вариантами пятиступенных ладов.

Плохо представлены в записях Мошенского района сказки и детский фольклор. Сказки здесь давно стали редким жанром. Их рассказывают детям, и редкая бабушка согласится вспомнить, что она рассказывала когда-то. Всего записано 9 очень кратких, искаженных сказок (четыре от детей и пять от старушек) и четыре ритмических рассказа. Сказочников с большим репертуаром, известных в округе, нет. Только о А. Ф. Голубевой из деревни Крутец можно говорить как о незаурядной рассказчице. Но репертуар ее небогат: сказка про кота, лису, медведя и волка; про старуху, менявшую отопочек на курочку; четыре ритмических рассказа, которые она говорит, напевая. Из детского фольклора записаны байки, считалки, загадки, описания игр.

---

³ Наше предположение о границах распространения свадебных песен двух типов по Мошенскому району подтверждается записями, сделанными от лиц, проживающих или родившихся за пределами обследованных сельсоветов.

Э. И. ВЛАСОВА, В. В. КОРГУЗАЛОВ

УСТНЫЙ РЕПЕРТУАР И ИСПОЛНИТЕЛИ ХВОЙНИНСКОГО РАЙОНА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Хвойнинский район представляет северо-восточную часть бывшего Боровичского уезда. До 1930-х годов он назывался Минецким (районный центр — с. Минцы). В 1930-х годах, в связи со строительством железнодорожной станции Хвойная, вырос и поселок того же наименования, куда был перенесен центр района. Преобладающее занятие населения — сельское хозяйство. Имеются лесоразработки и небольшие деревообрабатывающие предприятия, консервный завод. До революции значительная часть населения уходила на заработки в город. В поэтической культуре людей пожилого и преклонного возраста, с которыми преимущественно приходилось работать участникам экспедиции,¹ наблюдаются следы двух влияний: местных фольклорных традиций и городской среды.

В памяти населения сравнительно хорошо сохранились свадебные и «беседные» песни. Почти исчезли из памяти хороводные и игровые. Среди «беседных» преобладают короткие песни припевочного типа, которые, как правило, сопровождаются в конце поцелуем. Для свадебного песенного цикла характерна ритуальная дифференциация мелодических формул. Основная, смешанного метра формула (медленный напев) как бы определяет в обряде действие. Две-три подвижные припевочные формулы величаний обычно двухдольны. Свадебные и похоронные причитания по мелодике не различаются.

Сюжеты лирических протяжных песен немногочисленны. Из семнадцати сюжетов, хорошо известных по записям XIX и начала XX в. («Ваня в Питере родился», «Прощай, жизнь, радость моя», «Я сегодня, млада, глупо сделала», «Шла Машенька из лесочку», «Недозрелая калинушка», «Я вечер дружка милого унимала ночевать», «Смиренная беседушка», «Все люди живут, как цветы цветут» и др.), три сюжета по типу — баллады, один довольно редкий — «Не по полюшку лебедушка белая-то летала» (вариант этой песни имеется в собрании П. В. Киреевского). Лирические протяжные песни по мелодическому стилю довольно однородны. Напев организует текст в трехстишные строфы, где, зачинный стих повторяет концовочный. Некоторые исключения указывают на генетическую связь отдельных песен с другими жанрами: хороводной («Глупая девушка»), романсом («Все люди живут») и т. д. Протяжная песня имеет два местных термина: с разрывами слов — «теговая», без разрывов слов — «доловая». К последней относят часто романсы и песни литературного происхождения.

---

¹ См. информацию об экспедиции на стр. 271 настоящего тома.

Во многих деревнях популярны песни на стихи русских поэтов: «Узник» (по А. С. Пушкину), «Посмотри, в избе мерцает» (по А. А. Майкову), «Ухарь-купец» (по И. С. Никитину), «Комаринский мужик» (по Л. Н. Трефолеву), «В саду над рекой жила фея» (по А. М. Горькому) и др. Эти песни в сознании исполнителей не отделяются от лирических протяжных, их бытовая функция одинакова. При проводах в армию исполняют «Во солдаты Ваню мать провожала» (переделка стихотворения Д. Бедного) и «Последний нынешний денечек». Песен с исторической тематикой не встретилось. Из солдатских популярны «На взморье мы стояли», «Из-за рощи, рощи той вышла ротушка солдат», также известные по записям с XIX в. Значительную часть репертуара составляют городской романс и переделки песен литературного происхождения («Мальвина», «Саша, друг неоцененный», «У церкви стояли кареты», «Чудный месяц», «Ах, зачем эта ночь», «У серебряной реки на златом песочке», «Бывали дни веселые» и др.).

В некоторых деревнях сохранились едва заметные следы календарно-обрядовой поэзии. Обнаружены подблюдные песни в хорошей сохранности (Наротово, Жилой Бор). Пожилые женщины помнят по девять-одиннадцать подблюдных текстов с разными припевами. В Жилом Бору они начинаются традиционной запевкой «Растворю я квашоночку на донышке» и зовутся по припеву «лады»:

Кому поем, тому с добром, лады!
Тому сбудется, не минуется, лады!

В Наротове припев — «слава!»:

Зовет кот кочурочку в печурочку спать, слава!
В печурочке кочурочке тепло и хорошо, слава!

По мелодике календарные песни (рождественские, святочные, маслянные) представляют закливательные формулы колядок, подблюдных и бранных масляничных припевок. Заметную роль в них играют терцовые и терцовые в кварте ладовые образования, интонации квартовых возгласов. Особую уникальную форму представляет песня «Похороны дударя», относящаяся к зимнему календарному циклу. Когда-то дударя изображали в виде чучела и считалось, что он рождается в святки, а в конце святок его хоронили с песней, которую хорошо помнят в деревнях Теребут, Шестерня, Комарово:

Ох-ти, дударь, ой, да не можот,
Живет долго, да не ўмрет.
Ох, дари-подари во сырую землю!
Птицы, вы птицы,
Совейте вы гнезда!
Я — за вьюного,
За молодого,
За холостого!

Начало песни напоминает мелодическую формулу хоровой причети, распространенной на Мезени. Затем напев сокращается, и остается лишь краткая закливательная формула.

Частушки, по выражению исполнителей, «потерялись». Количество их, записанное нами, не превышает количества записанных песен, что свидетельствует о постепенном их исчезновении из репертуара певцов.

Из произведений народной прозы преобладают рассказы — воспоминания о прошлом. Сохранились значительные следы сказочной традиции.

Почти в каждой деревне помнят замечательных сказочников: В Наротове рассказывают про Соломошу, который мог целый месяц рассказывать сказки, не повторяя не только ни одного сюжета (это само собой), но и ни одного эпизода. Многие его сказки продолжались по нескольку часов. Иногда одной хватало на целый вечер. В Ванёво вспоминают сказочника Ивана Сыроежку, который рассказывал сказки возчикам: «Заведет, — дак верст двадцать пройдем, — такие долгие знал», — говорил нам П. П. Прокофьев. Сказочница А. Г. Гаврилова живет в д. Першутино. Она помнит, по ее словам, около 30 сказок (записано от нее девять). В местной сказочной традиции, как и в песенном фольклоре, заметно книжное влияние: встречаются мотивы сказок А. С. Пушкина, мотивы восточных сказок (Рустем и Зораб), интересен самобытный вариант сказки, в основе которой тот же сюжет, что и в «Золушке» Ш. Перро.

Почти в каждой деревне есть знатоки заговоров и поверий. «Универсальные» знатоки всех видов заговоров нам не встретились, они в районе редки, имена их знают наперечет. В умении владеть заговорами наблюдается известная «специализация»: одни знают заговоры от укусов змей и других «гадов» (называется «заговор от гада»), другие — от зубной боли и ломоты, третьи умеют останавливать кровь, четвертые отговаривают от «уроков и прикосов» и т. д. Вера в силу заговора и средства народной медицины сохранилась в среде старшего поколения.

Во многих деревнях рассказывают легенды об отшельнике Марке Новгородском, связывая его имя с жальниками (старинные кладбища), источниками, урочищами. Центром этих легенд является д. Миголощи, где, по преданию, существовала часовня, построенная самим Марком. Его имя связывают также с нашествием литовцев. Марк помогал населению укрыться от нашествия врагов в непроходимых болотах, среди которых ему были хорошо известны удобные для жизни островки суши. У П. А. Бойцова, жителя д. Миголощи, сохранилась картина, написанная на холсте маслом неизвестным, по-видимому, местным художником Н. Алексеевым. Отшельник Марк изображен сидящим недалеко от часовни, в тени густых сосен. Вдали видна колокольня д. Миголощи, разрушенная в 1930-е годы.

Музыкально-инструментальная культура района представляет особый интерес. Гусли, балайки, бубен, свирель, рожок, распространенные во многих деревнях до Великой Отечественной войны, являются древнейшими традиционными инструментами. В основном это принадлежности посиделок и гуляний, сравнительно недавно еще конкурировавшие с гармонью («балаговкой», «миноркой», «хромкой», «двухрядкой» и т. д.).

Гусляры были во многих деревнях до 1950-х годов. Репертуар гусляра не ограничивался плясовой музыкой и частушками. Гусляр из д. Ямница пел под свой аккомпанемент любые песни, в том числе и церковные песнопения. На станции Хвойная много лет играла в обычной столовой на 25-струнных гуслях и пела под свой аккомпанемент народные песни гуслярша, переехавшая впоследствии в Чагоду. Есть гусляр в железнодорожном поселке Песь, но его гусли оказались в состоянии, непригодном для игры (порваны струны, потеряны колки). Умеют играть на гуслях в д. Терebut, но гусли не сохранились ни у кого. Обычно рассказывают, что гусли «ребятишки разобрали» или что «ребятишки колки повыдергали», а «доску сожгли». В д. Жилой Бор гусли оказались целы, но гусляра не нашлось. Они были подарены одному из участников экспедиции. В д. Ямница гусляр оказался тяжело болен, он не смог заняться настраиванием гусель, но показал их строй.

Балалайке в районе повезло больше. Хороший балалаечник Филиппов М. А., 58 лет, встретился в Жилом Бору. Исключительно интересна игра 83-летней балалаечницы из д. Ямское Мольдовой П. А. по мелодике, живости исполнения и оригинальной манере держать инструмент грифом от себя.

Блестящий мастер игры на бубне, 72-летний Прокофьев П. П. из д. Ванеево, вместе с молодым, очень хорошим гармонистом В. А. Кузнецовым, 35 лет, показал чудеса ритмических и тембровых возможностей своего инструмента. Он неоднократно выступал на смотрах районной и областной самодеятельности, имеет несколько похвальных грамот и премировался неоднократно. Древность традиции и распространенность игры на бубне подтверждаются рассказами жителей многих деревень.

Рожки берестяные на черемховой или ивняной свирельной основе с тремя отверстиями до сих пор распространены среди пастухов Хвойнинского района. Ими дается сигнал на выгон и загон стада (сигнал записан на магнитофон в деревнях Гусево и Боровское). Исключительный мастер игры на черемховой свирели с шестью отверстиями Федоров В. Ф., 82 лет (широко известен в районе под прозвищем Васи-Рожка), живет в пос. Песь. Бывший пастух, затем плотник, бондарь, столяр, он с детства учился у пастухов искусству игры на свирели и достиг виртуозной техники исполнения. Он аккомпанирует при пении частушек, играет под пляску, исполняет на рожке лирические песни, романсы, имитирует причитания невесты. Жители д. Ерзовка называли двух мастеров игры на рожке в ближайших от них деревнях, но встретиться с ними участникам экспедиции не удалось.

Хвойнинский район оказался в значительной степени интересным по своей устнопоэтической и музыкально-инструментальной культуре; материалы, собранные участниками экспедиции, разнообразны. Остается лишь пожалеть, что район не был объектом исследования несколько раньше, когда были живы мастера — сказочники, гусяры, известные певцы, о которых и теперь вспоминают жители района.

PERSONALIA

Т. М. АКИМОВА

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Профессору Татьяне Михайловне Акимовой, известному ученому и педагогу, исполнилось 70 лет. Вся ее продолжительная научная и педагогическая деятельность связана с Саратовом, сначала — с Областным музеем краеведения, затем — с Саратовским университетом. В 1918 г. она отлично закончила Саратовскую женскую гимназию. С этого времени, т. е. с двадцати лет, и началась ее трудовая деятельность, интенсивность которой не затухает на протяжении пятидесяти лет. Ею написано более 60 книг, статей, рецензий.

В Саратовском университете Т. М. Акимова училась по 1924 г., совмещая учебу (в вечернее время) с работой в Этнографическом музее Саратовского края, где она была сначала сотрудником, потом — старшим научным сотрудником, а затем — заведующей отделом феодализма, когда музей стал краеведческим. Т. М. Акимова вступила в науку с серией статей этнографического характера о бытовом укладе и духовной культуре саратовских чуваш. Уже эти работы обнаружили такие свойства исследовательского почерка Т. К. Акимовой, как широта постановки проблем, основательность выводов, обоснованных большим фактическим материалом, методологическая зрелость. С самого начала деятельность Т. М. Акимовой как этнографа и фольклориста характеризуется сочетанием исследовательской работы с систематическим собирательством. Будучи сотрудником этнографического отдела музея, Т. М. Акимова собирала в деревнях и селах области украинские, русские, чувашские одежды, украшения, орудия труда и т. п. предметы материальной культуры и религиозного быта, а в русских селах вела записи сказок, песен и всех других жанров фольклора. Работа в музее, требовавшая соединения этнографических занятий с фольклорными, наложила на фольклористические исследования Т. М. Акимовой заметный отпечаток: за анализом художественной ткани поэтических произведений всегда чувствуется прекрасное знание народного быта в самом широком смысле этого слова. Начав собирательскую работу под руководством одного из крупнейших ученых и основателей советской науки о фольклоре — Б. М. Соколова, Т. М. Акимова затем возглавляла ее до конца 40-х годов. Систематическое собирание фольклора экспедициями Б. М. Соколова, А. П. Скафтымова и в особенности Т. М. Акимовой сохранило ценнейшие народнопоэтические памятники Поволжья. В результате их накоплен огромный текстовый материал, на основе которого возможны научные построения истории бытования традиционного фольклора в советскую эпоху.

Экспедиции 20—30-х годов дали Т. М. Акимовой материал для двух крупных книг саратовского фольклора, значение которых вышло за областные границы. В 1937 г. напечатаны «Сказки Саратовской области»

(в соавторстве с П. Д. Степановым), открывшие саратовский край как сказочный и ставшие одним из значительных сказочных собраний 30-х годов. В 1946 г. вышел составленный Т. М. Акимовой сборник «Фольклор Саратовской области» (под ред. А. П. Скафтымова), который включал тексты почти всех традиционных фольклорных жанров. Этот сборник был подведением итогов собирательской работы в Саратовском Поволжье за двадцать с лишним лет, а его материалы свидетельствовали о жизни традиционного фольклора в условиях социалистической действительности. Одна из публикаций была совершенно новой для русского фольклора — народная драма «Как француз Москву брал». Особое лицо сборнику придала попытка Т. М. Акимовой выявить специфику саратовского фольклора. В сборнике положено начало библиографии саратовского фольклора. И «Сказки Саратовской области», и «Фольклор Саратовской области» были оценены научной общественностью как значительные явления советской фольклористики, как образцы для подобного рода изданий. К подлинно научным изданиям, в значительной степени основанным на поволжских записях 40-х годов, относятся и такие подготовленные Т. М. Акимовой сборники, как «Сказы о Чапаеве» (Саратов, 1951) и «Сказы и песни о Чапаеве» (Саратов, 1957). Они до сих пор остаются самыми полными публикациями фольклорных материалов о народном герое, а статьи и комментарии к сборникам — первым всесторонним и глубоким исследованием этих материалов. Все эти издания саратовского фольклора не только вошли в науку, но получили признание самых широких читательских кругов и послужили делу популяризации фольклорных текстов, прошедших строгий отбор на подлинность и художественную значимость.

В 1941 г. по рекомендации акад. А. М. Панкратовой Т. М. Акимова перешла на работу в университет, и с этого времени не прекращается ее научная и педагогическая деятельность на филологическом факультете. В 1943 г., в бытность в Саратове Ленинградского университета, Т. М. Акимова, без прохождения аспирантуры, написала и защитила кандидатскую диссертацию «Русская народная драма», в которой впервые была проанализирована вновь найденная драма «Как француз Москву брал» в связи со старшей народной драмой, а также систематизирована история изучения этого жанра. Научные интересы Т. М. Акимовой с первых шагов в науке отмечены большой широтой. Еще учась в университете, она прошла через семинары профессоров Н. К. Пиксанова, А. П. Скафтымова, В. М. Жирмунского, Б. М. Соколова, П. Г. Любомирова. Благодаря разносторонней одаренности и редкой работоспособности Т. М. Акимова уже в юности овладела разнообразными литературными, фольклорными, этнографическими и историческими знаниями. Работы Т. М. Акимовой явились заметным вкладом и в изучение истории местного края. Будучи сотрудником музея краеведения, в связи с подготовкой и празднованием 300-летия Саратова, она в соавторстве с А. М. Ардабацкой приготовила книгу «Очерки истории Саратова» (1940). Это была первая книга по истории Саратова, сделанная на документальных источниках.

Научная деятельность Т. М. Акимовой отмечена острым чувством времени. Все труды Т. М. Акимовой идут в русле важнейших методологических и теоретических проблем, интересующих советскую фольклористику. Изучение жанра советских сказов, статьи о песнях гражданской войны и песнях Великой Отечественной войны, рецензентские отклики на многие крупные фольклорные труды — все это является важным вкладом в разработку истории и особенностей жанров советского фольклора. Т. М. Акимова не осталась в стороне от изучения получившей особенное развитие в советский период проблемы взаимодействия профессионального

и народного искусства. Ею написано исследование о народных основах песен М. Исаковского — одно из первых исследований творчества советского поэта в этом аспекте.

Однако у каждого большого ученого, как бы разносторонни ни были его интересы, всегда есть «избранные» проблемы, которым он особенно предан и которыми этот ученый занимается особенно пристально. Такой областью для Т. М. Акимовой является поэтика фольклорных жанров. Изучению ее Т. М. Акимова отдала много лет. Прежде всего — поэтике лирических песен. Исследование лирики она начала с монографического изучения одного из самых идейно значимых, художественно совершенных и спорных видов народной лирики — удалых песен. Т. М. Акимова обосновала их выделение в самостоятельный вид обозначением круга их сюжетов, проблем и образно-стилевых признаков в целом и в отдельных группах удалых песен. Углубленным анализом жанровых форм она подтверждает законность рассмотрения каждого вида традиционных необрядовых песен как идейно и художественно цельного и законченного явления народного поэтического искусства. Монографическое исследование Т. М. Акимовой «Русские удалые песни в устном бытовании и художественной литературе конца XVIII — первой половины XIX века» было защищено как докторская диссертация в 1964 г. в Институте Русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Вслед за защитой, в 1966 г., в издательстве Саратовского университета вышел ее труд о фольклорной поэтике — «О поэтической природе народной лирической песни», охватывающий единством проблемы разные виды народной лирики, обрядовой и необрядовой, мужской и женской, бытовой и социальной.

В научных интересах Т. М. Акимовой большое место занимают вопросы преподавания фольклора. Ее перу принадлежат статьи в учебниках и об учебниках по фольклору, несколько учебно-методических пособий, среди которых солидный труд — «Семинарий по народному поэтическому творчеству» (1959). Этот труд подвел итоги изучения фольклора за последние десятилетия. По широте исполнения он сделал бы честь целому научному коллективу. «Семинарий» отвечает высоким современным требованиям к высшей школе, с ее установкой на воспитание в студентах самостоятельности. Не случайно в печати он квалифицировался как вклад и в фольклористику, и в библиографию, и в методику. Как педагог Т. М. Акимова является продолжательницей лучших традиций русской и советской школы. Ее лекционные курсы, практические занятия строятся таким образом, чтобы приобщить студентов к новейшим и спорным проблемам науки, побудить их к размышлениям, спорам и творчеству. Слушатели спецкурсов, участники спецсеминаров Т. М. Акимовой включаются в ее научные разыскания. Активность научной и педагогической деятельности Т. М. Акимовой проявляется и в ее участии в различных зональных и союзных конференциях, выступлениях в качестве оппонента по диссертациям, консультациях аспирантов, лекциях в народных университетах культуры и т. п.

Облик Т. М. Акимовой как советского ученого характеризует высокая научная и гражданская принципиальность, подлинная человечность и отзывчивость.

В. К. Архангельская

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Т. М. АКИМОВОЙ В ОБЛАСТИ ФОЛЬКЛОРА

СОСТАВИЛА В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

- Фольклор хвалынских колхозов (1935 г.). — Изв. Саратовского Нижневолжского института краеведения им. Горького, 1936, т. VII, стр. 9—18.
- Фольклорный архив Саратовского краевого музея. — Советский фольклор, Сб. статей и материалов, № 2—3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 440—441.
- Сказки Саратовской области. Сб. составили Т. М. Акимова и П. Д. Степанов. Саратов, Обл. кн. изд-во, 1937, 211 стр.
- Рецензии: Лейтес Ю. — Коммунист, Саратов, 1937, № 106, 11 мая; Минц С. И. — Литературное обозрение, 1937, № 15, стр. 26—28; Андреев Н. П. — Советский фольклор, 1941, № 7, стр. 223.
- Саратовский сказочник Я. Г. Парфенов. — Литературный Саратов, альманах, кн. 5, 1940, стр. 270—278.
- Рецензия: Мартынов И. — Литературное обозрение, 1941, № 8.
- Фольклор Саратовской области, кн. 1. Составление и вступит. статья Т. М. Акимовой. Ред. А. П. Скафтымова. Саратов, Обл. кн. изд-во, 1946, 536 стр.
- Рецензии: Розанов И. Н. — Советская книга, 1947, № 6, стр. 105; Померанцева Э. — СЭ, 1947, № 3, стр. 173—174; Баскаков В. — Звезда, 1950, № 11, стр. 186.
- Волга в народной песенной поэзии. — Литературный Саратов, альманах, кн. 9, 1948, стр. 171—185.
- Народная драма в новых записях. — УЗ Саратовского гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, 1948, т. XX. Вып. филол., стр. 3—49.
- Песни Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны. — Литературный Саратов, альманах, кн. 10, 1949, стр. 209—231.
- Народные сказы о Чапаеве. — Литературный Саратов, альманах, кн. 12, 1950, стр. 167—177.
- Рецензия: Медведев А. — Коммунист, Саратов, 1950, 26 ноября.
- Сказы о Чапаеве. Составление, предисловие и комментарии Т. М. Акимовой. Саратов, ОГИЗ, 1951, 243 стр.
- Рецензия: Черников В. — Коммунист, Саратов, 1952, № 26, 31 января.
- Пушкин о народных лирических песнях. — УЗ Саратовского гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, 1953, т. XXXIII. Вып. филол., стр. 21—77.
- Народные основы песенного творчества Исаковского. — УЗ Саратовского гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, 1954, т. XII. Вып. филол., стр. 31—66.
- Рецензии: Эальсберг Я. — Коммунист, Саратов, 1955, 5 января.
- Неводов Ю. — Новая Волга, альманах, Саратов, 1955, кн. 22, стр. 196.
- Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII века, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953. (Рецензия): — СЭ, 1955, № 1, стр. 192.
- Песни о гражданской войне. — УЗ Саратовского гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, 1955, т. III. Вып. филол., стр. 3—40.
- Песни о гражданской войне. — ИОЛЯ, т. XIV, 1955, вып. 4, стр. 349—363, т. XIV, 1955, вып. 4, стр. 349—363.
- Сказы и песни о Чапаеве. Составление, предисловие и комм. Т. М. Акимовой. Саратов, ОГИЗ, 1957, 148 стр.
- Русский героический эпос в записях середины XIX века. — УЗ Саратовского гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, 1957, т. VI. Выпуск в честь заслуж. деят. науки, проф. А. П. Скафтымова, стр. 275—303.
- Рецензия: Егоров Б., Лотман Ю. — ИОЛЯ, 1959, т. XVIII, вып. 6, стр. 542.
- Русская народная драма XVII—XX вв. (Рецензия). — РФ, т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 341—348.
- Волжская песня. (Очерк исторического развития). — Научный ежегодник за 1955 год Саратовского гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского. Филол. фак-т, отд. III. Саратов, 1958, стр. 7—8.
- Русские героические былины. (Схема исторического развития). — В кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 62—81.
- Рецензия: Астахова А. М. — СЭ, 1959, № 4.
- Народные удалые песни сатирико-юмористического характера. — УЗ Саратовского гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, 1959, т. XVII. Вып. филол., посвященный 50-летию унив., стр. 5—40.

Семинарий по народному поэтическому творчеству. Саратов, Изд-во Саратовского унив., 1959. 309 стр.

Рецензии: Литвин Э.—В сб.: Фольклористические записки Горьковского гос. унив., 1961, № 1; Барсук А. И.—Печатные семинарии по русской литературе (1904—1963). Ист.-библиогр. очерк. М., изд-во «Книга», 1964.

О жанровой природе русских «удалых» песен.—В кн.: РФ, V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 183—199.

Рецензия: Померанцева Э.—ВЛ, 1960, № 12.

Сюжетный состав народных песен о Степане Разине.—В сб.: Вопросы славянской филологии. К Пятому международному съезду славистов. Саратов, Изд-во Саратовского унив., 1963, стр. 27—46.

Русская народная бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Рецензия.—ИЮЛЯ, 1963, т. XXII, вып. 4, стр. 354—355.

Народные удалые песни в устном бытовании и в художественной литературе конца XVIII—первой половины XIX века. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук. Л., 1964, 35 стр. АН СССР, ИРЛИ.

О требованиях к вузовскому учебнику по фольклору.—УЗ Московского обл. пед. инст. им. Н. К. Крупской, 1964, т. CXIII, вып. 9, стр. 5—18.

Новое учебное пособие по народному поэтическому творчеству. С. И. Минц и Э. В. Померанцева. Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов. [Рецензия].—РЛ, 1966, № 3, стр. 212—215.

О поэтической природе народной лирической песни. Саратов, Изд-во Саратовского унив., 1966, 172 стр.

Рецензии: Лазутин С. Г.—РЛ, 1967, № 2, стр. 181—184. Лебедев П.—Коммунист, Саратов, 1967, 9 июня.

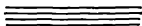
Дореформенные песни общественного протеста. Народные песни о Степане Разине и волжских удалцах. Песни о крепостничестве.—В кн.: Акимова Т. М. и Архангельская В. К. Революционная песня в Саратовском Поволжье. Саратов, Изд-во Саратовского унив., 1967, стр. 5—80.

Народные удалые песни в творчестве А. С. Пушкина.—В кн.: Из истории русской и зарубежной литературы. Вып. 2. Материалы IV зональной конференции литературоведов Поволжья. Саратов, 1968, стр. 3—25. (Саратовский гос. пединститут).

Былины.—В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Под ред. проф. А. М. Новиковой и проф. А. В. Кокорева. Уч. пособие для студентов пед. институтов. М., Изд-во «Высшая школа», М., 1969, стр. 205—255.

Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. Составители Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Приволжское кн. изд-во, Саратов, 1969, 347 стр.

Лирический образ песен о «сироте».—В кн.: Из истории русской народной поэзии. РФ, т. XII, Л., 1971, стр. 55—66.

А. В. ПОЗДНЕЕВ

(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Исполнилось 80 лет профессору Александру Владимировичу Позднееву. Круг его научных интересов необычайно широк. Среди его работ есть и исследования, посвященные русской и зарубежной литературе, и труды по советской литературе; но в первую очередь исследовательская мысль А. В. Позднеева направлена в сторону русского фольклора, древнерусской литературы и литературы XVIII в. Среди этого многообразия есть несколько проблем, к которым ученый возвращается вновь и вновь. Русская песня, ее история и создатели, ее формы и поэтические особенности — таков первый круг вопросов. Соотношение литературы и фольклора, книжной и народной поэзии — это другая проблема, интерес к которой ученый пронес через всю жизнь. Сами объекты его исследований очень часто оказываются на грани между фольклором и литературой: «Слово о полку Игореве», «Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград», «Повесть о Горе-Злочастии», силлабические канты конца XVII — начала XVIII в., песни второй и последней трети XVIII в. Взаимоотношения фольклора и литературы А. В. Позднеев рассматривает как процесс взаимопроникновения: в первую очередь его интересуют произведения фольклора, подвергшиеся литературной обработке и переработке, и произведения литературы, перешедшие в фольклор в виде кантов и песен.

В 1910—1915 гг. А. В. Позднеев учится на историко-филологическом факультете Московского университета. Его учителя — в первую очередь М. Н. Сперанский и К. С. Шамбинаго — привили вкус к скрупулезной филологической работе, интерес к рукописным сборникам, которые впоследствии станут «судьбой» Александра Владимировича, научили критически мыслить, снова и снова пересматривать мнения, ставшие в науке традиционными. Исследовательскую работу Александр Владимирович начал еще в студенческое время. В ноябре 1914 г. он читает доклад в Комиссии по народной словесности ОЛЕАЭ, весьма активным членом которого он состоял уже в то время. Доклад был посвящен общим местам в сборнике Кириши Данилова. К этой теме А. В. Позднеев еще вернется не раз. Ей посвящена его интересная статья «Общие места и „перенесения“ в былинах» (сб. «Проблемы истории литературы». М., 1964). Жизнь складывалась довольно сложно. Александр Владимирович был вынужден надолго прервать систематическую работу в области филологии, отдавая любимому делу лишь досуг. Он продолжал следить за научной литературой, посещал заседания в Институте мировой литературы, в Комиссии по народному творчеству Союза советских писателей, сам выступал с докладами: «Б. М. Соколов как исследователь былин», «Поэтика и происхождение былин М. С. Крюковой». В последнем он указал на связь ранних текстов сказительницы с книжным источником. Выводы, к которым Алек-

сандр Владимирович пришел путем филологического анализа, позже подтвердились фактами.

Наконец, в 1941 г. была опубликована его большая работа: «Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград» (она легла в основу кандидатской диссертации, защищенной майором А. В. Позднеевым в 1944 г. во время его непродолжительной командировки в Москву). В этой статье «Сказание» подверглось всестороннему филологическому анализу, в результате которого был доказан книжный характер произведения, созданного на основе былины об Илье Муромце и Идолище. Статья сопровождалась публикацией нового списка «Сказания». Сам интерес к полуфольклорному, полукнижному произведению, анализ списков и работа по выявлению позднейших наслоений, работа в архиве, поиски первоисточников и исторических реалий — все это вскрывало характерные черты методики исследователя, его неутомимый поиск, огромную трудоспособность, скрупулезность анализа и смелость выводов.

Эти качества проявились и в фундаментальном исследовании, посвященном рукописным песенникам XVII—XVIII вв., которое стало докторской диссертацией Александра Владимировича. Этот труд является настоящим подвигом ученого, которому пришлось изучить свыше 500 русских и 100 украинских рукописных сборников песен. В его архиве хранится описание около 5 тысяч песен и 20 тысяч вариантов. Им были составлены указатели находящихся в рукописных сборниках песен: духовных, панегирических, народных. В результате был поднят огромный пласт материала, дотоле вообще очень редко привлекавшегося. Теперь, после работ А. В. Позднеева, можно говорить о специфике песенной поэзии петровского времени, о песенной культуре 40-х годов XVIII в., о сумароковской школе и т. д. Он убедительно показал, что рукописная песня конца XVII—начала XVIII в. — промежуточный этап между фольклором и новой стихотворной поэзией. В работе над этой огромной темой попутно был сделан ряд чрезвычайно важных открытий. Так, А. В. Позднеев открыл доселе неизвестного поэта XVII в. Германа, опубликовал новые лирические песни петровского времени, показал народную, «фольклорную» популярность многих произведений М. В. Ломоносова. Поиск продолжается. Недавно в журнале «Československá rusistika» А. В. Позднеевым опубликована древнерусская поэма «Покаянны на осмь гласов». Он обратил на нее внимание в одном из рукописных сборников несколько лет назад. В настоящее время им уже изучено 12 списков произведения. В 1965 г. в «Scando-Slavica» помещена статья А. В. Позднеева «Стихосложение древней русской поэзии». Анализ найденной поэмы привел его к выводу о существовании длительного «дотонического» периода русской поэзии. И статья в «Scando-Slavica», и новая публикация вместе с вводной статьей — серьезный вклад в русское стиховедение, во многом изменяющий наши представления о древнерусской поэзии — и книжной, и устной.

Последние 25 лет кроме научной деятельности Александр Владимирович ведет большую преподавательскую работу. Многие его ученики давно уже имеют своих учеников. Во всех концах Советского Союза, от Калининграда до Новосибирска, работают школьные и вузовские преподаватели — позднеевские питомцы. С 1966 г. каждую весну съезжаются они в Московский государственный пединститут на межвузовскую научно-теоретическую и методическую конференцию, организуемую кафедрой русской литературы. Бессменным организатором и руководителем секций по русскому фольклору и русской литературе до XIX в. является А. В. Позднеев. С каждым годом среди докладчиков все больше и больше его учеников и аспирантов. Они как бы отчитываются перед своим учителем.

А учитель — внимательный и требовательный. Всякий автор, пославший свою работу Александру Владимировичу, обязательно получит огромное количество замечаний, зачастую резких и категоричных, но всегда доброжелательных. В то же время у А. В. Позднеева полностью отсутствует какой бы то ни было оттенок высокомерия по отношению к начинающему автору; он всячески поощряет научную самостоятельность, с большим уважением относясь к чужому мнению. Так продолжается непрерывная связь времен — ученик Сперанского, Щепкина и Шамбинаго воспитывает в своих учениках качества, завещанные ему учителями, — качества, без которых невозможна настоящая наука: трудолюбие и бескорыстность, научную честность и добросовестность, требовательность, в первую очередь к самому себе, смелость мысли, основанную на глубоком изучении фактического материала.

В. Г. Смолицкий

СПИСОК РАБОТ А. В. ПОЗДНЕЕВА
В ОБЛАСТИ ФОЛЬКЛОРА

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

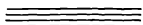
- Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. Под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 135—196.
- Редактура книги: Г. А. Самарин. Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Фрунзе, Изд-во Киргизского фил. АН СССР, 1946. 169 стр.
- Фонвизин и фольклор. — В кн.: Тезисы докладов на первой научно-технической конференции 1—7 февраля 1947 года. М., 1947, стр. 78—79. (Московский полиграфич. инст. Мин-ва высш. образования СССР).
- Рецензия на книгу: Былины. Пер. П. Кршичка. Прага, 1946 (на чешском яз.). — СЭ, 1949, № 1, стр. 243—245.
- Новые рукописи Гоголя. — Смена, М., 1952, № 5, стр. 20—21.
- Книжные песни петровского времени. — В кн.: Хрестоматия по русской литературе XVIII века. Составил А. В. Кокорев. М., Учпедгиз, 1952, стр. 30, 31, 36—39, 800.
- Русское устное народное творчество. — В кн.: Примерные рабочие планы по циклу «Русская литература». Для фак-тов русского яз. и лит. заочн. отделений педагог. инст. М., Учпедгиз, 1953, стр. 6—11.
- Марко Кралевич. — БСЭ, т. 26. Изд. 2-е. М., 1954, стр. 294.
- Миладиновы, братья. — БСЭ, т. 27. Изд. 2-е. М., 1954, стр. 477.
- Песнь о взятии Азова в 1696 г. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 353—357.
- Лирические песни XVII века. (К вопросу о репертуаре). — РФ, т. I. М.—Л., 1956, стр. 78—96.
- Примерный рабочий план по русскому устному народно-поэтическому творчеству. — В кн.: Примерные рабочие планы преподавания по циклу «Русская литература». Для фак-тов русского яз. и лит. заочн. отделений педагог. инст. М., Учпедгиз, 1956, стр. 15—25.
- Ранние лирические книжные песни петровского времени. — Научн. доклады высшей школы. Филол. науки, 1958, № 2, стр. 155—165.
- Песни — акrostихи Германа. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 364—370.
- Проблемы изучения поэзии петровского времени. — В кн.: XVIII век. Сб. 3. Отв. ред. П. Н. Берков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 25—43.
- Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). Сокращенное изложение дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук. — УЗ Московского гос. заочн. педагог. инст., 1958, т. 1, стр. 5—112.
- Книжные песни XVII века о воссоединении Украины с Россией. — Slavia, Praha, t. 27, 1958, No. 2, s. 226—240.
- Книжные песни — акrostихи 1720-х годов. — Scando-Slavica, Copenhagen, t. V, 1959, s. 165—179.

- Eine Übersetzung des «Hohenliedes» aus dem 17. Jahrhundert. — Wiener slavistisches Jahrbuch, Graz—Köln, B. VII, 1959, S. 100—117.
- La poésie des chansons russes aux XVIIe et XVIIIe siècles. — Revue des études slaves, Paris, t. 36, 1959, p. 29—40.
- Die tonischen Elemente im russischen syllabischen Vers. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, B. 28, 1960, No. 2, S. 405—412.
- Die geistlichen Lieder des Epifanij Slavineckij. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, B. V, 1960, No. 3—4, S. 356—385.
- Рецензия на книгу: Пісні та романси українських поетів. Упорядк., вст. стаття і прим. Г. А. Нудьги. Київ, 1956. — Радянське літературознавство, Київ, 1961, № 4, стр. 127—130.
- Исчезновение некоторых жанров в русском народно-поэтическом творчестве. — В кн.: Специфика жанров русского фольклора. (Тезисы докладов). Научная конференция. Горький, 1961, стр. 5—9.
- Никоновская школа песенной поэзии. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 419—428.
- Произведения М. В. Ломоносова в рукописных песенниках XVIII века. — Труды Московского гос. заочн. педагог. инст., 1961, вып. 7, стр. 119—138.
- Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Отв. ред. В. Д. Кузьмина. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 338—358.
- Темы курсовых работ по русскому народно-поэтическому творчеству. — В кн.: Курсовые работы по дисциплинам цикла «Русская литература». Для студентов-заочников III—IV курсов фак-тов русского яз. и лит. педагог. инст. М., Учпедгиз, 1961, стр. 7—13.
- Выступление по докладу И. Н. Голенищева-Кутузова «Итальянское возрождение и славянские литературы». — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 97—98.
- Выступление по докладу П. Н. Беркова «Русско-польские литературные связи в XVIII в.». — Там же, стр. 202—203.
- Выступление по докладу А. Стендер-Петерсена «Проблематика сборника Кирши Данилова». — Там же, стр. 502.
- Выступление по докладу В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса». — Там же, стр. 518.
- Контрольные задания по народному поэтическому творчеству, древнерусской литературе и русской литературе XVIII в. М., Учпедгиз, 1962, 51 стр. (Совместно с А. П. Болдыревой).
- Ранние масонские песни. — Scando-Slavica, t. VIII, 1962, s. 25—64.
- Polskie pieśni w rękopismennych zbiorach rosyjskich XVII—XVIII wiekach. — Pamiętnik literacki, Warszawa, rok XII, 1962, No. 2, s. 477—489.
- Українські народні пісні в російських рукописних збірниках кінця XVII—першої третини XVIII ст. — Народна творчість та етнографія, Київ, 1963, кн. 3, стр. 49—56.
- Песенная книжная поэзия в славянских странах. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 414—426.
- Польские книжные песни в русских рукописных песенниках XVIII в. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 158—167.
- Польские песни в русских рукописных песенниках XVIII века. — РФ, т. VIII. М.—Л., 1963, стр. 206—214.
- Собирание и публикация донских песен. — В кн.: Народная устная поэзия Дона. Отв. ред. Ф. В. Тумилевич. Ростов н/Д, Изд-во Ростовского ун-ва, 1963, стр. 157—170.
- Z historii związków polsko-ruskich XVII—XVIII wieku. Pieśń o kozaku i Kulinie. — Slavia orientalis, Warszawa, rok XII, 1963, No. 4, s. 501—512.
- Редактура книги: Ф. М. Головенченко. Слово о полку Игореве. Библ. очерк. Перевод. Пояснения к тексту и переводу. М., 1963, 358 стр.
- Григорьев А. Д. — КЛЭ, т. 2. М., 1964, столб. 376—377.
- Общие места и «перенесения» в былинах. — В кн.: Проблемы истории литературы. Труды кафедр сов. и русской литературы Московского гос. заочн. педагог. инст. М., 1964, стр. 65—86.

- Произведения В. Тредиаковского в рукописных песенниках. — Там же, стр. 87—100.
- Темы курсовых работ по устному народному творчеству. — В кн.: Курсовые работы по дисциплинам цикла «Русская литература». Для студентов-заочников III—IV курсов фак-тов русского яз. и лит. педагог. инст. М., изд-во «Просвещение», 1964, стр. 8—18.
- Фольклор в курсе древней русской литературы. — УЗ Московского обл. педагог. инст. им. Н. К. Крупской, 1964, т. CXLIII. Труды кафедры русской лит., вып. 9, стр. 185—204.
- Russische satiren des 18. Jahrhundert in der Form der «книжные песни». — Zeitschrift für Slavistik, Berlin, B. IX, 1964, No. 4, S. 517—539.
- Рабочий фольклор в рукописных песенниках XVIII века. — В кн.: Устная поэзия рабочих России. Сб. статей под ред. В. Г. Базанова. М.—Л., изд-во «Наука», 1965, стр. 52—58.
- Устное народное творчество. — В кн.: Контрольные задания по устному народному творчеству, древней русской литературе и русской литературе XVIII века. Для студентов-заочников II—III курсов фак-та русского яз. и лит. педагог. инст. М., изд-во «Просвещение», 1965, стр. 8—30.
- Книжные песни о свободе петровского времени. — Wiener slavistisches Jahrbuch, B. XII, 1965, S. 162—171.
- Стихосложение древней русской поэзии. — Scando-Slavica, t. XI, 1965, s. 5—24.
- Из истории русского стиха XV—XVIII веков. — В кн.: Teorie verše, I. Sborník Brněnské versologické konference. Brno, 1966, s. 95—108. (Spisy university J. E. Purkyně v Brně. Filosofická fakulta, 1907).
- Pieśni polskie w osiemnastowiecznym rosyjskim zbiorze rękopiśmiennym. (Совместно с Н. Филипповой). — Slavia orientalis, rok XV, 1966, No. 4, s. 419—428.
- Практические занятия по курсу «Устное народное творчество» со студентами-заочниками. — В кн.: Методические материалы в помощь преподавателям литературы заочных отделений педагогических институтов. Ред. В. Э. Лебедева. М., 1967, стр. 34—43.
- Художественность книжных песен «талантливой поэтессы». — В кн.: Проблемы мастерства в изучении и преподавании художественной литературы. Тезисы докладов X научно-теоретич. и метод. конференции. М., 1967, стр. 47—49. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
- Время сложения русских сказок. — В кн.: To Honour Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday, v. 11. Hague—Paris, 1967, p. 1610—1614.
- Редактура книги: А. С. Шептаев. Контрольные задания по народному творчеству и древней литературе. Для студентов-заочников II курса фак-тов русского яз. и лит. педагог. инст. М., 1967. 52 стр.
- Народные лирические песни XVIII века. — СЭ, 1968, № 5, стр. 117—122.
- Песенная книжная поэзия XVII—XVIII вв. — КЛЭ, т. 5. М., 1968, столб. 702—704.
- Песня о Полтавской битве. — УЗ Московского гос. заочн. педагог. инст., 1968, вып. 20, стр. 3—24.
- Польский элемент в русских рукописных песенниках XVII в. — ТОДРА, т. XXIII. М.—Л., 1968, стр. 335—338.
- Проблемы истории древнерусской поэзии. — В кн.: Проблемы изучения художественного произведения (методология, поэтика, методика). Тезисы докладов XI научно-теоретич. и метод. конференции. [М., 1968], стр. 51—52. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
- Контрольные задания по народному поэтическому творчеству и древней русской литературе. Для студентов-заочников II курса фак-тов русского яз. и лит. педагог. инст. М., изд-во «Просвещение», 1969. 70 стр. (Московский гос. заочн. педагог. инст.). (Совместно с И. К. Гореловой, П. Ф. Лебедевым, И. А. Моховым и Г. В. Филатовой при редактировании А. В. Позднеева).
- О сюжете былин о Соловье Будимировиче. — Вопросы русской литературы, вып. 2 (11). Львов, Изд-во Львовского ун-ва, 1969, стр. 12—15.
- Песенная традиция в творчестве Державина. — УЗ Калининградского гос. ун-ва, 1969, вып. IV. Филол. науки, стр. 10—19.
- Переход литературных песен в фольклор в XVIII веке. — В кн.: Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII научно-теоретич. и метод. конференции. М., 1969, стр. 43—45. (Московский гос. педагог. инст. им. В. И. Ленина).

- Поэт XVII века Герман. (Мастер акростиха). — *Československá rusistika*, Praha, t. XIV, 1969, No. 4, s. 150—158.
- «Повесть о горе и злочастии» в историко-литературном процессе. — В кн.: Сопровождение «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX веков». Тезисы докладов. Л., 1969, стр. 11 (АН СССР. ИРЛИ).
- Застольные песни петровского времени. — *Wiener slavistisches Jahrbuch*. В. XV, 1969, S. 12—22.
- Фольклор на научной конференции в Вологде 1969 г. — Вопросы русской литературы, вып. 1 (13). Львов, Изд-во Львовского ун-ва, 1970, стр. 89—91.
- Изучение фольклора на научной конференции в Москве в 1969 г. — Вопросы русской литературы, вып. 2 (14). Львов, Изд-во Львовского ун-ва, 1970, стр. 95—98.
- Стихосложение в песенной поэзии XV—XVII веков. — Вопросы русской литературы, вып. 3 (15). Львов, Изд-во Львовского ун-ва, 1970, стр. 45—47.
- Практикум по курсу «Устное народное творчество». Для студентов-заочников I курса фак-тов русск. яз. и лит. педагог. инст. М., изд-во «Просвещение», 1970, 111 стр.
- Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. — В кн.: Польско-русские литературные связи. Редколлегия Н. И. Балашов, И. К. Горский и др. М., изд-во «Наука», 1970, стр. 56—70.
- Неизвестная поэтесса петровского времени. — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). Отв. ред. А. Н. Робинсон. М., изд-во «Наука», 1971, стр. 277—307 (АН СССР. ИМЛИ).
- Сопровождение преподавателей фольклора. — В кн.: Из истории русской народной поэзии. РФ, т. XII, Л., 1971, стр. 279—280.
- Фольклор на конференциях в МГПИ. — Там же, стр. 279.
- Эволюция стихосложения в народной лирике XVI—XVIII веков. — Там же, стр. 37—46.

ПАМЯТИ В. Я. ПРОППА

(1895—1970)

Ушел Владимир Яковлевич Пропп — крупнейший представитель современной советской фольклористики, чьи труды заняли выдающееся место в истории русской науки о народном творчестве.

Обладатель многогранного дарования, В. Я. Пропп был исследователем поэзии народа и этнографом, музыковедом и историком общественной мысли, лингвистом и литературоведом. Признанный авторитет в области истории и теории фольклора, он явился создателем плодотворных генетических концепций, новатором в области конкретной методологии научных разысканий, энциклопедически эрудированным систематиком и аналитиком разнообразнейших жанров народнопоэтического искусства и в первую очередь сказок, былин, устной лирики, исторической песни, легенды. Его классические исследования, воздействие которых ощутительно сказалось в трудах нескольких поколений отечественных фольклористов, продолжают вербовать сторонников и порождать дискуссии. Его оригинальные идеи влияют на живые процессы развития народознания.

Повседневное общение нивелирует масштаб человеческой личности. Но те, кому пришлось лично узнать Владимира Яковлевича — скромнейшего человека, мудрого опекуна студенческой молодежи, доброго советчика в вопросах науки, — могли оценить внимательность и принципиальность этого ученого с мировым именем. Его оценки поощряли и стимулировали исследования. Его тактичность и бережное отношение к проблескам самостоятельной мысли были лучшей школой научного воспитания.

Преподаватель Ленинградского государственного университета в течение сорока лет, профессор В. Я. Пропп принадлежал к той плеяде блестящих университетских ученых и педагогов, которыми гордится советская наука. Его исследовательскому мышлению было свойственно оперирование обширными фольклорными массивами, целостность их восприятия как явлений искусства, стремление открыть закономерности, управляющие жизнью этих массивов. С присущим ему органически чувством историзма

В. Я. Пропп прослеживал диалектику жанров от их истоков до трансформации в новое качество, стремясь при этом учесть множественность взаимовлияющих фольклорных и иных социально-культурных факторов. Прочность и надежность построений В. Я. Проппа зиждилась на индуктивном методе разработки материала. Фактической насыщенностью исследованных определялась обоснованность общих выводов. Отсутствие пиетета перед именами, антиавторитарность расковывали мысль. Простота и прозрачность языка, логическая стройность композиций неизменно обеспечивали статьям и книгам ученого широкую читательскую аудиторию.

Книги В. Я. Проппа — книги идей, притом идей, нередко далеко опережавших достигнутый уровень науки, что самым непосредственным образом отражалось на их судьбе.

На рубеже 20-х годов нашего века, когда поток эмпирии захлестывал сказковедение, замечательный филолог М. Н. Сперанский выражал резонные сомнения в том, что в исследовании сказки удастся сколько-нибудь скоро перейти к теоретическому обобщению материала. Именно в это время преподаватель немецкого языка В. Я. Пропп с увлечением изучал сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». Уже в 1926 году он доложил Сказочной комиссии Русского географического общества первые итоги своих наблюдений над структурой сказки. В 1928 году, благодаря содействию В. М. Жирмунского, В. Я. Пропп публикует в издательстве «Academia» небольшую книгу «Морфология сказки», в которой излагалась совершенно новая теория сказочной структуры.

Изучение материалов собрания А. Н. Афанасьева увенчалось открытием, неожиданным по своей простоте: неизменным элементом сказок выступили функции действующих лиц. Был найден первоэлемент жанровой структуры, благодаря которому выяснилась ограниченность функций героев волшебной сказки, одинаковая последовательность этих функций, их парность, что позволило в итоге выявить однотипность строения всех волшебных сказок, «чудесное единообразие» бесконечно многообразных сказочных вариаций. Исследователь подводил читателя к пониманию особой логической структуры сказки, фиксирующей архаическую фазу художественного мышления человечества. Волшебная сказка была понята как миф, а это разрешало по-новому ставить вопрос о генетическом изучении жанра.

«Морфологические разыскания... следует связать с изучением историческим, что пока (выделено мною, — А. Г.) не может войти в нашу задачу», — писал В. Я. Пропп, подчеркивая, что без «правильной морфологической разработки» невозможна «и правильная историческая разработка» народной сказки.¹ Тем не менее эта ясная позиция исследователя, поддержанная положительными отзывами его учителя Д. К. Зеленина и В. Н. Перетца, была в значительной степени искажена в критике 30-х годов, воспринявшей историю-структуральный метод автора как проявление формализма. Лишь в конце 50-х годов новое прочтение книги фольклористами разных стран позволило оценить универсальное значение методологии В. Я. Проппа и продолжить начатую им работу. С 1958 г. «Морфология сказки» переиздавалась на русском, английском, французском, немецком, польском, итальянском и румынском языках десять раз.

---

¹ Цит. по изданию: В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е. Л., 1969, стр. 82, 21.

Самим автором книга о структуре сказки мыслилась как первая часть сказковедческой диалогии, завершенной опубликованным в 1946 г. томом «Исторические корни волшебной сказки».

Расценивая волшебную сказку как явление интернациональное, порожденное единством стадий исторического процесса развития разных народов мира, В. Я. Пропп избрал для объяснения причин возникновения сказки путь изучения многообразных условий первобытной действительности, формировавших элементы и последовательность сказочных композиций. Древнейшей основой сказки выступили циклы инициации и цикл представлений о смерти.

«Мы нашли, что композиционное единство сказки кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенности художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого. То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе», — писал автор, подводя итоги исследования.² Оказалось, что обычаи и представления доклассового общества сформировали тот конструктивный «каркас» волшебных сказок, на который позднее наслаивались впечатления и представления обновлявшейся жизни. Генетическое рассмотрение сказки подвело исследователя не только к новому осознанию того, что процесс перерождения мифа в сказку означает «открепление сюжета и акта рассказывания от ритуала», но и к очевидному уяснению того, что «освобожденная от уз религиозных условностей, сказка вырывается на вольный воздух художественного творчества, движимого уже иными социальными факторами, и начинает жить полнокровной жизнью».³

Там, где кончалась одна книга, начиналась другая. В финале «Исторических корней волшебной сказки» звучит мысль о том, что «изучение отдельных сюжетов представляется более трудным, чем изучение композиционного сходства».⁴ К такому исследованию В. Я. Пропп и переходил: его привлекла русская героическая былина, гораздо более богатая собственно историческими связями и необычайно трудная возможностями приурочения сюжетов в границах известных эпох.

Дореволюционная историческая школа фольклористики, скомпрометировавшая себя формальным, основанным на внешних совпадениях прикреплением эпических сюжетов к древнерусским событиям и именам деятелей киевско-новгородского периода, подверглась справедливой критике в работах советских ученых 20—30-х годов (А. П. Скафтымова, Ю. М. Соколова и др.). Однако несмотря на большие успехи новой, марксистско-ленинской науки в осмыслении русского исторического процесса, несмотря на заметное накопление материала в конкретных фольклорных исследованиях (А. М. Астахова, А. А. Морозов, Р. С. Липец) по существу наша фольклористика к середине 40-х годов еще не имела фундаментальных трудов в области изучения былин. В. Я. Пропп после десятилетней работы осуществил в монографии «Русский героический эпос» (1955) достаточно полное и систематическое обозрение сюжетов русской былины в исторической последовательности.

Ученый принципиально по-новому подошел к освещению взаимоотношений былины и истории. В. Я. Пропп допускал возможность того, что «в основе и летописного рассказа и былины лежит имевший место истори-

² В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 330.

³ Там же, стр. 334.

⁴ Там же, стр. 337.

ческий факт»,⁵ отмечал, что эпос в своем развитии «все больше и больше сближается с историей». ⁶ Но понятие историзма былины как произведения художественного заключалось для него прежде всего в признании историзма поэтического вымысла, вызванного к жизни исторически объяснимой и обусловленной потребностью народа, — вымысла, нередко пронизанного весьма конкретными историческими ассоциациями, но несводимого к элементарному тождеству: факт истории — сюжет былины. Термины «основа былины» и «эпический сюжет» никогда не уравнивались под пером В. Я. Проппа. С блеском раскрылось в книге мастерство типологических сопоставлений. Сравнение русской былины с эпическими произведениями других народов СССР помогло при гипотетических реставрациях ранних эпизодов развития восточнославянского эпоса. Отчетливо выступило в монографии и богатое эстетическое чувство исследователя, как бы приглушенное в предшествующих книгах, а теперь — при перелистывании наиболее художественных страниц истории былин — обретшее полную силу звучания.

Капитальный труд, проникнутый идеями народности и величия русского эпоса, был воспринят как яркая патриотическая акция советской фольклористики. Два года спустя он вышел вторым изданием.⁷

Отличительной чертой В. Я. Проппа была способность приводить мозаически пестрый материал исследования к некоему общему знаменателю, разгадывать систему, закон ее внутренней организации. Этот аналитический дар, сказавшийся при изучении сказки, былины, вновь проявился в книге «Русские аграрные праздники» (1963). В этой собственно этнографической работе В. Я. Пропп рассмотрел календарную обрядность в сцепленности празднеств годового сельскохозяйственного цикла, установив разительное родство структур его сезонных слагаемых. Книга подтвердила глубокую справедливость трудовой теории происхождения русских народных праздников.

Последней большой монографической работой, законченной Владимиром Яковлевичем, была «Теория комического», основные идеи которой ученый развивал при чтении специального курса по поэтике в стенах Ленинградского университета в 1967 г. Как и в прежних трудах, В. Я. Пропп сосредоточил свое внимание на самой сущности рассматриваемого явления, но речь об этой своеобразной книге еще впереди — после ожидаемого вскоре выхода ее из печати.

Появление «Теории комического» могло бы показаться неожиданным, если бы ее не соединяла с написанным прежде шестая книга В. Я. Проппа. Она писалась всю жизнь, но не похожа на упомянутые выше, потому что процесс создания ее перемежал «эпические» труды, был необходимой разрядкой и отвлечением от них, «лирическим отступлением» исследователя, злободневным откликом на вспыхивавшие споры, иногда — прибавлением к написанному, иногда — сознательным уклонением в пограничную область. Эта книга, издание которой должно быть непременно осуществлено, — статьи В. Я. Проппа, появившиеся в течение 1928—1970 гг.

Среди ее «глав», естественно, должны быть помещены в первую очередь такие исчерпывающие, основанные на громадном сравнительно-культурном материале работы, как «Эдип в свете фольклора» (1945), этюды по истории поэтики («Язык былин как средство художественной изобразитель-

⁵ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 337—338.

⁶ Там же, стр. 225.

⁷ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958.

ности», 1954), частные очерки жанров народного творчества («Легенда», 1955; «О русской народной лирической песне», 1961), статьи о фольклористических взглядах революционеров-демократов, суждения которых повлияли на ряд концепций В. Я. Проппа (1953, 1957), образцовые разборы устнопоэтических сюжетов («Песня о гневном Грозном на сына», 1958), заметки по текстологии народной поэзии (1956), основательные полемические выступления о природе сказки и историзме былин (1956, 1962), последний из прочитанных ученым докладов — о сюжетной перекличке русского средневекового иконописания с фольклором (15 IV 1970). Центральную часть книги должны, естественно, составить статьи о художественной специфике народного творчества.

Мысль о фольклоре как особой эстетической субстанции принадлежала к числу наиболее дорогих В. Я. Проппу идей.

В 1946 г. ученый так говорил о заблуждении старой академической науки: она «включала фольклор в литературу и рассматривала фольклористику только как часть литературоведения». И с удовлетворением отмечал, что марксистско-ленинская фольклористика находится на пути самоопределения, становясь «самостоятельной наукой».⁸ Проходят годы, и предвидение ученого сбывается. Фольклористика, не теряющая связей с литературоведением, языкознанием, все более обособляется как специальная отрасль народоведения. Но по-прежнему не снимается проблема выработки иммунитета против традиционно-зауженного восприятия фольклора — только как устной литературы — и против безоговорочного перенесения методов литературоведения в анализ фольклора. Поэтому В. Я. Пропп время от времени публиковал статьи программно-теоретического характера, пафос которых был направлен на выяснение качественной «особности» народной поэзии: «Специфика фольклора» (1946), «Фольклор и действительность» (1963), «Принципы классификации фольклорных жанров», «Жанровый состав русского фольклора» (1964).

Занятый собственными теоретическими исследованиями, В. Я. Пропп находил время для большой работы по изданию русской фольклорной классики («Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», 1961; «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова», 1961; «Народные лирические песни», 1961, и др.), подготовил к печати неопубликованные труды И. И. Толстого, Б. В. Томашевского, И. П. Еремина. Ученый выступил редактором многочисленных фольклористических материалов для информационного журнала немецкой Академии наук «*Demos*», которые служили и служат целям международной пропаганды достижений отечественной науки. Невозможно переоценить каждодневную бескорыстную работу В. Я. Проппа по прочтению массы трудов фольклористов нашей страны, с которыми исследователь щедро делился своими научными раздумьями, соображениями и которым помогал консультациями, отзывами, рецензиями.

Владимир Яковлевич мерил свою жизнь мерой труда, отданного людям. Это была мера честности, мера ответственности перед народом, хотя он никогда не говорил о себе высоких слов.

Утрата велика.

Но река жизни течет в том направлении, куда был устремлен взгляд ученого-гуманиста, и долг его последователей — отдать все силы служению истине.

А. А. Горелов

⁸ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 5.

СПИСОК РАБОТ В. Я. ПРОППА ЗА 1965—1971 ГОДЫ¹

СОСТАВИЛИ Е. Я. АНТИПОВА-ПРОПП И М. Я. МЕЛЬЦ

- Фольклор и действительность. — В кн.: С. И. Минц и Э. В. Померанцева. Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов. М., 1965, стр. 260—279.
- [Библиография по русскому фольклору за 1961 и 1962 гг.]. Совместно с М. Я. Мельц. — В кн.: Internationale volkskundliche Bibliographie für die Jahre 1961 und 1962. Bearbeitet von Robert Wildhaber. Bonn, 1965. (На немецк. яз.).
- Труды академика Ив. Ив. Толстого по фольклору. — В кн.: И. И. Толстой. Статьи о фольклоре. Составитель и отв. ред. В. Я. Пропп. М.—Л., 1966, стр. 3—17. (АН СССР).
- Рецензии: Путилов Б. Современное исследование. — ВЛ, 1967, № 4, стр. 213—216; Борецку В. — Listy filologicke, Pracha, 1969, č. 1, s. 87—89.
- I canti popolari russi. Torino, 1966.
- Morfologia della fiaba con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell' autore. Torino, 1966. 240 p.
- Русские аграрные праздники. Перевод Син'ити Оги. Токио, 1966. 218 стр. (на японск. яз.).
- Рецензия на книгу: Б. Н. Путилов. Славянская историческая баллада. М.—Л., 1965. — ВЛ, 1966, № 11, стр. 216—220.
- [Библиография по русскому фольклору за 1963 и 1964 гг.]. Совместно с М. Я. Мельц. — В кн.: Internationale volkskundliche Bibliographie für die Jahre 1963 und 1964. Bearbeitet von Robert Wildhaber. Bonn, 1966. (На немецк. яз.).
- Die Sadko-Byline. — Sowjetische Volkslied- und Volksmusikforschung. Ausgewählte Studien. Berlin, 1967, S. 57—82.
- Об историзме русского фольклора и методах его изучения. — УЗ ЛГУ, 1968, № 339. Серия филол. наук, вып. 72. Русская лит., стр. 5—25.
- Morfologia bajki. — Pamiętnik literacki, Wrocław—Warszawa—Kraków, rocznik LIX, 1968, zes. 4, s. 203—243.
- Morphology of the Folktale. Second edition, published for the American Folklore Society, Inc. and the Indiana University Research Center for the Language Sciences. University of Texas Press, Austin—London, 1968. XXVI+158 p.
- Рецензия на книги: Русский фольклор. Библиографический указатель. Вып. 1—3. Составила М. Я. Мельц. Л., 1961—1971. — СЭ, 1968, № 3, стр. 153—154.
- Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969. 168 стр. (АН СССР. Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Рецензии: Харитонов М. — Московский комсомолец, 1970, 24 января, № 20; Харитонов М. Как сложили сказку. — Знание—сила, 1970, № 2, стр. 47; Сеселските А. Значение структурного изучения сказки. — Победа, Вильнюс, 1970, № 5, стр. 173—175 (на литовск. яз.); Барабаш Ю. Камо грядеши? — Новый мир, 1970, № 12, стр. 222; Путилов Б. Н. Второе рождение книги. — ВЛ, 1971, № 3, стр. 201—206.
- [О классификации фольклорных жанров]. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва, 3—10 августа 1964 г. Т. VI. М., 1969, стр. 428—435.
- Рецензия на книгу: К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. — СЭ, 1969, № 2, стр. 141—143.
- [Библиография по русскому фольклору за 1965 и 1966 гг.]. Совместно с М. Я. Мельц. — В кн.: Internationale volkskundliche Bibliographie für die Jahre 1965 und 1966. Bearbeitet von Robert Wildhaber. Bonn, 1969. (На нем. яз.).
- Morfologia basmului. In românește de Radu Nicolau. Studiu introductiv și note de Radu Niculescu. București, 1970, 164 p.
- Рецензия: Barbulescu C. — Revista de etnografie și folclor, t. 16, 1971, No 4, p. 345—348.

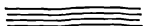
¹ Список работ В. Я. Проппа в области фольклора за 1927—1964 гг. см.: РФ, т. X, М.—Л., 1966, стр. 337—343.

- Morphologie du conte suivi de les transformations des contes merveilleux et de E. Meletinski. L'étude structurale et typologique du conte. Editions du Seuil, Paris, 1970. 256 p.
- [Библиография по русскому фольклору за 1967 и 1968 гг.]. Совместно с М. Я. Мельц. — В кн.: Internationale volkskundliche Bibliographie für die Jahre 1967 und 1968. Bearbeitet von Robert Wildhaber. Bonn, 1970. (На немецк. яз.).
- Проблема смеха и комизма. — УЗ ЛГУ, 1971, № 355. Серия филол. наук, вып. 76. Русская лит. XIX—XX веков, стр. 160—178.
- Морфология сказки. — В кн.: С. И. Минц и Э. В. Померанцева. Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов. Изд. 2-е. М., 1971, стр. 304—308.
- Morfológia rozprávky. Bratislava, 1971. 191 s.

СТАТЬИ О В. Я. ПРОППЕ

- Берков П. Н. Чествование проф. Владимира Яковлевича Проппа. К 70-летию со дня рождения. — ИЮЛЯ, т. XXIV, 1965, вып. 6, стр. 558—559.
- Берков П. Н. Метод исследования народного творчества в трудах В. Я. Проппа. (К 70-летию со дня рождения). — Вестн. ЛГУ, 1966, № 2. Серия истории, яз. и лит., вып. 1, стр. 111—116.
- Путилов Б. Н. Владимир Яковлевич Пропп. (К 70-летию со дня рождения). — РФ, X. М.—Л., 1966, стр. 335—337.
- Серебряный С. Д. Интерпретация «формулы» [волшебных сказок] В. Я. Проппа. — В кн.: Тартуский государственный университет. Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам. 16—26 августа 1966 г. Тарту, 1966, стр. 92—95. (Ротапринт).
- Putilov B. Vladimir Jakovlevič Propp 70 Jahre. — Deutsches Jahrbuch für Volkskunde, Berlin, Bd. 12, 1966, T. 1, S. 67—70.
- Levin I. Vladimir Propp: An Evaluation on His Seventieth Brithday. — Journal of the Folklore Institute Indiana University, v. IV, 1967, No 1, p. 32—49.
- Орнатская Т. Итальянское издание русских народных песен. [Перепечатка в Италии сборника «Народные лирические песни», изданного В. Я. Проппом в 1961 г.]. — Прометей, т. 5. М., 1968, стр. 427—428.
- От редакции. — УЗ Тартуского гос. унив., 1971, вып. 284. Труды по знаковым системам, V. Памяти В. Я. Проппа, стр. 5—6.
- Путилов Б. Н. Владимир Яковлевич Пропп. — СЭ, 1971, № 1, стр. 178—180.
- Путилов Б. Н. В. Я. Пропп. (1895—1970). — Вестн. ЛГУ, 1971, № 2. Серия истории, яз. и лит., вып. 1, стр. 150—152.
- Путилов Б. Н. Пропп В. Я. — КЛЭ, т. 6. М., 1971, столб. 42.
- Сесельските А. Владимир Яковлевич Пропп. — В кн.: Литература и язык. II. Вильнюс, 1971, стр. 491—496 (на литовск. яз.).
- Breumayer R. Vladimir Jakovlevič Propp (1895—1970) — Leben, Wirken und Bedeutsamkeit. — Linguistica Biblica, 1972, No. 15/16, S. 36—66.

ПАМЯТИ А. М. АСТАХОВОЙ

(1886—1971)

Анне Михайловне Астаховой принадлежит одно из ведущих мест в становлении и формировании советской фольклористики. Основные вехи ее научной биографии неразрывно связаны с этапами развития нашей

науки о фольклоре. Она жила, училась и совершенствовалась в недрах этой науки, разделяла ее успехи и неудачи, периоды кризиса и расцвета. Исследования русских былин, основанные на огромном фактическом материале, собранном самой Анной Михайловной, поставили на новые методологические основы изучение этой старой в фольклористике темы. Оставаясь крупнейшим знатоком русского эпоса, А. М. Астахова проявляла интерес и к истории русской фольклористики, взаимоотношению литературы и устной поэзии, к изучению народного творчества советской эпохи. Это был человек большой активности и организаторских способностей, чуткий, отзывчивый товарищ, требовательный, добροжелательный учитель.

А. М. Астахова родилась в 1886 г. в Кронштадте в семье офицера минного полка. В шестилетнем возрасте она лишилась матери. В 1903 г., когда Анна Михайловна закончила среднее учебное заведение, умер отец. Пенсия была невелика, и Анна Михайловна, поступившая в женский педагогический институт, начинает давать частные уроки. После окончания института с 1908 г. работала преподавателем русской литературы и истории в различных средних учебных заведениях: в 1909 г. в г. Валке, в 1909—1912 гг. в Тбилиси, а с 1912 по 1931 г. в Ленинграде.

С ранней юности Анна Михайловна Астахова была в центре общественной жизни, передовых идей и начинаний. В 1905—1906 гг. она состояла в студенческой большевистской организации. После революции, рабо-

тая в школе, руководила ученическими кружками, участвовала в комиссиях по проверке социалистического соревнования, читала доклады и лекции, вела методическую работу в школе. В 1919—1920 гг. она преподавала в ликбезе, предварительно окончив спецкурсы.

К научным исследованиям по литературе и фольклору Анна Михайловна обратилась в 1921 г., когда поступила на курсы по подготовке научных сотрудников при Государственном институте истории искусств (в следующем году преобразованные в Высшие курсы искусствознания). В 1922 г. ей было присвоено звание научного сотрудника второй категории, а весной 1923 г. Ученый совет Института избрал ее научным сотрудником первой категории вне штата. В то же время Анна Михайловна была приглашена читать лекции на Высших курсах искусствознания, где одновременно и продолжала учиться. С 1923 по 1929 г. она читала лекции по введению в русскую литературу XVIII—начала XX в., вела семинары по тому же предмету, а также по стиховедению и народному творчеству.

С середины 1931 г. трудовая и научная деятельность Анны Михайловны Астаховой связана с учреждениями Академии наук СССР. В этом году ее пригласили на должность научного сотрудника в Институт по изучению народов СССР, который в 1933 г. слился с Институтом этнографии. В марте 1939 г. Отдел фольклора был переведен в Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, где Анна Михайловна проработала до июля 1965 г. (времени ухода на пенсию). До 1941 г. была ученым секретарем Отдела фольклора, с 1943 по 1945 г. исполняла обязанности заведующей Отделом.

С 1931 по 1956 г. А. М. Астахова стояла во главе архивного хранилища Сектора народного творчества ИРЛИ (ныне раздел пятый Рукописного отдела Института русской литературы АН СССР). Она — организатор этого архивного собрания, его первый хранитель, создатель системы обработки фольклорных материалов.

В 1935 г. Особой квалификационной комиссией при Президиуме АН СССР А. М. Астаховой присуждается ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации. В 1944 г. она защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Северный период в истории русской былинны».

Работая в учреждениях Академии наук, Анна Михайловна постоянно находилась в гуще общественной жизни. Она была непременным участником конференций и совещаний по фольклору и этнографии, съездов писателей и народных сказителей; вела консультативную работу с собирателями на местах. Особенно тесно соприкасалась Анна Михайловна с фольклористами Карелии, неоднократно избиралась членом Ученого совета Карело-Финского научно-исследовательского института культуры, подготавливала и редактировала издания этого института. В 1930—1931 гг. А. М. Астахова — секретарь Художественно-политического совета Этнографического театра; с 1932 г. — действительный член Географического общества, где в 1932—1934 гг. была председателем Комиссии по детскому быту, языку и фольклору.

Во время Великой Отечественной войны Анна Михайловна занималась подготовкой к эвакуации ценностей Института. С 1942 г., эвакуированная с частью сотрудников Пушкинского дома в Казань, являлась начальником санпункта, трудилась на оборонных работах. По возвращении в Ленинград в мае 1944 г. принимала участие в восстановлении города.

Научно-исследовательские разыскания не прервали педагогической деятельности Анны Михайловны. В 1945—1956 гг. она читала лекции по

фольклору и вела спецкурс в Ленинградском педагогическом институте, занимая должность профессора кафедры русской литературы. Доброжелательный наставник, Анна Михайловна умело и с любовью руководила молодежью. Среди ее учеников немало крупных исследователей фольклора и литературы.

Основным делом научной жизни А. М. Астаховой стало разрешение проблем, касающихся русского героического эпоса. Ее первая работа была опубликована в 1926 г. В том же году она вошла в число участников комплексной искусствоведческой экспедиции в Заонежье. С этого года Анна Михайловна организует и осуществляет ряд экспедиций: на Пинегу, на Мезень, Печору, в Поморье, Карелию, Восточную Сибирь, Московскую и Ленинградскую области. Эти поездки дали науке огромный фактический материал по разным жанрам русского фольклора и особенно по эпосу.

Ни один вид русского устного творчества не вызвал такой обширной литературы, как былины, которые привлекали внимание ученых с самого начала развития отечественной фольклористики. В дореволюционной науке считалось, что XIX и XX в. — лишь время последовательного искажения отмирающей архаики. А. М. Астахова в результате своих многолетних экспедиционных наблюдений в 20—30-е годы и изучения существующих публикаций пришла к выводу, что былинку Севера этого периода нельзя рассматривать только как архаику, ибо для певцов — хранителей эпоса — это было еще живое искусство. Несмотря на действительные признаки угасания и упадка старинного эпического мастерства, уменьшения круга лиц, культивировавших былинку, все же рано было говорить о прекращении жизни данного жанра. Она рассмотрела многочисленные варианты с целью уяснения закономерностей в фольклорном творческом процессе. Свои заключения А. М. Астахова обобщила в книге «Русский былинный эпос на Севере», опубликованной в 1948 г. Работа явилась первым фундаментальным исследованием, вскрывшим судьбу эпоса, бытовавшего в XX в. у архангельских и олонедских крестьян.

Автор пришла к выводу, что основной тенденцией позднейшего этапа жизни традиционных былин стало углубление социальных противоречий, психологизация образов, внедрение реально-бытовых деталей, циклизация и контаминация вариантов, творческая разработка сказителями классических текстов и переложение в форму былин произведений, взятых из других жанров фольклора и книг. Исследование А. М. Астаховой опровергло взгляд на былевой эпос как на неподвижное чуждое современности целое, полностью сложившееся в отдаленные века и только с некоторыми невольными изменениями сохраняемое лучшими сказителями XIX—XX столетий.

Перейдя к рассмотрению смежных проблем, Анна Михайловна изучала южную донскую былинку, особенности сатиры и юмора в былинах, народные сказки о богатырях русского эпоса, которые до того никогда не анализировались специально с целью раскрытия их идейно-художественной природы. А. М. Астахова показала, что они, отразив позднейшую судьбу былинных сюжетов и богатырских образов, стали в то же время новой разновидностью волшебной героической сказки. Исследуя роль книги в былинном сказительстве, А. М. Астахова заметила, что если опубликованные тексты были предварительно литературно обработаны, то сказители, воспринявшие былинку из книги, возвращали текст в русло эпической традиции, отбрасывали несвойственные народному творчеству образы и поэтические приемы.

В 1966 г. А. М. Астахова выпустила в свет монографию «Былины. Итоги и проблемы изучения», в которой на основе анализа громадного количества специальных трудов (часто малоизвестных и забытых) обрисовала основной круг вопросов, встававших на пути исследования русского эпоса. Она раскрыла достижения советского этапа науки, когда развернулось собирание, давшее обилие свежих важных материалов, были подняты новые проблемы, критически пересмотрен ряд положений и преодолены серьезные заблуждения. В книге подробно рассмотрены спорные вопросы происхождения и истории жанра, его художественного своеобразия, отношения к действительности; обобщая ход изучения исторических корней русского эпоса, А. М. Астахова выступила против упрощенного сближения былин с летописными фактами. Монография содержит программу дальнейшего изучения нашей героико-патриотической устной поэзии, в которую входит сравнительное рассмотрение творчества других народов и прежде всего эпосов сходного типа, родственных по времени и исторической обстановке их формирования. Это будет способствовать решению важных проблем, в том числе выявлению национального своеобразия русских былин.

Заслуга А. М. Астаховой в области изучения русского эпоса заключается и в большой публикаторской работе. Уже в первом изданном ею совместно с Н. П. Андреевым сборнике «Русский фольклор. Эпическая поэзия», открывшем в 1935 г. малую серию «Библиотеки поэта» (Анной Михайловной был подготовлен раздел былин и исторических песен), присутствовало много текстов, известных до того лишь узкому кругу специалистов, а расположение их по сюжетным циклам наглядно познакомило читателей с видоизменением эпических образов.

Ценнейшим вкладом А. М. Астаховой в классический фонд изданий отечественного народного творчества стало двухтомное собрание «Былины Севера» — результат ее собирательской работы 1920 — 1930 гг. Представленные здесь тексты предельно точны по записи; комментарии, разбитые по сюжетам и опирающиеся на все печатные варианты дореволюционного времени и советского периода, как и весь справочный аппарат, имеют самостоятельное значение для науки.

На таком же высоком уровне выполнены и другие издания былин, подготовленные при активном участии и под редакцией А. М. Астаховой: «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье» (совместно с С. А. Шахматовой-Коплан), «Былины в записях и пересказах XVIII века» (совместно с В. В. Митрофановой и М. О. Скрипилем — том, открывший серию Пушкинского дома «Памятники русского фольклора»); «Былины Печоры и Зимнего берега. (Новые записи)» — книга, подготовленная в содружестве с Э. Г. Бородиной-Морозовой, Н. П. Колпаковой, Н. К. Митропольской, Ф. В. Соколовым и содержащая записи 40—50-х годов нашего века — последних лет жизни эпоса в устной традиции.

Большой интерес представляет антология «Илья Муромец», выпущенная А. М. Астаховой в серии «Литературные памятники», — первое научное издание произведений народной поэзии о центральном герое русского эпоса. Составительницей привлечены как классические тексты известных сказителей, так и редкие записи, рукописные пересказы и лубочные обработки. Том сопровождается обширными комментариями и обстоятельной статьей. Создавая этот своеобразный свод, А. М. Астахова представила устную поэзию в том ее виде, в каком она живет в традиции. На примере данной работы продемонстрировано бережное отношение исследовательницы к подлинному тексту, противостоящее субъективным авторским домыслам, приводящим порой к прямым искажениям (свою точку зрения

по этому вопросу Анна Михайловна специально аргументировала в рецензии на книгу Н. В. Водовозова «Русский народный эпос»).

Занимаясь вариативностью устной поэзии, Анна Михайловна не могла обойти проблему сказительства, соотношения индивидуального и коллективного творчества. Она стремилась раскрыть роль сказителей не как механических носителей заученных текстов, а как живых участников их создания. В период преувеличенного представления о возможностях дальнейшего активного развития былинного новотворчества (новин) А. М. Астахова призывала к крайне осторожной, вдумчивой помощи сказителям в процессе их сочинительства. Вместе с тем Анна Михайловна пристально следила за деятельностью М. С. Крюковой, И. Г. Рябининой-Андреева и других крупнейших носителей фольклора. После Великой Отечественной войны исследовательница доказала, что магистральная линия развития фольклора нашей эпохи лежит не в сказительстве; это стало очевидным на фоне живого массового творчества военных лет.

Современный фольклор вообще интересовал Анну Михайловну во всем его многообразии. В числе первых советских фольклористов она записывала и анализировала произведения устной поэзии о гражданской войне, в начале 30-х годов разработала и опубликовала вместе с Н. П. Андреевым «Проект программы по собиранию и изучению фольклора гражданской войны», пристально занималась частушкой — самым отзывчивым, гибким жанром современной деревни. Результаты своих раздумий о современной устной поэзии она изложила во введении и в одной из центральных глав вышедших под ее редакцией «Очерков русского народно-поэтического творчества советской эпохи» (М.—Л., 1952). Глава «Народное творчество в период завершения строительства социалистического общества (1935—1941 гг.)», написанная совместно с С. И. Минц, привлекает своей обстоятельностью и обилием фактов. «Очерки» были первым опытом обобщения материалов нового фольклора. Отражая уровень науки начала 50-х годов, они, естественно, содержали ряд теоретических просчетов, однако сыграли положительную роль, послужив основой для плодотворной дискуссии о природе и характерных особенностях современного народного творчества.

Круг научных интересов А. М. Астаховой был необычайно многообразен. Среди опубликованных ею работ имеются труды о заговорах, внеобрядовых лирических импровизациях-плачах, исторических, хороводных, старых рабочих песнях, о героико-патриотических традициях русской устной словесности и др. Прекрасно зная всю текущую специальную литературу, она выступила редактором и предварила обзорными статьями трехтомный библиографический указатель «Русский фольклор», составленный М. Я. Мельц, и некоторые другие библиографические подборки. Анна Михайловна много занималась методикой экспедиционной работы. В 1938 г. ею был прочитан цикл лекций по сбору и записи фольклорных произведений. В 1960 г. она выступила одним из соавторов подробной инструкции, посвященной собиранию произведений устнопоэтического творчества. А. М. Астахова была требовательным, но объективным и справедливым рецензентом, откликавшимся на издания по фольклору русского народа и народов братских союзных республик; оценивала и печатные выступления зарубежных коллег.

Большой след в нашей фольклористике оставила Анна Михайловна как тщательный, добросовестный и компетентный научный редактор широкого профиля. Вместе с В. Г. Базановым она подготовила к изданию все сборники, составившие серию Карельского филиала Академии наук СССР «Библиотека русского фольклора Карелии», все вышедшие по 1970 г.

тома серии «Памятники русского фольклора», издаваемой Пушкинским домом. Основные послевоенные публикации Сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР прошли через руки А. М. Астаховой. Она была одним из наиболее активных членов редакционной коллегии двенадцати томов ежегодника «Русский фольклор» и осуществляла ответственное редактирование четвертого тома, уже тяжело больная принимала участие в работе над настоящим томом.

Анна Михайловна всегда с уважением относилась к сослуживцам. Последней ее работой, написанной незадолго до смерти, была статья о коллеге и многолетнем товарище А. Н. Лозановой.

Долгая и насыщенная жизнь Анны Михайловны является примером честного, принципиального служения советской науке, любви к народу и его художественному творчеству. Труды А. М. Астаховой будут пользоваться многие поколения фольклористов и этнографов.

М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова

СПИСОК РАБОТ А. М. АСТАХОВОЙ ЗА 1968—1971 ГОДЫ¹

- Новины. — Пашкова А. М. — КЛЭ, т. 5. М., 1968, стлб. 315 и 634.
 Отголоски сказания о Бове-королевиче в русском эпосе. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (8). Львов, 1968, стр. 17—22.
 Петр Дмитриевич Ухов. Некролог. — В кн.: Литературное наследство, т. 79. М., 1968, стр. 639—642.
 Соредактура книги: Загадки. Издание подготовила В. В. Митрофанова. Л., 1968.
 Соредактура книги: Русский фольклор, XI. Л., 1968.
 Один из старейших вариантов хороводной игры в женитьбу. — ТОДРА, XXIV. Л., 1969, стр. 284—287.
 Редактура книги: А. К. Микушев. Коми эпические песни и баллады. Л., 1969.
 Николай Петрович Андреев в истории советской фольклористики 20-х—30-х годов. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971, стр. 181—200.
 Рецензия: Пушкирев Л. Н. — СЭ, 1972, № 2, стр. 152.
 А. Н. Лозанова. Некролог. — РФ, XII. Л., 1971, стр. 221—223.
 Рыбников П. Н. — Рябинины Т. Г., И. Т., И. Г., П. И. — Сказители. — КЛЭ, т. 6. М., 1971, стлб. 560, 573 и 879—880.
 Редактура книги: А. Д. Соймонов. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971.
 Соредактура книги: Исторические песни XVIII века. Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
 Соредактура книги: Русский фольклор, XII. Л., 1971.
 Вступительная статья и редакция книги: Былины. Свод музыкального фольклора. (Находится в производстве).

СТАТЬИ ОБ А. М. АСТАХОВОЙ

- Астахова А. М. — КЛЭ, т. 1. М., 1962, стлб. 347.
 А. М. Астахова. (К 70-летию со дня рождения). — РФ, I. М.—Л., 1956, стр. 303—310.
 Алексеева О. Б. и Емельянов Л. И. Научная сессия, посвященная 70-летию А. М. Астаховой. — РФ, II. М.—Л., 1957, стр. 326—331.
 Путилов Б. Н. Печатные работы А. М. Астаховой с 1957 г. — РФ, XI. М.—Л., 1968, стр. 341.
 Чистов К. В. Анна Михайловна Астахова. Некролог. — СЭ, 1971, № 4, стр. 105—107.
 Адрианова-Перетц В. П. Памяти Анны Михайловны Астаховой (1886—1971). — РЛ, 1971, № 4, стр. 237—239.

¹ Список работ А. М. Астаховой за 1926—1956 гг. см.: РФ, т. I, М.—Л., 1956, стр. 305—310; за 1957—1967 гг. — см.: РФ, т. XI, Л., 1968, стр. 342—347.

О П. Н. БЕРКОВЕ КАК ФОЛЬКЛОРИСТЕ

Павел Наумович Берков был ученым-энциклопедистом: его научные интересы поражают своей широтой и разнообразием. Русская литература XVIII в., в изучении которой он признан крупнейшим специалистом, литература народов СССР, библиография, книговедение, историография, исследование творчества Брюсова, Куприна и других русских писателей — в каждую из этих областей литературоведения П. Н. Берков внес свой вклад, ставший ценным достоянием нашей науки. Фольклористика не занимала главного места в исследовательской деятельности П. Н. Беркова, и тем не менее ученому принадлежит более двадцати научных работ, непосредственно посвященных изучению народного творчества. Среди этих работ можно выделить несколько групп, объединяющих труды, связанные общей тематикой.

Значительным событием в советской фольклористике было появление книги «Русская народная драма XVIII—XX веков» (Тексты пьес и описания представлений. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М., 1953, 355 стр.).¹ Ученый, как и в большинстве своих исследований, обратился к малоизвестному, почти не изученному материалу. В подготовленном П. Н. Берковым издании народный театр впервые был представлен так полно и разносторонне: здесь пьесы и интермедии, создававшиеся и в крестьянской, и в солдатской, и в городской демократической среде. Вступительная статья, предпосланная сборнику, обобщает результаты работы ученого над текстами народных пьес. В этом очерке П. Н. Берков выдвигает ряд проблем, имеющих большое принципиальное значение в современной фольклористике. В частности, исследователь на основе своего разностороннего и глубокого опыта изучения русской литературы XVIII в. ставит вопрос о тесном взаимодействии, существовавшем между народным театром и профессиональным. П. Н. Берков показывает, каким образом литературные пьесы проникали в народную среду, и, с другой стороны, как плодотворно для авторов и исполнителей литературных пьес было знакомство с народной драмой, которая «своим живым, полнокровным и ярким мастерством питает русскую актерскую игру и делает ее жизненной, мужественной и прекрасной своей простотою».

Продолжая впоследствии свои разыскания в этом направлении, П. Н. Берков опубликовал еще несколько работ, содержащих новые интересные факты и ценные материалы по истории русской народной драмы: «Вероятный источник народной пьесы „О царе Максимилиане и его непорочном сыне Адольфе“» (ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957); «Одна из ста-

¹ См. рецензии П. Г. Богатырева (ИЮЛЯ, 1955, № 2), С. Владимирова и Д. Молдавского (Театр, 1955, № 1), Т. М. Акимовой (РФ, II. М.—Л., 1957), Р. Гурского (Pamiętnik literacki, 1955, rocz. XLVI, zesz. No. 3), Т. Дэмэтэр (Filológiai Közlöny, 1955, szeptember).

рейших записей „Царя Максимилиана“ и „Шайки разбойников“ (РФ, т. IV. М.—Л., 1959); «К литературной истории народной драмы „Как француз Москву брал“» (Вопросы фольклора. Томск, 1965).

Другая тема, связанная с фольклором, появилась в работах П. Н. Беркова, посвященных М. В. Ломоносову: «Ломоносов и народное творчество» (Научный бюллетень ЛГУ, 1945, № 4); «Ломоносов и фольклор» (Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.—Л., 1946). Исследователь тщательно собрал и проанализировал все высказывания М. В. Ломоносова, в которых идет речь о народном творчестве. Указанные статьи П. Н. Беркова о М. В. Ломоносове, а также его работа «К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в.» (Известия АН СССР, Отд. обществ. наук, 1936, № 3) интересны не только приведенным материалом, но и самой постановкой проблемы «литература XVIII века и фольклор». Спустя более чем двадцать лет, когда эта проблема стала предметом специального исследования, предпринятого коллективом сотрудников ИРЛИ, Павел Наумович поддержал идею создания такого труда и принял участие в обсуждении его отдельных глав.

Интересы П. Н. Беркова-фольклориста были связаны как с русской литературой XVIII в., так и с литературой народов СССР. Еще в военные годы, во время пребывания П. Н. Беркова в Киргизии, появилась его статья «Любовь к родине в эпосе „Манас“» (Советская Киргизия, 1944, 1/X). Киргизский национальный эпос «Манас» и его патриотическое содержание стал затем предметом дальнейших углубленных исследований ученого, автора нескольких работ о «Манасе»: «Алтайский эпос и „Манас“» (Вопросы изучения эпоса народов СССР. Киргизский героический эпос Манас. М., 1961); «Библиографический указатель литературы о „Манасе“» (там же, совместно с Э. К. Сагидовой); «Идея родины в „Манасе“» (Манас—героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968).

П. Н. Берков всегда придавал исключительно большое значение библиографии, рассматривая ее как необходимую основу для разработки любой научной проблемы. Занимаясь вопросами фольклора более или менее эпизодически, ученый, однако, не только внимательно следил за библиографией работ по народному творчеству, но даже сам составил библиографический перечень материалов о русском лубке, восполнив таким образом существовавший до этого пробел в нашей науке. Работа П. Н. Беркова «Материалы для библиографии литературы о русских народных (лубочных) картинках» (РФ, т. II, М.—Л., 1957) стала ценным пособием для дальнейшего изучения этого своеобразного жанра народного творчества.²

Может показаться несколько неожиданным, что перу Павла Наумовича принадлежат две рецензии, казалось бы никак не связанные с кругом его основных интересов. Первая рецензия посвящена статье Р. Р. Гельгардта «Об исторических мотивах в сказах Бажова» (РФ, т. III, М.—Л., 1958), во второй рассматриваются три сборника восточных сказок (Вестник ЛГУ, 1959, № 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3). Однако для ученого-энциклопедиста обращение к этим изданиям было вполне естественно: исследователя живо интересовали материалы, позволявшие ему провести какие-то новые аналогии, проследить некоторые общие закономерности в историко-литературном развитии разных народов. Так, установив, что сюжет одной из притч Сумарокова совпадает с сюжетом бир-

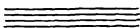
² См.: В. Аникин. От фактов к теории.—ВЛ, 1958, № 12, стр. 216.

манской народной сказки, П. Н. Берков замечает, что «этот факт является любопытным подтверждением старой истины, что у народов есть не только то, что их разделяет, но и то, что сближает их».

Наконец, довольно значительную особую группу представляют статьи П. Н. Беркова, посвященные деятельности ученых-фольклористов: здесь и публикация рукописной заметки А. Н. Веселовского о славянском эпосе (Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 11—12), и статьи критико-биографического характера в энциклопедическом справочнике «Ленинград» (М.—Л., 1957) о М. К. Азадовском, А. Н. Веселовском, В. Н. Перетце, и более подробные очерки, приуроченные к памятным датам жизни и деятельности фольклористов: М. К. Азадовского (ИОЛЯ, 1954, вып. 6), В. М. Жирмунского (РЛ, 1961, № 3), В. Я. Проппа (ИОЛЯ, 1965, вып. 6; Вестник ЛГУ, 1966, № 2, Серия истории, языка и литературы, вып. 1). Эти статьи содержат не только ценные сведения по истории советской фольклористики, но и важные теоретические высказывания и положения, касающиеся самих принципов изучения народного творчества.

Перечислив основные работы П. Н. Беркова, непосредственно посвященные вопросам фольклора, необходимо напомнить, что общий список трудов ученого превышает семьсот номеров, и среди огромной массы неназванных работ есть немало таких, в которых затрагиваются отдельные проблемы, имеющие непосредственное отношение к изучению народного творчества. Значение деятельности П. Н. Беркова для советской фольклористики не исчерпывается, однако, решением частных вопросов изучения фольклора: труды такого крупного ученого, каким был Павел Наумович, имеют и общеметодологическое значение для специалистов в любой области как литературоведения, так и фольклористики.

Н. Д. Кочеткова

ХРОНИКА

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИИ 1969 г.

Архангельская обл.

Кафедра русского народного творчества Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова провела очередную экспедицию, посвященную начатому в 1956 г. изучению современного состояния фольклора на русском Севере. В составе экспедиции работало 4 отряда, перед которыми были поставлены задачи: выяснение местной специфики фольклора, репертуара, исполнительского мастерства и роли фольклора в современности. 1-й отряд (руководитель — В. П. Аникин, участники — студенты С. Айвоян, Е. Рогачевская, М. Карпова, Н. Иванова, В. Савинский, О. Амеликина, Н. Гидаспова, Е. Гинопдман, Н. Фадеева, А. Панков) работал в Холмогорском районе Архангельской обл. Им охвачены населенные пункты: по сельсовету Зачачье — Ендюга, Заборье, Бельково, Крюк, В. Горка, Н. Горка, Красный Яр, Загорье, Фомины, Макары, Димидовы, Чукчин Конец, Короткие, Подлесье, Хутор, Шидозеро, Задворье, Б. Село, М. Село, Глиногорка; по Емецкому с/с — Подгор, Мыза, Заполье, Осередок, Нефериха, Офлориха, Короли, Кузнецово, Брусочиха, Усиково, Кульмино, Кязмуш, Сухарево, Прилуки, Акёново, Кожгора, Шильцево, Горончарово, Мелондово, Гора, Запорье, Волость, Беличи, Кельи, Сия-монастырь, Залебедка, Мельница, Кулига, Сия-деревня; по с/с Сельцо — Высокое, Цигель, Осередок, Горы, Погост, Ярошиха, В. Конец, Конакса, Тёгра, Верхняя, Нижняя, Плесо, Устьмихриньга, Мякурье, Риполово, Шеньга. 2-й отряд (руководитель — Н. И. Савушкина, участники — студенты Л. Бабенко, Р. Бородько, Л. Блинкова, И. Гудкова, Э. Гуткина, З. Зарецкая, Н. Одинцова, Л. Рыбакова, В. Филиппов, О. Черемовская) работал в Холмогорском р-не Архангельской обл. Охвачены населенные пункты: по Пиньгишенскому с/с — Плахины, Заозеро, Заречье, Сивозерщина, Кареньга, Вахново, Зарада, Ерзовка, Погост, Тарасица, Бор, Фелево, Домачево, Куково, Задняя, Кузнецы, Перелесок, Бутырка, Устрека; по В. Хаврогорскому с/с — Плесо, Луташи, Минеши, Болото, Бушковы, Берзник, Заозерье, Кручинины, Заполье, Никитино, Ераши, Репиха, Бухаровщина, Макары, Погост; по Н. Хаврогорскому с/с — Низ, Терентьево, Горка, Ошелково, Кокорево, Терехиха, Часовня, Сухи, Кузнецовы, Конокса, Законкса, Корзово, Оводовы, Поповы; по Челмохтинскому с/с — Гора, Танашевщина, Заполица, Часовня, Дорохово, Казаковщина, Зуевщина, Заполье, Болото, Борок, Клишевщина, Пустоши; по Пукшеньгинскому с/с — Пукшеньга, Заполье, Верхний Конец. 3-й отряд (руководитель — Ф. М. Селиванов, участники — студенты А. Авилова, М. Эпштейн, Е. Гулыга, Т. Третьякова, Л. Недозорова, М. Иванова, Т. Орлова, В. Конрадова, Э. Щекотина) работал в Вельском р-не Архангельской обл. Охвачены населенные пункты: по Судромскому с/с — Судромский Погост, Гладышевская, Пайтово, Ивановская, Прилук, Горы, Залужье, Луновская, Семеново, Жилино; Пакшеньгский с/с — Погост Пакшеньга, Заречная, Ефремковская, Подсосенье, Иванов Закос; Пежемский с/с — Пежма, Прилук, Заречная, Семеновская, Яковлевская, Берег, Высокуша, Федьковская, Климишино, Селиваново; Ракуло-Кокшеньгский с/с — Надручевская, Туровская, Климово, Ревдино, Борок, Суиново, Конедрино, Березниково; Долматовский с/с — Долматово, Жуково, Середняя, Борисовская, Дмитровка, Васьково, Хорюшино, Голково, Гамиловская, Лужки; Липовский с/с — Липовка, Палкино, Семеновская, Колоколовская, Доровская, Георгиевская, Андричевская, Залеменьга, Михайловка; Благовещенский с/с — Благовещенское, Чурковская, Ушаково, Мияховская, Хребтовская; Мелидинский с/с — Сельминга, Макеево; Усть-Кулойский с/с — Сивчуга, Стрелка, Юково, Раменье. 4-й отряд (руководитель Е. А. Ремезова, участники — студенты И. Воробьева, Н. Иванова, И. Киндякова, А. Лободанов, Е. Овчинникова, Е. Потапова, Е. Токарева, И. Чубасова, Т. Мutowкина) работал в Верхнетоймском р-не (и частично в Виноградовском р-не) Архангельской обл. Охвачены населенные пункты: Вершинский с/с — Горка, Черный Ручей, Пога, Рыково, Б. Мыгра, Шипичево, Любиха, Запольки (Бубновская), Кулига, Мила I, Мила II, Томаша, Борисиха, Бутыры (Кузь-

минская), Нижняя, Шихино, Ергим, Сухой Нос; Горковский с/с — Согра, Керга, Ефимово, Лохома, Бор, Порошевская, Горка, Мошканово, Монастырь, Ухменьга, Керас, Сарчево, Волюново, Ручей, Великая, Пахомово, Изовера, Вадюга, леспромхоз «Красное»; Усть-Выйский с/с — Клинья, Никитинская, Петрухино, Окулово, Гора, Колоскино, Новинки; Виноградский р-н — Конецгорье (Конецгорьевский с/с). Полевая работа экспедиции проходила с 7 по 31 июля. Всего записано 11 370 текстов: 404 записи сказок, анекдотов, рассказов, 37 легенд, 21 предание, 431 быличка, 1 былина, 23 исторические и солдатские песни, 17 духовных стихов, 74 баллады, 392 свадебные песни, 73 свадебных причета, 623 лирические песни, 511 песен шуточных, игровых и хороводных, 444 текста песен литературного происхождения и романсов, 6188 частушек, 186 пословиц и поговорок, 677 загадок, 115 колядок и виноградий, 205 заговоров, 204 записи гаданий, примет, поверий, 10 записей народной драмы, 440 — детского фольклора, 294 описания обрядов, обычаев, репертуара. Наиболее интересные тексты целиком или в отрывках были записаны на магнитофон. После обработки материалы экспедиции будут переданы на хранение в фольклорный архив кафедры.

Е. А. Ремезова

Карельская АССР

Экспедиция Института истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР проводила работу в Пудожском районе. Задача экспедиции — собирание традиционного устного народного творчества, изучение современного его состояния. Состав экспедиции: Н. А. Криничная, Т. А. Коски, Т. И. Сенькина, А. П. Разумова (начальник отряда). В работе приняли также участие студенты филиала Ленинградской консерватории Т. Таскаева и Л. Кернажицкая. Охвачены следующие населенные пункты: г. Пудож и прилегающие к нему деревни — Новинка, Оржаково, Филимоны, деревни Колодозерского сельсовета — Устьрека, Погост, Лахта, Заозерье, Шаниково, Ершово, Кукасово; деревни Бочаловского сельсовета — Семеново, Кашино. Экспедиция работала с 4 по 27 июня. Записано 859 текстов: 1 былина, рассказанная прозой, 6 баллад, 6 духовных стихов, 1 историческая песня, 41 сказка, 12 преданий, 45 быличек, 32 рассказа о своей жизни, 23 протяжные песни, 36 лирических, 43 свадебных, 80 плясовых (шуточных, кадильных), 24 солдатских и рекрутских, 8 тюремных, 12 колыбельных, 52 старинных романса, 4 романса-переделки, 271 частушка, 60 загадок, 65 пословиц и поговорок, 29 свадебных причитаний, 8 детских считалок, 3 рассказа об обрядах. Все записано на магнитофонную ленту. Материалы сданы на хранение в кабинет звукозаписи ПИЯЛИ, будут расшифрованы и переданы на хранение в архив Карельского филиала АН СССР.

А. П. Разумова

Вологодская обл.

Ленинградской консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова была организована комплексная фольклорная экспедиция с целью обследования состояния фольклора в Никольском районе. Руководитель экспедиции — М. Л. Мазо, участники: А. Е. Туник, студенты Н. А. Абубакирова, Л. Бабицкая, Н. Бердичевская, Л. Бебчук, Т. Блаева, Р. Бутакова, Н. Голубева, В. Дорохин, Л. Иванова, Э. Кейлина, В. Кобекин, В. Кошелев, В. Коннов, Т. Маркова, Л. Наймарк, Н. Сниковская, Н. Толстой, А. Томчин; аспирантка ЛГУ С. Томчина; студенты Вологодского педагогического института Н. Буров, З. Лаврентьева. Записи производились в 97 населенных пунктах Никольского района. Обследованы 15 сельсоветов: Аргуновский, Зеленцовский, Вахневский, Теребаевский, Никинский, Калининский, Байдаровский, Завражский, Пермасский, Осинковский, Краснополянский, Переселенческий, Верхне-Кемский, Нижне-Кемский, Полежаевский. Экспедиция работала с 1 по 25 июля (с 1 по 12 июля 24 человека, с 13 по 25 июля — 14). Сделана 791 запись, из них 119 свадебных песен, 39 плачей (свадебных, похоронных и 2 рекрутских), 93 хороводных и игровых (почти все приурочены к святкам), 161 лирическая песня (крестьянские), 102 романса и городских песни, 25 шуточных и плясовых, 71 частушка, 10 баллад, 45 колыбельных, 17 духовных стихов, 18 сказок, 6 календарных песен, 1 современная, 4 считалки, 55 загадок. Произведено также 16 инструментальных записей (тальянки с колокольцами, ложки). Записи делались на магнитофонную ленту. На киноленту заснято исполнение двух игровых, свадебной, колыбельной песен и плача (похоронного). Все фоно-фото-киноматериалы хранятся в лаборатории народного творчества консерватории. Записи текстов песен, духовных стихов, сказок, загадок хранятся также на кафедре русской литературы Вологодского пединститута.

М. Л. Мазо

Новгородская обл.

Сектор фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР провел экспедицию в Боровичский, Мошенский и Хвойнинский районы в составе Э. И. Власовой, А. В. Васильева, В. В. Коргузалова, М. А. Лобанова, В. В. Митрофановой (начальник экспедиции). В работе участвовали студенты ЛГУ Г. А. Бирюкова, В. С. Остроумова, Л. Я. Петрова, Н. В. Шеховцова, И. П. Цыганкова и студенты Ленинградской консерватории М. И. Викторова, И. Г. Давыдова, Н. С. Лебедев, В. О. Фадеев, а также студенты Новгородского пединститута под руководством В. И. Жекулиной. Задача экспедиции — продолжение фольклористического обследования Новгородской области, начатого в 1968 г. В Боровичском районе с 18 по 30 июня работала В. В. Митрофанова и 18—20 июля М. А. Лобанов. Было обследовано село Кончанское. Записано 27 протяжных лирических песен, 16 частей, 21 свадебная, 228 частушек. Сделано 178 магнитофонных записей. В Мошенском районе работали с 1 по 18 июля М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова и студенты ЛГУ. Было обследовано село Устрека и прилегающие деревни: Мелехово, Закарасенье, Осипово, Сельцо, Львово, Филистово, Матвеево, Чирково, Фалалеево; село Красная Гора с прилегающими деревнями: Дудино, Коницево, Филиппово, Крутец. Производились также записи в деревне Овинец и поселке Мошенское. Записано 267 песен (146 лирических протяжных, 34 частых, 9 обрядовых, 78 свадебных), 19 причитаний, 15 свадебных приговоров, 9 сказок, 32 загадки, 9 считалок, 593 частушки. В Хвойнинском районе работали Э. И. Власова, В. В. Коргузалов и студенты Ленинградской консерватории. Обследовано пять сельсоветов: Кушаверский (деревни Кушавера, Остров, Дворище, Бельково), Жилоборский (Жилой Бор, Шипилово, Мышино), Ямский (Теребут, Шестерня, Ямское), Миголошский (Миголоши, Дубинина Горка, Пожарье, Ямница, Опарино, Першутино, Наротово, Спасово), Боровский (Боровское, Клеймиха, Мякишево, Гусево, Жирово, Пески, Ванево). Разведывательная работа проводилась также во Внутром сельсовете (д. Ерзовка), Минецком (с. Минцы), Кабожском (д. Комарово) и станции Печь. Группа работала с 19 июня по 19 июля (студенты с 30 июня). Сделано 836 записей: 329 песен (из них 69 свадебных, 51 календарная, 73 хороводных, игровых и беседных, остальные — песни литературного происхождения, их переделки и романсы), 326 частушек, 131 прозаический текст (из них 13 сказок, 29 рассказов о прошлом, 6 анекдотов, 4 былички, 18 заговоров и поверий, 7 легенд и преданий, 10 рецептов народной медицины, 23 поговорки, 18 загадок, 3 драматизированных текста — сценки «Колдун», «Цыган» и псалмодия пародийного характера «Сидор Поликарпович»). Записи детского фольклора составляют 13 баек и считалок и 2 «страшилки» (повествовательные рассказы о страшном). Сделано 280 магнитофонных записей, применялась кинокамера (сняты игра на бубне, игра на черемуховом и берестяном рожке и др.). Материалы сданы в Рукописный отдел ИРЛИ и фонограммархив.

Э. И. Власова, В. В. Митрофанова

Латвийская и Эстонская ССР

Экспедиция Московской консерватории в Прибалтику проводилась совместно с музеем им. Рублева. Цель экспедиции — запись древних знаменных распевов в старообрядческих районах. Руководитель — Т. Ф. Владышевская. Записи производились в г. Риге (Гребенщиковская старообрядческая община), г. Даугавпилсе ЛатвССР и д. Раюши ЭстССР с 1 по 25 июля. Записаны на магнитофон духовные стихи и церковные песнопения (гласовые знаменные и местные народные распевы) в количестве 94. Материалы сданы для хранения в Кабинет народной музыки Консерватории.

Н. М. Савельева

Калининская обл.

Филологический факультет Калининского педагогического института продолжал начатую в предыдущие годы работу по собиранию фольклора в Верхнемоложском крае, где в 1926 г. работала экспедиция под руководством Ю. М. Соколова. Экспедицией 1969 г. руководила А. В. Гончарова, участниками были студенты В. Н. Расторгуев, Л. А. Кузнецова, Л. А. Щепетова, Л. В. Сочкина, А. З. Бахтиярова, Л. Н. Орлова, А. Е. Нечаева, Т. В. Дементьева, Г. А. Бараненкова. Сбор материала производился в основном в Максатихинском районе Калининской области, в населенных пунктах: Рыбинское, Заручье, Кузнецы, Тельцово, Лашемля, Любятино, Кудряшово, Княжово. Полевая работа продолжалась с 2 по 12 июля. Записано 20 сказок о животных, 22 волшебных сказки, 18 бытовых, 3 бывальщины, 7 описаний свадеб-

ного обряда, 66 свадебных песен, 14 причитаний, 12 лирических семейных песен, 30 любовных, 5 солдатских, 3 тюремных, 16 хороводных, 5 плясовых, 8 шуточных, 1 святочная, 1 троицкая, 7 колыбельных, 26 песен литературного происхождения, 4 романа, 133 частушки, 36 устных рассказов. Примерно 70—80% записей произведены на магнитофон. Это — все произведение прозаических жанров и наиболее интересные песни, причитания, частушки. Материалы экспедиции сданы на хранение в кабинет литературы Института, а в дальнейшем в копиях будут храниться также в Областном архиве и в Доме народного творчества.

А. В. Гончарова

Московская обл.

Очередная фольклорная экспедиция была организована кафедрой русской литературы Московского областного педагогического института. Цель экспедиции — обследование современного состояния фольклора в одном из районов области, сбор сведений о бытовании жанров, характерных для средней России. Научный руководитель А. М. Новикова. В составе экспедиции было 5 студентов и 3 учителя средних школ (бывшие студенты того же института). Экспедиция работала с 5 по 15 июля в южной части Серпуховского района недалеко от поймы Оки. Одна группа — в д. Балково, Тульчино, Зыбинка и Алфертищево, другая группа — в д. Калиново, Дракино и Новики. Экспедицией в целом сделана 521 запись. Всего записана 231 лирическая песня, из них 22 хороводных, 47 свадебных, 42 поздних любовных, 18 песен литературного происхождения, 3 колыбельных, 3 свадебных причитания. Остальные песни состояли из традиционных любовных и небольшого количества традиционных семейных и солдатских. Кроме песен, экспедицией записано 197 частушек (почти все — любовного содержания), 91 пословица, 1 свадебный обряд, 1 легенда. Песни и частушки записывались на магнитофон. Материалы экспедиции сданы в архив кафедры русской литературы Института.

А. М. Новикова

Рязанская обл.

Кафедра литературы Рязанского государственного педагогического института с 5 по 15 июля с. г. провела экспедицию в Клепиковский район. В экспедиции принимали участие 9 студентов, руководитель — В. К. Соколова. Основные задачи экспедиции: 1) проследить, какие из жанров дореволюционного фольклора продолжают активно жить в данной местности и 2) какое место в жизни народа занимает сказка. Члены экспедиции были разбиты на 3 группы, работавшие в разных частях района. Было обследовано 12 сел и деревень: Шаронино, Солонино, Воронцово, Иваково, Плишкино, Афанасьево, Егорово, Ушмор, Фролово, Барское, Ханино и Колдево. Записывался весь фольклорный материал; был сделан вывод, что основным жанром, бытующим в Клепиковском районе, является лирическая песня. Всего записано 118 текстов, среди которых 15 обрядовых песен (9 свадебных, 6 календарных), 33 лирические необрядовые (24 любовных, 1 разбойничья, 8 солдатских), 19 частушек, 2 загадки, 9 сказок (1 волшебная, 5 бытовых, 3 о животных). Записано также 39 текстов лирических песен литературного происхождения и 1 потешная. После обработки все материалы будут сданы на кафедру литературы Рязанского пединститута.

В. К. Соколова

Ярославская обл.

Ленинградским Институтом театра, музыки и кинематографии с 6 по 30 июля 1969 г. проведена экспедиция в Угличский район под руководством И. И. Земцовского в составе 15 членов семинара молодых фольклористов при ЛГИТМиК, среди которых были филологи, музыканты, этнограф-искусствовед и техники. Экспедиция имела задачи освоить методику комплексного изучения фольклора (для этого была разработана инструкция) и собрать материал о современном состоянии фольклора в Угличском р-не. Были обследованы почти все сельсоветы района. Записи произведены в следующих населенных пунктах: Заозерский сельсовет — Заозерье, Харлово, Есипово, Кунино, Бронники, Поймаш, Новое Село, Иваново, Отрубнево, Веска, Андреевка, Березники, Орешково, Стройково; Климатинский с/с — Климатинно, Гаврилово, Поповичево, Масальское, Сумы, Высоково, Новинки, Ильинское; Улейминский с/с — Улейма, Горушки, Бутак, Тчаново, Володинское, Вахутино, Деготница; Прилук-

ский с/с — Прилуки, Нетки, Семенково, Копылово, Родионово, Терютино, Ложкино, Якутино, Дегешево, Васильево, Прямиково, Лучкино; Радищевский с/с — Радищево, Горки, Павлоково, Чубуково; Васильевский с/с — Василево, Горки, Каблуково, Фоминки; Ильинский с/с — Ильинское, Судилово; кроме того, обследованы г. Углич, Златоручье — пригород Углича, села Ефремово, Клементьево, Спасское. Записано 29 сказок, 9 быличек, 109 свадебных песен, из них 35 лирических, 51 величальная, 21 плач, 114 лирических песен, 38 плясовых (в основном — кадрилиные), 9 похоронных причитаний, 42 колыбельные, 4 баллады, 93 романса, 230 частушек, 8 календарных песен, 6 молитв; кроме того, записан 31 инструментальный наигрыш (гармошка, балалайка, горн, балалайка с ложками). 1043 записи из общего числа 1300 произведены на магнитную ленту. Все материалы экспедиции хранятся в кабинете фольклора ЛГИТМиК.

А. Ф. Некрылова

Горьковская обл.

В окрестностях озера Светлояр группой преподавателей и студентов МГУ была продолжена работа, начатая год назад комплексной экспедицией «Литературной газеты» (см.: РФ, т. XII. М.—Л., 1970, стр. 270). Экспедицией 1969 г. руководили Н. И. Савушкина и А. С. Орлов. Цель работы — запись произведений устной прозы об озере Светлояре и граде Китеже на более широкой, чем в 1968 г., территории, а также сбор сведений и запись рассказов о других «чудесных» озерах и ключах этого края. Запись производилась в Воскресенском районе в населенных пунктах Светлояр, Владимирское, Содомово, Нестяры. Сроки работы 6—14 сентября. Всего записано 136 текстов, среди них — 73 о Светлояре и Китеже, 40 об озере и селе Нестяры, 23 о других озерах и источниках (Сергачи, Елениха, св. Нифонта). По завершении всей работы (часть ее предстоит выполнить в 1970 г.) записи будут сданы на кафедру русского фольклора МГУ.

Н. И. Савушкина

Татарская АССР

Сектор фольклора Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР в Казани продолжал обследование русских сел с целью сбора русского фольклора. В 1969 г. В. Ф. Павловой было проведено два экспедиционных выезда: в с. Тюбяк-Чекурча Арского района (18—23 июня) и сс. Васильевка и Большое Фролово Буинского района (12—19 ноября). Задача их — сбор сведений о народных праздниках (святки, масленица, встреча и проводы весны), о старой свадьбе и современных изменениях обряда, о бытовании обрядовой поэзии и других жанров фольклора. Собраны сведения по составленному для этих целей вопроснику, сделано четыре подробных записи старой свадьбы начала XX в. с песнями, причитаниями, приговорами дружки и одна — свадьбы 50-х годов XX в. Записано также 11 сказок (7 волшебных, 2 бытовых, 2 о животных), около 140 песен (18 хороводных, 1 игровая хороводная, 21 игровая вечериночная, 40 свадебных, 58 лирических), 40 частушек, одно предание, 4 текста колядок и «таусеней». В Арском районе сделаны магнитофонные записи хороводных, игровых песен и четырех детских сказок. Материалы экспедиции сданы в фонд русского фольклора Института.

В. Ф. Павлова

Свердловская обл.

Филологический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького провел экспедицию, научная задача которой состояла в собирании уральского фольклора (с преимущественным вниманием к несказочной прозе) в местности, не исследованной еще фольклористами. Руководитель экспедиции — В. П. Кругляшова, начальник Верхотурской группы — А. К. Базилевская, Туринской группы — В. В. Блажес; участники — студенты Н. Шаталова, В. Завьялова, С. Сторожкова, В. Вараксина, Т. Ленкова, Г. Романец, Е. Черкашин, В. Третьякова, В. Демина, В. Сошина, В. Липатов, Е. Сурина, А. Сорока, Н. Щенникова, В. Кацук. Записи производились в Верхотурском, Туринском и Слободо-Туринском районах, в населенных пунктах Верхотурье, Красногорское, Туринск, Добанчино, Туринская слобода, расположенных по реке Туре. Полевые работы производились с 4 по 19 июля. Записано 478 песен, из них: 53 семейно-бытовых, 35 любовных, 52 рекрутских и сол-

датских, 33 тюремных, 12 разбойничьих, 45 игровых и хороводных, 86 свадебных, 7 плясовых, 41 песня литературного происхождения (из них 4 исторические), 110 «жесточих» романсов; 30 сказок, из них: 6 волшебных, 8 бытовых, 16 о животных; 165 произведений несказочной прозы, из них: 132 текста преданий и легенд, 43 побывальщины; 233 загадки, 85 пословиц и поговорок, 5 скороговорок, 748 частушек. Материалы экспедиции сданы в фольклорный фонд кафедры русской литературы Уральского университета.

В. П. Кругляшова

Башкирская АССР

Русское отделение Филологического факультета Башкирского государственного университета провело экспедицию по сбору материалов для ряда сборников произведений горнорабочего и крестьянского устного творчества. Особое внимание было обращено на современное состояние народнопоэтических традиций и взаимодействие русского и нерусского фольклора в местных условиях. Руководил экспедицией и одним из ее трех отрядов (в северо-западной части Дуванского района) Л. Г. Бараг. В этот отряд вошли 17 студентов и аспирантка Л. Г. Басырова. Под руководством Н. М. Щедриной во втором отряде (в юго-западной части Дуванского района) находилось 18 студентов и под руководством Б. Г. Ахметшина в третьем отряде (в Нагайбацком и Агаповском районах Челябинской области) — 19 студентов. Кроме того, 10 студентов проходили фольклорную практику в родных селах. Полевая работа велась с 24 июня по 11 июля. В Дуванском районе охвачены населенные пункты: Дуван, Чертан, Тастуба, Ярославка, Метели, Сальёвка (первый отряд), Месягутово, Калмаш, Потаповка, Петуховка (второй отряд). Третий отряд работал в пунктах Коммуна, Ново-Буранное, Комбинат, Наваринка — Агаповского района и Балканы — Нагайбацкого района. Записано: 72 сказки (24 волшебных, 44 бытовых, 9 о животных), 45 преданий и других устных рассказов, 372 песни (180 любовных и семейно-бытовых, 38 свадебных, 14 шуточных, плясовых, 7 хороводных игровых, 2 календарные, 6 колыбельных, 32 солдатские, 19 удалых, тюремных, 2 ямщицкие, 40 революционных, литературного происхождения), 210 частушек, 14 загадок, 8 присказок. В каждом отряде имелись магнитофоны. На магнитофонную ленту записывались только некоторые песни. Материалы экспедиции сданы в фольклорный фонд кафедры русской литературы и в факультетскую фонетическую лабораторию, где ведется их обработка.

Л. Г. Бараг

Пермская обл.

Экспедиция Пермского государственного университета имела научную задачу — обследование фольклора области (совмещаемое с практикой студентов). Руководитель — М. А. Ганина. Записи проводились в следующих населенных пунктах Пермской области: Оханский район — Дуброво, Андреевка, Пономари, Лариха, Осиновка, Палешник, Коршуны, Замятино, Лыва, Мыльники, Воробьи, Городок, Посад, Ераничи, Чуран, Аксеново, Крюково, Верхняя Мельнична, Нижняя Мельнична, Новая деревня, Старая деревня, Мураши; Ильинский район — Ильинское, Дмитриевское, Сретенское, Васильевское, Пепеляево, Зинки, Сюзи, Сержата, Нижние Хромачи, Сутяги, Тимшата; город Пермь — Свердловский район, Мотовилихинский район, Кировский район, Дзержинский район. Полевая работа велась с 7 по 28 июля. Записано 10 песен советской эпохи, 330 свадебных песен и плачей, 320 игровых, хороводных, плясовых, 90 шуточных, 860 проголосных, 800 частушек, 22 текста сказок и рассказов, 20 пословиц, 15 загадок, 30 наговоров дружки. Некоторые материалы были записаны на магнитофон. Все записи сданы на кафедру русской литературы Пермского университета.

М. А. Ганина

В Очерском и Б. Сосновском районах Пермской области мною велась запись произведений народного творчества с мая по сентябрь — в городе Очёр, деревнях Лужково, Новосёлы, в селах Большое Сосново, Петропавловское, Лёвино, Черновское, Красный Яр, Полозово, Осиновка, Лисья, Заболотово, Большие Кизили, Малые Кизили. Записано около 300 песен и свыше 400 частушек. 205 записей произведено на магнитофон. Из общего числа записанных песен 20 хороводных, 53 свадебные, 31 игровая, 65 лирических, 23 шуточные и плясовые, 9 солдатских (из них 4 ка-

зачьи), 15 романсов, 11 календарных и трудовых, 28 бытовых, 6 исторических, 1 песня рабочих, 4 о разбойниках и узниках, 4 о гражданской войне, 2 об Отечественной войне, 1 об империалистической войне, 5 патриотических песен, 5 песен своего сочинения. В Очёре найдена и приобретена инсценировка свадьбы, которая создана в 1949 г. и шла на сцене самодеятельности до 1952 г., поставлена 12 раз. В селе Петропавловском обнаружен альбом, принадлежавший учительнице М. М. Горбуновской. В нем записи песен с середины девяностых годов прошлого века до первых лет после Октябрьской революции (всего более 50 песен).

И. В. Ефремов

Омская обл.

Кружком народного творчества при кафедре литературы Омского педагогического института им. А. М. Горького проведена 10-я фольклорная экспедиция. Цель ее — собирание материала по современному народному творчеству (как дореволюционных произведений, так и созданных в советское время). Работу вели студенты Л. Белкина, Г. Жилещикова, Н. Иванова, Г. Каширина, Н. Коновалова, Л. Новоселова, С. Палашкова, М. Федорова. Руководитель — Т. Г. Леонова. Участники экспедиции побывали в г. Таре и в 13 деревнях и селах (Пологрудово, Семилетка, Темирка, Крапивка, Каргачи, Мартюшево, Ивлево, Баженово, Васисс, РТС, Гриневичи, Васюшки, Имшагал) Тарского района. Работа велась с 6 по 18 августа. Записано 12 календарно-обрядовых песен — 2 масленичные, 5 купальских, 4 жнивные, 1 «осенская» (кроме масленичных, все несут следы белорусского происхождения), 85 свадебных песен (часть песен белорусского происхождения), 5 похоронных причитаний, 1 историческая песня, 77 хороводно-игровых песен (из них 33 «вечерошных»), 18 лирических частых (5 плясовых и 12 шуточных), 154 лирические протяжные (27 солдатских и рекрутских, 23 тюремные, 14 любовных и 30 семейно-бытовых), 1 колыбельная песня, 1 детская потешка, 40 песен литературного происхождения, 120 мещанских романсов и баллад, 23 песни советской эпохи, 320 частушек, 21 сказка (почти все бытовые), 1 пословица, гадания. Сделаны также единичные записи украинских и польских песен, описания отдельных моментов свадебного обряда, масленицы, троицы, праздника в день Ивана Купала, некоторых типов хороводов и игр на вечерках. Для выборочной записи песен применялся магнитофон. Материалы хранятся в архиве кафедры литературы Омского пединститута.

Л. В. Новоселова

Томская обл.

Кафедра советской литературы Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева провела экспедицию в составе авторов этой информации и 68 студентов-филологов. Сбор материалов проводили в Молчановском районе с 1 по 14 июля. Обследованы села: Молчаново, Тунгусово, Гришино, Майково, Колбинка, Полозово, Соколовка, Сарафановка, Золотое, Прогресс, Большой Татощ, Федоровка, Амбарцево, Романовка, Сулзат и Лысая Гора. Записаны тексты 12 лирических протяжных песен, 3 хороводных, 19 шуточных и игровых, 1 обрядовой, 6 свадебных, 4 песен о Великой Отечественной войне, 260 частушек, 7 заговоров, 11 загадок, 18 сказок (2 волшебных, 8 о животных, 8 бытовых), 14 устных рассказов. При записи применялись магнитофоны. Собранные материалы хранятся на кафедре советской литературы Университета.

А. П. Казаркин, Р. И. Колесникова, А. М. Корокотина

Состоялась четвертая экспедиция в Томскую область, организованная фольклорной секцией Ленинградского отделения Союза советских композиторов. В задачи экспедиции входило продолжение записи русских народных песен в Томской области и в смежных с ней районах Кемеровской области. Помимо автора этой информации, в работе принимала участие Е. Валевская. С 13 июня по 26 августа были обследованы: Бакcharский район — села Ермиловка, Варгатер, Стрельниково; Парабельский р-н — Голещихино, Толмачево, Заозеро, М. Пашня, Чигара, Нарым, Камчатка; Каргаский р-н — Средний Васюган, Наунак, Пашня, Каргасок; Томский р-н — Вершинино, Петухово, Аксеново, Сафроновка; села по рекам Томи и Сосновке (Кемеровская обл.) — Косогорова, Пашково, Усть-Сосновка, Иткара, Соломатово, Бодохино-Болотовка, Корчуганово, Мальцево; села по Московско-Иркутскому тракту — Колыно, Почетанка, Постниково, Б. Песчанка, Бериккуль, Старый Тяжин. На магнитофонную

ленту записано 170 напевов русских народных песен и наигрышей на однорядной и двухрядной гармонии. Из этого числа — 70 хороводных песен, 65 лирических, 22 свадебные, 4 календарные, 1 похоронный причет, 3 частушечных напева и 5 наигрышей. В настоящее время ведется работа по расшифровке и подготовке материалов к публикации. Часть уже нотированных песен передана в Центральную фольклорную комиссию Союза советских композиторов, в хоровую капеллу Томского университета и другим заинтересованным организациям.

А. М. Мехнецов

Красноярский край

Экспедиция была организована Фольклорной комиссией Союза композиторов РСФСР с целью собирания трудовых песен, бытовавших у сплавщиков по Енисею. Руководитель — И. А. Истомин (Гос. музыкальный пединститут им. Гнесиных). Исследован район по течению. Енисея между Игаркой и Туруханском: города Дудинка, Игарка, Енисейск, Туруханск и село Вороново. Экспедиция работала с 15 по 31 июля. Записаны исключительно трудовые припевки — 25 образцов. Записи производились на магнитофон. Материалы хранятся в фонотеке Фольклорной комиссии.

М. Б. Чернышева

Иркутская обл.

Экспедиция Иркутского госпединститута состояла из руководителя Е. И. Шастиной и шести студентов. Цель экспедиции — выявить состояние фольклора в Жигаловском районе. За время полевой работы, длившейся с 20 июня по 15 июля, обследованы населенные пункты: райцентр Жигалово, села по р. Лене: Тутура, Тихий плес, Усть-Илга, Молодежный, Грузновка, Коношаново, Дядино; по р. Илге: Дальняя Загора, Качень, Чичек, Кайдакан, Бутирино, Тимошино, Захарово, Бойдоново, Бочай, Лукиново. Народная песня здесь широко бытует: записано 140 номеров, из них 45 любовных крестьянских, 25 городских романсов, 10 «тюремных», 8 из приискательской жизни, 12 казачьих, 8 солдатских, 5 партизанских, 10 сатирических, 17 обрядовых. Последние, в основном свадебные, как правило, потеряли свое ритуальное назначение, но продолжают жить не только у старого, но и у молодого поколения. Широко бытует частушка (200 записей) и быличка (72). Записанные тексты не исчерпывают репертуара этих жанров, так как в задачу экспедиции не входила фиксация всех бытующих произведений. Исключение в этом отношении делалось только для сказок — они не пропускались. В селах по р. Лене записано 49 сказок (20 бытовых, 4 богатырских, 25 волшебных). Детского фольклора зафиксировано 37 номеров. В с. Тимошино систематически работает самодеятельный коллектив. Его репертуар составляют главным образом песни (народные и советских композиторов) и частушки, большая часть которых откликается на события из жизни своего села и сочинена участниками «труппы». Тимошинская самодеятельность обслуживает села в радиусе 40—50 км. Почти все сказки и некоторые песни записаны на магнитофон. По маршруту экспедиционной работы сделан диафильм. Материалы экспедиции хранятся в архиве кафедры литературы Иркутского госпединститута.

Е. И. Шастина

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР НА МЕЖВУЗОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

21—24 мая 1969 г. в Вологде при Педагогическом институте состоялась II Межвузовская научная конференция «Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе (метод и мастерство)». В программу ее по девяти секциям было включено 170 докладов. На этой конференции впервые в Вологде была организована секция по русскому фольклору, древней русской литературе и русской литературе XVIII в. под руководством профессоров Т. М. Акимовой и А. В. Позднеева. Двенадцать докладов и сообщений этой секции были посвящены фольклору.

Первый доклад Т. М. Акимовой (Саратов) был озаглавлен «На путях к реализму». Она отмечает, что о художественном методе фольклора трудно говорить, ибо его жанры отражают народное сознание на разных ступенях его развития. Доклад намечает соответствующие художественные стадии на материале изучения народной лирической песни: а) свадебной как наиболее ранней, б) хороводной игровой и в) бытовой необрядовой любовной тематики. В психологических переживаниях свадебные песни рисуют не душевное состояние героев, а идеальную норму: их условность объясняется домостроевскими взглядами на любовь; натуралистическое истолкование этими песнями любовного чувства ставит человека в параллель с природой. В хороводных песнях любовная тема сочеталась с требованиями свободы в выборе мужа и нежеланием покоряться устарелым бытовым нормам. Во внеобрядовых бытовых песнях любовная тематика выходит из круга условностей, сопоставление с природой становится поэтическим приемом. В состоянии героя (героини) выражается и психологическая сторона. В текстах конца XVIII в. налицо воздействие литературных песен. Второй доклад «Эпическое сознание и эмпирическая достоверность» был сделан Б. Н. Путиловым (Ленинград). Он относит народный эпос к явлениям, создававшимся на основе специфических законов — отношении сюжетосложения, композиции, образов героев, представлений об эпическом времени и пространстве. Эпическая система исторична и развивается по закону типологической преемственности. Одно из проявлений ее развития — возникновение элементов эмпирической достоверности в рамках традиционных эпических сюжетов. Эти элементы в русском эпосе случайны: государства (Орда, Корела) не соотнесены со временем, маршруты поездок неточны и т. д.; эмпирическая достоверность входит в былины, если она им не противоречит. Возрастание новых элементов может приводить к созданию новых жанров (например, баллад).

С. Н. Азбелев (Ленинград) прочел доклад «Устное героическое сказание и историческая реальность». Он отмечает, что до сих пор такие сказания не изучались как произведения одного жанра. Записей немного, но старшие из них относятся к XV в. На эти сказания обратили внимание И. И. Срезневский и А. И. Никифоров (его исследование не напечатано). Средневековые записи можно сопоставить с записями нового времени, что позволяет характеризовать сказания как жанр. Они повествуют о реальных подвигах и определенных лицах. Этим произведениям мало свойственны гиперболизация и фантастика. Сопоставление их текстов с историческими фактами свидетельствует, что первоначально рассказывалось о действительных событиях. Жанр сказаний близок к историческим преданиям. Их поэтические приемы в последние века мало отличались от художественных приемов былин и старших исторических песен. Одной из ближайших задач является изучение связи сказаний с преданиями, историческими песнями и былинами, которые частично возникли на их основе. В. К. Соколова (Москва) посвятила свой доклад теме «Историческое предание и действительность». Согласно ее выводам, исторические предания отличаются от других видов несказочной прозы показом действительности в общественном аспекте. Основа преданий — действительные события и образы конкретных лиц. Нередко они прикрепляются к отдельным местностям и объектам — для подтверждения достоверности рассказа. В исторических преданиях возможен и вымысел, но реального характера. Основная особенность этих преданий — показ общего через частное, конкретное; через отдельные эпизоды, события раскрываются главные его моменты. Обобщение в преданиях осуществляется посредством использования традиционных сюжетов и мотивов. От исторических преданий отличаются исторические легенды фантастического характера: а) религиозные, в которых действуют сверхъестественные силы, и б) социально-утопические — об избавителях, где герой переносится в иной мир.

Доклад «Жанровые разновидности преданий» прочел А. И. Лазарев (Челябинск). Отмечая отсутствие общепринятой классификации преданий, докладчик объяснил этот факт тем, что их не считали художественными произведениями. Предания — это устные рассказы о прошлом, волнующие загадочностью, таинственностью, большим историческим значением. Предания, как правило, локальны, привязаны к определенной местности. При эстетическом принципе классификации разновидности их будут таковы: 1) генеалогические, 2) топонимические, 3) социально-утопические (они сливаются с социально-утопическими легендами) и 4) демонологические (не следует смешивать их с легендами, ибо они создаются на реальной основе). Доклад Ф. В. Тумилевича (Ростов-на-Дону) «Донской прозаический эпос о Степане Разине» был основан на материале его собственных записей. Изученные докладчиком произведения восходят к трем источникам: 1) устной традиции православного населения, 2) традиции старообрядцев и 3) правительственным сообщениям. В каждом из этих случаев — своя трактовка образа Степана Разина: он или безбожник, или женолюб, или страдалец, или «вор» — преступник.

З. И. Власова (Ленинград) сделала доклад «Средства отражения действительности в частушке», где подчеркивала сходство в отражении действительности песней и частушкой, в которой используются формулы и приемы других жанров фольклора —

сказки, песни, пословицы, загадки. Но применяются они в частушке соответственно ее жанровой специфике. Анализ несладушек, небылиц и шуточных частушек показывает, что они восходят к скоморошинам — через плясовую лесню. Изучение поэтики частушки помогает определить художественные принципы отражения в ней действительности. Тема доклада В. В. Митрофановой (Ленинград) — «Художественный образ в русских народных загадках». К этому вопросу обращались А. Н. Афанасьев и Ф. И. Буслаев, а в советское время — В. И. Чичеров и М. А. Рыбникова. Предметы и явления, отраженные в загадках, связаны с бытом и трудом крестьян и ремесленников. Загадки не касаются отвлеченных понятий, социальных явлений и исторической тематики — они показывают только мир конкретных явлений из области повседневности. Образ в загадке многозначен и инносказателен. Система образов загадки убеждает, что образ в ней — результат художественного мышления, а не обломок мифа, не рудимент древнейшей эпохи развития общества. Доклад Г. Г. Шаповаловой (Ленинград) — «Поэзия и реальность в закличках весны». Этот вопрос до сих пор не был объектом изучения; веснянок записано мало, и новые тексты приходится искать в архивных материалах. Закличка весны близка к заговорам. Она исполнялась в специальных песнях девушками и подростками. Приход весны — 9 марта — сопровождался обрядовой выпечкой фигуры жаворонка, священной птицы, символа души человека. Весну заговаривали как живое существо. Для закличек весны характерен образ ключа и замка — эротического характера. А. Г. Васильев (Ленинград) сделал доклад «Композиция похоронных причитаний». Этой темой занимался Е. В. Барсов, а в советское время — М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Г. С. Виноградов, К. В. Чистов и В. Г. Базанов. Докладчик характеризует причитания, записанные им в Новгородской области в 1964—1968 гг. Композиция их помогает плакальщице нарисовать картину смерти и впечатление от нее на родственников, а слушателям — воспринять ее. В сюжете плачей докладчик различает экспозицию, завязку, развитие, кульминацию и развязку (отдельные части могут отсутствовать); иногда композиция бывает бессюжетна.

М. А. Вавилова (Вологда) выступила с докладом «Процесс циклизации сказок о ловком воре в XVIII в.». Герой их — человек, отвергнутый феодальным обществом, отказывающийся от него и его морали. Самая ранняя русская запись дошла в списке 1740-х годов, известны еще четыре варианта XVIII в., принадлежащие к авантурным сказкам. Вор — ловкач (термин XVII в. «вор» не соответствует нашему понятию о ворах). В народной среде образ ловкача вызывал симпатии. До нас он дошел в повести XVIII в. о Ваньке-Каине М. Комарова, в народных сказках и в их книжных переделках. Сказка построена на принципе нанизывающей композиции, с циклизацией мотивов, закрепленных за этим сюжетом. В. К. Соколова (Рязань) сделала сообщение о записях сказки о Петре и Февронии в Рязанской области.

А. В. Позднесс

СЕКЦИЯ ФОЛЬКЛОРА НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В МОСКВЕ

Двенадцать лет собираются литературоведческие конференции в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (МГПИ). На первой было всего 23 участника, а в 1969 г. — 270 докладов в 16 секциях. Среди участников этой конференции — профессора и преподаватели пединститутов и университетов, научные работники академических институтов РСФСР, а также Украины, республик Закавказья и других. Секция фольклора, появившаяся впервые на конференции 1968 г., в 1969 г. работала весьма результативно, заслушав и обсудив 16 докладов и сообщений разнообразной проблематики.

Былевому эпосу было посвящено четыре доклада. Первым выступил В. Г. Смоленский (Москва) с темой «Былина о Добрыне и Маринке». Он обратил внимание, что в ней много общего с былинной «Добрыня и змей» — те же имена героев, мотивы, элементы композиции. Но в то же время между этими былинами существует резкий контраст. В былине «Добрыня и Маринка», которая появилась в XVII в., пародируется героическое, осмеивается то, что прежде считалось почетным, — служба князю, осмеивается представление о подвиге. Историзм быliny — в отражении скептицизма эпохи, в интересе к чувствам и переживаниям человека, в осмеянии действительности.

Новое понимание былины не опровергает, впрочем, высказанных ранее Д. А. Ровинским и В. С. Миллером предположений о ее исторических намеках. С. Н. Азбелев (Ленинград) прочел доклад «Историческая основа былин об отражении татарского нашествия». Им были изучены по всем известным вариантам былины об Илье Муромце и Калине, Ермаке и Калине и о Камском побоище. Докладчик считает эти былины отзвуком событий 1378—1382 гг. — сражения на р. Воже, Куликовской битвы и нашествия Тахтамыша. Посредствующим звеном между былинами и историческими фактами были героические сказания и предания о них, дошедшие в устной передаче в отдельных случаях до XIX в. Три рассмотренных сюжета появились на основе этих преданий и более ранних былин в XV в., когда Куликовская битва была уже фактом прошлого, но татарское иго еще не было сброшено. С. И. Дмитриева (Москва) назвала свой доклад «Географическое распространение былин». Путем анализа сведений о местах записи былин во II половине XIX — начале XX в. она пришла к выводу, что былинный эпос сохранялся в Европейской России лишь на территории колонизации населения из Новгорода на северо-восток (единичные записи из других мест случайны). Она предьявила карту-диаграмму распространения былин, сопоставив ее с данными лингвистики и антропологии. Докладчица приходит к выводу, что известные нам былины — новгородская интерпретация общерусского эпоса, традиция которой сложилась не позднее периода усиленной новгородской колонизации. В. И. Игнатов (Москва) свой доклад «Фольклор и действительность» посвятил полемике со статьей Н. А. Криничной (Петрозаводск), возражая против ее положения о неподлинности некоторых исторических песен времени «Смуты», напечатанных в VI выпуске Собрания песен П. В. Киреевского.

Несколько докладов и сообщений были посвящены сказкам. Н. М. Ведерникова (Москва) прочла доклад «Мотив и сюжет в волшебной сказке». Она рассматривает мотив как единство элементов: персонажа, осуществляющего действие, самого действия, несущего результативный характер, объекта, на который оно распространяется, и места, где действие происходит. Более сложные мотивы включают дополнительные элементы (образ противника, обстоятельства и т. п.). В сюжете же выделяются центральные и побочные мотивы. Сам сюжет — это совокупность мотивов, образующих последовательно развивающееся драматическое действие. Сюжет образует отдельную сказку, если налицо самостоятельные мотивировки центрального действия. За каждым сюжетом закрепляется свой центральный мотив, передающий самый напряженный момент в сказке. Доклад на тему «Определение термина „бытовая сказка“» сделала М. А. Вавилова (Вологда). Этот термин употреблялся не однообразно. Сейчас под бытовыми сказками имеются обычно в виду только сказки сатирические, авантурные же и новеллистические рассматриваются как самостоятельные виды. Докладчица считает, что в этом отношении более правы Т. М. Акимова, М. Аузов и М. Сокали, считающие авантурные, новеллистические, комические и сатирические сказки разновидностями бытовых. Бытовые сказки, по мнению докладчицы, — это вид устной сказочной прозы последней стадии развития, в котором народная жизнь отражается художественно в новеллистических, сатирических, комических и других аспектах. Т. Г. Леонова (Омск) сделала сообщение о фольклоризме сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина. В них соединяются элементы всех видов народных сказок — волшебных, бытовых и сказок о животных. Из них использованы в творческой переработке не только мотивы и образы, но и особенности народного сказового языка, соединяемого с оборотами чиновничье-бюрократической речи, что производит комический эффект. Тема сообщения Е. И. Шатиной (Иркутск) «Ленская сказочная традиция сегодня». Она характеризует интересных сказочников Р. Е. Шеметову и А. А. Дерягина из районов средней и верхней Лены, освоивших традиции известных мастеров, от которых сорок лет назад записывал сказки М. К. Азадовский. Сказка в этих местах живет еще полной жизнью, хотя творчества некоторых исполнителей коснулась модернизация.

Четыре доклада были посвящены народной лирике. Тема А. В. Позднеева (Москва) — «Переход литературных песен XVIII в. в фольклор». Изучение рукописных песенников XVIII в. показало, что в число народных песен в собраниях П. В. Киреевского, П. В. Шейна, А. И. Соболевского и других входят и анонимные светские силлабические песни, начиная с петровского времени, — русские и украинские: «Буря море раздымает», «Ах, жите мое, жите бедное», «Ах, сердцу неможно без печали жить» (восходит к В. Тредиаковскому), «Ехав казак с Украинны», «В островах охотник» и др. Пути перехода силлабических песен в народ — это рукописные песенники, бывавшие среди грамотеев из средних слоев городского населения, а также через дворян, слышавшую песни, распеваемые господами. При этом песни подвергались переработке в отношении стихосложения, образов, рифмовки и т. п., т. е. в соответствии со вкусами новой среды их бытования. З. И. Власова (Ленинград) в докладе «Фольклорное наследие П. И. Якушкина» осветила его научную и общественную роль как ученика и помощника П. В. Киреевского, показала его трудную работу по соби-

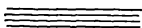
ранию лирических песен, препятствия, с которыми ему пришлось сталкиваться, значение его деятельности. Она охарактеризовала состав собрания П. И. Якушкина и настоящее положение с подготовкой полного издания записанных им песен. Е. И. Карпухин (Стерлитамак) сделал доклад «О поэтическом содержании свадебных величаний», основанный на записях от русского населения Башкирской АССР. Находясь в окружении другой народности, оно лучше сохраняет традиционный фольклор. В русском свадебном обряде более всего сохраняются игровые мотивы. Величальные песни записывались от пожилых женщин, смешивавших их с игровыми. Свадебные песни в Башкирии бытуют в их общерусских версиях, отбор поэтических средств определяется народными представлениями о прекрасном. Доклад Ю. Г. Круглова (Целиноград) — «Поэтика художественного времени и пространства в свадебных причитаниях». По его наблюдениям художественное время в них — это настоящее время, а их пространство — это пространство настоящего; время же исполнителя в них отсутствует: невеста оказывается одновременно главным персонажем и главным исполнителем. Художественное время причитаний совпадает с временем действительности, оно не может ни убыстряться, ни замедляться, тогда как в недраматических жанрах (например, в сказках) время может длиться годами. Художественное пространство же причитаний — это пространство того места, где исполняется причет, — в отличие от пространства в сказках, былинах, исторических песнях.

По вопросам сказочной прозы было сделано три доклада. А. И. Лазарев (Челябинск) назвал свою тему «Поэзия топонимических преданий». Поскольку они разъясняют происхождение местных названий обращением к прошлому, в них проникает поэтический вымысел. Их предметом оказываются не все географические объекты, а лишь полные поэзии и таинственности, такие, с которыми связывают драматичные события. Эти предания бывают и бессюжетными, они не имеют устойчивого текста — повторяются лишь основные мотивы. Художественность преданий не лишает их историко-познавательной ценности. Л. Н. Грднева (Нижний Тагил) сделала доклад «Новые записи преданий на Урале» (напечатан в сокращении на стр. 229—233 настоящего тома). Доклад Н. И. Савушкиной (Москва) был озаглавлен «Устная народная проза в поморских селах» и посвящен записям на Летнем берегу Белого моря в 1968 г. В крупных селах интерес к сказке исчез, ее заменили легенды, предания, устные рассказы. Но в домах инвалидов сказку любят. Везде интересуются быличками, главным образом о нечистой силе; связанные с местными преданиями, они циклизуются по отдельным образам. На местах выделяются хорошие рассказчики. У отдельных исполнителей преобладают рассказы биографического характера, у других налицо склонность к легендам и преданиям.

М. Я. Мельц (Ленинград) сделала сообщение о развитии русской фольклорной библиографии. До 1917 г. было два метода библиографирования: а) с позиций литературоведения и б) с точки зрения этнографии. Филологическим и народоведческим методами работал А. Н. Пыпин, его продолжателем был П. К. Симонн. Этнографический подход применял Д. К. Зеленин. В советский период библиографией устной поэзии занимался М. К. Азадовский (см.: «Историю русской фольклористики»), в настоящее время эта работа сосредоточена в Пушкинском доме.

В прениях участвовали члены секции и гости: Н. И. Кравцов, В. К. Соколова, преподаватели двенадцати пединститутов, аспиранты и студенты МГУ и МГПИ.

А. В. Позднеев

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НАРОДНОЙ ПРОЗЫ

(INTERNATIONAL SOCIETY FOR FOLK-NARRATIVE RESEARCH)

Во всех областях фольклористики естественно существует необходимость исследований на международном материале и, вследствие этого, — стремление к организации соответствующих международных форумов. Однако пока только в исследовании народных сказок имеется прочная традиция международного сотрудничества, которая давно уже распространилась и на решение родственных задач (изучение народных сказаний, преданий, мифов, загадок, обычаев, поговорок и т. п.). Этой цели служили с начала нашего века Союз фольклористов (Folklore Fellows) и его публикации (FFC). В этой серии с 1910 г. вышло более 200 томов различного объема от маленьких тетрадей до толстых монографий. Среди них каталог сказок А. Аарне, дополненный и переизданный затем С. Томпсоном, первое и второе дополненное издание Индекса мотивов, подготовленное С. Томпсоном и его сотрудниками. Между двумя мировыми войнами появилось и несколько серий публикаций сходного характера: «Тома комментарии к сказкам братьев Гримм» И. Больте и И. Поливки, так называемый «Справочник немецких сказок», серия «Справочник немецких верований» под редакцией Г. Бехтольда-Штейбли.¹ Осуществление научных планов этого рода возобновилось спустя десять лет после окончания второй мировой войны. Вышли в свет третье дополненное издание международного каталога типов сказок и несколько новых изданий Индекса мотивов. Ранее не законченный «Словарь сказок» под ред. А. Макензена² в 1959 г. К. Ранке предложил расширить и продолжить в международном масштабе под названием «Энциклопедия сказок»; предварительный словарь ее существует также с 1959 г. Этот труд, очевидно, выйдет в свет в 70-х годах при участии ученых разных стран. Меньшим успехом увенчался план сходного издания — «Справочника преданий». По инициативе В. Е. Пойкерта с 1961 г. вышли в свет первые книжки этой энциклопедии.³ Но из-за отсутствия международного сотрудничества почти все статьи редактор писал сам. Этот труд не смог осветить даже все названия на букву «А», и начинание заглохло. В области исследования баллад собственно уже с 1935 г. под руководством И. Майера началась публикация собрания немецких народных баллад с классификацией по типам.⁴ Но оно продолжалось весьма медленно (с 1939 по 1954 гг. вообще не было изданий), и только сейчас можно сказать, что этот труд, очень важный для всех фольклористов-балладоведов в Европе, будет окончен в течение 10 лет. В аппарате этого труда даются указания на варианты в масштабе всей Европы, что как бы заменяет указатель европейских баллад. К сожалению, сходное издание немецких народных песен с международными сравнительными примечаниями еще не началось, хотя план одной такой публикации впервые возник еще в 1914 г. Все эти работы (в которых большая роль принадлежит немецким фольклористам) имеют явно международный характер. Их цель — дать надежный материал для сравнительной фольклористики.

В атмосфере дальнейшего развития международного научного сотрудничества и появилась более десяти лет назад самая жизнеспособная пока международная органи-

¹ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. I—XII. Red. von H. Bächtold-Stäubli. Berlin—Leipzig, 1927—1942.

² Handwörterbuch des deutschen Märchens. I—II. Red. von L. Mackensen. Berlin—Leipzig, 1930—1933, 1934—1940.

³ Handwörterbuch der Sage. Hrsg. von W. E. Peuckert. I—III. Göttingen, 1961—1964.

⁴ Deutsche Volkslieder mit ihren Melodien. I. Balladen. Hrsg. von J. Meier, E. Seemann, W. Wiora, I—V/2. Berlin—Leipzig—Freiburg in Breisgau, 1935—1967.

зация фольклористов. С 1957 г. проф. К. Ранке начал подготавливать первый международный съезд исследователей сказок. С того же года издается «Fabula» — международный журнал по сказковедению. К настоящему времени вышло 12 томов самого журнала, а монографии, сборники сказок и исследований публикуются в его «Серии приложений» (Supplement-Serie). На этой базе и выросло Международное общество исследователей народных рассказов. С 19 по 29 августа 1959 г. в Киле и Копенгагене проводился I конгресс исследователей устной народной прозы.⁵ На нем и было решено создать международное общество (International Society for Folk-Narrative Research). Этот план представили на обсуждении VI Всемирного конгресса этнографов в Париже в 1960 г., где он был одобрен. Таким образом, общество оформилось и юридически. В 1964 г. Афинский конгресс, который занимался, в частности, вопросами международных этнографических и фольклористических организаций в рамках ЮНЕСКО, закрепил этот акт. Таким образом, создавалась официальная связь Общества исследователей народной прозы с ЮНЕСКО. За 10 лет своей деятельности это общество провело несколько больших научных конгрессов и несколько международных совещаний с ограниченным числом участников. Возрастающая популярность и авторитет этих конгрессов и совещаний среди фольклористов проявляются уже в том, что если на I конгрессе 1959 г. было прочтано 60 докладов, то в 1964 г. в Афинах их было свыше 80, а в Бухаресте в 1969 г. — 140.

На I конгрессе преобладали сообщения, имеющие научно-информационный характер. Докладчики рассказывали об исследовании сказок данной страны или района, о работе над монографиями, об опытах создания каталогов, о состоянии своей работы в данный момент. Несколько докладов было посвящено общей проблематике исследования народной прозы. К. Ранке по-новому осмыслил созданную ранее А. Йоллесом теорию «элементарных форм»,⁶ М. Люти изложил свой метод литературоведческого изучения сказок.⁷ Закономерностям современной устной традиции посвятил свой доклад венгерский академик Д. Ортутай.⁸ Его бывшая ученица Л. Дэг подытожила исследования творческой деятельности сказителей.⁹ Теоретическим обобщениям были посвящены доклады С. Ло Нигро «Традиция и стиль народной сказки»¹⁰ и К. Шира «К функции народного рассказа».¹¹ Интересно, что на этом конгрессе еще не высказывались мнения противников традиционного направления в фольклористике. Новые предложения (например, Я. Свана об актуальных задачах международного исследования сказок)¹² касались в основном лишь усовершенствования старых методов. Вместе с тем новым явлением было присутствие на таком конгрессе докладов, посвященных сказочной прозе (хотя изучение ее еще не было его программой), и первые признаки общего интереса исследователей к материалу этого рода. Внимание к «несказкам» затем сосредоточилось преимущественно на преданиях. Это было естественно, так как исследование преданий повсеместно приобрело значительный размах и на повестку дня встали попытки создания национальных и международных каталогов, вследствие чего возник целый ряд теоретических и практических проблем. Исследователи стремились представить свои первые опыты на международных форумах, дабы получить ответ на возникающие у них сомнения и совместно разрешить трудности.

Первое специальное совещание проводилось в Антверпене с 6 по 8 сентября 1962 г.¹³ Здесь прозвучало 11 докладов, посвященных теоретическим и практическим проблемам каталогизации. Л. Симонсури (Финляндия), К.-Г. Тильхаген (Швеция) и Л. Бодкер (Дания) рассказали о каталогизации северо-европейских преданий; фламандский ученый К. К. Петерс (Бельгия), Ж. Р. В. Сининге (Голландия), чехи Я. Йех и О. Скроватка, немцы И.-М. Греверус и Г. Бурде-Шнайдевинд, а также Л. Дэг (Венгрия) и В. Д. Хэнд (США) доложили о состоянии каталогизации типов преданий в своих странах. Участники обсуждения пришли к выводу, что необходимой предпосылкой успеха в исследовании преданий является публикация их надежных тек-

⁵ Internationaler Kongress der Volkserzählforscher in Kiel und Kopenhagen (19.8—29.8 1959). Vorträge und Referate. Hrsg. von K. Ranke. Berlin, 1961.

⁶ K. R a n k e. Einfache Formen. — Там же, S. 1—11.

⁷ M. L ü t h i. Das Märchen als Gegenstand der Literaturwissenschaft. — Там же, S. 161—168.

⁸ G. O r t u t a y. Begriff und Bedeutung der Affinität in der mündlichen Überlieferung. — Там же, S. 247—252.

⁹ L. D é g h. Die schöpferische Tätigkeit des Erzählers. — Там же, S. 63—73.

¹⁰ S. L o N i g r o. Tradition et style du conte populaire. — Там же, S. 152—160.

¹¹ K. S c h i e r. Zur Funktion von Volkserzählungen. — Там же, S. 370—377.

¹² J. O. S w a h n. Aktuelle Arbeitsaufgaben der internationalen Märchenforschung. — Там же, S. 414—420.

¹³ Tagung der «International Society for Folk-Narrative Research» in Antwerp. (6—8 Sept. 1962). Bericht und Referate. Red. von K. C. Peeters. Antwerpen, 1963.

стов с комментариями и создание международных и национальных каталогов типов и мотивов, причем очень важно, чтобы каталоги были пригодны для международного пользования. Конкретных путей осуществления международного каталога намечено еще не было, но стало ясно, что целесообразно выработать региональные каталоги типов; так возникла идея создания каталога типов европейских народных преданий — или более локальных каталогов (Северная Европа, Восточная Европа и т. д.). Отмечалось, что мировая фольклористика должна быть лучше осведомлена об изучении преданий Восточной Европы. Самая большая теоретическая трудность — определение жанра предания. Решено было специально обратиться к точной дефиниции этого жанра.

К нерешенным проблемам вернулись через год на совещании, которое проходило в Будапеште с 14 по 16 октября 1963 г.¹⁴ Задачей специальной комиссии, созданной еще Антверпенским совещанием, была разработка общей систематизации преданий, которая могла бы послужить основой каталогов международного характера. Этой проблематике было посвящено 14 докладов и сообщений. Половина их содержала как бы отчеты о конкретной работе в отдельных странах. При этом на первый план, как правило, выдвигались классификация и опыты, полезные для международных исследований. Другая половина докладов была прямо посвящена решению задач, связанных с проблемой международной каталогизации на конкретных примерах. С.-Г. Тильхаген предложил классифицировать предания не по мотивам, а по типам, определяемым по отраженным в них верованиям.¹⁵ Категорию же «бродячий сюжет» (по терминологии Р. Т. Кристиансена — *Migratory Legend*) он считает невыясненной. В. Д. Хэнд выступил представителем того взгляда, что содержание в преданиях в общем может сохраняться даже тогда, когда его персонажи (особенно связанные с верованиями) существенно меняются в устной традиции разных народов и времен.¹⁶ Изменениям формы преданий был посвящен доклад О. Сироватки, в котором он, не давая окончательного определения, все же весьма точно показал, что именно меняется и модифицируется в форме отдельных преданий, подчеркнув, что готовящиеся каталоги должны учитывать характер изменчивости материала.¹⁷ Вариантность преданий рассматривал в связи с вопросами каталогизации Я. Йех.¹⁸ И.-М. Греверус подытожила работу Центрального архива европейского сказочного фольклора при университете в Марбурге по выявлению типов европейских преданий — при подготовке каталога преданий немецких шахтеров.¹⁹

Специальная комиссия из 7 ученых от разных стран выработала общий план классификации народных преданий, по главным жанрам или группам, представляющий собой схему из четырех основных групп и девятнадцати подгрупп внутри них. Более точная разработка была оставлена на будущее. Этим конкретным результатом закончилось будапештское совещание.

Следующей вехой был большой конгресс в Афинах, который предполагалось посвятить преимущественно фольклору Средиземноморья: было создано две секции: сказок и преданий. Хотя трудно было бы ожидать единства в 86 докладах, попытаемся дать их общую характеристику.²⁰ Одна группа докладов носила характер отчетов о проделанной работе. Некоторые при этом коснулись тематики Средиземноморья, но не было общего доклада, посвященного этому кругу тем. Даже вместе взятые отдельные доклады не создали цельной картины по этой проблеме. Примечательно, что участники конгресса получили хорошую информацию по исследованию

¹⁴ Tagung der Sagenkommission der «International Society for Folk-Narrative Research» in Budapest, 14—16. Oktober 1963. — *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XIII, 1964, S. 3—131, и в виде отдельного оттиска; см. об этом подробнее: Fabula, B. 7. 1964; S. 79—81 (общая информация); M. Bošković-Stulli. Beitrag zur Diskussion über die Katalogisierung der Volksagen. — *Fabula*, B. 8, 1966, S. 192—207.

¹⁵ C.-H. Tillhagen. Was ist eine Sage? Eine Definition und ein Vorschlag für ein europäisches Sagensystem. — Tagung der Sagenkommission. ... S. 9—17.

¹⁶ W. D. Hand. Stabile Funktion und variable Dramatis Personae in der Volkssage. — Там же, S. 9—17.

¹⁷ O. Sirovátka. Zur Morphologie der Sage und Sagenkatalogisierung. — Там же, S. 99—106.

¹⁸ J. Jech. Variabilität der Sagen und einige Fragen der Katalogisierung. — Там же, S. 107—110.

¹⁹ I.-M. Greverus. Bericht zu Veröffentlichungs- und Katalogisierungsplänen aus dem Zentralarchiv der Volkserzählung. — Там же, S. 111—128.

²⁰ IV. International Congress for Folk-Narrative Research in Athens (1.IX—6.IX 1964). Lectures and Reports. Ed. by Georgios A. Megas. Athens, 1965. — *Διοργαγία*, т. 22, 1965.

сказок юго-восточной Европы. Поп, Бырлеа, Барбулеску и Врабие (Румыния), Романска (Болгария), Бошковиц-Стулли и Матичетов (Югославия), Мегас (византийская проблематика), Петропулос, Срюридаксис, Иоанниду-Барбаригу, Лампсидис и другие (Греция) сделали сообщения об эпической прозе своих стран. Прозвучало удивительно мало докладов, имевших действительно теоретический характер, причем они сильно расходились друг с другом не только в тематическом отношении, но и в методическом. Не говоря уже о торжественных докладах, прочитанных на пленарном заседании, докладчики в основном высказывали ранее выработанные взгляды, несколько дополненные и актуализированные. Так, М. Люти придерживался методов литературоведения, изучая параллельные темы народных рассказов и «высокой» литературы;²¹ О. Сироватка разработал своеобразный круг задач изучения морфологии сказок в связи с их национальным своеобразием.²² Как это вообще характерно для международного исследования сказок, некоторые доклады предлагали, собственно, только прагматические результаты, хотя и выполненные, по мысли их авторов, на уровне теоретического обобщения, но на самом деле представляющие лишь эмпирический синтез. Так, Р. Дорсон не смог описать сказки всего мира, а только сделал сообщения о серии книг, редактором которых он является.²³ Я. Йех рассказал об общих выводах своей полевой работы,²⁴ но не раскрыл всей проблематики вариантности сказок одного сказителя.

Более основательными нам представляются теоретические доклады о преданиях. Л. Дэг в своем докладе анализировала формы возникновения сказаний.²⁵ И.-М. Греверус снова обратилась к главным категориям классификации преданий по содержанию — теме, типу и мотиву.²⁶ Два доклада касались вопросов терминологии преданий исходя из категорий, выдвинутых К. В. Сидовым. Л. Хонко (Финляндия) с их помощью подошел к этнологическому и религиозно-социологическому разбору преданий-поверий.²⁷ Венгерская исследовательница Т. Дэмэтэр затронула вопрос о переходе обычая в меморат.²⁸ Нужно отметить, что Афинский конгресс в методологическом отношении дал мало нового. Самый радикальный доклад Б. Хольбека (Копенгаген) предлагал ликвидировать указатель Аарне-Томпсона в ожидании лучшего указателя, т. е. методологически следуя старым путем.²⁹ Не содержавшее ни одного конкретного примера выступление Г. де Рохан Чермака обсуждало проблему «Структурализм и фольклористика»³⁰ в большей степени на популярном, чем на научном уровне. Идеи структурализма несколько отразились и в докладах конкретной тематики — о двойной природе кумулятивных сказок³¹ и (в более определенной форме) — о проблеме так называемого «конгломерата» ближневосточных устных рассказов³² или о конструкции румынских сказок.³³ В целом можно сказать, что Афинский конгресс больше послужил установлению научных контактов, чем началу обновления мировой фольклористики.

Спустя два с лишним года после этого конгресса проходило еще одно совещание фольклористов в Либлице недалеко от Праги — с 1 по 4 сентября 1966 г. Оно было

²¹ M. Lüthi. Parallele Themen in der Volkserzählung und in der Hochliteratur. — Там же, т. 22, 1965, р. 248—261.

²² O. Sirovátka. Zur Erforschung der nationalen Eigenarten des Märchens. — Там же, т. 22, 1965, р. 517—526.

²³ R. Dorson. The Folktales of the World Series. Progress Report. — Там же, т. 22, 1965, р. 94—99.

²⁴ J. Jech. Zur Methode der wiederholten Aufzeichnung von Volkserzählungen. — Там же, т. 22, 1965, р. 199—208.

²⁵ L. Dégh. Processes of Legend Formation. — Там же, т. 22, 1965, р. 77—87.

²⁶ I.-M. Greverus. Thema, Typus und Motiv — zur Determination in der Erzählforschung. — Там же, т. 22, 1965, р. 130—139.

²⁷ L. Honko. On the Functional Analysis of Folk-Beliefs and Narratives about Empirical Supernatural Beings. — Там же, т. 22, 1965, р. 168—173.

²⁸ T. Dömötör. Zur Frage der sogenannten Kausalfiktionen. — Там же, т. 22, 1965, р. 88—93.

²⁹ B. Holbek. On the Classification of Folktales. — Там же, т. 22, 1965, р. 158—161.

³⁰ G. de Rohan-Csermák. Structuralisme et folklore. — Там же, т. 22, 1965, р. 399—407.

³¹ J. R. Perkal. The Dual Nature of Cumulative Tales. — Там же, т. 22, 1965, р. 338—342.

³² H. Jason. Zum Problem der sogenannten «Konglomerate» im nahöstlichen mündlichen Erzählgut. — Там же, т. 22, 1965, р. 195—198.

³³ Gh. Vrabie. Sur la technique de la narration dans le conte Roumain. — Там же, т. 22, 1965, р. 606—615.

посвящено категориям народной прозы.³⁴ Подавляющее большинство докладов носило теоретический характер, разбирая общefольклористические проблемы или в меньшей мере — общие проблемы того или иного жанра. Но более всего было сопоставлений нескольких прозаических жанров. Почти все без исключения доклады в тематическом и методологическом отношениях можно назвать весьма современными. При этом обнаружилось постепенное сближение научных позиций, проявилось желание к взаимному сотрудничеству разных фольклористических школ Европы. Можно было бы охарактеризовать в отдельности каждый доклад этого совещания, но мы остановимся только на самых важных. Наиболее общей проблематике были посвящены два выступления. К. Ранке в докладе «Проблема категорий народной прозы» обратился вначале к вопросам систематизации прозаического фольклора (он исходил из понятия «элементарных форм», но преодолел традиционную их трактовку и даже свою собственную раннюю интерпретацию), а затем разбирал общие понятия и приемы устного творчества и анализировал слияние поэтических категорий в фольклоре.³⁵ Доклад К. В. Чистова «Проблема категорий устной народной прозы несказочного характера» привлекает внимание двумя моментами. С одной стороны, в основном из этого выступления западноевропейская фольклористика узнала современное мнение советских фольклористов по актуальной тематике (поэтому доклад был напечатан и на русском, и на немецком языках),³⁶ с другой стороны, для советских исследователей этот доклад имеет то значение, что здесь была сделана самая решительная попытка ликвидировать отставание на несколько десятков лет в определенных областях теоретической фольклористики (исследование сказок, преданий и т. п.). По мнению К. В. Чистова, в исследовании несказочной прозы результаты изучения сказок можно применять только с некоторой коррекцией, определение различных форм следует проводить, не ослабляя внимания к конкретной функции и вообще к общественно-историческим аспектам. Из докладов, которые сравнивали несколько жанров, выступление М. Люти давало существенно новое в вопросах морфологии сказок и преданий.³⁷ Я. Йех, уже не раз поднимавший вопрос вариантности и стабильности, более конкретно разработал эту проблему и применил ее для жанровых характеристик сказок и сказаний. Норвежец Б. Аальвер попытался определить понятия предания и мемуара; в своих схемах он поместил и другие разновидности несказочной прозы.³⁸ Словачка Б. Гашпарикова³⁹ и С. Нойман (ГДР)⁴⁰ попытались систематизировать весьма пестрые мелкие жанры юмористической народной поэзии с помощью эстетико-тематических категорий. О. Сираватка сравнивал взаимосвязанные, но весьма различные явления стихотворного и прозаического фольклора.⁴¹ О. Блер (Норвегия) подчеркнул связь между народным верованием и сказанием.⁴²

Доклады, посвященные отдельным жанрам, приблизительно одинаковое внимание уделяли и преданиям, и сказкам. Что касается первых, то наибольшее внимание привлекают два доклада — Ю. Кшижановского «Легенда в литературе и фольклоре»⁴³ и Д. Климовой «Опыт классификации живых форм преданий».⁴⁴ В методологическом отношении можно считать весьма важными три доклада по сказке. В докладе Г. Баузингера, посвященном шванкам, впервые были применены в изучении этого жанра самые современные методы структурного анализа.⁴⁵ Новичок среди фольклористов В. Становски (Прага) дал структурный разбор применительно к каталогизации сюжетов сказок.⁴⁶ Ведущий бухарестский фольклорист М. Поп прочел доклад по

³⁴ Публикация докладов: *Fabula*, В. 9, 1967, S. 1—312; см. об этом подробнее: Э. В. Померанцева. Международная конференция по изучению устной прозы. — СЭ, 1967, № 4, стр. 162—165.

³⁵ K. Ranke. Kategorienprobleme der Volksprosa. — *Fabula*, В. 9, S. 4—12.

³⁶ *Fabula*, В. 9, S. 13—26, 27—40.

³⁷ M. Lüthi. Urform und Zielform in Sage und Märchen. — *Fabula*, В. 9, S. 41—54.

³⁸ B. Alver. Category and Function. — Там же, S. 63—69.

³⁹ V. Gašpariková. Zusammenhänge und Übergangsstufen in den einzelnen Gattungen der Volksprosa. — Там же, S. 78—86.

⁴⁰ S. Neumann. Volksprosa mit komischen Inhalt. — Там же, S. 137—148.

⁴¹ O. Sirovátka. Stoff und Gattung — Volksballade und Volkserzählung. — Там же, S. 162—168.

⁴² O. Blehr. The Analysis of Folk-Belief Stories and its Implications for Research on Folk Belief and Folk Prose. — Там же, S. 259—263.

⁴³ J. Krzyżanowski. Legend in Literature and Folklore. — Там же, S. 111—117.

⁴⁴ D. Klímová. Versuch einer Klassifikation des lebendigen Sagenerzählens. — Там же, S. 244—253.

⁴⁵ H. Bausinger. Bemerkungen zum Schwank und seinen Formtypen. — Там же, S. 118—136.

⁴⁶ V. Stanovský. Das Formale Prinzip als wichtiger Faktor in der Katalogisierung der Märchenstoffe. — Там же, S. 105—110.

структуре сказок, представлявший первое настоящее соединение «чистой» фольклористики и «чистого» структурализма.⁴⁷

С 26 по 31 августа 1969 г. в Бухаресте проходил V конгресс Международного общества по исследованию народной прозы. На нем было свыше 200 участников, из которых около 140 выступили с докладами. На пленарном заседании прочли доклады организатор конгресса М. Поп — «Поэтика народной сказки» и председатель Общества К. Ранке — «Закономерности ассоциации в прозаическом фольклоре». После этого работа конгресса продолжалась в трех секциях: 1) сообщения о закономерностях и структуре произведений устной словесности и о народном анекдоте; 2) сообщения по истории устной словесности, легенде, сказанию, преданию и мифу; 3) сообщения на различные темы. Значение Бухарестского конгресса прежде всего в том, что там первый раз в истории Международного общества участвовала большая советская делегация во главе с В. Г. Базановым. Из пятнадцати советских делегатов большинство выступило с докладами. Если говорить об общей научной проблематике конгресса, то в области изучения народных анекдотов и преданий были интересные доклады, но без обобщающих результатов. Наибольший интерес вызвала новая волна структуралистских докладов, поскольку до этого Международное общество уделяло мало внимания структурализму в фольклористике. В ходе же этого конгресса не менее тридцати докладов применяли методы структурализма.⁴⁸ Во время Конгресса на общем собрании членов Общества были произведены перевыборы его руководителей. Президентом остался К. Ранке, вице-президентом от Европы стал Д. Ортутай (Венгрия), от Америки — В. Д. Хэнд (США), от Австралии и Океании — К. Луомала (Гавайи), от Азии — Д. Ной (Израиль), от Африки — А. Бабаолоа (Нигерия). Следующий международный конгресс Общества решено созвать в Финляндии (в Хельсинки и Турку) в 1974 г.

* *
*

Подытоживая этот обзор деятельности Международного общества исследователей народной прозы, можно назвать три главных его заслуги: наконец существует подлинно международная организация фольклористов — общество, которое дает возможность научного обмена мнениями и предоставляет форумы в мировом масштабе для научных дебатов между равноправными сторонами; общество стремится к осуществлению обмена мнениями представителей разных направлений и взглядов, к разработке актуальных проблем и к осуществлению многообещающих научных начинаний; своим существованием оно способствует принципиальному решению конкретных проблем, поднятию научного уровня фольклористики.

На первый план выдвинулось изучение тех областей фольклора, которым ранее не уделялось должного внимания, — это некоторые аспекты изучения сказок, а особенно — жанры несказочной прозы: прежде всего предания⁴⁹ и короткие юмористические жанры. Важной работой является подготовка каталогов и справочников. Даже если общество не сможет финансировать их издание, положительное влияние международного обмена мнениями несомненно отразилось здесь в появлении новых, подготовленных на высоком уровне работ.⁵⁰

⁴⁷ М. Пор. Aspects actuels des recherches sur la structure des contes. — Там же, S. 70—77.

⁴⁸ Характеристику докладов конгресса по проблемам см. в статье: Е. М. Мелетинский, Э. В. Померанцева. V Конгресс по изучению устной прозы. — СЭ, 1970, № 4, стр. 162—163.

⁴⁹ См. об этом: L. Schmidt. Vor einer neuen Ära der Sagenforschung. — Österreichische Zeitschrift für Volkskunde, B. 68. 1965, S. 53—74; С. Н. Азбелев. Проблемы международной систематизации преданий и легенд. — Специфика фольклорных жанров (РФ, т. X). М. — Л., 1966, стр. 176—195; L. Röhrich. Sage. Stuttgart, 1966; M. Lüthi. Märchen. (4. Durchgesehene und ergänzte Auflage). Stuttgart, 1971.

⁵⁰ Ради целостности отметим, что благодаря примеру этого Общества и в других областях фольклористики выдвигаются сходные задачи международного характера. Исследователи баллад стремятся подготовить индекс европейских баллад в международном масштабе. Этой темой занимались после некоторой предварительной работы в сентябре 1966 г. — на первом рабочем заседании в Фрейбурге и Брэйсгау и на втором заседании в Цикхае (около Брно) — в апреле 1969 г. Третье совещание было в Норвегии, в монастыре Утстейн близ Ставангера, в августе 1970 г., а четвертое — ровно через год в Париже, во время работы первого конгресса Европейского общества этнографов (SIEF). Предусмотрена и пятая конференция балладоведов в Шкофье Локе (Словения) в августе 1972 г. К настоящему времени создана основа каталога

Полезно было бы расширить еще более круг деятельности Общества. Пока, например, страны Восточной Европы не представлены в нем исследователями многих областей фольклора. Необходимо дальнейшее обсуждение и ознакомление с научными идеями, разработанными на совещаниях общества с целью выбрать те принципы и решения, которые можно применять при конкретном изучении фольклора того или иного народа. Конечно, ни одна фольклористическая организация не может дать ключ к решению всех проблем путем теоретической революции. Подавляющую часть деятельности этого общества до настоящего времени характеризовали методологическая серость или традиционность. Однако в нескольких случаях прозвучали новые плодотворные идеи на форумах Общества. Ознакомлению с ними, возможно, способствует и этот обзор, хотя он никоим образом не исключает приятную обязанность ознакомления с вышеперечисленными работами.

В. Фойт

баллад, связанных с народными верованиями и магией, и подготовлен каталог шуточных и легендарных баллад — главным образом благодаря Р. В. Бреднику (Фрейбург), Д. К. Вилгэсу (Беркли, США) и скандинавским фольклористам. В скором будущем выйдут каталоги словенских и словацких баллад; подготовлены также каталоги баллад румынских и скандинавских.

НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ZEITSCHRIFT FÜR SLAWISTIK» (1956—1969)

Славистический журнал ГДР издается Немецкой академией наук с 1956 г.¹ За прошедшие четырнадцать лет русскому народному творчеству отведено в нем двенадцать статей и десять рецензий. Две статьи Г. Рааба были посвящены актуальным вопросам советской фольклористики. Первая явилась отчетом о специальной конференции в Грейфсвальдском институте славистики, проходившей в мае 1959 г. (1959, 5). Конференция открылась докладом Г. Рааба; который подверг резкой критике некоторых немецких фольклористов, последователей «теории снижения культуры», за недооценку творчества трудящихся масс и современного советского фольклора. В докладе был поставлен также вопрос об использовании русского фольклора в школьном образовании ГДР. На дискуссии обсуждались труды Р. Траутмана и В. М. Жирмунского, вопрос о связи фольклора и этнографии, о значении русского героического эпоса в воспитании патриотического чувства, о собирании рабочего фольклора и т. д. Было вынесено постановление о создании специального отдела для наблюдения за изучением русского народного творчества и установления связи со школьной практикой. Во второй статье Г. Рааба «Современное русское народное творчество и перспективы его развития в период перехода к коммунизму» (1962, 1) высказывается мнение о советских дискуссиях 1952—1955 гг. и 1958 г. Обсуждая первую из них, Г. Рааб заостряет внимание на полемических выступлениях Н. П. Леонова и Л. И. Емельянова.² Одобряя протест против механического применения испытанных фольклористических методов при изучении современного материала, он критикует их за упрощение исторического процесса и недооценку целого ряда факторов. Дискуссию 1958 г. Г. Рааб считает более целеустремленной и планомерной. Он отмечает значение решений XXII съезда КПСС для дальнейшего развития фольклористики, выражая уверенность, что фольклористы должны теснее сотрудничать с литературоведами. По мнению Г. Рааба, противопоставление литературы и фольклора в корне ошибочно.

Об интересе немецкой общественности к русскому фольклору пишет Э. Хексельшнейдер в двух работах. В статье «Немецкие освободительные войны и их значение для распространения в Германии русского народного творчества» (1963, 5) автор сообщает, что в 1813—1815 гг., в период формирования русско-немецкого легиона для борьбы против Наполеона I, в Германии увлеклись песнями русских солдат. Их переводили, печатали с нотами.³ В 1820-х годы интерес к русскому народному творчеству углубился благодаря публикациям русских былин и песен в переводах

---

¹ Ссылки на него даются в тексте: цифры в скобках указывают год и № выпуска.

² Новый мир, 1959, № 8, стр. 227—244; РФ, т. VI. М.—Л., 1961, стр. 5—33.

³ С русским фольклором немецкая общественность начиная с XVIII в. знакомилась благодаря переводам немецких и русских поэтов. И. Виламов (1706—1777) напечатал в «Sämtliche poetische Schriften» в 1779 г. «Солдатскую песню русской армии при начале похода 1770 г.»; Д. Солтау (1745—1827) перевел четыре народные русские песни (Ernst und Scherz, 1803); В. А. Пушкин напечатал «Опыты древнейших народных романсов с нотами» в «Freimüthige oder Berliner Zeitung für gebildete unbefangene Leser» (1803, S. 497); И. Рихтер напечатал в 1863 г. три былины из книги «Русские сказки», изданной в Москве в 1780 г.; И. Доппельмейер (1763—1826) напечатал в переводе десять народных русских песен (1813—1814 гг.).

К. Буссе и П. Гётце.⁴ Эти переводы были замечены К. Марксом⁵ и В. Гриммом.⁶ В статье «Немецкие переводы лубка в первой половине XIX в.» (1968, 1) Э. Хексельшнейдер сообщает, что Я. Штеллин в 1776 г. приобрел большое собрание лубков и собирался его опубликовать в Германии. В самом начале XIX в. В. Гейдеке, а затем А. Коцебу перевели лубочную повесть «Суд Шемяки».⁷ В 1831 г. в Германии был опубликован А. Дитрихом⁸ перевод семнадцати лубочных текстов под названием «Русские народные сказки».⁹ Немецкие поэты А. Шамиссо и Ф. Гауди использовали в своем творчестве сюжеты из сборника А. Дитриха.¹⁰ Интерес к русскому лубку был усилен в значительной степени статьей В. Даля «О народной литературе русского народа», в которой было описано 30 лубков.¹¹ В 1841 г. немецкий поэт И. Фогль перевел собрание «древнейших русских сказок».¹²

Проблематика специфики жанров освещена в двух статьях. Г. Пойкерт в своих «Заметках относительно формы русской эпики» (1960, 1) говорит о необходимости более глубокого анализа художественной формы русских былин: он настаивает на изучении всех тенденций употребления эпитетов, изображения перспективы и способа действия. И. Клягге в статье «Образ человека в русской послевоенной частушке» (1968, 1) выделяет три разновидности частушек: 1) герой — партнер лирического «я»; 2) герой — «я»; 3) герой — коллектив. По ее мнению, частушки третьей разновидности содержат предпосылки для дальнейшего развития этого жанра.

В статье «О русском народном и литературном стихе» (1961, 4) Г. Пойкерт, ссылаясь на книгу М. П. Штокмара,¹³ пишет, что первоисточники народной ритмики заключены в структуре древнерусского стиха. В XVIII в. ощутимо большое различие между структурой литературного и народного языка, так же как и присущими им метрическими системами; это различие углубляется после «русификации» литературного языка, когда ему стала созвучна силлаботоническая система стихосложения. К. Каспар в статье «Образ рассказчицы в книге Г. Николаевой „Рассказы бабки Василисы про чудеса“» (1965, 2) заостряет внимание на языке писательницы, созданном под воздействием стиля народной поэзии. О. Фейль в обзоре немецких славистических работ (1956, 1) упоминает исследования В. Кёппе и Р. Траутмана о русских былинах и исторических песнях.¹⁴ Статья Е. Ливера посвящена исследованию термина

⁴ К. Буссе — один из организаторов русско-немецкого легиона в 1813 г., секретарь Н. П. Румянцева, член-корреспондент «Общества любителей российской словесности», перевел былинны Киевского цикла (см.: Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Leipzig, 1819). П. Гётце (1793—1880) перевел русские народные песни: «Stimmen des russischen Volks in Liedern» (см. о нем: Сын Отечества, 1817, № 36, стр. 36; Труды вольного общества российской словесности, 1818, № 6, стр. 337—354).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29. М., 1962, стр. 17, 23.

⁶ W. Grimm. Kleinere Schriften. Berlin, 1882.

⁷ Перевод В. Гейдеке (ум. в 1841 г.) опубликован в «Janus oder russische Papiere» (Riga, 1808, S. 147—151). А. Коцебу (ум. в 1819 г.) — романист и драматург. Перевод напечатан в «Die Biene oder kleinere Schriften» (1843, 5, S. 184—188).

⁸ А. Дитрих — домашний врач (1828—1829) К. Н. Батюшкова. В Рукописном отделе ИРЛИ имеется письмо к нему В. А. Жуковского, который благодарит за перевод его стихов (собр. В. Яковлева, 12. 5. 137), и 4 письма к В. А. Жуковскому А. Дитриха (1830, 1831, 1834, 1835), где он пишет о встречах с А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским, о знакомстве с фольклористом И. М. Снегиревым и поэтом-этнографом М. Н. Макаровым, с которыми А. Дитрих консультировался, собирая лубок (собр. Онегина, 28 032/СС 1878).

⁹ Russische Volksmärchen. Leipzig, 1831. — К изданию приложены два предисловия — Я. Гримма и А. Дитриха.

¹⁰ Перевод А. Шамиссо напечатан в «Deutsche Mäsenalmanach für das Jahr» (1833, S. 381—383) с подзаголовком «Русские народные сказки». Ф. Гауди (1800—1841) — участник польского восстания, написал «Гусли самогуды» (Selbstspielende Arfe) на сюжет лубочной сказки № 2 из сборника А. Дитриха. Напеч.: Sämtliche Werke, Bd. XV, Berlin, 1844, S. 50—63.

¹¹ Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Rußland. Berlin, 1844, Bd. XV. S. 50—63.

¹² Die ältesten Volksmärchen der Russen. Wien, 1841.

¹³ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

¹⁴ См.: W. Kёppe. Über demokratische Element in russischen Heldendichtung. — Russische Unterricht, Bd. 10. 1953, S. 436—444; R. Trautmann. Altrussische Helden und Spillmann Lieder. — Volk und Buch, 1948; R. Trautmann und Lilienfeld. Zur Eigenart d. Billinenverses in Wawilo und die Skomorochen. — Russische Unterricht, Bd. IV, 1951, H. 6, S. 57—62; R. Trautmann. Das altrussische historische Lied. Berlin, 1951.

«трын-трава» (1961, 2), а Р. Экерт в статье «К славянской свадебной терминологии» (1963, 2), значительное место отводит древнерусской свадебной обрядности.

В журнале помещена рецензия В. Кёппе на I том «Истории русской фольклористики» М. К. Азадовского (1960, 4). Рецензент отмечает громадное значение этого труда, указывая в то же время ряд формальных недочетов: отсутствуют библиографический, предметный и именной указатели, в сносках часто не указан источник или опущены год и место издания, в иностранных цитатах встречаются ошибки. Кроме того, рецензента удивляет ссылка М. К. Азадовского в связи с высокой оценкой А. Х. Востокова на книгу датского языковеда В. Томсена «История языкознания до конца XIX в.» (М., 1938), поскольку в датском издании этой книги (1903 г.), а также в немецком переводе (1927 г.) имя Востокова не упоминается. Рецензия Э. Хексельшнейдера высоко оценивает опубликованную в ГДР в 1961 г. работу В. М. Жирмунского «Сравнительное изучение эпоса» (1962, 4). И. Клягге в рецензии на книгу В. Е. Гусева «Проблемы фольклора в истории эстетики» (М.—Л., 1963) заявляет, что в ней много нового и что для немецкого читателя особый интерес представляет 4-я глава «Фольклор в немецкой идеалистической эстетике». Автору не удалось дать исчерпывающий материал, ряд проблем и вопросов упущен, но книга является хорошим объектом для теоретических дискуссий и должна быть переведена на немецкий язык (1965, 1). Э. Хексельшнейдер, рецензируя сборник «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (М.—Л., 1964), пишет, что это издание — ценнейший вклад в советскую фольклористику (1965, 4). Для немецкого читателя большой интерес представляет раздел «Сатирические песни» и статья Л. В. Домановского «Устные рассказы». К сожалению, автор ее обращает внимание только на содержание рассказов и не анализирует их художественные особенности. Кроме того, он не отмечает отличия между документальными воспоминаниями и народным творчеством. Э. Хексельшнейдер пишет, что все статьи сборника подчинены единой концепции и выдвигают много свежих проблем. О работах по русскому лубку он поместил две рецензии (1964, 4) — на советский альбом «Русский лубок XVIII и XIX вв.» (М.—Л., 1962) и на вышедшее в ГДР издание «Русский народный лубок».¹⁵ Рецензент выражает сожаление, что в целом в СССР лубку уделяется мало внимания: один только П. Н. Берков собирал и изучал лубок.¹⁶ Е. Райсснер, рецензируя «Русские народные сказки», изд. Э. В. Померанцевой, заявляет, что книга содержит ценный материал для фольклористов и студентов-славистов. Но рецензента не удовлетворила классификация сказок и послесловие, в котором ничего не сказано о их художественности (1966, 5). Э. Хексельшнейдер в рецензии на книгу С. Головина «Илья из Муром. Безвременная былина древней России» (Фрейбург, 1959) констатирует, что произведение Головина — компиляция, созданная на основе русских былин и сказок. Она носит политический и антисоветский характер (1961, 2). Помещена также рецензия Э. Хексельшнейдера, положительно оценивающая изданную в Оксфорде на английском языке антологию русского фольклора (1969, 1). К. Стэдке отрецензировал изданный в СССР в 1967 г. сборник избранных статей Р. Р. Гельгардта по фольклористике и языковедению. Рецензент отмечает, что разнообразные работы Р. Р. Гельгардта показывают практические возможности применения выработанных им методов исследования (1969, 4).

Подведем итоги. Все перечисленные статьи и рецензии отражают очень явственно глубокий и серьезный интерес славистов ГДР к русскому народному творчеству. Все работы свидетельствуют об основательном изучении как давнишних, так и современных трудов русских фольклористов. Многие из названных авторов, и в особенности Э. Хексельшнейдер (в своих статьях и главным образом в книге),¹⁷ констатируют увлечение немецких писателей русским фольклором, который привлекает их художественным мастерством, смелым размахом фантазии, благодаря чему немецкие поэты и прозаики начиная с середины XVIII в. использовали в своем творчестве русские песни, сказки и былины. Давая высокую оценку русской фольклористике, слависты ГДР бросают советским исследователям и один серьезный упрек: они считают, что художественные особенности русского народного творчества до сих пор недостаточно изучены. Нам кажется, что упрек справедлив, и его следует учесть.

Т. П. Ден

¹⁵ Der russische Volksbilderbogen. Einführung von I. Danilova. Übersetzt von D. Garai. Dresden, 1962.

¹⁶ Ср.: РФ, т. II. М.—Л., 1957, стр. 358—362.

¹⁷ E. Hekselshneider. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967, 265 S. — В этой работе содержится богатый материал по изучению и освоению русского народного творчества в Германии. Книгу следует перевести на русский язык.

В. К. Соколова. Русские исторические предания. Изд. «Наука». М., 1970, 288 стр. (АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая); А. Лазарев. Предания рабочих Урала как художественное явление. Южно-Уральское книжное изд. Челябинск, 1970, 202 стр. (Челябинский гос. педагогический институт).

Почти одновременный выход двух монографий о русских преданиях — отрадный для нашей фольклористики факт, наглядно свидетельствующий о росте исследовательского интереса к этому жанру. По существу — не только к нему, но и к легендам, которым в некоторой степени обе эти книги также посвящены. Почти необозримый массив записей, произведенных на огромной территории РСФСР, рассеян пока во множестве архивов — как крупных, так и небольших, причем значительная часть его хранится в проводящих экспедиционную работу вузах, а иногда — и у самих собирателей; многие ценные, но утраченные ныне записи были опубликованы в местных изданиях. Введение всего этого материала в науку — задача первостепенной важности и пока она остается невыполненной, многие концепционные построения неизбежно остаются предварительными, не будучи основаны на всей совокупности необходимых данных. Предстоит не только довести до конца фронтальное библиографирование всех исследований и публикаций по русскому фольклору, но и поднять до уровня современных научных требований состояние всех фольклорных архивов и состояние информации о их содержимом — задача немалая, выполнение которой в целом находится пока в зачаточном состоянии. Авторам монографических работ все еще приходится затрачивать слишком много времени и сил на сбор материала, заранее примирившись с невыполнимостью этой части работы в полном объеме. С другой стороны, сами монографии о русских преданиях пока неизбежно превращаются прежде всего в тематический обзор содержания использованных записей. В этом можно усмотреть недостаток с точки зрения обычных требований к монографическому исследованию, но в этом же и своеобразное достоинство с точки зрения сегодняшних потребностей науки в данной области, так как ни одного сводного издания русских преданий и легенд пока нет.

Содержательная книга В. К. Соколовой продолжает и обобщает предшествующие работы автора в данной области, разрабатываемой ею уже много лет. Монография охватывает предания, записанные на всей территории России, начиная от текстов, попавших в древнейшую летопись, и кончая результатами недавних экспедиций. Рассмотрение ведется по тематическим циклам. Специальные главы посвящены характеристике жанра преданий и его разновидностей и соотношению преданий с песенными жанрами. Затрагиваются также вопросы генезиса жанра, привлечен для сравнения параллельный материал других славянских народов. Автор постоянно обращается к выявлению художественной специфики исследуемого материала, не скрывая возникающих на этом пути трудностей. В. К. Соколова замечает по данному поводу, что «основная функция преданий — познавательная, информационная», что «эстетическая функция всегда имела для них подчиненное значение. Важнее было, что передать, а не как рассказать»; свойственные же преданиям приемы рассказа «определяются их основной установкой на передачу информации» (стр. 260). Говоря о столь распространенных в преданиях «бродячих» сюжетах и мотивах, автор указывает, что первоначально эти мотивы и сюжеты «могли возникать и возникали посредством обобщения и типизации действительных фактов» (стр. 256). Исторические легенды отличаются от преданий, согласно выводу В. К. Соколовой, тем, что в легендах «действуют сверхъестественные силы, направляющие или меняющие ход событий, или же герой — действительное историческое лицо — переносится в иной мир» (стр. 270), «в фантастическую обстановку» (стр. 271).

Книгу завершают «Примерные схемы классификации русских исторических преданий» (стр. 275—287). Эти схемы в сущности представляют собой конкретную и весьма детальную разработку на русском материале почти всего второго раздела схемы основных рубрик общеевропейского каталога преданий и легенд, выработанной международным совещанием в Будапеште в 1963 г. (см., напр.: РФ, т. X. М.—Л., 1966, стр. 182). Весь материал В. К. Соколова делит на 8 циклов: ранние историче-

ские предания (ср. рубрику ИС Будапештской схемы); о борьбе с внешними врагами (ср. IID); об Иване IV, о Петре I, о Ермаке, о Разине, о Пугачеве (ср. IIE, в трех последних циклах — также IIF); о разбойниках, борцах за социальную справедливость (ср. IIF). Сходные мотивы различных циклов снабжены перекрестными ссылками. Частично включен также материал рубрик IIA и IIB Будапештской схемы — относящиеся к данным циклам топонимические и местные предания; отдельно представлены в каждом цикле и исторические легенды. За пределами схемы почти целиком остались легенды о кладах, которым посвящена одна из глав книги, но большинство которых В. К. Соколова справедливо не относит к разряду исторических. Сюжетно-тематические подразделения разработаны не единообразно, а применительно к особенностям каждого цикла, что на данной стадии представляется оправданным.

Автор подчеркивает, что «при дальнейшей разработке перечень сюжетов и мотивов должен быть дополнен, что, очевидно, потребует введения некоторых новых рубрик и дополнения их» (стр. 275). Могут быть предложены и некоторые изменения уже существующих рубрик. Так, например, в цикле «Ранние исторические предания» есть подраздел «Героические предания о борьбе с внешними врагами», а в цикле «Предания о борьбе с внешними врагами» — подраздел «Ранние героико-эпические предания». Вследствие этого группы IB1, IB2 и IB3 в первом цикле почти тождественны (соответственно) группам IА6, IB1 и IB46 — во втором. Может быть, удобнее перенести во второй цикл из первого весь материал подраздела IB и часть подраздела IБ (двоякая же его часть в значительной мере тяготеет скорее к разделу II). Впрочем, окончательная структура каталога русских преданий — дело будущего, а за автором то неоспоримое преимущество, что предложенная схема основана на проработке большого конкретного материала в соответствующих главах монографии. Потребность в книге такого рода ощущалась уже давно.

А. И. Лазарев, которому принадлежит уже несколько статей о прозаическом фольклоре Урала, поставил перед собой широкую задачу рассмотреть предания и легенды вообще «как художественное явление» — на материале уральских записей. Автор высказывает убеждение, что подразделять предания и легенды следует «прежде всего по эстетическому признаку» (стр. 66), и в результате устанавливает следующие их разновидности: 1) топонимические, 2) генеалогические, 3) социально-утопические, 4) демонологические (стр. 68). А. И. Лазарев в общем неодобительно оценивает результаты международных совещаний по систематизации несказочной прозы. В этой связи он называет Будапештское совещание Sagenkommission 1963 г. (стр. 66) — давая, правда, ссылку не на издание его трудов, а на стр. 115—116 книги В. Е. Гусева «Эстетика фольклора» (Л., 1967). «Через год, — пишет затем А. И. Лазарев, — на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов, внутрижанровая система преданий и легенд была той же комиссией рассмотрена вновь и, по сравнению с ранее принятой, несколько изменена в сторону упрощения и большей стройности» (стр. 66). К этой фразе дана ссылка: «Arbeitsresultat der Sonderkommission der International Society for Folk-Narrative Research. AE, t. XIII, S. 131». К сожалению, по такой ссылке получить «Arbeitsresultat» нельзя. Для этого нужно выписать «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XIII, fasc. 1—4, Budapest, 1964. Но указание автора неверно и по существу: «Arbeitsresultat», составленный в 1963 г., не содержит и не может содержать поправок, предложенных в 1964 г. группой ученых на VII МКАЭН. Сведения А. И. Лазарева основаны на небрежно истолкованном содержании стр. 116 книги В. Е. Гусева, где и находится в точно таком же виде приведенная выше сноска (но в конце этой книги, в отличие от книги А. И. Лазарева, есть список условных сокращений, а сама ссылка у В. Е. Гусева относится не туда, куда ее отнес ошибочно А. И. Лазарев). На приведенной В. Е. Гусевым цитате из принятого Будапештским совещанием документа и базируется критическая оценка А. И. Лазаревым результатов этого совещания. В действительности же они занимают целый том, большая часть которого имеет самое прямое отношение к выполнению тех задач, которые спустя шесть лет поставил перед собой А. И. Лазарев. Столь же важны были бы для него и не названные в книге В. Е. Гусева, но тоже находящиеся в наших библиотечках труды международных совещаний 1959, 1962 и 1966 гг.

«Мы согласны, — пишет А. И. Лазарев, — с исследователями, которые придерживаются принципа разделения прозаических жанров фольклора на художественные и нехудожественные, однако не можем принять их безоговорочного отнесения преданий, равно как легенд и сказов, к произведениям, выполняющим только „социально-бытовые функции“» (стр. 66). К этой фразе дается ссылка, в которой названы две работы. Первая из них выглядит так: «К. В. Чистов. К вопросу о принципах классификации жанров устной прозы. — В кн.: VII Международный конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1964, стр. 5.» Такой книги не существует. Доклад К. В. Чистова был напечатан в 1964 г. отдельной брошюрой. В ней есть термин «социально-бытовые функции», но нет отнесения (а тем более — безоговорочного) преданий, легенд и сказов к произведениям, выполняющим только такие функции, равно как и деления

фольклорных жанров (а не отдельных текстов) на «художественные» и «нехудожественные». Нет этого и во второй работе, названной А. И. Лазаревым. Несомненно, что и здесь автор основал свои суждения не на самих работах, а на весьма вольно истолкованных им кратких высказываниях В. Е. Гусева (ср. в книге последнего стр. 118, где есть даже текстуальное совпадение с приведенной выше фразой А. И. Лазарева: «придерживаясь принципа разделения прозаических жанров фольклора на художественные и нехудожественные»). В. Е. Гусев как раз здесь и ссылается на эти же две работы (указывая те же страницы их, что и А. И. Лазарев), причем надзаголовочные данные брошюры К. В. Чистова взяты у В. Е. Гусева почему-то в кавычки; это и позволило, очевидно, А. И. Лазареву заключить, будто «Междунар. конгр. антропол. и этнограф. наук» — название книги, содержащей текст доклада К. В. Чистова. Другие недавние советские работы, еще ближе относящиеся к теме А. И. Лазарева, но не рассматриваемые на этих страницах книги В. Е. Гусева, не известны и книге А. И. Лазарева.

Сочетание недостаточной осведомленности с энергичным натиском приводит обычно к тому, что автор в своих теоретических экскурсах ломится в открытые двери и воюет с ветряными мельницами, либо затемняет выясненные уже вопросы. Необходимо знать литературу по своей теме, быть точным в передаче чужих мнений и фактических данных, давать верные ссылки. Нельзя ставить чью-либо работу между собой и источником, высказывать от своего имени утверждения, не основанные на собственном изучении того, о чем пишешь. Нельзя думать, будто актуальностью темы оправдывается «облегченность» исследовательского уровня, надеяться, что редакции и издательства всякий раз станут поправлять не только стиль автора, но и ошибки, вызванные небрежным отношением к работе над источниками. Тем более — если небрежность не уменьшается, а растет. Хочется посоветовать А. И. Лазареву усовершенствовать свою методику.

Возвращаясь к книге В. К. Соколовой, необходимо добавить, что некоторые из рассматриваемых ею тематических циклов русских преданий изучены в целом уже до такой степени, когда целесообразно приступать к подготовке сводных изданий. С этой точки зрения большой интерес представляет опыт работы над капитальным изданием трех тематических циклов, которое только что завершено эстонскими фольклористами.

С. Н. Азбелев

Eesti muistendid Hiiu- ja vägilasmuistendid. I. E. Laugaste, E. Normann. Muistendid Kalevipojast. Tallinn, 1959, 669 стр.; II. E. Laugaste, E. Liiv, E. Normann. Muistendid Suurest Tõllist ja teistest. 1963, 466 стр.; III. E. Laugaste, E. Liiv. Muistendid Vanapaganast. 1970, 606 стр. (Tartu riiklik Ülikool, Eesti NSV Teadiste akademia, Fr. R. Kreutzwaldi nimeline Kirjandusmuuseum).

Это монументальное издание эстонских преданий о великанах и богатырях объединено в трех томах по тематическому признаку, а именно: первый том посвящен преданиям об эстонском богатыре Калевипоеге, второй том состоит из преданий о Большом Тылле и других богатырях, а третий — о Ванасагане. Перед нами полный свод эстонских преданий данной тематики. В издании опубликованы все записи, относящиеся к этим трем циклам, за исключением дублетов, а также фрагментарных текстов и малосодержательных отрывков, на которые имеются, однако, точные указания, позволяющие исследователю легко отыскать их в соответствующем архиве. Тексты записей передаются применительно к нынешней орфографии эстонского языка, но с сохранением их диалектных особенностей. Обусловленные современным правописанием изменения в разделении слов, введение современной пунктуации и т. п. необходимые редакционные изменения в текстах старых записей точно оговорены. Под каждым вариантом указываются его паспортные данные (место записи, собиратель, исполнитель, возраст исполнителя, год записи) и непременно — его полный архивный шифр или ссылка на печатный источник.

Все три тома имеют одинаковую, хорошо разработанную структуру. После предисловия, четко излагающего принципы издания, помещен полный перечень использованных при подготовке данного тома архивов, печатных изданий текстов и исследовательской литературы (с указанием принятых в дальнейшем сокращенных обозначений). Далее идет вступительная статья, затем сами тексты. Каждый том завершают комментарии, объяснительный словарь диалектных слов и четыре указателя: исполнителей, собирателей, прочих имен, географических названий. В последнем томе дается еще тематический указатель содержания опубликованных текстов ко всем трем томам.

Вступительные статьи освещают историю собирания и изучения преданий, содержат итоги этого изучения. В комментариях обстоятельно освещены отразившиеся в преданиях элементы древнего быта и мировоззрения. Все три книги богато иллюстрированы: всего в издании свыше 250 иллюстраций: фотографии валунов, озер, холмов, долин, замков и т. п., о которых говорится в преданиях, снимки со старинных гравюр и рисунков, с картин и скульптур, изображающих восточных богатырей, а также портреты исполнителей, собирателей и исследователей, снимки с их рукописей и изданий, наконец — карты мест записи. Каждый том снабжен подробным резюме и оглавлением на русском и на немецком языках.

Три тома содержат более тысячи двухсот типов преданий, большая часть которых помещена не в одном, а в нескольких, иногда — во многих вариантах. Кроме собственно преданий, опубликованы (во всех вариантах) сказки о персонажах этих циклов. Публикации собственно фольклористических записей преданий предпосланы в первых двух томах переиздания текстов, печатавшихся в составе научных работ и компиляций, источники которых, в виде самих записей, не сохранились.

Публикуемые типы преданий расположены по единообразной тематической системе. Например, первый раздел в каждом томе называется «Камни», так как в нем собраны предания о деятельности Калевипоэга, Большого Тыла и Ванасагана, связанной с камнями. Первая группа этого раздела — «Метание камней», которая, например, в третьем томе имеет такие подгруппы: состязания богатырей в метании, камень в вола, камень в поющего петуха, камень в ворона, камень в оленя, поссорившиеся великаны забрасывают друг друга камнями, камни в часовни и церкви, камень в помещичье имение или замок и т. д. Далее идут группы «Переноска камней», «Камни с отпечатками», «Превращенные в камень люди, предметы и животные», каждая из которых делится на подгруппы аналогичным образом. Следующий раздел каждого тома — «Формы земной поверхности» — состоит из преданий о возникновении с помощью богатыря гор, долин, островов и т. д. Третий раздел — «Народная этимология географических названий» объединяет в себе предания, в которых объясняется происхождение в связи с данным богатырем отдельных топонимов. Далее идут разделы преданий, посвященных постройкам богатыря, представлениям о его росте и силе, его домашней жизни, его взаимоотношениям с людьми, его борьбе с врагами, наконец — предания о его смерти и связанных с ней событиях. В каждом цикле от 9 до 12 таких разделов, подразделяющихся на группы и подгруппы. Можно, разумеется, оспаривать порядок расположения разделов, групп и подгрупп или даже самый принцип построения этой системы, но нельзя отказать ей в большой стройности и продуманности.

В заключение нам хочется выразить глубокую благодарность всем, кто принимал участие в подготовке этого капитального труда. Он свидетельствует о высоком научном уровне проделанной составителями работы, о их тонком вкусе и глубоком уважении к поэтическому творчеству своего народа.

В. В. Сенкевич-Гудкова

Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Отв. ред. Э. В. Померанцева. Изд. «Наука». Л., 1970, 447 стр. (АН СССР, Карельский филиал, Институт языка, литературы и истории).

Издание, подготовленное Д. М. Балашовым, включает материалы пяти экспедиций (1957—1964 гг.) Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Основную часть сборника составляют сказки, но помещены также былички и бывальщины, что «объясняется общими задачами предпринятой работы: представить в возможно более полном объеме и целостности устную народную художественную культуру Терского берега Белого моря» (стр. 3. — В 1969 г. вышел сборник «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря», подготовленный Д. М. Балашовым и Ю. Е. Красовской, планируется также сборник лирических песен Терского берега). Рецензируемое издание имеет большое научное значение: впервые опубликованы сказки, записанные в одном из интереснейших районов Севера, где со времен новгородской колонизации русская сказочная традиция взаимодействует с карельской и саамской.

В сборнике помещен 161 текст из 248 записанных участниками экспедиций (в основном — самим Д. М. Балашовым) и их корреспондентами. Такое количество сказок записано на Терском берегу впервые. (В 1933 г. в этом районе записывала сказки Н. П. Колпакова, но, к сожалению, ее записи остались, по-видимому, неизвестны составителю). Трудно судить, какой была сказочная традиция Терского района несколько

десятков лет назад, но поскольку по-соседству, на Карельском берегу Белого моря, исследователи зафиксировали ее среди всех слоев населения еще в 1933 г. (см. наблюдения А. М. Астаховой: СЭ, 1934, № 1—2, стр. 217—218), можно полагать, что не менее широко бытовала сказка и на Терском берегу. И теперь многие из записанных собирателями текстов отличаются художественным совершенством. Составитель сборника не ограничивается публикацией наиболее интересных записей по каждому сюжету, но и приводит особенно ценные в художественном отношении варианты.

Материал в сборнике расположен по селам, а внутри села — по исполнителям. Составитель придерживался принципов издания «Севернорусских сказок в записях А. И. Никифорова» (ПРФ, М.—Л., 1961), подготовленного В. Я. Проппом, а в передаче текста полевых записей руководствовался статьей В. Я. Проппа «Текстологическое редактирование записей фольклора» (РФ, т. I. М.—Л., 1956). Сопоставление публикации Д. М. Балашова с архивными оригиналами убеждает в большой точности передачи текста, сохранены все особенности народной лексики и синтаксиса. Сборнику предпослана содержательная статья Д. М. Балашова. В ней — очерк современного состояния сказочной традиции района, живо написанные портреты сказочников и характеристика материала сборника. Большим достоинством издания является опись всего собрания сказок (неточно названного коллекцией), причем на тексты, не вошедшие в сборник, даются краткие аннотации. В приложении помещены также словарь местных слов и выражений и указатель всех записанных сюжетов по системе Аарне — Андреева, отсылки к номерам которого даны и в самой описи при приведении полных паспортных данных каждого текста собрания. Имеется указатель исполнителей.

К сожалению, в описи отсутствуют точные архивные шифры текстов — как опубликованных в сборнике, так и аннотированных. Составителем сообщены номера коллекций собирателей в архиве ПИЯЛИ и рукописном отделе ИРЛИ, но не указаны единицы хранения. Между тем в коллекции Д. М. Балашова (Р. V, № 172), хранящейся в ИРЛИ, 615 единиц хранения, и чтобы найти один нужный текст, необходимо просмотреть все. Более того, читатель, заинтересовавшийся аннотированной, но не опубликованной в издании записью Д. М. Балашова (или его корреспондента) и пожелавший познакомиться с полным текстом, поставлен в затруднительное положение: собрание записей Д. М. Балашова хранится в двух архивах, а точных ссылок на архив аннотированные тексты не имеют.

Несмотря на эти недостатки, сборник «Сказки Терского берега Белого моря» представляет собой ценное издание.

А. Н. Мартынова

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

(МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ)

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

Предлагаемый обзор содержит сведения о избранных исследовательских разысканиях, посвященных прозаическим жанрам русского фольклора и появившихся в советской печати на русском языке за 1966—1969 гг.

Материал, расположенный по алфавиту, делится на три раздела: 1) Сказки; 2) Предания, легенды, рассказы; 3) Сказочники. Работы каждого автора приведены в хронологическом порядке. Полное библиографическое описание сборников статей дается лишь при первом упоминании книги. Библиография завершается указателем имен.

С к а з к и

1. Аникин В. Волшебная сказка «Царевна-лягушка». — В кн.: Фольклор как искусство слова. [Сб. статей. Вып. 1]. М., Изд-во МГУ, 1966, стр. 19—49.
2. Аникин В. П. Искусство психологического изображения в сказках о животных. — В кн.: Фольклор как искусство слова. Сб. статей под ред. Н. И. Кравцова. Вып. 2. Психологическое изображение в русском народном поэтическом творчестве. М., Изд-во МГУ, стр. 36—56.
3. Барг Л. Г. О взаимодействии русской и нерусской сказочных традиций в современных условиях. — В кн.: Современный русский фольклор. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 169—186. (АН СССР. ИЭ).
4. Барг Л. Г. Взаимосвязи и национальное своеобразие восточнославянских народных сказок. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. М., 1968, 34 стр. (АН СССР. ИЭ).
5. Барг Л. Г. Об особенностях украинской сказочной героики сравнительно с белорусской и русской. — В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. РФ, XI. М.—Л., изд-во «Наука», 1968, стр. 159—176. (АН СССР. ИРЛИ).
6. Барг Л. Г. Восточнославянские сказки, их взаимосвязи и национальное своеобразие. — В кн.: Эпические жанры устного творчества. Уфа, 1969, стр. 75—290. (УЗ Башкирского гос. ун-ва. 40-летия Октября).
7. Богатырев П. Г. Изображение переживаний действующих лиц в русской народной волшебной сказке. — В кн.: Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969, стр. 57—67.
8. Вавилова М. А. История развития сюжета сказки о попе и козлиной шкуре. — В кн.: Вопросы жанра и стиля. Под ред. В. В. Гура. Вологда, 1967, стр. 182—206. (УЗ Вологодского гос. пед. инст., т. 31. (Филологический)).
9. Вавилова М. А. К вопросу о классификации сказок. — УЗ Вологодского гос. пед. инст., 1967, т. 36. Сб. работ аспирантов, вып. I, стр. 104—114.
10. Вавилова М. А. Внутрижанровые разновидности сказки о верной жене. — В кн.: Уроки жанра. Вологда, 1969, стр. 76—89. (УЗ Ленинградского гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 367).
11. Вавилова М. А. Жанрово-поэтическая эволюция авантюрной сказки о ловком воре. — В кн.: Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII научно-теоретич. и метод. конференции, организуемой кафедрой русской литературы (29—31 мая 1969 г.). Под общ. ред. А. И. Ревякина. М., 1969, стр. 40—42. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).

12. Вавилова М. А. Процесс циклизации сказок о ловком воре XVIII в. — В кн.: Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах. Метод и мастерство. Тезисы докладов II Межвуз. научн. конференции литературоведов. Май 1969 г. Вологда, 1969, стр. 14—17. (Вологодский гос. пед. инст.).
13. Вавилова М. А. Принципы выделения сказочных жанров. — Уч. зап. Вологодского гос. пед. инст., 1969, т. 39, стр. 166—181.
14. Валентайне В. Роль пейзажей в русских волшебных сказках. — В кн.: Вильнюсский гос. унив. им. В. Капсукаса. Тезисы докладов XXI студенч. научн. конференции. Филология и история. Вильнюс, 1968, стр. 29—30.
15. Ведерникова Н. М. Контаминация в волшебной сказке. — В кн.: Филология. М., Изд-во МГУ, 1969, стр. 40—53.
16. Ведерникова Н. М. Мотив и сюжет в волшебной сказке. — В кн.: Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII научно-теоретич. и метод. конференции, организуемой кафедрой русской лит. М., 1969, стр. 42—43.
17. Громов П. Т. Из истории сказочного сюжета «Беспечальный монастырь. (Царь и аббат)». — УЗ Дальневосточного гос. унив., 1968, т. XXII, стр. 17—28.
18. Давлетов К. С. Фольклор как вид искусства. Отв. ред. Л. И. Емельянов. М., изд-во «Наука», 1966. 365 стр. (АН СССР. ИМЛИ).
Стр. 128—178: Сказка.
Рецензии: Новикова А. М. — РЛ, 1967, № 2, стр. 179—181; Гадагаль А. — Адыгейская правда, 1967, 29 апреля, № 85; Гадагаль А. М. Ценные исследования по фольклору. — УЗ Адыгейского научно-исслед. инст. яз., лит. и истории. Майкоп, 1968, № 7. Лит. и фольклор, стр. 157—160; Климова Л. Н. Новое исследование о специфике фольклора. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (8). Львов, Изд-во Львовского унив., 1968, стр. 125—129. (Межведомственный республ. сб.).
19. Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада. Главн. ред. М. Б. Храпченко. М., изд-во «Наука», 1967, стр. 283—289. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз.).
Сравнит. рассмотрение сказки об Аленушке.
20. Кайев А. А. Сказки. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Под ред. А. М. Новиковой и А. В. Кокорева. Допущено Мин-вом высш. и средн. спец. образования в качестве учебн. пособия для студентов пед. инст. М., изд-во «Высш. школа», 1969, стр. 155—204.
21. Каргаполов Н. А. О художественном своеобразии русской бытовой сатирической сказки. — Научн. труды Новосибирского гос. пед. инст., 1969, вып. 22, стр. 218—232.
22. Карнаухова И. «Главное — раскрыть смысл...». — Детская литература, 1966, № 7, стр. 10—12.
Заметки о нар. сказке. С примеч. Е. Калмановского.
23. Кравцов Н. И. Искусство психологического изображения в русском народном поэтическом творчестве. — В кн.: Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969, стр. 5—35.
Стр. 15—17: анализ сказок.
24. Кравцов Н. И. Система жанров русского фольклора. Доклад на заседании научного совета по фольклору (ноябрь 1969 г.). М., 1969. 44 стр. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Научн. совет по фольклору). (Ротапринт).
Стр. 24, 25, 34—39: связь сказок с другими жанрами фольклора.
25. Круглов Ю. Г. Из наблюдений над бытованием сказок на Севере. (По материалам одной экспедиции). — Вестник МГУ. Филология, 1968, № 3, стр. 70—74.
26. Кузнецова М. Н. Из наблюдений над варьированием сказки о случайном отгадчике в русском фольклоре. — УЗ Пермского гос. пед. инст., 1967, т. 47 (вып. 2), стр. 89—93.
27. Кузьмина В. Д. Вопросы сравнительно-исторического изучения сюжета в восточнославянской и южнославянской литературной и устной традиции. (Невинногонимая безрукая падчерица). — В кн.: Славянские литературы. VI Междунар. съезд славистов. (Прага, август 1968). Доклады сов. делегации. М., изд-во «Наука», 1968, стр. 166—186. (АН СССР. Сов. комитет славистов).
Сравнит. рассмотрение русских, укр., болг. и серб. сказок.

28. **Лихачев Д. С.** Внутренний мир художественного произведения. — ВЛ, 1968, № 8, стр. 74—87.
Стр. 79—83: анализ русской сказки.
29. **Мелетинский Е. М.** О структурно-морфологическом анализе сказки. — В кн.: Тартуский гос. унив. Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам. 16—26 августа 1966. Тарту, 1966, стр. 37—40.
30. **Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С. и Сегал Д. М.** Проблемы структурного описания волшебной сказки. — УЗ Тартуского гос. унив., 1969, вып. 236. Труды по знаковым системам, № 4, стр. 86—135.
31. **Молдавский Д. М.** Русская народная сатира. Л., изд-во «Просвещение», 1967. 247 стр.
Стр. 21—104: Сатирическая сказка.
Рецензия: Протасова М. — Звезда, 1968, № 10, стр. 219—220; Филипповский Н. «Оружие любимейшего род. . .». — В мире книг, 1968, № 11, стр. 38; Соловьева Е. Народная сатира — от прошлого до наших дней. — Нева, 1969, № 1, стр. 190—191.
32. **Морохин В. Н.** Методика собирания фольклорных произведений. Горький, 1968. 36 стр. (Горьковский гос. унив. им. Н. И. Лобачевского).
Стр. 29—31: методика записи сказок, устных рассказов, преданий и легенд.
33. **Неклюдов С. Ю.** Пространственно-временная система в сюжетосложении былины и сказки. — В кн.: Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII научно-теоретич. и метод. конференции, организуемой кафедрой русской лит. М., 1969, стр. 39—40.
34. **Новиков Н. В.** К проблеме сказочного сборника. — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. Отв. ред. Б. Н. Путилов. М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 72—101. (АН СССР. ИРЛИ).
35. **Новиков Н. В.** О специфике образа в восточнославянской сказке. (Кашей Бесмертный). — В кн.: Специфика фольклорных жанров. РФ, X. М.—Л., 1966, стр. 149—175.
36. **Новиков Н. В.** Образы русской и болгарской волшебной-фантастической сказки. — В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. РФ, XI. М.—Л., 1968, стр. 140—158.
37. **Подольный Р.** Сказка — ложь? — Знание — сила, 1968, № 1, стр. 36—39.
Анализ ист. корней русских волшебных сказок.
38. **Померанцева Э. В.** Мифологические персонажи в русской бытовой сказке. — В кн.: Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе. Метод и мастерство. Тезисы докладов II Межвуз. научн. конференции литературоведов. Май 1969 г. Вологда, 1969, стр. 14.
39. **Померанцева Э. В.** Сказки. — В кн.: П. Г. Богатырев, В. Е. Гусев и др. Русское народное творчество. Допущено Мин-вом высш. и средн. образования СССР в качестве учебн. пособия для студентов гос. унив. и пед. инст. М., изд-во «Вышш. школа», 1966, стр. 137—173.
40. **Пропп В. Я.** [Классификация народной прозы]. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва, 3—10 августа 1964 г. Т. VI. М., изд-во «Наука», 1969, стр. 428—435.
41. **Пропп В. Я.** Морфология сказки. Изд. 2-е. М., изд-во «Наука», 1969. 168 стр. (АН СССР. Исследования по фольклору и мифологии Востока).
Стр. 5—6: От редколлегии; стр. 7—8: Предисловие; стр. 9—22: К истории вопроса; стр. 23—28: Метод и материал; стр. 29—60: Функция действующих лиц; стр. 61—64: Ассимиляции. Случаи двойного морфологического значения одной функции; стр. 65—71: Некоторые другие элементы сказки; стр. 72—75: Распределение функций по действующим лицам; стр. 76—78: Способы включения в ход действия новых лиц; стр. 79—82: Об атрибутах действующих лиц и их значениях; стр. 83—105: Сказка как целое; стр. 106: Заключение; стр. 107—133: Приложения; стр. 134—166: Е. М. Мелетинский. Структурно-типологическое изучение сказки.
Рецензия: Харитонов М. Как сложили сказку. — Знание — сила, 1970, № 2, стр. 47.
42. **Рощину Н.** Традиционные формулы сказки. (На материале румынского и восточнославянского фольклора). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1967. 27 стр. (МГУ).
43. **Росцнус Ю. А.** все-таки из космоса. — Знание — сила, 1969, № 3, стр. 44—45.
Связь персонажей русских сказок с космическими пришельцами.

44. Савушкина Н. И. Изображение внутреннего мира человека в русской социально-бытовой сказке.— В кн.: Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969, стр. 68—84.
45. Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце. (На материале русских сказок).— Труды по знаковым системам, III. Тарту, 1967, стр. 81—99. (УЗ Тартуского гос. унив., вып. 198).
46. Тудоровская Е. А. К вопросу о воздействии старинной литературы на русскую народную сказку.— ТОДРЛ, XXIV. Литература и обществ. мысль Древней Руси. К 80-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Л., изд-во «Наука», 1969, стр. 293—295.
47. Чистов К. В. [Классификация народной прозы].— Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва, 3—10 августа 1964 г. Т. VI. М., изд-во «Наука», 1969, стр. 391—395.
Дискуссия: Е. М. Мелетинский, Л. Г. Бараг, В. П. Аникин, С. Н. Азбелев, В. А. Василенко, В. П. Кругляшова, А. И. Лазарев. Там же, стр. 407—412, 421—427, 455—457.
48. Элиасов Л. Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1969. 175 стр.
Стр. 98—136: Прозаические фольклорные жанры семейских.

Предания, легенды, рассказы

49. Азбелев С. Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд.— В кн.: Специфика фольклорных жанров. РФ, X. М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 176—195. (АН СССР. ИРЛИ).
50. Азбелев С. Н. Куликовская битва в славянском фольклоре.— В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. РФ, XI. М.—Л., 1968, стр. 78—101.
Анализ преданий.
51. Азбелев С. Н. Устное героическое сказание и историческая реальность.— В кн.: Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах. Метод и мастерство. Тезисы докладов II Межвуз. научн. конференции литературоведов. Вологда, 1969, стр. 6—8.
52. Азбелев С. Н. Фольклор восточных и южных славян о Куликовской битве.— В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV Межвуз. научн. конференции историков-славистов. Минск, 1969, стр. 632—638. (Мин-во высш. и средн. спец. образования СССР. Мин-во высш. и средн. спец. образования БССР. Белорусский гос. университет им. В. И. Ленина. АН СССР. Инст. славяноведения).
Анализ преданий.
53. Аникин В. П. Предание.— КЛЭ, т. 5. М., 1968, стлб. 956—957.
54. Ахметшин Б. Г. Предания, легенды и другие устные рассказы горнозаводской Башкирии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Уфа, 1968. 24 стр. (Башкирский гос. унив. им. 40-летия Октября).
55. Бараг Л. Г. Народные устные рассказы о горнозаводской Башкирии эпохи пугачевского восстания.— В кн.: Народ и революция в литературе и устном творчестве. Уфа, Башкирское кн. изд-во, 1967, стр. 231—252. (Башкирский гос. унив. им. 40-летия Октября).
56. Блажес В. В. Уральские предания о Ермаке.— УЗ Свердловского гос. пед. инст. и Нижнетагильского гос. пед. инст., 1969, сб. 107, стр. 171—188.
57. Бондарева Е. С. Антифеодалные мотивы в песнях и сказах казаков-некрасовцев.— В кн.: Ленинградский гос. пед. инст. им. А. И. Герцена. II Межвуз. студенч. научн. филол. конференция. Кратк. содержание докладов. Л., 1969, 137—139.
58. Василенко В. А. и Лазарев А. И. Устные рассказы [эпохи построения социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму].— В кн.: Русское народное творчество. Под ред. А. М. Новиковой и А. В. Кокорева. Допущено... в качестве учебного пособия. М., 1969, стр. 468—472 и 486—488.
59. Васильев А. Эпическая обработка предания о Дивин-озере.— В кн.: Сборник студенческих работ. Вып. V. Материалы межвузовской фольклорно-диалектол. студенч. конференции (10—12 апреля 1967 года). Вологда, 1967, стр. 28—32. (Вологодский гос. пед. инст.).
По материалам Новгородской обл.
60. Ганалаян А. Т. О жанровых особенностях народных преданий.— Вестник Ереванского унив., 1968, 2 (5). Обществ. науки, стр. 88 (резюме на русском яз.).

61. Град Китеж — исследование легенды. — Лит. газета, 1968, 27 ноября, № 48, стр. 12.

Выяснение реальн. условий создания и возникновения легенды о граде Китеже.

62. Гряднева Л. Сюжеты преданий о Ермаке. — В кн.: Сб. студенч. работ. Вып. V. Материалы межвуз. фольклорно-диалектол. студенч. конференции. Вологда, 1967, стр. 20—27.

Анализ сибирских и уральских вариантов.

63. Гряднева Л. Н. Дореволюционные сказы рабочих Урала. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Л., 1968. 19 стр. (ЛГУ).

64. Гряднева Л. Н. Фантастические сказы рабочих Урала. — УЗ Московского гос. заочн. пед. инст., 1968, вып. 20, стр. 25—44.

65. Гряднева Л. Н. Новые записи преданий на Урале. — В кн.: Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII научно-теоретич. и метод. конференции, организуемой кафедрой русской лит. М., 1969, стр. 48—49.

66. Гряднева Л. Н. Героические предания уральских рабочих о Пугачеве. — УЗ Свердловского гос. пед. инст. и Нижнетагильского гос. пед. инст., 1969, сб. 107, стр. 158—170.

67. Державина О. А. Китежская легенда. — КЛЭ, т. 3. М., 1966, стлб. 577—578.

68. Искова Л. Легенды и микротопонимика Свенты. — В кн.: Ленинградский гос. пед. инст. им. А. И. Герцена. Межвузовск. студенч. научн. конференция по лингвистике. Кратк. содержание докладов. Л., 1968, стр. 48—49.

Обзор русских легенд совхоза «Даугава» Латв. ССР.

69. Комовская Н. Д. Народный рассказ Великой Отечественной войны. — В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, стр. 153—168.

70. Лазарев А. И. О жанровой природе устного сказа. — В кн.: Вопросы истории и теории литературы. Вып. II. Челябинск, 1966, стр. 140—156. (Челябинский гос. пед. инст.).

71. Лазарев А. И. Урало-сибирские предания и легенды о Ермаке. — В кн.: Вопросы истории и теории литературы. Вып. IV. Челябинск, 1968, стр. 150—174. (Челябинский гос. пед. инст.).

72. Лазарев А. И. Жанровые разновидности преданий. — В кн.: Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах. Метод и мастерство. Тезисы докладов II межвуз. научн. конференции литературоведов. Вологда, 1969, стр. 10—11.

73. Лазарев А. И. Поэзия топонимических преданий. — В кн.: Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII научно-теоретич. и метод. конференции, организуемой кафедрой русской лит. М., 1969, стр. 49—50.

74. Михайлова Н. Сказ о братьях Венгеровых. — В кн.: Фольклор как искусство слова. М., 1966, стр. 140—159.

75. Пименов В. В. Чудские предания как источник по этнокультурной истории Европейского Севера СССР. — СЭ, 1968, № 4, стр. 30—42.

76. Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов. (Прага, 1968). Доклады сов. делегации. М., изд-во «Наука», 1968, стр. 274—292. (АН СССР. Инст. славяноведения).

77. Померанцева Э. В. Международная конференция по изучению устной прозы [Либлице, сентябрь 1966 г.]. — СЭ, 1967, № 4, стр. 162—165.

78. Савушкина Н. И. Прибаутка. — КЛЭ, т. 5. М., 1968, стлб. 971.

79. Савушкина Н. И. Устная народная проза в поморских селах Беломорского р-на в 1968 г. — В кн.: Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII научно-теоретич. и метод. конференции, организуемой кафедрой русской лит. М., 1969, стр. 50—51.

80. Савушкина Н. И. Китеж — была ли сказка? Легенды и факты. — Наука и религия, 1969, № 6, стр. 61—65.

То же. — Горьковская правда, 1969, 6 июля, № 156; 8 июля, № 157; 9 июля, № 158.

81. Савушкина Н. И., Богданова Е. Ю., Юдина Н. Б. и Юхневич М. Ю. Новые записи легенды о граде Китеже. — Вестник МГУ. Филология, 1969, № 3, стр. 78—83.

82. Сарайкин И. А. Крестьянская война 1773—1775 гг. и ее отражение в народном поэтическом творчестве Урала. — Краеведч. зап. Челябинского обл. краеведч. музея, 1969, вып. 2, стр. 37—58.
Стр. 39—46: анализ преданий и легенд о Пугачеве.
83. Селявская А. П. Эстетика слова. — В кн.: Всесибирская научная конференция по эстетике фольклора (5—10 июля 1968 г.). Тезисы докладов. Отв. ред. Л. Е. Элиасов и А. И. Уланов. Улан-Удэ, 1968, стр. 17—19. (АН СССР. Сибирское отд-ние. Бурятский фил. Инст. обществ. наук).
Анализ рассказов.
84. Смирнов Д. Легенды и жизнь. (Уголок краеведа). — Горьковский рабочий, 1968, 29 августа, № 203.
Обзор нижегородских легенд.
85. Соколова В. К. О некоторых типах исторических преданий. (К проблеме их жанрово-своеобразия). — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международн. съезд славистов. М., 1968, стр. 248—273.
86. Соколова В. К. Исторические предания и действительность. (К вопросу о степени и характере их реализма). — В кн.: Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе. Метод и мастерство. Тезисы докладов II межвуз. научн. конференции литературоведов. Вологда, 1969, стр. 8—10.
87. Тумилевич Т. И. Антифеодалные мотивы в донских преданиях о Ермаке. — В кн.: Литература Советского Дона. Ред. Г. А. Червяченко. Ростов н/Д, 1969, стр. 267—283. (Ростовский-на-Дону гос. пед. инст.).
88. Тумилевич Ф. В. Донской эпос о Степане Разине. — В кн.: Литература Советского Дона. Ростов н/Д, 1969, стр. 284—322.
Анализ преданий и легенд.
89. Черкашин Н. Сказитель. — Знание — сила, 1969, № 1, стр. 34.
Бытование в Вологодской обл. предания о постройке Кирилловского монастыря.
90. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Л., 1966. 26 стр. (АН СССР. ИЭ).
91. Чистов К. В. Легенда. — КЛЭ, т. 4. М., 1967, стлб. 90—91.
92. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. Отв. ред. В. К. Соколова, М., изд-во «Наука», 1967. 341 стр. (АН СССР. ИЭ).
Стр. 3—23: Введение; стр. 24—236: Легенды о «возвращающемся избавителе» [царевиче Дмитрие, И. И. Болотникове, С. Т. Разине, царевиче Алексее Алексеевиче, Петре I, царевиче Алексее Петровиче, Петре II, Иване Антоновиче, Петре III, Е. И. Пугачеве, Константине]; стр. 237—326; Легенды о «далеких землях»; стр. 327—340: Заключение.
Рецензии: Лихачев Д. С. Впервые изучается в монографии... — ВЛ, 1968, № 6, стр. 213—215; Еремина С. Живой образ «мнения народного». — Дружба народов, 1968, № 12, стр. 270—271; Пропп В. Я. — СЭ, 1969, № 2, стр. 141—143; Базанов В. Г. «Хождение в народ» и книги для народа (1873—1875). — В кн.: Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. Л., изд-во «Наука», 1970, стр. 55—67.
93. Чистов К. В. Поисках избавления. — Наука и религия, 1968, № 4, стр. 51—59.
Истоки возникновения в России соц.-утопич. преданий и легенд.
94. Чистов К. В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд. (Методологические вопросы). — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов. М., 1968, стр. 318—335.
95. Чистов К. В. Мессии крепостной России. — Наука и религия, 1969, № 4, стр. 53—59.
Русские нар. легенды об «избавителях».
96. Шарашова М. К. Иван-да-Марья. Легенды о цветах. — Русская речь, 1967, № 5, стр. 63—64.
97. Шептаев Л. С. Сказы о Степане Разине XIX века. — В кн.: Историко-литературный сборник. (Исследования и материалы). Л., 1966, стр. 294—358. (УЗ Ленинградского гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 275).
98. Шептаев Л. С. Народные песни и повествования о Степане Разине в их историческом развитии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук. Л., 1969. 39 стр. (Ленинградский гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Стр. 25—33: Народные повествования о Разине в XVIII—XIX веках.
99. Шолок Э. Град Китеж... — Молодая гвардия, 1968, № 12, стр. 180—181.
Обзор преданий и легенд.

100. Элиасов Л. Е. Предания Восточной Сибири. — В кн.: Л. Е. Элиасов. Байкальские предания. Фолькл. записи. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1966, стр. 3—39.
Рецензия: Найдаков В. Предания старины глубокой. — Байкал, 1967, № 4, стр. 135; Воскобойников М. Книга, созданная народом. — Сибирские огни, 1967, № 7, стр. 181.
101. Элиасов Л. Е. Русское народное поэтическое творчество Прибайкалья. — В кн.: Русский фольклор Прибайкалья. Общ. ред. и вступ. статья Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1968, стр. 5—72. (АН СССР. Сибирское отделение. Бурят. фил. Бурятский инст. обществ. наук).
Стр. 16—23, 59, 60, 65: обзор сказок, преданий и устных рассказов.
102. Ярневский И. З. Устный рассказ как жанр фольклора. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Улан-Удэ, 1966. 22 стр. (Томский гос. унив. им. В. В. Куйбышева).
103. Ярневский И. З. Устный рассказ как жанр фольклора. Отв. ред. Л. Е. Элиасов. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1969. 231 стр. (АН СССР. Сибирское отделение. Бурятский фил. Бурятский инст. обществ. наук).
Стр. 3—7: Введение; стр. 8—79: Собрание и изучение устных рассказов; стр. 80—135: Устный рассказ как жанр фольклора; стр. 136—205: Виды устных рассказов и их тематическая характеристика; стр. 206—220: Использование устных рассказов в художественной литературе; стр. 221—222: Заключение; стр. 223—230: Список использованной литературы. [Анализ рассказов о декабристах, Пугачеве, М. В. Фрунзе, рассказов о Великой Отеч. войне].
Рецензия: Кретов А. Утверждение жанра. — Правда Бурятии, 1970, 20 марта, № 66.

Сказочники

104. Акаемов Ю. Великий сказитель Сибири. Юбилейная сессия ученых, посвященная 100-летию со дня рождения Е. И. Сороковикова-Магая. — Правда Бурятии, 1968, 5 апреля, № 81.
105. Арефьева Р. П. Художественные образы героев советских сказок Магая. — В кн.: Всесибирская научная конференция по эстетике фольклора. Улан-Удэ, 1968, стр. 60—62.
106. Арефьева Р. П. Художественные образы положительных героев советских сказок Магая. — В кн.: Эстетические особенности фольклора. Улан-Удэ, 1969, стр. 217—226.
107. Изряднова Н. М. Кенозерские сказочники. (К вопросу о традиции). — Вестник МГУ. Филология, 1968, № 1, стр. 81—86.
108. Катков Н. Сказки Старой Тойды. — В мире книг, 1967, № 10, стр. 30—31.
Обзор творчества А. Н. Корольковой.
109. Коровкина И. Об А. С. Кожемякиной и ее сказках. — В кн.: Сказки Омской области. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. Ред. Н. А. Каргаполов. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968, стр. 5—10.
110. Мадасон И. Сказочник из народа [Е. И. Сороковиков-Магай]. — Байкал, 1968, № 3, стр. 148—149.
111. Макашина Т. С. Современная севернорусская сказочница А. М. Мелехова. — В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, стр. 78—94.
Рецензия: Лазутин С. Г. — СЭ, 1967, № 5, стр. 196—197.
112. Мамонтов В. Ф. Заповедных сказок хранитель. [М. А. Сказкин]. — Лит. Россия, 1967, 14 апреля, № 16, стр. 15.
113. Мудрости крупницы. — Лит. Россия, 1967, 7 апреля, № 15, стр. 2.
К 75-летию А. Н. Корольковой.
114. Николаевский А. Нет, не умерла сказка. — Смена, Л., 1967, 23 июля, № 171.
Обзор творчества Е. И. Моревой из бухты Ольга.
115. Пиккиев И. Карельские сказочники. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1966, 25 января, № 20.
Перечень исполнителей, от которых были записаны сказки экспедицией МГУ.
116. Померанцева Э. В. Конашков Ф. А. — КЛЭ, т. 3. М., 1966, стлб. 696—697.
117. Померанцева Э. В. Коргуев М. М. — КЛЭ, т. 3. М., 1966, стлб. 731.
118. Померанцева Э. В. Королькова А. Н. — КЛЭ, т. 3. М., 1966, стлб. 757—758.
119. Померанцева Э. В. Новопольцев А. К. — КЛЭ, т. 5. 1968, стлб. 320.

120. Померанцева Э. В. Сказочница А. Н. Королькова. — В кн.: Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. Составитель и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., изд-во «Наука», 1969, стр. 3—24. (АН СССР. ИЭ).
Рецензия: Колесни́цкая И. М. — СЭ, 1970, № 3, стр. 190.
121. Разумневич И. Сказки бабушки Павлы. — Сельская жизнь, 1968, 7 августа, № 183. Сказочница П. В. Миккова из Кемского р-на Карельской АССР.
122. Самойлов Н. Сказки и сказочники. — Псковская правда, 1967, 16 июля, № 165. Обзор творчества совр. сказочников Псковщины — И. Д. Богатырева, С. И. Богатырева и др.
123. Сахарова Т. Сказочник Тарногского района А. И. Едемский [Вологодская обл.]. — В кн.: Сб. студенч. работ. Вып. V. Материалы межвуз. фольклорно-диалектол. студенч. конференции. Вологда, 1967, стр. 57—60.
124. Смирнова М. Жизнь, прожитая не зря. — Сов. культура, 1968, 7 марта, № 29. Обзор творчества А. Н. Корольковой.
125. Тарасова Е. Ключ от сказки. — Работница, 1968, № 2, стр. 22—23. Обзор творчества А. Н. Корольковой.
126. Шастина Е. И. Сказки А. А. Дерягина. — В кн.: Очерки русской и зарубежной литературы. Иркутск, 1968, стр. 76—95. (УЗ Иркутского гос. пед. инст., вып. XXXIII. Серия филологическая).
127. Шастина Е. И. О некоторых особенностях этического в современной волшебной сказке. — В кн.: Эстетические особенности фольклора. Редколлегия Л. Е. Элиасов, В. Е. Гусев, М. Г. Воскобойников, В. М. Сидельников, А. И. Уланов и Л. А. Соловьева (секретарь редколлегии). Улан-Удэ, 1969, стр. 51—63. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурятский фил. Бурятский инст. обществ. наук).
128. Элиасов Л. Е. Мудрость Магая. — Правда Бурятии, 1968, 7 февраля, № 32. К 100-летию со дня рождения Е. И. Сороковикова-Магая.
129. Элиасов Л. Чародей сибирской сказки [Е. И. Сороковиков-Магай]. — Байкал, 1968, № 3, стр. 147—148.
130. Элиасов Л. Жизнь и творчество Магая. — В кн.: Сказки и предания Магая. Записи Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1968, стр. 3—67.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адрианова-Перетц В. П. 46
 Азбелев С. Н. 47, 49—52
 Акаемов Ю. 104
 Алексей Алексеевич, царевич 92
 Алексей Петрович, царевич 92
 Аникин В. П. 1, 2, 47, 53
 Арефьева Р. П. 105, 106
 Ахметшин Б. Г. 54

Базанов В. Г. 92
 Бараг Л. Г. 3—6, 47, 55
 Блажес В. В. 56
 Богатырев И. Д. 122
 Богатырев П. Г. 7, 39
 Богатырев С. И. 122
 Богданова Е. Ю. 81
 Болотников И. И. 92
 Бондарева Е. С. 57
 Вавилова М. А. 8—13
 Валентайта В. 14
 Василенко В. А. 47, 58
 Васильев А. Г. 59
 Ведерникова Н. М. 15, 16, 107
 Воскобойников М. Г. 100, 127

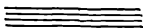
Гадагатль А. М. 18
 Ганалания А. Т. 60
 Гряднева Л. Н. 62—66
 Громов П. Т. 17

Гура В. В. 8
 Гусев В. Е. 39, 127
 Давлетов К. С. 18
 Державина О. А. 67
 Дерягин А. А. 126
 Дмитрий, царевич 92
 Едемский А. И. 123
 Емельянов Л. И. 18
 Еремина С. 92
 Ермак Тимофеевич 56, 62, 71, 87

Жирмунский В. М. 19
 Иван Антонович, царевич 92
 Изряднова Н. М. см. Ведерникова Н. М.
 Искрова Л. 68

Кайев А. А. 20
 Калмановский Е. Е. 22
 Каргаполов Н. А. 21, 109
 Карнаухова И. В. 22
 Катков Н. 108
 Климкова Л. Н. 18
 Кожемякина А. С. 109
 Кокорев А. В. 20, 58
 Колесни́цкая И. М. 120
 Комовская Н. Д. 69
 Конашков Ф. А. 116
 Конрад Н. И. 19

- Константин, князь 92
 Коргуев М. М. 117
 Коровкин И. С. 109
 Королькова А. Н. 108, 113, 118, 120, 124, 125
 Кравцов Н. И. 2, 23, 24
 Кретов А. И. 103
 Круглов Ю. Г. 25
 Кругляшова В. П. 47
 Кузнецова М. Н. 26
 Кузьмина В. Д. 27

 Лазарев А. И. 47, 58, 70—73
 Лазутин С. Г. 111
 Лихачев Д. С. 28, 92

 Мадасон И. Н. 110
 Макашина Т. С. 111
 Мамонтов В. Ф. 112
 Мелетинский Е. М. 29, 30, 41, 47
 Мелехова А. М. 111
 Миккова П. В. 121
 Михайлова Н. 74
 Молдавский Д. М. 31
 Морева Е. И. 114
 Морохин В. Н. 32

 Найдаков В. 100
 Неклюдов С. Ю. 30, 33
 Николаевский А. 114
 Новик Е. С. 30
 Новиков Н. В. 34—36
 Новикова А. М. 18, 20, 58
 Новопольцев А. К. 119

 Петр I 92
 Петр II 92
 Петр III 92
 Пиккиев И. А. 115
 Пименов В. В. 75
 Подольный Р. 37
 Померанцева Э. В. 3, 38, 39, 76, 77, 116—120
 Пропп В. Я. 40, 41, 92
 Протасова М. 31
 Пугачев Е. И. 66, 82, 92, 103

 Разин С. Т. 88, 92, 97, 98
 Разумневич И. 121

 Ревякин А. И. 11
 Росциус Ю. 43
 Рошняну Н. 42

 Савушкина Н. И. 44, 78—81
 Самойлов Н. 122
 Сарайкин И. А. 82
 Сахарова Т. 123
 Сегал Д. М. 30
 Селявская А. П. 83
 Сидельников В. М. 127
 Сказкин М. А. 112
 Смирнов Д. 84
 Смирнова М. 124
 Соколова В. К. 85, 86, 92
 Соловьева Е. 31
 Соловьева Л. А. 127
 Сорокинов-Магай Е. И. 104—106, 110, 128—130

 Тарасова Е. 125
 Топоров В. Н. 45
 Тудоровская Е. А. 46
 Тумилевич Т. И. 87
 Тумилевич Ф. В. 88
 Уланов А. И. 83, 127

 Филипповский Н. 31
 Фрунзе М. В. 103

 Харитонов М. 41
 Храпченко М. Б. 19

 Червяченко Г. А. 87
 Черкашин Н. 89
 Чистов К. В. 47, 90—95

 Шарашова М. К. 96
 Шастина Е. И. 126, 127
 Шептаев Л. С. 97, 98
 Шолок Э. 99

 Элиасов Л. Е. 48, 83, 100, 101, 103, 127—130

 Юдина Н. Б. 81
 Юхневич М. Ю. 81

 Ярневский И. Э. 102, 103

ZUSAMMENFASSUNGEN

W. P. Anikin. *Künstlerisches Schaffen in nicht-märchenhaften Prosagenres*. (Beitrag zur allgemeinen Problemstellung). Der Begriff der mündlichen Volksprosa umfaßt Gattungen, die hinsichtlich ihrer gnoseologischen Herkunft von höchst unterschiedlichem Charakter sind. Alle Märchenarten gehören zweifellos in den Bereich des Schöpferischen. In den Sagen und Wirklichkeitserzählungen haben die soziologischen und naturwissenschaftlichen (im engeren Sinne des Wortes) Ideen des Volkes in größtem Ausmaß ihren Ausdruck gefunden. Dies sind die beiden Gattungen, die als Bereich des positiven Wissens über Natur und Gesellschaft gelten können. Legenden und Legendenähnliche Erzählungen sind als zur Sphäre des Religiösen Bewußtseins gehörig anzusehen, die aber durch Hinzukommen naturkundlicher und soziologisch-historischer Begriffe eine Komplizierung erfahren haben. Von diesen drei Arten des gesellschaftlichen Bewußtseins ist jeweils die eine oder die andere, d. h. das künstlerische, das naturkundlich-soziologische oder das religiöse Bewußtsein, in verschiedenen Genres vorherrschend; gerade dadurch wird die Zugehörigkeit des betreffenden mündlichen Prosagenres zu einer der Formen des geistigen Volksschaffens bestimmt. Die Erkenntnis dieser Zugehörigkeit bildet notwendigerweise die Grundlage bei der Erörterung des Charakters und Umfanges des künstlerischen Elements in nicht-märchenhaften Genres. Dank ihrem Wesen, d. h. ihrer Funktion im Leben birgt jedes Genre die Möglichkeit zum Aufkommen unbewußter künstlerischer Tätigkeit im Rahmen des Genres, zugleich werden dieser Tätigkeit eben dadurch Schranken gesetzt.

I. M. Kolrussnitskaja. *Russische Sagen und Legenden in Veröffentlichungen der 60—70er Jahre des XIX Jhs*. Große Aufmerksamkeit wurde in Rußland in diesen Jahrzehnten der Folklore als historischer Quelle geschenkt. Eine Übersicht der Sagen, die damals in den Zeitschriften der Hauptstadt und der Provinz veröffentlicht wurden, läßt eine Reihe von thematischen Gruppen feststellen. Zur ersten Gruppe gehören die ältesten Sagen, in denen die Kämpfe der einheimischen Bevölkerung mit allerlei Riesen und Recken, deren Herkunft nicht näher bestimmt ist, behandelt werden, sowie die Zusammenstöße der letzteren miteinander. Die zweite Gruppe bilden die Sagen über die «Panen», in denen die Erinnerungen an den Kampf des russischen Volkes gegen die polnische und schwedische Intervention des XVII—XVIII Jhs. nachklingen. Die beiden erstgenannten Sagengruppen sind hauptsächlich in den nördlichen Gegenden Rußlands lokalisiert. Am meisten verbreitet sind die Sagen über die Bauernbeschützer — über die «Verwegenen», von denen manche nur in einem engeren Umkreis bekannt sind, während andere Anführer großer Volksbewegungen waren (Rasin, Pugatschew). Es gibt auch Sagen über verborgene Schätze, die mit ihren Namen in Verbindung gesetzt werden. Ihr Verbreitungsareal bilden hauptsächlich die Ackerbauggebiete Rußlands. Ohne Schwierigkeiten läßt sich auch die Gruppe von Sagen, die von Staatsmännern handelt, feststellen. Der erzählerische Charakter all dieser Sagengruppen ist unterschiedlich: das phantastische Element ist jeweils in verschiedenem Grad enthalten, indem es in den älteren Sagen ausgesprochen vorherrschend ist, und in der Sagen über die Staatsmänner des XVIII Jhs. allmählich schwindet. Es lassen sich auch Erzählungen mit einer mehr oder minder ausgeprägten Kollision aussondern. Verschieden ist auch die stilistische Gestaltung der Sagen.

Ju. I. Smirnow. *Die Sage von Rachta von Ragnoséro (AA*967) nach neuen Angaben*. In vorliegendem Beitrag werden fast 70 russische Varianten des Typus AA*967 angeführt, darunter 36 neue Niederschriften. Sie sind im Onega-Gebiet, an der Pudoga und am Onega Fluß gesammelt. Ihrer geographischen Zugehörigkeit, dem Namen des Helden und dessen anderen Merkmalen nach, sowie nach den verschiedenen Interpretierungen einiger Motive durch den Erzähler werden diese Varianten in fünf Fassungen geteilt. Ihr Vergleich mit ähnlichen Sagen — die Sage vom Kontschak bei den Russen an der Letni-(Sommer-)Küste des Weißen Meeres, der Sagen von namenlosen Helden der Saami und Karelén, der Sage vom Jirkap, Tunnyr-Jak, Schipitscha, Pera u. a. bei den Syrjan-Komi und Perm-Komi, vom Kyrk-atar und Sjaik-Patal bei den Baschkiren — ließ den Verfasser

darauf schließen, daß die russischen Fassungen ein von der früheren Bevölkerung übernommenes Erbe sind. Die unterschiedlichen Fassungen weisen darauf hin, daß in diesen nördlichen Gegenden früher ein ethnisches Nebeneinander herrschte; die Fassungen lassen sich nicht auf eine gemeinsame Quelle zurückführen, besonders ist es unmöglich, ihren gemeinsamen Ursprung bei der Wes-Völkerschaft suchen zu wollen, denn nichts weist darauf hin, daß diese Völkerschaft hier früher gelebt hätte. Es wird nachdrücklich betont, daß die Sagen von Rachta nicht den karelischen, sondern den syrjaner und permjaker Sagen am nächsten verwandt sind. Sich auf gleichartige süd-slawische epischen Lieder berufend, meint der Verfasser, daß diese Assimilation des finnisch-ugrischen Sujets durch die russische Bevölkerung möglicherweise nicht nur auf die Assimilation der ehemaligen Bevölkerung zurückzuführen ist, sondern darauf, daß sie ihre eigenen analogen Sujets vergaßen und das Vergessene durch eine Entlehnung zu ersetzen suchten.

N. I. Sawuschkina. *Die Legende von der Stadt Kitesch in alten und neuen Niederschriften*. Es wird der Inhaltsbestand dieser Legende und seine Wandlungen im Laufe von mehr als einem Jahrhundert behandelt. Der die Legende bildende Motivkomplex ist meistens nicht in seinem vollen Umfange, sondern als Verbindung einer bestimmten Anzahl von Motiven oder sogar als einzelnes Motiv (Augenzeugenbericht) vertreten. Der Bestand und die Verbindung der Motive ist durch den Kern der Legende — durch die Vorstellung von der Ortsbezogenheit der Stadt Kitesch bestimmt. Im vorliegenden Beitrag werden verschiedene Abwandlungen dieser Vorstellungen erwähnt, sowie die Abarten der «Gerüchte» und «Visionen», durch die das Vorhandensein Kiteschs belegt wird — wie z. B. Zusammentreffen mit dessen Einwohnern u. a. m. Durch die um die «unsichtbare Stadt» entstandenen religiösen Kultur ist die Kitesch-Legende im Volksbewußtsein unlösbar mit den mannigfaltigen Berichten über die wunderbaren Eigenschaften und Besonderheiten des Sees Swetlojar und seiner Umgebungen in Verbindung gesetzt worden. Der Bestand der Legende hat eine Evolution durchlaufen, die für ihr Zerfall bezeichnend ist. Die historischpatriotischen Ideen sind allmählich in den Vordergrund getreten (das Vorherrschen der Sage). Religiöse «Visionen» und Wunder aber sind jetzt in den Bereich der Vergangenheit verwiesen, ihre Wahrhaftigkeit wird bezweifelt oder geleugnet. Der rätselhafte Ursprung des Sees und seine natürlichen Eigenschaften bildet heutzutage den Grund zur Entstehung neuer Erzählungen.

S. N. Asbelew. *Die Sage über die Hilfeleistung der Nowgoroder dem Dmitrij Donskoj*. Hier wird ein Werk untersucht dessen Aufzeichnungen und überarbeitete Fassungen in einer Reihe mittelalterlicher Manuskripte erhalten sind. Die Sage berichtet, daß die Nowgoroder im Jahre 1380 dem Dmitrij Donskoj ein Heer geschickt haben, um seine Armee zu unterstützen, die dann die Tataren auf dem Kulikower Feld geschlagen hat. Verschiedene Fassungen der Sage werden im Hinblick auf ihr genetisches Verhältnis zueinander untersucht. Die ursprüngliche Fassung ist in einer Abschrift erhalten, die wahrscheinlich aus dem XV Jh. stammt, und in der die Eigentümlichkeiten des mündlichen Originals ohne weiteres nachweisbar sind. In der Geschichtsforschung pflegte man anzunehmen, daß diese Sage erfunden ist. Durch einen Vergleich von Zeugnissen der nowgoroder und moskauer Chroniken, verschiedener Urkunden und anderer mittelalterlicher russischer Quellen, sowie deutscher Chroniken jener Zeit wurde festgestellt, daß die Sage auf wirklicher historischer Tatsachen beruht, die dann ihre Interpretation durch das Volksschaffen erfahren haben. Die Sage entstand als polemische Antwort auf die Interpretation dieser Tatsachen durch die höfischen Kreise Moskaus. Der Streit zwischen Nowgorod und Moskau, sowie das Bestreben Nowgorods, den Rest seiner Selbständigkeit zu wahren, förderte das aktive Fortbestehen dieser Sage. Die Sage verschwand aus dem mündlichen Repertoire, nachdem Nowgorod endgültig seiner ehemaligen Bedeutung verlustig geworden war und nach dem Aufkommen der gedruckten «Erzählung von der Mamaj-Schlacht».

A. F. Nekrylowa. *Sagen und Legenden, in denen die Ereignisse der Kriege der Epoche Peters I ihren Ausdruck gefunden haben*. Die Epoche Peters I. ist in der russischen Folklore reichlich und mannigfaltig vertreten. Der vorliegende Beitrag behandelt nur diejenigen Werke der Volksprosadichtung, die den Ereignissen aus der Zeit des ersten russischen Imperators gewidmet sind, also nur einen Teil derselben, der irgendwie mit den Kriegen in Zusammenhang steht, die Ende des XVII — Anfang des XVIII Jhs stattfanden. Meistens sind es Sagen und Legenden, manchmal Augenzeugenberichte und Märchen. Die Analyse dieses Materials läßt darauf schließen, daß das Verhalten des Volkes zum Krieg, zum Feind, zur militärischen Reform Peters I., zum Zaren selbst sich verschiedentlich gestaltet hatte. Das Widerspruchsvolle und Komplizierte, das das Volk in seiner Bewertung derselben zur Schau legt, wird vom Verfasser durch verschiedene Faktoren erklärt: durch die Widersprüchlichkeit der Epoche, durch Besonderheiten des Genres, durch die Persönlichkeit des Erzählers u. dgl. Es wird auch auf Züge hingewiesen, die der ganzem dem Kriegsthema gewidmeten Volksprosadichtung jener Periode der russischen Geschichte gemeinsam sind.

M. P. Tscherednikowa. *Über die Quellen von N. S. Leskows Legende «Der Gaukler Pamphalon»*. Der «Gaukler Pamphalon» (1887) gehört zu den Legenden, in denen

Leskow die dem «Prolog» entnommenen Heiligenlegenden als Stoff verwendet. Die altrussische Legende ist aber durchaus nicht die einzige Quelle seiner Erzählung. In einem Brief an den Redakteur der Zeitschrift «Istoritscheskij Westnik» an Schubinskij schreibt Leskow anlässlich des Sujets des «Gauklers Pamphalon»: «Woher das stammt, werden Sie nicht herausbekommen, bis wir es ihnen selber sagen». Die Analyse von Leskows Legende zeigt eindeutig, daß Motive aus russischen Volkslegenden von dem Schriftsteller als Quelle für sein Werk benutzt wurden. Darauf ist auch die Tatsache zurückzuführen, daß im Gegensatz zu christlichen Heiligenlegenden die an sich teleologische Fabel des «Gauklers Pamphalon» einen lebensbejahenden Charakter erhält. Dergleichen Umarbeitungen der Vitae im Sinne der Volkspoesie wurden von der geistlichen kirchlichen Zensur entschieden verpönt. Um sich dem Zorne der «allerheiligsten» Synode nicht auszusetzen, hat N. S. Leskow über die Hauptquelle seiner Legende nichts ausgesagt.

A. W. Gontscharowa. *Mündliche Erzählungen aus der Zeit des Großen Vaterländischen Krieges*. Analysiert werden die im Kalininer Gebiet 1947—1949 und 1965—1969 aufgezeichneten Erzählungen. Der Vergleich dieses Erzählgutes mit einigen Dokumentarquellen (amtliche Urkunden, Tagebuchaufzeichnungen, Zeitungsmeldungen) läßt auf den Zusammenhang der mündlichen Erzählungen mit der volkstümlichen Überlieferung schließen. Das Memorat erhält poetische Züge: Übertreibungen, Hyperbolisierung, beschreibende und lyrische Einlagen. Der Vortrag wird vom Erzähler durch ausdrucksvolle Mimik, Bewegungen, emotionelle Ausrufe begleitet. Das vergleichsmäßige Heranziehen gleichartiger Erscheinungen bei anderen Völkern macht es möglich, auch weitere Merkmale der mündlichen Erzählungen aufzudecken. Durch Auswahl der Tatsachen, und ihre nachträgliche Wahl, die beim Wiederholen der Erzählung stattfindet, kommt es zur Herausbildung ständiger Bilder und Situationen, zum Entstehen eines festen Kompositions- oder Sujetschemas, die zu bleibenden Elementen werden. Zweifellos gehört die mündliche Erzählung in den Forschungsbereich der Folkloristen, es ist aber auch nicht außer acht zu lassen, daß die bloßen Memorata und Chroniknotizen das poetische Element nur als Keim enthalten. Sie geben uns ein Beispiel der erzählerischen Tätigkeit, die an der Grenze von Kunst und Wirklichkeit liegt.

L. G. Barag. *Beitrag zu den jüngsten Niederschriften mündlicher Volkserzählungen*. Bei solchen Erzählungen, die im Laufe eines ungezwungenen Gesprächs entstehen, liegt das Interesse in der Auswahl und in der ausdrucksvollen Behandlung von charakteristischen Tatsachen, Details und Elementen der dichterischen Erfindung. Auf Grund der realen Lebenswirklichkeit unter Mitwirkung von Gerücht und Gerede entstanden, und mit neuen Motiven bereichert, erleben einige solcher mündlichen Erzählungen eine Umwandlung zu Legenden, Märchen, Anekdoten. Jedoch sind einige dieser Stegreiferzählungen, etwa diejenigen, die eine Art Memoire darstellen, in bezug auf ihre ästhetische Wirkung und den Ideengehalt nicht weniger beachtungswert, als die Werke der traditionellen Volksdichtung. Zwischen den auf Wirklichkeit beruhenden mündlichen Erzählungen und den traditionellen Gattungen der mündlichen Volkspoesie besteht eine gegenseitige Annäherung. Oft wird ein überlieferter Märchenstoff als eine konkret lokalisierte Tatsache des gegenwärtigen Lebens dargeboten oder als Sage weiterentwickelt. Die schöpferisch produktive Wechselwirkung zwischen der zeitgenössischen mündlichen Erzählung und dem Märchen tritt, wie aus dem Schicksal einzelner Stoffe ersichtlich wird, aus dem Rahmen eines gegebenen nationalen Milieus hinaus und erstreckt sich auf mehrere Zeitperioden.

Je. A. Tudorowskaja. *Zur Struktur des Zaubermärchens*. Die Verfasserin berücksichtigt die von W. Ja. Propp in seiner Untersuchung «Die Morphologie des Märchens» aufgestellten Grundsätze der Analyse. Aber das von ihm aufgestellte Kompositionsschema des Märchens hält sie für formal: es ist unberechtigt, alle «Gänge» der Märchenhandlung ohne Rücksicht auf den Ideengehalt des Märchens als gleichbedeutend anzusehen. Deshalb schlägt die Verfasserin vor, die Struktur des Märchens im Zusammenhang mit dem Hauptkonflikt zu betrachten (wie es von der Verfasserin in ihrem Artikel «Zur Klassifikation des Zaubermärchens» bereits zum Ausdruck gebracht worden war). Dann lassen sich alle übrigen Episoden auf den Hauptkonflikt und dessen Entwicklung beziehen, und das Sujet des Märchens stellt sich dann aus folgenden 8 Episoden zusammen: die einleitende Episode (die das Einsetzen des Konflikts vorbereitet), die Erlangung des wundertätigen Helfers (als nächste Episode), der Hauptkonflikt; seine Entwicklung: die eigeschobene Episode (meistens archaischer oder heroischer Art); die entscheidende Tat des Helden; zusätzliche Episode (noch eine Schadenstiftung gegen den Helden); die Auflösung des Knotens (weitere Schicksale der handelnden Personen). Die Vergleichende Analyse der Märchensujets in ihrer historischen Entwicklung und nationalen Eigenart wird erst durch die eingehende Definition der Märchenstruktur ermöglicht.

N. M. Wedernikowa. *Kontamination als Kunstgriff im Zaubermärchen*. Gegenstand der Betrachtung ist die Kontamination als Kunstmittel im russischen Zaubermärchen. Das schöpferische Wesen der Kontamination ist darauf zurückzuführen, daß der Märchener-

zähler seine Vortragskunst zur Geltung zu bringen trachtet, das Märchen länger gestalten möchte, den überkommenen Stoff zu variieren sucht. Kontaminationen sind dort beliebt, wo sie dem Geschmack der Hörerschaft entgegenkommen. Auch Märchen, die durch schöpferische Kontamination entstanden sind, können später, im Laufe der Zeit in die Tradition eingehen. Die Kontamination erfolgt auf Grund von thematischer Verwandtschaft der zu verbindenden Stoffe. Im vorliegenden Beitrag wird die thematische Kontamination zweier Stoffe AA 300 B+301 A angeführt. An diesem Beispiel werden die für diese Erscheinung charakteristischen Züge verfolgt: Verschmelzung der Helden, Einheit der Handlung, betontes Hervorheben des dominierenden Stoffes. Es wird festgestellt, daß das durch Kontamination entstandene Märchen je nach dem Inhalt und der Aussage der zu verknüpfenden Stoffe eine Reihe von Besonderheiten erhält. Das wird an Hand der Analyse der Kontamination von AA 301 A+302 bestätigt.

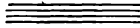
W. W. Mitrofanowa. *Das Volksmärchen vom Jorsch (Kaulbarsch) Jerschowitsch und die entsprechende handschriftliche Erzählung.* Den Forschern der altrussischen Literatur sind vier Fassungen dieser Erzählung bekannt. In der mündlichen Überlieferung bestehen verschiedene Märchen vom Jorsch, deren Fassungen selten übereinstimmen, es entsteht jedesmal ein neues, eigenartiges Märchen, in dem aber immer ein unlegbarer Zusammenhang mit der in der Handschrift erhaltenen Erzählung nachweisbar ist. Der mündlichen Überlieferung ist zweifellos die vierte Fassung der handschriftlichen Erzählung am nächsten, doch es besteht kein Grund anzunehmen, daß diese Fassung dem Märchen zu Grunde liegt. Möglicherweise haben sich die Erzähler und Dichter der mündlichen Fassungen wiederholt der alten Fassungen der handschriftlichen Erzählung bedient. Das Lubok-Blatt mit Bild und Text kann manchmal Mittler zwischen der mündlichen und schriftlichen Überlieferung gewesen sein, doch nicht in jedem Fall. Die Erzählung vom Jorsch, die in der II Hälfte des XIX Jhs. mehrmals in billigen Volksbüchern veröffentlicht wurde, hat mit der handschriftlichen Erzählung ebenso wie mit den mündlichen Märchen nichts gemein. In der mündlichen Überlieferung entstand ein Märchen, dessen Komik und Ideengehalt den Tiermärchen nahe steht, dabei ist die soziale Schärfe der Erzählung abgeschwächt. Außer den mit der handschriftlichen Erzählung eng verbundenen Varianten, in denen das Erzählungsschema der handschriftlichen Erzählung beibehalten wird, gab es in der mündlichen Überlieferung auch Märchen vom Gaukler-Typus, über deren Inhalt aber sich keine bestimmte Aussage machen läßt, da ihre Niederschriften mangelhaft sind.

A. I. Lazarew. *Märchen im Bergarbeitermilieu des Urals.* Über das Bestehen von Märchengut unter den Bergarbeitern des Urals wird von der Mitte des XIX Jhs. an berichtet. Dem Stoff nach sind es traditionelle (Bauern-) Märchen. In diesen Märchen ist der unlegbare Einfluss des lokalen Alltagslebens an manchen erzählerischen Details spürbar, die wesentlichen Merkmale sind dadurch nicht beeinträchtigt. Es gibt jedoch einige aus der Zeit vor der Oktoberrevolution stammende Niederschriften, die Märchen von Meistern darstellen, und die im Ural auf Grundlage der traditionellen Märchen entstanden sind. Die geringe Zahl solcher Niederschriften erklärt sich dadurch, daß die Märchensammler solchen von der Tradition abweichenden Märchen weniger Aufmerksamkeit schenkten. Außerdem waren vor der Oktoberrevolution die Verhältnisse für das Sammeln von Märchen, die revolutionären Stimmungen Ausdruck verliehen, ungünstig. Derartige Niederschriften wurden hier erst nach dem Sieg der Oktoberrevolution in größerer Anzahl gemacht. Unter den neuen Niederschriften gibt es Texte, die eine selbständige Dichtung des Erzählers darstellen, und die man nur bedingt zu den eigentlichen Märchen rechnen kann. Es handelt sich in diesem Fall um eine solche Abwandlung des Märchengenres, die als einzigartige Erscheinung in der traditionellen Folklore dastelt.

Z. I. Wlasowa. *Zum Studium der Poetik der mündlichen Beschwörungsformeln.* Der Verfasser befaßt sich mit einer Auswahl von Beschwörungsformeln, die sich durch Kürze auszeichnen und in der Regel als mündliche Überlieferung bestehen. Dem Inhalt nach gleichen sie den schriftlichen Beschwörungen, doch in der Komposition weichen sie von den letzteren bedeutend ab: die einleitende Gebetsformel fehlt, die Anfangsformel ist kürzer gehalten, die bekräftigenden Wendungen werden fallengelassen. Die mündlichen Beschwörungen von epischem Inhalt behalten ihre Traditionsmotive und formeln. Der Text der mündlichen Beschwörungen ist rhythmisiert und gereimt. Mündliche und schriftliche Beschwörungen weisen eine Verbundenheit mit anderen Folkloregenres auf: die «prissuschkii» benutzen die Form und die bildlichen Wendungen des lyrischen Liedes, in anderen Fällen lassen sich entweder bildliche Wendungen der Bylinen oder eine Ähnlichkeit mit Rätseln und Sprichwörtern nachweisen. Im Laufe der Zeit verwandeln sich viele mündlichen Beschwörungen in gebräuchliche Redewendungen des Alltags und gehen in die Kinderfolklore ein, was für die historische Unvermeidlichkeit des Unterganges dieses Genres spricht.

D. I. Raskin. *Russische Sprichwörter als Widerspiegelung der historischen Entwicklung der Ideologie des Bauerntums.* Die Sprichwörter werden im vorliegenden Aufsatz

als Widerspiegelung der Entwicklung des sozialen Bewußtseins des Bauerntums behandelt. Es wird eine Analyse- und Analyse-methode vorgeschlagen, die die Wandlung thematischer Sprichwörtergruppen auf Grund des Vergleichs ihrer Niederschriften in zeitlich verschiedenen Sammlungen (handgeschriebene Sammlungen des XVII—XVIII Jhs. und die großen Sammelbände des XIX Jhs.), sowie auf Grund eines Vergleichs mit ausländischem Sprichwörtergut verfolgt. Aus dieser Analyse ergibt sich, daß konkrete Vorstellungen vom Antagonismus der Leibeigenen und der Feudalherren erst in den Sprichwörtern des XVIII—XIX Jhs. klar zum Ausdruck kommen, in älteren Sprichwörtern ist eine abstrakte Vorstellung von der feudalen Unterdrückung vorherrschend, die ihren Ausdruck in der Gegenüberstellung von reich—arm, gerecht—ungerecht findet. Das entspricht der ideologischen Entwicklungsstufe der aufständischen Bauern aus der Zeit der großen russischen Bauernkriege im XVII—XVIII Jh.

П Р И Н Я Т Ы Е   С О К Р А Щ Е Н И Я

АА АН СССР АГО АТ Аф. I—III БАН БСЭ ВЛ ГБЛ ГИМ ОПИ ГИМ ОР ГЛМ ГПБ ЖМНП ЖС ЗРГОпоОЭ ИМЛИ ИОЛЯ ИОРЯС ИпоРЯС ИРЛИ ИСЛЯ ИЭ Кир. I—X КЛЭ ЛГУ МГУ ОЛДП ОЛЕАЭ ПИЯЛИ ПДП ПРФ ПСРЛ РГО РЛ РС РФ	— Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. — Академия наук СССР. — Архив Географического общества СССР (Ленинград). — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Mächantypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thompson. (Folklore Fellows Communications № 184), Helsinki, 1964. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. М., 1957 (то же: 1958). — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград). — Большая советская энциклопедия. — Вопросы литературы. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва). — Государственный исторический музей (Москва), Отдел письменных источников. — Государственный Исторический музей (Москва), Отдел рукописей. — Государственный литературный музей (Москва). — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). — Журнал Министерства народного просвещения. — Живая старина. — Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва). — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. — Известия Академии наук по русскому языку и словесности. — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград). — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (Москва). — Песни, собранные В. П. Киреевским. М., вып. I, 1860; вып. II, 1861, вып. III, 1861; вып. IV, 1862; вып. V, 1863; вып. VI, 1864; вып. VII, 1868; вып. VIII, 1870; вып. IX, 1872; вып. X, 1874. — Краткая литературная энциклопедия. — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. — Общество любителей древней письменности. — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. — Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск). — Памятники древней письменности. — Памятники русского фольклора. — Полное собрание русских летописей. — Русское географическое общество. — Русская литература. — Русская старина. — Русский фольклор.

- Соб. I—VII — Великорусские народные песни. Изданы А. И. Соболевским, СПб., т. I, 1895; т. II, 1896; т. III, 1897; т. IV, 1898; т. V, 1899; т. VI, 1900; т. VII, 1902.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- СЭ — Советская этнография.
- ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.
- ТИЭНС — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, Новая серия.
- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
- ТЭООЛЕАЭ — Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
- УЗ — Ученые записки.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЭО — Этнографическое обозрение.
- FFC — Folklore Fellows Communications.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

1. В ежегодник «Русский фольклор» рукописи представляются в 3 экземплярах, напечатанными на машинке через два интервала. Подстрочные примечания должны быть также напечатаны через два интервала, помещаться внизу соответствующих страниц (а не в конце работы) и иметь сплошную нумерацию (а не постраничную).

2. Текст должен представляться в окончательном виде; все цитаты и ссылки должны быть тщательно выверены по первоисточникам (изменения в корректуре допускаются только в исключительных случаях: когда они продиктованы новыми данными в науке).

3. Если присылаемая рукопись является статьей, к ней должно быть приложено краткое резюме (от 10 до 20 строк машинописи).

4. Порядок библиографических ссылок на издания: фамилия и инициалы автора, название работы, название журнала или сборника (для статей), том или выпуск (для монографий и сборников), место издания, год, номер (для журналов), страница. При повторных ссылках на уже упомянутую работу выходные данные опускаются. При ссылках на сборники текстов данные о составителях и собирателях приводятся согласно титульному листу. Указание в ссылке номера текста (его следует помещать после года издания) не избавляет от необходимости указать затем страницу (либо номера строк), если данный текст занимает в сборнике более одной страницы и из него приводится цитата.

5. Порядок ссылок на рукописные материалы: название и местонахождение хранилища, название или номер разряда, название или номер фонда (коллекции, собрания), номер описи (если фонд имеет несколько описей), номер единицы хранения, номер листа. При необходимости в начале ссылки указываются автор, название работы, дата написания.

6. В библиографических ссылках следует придерживаться условных сокращений, помещенных выше. Все названия изданий, научных учреждений и обществ, не вошедшие в этот список, при первом упоминании должны приводиться полностью. При повторных упоминаниях не допускаются сокращения «ук. соч.» и сходные; могут употребляться сокращенное название работы и обозначение «там же».

7. Оформление иллюстраций. Фотографии представляются в двух экземплярах на глянцевой бумаге с накатом. Схемы, карты и ноты — в одном экземпляре, четко выполненном тушью. На обороте каждой иллюстрации карандашом указываются: фамилия автора статьи, ее название, порядковый номер иллюстрации (соответственно их упоминанию в тексте статьи). Должен быть приложен список иллюстраций, где приводятся их номера и тексты подписей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>В. П. Аникин</i> (Москва). Художественное творчество в жанрах несказочной прозы. (К общей постановке проблемы)	6
<i>И. М. Колесницкая</i> (Ленинград). Русские предания и легенды в публикациях 1860—1870-х годов	20
<i>Ю. И. Смирнов</i> (Москва). Предание о Рахте Рагнозерском (АА *967) по новым данным	40
<i>Н. И. Савушкина</i> (Москва). Легенда о граде Китеже в старых и новых записях	58
<i>С. Н. Азбелев</i> (Ленинград). Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому	77
<i>А. Ф. Некрылова</i> (Ленинград). Предания и легенды, отразившие военные события петровского времени	103
<i>М. П. Чередникова</i> (Ульяновск). Об источниках легенды Н. С. Лескова «Скорморох Памфалон»	111
<i>А. В. Гончарова</i> (Калинин). Устные рассказы Великой Отечественной войны	122
<i>Л. Г. Бараг</i> (Уфа). Об устных рассказах, записанных в последние годы	139
—	
<i>Е. А. Тудоровская</i> (Ленинград). О структуре волшебной сказки	148
<i>Н. М. Ведерникова</i> (Москва). Контаминация как творческий прием в волшебной сказке	160
<i>В. В. Митрофанова</i> (Ленинград). Народная сказка о Ерше и рукописная повесть о Ерше Ершовиче	166
<i>А. И. Лазарев</i> (Челябинск). Сказки в горнозаводской среде Урала	179
—	
<i>Э. И. Власова</i> (Ленинград). К изучению поэтики устных заговоров	194
<i>Д. И. Раскин</i> (Ленинград). Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии	202
СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ	
<i>В. Б. Вилинбахов</i> (Ленинград). Волх и Рюрик — патронимы преданий и легенд Новгородской земли	213
<i>А. А. Крупп</i> (Ленинград). Фольклорный материал в русской историографии начала XIX века	218
<i>Т. И. Тумилевич</i> (Ростов-на-Дону). Донские предания о Ермаке	224
<i>Л. Н. Гриднева</i> (Нижний Тагил). Новые записи уральских преданий	229
<i>М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова</i> (Ленинград). Фольклорная традиция в Мошенском районе Новгородской области	234
<i>Э. И. Власова, В. В. Коргузлов</i> (Ленинград). Устный репертуар и исполнители Хвойнинского района Новгородской области	238

PERSONALIA

Т. М. Акимова (к 70-летию со дня рождения) (В. К. Архангельская, Саратов)	242
Список основных работ Т. М. Акимовой в области фольклора (В. К. Архангельская)	245
А. В. Позднеев (к 80-летию со дня рождения) (В. Г. Смолицкий, Москва)	247
Список работ А. В. Позднеева в области фольклора (М. Я. Мельц, Ленинград)	249

Памяти В. Я. Проппа (1895—1970) (А. А. Горелов, Ленинград)	253
Список работ В. Я. Проппа за 1965—1971 гг. (Е. Я. Антипова-Пропп, М. Я. Мельц, Ленинград)	258
Памяти А. М. Астаховой (1886—1971). (М. Я. Мельц, В. В. Митрофанов, Ленинград)	260
Список работ А. М. Астаховой за 1968—1971 гг. (М. Я. Мельц)	265
О П. Н. Беркове как фольклористе (Н. Д. Кочеткова, Ленинград)	266

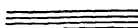
ХРОНИКА

Результаты экспедиций 1969 г. (Е. А. Ремезова, А. П. Разумова, М. Л. Маво, Э. И. Власова, В. В. Митрофанова, Н. М. Савельева, А. В. Гончарова, А. М. Новикова, В. К. Соколова, А. Ф. Некрылова, Н. И. Савушкина, В. Ф. Павлова, В. П. Круляшова, Л. Г. Баран, М. А. Ганина, И. В. Ефремов, Л. Н. Новоселова, А. П. Казаркин, Р. И. Колесникова, А. М. Короткина, А. М. Мехнецов, М. Б. Чернышева, Е. И. Шастина)	269
Русский фольклор на межвузовской конференции литературоведов (А. В. Позднеев, Москва)	276
Секция фольклора на конференции по русской литературе в Москве (А. В. Позднеев)	278

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

Обзор деятельности Международного общества исследователей народной прозы (International Society for Folk-Narrative Research) (В. Фойт, Будапешт)	281
Немецкие исследователи о русском фольклоре на страницах журнала «Zeitschrift für Slavistik» (1956—1969) (Т. П. Ден, Ленинград)	288
В. К. Соколова. Русские исторические предания; А. Лазарев. Предания рабочих Урала как художественное явление (С. Н. Азбелев, Ленинград)	291
Eesti muistendid. Hiin- ja vägilasmuistendid (В. В. Сенкевич-Гудкова, Петрозаводск)	293
Сказки Терского берега Белого моря (А. Н. Мартынова, Ленинград)	294
Прозаические жанры русского фольклора. (Материалы к библиографии). (М. Я. Мельц, Ленинград)	296

Резюме статей на немецком языке	305
Принятые сокращения	310
Вниманию авторов	312

INHALTSVERZEICHNIS

	S.
Vorwort	3.
A U F S Ä T Z E U N D A B H A N D L U N G E N	
<i>W. P. Anikin</i> (Moskau). Künstlerisches Schaffen in nicht-märchenhaften Prosagenres. (Zur allgemeinen Problemstellung)	6
<i>I. M. Kolesnitskaja</i> (Leningrad). Russische Sagen und Legenden in Veröffentlichungen der 60—70er Jahre des XIX Jhs.	20
<i>Ju. I. Smirnow</i> (Moskau). Die Sage von Rachta von Ragnosero (AA*967) nach neuen Angaben	40
<i>N. I. Sawuschkina</i> (Moskau). Die Legende von der Stadt Kitesch in alten und neuen Niederschriften	58
<i>S. N. Asbelew</i> (Leningrad). Die Sage über die Hilfeleistung der Nowgoroder dem Dmitrij Donskoj	77
<i>A. F. Nekrylowa</i> (Leningrad). Sagen und Legenden, in denen die Ereignisse der Kriege der Epoche Peters I ihren Ausdruck gefunden haben	103
<i>M. P. Tscherednikowa</i> (Uljanowsk). Über die Quellen von N. S. Leskows Legende «Der Gaukler Pamphalon»	111
<i>A. W. Gontscharowa</i> (Kalinin). Mündliche Erzählungen aus der Zeit des Großen Vaterländischen Krieges	122
<i>L. G. Barag</i> (Ufa). Beitrag zu den jüngsten Niederschriften mündlicher Volkserzählungen	139
—	
<i>Je. A. Tudorowskaja</i> (Leningrad). Zur Struktur des Zaubermärchens	148
<i>N. M. Wedernikowa</i> (Moskau). Kontamination als Kunstgriff im Zaubermärchen	160
<i>W. W. Mitrofanowa</i> (Leningrad). Das Volksmärchen vom Jorsch Jerschowitsch und die entsprechende handschriftliche Erzählung	166
<i>A. I. Lazarew</i> (Tscheljabinsk). Märchen im Bergarbeitermilieu des Urals	179
—	
<i>Z. I. Wlasowa</i> (Leningrad). Zum Studium der Poetik der mündlichen Beschwörungsformeln	194
<i>D. I. Raskin</i> (Leningrad). Russische Sprichwörter als Widerspiegelung der historischen Entwicklung der Ideologie des Bauerntums	202
B E R I C H T E U N D M I T T E I L U N G E N	
<i>W. B. Wilinbachow</i> (Leningrad). Wolch und Rürik — Patronymika in den Sagen und Legenden des Nowgoroder Landes	213
<i>A. A. Krupp</i> (Leningrad). Folklorische Stoffe in der russischen Geschichtsschreibung Anfang des XIX Jhs.	218
<i>T. I. Tumiljewitsch</i> (Rostov am Don). Die im Don-Gebiet verbreiteten Sagen von Jermak	224
<i>L. M. Gridnewa</i> (Nizhnij Tagil). Neue Niederschriften der Uraler Sagen	229
<i>M. A. Lobanow, W. W. Mitrofanowa</i> (Leningrad). Tradition des Volksschaffens im Moschensker Bezirk des Nowgoroder Gebiets	234
<i>Z. I. Wlasowa, W. W. Korguzalow</i> (Leningrad). Das mündliche Repertoire und die Erzähler des Chwojninsker Bezirk des Nowgoroder Gebiets	238

PERSONALIA

T. M. Akimowa (Anläßlich des 70sten Geburtstag). (<i>W. K. Archangelskaja</i> , Saratow)	242
Eine Liste der hauptsächlichsten Arbeiten von T. M. Akimowa auf dem Gebiet der Folklore (<i>W. K. Archangelskaja</i>)	245
A. W. Posdnejew (Anläßlich des 80sten Geburtstag) (<i>W. G. Šmolitzkij</i> , Moskau)	247
Eine Liste der Arbeiten von A. W. Posdnejew auf dem Gebiet der Folklore (<i>M. Ja. Melz</i> , Leningrad)	249

Zum Andenken an V. Ja. Propp (1895—1970) (<i>A. A. Gorelow</i> , Leningrad)	253
Schriftenverzeichnis von W. Ja. Propp bis 1965—1971. (<i>Je. Ja. Antipowa-Propp</i> , <i>M. Ja. Melz</i> , Leningrad)	258
Zum Andenken an A. M. Astachowa (1886—1971). (<i>M. Ja. Melz</i> , <i>W. W. Mitrofanowa</i> , Leningrad)	260
Schriftenverzeichnis von A. M. Astachowa bis 1968—1971. (<i>M. Ja. Melz</i>)	265
Über P. N. Berkow als Folkloreforscher. (<i>N. D. Kotschetkowa</i> , Leningrad)	266

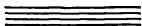
CHRONIK

Ergebnisse der Expeditionen des Jahres 1969 (<i>E. A. Remesowa</i> , <i>A. P. Rasumowa</i> , <i>M. L. Maso</i> , <i>Z. I. Wlasowa</i> , <i>W. W. Mitrofanowa</i> , <i>N. M. Saweljewa</i> , <i>A. W. Gontscharowa</i> , <i>A. M. Nowikowa</i> , <i>W. K. Sokolowa</i> , <i>A. F. Nekrylowa</i> , <i>N. I. Sawuschkina</i> , <i>W. F. Pawłowa</i> , <i>W. P. Krugljashowa</i> , <i>L. G. Barag</i> , <i>M. A. Ganina</i> , <i>I. W. Jefremow</i> , <i>L. N. Nowoselowa</i> , <i>A. P. Kazarkin</i> , <i>R. I. Kolesnikowa</i> , <i>A. M. Korokotina</i> , <i>A. M. Mechnetzow</i> , <i>M. B. Tschernyschewa</i> , <i>Je. I. Schastina</i>)	269
Russische Folklore auf der Hochschulkonferenz der Literaturwissenschaftler (<i>A. W. Posdnejew</i> , Moskau)	276
Sektion für Folkloristik auf der Konferenz für russische Literatur in Moskau (<i>A. W. Posdnejew</i>)	278

ÜBERSICHTEN. BESPRECHUNGEN. BIBLIOGRAPHIE

Übersicht über die der Wirksamkeit der International Society for Folk-Narrative Research (<i>V. Voigt</i> , Budapest)	281
Deutsche Forscher über russische Folklore in der «Zeitschrift für Slavistik» (1956—1969). (<i>T. P. Dehn</i> , Leningrad)	288
B. K. Соколова. Русские исторические предания; А. Лазарев. Предания рабочих Урала как художественное явление (<i>S. N. Asbelew</i> , Leningrad)	291
Eesti muistendid. Hiin- ja vägilasmuistendid (<i>W. W. Senkewisch-Gudkowa</i> , Petrozawodsk)	293
Сказки Терского берега Белого моря (<i>A. N. Martynowa</i> , Leningrad)	294
Prosaische Genres der russischen Folklore. (Beitrag zur Bibliographie) (<i>M. Ja. Melz</i> , Leningrad)	296

Deutsche Zusammenfassungen der Beiträge	305
Liste der Abkürzungen	310
Beim Zusenden von Beiträgen zu berücksichtigen	312

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страницы</i>	<i>Строки</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
6	8 снизу	В. и Ю. Соколовы	Б. и Ю. Соколовы
38	29 "	Богданская	Богдинская
66	14—15 сверху	рассказаны	рассказы
66	16 "	Один	Одни
108	19 снизу	по	то
133	15 сверху	телегах	телах
168	21 "	повествование к	повествование в
293	26 снизу	<i>Töllist</i>	<i>Töllust</i>
293	24 "	<i>Teadiste akademia</i>	<i>Teaduste akade- emia</i>